

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4562.2.1.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

9715/2

2530

2530

Вібл. Ч. 2. 52/945 с. 065 — 3530 Троиц.

Высокопреосвященнѣйшему и высокопочтенному профессору

КАРДИНАЛЪ ГОЗІЙ

Иванъ Ѳедоровичъ Тарновскій

и

ПОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ

его просвѣтительная дѣятельность

ЕГО ВРЕМЕНИ.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ ... АКАДЕМІИ

СОЧИНЕНІЕ

П. Жуковича.

16 сент. 1883 г.

С.Журн.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ѳ. Елисѣева и К°. Невск. пр., д. № 134.

1882.

Slav 5465.2.15

Печатать дозволяется, по опредѣленію Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, 28 Сентября 1881 г.

Ректоръ Академіи, Протоіерей *Іоаннъ Янышевъ*.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JAN 16 1975

74*2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Вмѣсто предисловія. Краткій очеркъ литературы предмета и общія замѣчанія о задачѣ и планѣ сочиненія . . . . . 1—17

ОТДѢЛЪ I.

Польская церковь при Сигизмундѣ I (1506—1548).

Первая глава. Составъ польской церкви. Способъ назначенія на іерархическія мѣста въ Польшѣ. Государственное и общественное значеніе католической іерархіи въ Польшѣ. Независимый духовный судъ. Экономическое положеніе духовенства въ Польшѣ. Свѣтскій характеръ и нравственная распущенность польскаго духовенства . . . . . 19—40

Вторая глава. Сословная вражда между духовенствомъ и дворянствомъ, прогрессивно возраставшая вмѣстѣ съ увеличеніемъ могущества польской шляхты. Проходящее чрезъ всю предыдущую исторію недовольство польскаго общества тогдашнимъ положеніемъ католической церкви, всего сильнѣе выразившееся въ распространеніи въ Польшѣ гуситства. Зарожденіе и постепенное усиленіе въ польскомъ обществѣ національнаго направленія, какъ естественной реакціи католическому универсализму. Эпоха реформаторскихъ соборовъ и возрожденія наукъ, какъ преддверіе къ эпохѣ реформаціи . . . . . 41—63

Третья глава. Появленіе и распространеніе реформаціонныхъ идей въ польской Пруссіи. Начало реформаціи въ Польшѣ. Отношеніе къ ней польскаго правительства и духовенства. Безуспѣшность мѣръ, принятыхъ тѣмъ и другимъ для противодѣйствія реформаціи и причины ея. Успѣхи реформаціи въ Польшѣ и Литвѣ къ концу царствованія Сигизмунда I. . . . . 63—86

Четвертая глава. Сфера распространенія реформаціонныхъ идей въ Польшѣ; непричастность къ реформаціи крестьянства. Характеръ проникшихъ въ Польшу и постепенно въ ней распространившихся реформаціонныхъ идей. Появленіе въ Польшѣ крайнихъ антитринитарскихъ ученій и ихъ вѣроятная связь съ ересью жидовствующихъ. Всеобщія ожиданія въ Польшѣ вселенскаго собора. Модржевскій, какъ выразитель желаній и чаяній польскаго общества; зарожденіе идеи національнаго собора для

СТРАН.

преобразованія польской церкви. Сенсація, произведенная незадолго до смерти Сигизмунда I въ польскомъ обществѣ ксендзомъ Оржеховскимъ. . . . . 86—107

Пятая глава. Дѣтство Станислава Гозія. Первоначальное его воспитаніе въ родительскомъ домѣ и дальнѣйшее его образованіе въ Краковскомъ университетѣ. Путешествіе Гозія за границу для довершенія образованія. Дѣятельность Гозія по возвращеніи изъ-заграницы до смерти Сигизмунда I. Возведеніе Гозія въ санъ каноника. Отношеніе его къ реформаціи . . . . . 107—118

ОТДѢЛЪ II.

Польская церковь въ первую половину царствованія Сигизмунда Августа (1548—1563).

Первая глава. Возведеніе Гозія въ санъ кульмскаго епископа и дѣятельность его въ кульмской епархіи. Перемѣщеніе Гозія на вармійскую каѳедру и дѣятельность его въ вармійской епархіи. Борьба Гозія съ реформаціей въ Эльбингѣ и другихъ мѣстахъ его епархіи . . . . . 118—143

Вторая глава. Вступленіе на престолъ Сигизмунда Августа и первые шаги его на аренѣ борьбы католичества съ реформаціей въ Польшѣ. Успѣхи реформаціи въ первые годы его царствованія; прибытіе въ Великую Польшу богемскихъ братьевъ. Петроковскій сеймъ 1550 г.; процессъ Оржеховскаго; требованіе шляхтою ограниченія духовной юрисдикціи и созваніе «всеобщаго синода». Дальнѣйшіе успѣхи реформаціи; попытки католической іерархіи противодѣйствовать этимъ успѣхамъ и ихъ безплодность. Петроковскій провинціальный синодъ 1551 г. Роль на немъ Гозія. Принятыя синодомъ мѣры для борьбы съ реформаціей и ихъ результаты. . . . . 143—175

Третья глава. Петроковскій сеймъ 1552 г. Борьба шляхты съ духовенствомъ изъ-за духовной юрисдикціи de haeresi и первый interim, какъ результатъ ея. Старанія Гозія помѣшать успѣхамъ реформаціи въ Данцигѣ. Послѣдствія Петроковскаго interim'a. Краковскій сеймъ 1553 г. Споръ изъ-за духовной юрисдикціи. Сеймъ расходится безъ послѣдствій. Быстрое распространеніе въ Великой Польшѣ богемскаго, а въ Малой реформатскаго исповѣданій и соединеніе обоихъ исповѣданій на козминскомъ синодѣ. Петроковскіе синоды 1554 и 1555 гг. Успѣхи реформаціи въ Литвѣ. Общая характеристика польскаго реформаціоннаго движенія. Примирительное, или умѣренно-реформаціонное направленіе въ польскомъ обществѣ. Модржевскій и его проектъ церковной реформы. Нѣсколько фактовъ изъ исторіи отношеній представителей примирительнаго направленія къ восточному православію. Отношеніе поляковъ къ тридентскому собору. Требованія созванія національнаго собора для преобразованія польской церкви. Петроковскій сеймъ 1555 г. Продолжительная борьба шляхты съ духовенствомъ по вопросамъ о національномъ соборѣ и духовной юрисдикціи de haeresi. Новый interim, его значеніе и результаты.

СТРАН.

Посланіе польскихъ епископовъ къ папѣ по вопросу о національномъ соборѣ и духовной юрисдикціи. Посланіе Гозія къ папѣ по тому же поводу . . . . . 176—222

Четвертая глава. Пріѣздъ въ Польшу нунція Липпомано. Первоначальный планъ дѣйствій нунція и его фіаско. Свиданіе Липпомано съ Гозіемъ. Заботы польскаго правительства о сохраненіи interim'a. Сношенія польскаго правительства съ римской куріей по вопросу о національномъ соборѣ. Новый планъ дѣйствій нунція. Ловицкій синодъ 1556 г. Дѣятельность на немъ Гозія. Безуспѣшность принятыхъ ловицкимъ синодомъ мѣръ для борьбы съ реформаціей. Усиленіе реформаціоннаго движенія. Варшавскій сеймъ 1556—7 гг. Споръ посольской избы съ сенатомъ изъ-за духовной юрисдикціи de haeresi и участіе въ немъ Гозія. Варшавскій эдиктъ 1557 г. Отъѣздъ Липпомано. Послѣдствія варшавскаго эдикта. Петроковскій синодъ 1557 г. Упадокъ католичества. Первое путешествіе Гозія въ Римъ . . . . . 222—250

Пятая глава. Прибытіе въ Польшу нунція Камилла, цѣли и задачи его нунціатуры. Заботы Гозія въ Римѣ объ улаженіи возникшихъ между польскимъ дворомъ и римскою куріею недоразумѣній. Петроковскій сеймъ 1558—9 гг. Попытки посольской избы провести законъ объ устраненіи епископовъ отъ участія въ избраніи короля. Споры о духовной юрисдикціи de haeresi. Вопросъ о національномъ соборѣ. Сеймъ расходится безъ послѣдствій. Постоянныя нарушенія протестантами варшавскаго эдикта. Новый нунцій Бонміованни. Варшавскій синодъ 1561 г. Упадокъ католичества и усиленіе протестантства. Петроковскій сеймъ 1562 — 3 гг. Борьба шляхты съ духовенствомъ по вопросамъ о духовной юрисдикціи и объ экономическихъ привиллегіяхъ духовенства. Петроковская конституція 1563 г. о духовной юрисдикціи. Побѣда шляхты и протестантства. Объединеніе дѣла польской шляхты съ дѣломъ польскаго протестантства. Заботы протестантовъ объ упроченіи внутренней организаціи своего общества и слiяніи всѣхъ исповѣданій въ одно. Быстрые успѣхи антитринитарства и внесенный антитринитаріями разладъ въ протестантскій лагерь . . . . . 251—287

ОТДѢЛЪ III.

Польская церковь во вторую половину царствованія Сигизмунда Августа (1563 — 1572).

Первая глава. Дѣятельность Гозія въ Римѣ. Нунціатура Гозія въ Вѣнѣ. Возведеніе Гозія въ санъ кардинала. Гозій—легатъ папы на тридентскомъ соборѣ. Отношеніе къ тридентскому собору польскаго правительства, духовенства и общества. Возвращеніе Гозія въ отечество . . . . . 287—299

Вторая глава. Пріѣздъ въ Польшу нунція Коммендони и первыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ соприкосновенія съ польскою жизнью. Старанія Коммендони собрать воедино разрозненныя силы католичества и привлечь на свою сторону короля. Вар-

СТРАН.

шавскій сеймъ 1563 — 4 гг. Неблагопріятный для духовенства исходъ споровъ его съ шляхтою изъ-за экономическихъ привиллегій. Дѣятельность Коммендони во время сейма и ея результаты. Прибытіе въ Польшу кардинала Гозія. Ломжинское свиданіе Гозія съ королемъ и его послѣдствія. Путешествіе Коммендони въ Гейльсбергъ для свиданія съ Гозіемъ и предметы гейльсбергскаго совѣщанія. Противодѣйствіе Гозія и Коммендони замысламъ примаса Уханскаго созвать національный соборъ. Принятіе Сигизмундомъ Августомъ въ сенатѣ во время парчовскаго сейма (1564) опредѣленій тридентскаго собора. Парчовскій эдиктъ 1564 г., какъ результатъ стараній Гозія и Коммендони. Послѣдствія примѣненія этого эдикта. Старанія Уханскаго о созваніи провинціальнаго синода съ цѣлью превращенія его въ національный соборъ. Отношеніе Гозія и Коммендони къ замысламъ примаса. Петроковскій сеймъ 1565 г. Требованіе посольскою избою созванія «свободнаго христіанскаго собесѣдованія». Дѣло о разводѣ короля. Споры на сеймѣ о духовной юрисдикціи и экономическихъ привиллегіяхъ духовенства и въ частности о десятинахъ. Прибытіе на сеймъ кардинала Гозія. Новыя усилія Уханскаго и его единомышленниковъ созвать національный соборъ; противодѣйствіе имъ Гозія и Коммендони. Новые споры на сеймѣ о духовной юрисдикціи. Петроковская конституція 1565 г. и ея значеніе. Общее сужденіе о дѣятельности Гозія и Коммендони на петроковскомъ сеймѣ. Возвращеніе Гозія въ Вармію. Поѣздка туда же Коммендони. Новая попытка Уханскаго созвать національный соборъ подъ видомъ провинціальнаго синода. Гозій и Коммендони еще разъ разстраиваютъ планы примаса. Отъѣздъ Коммендони изъ Польши . . . . . 299—361

Третья глава. Дѣятельность Гозія въ вармійской епархіи по возвращеніи изъ Тріента. Борьба съ реформаціей въ Брунсбергѣ. Принятіе тридентскихъ опредѣленій на гейльсбергскомъ синодѣ. Призваніе іезуитовъ въ Вармію. Антикаталическое, или же индеферентное направленіе тогдашней польской школы, какъ одна изъ причинъ призванія Гозіемъ іезуитовъ. Основаніе брунсбергской іезуитской коллегіи. Борьба Гозія и іезуитовъ съ реформаціей въ Эльбингѣ . . . . . 361—380

Четвертая глава. Первые признаки начинающейся въ Польшѣ католической реакціи. Старанія Гозія и Коммендони о водвореніи іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Открытіе іезуитской коллегіи въ Пултускѣ. Заботы Гозія объ основаніи іезуитской коллегіи въ Вильнѣ. Первые шаги іезуитовъ въ Польшѣ. Люблинскій сеймъ 1566 г. Споры католиковъ и протестантовъ изъ-за изгнанія антитринитаріевъ изъ Польши. Декретъ объ изгнаніи антитринитаріевъ и его послѣдствія. Вопросъ о созваніи провинціальнаго синода и отношеніе къ нему Гозія. Петроковскій сеймъ 1567 г. Назначеніе Гозія легатомъ a latere на провинціальномъ синодѣ. Новые признаки усиливающейся католической реакціи. Возведеніе на куявскую епископію Станислава Карнковскаго. Люблинскій сеймъ 1569 г. Послѣдняя бесѣда Гозія съ Сигизмундомъ Августомъ. Второе путешествіе Гозія въ Римъ . . . . . 381—401

СТРАН.

Пятая глава. Успѣхи католической реакціи. Основаніе іезуитской коллегіи въ Вильнѣ и первыя дѣйствія іезуитовъ въ Литвѣ. Открытіе іезуитскихъ коллегій въ Познани и Ярославѣ. Попытки протестантовъ къ соединенію. Сандомирское соглашеніе 1570 г. и отношеніе къ нему Гозія. Варшавскій сеймъ 1570 г. Споры на немъ о свободѣ совѣсти. Варшавское объявленіе 1570 г. и отношеніе къ нему Гозія. Нерѣшительность Сигизмунда Августа въ отношеніи къ католикамъ и протестантамъ въ послѣдніе годы его жизни. Вопросъ о разводѣ короля и въ связи съ нимъ о созваніи національнаго собора. Опасенія Гозія въ виду предстоявшаго тогда сейма. Коммендони—папскій легатъ въ Польшѣ. Варшавскій сеймъ 1572 г. Дѣятельность на немъ легата. Смерть Сигизмунда Августа . . . . . 401—423

ОТДѢЛЪ IV.

Польская церковь во время безкоролевья по смерти Сигизмунда Августа и въ первые годы царствованія Стефана Баторія (1572—1579).

Первая глава. Впечатлѣніе, произведенное вѣстью о смерти короля на кардинала Гозія, и мѣры, принятыя имъ для поддержанія католичества въ наступившее безкоролевье. Общая характеристика положенія дѣлъ въ Польшѣ. Борьба Великой и Малой Польшъ изъ-за права примаса созывать конвокаціонный съѣздъ. Касскій съѣздъ и побѣда примаса. Послѣдняя попытка Ухańскаго созвать національный соборъ. Австрійская, московская, французская, пястовская и другія кандидатуры на польскій престолъ; шансы ихъ на успѣхъ въ связи съ вѣроисповѣдными интересами избирателей. Варшавскій конвокаціонный съѣздъ 1573 г. Вопросъ о свободѣ совѣсти въ эпоху безкоролевья. Варшавская религіозная конфедерація 1573 г. Борьба изъ-за нея католиковъ и протестантовъ; протестъ противъ нея Ухańскаго. Дальнѣйшая судьба конфедераціи: отношеніе къ ней римской куріи и кардинала Гозія. Варшавскій избирательный съѣздъ 1573 г. Успѣхи французской кандидатуры. Борьба католиковъ и протестантовъ изъ-за варшавской конфедераціи. Неудачная попытка къ соглашенію. Торжество французской кандидатуры. Удаленіе протестантовъ въ Грохово. Примиреніе враждебныхъ партій на условіи принятія католиками ультиматума гроховцевъ (варшавской конфедераціи). Избраніе Генриха Анжуйскаго въ короли. . . . . 422—452

Вторая глава. Радость Гозія по поводу избранія Генриха. Старанія Гозія и римской куріи помѣшать произнесенію Генрихомъ въ Парижѣ присяги въ соблюденіи варшавской конфедераціи и ихъ результаты. Новыя усилія Гозія помѣшать повторенію этой присяги въ Краковѣ. Коронація Генриха. Споры на коронаціонномъ сеймѣ о подтвержденіи Генрихомъ условій его избранія и въ числѣ ихъ варшавской конфедераціи. Сеймъ расходится безъ послѣдствій. Оживленіе въ католическомъ лагерѣ. Бѣгство Генриха изъ Польши. Попытка Гозія удержать Генриха

на польскомъ престолѣ. Варшавскій съѣздъ 1574 г.; приглашеніе съѣзда Генриху возвратиться въ Польшу къ извѣстному сроку съ угрозою приступить въ противномъ случаѣ къ избранію новаго короля. Споры на варшавскомъ съѣздѣ о судахъ послѣдней инстанціи и ихъ исходъ. Стенжицкій съѣздъ. Успѣхи австрійской кандидатуры и враждебное ей настроеніе шляхты. Споры на съѣздѣ изъ-за изданія манифеста о лишеніи Генриха престола; ихъ настоящій смыслъ. Шляхта срываетъ сеймъ. Отношеніе польскихъ католиковъ къ Генриху. Гозій дольше другихъ держитъ сторону Генриха, но и онъ наконецъ мирится съ мыслью объ избраніи новаго короля. Варшавскій избирательный съѣздъ 1575 г. Споръ сената съ посольскою избою изъ-за личности имѣющаго быть избраннымъ короля. Сецессія шляхты. Неудачныя попытки къ примиренію. Избраніе двухъ королей. Побѣда Баторія надъ Максиміліаномъ. Щекотливое положеніе Гозія въ спорѣ Максиміліана и Баторія изъ-за обладанія польскою короной. Общая характеристика борьбы католичества и протестантства въ эпоху обоихъ безкоролевій. Роль Гозія въ этой борьбѣ. Усиленіе католической реакціи. Успѣхи іезуитовъ. Первыя проявленія католическаго фанатизма . . . . . 452—488

Третья глава. Отношеніе Стефана Баторія къ протестантамъ и католикамъ. Оживленіе польскаго католичества. Отношеніе кардинала Гозія къ новому королю. Хлопоты Карнковскаго о созваніи провинціальнаго синода. Торнскій сеймъ 1576 г. Споръ шляхты съ духовенствомъ о верховномъ трибуналѣ. Новыя хлопоты Карнковскаго о созваніи провинціальнаго синода. Петроковскій синодъ 1577 г., какъ начало торжества возродившагося польскаго католичества. Принятіе польскимъ духовенствомъ тридентскихъ опредѣленій. Проклятіе варшавской конфедераціи. Попытка реставраціи духовной юрисдикціи. Заботы синода о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня польскаго духовенства. Отношеніе кардинала Гозія къ опредѣленіямъ петроковскаго синода. Варшавскій сеймъ 1578 г. Учрежденіе верховнаго трибунала и слѣдствія этого учрежденія для католической іерархіи. Покровительство Баторія іезуитамъ. Дарованіе виленской іезуитской коллегіи правъ академіи. Успѣхи іезуитовъ въ польскомъ обществѣ. Общая характеристика средствъ и путей, которыми іезуиты шли къ реставраціи католичества въ Польшѣ. Гозій руками іезуитовъ пожинаетъ плоды своихъ долголѣтнихъ трудовъ . . . . 488—512

Четвертая глава. Заботы Гозія о вармійской епархіи. Дѣятельность въ Варміи Мартина Кромера. Бѣдствія, обрушившіяся на вармійскую епархію во время безкоролевья. Изгнаніе іезуитовъ изъ Эльбинга. Жизнь и дѣятельность Гозія въ Римѣ. Гозій—Poenitentiarius Major. Болѣзнь и смерть кардинала Гозія . . . 512—518

Заключеніе. Общій взглядъ на состояніе польской церкви во время жизни кардинала Гозія и на его значеніе въ ея исторіи и судьбѣ. Характеристика кардинала Гозія, какъ человѣка и какъ историческаго дѣятеля. . . . . 519—542

Вмѣсто предисловія.

Въ Польшѣ, этой давней причастницѣ западной цивилизаціи, шестнадцатое столѣтіе, какъ и во всей западной Европѣ, было вѣкомъ реформаціи. На протяженіи всего этого столѣтія разыгрывалась на сценѣ польской исторической жизни та же великая драма борьбы реформаціи съ католичествомъ, или католичества съ реформаціей, которая одновременно шла на сценахъ всѣхъ сосѣднихъ западно-европейскихъ странъ, отдаленные отголоски которой слышались даже за восточными предѣлами польскаго королевства и соединеннаго тогда съ нимъ великаго княжества литовскаго. Хотя въ своей завязкѣ, въ основномъ сюжетѣ эта польская драма была лишь сколкомъ одной великой общеевропейской драмы, но какъ дававшаяся на польской сценѣ, при польской обстановкѣ, польскими по преимуществу людьми, она заключаетъ въ отдѣльныхъ своихъ актахъ много своеобразнаго, оригинальнаго, чисто-польскаго и съ этой стороны представляетъ большой интересъ для изслѣдованія польской старины. Одна изъ первыхъ ролей въ этой драмѣ выпала на долю вармійскаго епископа кардинала Станислава Гозія, который выступилъ въ роли одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея въ половинѣ XVI вѣка, въ самый разгаръ реформаціи, который во все почти царствованіе Сигизмунда Августа, въ этотъ золотой вѣкъ польскаго протестантства, не сходилъ со сцены, не покидалъ своей трудной роли, на долю котораго, хотя онъ и не дожилъ до финала драмы и даже совсѣмъ удалился подъ конецъ съ польской сцены, выпало на закатѣ дней его рѣдкое счастье—видѣть приближеніе желательной для него развязки, предвкушать сладость подго-

товленной его трудами побѣды, присутствовать, если позволительно такъ выразиться, при началѣ желаннаго конца. Дѣятельность кардинала Гозія, въ этой его роли, заслуживаетъ особеннаго вниманія потому еще, что онъ былъ вождемъ той изъ боровшихся сторонъ, которая одержала верхъ, былъ носителемъ той силы, которая, выйдя побѣдительницей изъ борьбы, стала главною заправительницею судебъ польской церкви на всѣ послѣдующіе вѣка, наложила свою печать на всѣ проявленія послѣдующей польской церковно-исторической жизни и даетъ себя чувствовать, пожалуй, и теперь, когда исполнилось уже триста лѣтъ со дня смерти этого патріарха польскаго католичества.

Первыя по времени свѣдѣнія о жизни и дѣятельности кардинала Гозія находятся въ двухъ біографіяхъ его, написанныхъ вскорѣ послѣ его смерти двумя, весьма близкими къ нему и долгое время жившими вмѣстѣ съ нимъ, лицами. Секретарь Гозія Станиславъ Решка, не столько по просьбѣ почитателей кардинала, сколько по собственному внутреннему побужденію, тотчасъ же по смерти своего патрона и благодѣтеля († 1579) принялся за составленіе его біографій. Въ началѣ 80 годовъ трудъ Решки былъ уже извѣстенъ въ тѣсномъ кругу римскихъ и польскихъ друзей и почитателей кардинала, и въ 1587 году въ Римѣ вышелъ изъ печати подъ заглавіемъ: D. Stanislai Hosii S. R. E. Cardinalis Majoris Poenitentiarii et Episcopi Varmiensis Vita. Auctore Stanistao Rescio, Protonotario et Referendario Apostolico. Свою небольшую по объему „Жизнь Гозія“, Решка раздѣлилъ на три книги, или части, изъ которыхъ первая обнимаетъ время отъ рожденія Гозія до возведенія его въ санъ кардинала (до 1561 г.), вторая до втораго путешествія его въ Римъ (до 1569 г.), а третья до смерти его (до 1579 г.). Событія изъ жизни Гозія Решка въ общемъ излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ, хотя и не всегда строго его придерживается: иногда, напр., для иллюстраціи какой-либо черты характера Гозія къ позднѣйшимъ фактамъ онъ привязываетъ событія болѣе ранняго времени. Сочиненіе Решки сочувственно встрѣчено было тогдашнею католическою публикою, такъ что вскорѣ послѣ выхода его появился въ свѣтъ его нѣмецкій переводъ, изданный Фиклеромъ въ 1591 г. въ Ингольштадтѣ. Что интересъ къ біографіи Гозія, составленной

Решкою, долго еще и послѣ того не ослабѣвалъ, можно судить потому уже, что спустя сто лѣтъ съ небольшимъ оно вышло новымъ изданіемъ (1690, Olivae, Vita Hosii), которымъ и мы пользовались. Наконецъ, въ 1879 г. краковская академія наукъ, предпринявшая изданіе писемъ кардинала Гозія, перепечатала вновь Vita Hosii Решки въ началѣ перваго тома этихъ писемъ.— Одновременно съ Решкою описалъ, или—вѣрнѣе—воспѣлъ жизнь Гозія другой близкій къ нему человѣкъ—Ѳома Третеръ, котораго Гозій взялъ къ себѣ въ домъ, какъ одного изъ лучшихъ учениковъ брунсбергской іезуитской коллегіи и который прожилъ въ его домѣ до самой его кончины. Сочиненіе Третера написано въ поэтической формѣ и состоитъ изъ 100 похвальныхъ одъ въ честь кардинала Гозія. Хотя оно написано было вскорѣ по смерти Гозія и въ рукописи было извѣстно римскимъ друзьямъ кардинала, встрѣтившимъ его съ большимъ сочувствіемъ, издано оно однако было лишь въ 1686 году въ Краковѣ внукомъ автора Матѳеемъ Третеромъ подъ заглавіемъ: Theatrum virtutum D. Stanislai Hosii, S. R. E. Cardinalis, Majoris Poenitentiarii et Episcopi Varmiensis, centum odis diversorum generum, per Thomam Treterum, Can. Custodem Varmiensem illustarum, nunc primum cura et impensis Mathiae a Lubomierz Treteri S. R. M. Secretarii, grati nepotis, luci publicae exhibitum. Въ 1879 году въ день трехсотлѣтняго юбилея со дня смерти кардинала Гозія Theatrum virtutum Hosii вновь издано въ Брунсбергѣ. Theatrum virtutum Hosii по содержанію очень близко подходитъ къ Vita Hosii и излагаетъ большею частью тѣ же событія и въ томъ же порядкѣ, что и Vita.

Не говоря уже о Theatrum virtutum Hosii, представляющемъ собою не что иное, какъ одну похвальную оду, самая Vita Hosii отъ начала до конца носитъ характеръ панегирика. Но это не тотъ напыщенный, высокопарный панегирикъ, какой пишутъ по заказу, не та блестящая, цвѣтистая рѣчь, какую произносятъ надъ гробомъ высокопоставленнаго человѣка. Это—искренній посмертный разсказъ человѣка, который потерялъ дорогаго друга, обожаемаго учителя-руководителя, который въ самомъ разсказѣ о жизни его, въ самыхъ восхваленіяхъ его ищетъ для себя утѣшенія, отводилъ, что называется душу, утолялъ свою печаль. Независимо отъ фактическихъ данныхъ, сообщаемыхъ Решкою, сочиненіе его потому

уже одному представляетъ большой интересъ для изучающаго жизнь кардинала Гозія, что прямо вводитъ его въ тотъ міръ идей и интересовъ, въ которомъ жилъ Гозій и его неотступный, вѣрный секретарь, даетъ возможность на самомъ авторѣ видѣть вліяніе, печать духа Гозія. Но и фактическія данныя, сообщаемыя Решкою, представляютъ собою цѣнный, хотя и не особенно богатый, матеріалъ для біографіи Гозія. Послѣднія двадцать лѣтъ жизни кардинала Гозія (отъ перваго его путешествія въ Римъ до смерти) Решка почти неотлучно находился при немъ. Какъ домашній секретарь кардинала, Решка хорошо зналъ всѣ дѣла его, велъ эти дѣла, исполнялъ разныя его порученія, былъ словомъ правою рукою кардинала. Даже болѣе того: какъ человѣкъ, сознательно служившій той же идеѣ, которой посвятилъ себя кардиналъ Гозій, Решка жилъ, такъ сказать, жизнью Гозія, радовался его радостями, печалился его печалями. Решка пользовался такимъ довѣріемъ Гозія, что послѣдній въ завѣщаніи своемъ назначилъ его своимъ душеприкащикомъ и всѣ оставшіяся послѣ себя бумаги предоставилъ въ его распоряженіе [1]). Но какъ ни много матеріала было подъ руками у Решки, какъ ни много искренности въ его увлеченіи идеалами и самою личностью Гозія, Vita Hosii прежде всего—панегирикъ, и восхваляемый Решкою Гозій — хоть и дѣйствительный Гозій, но сильно идеализированный искреннимъ, беззавѣтнымъ поклонникомъ возродившагося католичества. Ни одного темнаго пятна не видитъ читатель „Жизни Гозія“ на тѣхъ свѣтлыхъ, блестящихъ ризахъ, въ которыя облекъ Решка своего кардинала. Если иногда и попадаются тутъ такіе факты, которые омрачаютъ свѣтлый образъ Гозія, то это лишь потому, что въ глазахъ біографа Гозія они не только не бросали на него тѣни, но еще прибавляли славы и блеска къ его свѣтлому образу. Напротивъ, реформація, съ которою боролся въ Польшѣ и внѣ Польши кардиналъ Гозій, это для Решки—какое-то навожденіе злаго духа, и въ той исторіи борьбы Гозія съ реформаціей въ Польшѣ, которую написалъ Решка, всего менѣе мѣста историческому безпристрастію. Но не въ этомъ главный недостатокъ разсматриваемой нами біо-

---

[1]) Въ 1584 г. въ Кельнѣ Решка издалъ часть писемъ Гозія во второмъ томѣ Орега Hosii.

графіи: отъ панегириста Гозія этого нельзя и требовать. Vita Hosii страдаетъ недостаткомъ фактическихъ, хотя бы то и съ католической точки зрѣнія освѣщенныхъ, данныхъ относительно борьбы католичества съ протестантствомъ въ Польшѣ и польской религіозной жизни вообще. Въ Vita Hosii польская религіозная жизнь XVI вѣка обрисовывается не только съ предвзятой точки зрѣнія, но и вообще неполно, неясно, въ обрывкахъ, съ большими пробѣлами, и Гозій въ ней далеко не является для читателя живымъ человѣкомъ, живущимъ и дѣйствующимъ среди окружающей его дѣйствительности: отъ той, напр., шумной, страстной борьбы католичества съ протестантствомъ, которая велась на сеймахъ временъ Сигизмунда Августа, въ Vita Hosii отразилось лишь очень отдаленное эхо. Конечно, это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что Решка описывалъ событія слишкомъ близкаго къ нему времени,—времени, для котораго еще не настала исторія. Но какъ бы то ни было, обстановка, въ которой дѣйствуетъ у Решки Гозій, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, не представляетъ намъ современной Гозію польской религіозной жизни.

Лишь въ началѣ второй половины настоящаго столѣтія появилось новое обширное изслѣдованіе о жизни кардинала Гозія. Изслѣдованіе это написано въ предѣлахъ той епархіи, въ которой Гозій былъ епископомъ, и вышло изъ-подъ пера фрауенбургскаго каѳедральнаго каноника и профессора церковной исторіи въ брунсбергскомъ гозіанскомъ лицеѣ, д-ра Ант. Эйхгорна. Сочиненіе Эйхгорна, носящее заглавіе: Der ermländische Bischof und Cardinal Stanislaus Hosius. Vorzüglich nach seinem kirchlichen und literarischen Wirken geschildert, вышло въ свѣтъ въ Майнцѣ въ двухъ томахъ (1854 и 1855 гг.). По примѣру Решки, Эйхгорнъ раздѣлилъ свое сочиненіе на три книги, или части, изъ которыхъ первая обнимаетъ время отъ рожденія Гозія до возведенія его въ санъ кардинала (1504—1561), вторая—отъ этого возведенія до втораго путешествія его въ Римъ (1561—1569), третья—отъ этого путешествія до смерти его (1569—1579). Авторъ разсматриваетъ дѣятельность кардинала Гозія по слѣдующимъ главнымъ рубрикамъ: 1) частную его жизнь; 2) дѣятельность его, какъ епархіальнаго епископа; 3) дѣятельность его, какъ общепольскаго католическаго дѣятеля; 4) дѣятельность его, какъ общекатолическаго церков-

но-историческаго дѣятеля; 5) дѣятельность его литературную. Дѣятельность Гозія на пользу католичества въ вармійской епархіи изложена авторомъ съ величайшею полнотою и тщательностью, такъ какъ къ услугамъ автора были епископскій и капитульскій архивы вармійской епархіи; самое сочиненіе посвящено вармійскому епископу, вермійскому духовенству и ученикамъ гозіанскаго лицея. Дѣятельность Гозія внѣ Польши, по преимуществу въ Римѣ, въ Тріентѣ и въ Вѣнѣ, изложена также весьма подробно, полно и обстоятельно и занимаетъ почти третью часть всего сочиненія. Что же касается литературной дѣятельности кардинала Гозія, то авторъ не даетъ въ своемъ сочиненіи ни анализа, ни оцѣнки его сочиненій, а ограничивается обыкновенно указаніемъ предмета, цѣли и повода написанія Гозіемъ того или другаго сочиненія; съ особенною же любовью слѣдитъ онъ за самымъ ходомъ литературныхъ работъ кардинала, съ большою внимательностью собираетъ онъ и группируетъ библіографическія свѣдѣнія, касающіяся его сочиненій.

Дѣятельность кардинала Гозія въ Польшѣ,—дѣятельность, которой Эйхгорнъ, впрочемъ, посвятилъ менѣе чѣмъ четвертую часть своего сочиненія, изложена авторомъ также съ свойственною ему тщательностью и внимательностью. Кромѣ Vita Hosii и изданныхъ въ печати писемъ Гозія авторъ нашелъ для своего сочиненія богатый рукописный матеріалъ въ фрауенбургскихъ епископскомъ и капитульскомъ архивахъ, а также въ библіотекѣ брунсбергской гимназіи. Авторъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ Гозія на польской землѣ, за каждымъ письмомъ, отправленнымъ имъ въ Польшу по церковнымъ дѣламъ, передаетъ болѣе или менѣе полно содержаніе каждаго изъ нихъ, дѣлится съ читателемъ всѣми извѣстіями, которыя въ свое время во множествѣ получалъ изъ Польши Гозій и которыя живо рисовали ему религіозное положеніе Польши. Но письма Гозія и къ Гозію составляли почти единственный матеріалъ, которымъ пользовался Эйхгорнъ для изображенія дѣятельности кардинала Гозія въ Польшѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще религіознаго состоянія Польши его времени. Автору не были извѣстны другіе источники для исторіи реформаціонной эпохи въ Польшѣ, изданные большею частью уже послѣ выхода въ свѣтъ его сочиненія, — источники, если и не дающіе

еще возможности воспроизвести полную, живую картину борьбы реформаціи съ католичествомъ въ Польшѣ, то все-таки проливающіе на нее много новаго свѣта, безъ котораго нельзя увидѣть даже слабаго подобія польской религіозной жизни XVI вѣка. Притомъ находившійся у Эйхгорна подъ руками матеріалъ—письма одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, и еще передовыхъ, наиболѣе страстныхъ ея дѣятелей—былъ такого сорта, что съ нимъ нужно было обращаться весьма осторожно, чтобы не произнести несправедливаго приговора о противной сторонѣ, лишенной возможности самой защищаться. Нужно было имѣть много скептицизма въ отношеніи, если не къ фактической сторонѣ этого матеріала, то къ оцѣнкѣ фактовъ тогдашней жизни, сдѣланной въ этихъ письмахъ представителями строго-католической партіи, чтобы, отрѣшившись отъ ихъ точки зрѣнія, поставить кардинала Гозія и его противниковъ, такъ сказать, на одну доску, взглянуть на нихъ безпристрастнымъ окомъ. Этого скептицизма не оказалось у Эйхгорна. Фрауенбургскій каноникъ и профессоръ гозіанскаго лицея увлекся личностью кардинала Гозія, его беззавѣтнымъ служеніемъ католической церкви, его неутомимою борьбою съ ея врагами, его воззрѣніями и идеалами не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ самъ секретарь кардинала. „Я мыслилъ и жилъ съ предметомъ моей любви, пишетъ онъ въ предисловіи къ первому тому, и Гозій сталъ довѣреннѣйшимъ другомъ моего сердца, моимъ учителемъ, моимъ духовнымъ отцомъ. Я знаю, чѣмъ я обязанъ чтенію его сочиненій и писемъ; они не только образовали мой духъ, но и закалили мой характеръ и согрѣли и вновь оживили во мнѣ церковное чувство“. Неудивительно, что дѣятельность кардинала Гозія въ Польшѣ изложена въ сочиненіи Эйхгорна съ строго-католической точки зрѣнія, съ какой изобразили ее Третеръ и Решка. Эта точка зрѣнія не только препятствуетъ автору быть безпристрастнымъ въ оцѣнкѣ католическихъ и протестантскихъ дѣятелей реформаціонной эпохи, но при искреннемъ увлеченіи автора личностью изучаемаго имъ лица держитъ его, такъ сказать, въ постоянномъ колѣнопреклоненномъ положеніи предъ предметомъ его благоговѣйной любви, заставляетъ его всегда и во всемъ идеализировать личность кардинала Гозія, превращать его иногда изъ польскаго прелата XVI вѣка въ древняго отца церкви. Впро-

чемъ, хотя личность кардинала Гозія ставится у Эйхгорна въ неестественномъ, бенгальскомъ свѣтѣ, фактическая сторона дѣла, насколько позволяли ему его источники, излагается имъ вообще добросовѣстно, безъ искаженій.

Въ самое послѣднее время исполнившійся въ 1879 году трехсотлѣтній юбилей со дня смерти кардинала Гозія пробудилъ въ полякахъ интересъ къ изученію этого выдающагося польскаго церковно-историческаго дѣятеля. Историческое отдѣленіе краковской академіи наукъ съ 1879 года предприняло изданіе писемъ кардинала Гозія и поручило это дѣло профессору брунсбергскаго гозіанскаго лицея и ректору вармійской епархіальной семинаріи д-ру Францу Гиплеру и профессору краковскаго университета д-ру Викентію Закржевскому. До сихъ поръ вышелъ первый томъ писемъ кардинала Гозія, составляющій четвертый томъ предпринятаго историческимъ отдѣленіемъ краковской академіи наукъ изданія Acta Historica res gestas Poloniae illustrantia (Cracoviae, 1879). Этотъ первый томъ заключаетъ въ себѣ 437 документовъ, по преимуществу писемъ, писанныхъ Гозіемъ, или къ Гозію въ періодъ времени отъ 1525 до 1550 года [1]).

Сочиненіе Эйхгорна служитъ до сихъ поръ единственнымъ изслѣдованіемъ о жизни и дѣятельности кардинала Гозія. Панегирическій характеръ этого сочиненія и недостаточное знакомство автора съ польскою религіозною жизнью XVI вѣка имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что не смотря на массу фактическихъ свѣдѣній, касающихся собственно личности кардинала Гозія и его отношенія къ польскимъ дѣламъ, личность Гозія въ сочиненіи Эйхгорна поставлена въ ложномъ свѣтѣ, а та историческая обстановка, въ которой онъ дѣйствовалъ, самая религіозная жизнь Польши времени кардинала Гозія изображена неполно, односторонне. Мы въ своемъ изслѣдованіи старались установить свой собственный взглядъ на личность и дѣятельность кардинала Гозія, одинаково избѣгая крайностей

---

[1]) Мы не будемъ перечислять всѣхъ тѣхъ изданій или сочиненій, въ которыхъ помѣщены отдѣльныя письма кардинала Гозія, такъ какъ краковскіе издатели писемъ Гозія помѣстили въ предисловіи къ первому тому этихъ писемъ подробный ихъ перечень (Acta Historica, I, XIII—XV). Тѣ изданія, которыя заключаютъ въ себѣ письма, касающіяся церковныхъ дѣлъ и которыми мы пользовались, указаны въ своихъ мѣстахъ.

какъ католическаго взгляда на него, со всею яркостью обнаружившагося въ сочиненіяхъ Решки и Эйхгорна, такъ и протестантскаго, хотя и не нашедшаго для себя выраженія въ отдѣльномъ сочиненіи, но довольно ясно обрисовывающагося въ сочиненіяхъ протестантскихъ писателей, имѣвшихъ случай касаться борьбы Гозія съ реформаціей. Мы поставили цѣлью своего изслѣдованія дѣятельность кардинала Гозія, какъ польскаго церковно-историческаго дѣятеля второй половины XVI вѣка, или—еще частнѣе—какъ вождя польскаго католичества въ борьбѣ съ реформаціею, бывшей особенно упорною въ это время,—борьбѣ, успѣхъ въ которой къ концу жизни Гозія очевидно склонился на сторону католической реакціи. Ограничивъ свою задачу этою стороною дѣятельности кардинала Гозія, мы лишь отчасти, лишь въ общихъ чертахъ касались другихъ сторонъ ея, насколько считали это необходимымъ для пониманія и уясненія дѣятельности Гозія въ Польшѣ. Взамѣнъ этого мы пытались, выведши кардинала Гозія изъ того неестественнаго положенія, въ какомъ онъ является у Решки, Третера и Эйхгорна, поставить его среди окружавшей его дѣйствительности, лицомъ къ лицу съ людьми, съ которыми онъ жилъ, возвратить его, такъ сказать, польской жизни,—пользуясь тѣми данными, какія намъ представляетъ польская церковно-историческая наука.

Польская церковно-историческая наука далеко не можетъ похвалиться богатствомъ солидныхъ изслѣдованій. Впрочемъ, реформаціонный періодъ польской исторіи, къ которому относится дѣятельность кардинала Гозія, чаще другихъ служилъ предметомъ изученія какъ въ польской, такъ и въ нѣмецкой литературѣ. Надъ изученіемъ его до позднѣйшаго времени трудились почти исключительно протестанты. Въ 1652 году протестантскій пасторъ Андрей Венгерскій издалъ въ Утрехтѣ подъ псевдонимомъ Адріана Регенвольсція: Systema Historico-chronologicum Ecclesiarum Slavonicarum. Это—собственно сборникъ извѣстій о всѣхъ славянскихъ церквахъ и въ частности о разныхъ реформаціонныхъ движеніяхъ въ нихъ. Но главное мѣсто въ немъ отводится исторіи реформаціи въ Польшѣ, причемъ авторъ сначала говоритъ вообще о реформаціи въ Польшѣ, а затѣмъ въ частности о каждомъ изъ трехъ главныхъ протестантскихъ исповѣданій—лютеранскомъ, реформатскомъ и

богемскомъ въ Малой Польшѣ, въ Великой Польшѣ и въ Литвѣ. Сочиненіе Венгерскаго вообще—весьма неполный сборникъ отрывочныхъ извѣстій о реформаціи въ Польшѣ [1]). Второе сочиненіе по исторіи реформаціи въ Польшѣ, принадлежащее антитринитарію Станиславу Любенецкому, вышло въ свѣтъ во Фрейштадтѣ въ 1685 году подъ заглавіемъ Historia Reformationis Polonicae. Содержаніе этого сочиненія далеко не соотвѣтствуетъ его заглавію. Это исторія не польской реформаціи, а польскаго антитринитарства, или тѣхъ крайнихъ сектъ, которыя чрезвычайно сильно распространились въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ. Авторъ сильно увлекается вѣроисповѣдными интересами и не щадитъ мрачныхъ красокъ для изображенія не только католиковъ, но и протестантовъ. Сочиненіе Любенецкаго представляетъ богатый матеріалъ только для изученія исторіи антитринитарства; фактическая же сторона исторіи реформаціи вообще у Любенецкаго весьма скудна. Въ концѣ прошедшаго столѣтія появилось обширное сочиненіе по исторіи польской реформаціи Христіана Фризе, вышедшее въ 1786 году въ Бреславлѣ въ двухъ частяхъ и трехъ томахъ. Исторіи реформаціи посвящена собственно вторая часть этого сочиненія (II и III томы), носящая заглавіе Beiträge zu der Reformationsgeschichte in Polen und Lithauen. Фризе довольно тщательно собралъ въ своемъ сочиненіи извѣстія польскихъ хроникъ и древнихъ авторовъ, писавшихъ о реформаціи, сгруппировалъ значительное количество документовъ, бывшихъ доступными ему, а многіе изъ нихъ помѣстилъ даже въ полномъ видѣ. Но Beiträge Фризе помимо того, что страдаютъ неполнотою, непріятно поражаютъ читателя пристрастнымъ отношеніемъ автора къ противникамъ: Фризе не только протестантъ, но и ярый лютеранинъ, на каждомъ шагу усиливающійся провести, безъ особеннаго впрочемъ успѣха, свою тенденцію, что протестантство проникло въ Польшу и долго господствовало въ ней именно въ формѣ лютеранства. Гораздо выше всѣхъ указанныхъ сочиненій стоитъ вышедшее въ настоящемъ столѣтіи сочиненіе графа Валеріана Красинскаго: Historical sketch of the rise, progress and dedine of the reformation in Poland(2 vol. 1838—1840, London). Сочиненіе Красинскаго переведено на нѣмецкій

[1]) Сочиненіе Венгерскаго вышло вторымъ изданіемъ съ настоящимъ именемъ автора въ 1679 году подъ заглавіемъ Slavonia reformata.

языкъ Вильгельмомъ Линдау и вышло въ Лейпцигѣ въ 1841 году подъ заглавіемъ Geschichte des Ursprungs, Fortschritts und Verfalls der Reformation in Polen. Къ сожалѣнію переводчикъ опустилъ въ переводѣ почти всѣ цитаты. Сочиненіе Красинскаго обнимаетъ всю исторію реформаціи въ Польшѣ отъ ея начала до паденія Польши. Въ первыхъ двѣнадцати отдѣлахъ своего сочиненія, излагающихъ исторію современной кардиналу Гозію эпохи, авторъ довольно ярко обрисовываетъ исторію первоначальнаго распространенія и наибольшаго процвѣтанія протестантства въ Польшѣ, но при изображеніи успѣховъ протестантства впадаетъ въ преувеличеніе и вообще излагаетъ дѣло съ чисто-протестантской точки зрѣнія. Въ сочиненіи его не мало историческихъ невѣрностей и неточностей, особенно въ подробностяхъ. При всемъ томъ сочиненіе Красинскаго до сихъ поръ лучшій опытъ полной исторіи реформаціи въ Польшѣ. Нѣсколько раньше Красинскаго издалъ свой первый трудъ, посвященный изученію исторіи реформаціи въ Польшѣ, Іосифъ Лукашевичъ. Въ 1835 г. онъ издалъ въ Познани изслѣдованіе O kos'ciołach Braci Czeskich w dawnej Wielkiej Polsce. Тотъ же авторъ въ 1853 г. въ Познани издалъ Dzieje kos'ciołow wyznania Helweckiego w dawnej Małej Polsce. Въ этихъ сочиненіяхъ Лукашевичъ излагаетъ исторію соединеннаго богемско-реформатскаго исповѣданія въ Польшѣ, и притомъ по преимуществу внутреннюю исторію его. Не говоря уже о томъ, что названныя выше сочиненія Лукашевича не обхватываютъ исторіи всего протестантства, самая исторія богемско-реформатскаго исповѣданія, написанная Лукашевичемъ,—не столько исторія, сколько добровѣстный и тщательный сборникъ матеріаловъ для исторіи реформаціи. Наконецъ въ 1855 году лютеранскій пасторъ Георгъ Фишеръ издалъ въ двухъ частяхъ Versuch einer Geschichte der Reformation in Polen (Grätz, 1855—1856). Сочиненіе Фишера ничего почти новаго не вноситъ въ исторію польской реформаціи въ періодъ жизни кардинала Гозія. Оно составлено въ большей своей части по Красинскому и Лукашевичу: изъ послѣдняго автора выписываетъ иногда сряду по нѣсколько страницъ. Фишеръ, какъ лютеранинъ, сходится съ Фризе въ желаніи доказать, что не только въ первое время реформаціи, но и значительное время потомъ лютеранское исповѣданіе было въ Польшѣ господствующимъ,

хотя это ему такъ же плохо удается, какъ и Фризе. Всѣ указанныя нами сочиненія по исторіи польской реформаціи, написанныя, за исключеніемъ Лукашевича, протестантами разныхъ исповѣданій, страдаютъ въ большей или меньшей степени односторонностію, излагаютъ дѣло съ вѣроисповѣдной—протестантской точки зрѣнія. Католики до сихъ поръ очень мало занимались реформаціоннымъ періодомъ своей церковной исторіи. Больше другихъ удѣлилъ ему вниманія Дзедушицкій (Рыхцицкій—псевдонимъ), авторъ сочиненія „Piotr Skarga i jego wiek“ (Kraków, 1820, 2 tomy). Первый довольно обширный отдѣлъ своего сочиненія авторъ посвятилъ изображенію состоянія польской церкви въ царствованіе Сигизмунда Августа и въ наступившее по его смерти безкоролевье. Авторъ въ своемъ сочиненіи полемизируетъ, и по мѣстамъ, весьма рѣзко, съ протестантскими воззрѣніями гр. Красинскаго, но въ своемъ изложеніи реформаціи въ Польшѣ онъ оказывается еще болѣе пристрастнымъ и одностороннимъ, чѣмъ его противникъ.

Главный недостатокъ, которымъ въ большей или меньшей степени страдаютъ всѣ разсмотрѣнныя нами сочиненія,—конфессіональная точка зрѣнія ихъ авторовъ на описываемыя ими событія польской религіозной жизни и неизбѣжная при ней односторонность воззрѣній, увлеченіе свѣтлыми сторонами исторіи своего исповѣданія, игнорированіе или слабое освѣщеніе темныхъ ея сторонъ, стушовываніе свѣтлыхъ чертъ исторіи иновѣрныхъ религіозныхъ партій, раздуваніе единичныхъ темныхъ фактовъ ихъ исторіи въ общія явленія ихъ жизни и т. п. Съ этимъ главнымъ недостаткомъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій тѣсно связанъ другой недостатокъ—и весьма существенный, хотя и нельзя винить въ немъ авторовъ этихъ сочиненій. Это—неполнота изслѣдованія, отсутствіе на написанныхъ этими авторами картинахъ польской религіозной жизни XVI в. не второстепенныхъ только деталей, а нѣкоторыхъ весьма важныхъ и существенныхъ эпизодовъ этой жизни, такихъ даже эпизодовъ, въ которыхъ заключалась иногда вся суть дѣла, весь интересъ эпохи, и которыя однако у нихъ или набросаны лишь въ блѣдныхъ, неясныхъ очертаніяхъ, или совсѣмъ оставлены въ тѣни по недостатку красокъ, по недостатку нужнаго для этого историческаго матеріала. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія поль-

ская историческая наука обогатилась изданіями многихъ памятниковъ польской исторіи XVI вѣка—дневниковъ сеймовъ, реляцій и писемъ папскихъ нунціевъ [1]), доставившихъ богатый неизвѣстный прежнимъ изслѣдователямъ матеріалъ для польской церковной исторіи, пролившихъ на реформаціонный ея періодъ много новаго, яркаго свѣта, при которомъ прежнія исторіи реформаціи кажутся блѣдными очерками, а тенденціозные взгляды авторовъ ихъ—не нуждающимися въ изобличеніи ошибками. Этимъ новымъ матеріаломъ съ большимъ умѣньемъ воспользовался д-ръ Викентій Закржевскій (нынѣ профессоръ краковскаго университета) въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи „Powstanie i wzrόst reformacyi w Polse 1520—1572“ (Lipsk, 1870). Предметомъ изслѣдованія автора служитъ проникновеніе реформаціи въ Польшу и распространеніе ея здѣсь въ эпоху двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ. Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на томъ вліяніи, какое произвело реформаціонное движеніе на теченіе и строй политической и общественной жизни польскаго народа, и на томъ отношеніи, въ какомъ стояло къ реформаціонному движенію тогдашнее польское католическое духовенство. Лишь въ общихъ чертахъ намѣченная у предыдущихъ изслѣдователей грандіозная борьба увлекшейся реформаціонными идеями шляхты съ католическимъ духовенствомъ, непрерывно ведшаяся на сеймахъ временъ Сигизмунда Августа, впервые въ сочиненіи Закржевскаго является въ своемъ истинномъ видѣ, во всемъ разнообразіи лицъ, интересовъ, стремленій, фигурировавшихъ въ этой борьбѣ, со всѣми типическими особенностями польской религіозной жизни XVI вѣка. Авторъ отрѣшился отъ конфессіональныхъ воззрѣній и тенденцій прежнихъ изслѣдователей и стоитъ на твердой почвѣ объективнаго отношенія къ изслѣдуемымъ имъ фактамъ. Вообще золотой періодъ польскаго протестантства, если въ сочиненіи Закржевскаго и не представляется золотымъ, находитъ себѣ въ немъ безпристрастнаго цѣнителя, знающаго, какую на немъ положить пробу. Эпоха безкоролевья по смерти Сигизмунда Августа, весьма важная въ исторіи борьбы католичества съ протестантствомъ въ Польшѣ и весьма богатая историческими матеріалами, подверглась въ послѣднія двадцать лѣтъ весьма

[1]) Изданія указаны въ своихъ мѣстахъ.

тщательной исторической разработкѣ, результатомъ которой явилось нѣсколько весьма солидныхъ изслѣдованій [1]). Въ заключеніе нашего краткаго очерка исторіи литературы, посвященной изученію польской религіозной жизни XVI вѣка, упомянемъ еще объ интересной брошюрѣ проф. краковскаго университета Іосифа Шуйскаго „Odzodzenie i reformacya w Polsce" (Warsawa, 1880). Это—пять публичныхъ лекцій, читанныхъ профессоромъ въ Варшавѣ зимой 1880 года. Проф. Шуйскій высказалъ въ нихъ много интересныхъ свѣдѣній о такъ называемой эпохѣ возрожденія наукъ въ Польшѣ, вообще очень мало изслѣдованной въ польской литературѣ, и попытался опредѣлить связь ея съ эпохою реформаціи. Въ своемъ краткомъ очеркѣ исторіи реформаціи авторъ дѣлаетъ немало интересныхъ обобщеній, съ которыми впрочемъ не всегда можно согласиться, такъ какъ въ нихъ проглядываетъ католическая тенденція.

Разсмотрѣнная нами литература, посвященная изслѣдованію реформаціоннаго періода польской религіозной жизни, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сочиненіями, занимающимися изслѣдованіемъ тѣхъ или иныхъ частныхъ сторонъ этой жизни, тѣхъ или иныхъ частныхъ эпизодовъ ея, была для насъ весьма важнымъ подспорьемъ при выполненіи нами поставленной себѣ задачи—возвратить кардинала Гозія польской жизни, поставить его въ кругъ польской релегіозной жизни XVI вѣка. Мы не брали на себя непосильной для насъ задачи возсоздать полную картину польской религіозной жизни реформаціонной эпохи. Мы пытались только уловить главные моменты этой жизни, бывшіе вмѣстѣ главными моментами жизни кардинала Гозія,—указать основные фазисы той великой религіозной борьбы, которая шла тогда въ Польшѣ и въ которой кардиналъ Гозій постоянно, хотя не всегда прямо, участвовалъ. Новые документы, изданные въ послѣднія десять лѣтъ, давали намъ возможность восполнить въ нѣкоторыхъ пунктахъ изслѣдованія нашихъ предшественниковъ въ изученіи польской религіозной жизни XVI вѣка и прибавить нѣкоторыя новыя черты къ характеристикѣ той исторической обстановки, въ которой дѣйствовалъ кардиналъ Гозій. При изученіи польской религіозной жизни

[1]) Эти сочиненія указаны въ началѣ IV отдѣла нашего изслѣдованія.

XVI вѣка особенно привлекло къ себѣ наше вниманіе одно интересное явленіе этой жизни, на которое и раньше насъ обращали отчасти вниманіе нѣкоторые изъ прежнихъ изслѣдователей. Это—сильно заявлявшее себя въ Польшѣ XVI вѣка стремленіе къ созданію національной польской церкви и прежде всего къ созванію съ этою цѣлью національнаго собора,—стремленіе, находившее симпатіи даже въ людяхъ, никогда не разрывавшихъ связи съ католичествомъ и причинившее кардиналу Гозію много хлопотъ и безпокойствъ. Насколько позволяли намъ наши источники и насколько намъ можно было это сдѣлать безъ опасенія слишкомъ далеко уклониться отъ прямаго предмета нашего изслѣдованія, мы старались сгруппировать отрывочныя извѣстія о національномъ соборѣ, которыя намъ пришлось встрѣтить въ нашихъ источникахъ,—по возможности избѣгая поспѣшныхъ выводовъ и широкихъ обобщеній, такъ какъ мы считали бывшій у насъ подъ руками матеріалъ недостаточнымъ для произнесенія на основаніи его окончательнаго сужденія.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣтокъ относительно нашего плана. Борьба католичества съ протестантствомъ, которой отдалъ всю свою жизнь кардиналъ Гозій, велась на такой обширной территоріи, на протяженіи такого долгаго времени, что участіе въ ней Гозія не могло быть одинаковымъ во всѣ моменты ея продолженія, на всѣхъ пунктахъ ея распространенія. Поставивъ для себя задачею изобразить дѣятельность Гозія въ борьбѣ съ реформаціею во второй половинѣ XVI вѣка и останавливаясь по преимуществу на тѣхъ ея пунктахъ, въ которыхъ сильнѣе всего проявилось его участіе, мы не считали себя вправѣ опускать и другіе ея моменты, тѣсно связанные съ первыми, какъ акты одной и той же драмы. Въ своемъ отношеніи къ нимъ мы руководились принципомъ ихъ относительной близости—пространственной-ли то, или временной, или какой-либо иной, по прямому предмету нашего изслѣдованія. Такъ, относительно пространства мы сосредоточили все свое вниманіе на польскихъ дѣлахъ и лишь отчасти касались прусскихъ, литовскихъ и западно-русскихъ дѣлъ. Пруссіи мы касались лишь настолько, насколько это считали необходимымъ для пониманія дѣятельности Гозія, какъ прусскаго епархіальнаго епископа. Литвы и

Западной Россіи мы касались лишь на столько, насколько считали это нужнымъ для пониманія общаго хода дѣлъ въ Польшѣ, насколько литовская и западно-русская религіозная жизнь соприкасалась съ польскою. Въ ту эпоху, о которой у насъ рѣчь, Литва и Западная Россія была въ сравненіи съ Польшею особымъ, своеобразнымъ міромъ: лишь за десять лѣтъ до смерти кардинала Гозія совершилась извѣстная люблинская унія, послѣ которой началось дѣйствительное объединеніе Литвы съ Польшею. Литва и Западная Россія были тогда еще почти сплошь православными, и ихъ церковная исторія есть собственно исторія православія въ нихъ. Когда, занимаясь борьбою католичества съ протестантствомъ въ Польшѣ, мы проникали по временамъ въ Литву и Западную Россію, чтобы взглянуть на ту же борьбу и здѣсь, мы находились не на настоящей, т. е. православной землѣ Западной Россіи, а лишь на оазисахъ, отвоеванныхъ у западно-русскаго православія латинопольскою культурою; вліяніе же и успѣхи этой культуры въ періодъ жизни послѣдняго Ягеллона были едва-ли не слабѣе, чѣмъ во всѣ другія времена существованія Западной Россіи подъ властью Польши [1]). Далѣе, кардиналъ Гозій выступилъ въ роли польскаго церковно-историческаго дѣятеля во второй половинѣ XVI вѣка, когда польское общество пережило уже нѣсколько фазисовъ борьбы католичества съ реформаціей, когда противники успѣли уже обмѣняться нѣсколькими довольно сильными ударами. Мы сосредоточили наше вниманіе на дѣятельности кардинала Гозія во второй половинѣ XVI вѣка; но

---

[1]) Первыя по времени свѣдѣнія о реформаціи въ Польшѣ находятся въ сочиненіи Альберта Кояловича Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Ducatu Litvaniae pertinentium (Vilnae, 1650). Лучшее сочиненіе, посвященное исторіи реформаціи въ Польшѣ, принадлежитъ Іосифу Лукашевичу. Это — Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie (1842—1843, Poznan, 2 tomy), или въ нѣмецкомъ переводѣ Geschichte der reformirten Kirchen in Litthauen (Leipzig, 1848—1850, 2 Bnde). Объ исторіи реформаціи въ Литвѣ можно читать въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ изъ литовско-польскихъ историковъ—у Нарбута (Dzieje starożytne narodu Litewskiego, Wilno, 1841, t. IX), Ярошевича (Obraz Litwy pod wzgedem jej cywilizacji, Wilno, 1845, t. III) и Крашевскаго (Wilno od początków jego do roku 1750, Wilno, 1841, t. III), а изъ русскихъ у проф. Кояловича (Литовская церковная унія, Спб. 1859, т. I), преосв. Макарія (Исторія русской церкви, С.-Петербургъ, 1879, т. IX), Соколова (Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, Москва, 1880) и др.

мы считали нужнымъ предпослать ея изображенію обозрѣніе состоянія польской церкви въ первой половинѣ XVI вѣка, и начать свое изслѣдованіе съ царствованія Сигизмунда I, на которое падаетъ начало борьбы католичества съ реформаціей въ Польшѣ, такъ какъ только это могло дать намъ возможность видѣть, какими силами располагалъ Гозій, вступая въ борьбу съ реформаціей, и какими силами располагали его противники. Притомъ же Гозій, юношескіе годы котораго совпали съ началомъ реформаціи, не былъ и до начала своей общественной дѣятельности совершенно безучастнымъ зрителемъ начавшейся въ Польшѣ религіозной борьбы; напротивъ, и въ это время онъ уже принималъ въ ней нѣкоторое участіе и во всякомъ случаѣ жилъ среди этой борьбы, сознательно примкнувъ къ той партіи, вождемъ которой онъ сталъ во второй половинѣ XVI вѣка. — Что же касается наконецъ самой польской религіозной жизни, подлежавшей нашему изученію, то имѣя предметомъ своего изслѣдованія дѣятельность кардинала Гозія, какъ патріарха польскаго католичества, мы хотя довольно подробно описывали ходъ реформаціоннаго движенія, въ которомъ—вся суть тогдашней эпохи, обращали наше вниманіе по преимуществу на состояніе католичества, хотя и находившагося тогда въ развалинахъ, но вскорѣ вставшаго изъ нихъ. Мы даже начали свое изслѣдованіе съ краткаго очерка состоянія католической іерархіи при Сигизмундѣ I, чтобы лучше можно было видѣть, что постепенно теряло польское католичество въ борьбѣ съ реформаціей и что ему приходилось потомъ возвращать.

ОТДѢЛЪ I.

Польская церковь при Сигизмундѣ I (1506—1548).

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Вторая половина XVI вѣка, которой принадлежитъ дѣятельность кардинала Гозія, была самымъ критическимъ моментомъ въ исторіи католической церкви въ Польшѣ. Со вступленіемъ на польскій престолъ Сигизмунда Августа, не скрывавшаго своихъ симпатій къ новымъ вѣяніямъ своего вѣка, реформація, довольно прочно утвердившаяся на польской почвѣ еще въ предыдущее царствованіе, смѣло, открыто выступила на борьбу съ католичествомъ, не скрывая своей мечты—сломить вѣковое господство его въ Польшѣ. Главный натискъ ея направленъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, на самыя сильныя позиціи непріятеля; лучшія силы ея устремлены были на ядро непріятельской арміи, которое образовала римско-католическая іерархія во всеоружіи своихъ сословныхъ правъ и привиллегій. Польская шляхта, проникнувшаяся идеями реформаціи, повела свою аттаку по всѣмъ направленіямъ, на всѣхъ пунктахъ: громко заговорила она на сеймахъ и сеймикахъ противъ независимаго отъ свѣтской власти церковнаго суда надъ отступниками отъ старой вѣры и добилась сперва ограниченія, а потомъ и уничтоженія его; раздались повсюду, особенно на тѣхъ же сеймахъ и сеймикахъ, протесты противъ имущественныхъ привиллегій духовенства, посыпались на духовныхъ со всѣхъ сторонъ упреки въ безнравственности, посыпались жалобы на забвеніе ими ихъ духовныхъ обязанностей, на пристрастіе ихъ къ міру, на захватъ мірской власти; стали вы-

сказываться мнѣнія объ устраненіи польскихъ епископовъ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, объ удаленіи ихъ изъ засѣданій сената, поставлены были въ вопросъ даже права польскаго примаса, наконецъ, поставленъ и нашелъ себѣ сочувствіе даже въ средѣ польской католической іерархіи вопросъ о преобразованіи всей польской церкви на началахъ національности и независимости отъ Рима. Правда, многія изъ этихъ заявленій и протестовъ никогда не выходили изъ области желаній,—другіе-же, хотя изъ области желаній и перешли въ область фактовъ, но перешли не надолго и не во всей желательной полнотѣ. Но все-таки много пришлось передовымъ бойцамъ тогдашняго польскаго католичества потратить силъ ума и воли на борьбу съ реформаціоннымъ движеніемъ, охватившимъ польское общество,—много мрачныхъ, тяжелыхъ минутъ выпало въ этой борьбѣ на долю стоявшаго во главѣ этихъ бойцовъ кардинала Гозія. Эта борьба не будетъ для насъ понятна, не явится для насъ въ истинномъ своемъ свѣтѣ, если мы не присмотримся сперва къ каждой изъ воюющихъ сторонъ, и прежде всего къ той, которая въ этомъ бою защищала свое вѣковое достояніе.

Въ царствованіе Сигизмунда I, къ которому относится начало этой борьбы, положеніе католической іерархіи въ литовско-польскомъ государствѣ оставалось въ томъ-же видѣ, въ какомъ оно было унаслѣдовано отъ предшествовавшихъ вѣковъ польской жизни. Нѣкоторыя измѣненія, произведенныя въ ея положеніи Сигизмундомъ, не имѣли существеннаго значенія, и были лишь необходимыми по обстоятельствамъ времени поправками стараго зданія.

Во главѣ польской церкви стоялъ гнѣзненскій архіепископъ, примасъ польскаго королевства [1]), природный, или постоянный легатъ апостольскаго престола [2]). Въ составъ гнѣзненской мит-

---

[1]) Въ 1417 г. гнѣзненскій архіепископъ Николай Тромба выхлопоталъ отъ констанцскаго собора торжественное признаніе гнѣзненскаго архіепископа примасомъ польскаго королевства, по тому поводу, что во время его отсутствія изъ Польши (онъ присутствовалъ на констанцскомъ соборѣ) львовскій архіепископъ Янъ Ржешовскій короновалъ, безъ его дозволенія, третью супругу Ягелла Елизавету (Dlugossus, Historia Polonica, Francofurti, 1711, t. I, p. 382).

[2]) Въ 1515 г. гнѣзненскій архіепископъ Янъ Ласкій съ латеранскаго собора, по свидѣтельству Ваповскаго, attulit secum praerogativam legationis

рополіи входили епархіи—краковская, владиславская, познанская и плоцкая въ Польшѣ, виленская въ Литвѣ, медникская въ Жмуди. Кромѣ того, власть гнѣзненскаго архіепископа, какъ постояннаго легата, простиралась на львовскую архіепископію, въ составъ которой входили епископіи: перемышльская, холмская, каменецкая, луцкая и кіевская [1]). „Хотя львовскій архіепископъ, говоритъ Кромеръ, имѣетъ свою провинцію, отдѣльную отъ гнѣзненской, однако и онъ, и союзные, или, какъ ихъ называютъ, суффраганные его епископы признаютъ авторитетъ гнѣзненскаго архіепископа, какъ въ аппелляціяхъ и судахъ, такъ и на соборахъ, на которые они призываются имъ“ [2]). Въ описываемое нами время во владѣніяхъ польскаго короля находились еще двѣ епископіи, не принадлежавшія вовсе къ гнѣзненской архіепископіи. Это — вармійская и кульмская епископіи, находившіяся въ западной Пруссіи, принадлежавшей тогда Польшѣ. Вармійскій епископъ въ описываемое нами время не входилъ въ составъ никакой митрополіи [3]), и церковь вармійская, по свидѣтельству Гозія [4]), занимавшаго эту каѳедру со второй половины XVI в., jure fundationis et dotationis подчинена была непосредственно апостольскому престолу. Кульмская епископія входила въ составъ рижской митрополіи [5]).

Высшее польское духовенство—архіепископы и епископы—всецѣло зависѣло, по способу своего назначенія, отъ королевской власти. Королю принадлежало право номинаціи того или другаго лица на извѣстную архіепископскую или епископскую каѳедру, а папѣ предоставлено было лишь право аппробаціи

---

perpetuae sibi et successoribus archiepiscopis (Scriptores Rerum Polonicarum, t. II, Cracoviae, 1874. Хроника Ваповскаго, p. 139).

[1]) Cromerus, Polonia, sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae, libri duo, Coloniae, 1578, p. 152—153. Въ составъ гнѣзненской архіепископіи входили еще епископіи—вратиславская въ Силезіи, принадлежавшей тогда Богеміи, и любушская въ Бранденбургскомъ маркграфствѣ (Ibid. 152).

[2]) Cromerus. 178.

[3]) Ibid. 193.

[4]) Eichhorn. Der ermländische Bischof und Cardinal Stanislaus Hosius. Vorzüglich nach seinem kirchlichen und literarischen Wirken geschildert. Mainz, 1854. I, 209 прим.

[5]) Cromerus, 193.

указаннаго королемъ кандидата [1]). Нѣкоторое исключеніе изъ этого правила составляло избраніе и назначеніе вармійскаго епископа. По привиллегіи, данной Сигизмундомъ I вармійскому капитулу въ 1512 г., вармійскій капитулъ долженъ былъ, по смерти епископа, немедленно извѣстить короля чрезъ особаго депутата объ открывшейся епископской вакансіи, прислать списокъ своихъ членовъ съ указаніемъ ихъ возраста, происхожденія, поведенія, и просить короля о номинаціи четырехъ кандидатовъ на вакантную каѳедру. Король долженъ былъ, въ теченіи восьми дней по полученіи извѣстія объ открывшейся вакансіи, представить капитулу чрезъ своего коммиссара списокъ съ именами четырехъ кандидатовъ изъ числа членовъ вармійскаго капитула прусскаго происхожденія. Изъ нихъ капитулъ и выбиралъ вармійскаго епископа [2]). Кромѣ назначенія на архіепископскія и епископскія каѳедры королю принадлежало право назначенія первыхъ послѣ епископовъ прелатовъ въ каждомъ капитулѣ и нѣкоторыхъ канониковъ; остальные прелаты и каноники назначались отчасти папою, отчасти епископами и вообще патронами [3]). Относительно избранія этихъ прелатовъ и канониковъ Сигизмундъ I заключилъ въ 1525 г. съ папою Климентомъ VII конкордатъ, по которому замѣщеніе вакансіи, открывшейся въ январѣ, мартѣ, маѣ, іюлѣ, сентябрѣ и ноябрѣ принадлежало папѣ, а замѣщеніе вакансіи, открывшейся въ остальныхъ мѣсяцахъ, принадлежало патронамъ [4]). Назначеніе на низшія церковныя должности, замѣщеніе вакансій приходскихъ священниковъ принадлежало обыкновенно тѣмъ лицамъ, которыя были основателями извѣстной церкви, или тѣмъ, на чьихъ земляхъ церковь или ея угодья были расположены,—причемъ избранный утверждался въ своей должности мѣстнымъ епископомъ или отвергался имъ, если

---

[1]) Ibid. 142—143; Relacye Nuncyuszów Apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690, Wydal Rykaczewski, Berlin 1864, I, 67, Relacya Lippomana z roku 1557; ibid. 162—163, Opis Polski Fulwiusza Ruggieri w roku 1565.

[2]) Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie od roku 1732 do roku 1782, wydanego. Petersburg. Nakładem i drukiem Iozafata Ohryzki, 1859, t. I, p. 172—173.

[3]) Cromerus, 144; Relacye, I, 67, Relacya Lippomana; ibid. 164. Opis Polski F. Ruggieri.

[4]) Volumina legum, I, 223—225.

оказывался недостойнымъ ея; а если нѣсколько кандидатовъ было представлено, то епископу принадлежало право выбора одного изъ нихъ [1]). При этомъ, королю, какъ патрону, принадлежало право номинаціи значительнаго количества приходскихъ священниковъ [2]).

Римско-католическая іерархія занимала въ литовско-польскомъ королевствѣ очень высокое положеніе. Ея глава, гнѣзненскій архіепископъ былъ первымъ въ государствѣ лицомъ послѣ короля, занималъ первое мѣсто въ сенатѣ, носилъ титулъ princeps senatus. Правда, объемъ власти и преимуществъ польскаго примаса не былъ точно, юридически опредѣленъ въ тогдашнемъ польскомъ законодательствѣ, но историческія традиціи были въ его пользу. Онѣ могли давать поводъ къ тому, чтобы въ польскомъ обществѣ слагались мнѣнія о власти примаса, какъ перваго лица послѣ короля,—какъ лица, на которое, при отсутствіи короля, переходила нѣкоторая часть королевскихъ прерогативъ [3]). Въ польскомъ сенатѣ первыя мѣста занимали архіепископы—гнѣзненскій и львовскій и епископы—краковскій, владиславскій, или куявскій, познанскій, плоцкій, перемышльскій, холмскій и каменецкій [4]); кромѣ того, въ польскомъ сенатѣ засѣдали вармійскій и кульмскій епископы, въ качествѣ сенаторовъ прусскихъ земель [5]). Виленскій, луцкій, кіевскій и мединкскій епископы во времена Сигизмунда I не засѣдали въ польскомъ сенатѣ, но они имѣли первыя мѣста въ

---

[1]) Cromerus, 144, Relacye, I, 164, Opis Polski Ruggieri.

[2]) Relacye, I, 67, Relacya Lippomana: «król rozdaje mnóstwo plebanii czyniacych razem dochodu do 400,000 talarów».

[3]) Въ 1548 году, по смерти Сигизмунда I, владиславскій епископъ Андрей Зебржидовскій писалъ къ Николаю Дзержговскому, тогдашнему примасу: «scio, et ipsam quidem R. Ptatem V. intelligere... quae et quanta sit R. Ptatis V. dignitas ea, qua Primatis illi nomen tribuimus. Tamen et ego.... rogo atque plane hortor, ut in hoc interregno dignitatis atque officii sui meminerit, omnia ad se Regni negotia discessu isto Regio devoluta esse intelligat (Acta Historica, res gestas Poloniae illustrantia, Cracoviae, 1878. Epistolae Andreae Zebrzydowski, t. I, p. 175. Vladislaviae ineunte Aprili 1548). См. также: Relacye, I, 134—135, Opis Polski Ruggieri; Carncovius, Epistolae virorum illustrium, t. II. Historiae Polonicae Dlugossi, p. 1817, письмо Карнковскаго къ Уханскому; ibid., 1834, письмо того же къ мазовшанамъ; Cromerus, 113.

[4]) Cromerus 106; Relacye, I, 64, Relacya Lippomana; ibid. 133, Opis Polski Ruggieri; ibid., 174, Relacya Juliusza Ruggieri roku 1568; Gvagnini, Sarmatiae Europeae Descriptio, spirae, 1581, p. 42.

[5]) Cromerus, 195.

литовскомъ сенатѣ [1]), причемъ виленскій епископъ назывался princeps senatus [2]). Съ начала XVI вѣка, когда въ Польшѣ особенно часты стали сеймы и сеймики, епископы стали являться на этихъ послѣднихъ. Петроковскій сеймъ 1510 г. сдѣлалъ даже обязательнымъ для епископовъ присутствованіе на сеймахъ, подъ угрозою денежнаго штрафа [3]). Правда, низшіе члены церковной іерархіи не имѣли доступа въ сенатъ, не принимали участія ни въ сеймахъ, ни въ сеймикахъ: но польская исторія разсматриваемаго нами времени представляетъ не мало примѣровъ участія духовныхъ лицъ низшихъ степеней, особенно канониковъ, въ важныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Они, равно какъ и епископы, исполняли, по порученію короля, разныя дипломатическія порученія при дворахъ иностранныхъ государей; они являются въ качествѣ королевскихъ коммиссаровъ по разнымъ дѣламъ, относящимся къ внутренней администраціи королевства, ихъ мы видимъ при королевскомъ дворѣ въ роли королевскихъ секретарей; они обыкновенно занимаютъ весьма важныя въ государственномъ строѣ польскаго королевства должности короннаго канцлера и короннаго подканцлера. Впрочемъ, относительно этихъ послѣднихъ должностей, въ угоду панамъ и шляхтѣ, сдѣланы были въ началѣ XVI в. правительствомъ нѣкоторыя ограниченія. Между тѣмъ какъ прежде, по свидѣтельству Кромера [4]), эти должности занимались почти исключительно духовными лицами, Сигизмундъ I на краковскомъ сеймѣ 1507 года издалъ постановленіе, по которому одна изъ этихъ должностей должна была находиться въ рукахъ духовнаго, а другая—свѣтскаго лица [5]). А тремя годами раньше (въ 1504) въ царствованіе предшественника Сигизмунда, Александра, постановлено было, чтобы должности канцлера и подканцлера впредь не совмѣщались

---

[1]) Relacye, I, 64; Relacya Lippomana; Kojałowicz Albertus, Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Litvaniae Ducatu pertinentium, Vilnae, 1650, p. 74. Въ 1569 г. послѣ извѣстной люблинской уніи и эти послѣдніе епископы получили мѣста въ коронномъ сенатѣ (Vol. leg. II, 93).

[2]) Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia, Romae, 1861, II, 587; Vilnae, VII Calendas Decembris 1555.

[3]) Vol. leg. I, 166.

[4]) Cromerus, 117—118.

[5]) Vol. leg., I, 164.

съ достоинствами важнѣйшихъ епископовъ [1]), что, впрочемъ, какъ увидимъ ниже, не особенно строго соблюдалось. Такимъ образомъ, католическая іерархія,—особенно въ лицѣ епископовъ-сенаторовъ, а часто канцлеровъ и подканцлеровъ, во главѣ съ своимъ примасомъ—первымъ лицомъ послѣ короля,—высоко стояла въ литовско-польскомъ государствѣ. Она представляла собою весьма солидную соціальную силу, съ которою приходилось иногда считаться и королевской власти, и могущественной польской шляхтѣ [2]). Сила эта тѣмъ болѣе могла внушать опасеній, что польская іерархія, имѣвшая въ своемъ распоряженіи столько путей и средствъ къ могущественному вліянію на теченіе польской государственной и общественной жизни, сама стеченіемъ благопріятныхъ для нея обстоятельствъ организовалась въ сильную, независимую отъ свѣтской власти корпорацію, стала почти въ положеніе государства въ государствѣ, стала, какъ выражалось само польское духовенство, „церковною рѣчью посполитою гнѣзненской провинціи“ (respublica ecclesiastica provinciae gnesnensis) [3]).

Прежде всего, католическая церковь въ литовско-польскомъ государствѣ имѣла свой независимый духовный судъ. Начало независимой духовной юрисдикціи относится къ началу XIII вѣка, ко временамъ гнѣзненскаго архіепископа Генриха Кетлича (1199 — 1219), который, по свидѣтельству Длугоша [4]), старался объ освобожденіи духовенства и его имущества изъ-подъ власти свѣтскихъ князей. По его ходатайству, тогдашній великопольскій князь Владиславъ Одоничъ освободилъ всѣхъ, живущихъ на земляхъ познанскаго костела, отъ юрисдикціи воеводъ, каштеляновъ и княжескихъ судей, предоста-

---

[1]) Именно: гнѣзненскаго, краковскаго, владиславскаго, познанскаго, вармійскаго и плоцкаго (Vol. leg., I, 135).

[2]) Недаромъ куявскій епископъ съ такою самоувѣренностію писалъ къ польскому королю о значеніи своего сословія: semper ejus Reipublicae nostrae rationes ita tulerunt, ut in Episcopis magnum rerum atque negotiorum Mtatis V. momentum positum esse videretur (Acta Historica, I, 7, Zebrzydowski Sigismundo, regi Poloniae, Volboriae in Junio 1546). Польское правительство само признавало такое значеніе польскаго духовенства: Cum magna pars Reipublicae nostrae in ordine et statu ecclesiastico consistat.... читаемъ въ конституціяхъ краковскаго сейма 1532 года (Vol. leg., I, 252).

[3]) Acta Historica, I, 516, Constitutiones synodi Petricoviensis 1551.

[4]) Dlugossus, I, 624—625.

вивъ судъ надъ ними епископу [1]). Вслѣдъ за Одоничемъ разные польскіе князья на протяженіи XIII в. подтверждали и расширяли область духовной юрисдикціи; но въ это время духовная власть имѣла право суда надъ людьми, жившими на земляхъ церковныхъ, только по дѣламъ меньшей важности, имѣла юрисдикцію только первой инстанціи, дѣла же большей важности подлежатъ суду князей, а потомъ королей польскихъ [2]). Въ XIV в. духовная юрисдикція постепенно развивалась и расширялась, дѣлала все большіе и большіе захваты въ сферѣ свѣтскаго суда. Казиміръ Великій признавалъ компетентность духовнаго суда въ уголовныхъ дѣлахъ, совершенныхъ духовными лицами [3]). Тотъ же Казиміръ Великій, умѣвшій поддержать честь своей власти, давшій законы всему народу, договаривался съ краковскимъ епископомъ Бодзантою, точно съ независимымъ государемъ, причемъ гнѣзненскій архіепископъ Ярославъ явился въ роли какъ-бы полюбовнаго судьи и примирителя равныхъ сторонъ. Бодзанта, напр., между иными будто-бы уступками соизволяетъ и на то, что если относительно какого-либо дѣла, касающагося десятины, потребуется опредѣленіе шляхетства обвиняемаго лица, то оно впредь будетъ передаваться духовнымъ судомъ свѣтскому [4]). Равнымъ образомъ, онъ выражаетъ свое согласіе и на то, чтобы духовные не позывали впредь свѣтскихъ людей къ духовному суду по дѣламъ о долгахъ и по иным гражданскимъ дѣламъ [5]). Впрочемъ, въ теченіе XIV вѣка духовная юрисдикція еще не установилась прочно, твердо, и свѣтскіе суды въ это время еще разбирали иногда дѣла епископовъ, аббатовъ и остальнаго духовенства [6]). Новою эпохою въ развитіи духовной юрисдикціи было царствованіе Ягелло. Ягелло, пылавшій ревностію новообращеннаго, искуственно разжигаемою окружавшими его католическими прелатами, далъ своимъ новымъ духовнымъ отцамъ яркое доказательство этой своей ревности въ знаменитомъ велюнскомъ эдиктѣ 1424 года, на который впослѣдствіи такъ любило ссылаться польское ду-

---

[1]) Romanowski, Otia Cornicensia, Poznan, 1861, I, 93—94.
[2]) Ibid., 94—104.
[3]) Ibid., 129—130.
[4]) Vol. leg., I, 45.
[5]) Ibid., 46.
[6]) Romanowski, 130.

ховенство. Этотъ эдиктъ, направленный ближайшимъ образомъ противъ гуситовъ, 1) предписывалъ всѣмъ властямъ ловить и наказывать еретиковъ или приверженцевъ ереси, какъ offensores regiæ majestatis; 2) приказывалъ подвергать особому испытанію мѣстныхъ епископовъ или инквизиторовъ всѣхъ возвращающихся изъ Чехіи; 3) повелѣвалъ всѣмъ полякамъ, находящимся въ Чехіи, возвратиться на родину въ теченіе извѣстнаго срока подъ угрозою подвергнуться тому-же наказанію, какому подвергаются еретики, причемъ не только ихъ, но и ихъ потомство объявлялъ лишенными чести, шляхетства и имущества и осужденными на изгнаніе; 4) запрещалъ даже вывозъ въ еретическую страну отечественныхъ продуктовъ [1]). Велюнскій эдиктъ былъ первымъ въ Польшѣ постановленіемъ, имѣвшимъ въ виду интересы религіи, изданнымъ отъ имени короля и принятымъ въ corpus juris polonici. Значеніе этого акта въ исторіи развитія духовной власти въ Польшѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, если мы примемъ во вниманіе, что судъ по дѣламъ объ ереси принадлежалъ духовенству. Тотъ-же Ягелло далъ польскому духовенству еще другое доказательство своей ревности по вѣрѣ изданіемъ въ 1433 г. болѣе важнаго для духовенства постановленія объ отлученныхъ. Въ древнія времена духовные суды при исполненіи своихъ приговоровъ обходились совершенно безъ помощи свѣтской власти. Сила церковныхъ проклятій была такъ велика, что во всемъ договорѣ Казиміра съ Бодзантою мы не находимъ ни одного условія, которое указывало на то, что духовная власть для приведенія въ исполненіе своихъ приговоровъ нуждалась тогда въ постороннемъ содѣйствіи. Но съ теченіемъ времени сила церковныхъ проклятій оказалась недостаточною гарантіей дѣйствительнаго исполненія этихъ приговоровъ. Для поддержанія авторитета ихъ понадобилась посторонняя помощь, которую и предложило духовенству польское правительство въ лицѣ Ягелло. Въ 1433 г. онъ объявилъ, что еслибы кто-либо propter raptum decimarum vel aliarum rerum ecclesiasticarum occupationem, aut ratione excessuum quorumcunque sive etiam in contumatiam de non parendo juri et mandatis s. ecclesiæ подвергся проклятію и пробылъ въ немъ болѣе года, то старосты подъ

[1]) Volum. leg. I, 38.

угрозою проклятія должны были положить запретъ (recipi) на его имущество до тѣхъ поръ, пока онъ не помирится съ церковію и не освободится отъ проклятія [1]). Такимъ образомъ, со времени Ягелло польское духовенство не только пользовалось полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ [2]), но въ силу постановленія 1433 г. получило (по крайней мѣрѣ съ своей точки зрѣнія, если не съ точки зрѣнія шляхты) юрисдикцію надъ всѣмъ народомъ по разнымъ дѣламъ, такъ какъ подъ рубрикою „contumacia de non parendo juri et mandatis sanctæ ecclesiæ“ могло подойти очень многое. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эдиктъ этотъ не могъ имѣть въ Польшѣ большаго практическаго значенія: онъ стоялъ въ противорѣчіи съ извѣстною гервинскою привиллегіею Ягелло (1422), по которой преимущества шляхты не могли быть конфискованы иначе, какъ по суду, слѣдов., не могъ разсчитывать на всеобщее признаніе. Кромѣ того, кругъ дѣлъ, подсудныхъ духовному и свѣтскому суду, не былъ въ тогдашнемъ законодательствѣ опредѣленъ, слѣдов., старосты могли не приводить въ исполненіе приговоровъ духовнаго суда, ссылаясь на то, что они постановлены по дѣламъ, не подлежащимъ духовному суду.

Постепенно, въ теченіе предшествовавшихъ вѣковъ польской исторіи расширявшаяся и укрѣплявшаяся духовная юрисдикція унаслѣдована была въ указанныхъ нами размѣрахъ и XVI вѣкомъ, о которомъ у насъ рѣчь. Въ самомъ началѣ этого столѣтія особенно много потрудился въ пользу своего сословія извѣстный прелатъ Янъ Ласкій. Въ сборникъ статутовъ, представленный имъ на утвержденіе Александру (въ 1505 г.), онъ постарался помѣстить все, что только подтверждало, укрѣпляло, расширяло права духовенства, и папскія буллы, и каноническія постановленія и даже просто мнѣнія канонистовъ (напр. Николая Котфича о церковныхъ проклятіяхъ, который до такой степени расширилъ сферу ихъ дѣйствій, что наложеніе ихъ потеряло всякую тѣнь правовыхъ функцій) [3]). Впрочемъ, Але-

---

[1]) Volum. leg., I, 89.

[2]) На основаніи фактовъ, приводимыхъ Длугошемъ (Dlug., II, 357—362) могло заключать, что при Ягелло духовные суды и только они одни имѣли право судить даже уголовныхъ преступниковъ, если послѣдніе принадлежали къ духовному сословію.

[3]) Vol. leg. 155—162.

ксандръ утвердилъ составленный Ласкимъ статутъ съ очень важными оговорками: онъ утвердилъ въ статутѣ только то, что законно и справедливо дано было и постановлено его предшественниками [1]); относительно же всего остальнаго, внесеннаго Ласкимъ въ статутъ, онъ объявилъ, что оно помѣщено тамъ ad communem univerorsum subditorum nostrorum cognitionem eruditionemque [2]). Въ продолжительное царствованіе Сигизмунда I духовный судъ въ литовско-польскомъ государствѣ стоялъ такъ же высоко, какъ и прежде,—встрѣчалъ со стороны правительства такое же безспорное признаніе своей компетентности не только въ духовныхъ, но и во многихъ свѣтскихъ дѣлахъ, какъ и прежде. Если же приговоры духовныхъ судовъ этого времени, направленные противъ приверженцевъ реформаціонныхъ идей, не приводились иногда въ исполненіе, то не потому, что тогдашнее правительство не признавало компетентности духовныхъ судовъ, а по другимъ независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Сигизмундъ I, какъ увидимъ ниже, издалъ цѣлую массу декретовъ противъ отступниковъ отъ старой вѣры. Во все продолженіе его царствованія, какъ и въ прежнія времена, не перестаютъ раздаваться голоса недовольства слишкомъ широкимъ объемомъ духовной юрисдикціи. Въ 1519 г. Сигизмундъ даже принужденъ былъ издать на сеймѣ постановленіе, запрещавшее свѣтскимъ людямъ, подъ угрозой денежнаго штрафа, обращаться въ духовные суды по свѣтскимъ дѣламъ, причемъ предоставилъ провинціальному синоду опредѣлить съ своей стороны величину штрафа съ духовныхъ лицъ, позывающихъ свѣтскихъ въ духовные суды [3]). Въ 1532 г. для прекращенія споровъ духовнаго и свѣтскаго сословій изъ-за судовъ (ne inter ordinem spiritualium et saecularium propter indebitas ad fora in pertinentia evocationes, odia et simul tates excitentur) Сигизмундъ обѣщалъ уже провести грань между духовнымъ и свѣтскимъ судомъ. Для этого онъ обѣщалъ назначить особую коммиссію

---

[1]) Ibid. 161: privilegia, indulta, munimenta, statuta, donationes, libertates praerogativas, immunitates... per illustrissimos ac serenissimos Praedecessores nostros, Principes, Reges, Reginas, Haeredes, et Duces Poloniae, et per Nos ipsos, Regno Poloniae.... *juste et legitime* datas, donatas, concessas, et emanatas .. roboramus, confirmamus et ratificamus.

[2]) Vol. leg., I, 161.

[3]) Ibid., I, 175.

для исправленія законовъ, которая имѣла опредѣлить, какія дѣла подлежатъ духовному суду, а какія—свѣтскому; духовенству же предложилъ составить провинціальный синодъ и на немъ опредѣлить наказанія, которыя долженъ былъ нести на будущее время всякій духовный, позвавшій свѣтскаго къ духовному суду по неподсуднымъ ему дѣламъ [1]). Польское духовенство составило синодъ въ Петроковѣ въ 1542 г., на которомъ опредѣлило тотъ кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію духовныхъ судовъ, который принятъ былъ краковскимъ сеймомъ 1543 г. По сеймовой конституціи духовному суду, прежде всего, принадлежатъ дѣла о вѣрѣ, ересяхъ, расколахъ, богохульствахъ и отступничествѣ; затѣмъ къ нему относятся дѣла о десятинахъ, о семи церковныхъ таинствахъ, бенефиціяхъ, святотатствѣ, симоніи, процентахъ, убійствѣ духовныхъ лицъ, нанесеніи имъ ранъ и побоевъ, святотатствѣ, и о всѣхъ тѣхъ, которые прибѣгаютъ подъ защиту храмовъ или монастырей, за исключеніемъ однакожъ тѣхъ, которыхъ законъ не позволяетъ защищать въ храмахъ; къ духовному суду отнесены также дѣла о ворожбѣ, чародѣйствѣ, о церковныхъ оброкахъ, объ основаніи церквей (послѣднія съ извѣстными ограниченіями). Тою-же конституціею къ духовной юрисдикціи отнесены бѣдные, не могущіе собственными руками добывать себѣ пропитаніе; духовному суду предоставлено произносить приговоры о дѣтяхъ законнаго или незаконнаго брака; ему же предоставлено право разбирать дѣла тѣхъ, которые добровольно предаются духовному суду, за исключеніемъ подданныхъ шляхты. Наконецъ, къ духовному суду отнесены дѣла о проступкахъ противъ храмовъ и лицъ, имѣющихъ посвященіе,—дѣла о патронатствѣ, дѣла бракоразводныя (причемъ рѣшеніе относительно приданнаго разведенной жены предоставлено было свѣтскому суду); по дѣламъ о завѣщаніяхъ позволено было обращаться и къ тому, и къ другому суду, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда что-либо завѣщано было въ пользу церкви или на дѣла милосердія [2]). Изъ этого перечня дѣлъ, отнесенныхъ сеймовою конституціею къ духовной юрисдикціи, видно, какъ широка была сфера духовнаго суда при концѣ первой половины XVI

---

[1]) Ibid., I, 250.

[2]) Vol. leg., I, 283—284.

вѣка: польское правительство этимъ постановленіемъ не только признало полную компетентность церковнаго суда въ сферѣ духовныхъ дѣлъ, но и санкціонировало многіе захваты, сдѣланные въ предыдущіе вѣка церковнымъ судомъ въ сферѣ свѣтскаго суда. Впрочемъ, нужно замѣтить, что эта побѣда духовнаго сословія въ борьбѣ съ свѣтскимъ изъ-за духовной юрисдикціи не была безусловною: по крайней мѣрѣ, результаты ея противная сторона могла оспаривать. Земскіе послы приняли конституціи краковскаго сейма только на годъ или до будущаго сейма [1]), слѣдов. могли считать ихъ недѣйствительными по истеченіи этого срока, такъ какъ послѣдующимъ сеймомъ онѣ не были утверждены. Но духовенство, съ своей точки зрѣнія, имѣло право считать ихъ дѣйствительными и для всѣхъ обязательными, такъ какъ онѣ не были отмѣнены послѣдующими сеймами и вмѣсто нихъ ничего на этихъ сеймахъ не было постановлено.

Кромѣ полнаго внутренняго самоуправленія, кромѣ обширной юрисдикціи, католическая іерархія XVI вѣка унаслѣдовала отъ прежнихъ вѣковъ еще одно немаловажное преимущество. Предыдущія поколѣнія польской церковной іерархіи оставили послѣ себя польскому духовенству XVI вѣка весьма богатое наслѣдство, пріобрѣтенное цѣлыми вѣками непрестанныхъ трудовъ и усилій, нажитое всевозможными средствами, если и не всегда прямыми и честными, то требовавшими за то отъ собирателей очень много ума, ловкости, практическаго смысла, умѣнья пользоваться хорошо сложившимися обстоятельствами. Богатое наслѣдство, завѣщанное польской іерархіи ея предками, заключалось въ богатыхъ помѣстьяхъ, поляхъ, лугахъ, въ многочисленныхъ селахъ, замкахъ, даже въ цѣлыхъ городахъ, съ десятками тысячъ крѣпостныхъ, съ утра до ночи работавшихъ на счастливыхъ наслѣдниковъ [2]). Самыми счастли-

[1]) Закржевскій нашелъ въ копіи конституцій краковскаго сейма 1543 года, находящейся въ «Коронной Метрикѣ», слѣдующую прибавку: «Które to konstytucye na gózze pisane, a zwłaszcza około postępku prawa i innych artykułów wedla żandosci (f. i, żądania) posłow Ziemskich, iżby się z inną brazią swą a poddanymi naszymi w sprawach ich obaczyli a postanowili, do roku abo do sejmu drugiero trwac mają (Zakrzewski, Powstanie i wzrόst reformacyi w Polsce 1520—1572, Lipsk., 1870, str. 241 примѣч.). Этой прибавки, какъ извѣстно, нѣтъ въ «Vol. leg.».

[2]) Cromerus, 149; Relacye, I, 163, Opis Polski, F. Ruggieri.

выми и богатыми наслѣдниками были, конечно, высшіе представители польской іерархіи — епископы. По своимъ богатствамъ, по количеству всѣхъ селъ и городовъ нѣкоторые изъ нихъ не уступали богатѣйшимъ польскимъ панамъ [1]). Годовой доходъ нѣкоторыхъ изъ нихъ простирается до нѣсколькихъ тысячъ талеровъ, или до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ злотыхъ [2]); нѣкоторые изъ нихъ были владѣтелями цѣлыхъ округовъ и

---

[1]) Мы имѣемъ весьма любопытныя свѣдѣнія о богатствахъ польскихъ епископовъ въ не разъ уже цитованныхъ нами реляціяхъ папскихъ нунціевъ и другихъ лицъ о Польшѣ, которыя, если и не даютъ точнаго понятія объ этихъ богатствахъ, во всякомъ случаѣ имѣютъ значеніе, какъ приблизительно-вѣрныя показанія ихъ. Правда, реляціи эти относятся ко второй половинѣ XVI в., но сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія можно относить и къ первой половинѣ этого вѣка, такъ какъ во второй половинѣ XVI в. имущества польскаго духовенства не увеличились въ своихъ размѣрахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже уменьшились, какъ мы увидимъ ниже. — Фульвій Руджіери о богатствахъ гнѣзненскаго архіепископа пишетъ: posiada 360 wsi, między innemi miasto Łowicz, Rawę i kilka innych (Relacye, I, 162, Opis Polski F. Ruggieri).

[2]) Фульвій Руджіери указываетъ слѣдующія цыфры доходовъ польскихъ епископовъ: гнѣзненскій архіепископъ получаетъ ежегоднаго дохода 60,000 злотыхъ, краковскій 50,000 злотыхъ, кіевскій и плоцкій по 30,000, познанскій 20,000, львовскій архіепископъ 30,000, перемышльскій 6,000, холмскій и каменецкій по 2,000, вармійскій 12,000 (a mógłby mieć, прибавляетъ нунцій, до 40,000, gdyby równie jak inni uciskał poddanych), кульмскій 6,000, луцкій 5,000. Указавъ эти цыфры, Руджіери продолжаетъ: Wiedzieć nadto potrzeba że do tych wszystkich dochodów nie liczy się zboże, mięso i inne wiktuały z dóbr wybierane, wino i korzenie z miast biskupom dostarczane (Ibid. 162). Нунцій Юлій Руджіери указываетъ слѣдующія цыфры доходовъ польскихъ епископовъ: гнѣзненскій архіепископъ получаетъ 25,000 талеровъ, краковскій—21,000, познанскій 15,000, плоцкій—1,400; цыфръ доходовъ остальныхъ епископовъ онъ не указываетъ, а замѣчаетъ только, что они не такъ богаты (Ibid. 195—196, Relacya I. Ruggieri). Доходовъ католическихъ епископовъ въ Литвѣ и Руси ни Фульвій Руджіери, ни Юлій Руджіери не указываютъ съ точностію, послѣдній, очевидно причисляетъ ихъ къ числу менѣе богатыхъ, а о кіевскомъ и каменецкомъ епископахъ прямо замѣчаетъ, что они самые бѣдные и не имѣютъ даже 1,000 талеровъ годоваго дохода (Ibid. 196). Вообще эти епископіи были бѣднѣе собственно польскихъ, такъ что Сигизмундъ I въ 1591 г. просилъ даже папу Льва X дозволить виленскому епископу Яну попрежнему получать тѣ же доходы, которые онъ получалъ прежде въ санѣ плоцкаго каноника (Daniłowicz, Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwał, narodowych, postanowień różnych władz i urzędów, posługujących do krytycznego myjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Wilno, 1862, II, 294). Въ 1544 г. Сигизмундъ I писалъ папѣ Павлу III о кіевской епископіи: vacuit longo tempore Kioviensis ecclesia.... quam propter proventuum tenuitatem nemo erat, qui gubernandam susciperet (Theiner, II, 544).

носили даже княжескій титулъ [1]). Не одни польскіе епископы получили въ наслѣдство отъ своихъ предковъ такія большія богатства. Богатое наслѣдство выпало на долю и другихъ членовъ польской іерархіи, особенно прелатовъ и канониковъ, а между этими послѣдними—краковскихъ и вармійскихъ [2]). Вообще матеріальное положеніе не только высшихъ въ лѣстницѣ польской іерархіи сановниковъ, но и низшихъ, даже приходскихъ священниковъ было, по свидѣтельству писателей XVI вѣка, если и не всегда роскошнымъ, блестящимъ, то по крайней мѣрѣ достаточнымъ, удовлетворительнымъ [3]). Кромѣ доходовъ съ поземельныхъ владѣній, польская іерархія съ самыхъ первыхъ временъ существованія католичества въ Польшѣ пользовалась такъ называемою десятиною, которая обыкновенно раздѣлялась между епископами, прелатами, канониками и сельскими священниками [4]). Польское законодательство въ описываемое нами время строго гарантировало духовенству полученіе этой десятины. Сигизмундъ I въ 1528 г. издалъ строгій эдиктъ къ сенаторамъ прусскимъ съ приказаніемъ по прежнему давать десятину Куявскому епископу съ прусскихъ земель, входившихъ въ его епархію, такъ какъ подъ вліяніемъ проникшей уже въ это время въ Пруссію реформаціи тамъ перестали было платить десятину этому епископу [5]). Такъ же благосклонно относилось польское правительство и къ обширнымъ поземельнымъ владѣніямъ польскаго духовенства, которыя оно освободило почти отъ всѣхъ податей и повинностей [6]).

---

[1]) Напр. краковскій епископъ владѣлъ сѣвернымъ княжествомъ (Acta Historica, I, 333, Zebrzydowski Nobilitati Severiensi, Dibovi, 7 Mai 1551; Ibid. 366, idem eidem, Cracoviae, 17 Septembris 1551); Плоцкій епископъ былъ княземъ Пултускимъ (Relacye, I, 162); вармійскій епископъ пользовался всѣми правами владѣтельнаго князя въ Варміи (Eichhorn, I, 142).

[2]) О доходахъ канониковъ Фульвій Руджіери пишетъ: kanonicy katedralni posiadają znaczne dobra i intraty. Naibogatsi są krakowscy i warmiáscy, którzy mają do tysiąca złotych dochodu, ploccy nie więcej jak 200, ale za to probbstwo, plockie przynosi 6000 złotych rocznego dochodu i może mieć 500 koni, dziekaństwo krakowskie 4000 złotych. Sa także bogate probostwa gnieźnieńskie, poznańskie, warszawskie, i ime których jedna osoba pięç lub sześć posiadać może (Relacye, I, 163).

[3]) Ne abbatum quidem, ac caeterorum sacerdotum, primariorum praesertim, quos praelatos vocant, et monasteriorum, atque etiam paraecorum piis et honestis usibus male prospexit similis pietas et beneficentia (Cromerus, 149).

[4]) Cromerus, 149; Relacye, I, 165, Opis Polski F. Ruggieri.

[5]) Volum. leg., I, 239—240. [6]) Cromerus, 149—150.

Правда, Сигизмундъ I въ этомъ отношеніи дѣлалъ какъ-бы нѣкоторыя ограниченія, или попытки къ нимъ: въ 1527 году онъ, напр., велѣлъ произвести оцѣнку церковныхъ имѣній, чтобы опредѣлить количество слѣдуемаго съ каждаго изъ нихъ сбора на военныя надобности, но на этотъ сборъ *добровольно* согласилось само духовенство [1]); въ 1544 г. онъ обѣщалъ земскимъ посламъ хлопотать въ Римѣ о томъ, чтобы лицамъ, владѣющимъ церковными бенефиціями, но не имѣющимъ посвященія, дозволено было идти на войну personaliter, но тогда же, вопреки требованіямъ шляхты, отказался привлечь солтысовъ духовныхъ имѣній къ отбыванію военной повинности [2]). Но эти постановленія не колебали привиллегированнаго экономическаго положенія католической іерархіи, и тотъ же король въ другихъ случаяхъ съ охотою подтверждалъ ея привиллегіи [3]).

Изображенное нами въ общихъ чертахъ государственное, юридическое и экономическое положеніе католической іерархіи въ литовско-польскомъ государствѣ de jure давало ей возможность de facto превращаться въ могучую соціальную силу, — подъ тѣмъ, безъ сомнѣнія, условіемъ, если направленіе этой силы находилось въ рукахъ отвѣчавшихъ дѣлу двигателей. Мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться, какимъ могучимъ рычагомъ въ общемъ движеніи польской жизни могла быть эта сила, если ею заправляли лица, даже и не очень многочисленныя по количеству, но имѣвшія вѣрное понятіе объ этой силѣ и ея отношеніи къ другимъ соціальнымъ силамъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться. Но сила эта вовсе не производила тѣхъ результатовъ, какихъ можно было-бы отъ нея ожидать, если заправителями ея являлись люди, или не способные дать ей надлежащее направленіе, соображенное съ условіями среды, въ которой ей приходилось дѣйствовать, или же сознательно или безсознательно отклонявшіе ее отъ цѣли, которой

---

[1]) Vol. leg., I, 238.

[2]) Ibid., 286.

[3]) Наприм. Сигизмундъ I въ 1529 г. издалъ подтвердительную грамоту канонникамъ виленскаго капитула св. Станислава на сборъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ имѣніе Стрѣшно (Акты относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Спб. 1863, I, 75); въ 1535 г. онъ издалъ двѣ подтвердительныя грамоты объ освобожденіи церковныхъ людей виленскаго капитула отъ мостовой работы (Тамъ же, 85).

она призвана была служить. А между тѣмъ такіе не отвѣчавшіе дѣлу двигатели часто заправляли этой силою, даже очень часто. Прецедентовъ для этого много было въ самомъ положеніи католической іерархіи въ литовско-польскомъ государствѣ. Большія матеріальныя богатства, завѣщанныя польской іерархіи прежними ея поколѣніями, видное государственное и общественное положеніе, способное удовлетворить даже и недюжинное честолюбіе, все разнообразіе правъ и привиллегій, которыми было издавна такъ богато надѣлено польское духовенство и которыя такъ тщательно гарантировали его личную и имущественную безопасность при всѣхъ тревольненіяхъ тогдашней далеко не покойной жизни.—все это было слишкомъ заманчиво, чтобы не сдѣлаться предметомъ исканій для людей, любящихъ жизнь со всѣми ея благами. Въ Римѣ при одномъ извѣстіи объ открывшейся въ Польшѣ вакансіи каноника или какой-либо иной, приносившей хорошій доходъ, являлись цѣлыя толпы искателей, старавшихся получить его отъ папы, даже въ такихъ случаяхъ, когда папа не имѣлъ права распоряжаться замѣщеніемъ этой вакансіи, такъ что польское правительство сочло наконецъ нужнымъ оградить особымъ закономъ принадлежавшее ему въ извѣстныхъ случаяхъ право на раздаваніе каноникатовъ [1]). Получивъ въ Римѣ разными правдами и неправдами приносившее хорошій доходъ мѣсто каноника или другое какое-либо, они иногда и для вида не скрывали своихъ истинныхъ намѣреній и, исправно получая доходы, не помышляли вовсе о поѣздкѣ въ далекую Польшу или Литву, откуда шли эти доходы [2]). Епископство, прелатура, каноникатъ представляли собою такой лакомый кусокъ, что польская шляхта съ конца XV в. стала употреблять всевозможныя усилія, чтобы по возможности монополизировать для себя пользованіе этимъ кускомъ. Усилія шляхты увѣнчались успѣхомъ. Декретами польскихъ королей, въ угоду шляхтѣ, было объявлено, чтобы на будуще время епископства, прелатуры, каноникаты предоставлялись, за немногими исключеніями, только лицамъ шляхетскаго происхожденія. Тѣми-же декретами число канониковъ изъ нешляхтичей въ капитулахъ было строго, разъ

[1]) Vol. leg., I, 139, статутъ Александра 1505 г.
[2]) Ibid., 259—260.

навсегда, ограничено, и при этомъ они могли быть членами не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ капитуловъ, да и въ эти послѣдніе имъ пролагала дорогу только степень доктора богословія, права или медицины. Тѣ-же декреты строго запрещали возводить ихъ на каѳедры епископовъ и даже на должности прелатовъ въ капитулахъ [1]).

Если теперь мы припомнимъ сказанное нами о способѣ назначенія духовныхъ лицъ въ Польшѣ, то должны будемъ признать, что въ литовско-польскомъ государствѣ, католическая іерархія не была гарантирована отъ поступленія къ ея среду лицъ, не имѣвшихъ внутренняго расположенія къ духовному званію, а шедшихъ въ него по инымъ мотивамъ. Возведеніе на епископскія каѳедры, назначеніе высшихъ капитульныхъ прелатовъ и канониковъ, даже замѣщеніе очень многихъ богатыхъ плебаній, зависѣло, какъ мы знаемъ, отъ короля, отъ лицъ, близкихъ ко двору, отъ знатнѣйшихъ магнатовъ,—словомъ, отъ такихъ сферъ, гдѣ далеко не всегда способны были руководиться чистыми побужденіями [2]). Доказательствъ этого въ царствованіе Сигизмунда I мы находимъ едва-ли не болѣе, чѣмъ въ другія времена. Особенно это нужно сказать о послѣднихъ годахъ царствованія, когда большое участіе въ государственныхъ и церковныхъ дѣлахъ принимала его супруга, Бона. Хотя сама королева была усердною католичкой, это не мѣшало ей доставлять епископскія каѳедры лицамъ, приверженнымъ къ реформаціонным идеямъ, если только они ей за это могли хорошо заплатить. Вотъ почему на епископскихъ каѳедрахъ во времена Сигизмунда I мы видимъ лицъ, болѣе или менѣе склонныхъ къ идеямъ реформаціи. Назначеніе одного изъ нихъ—Леонарда Слончевскаго—Станиславъ Гозій, бывшій тогда королевскимъ секретаремъ, встрѣтилъ такими словами: „Парадоксъ какой-то

---

[1]) Vol. leg. I, 120, статутъ Яна Альбрехта 1496 года; Ibid., 138, статутъ Александра 1505 года; Relacye, I, 164, Opis Polski F. Ruggieri.

[2]) Въ началѣ второй половины XVI в. Модржевскій писалъ: audivimus querelas hominum, multa in illis episcopis desiderantium: non erant obscurae ambitiones multorum, honores et divitias episcoporum mire ardentium. Visae sunt concursationes illorum tum ad principum aulas, tum ad eorum limina, quos gratiosos esse apud illos putabant. Haeserunt in multis largitionum supiciones, vix unquam hoc rerum statu eluendae (Modrevius, De republica emenanda, Basileae, 1559, p. 362).

произошелъ: докторъ Леонардъ, который въ каѳедральной церкви былъ не совсѣмъ свободенъ отъ подозрѣнія въ приверженности къ новизнѣ, назначенъ по милости Его Величества каменецкимъ епископомъ [1]). О холмскомъ, впослѣдствіи куявскомъ епископѣ Янѣ Дройовскомъ Модржевскій, стоявшій къ нему въ близкихъ отношеніяхъ, прямо говоритъ, что онъ сожалѣлъ предъ смертью, что не имѣлъ мужества высказать предъ людьми своихъ истинныхъ убѣжденій, и собирался это непремѣнно сдѣлать, еслибы пожилъ дольше; относительно же этихъ убѣжденій онъ замѣчаетъ, что Дройовскій желалъ реформы въ вѣрѣ и обрядахъ и публично жаловался на отнятіе чаши у мірянъ и на запрещеніе ксендзамъ жениться, равно какъ считалъ папскую власть слишкомъ обширною [2]). Объ этомъ-же епископѣ и Гозій писалъ: sunt de eo non belli rumores [3]). Куявскаго епископа Андрея Зебржидовскаго также подозрѣвали въ приверженности къ реформаціоннымъ идеямъ, хотя онъ въ слѣдующее царствованіе выступилъ, по крайней мѣрѣ по виду, рьянымъ защитникомъ католичества, особенно католической іерархіи [4]).

Болѣе общимъ недугомъ тогдашняго духовенства былъ свѣтскій характеръ его, омірщеніе его. Многіе и шли на епископскія должности только изъ честолюбія, изъ жажды видной государственной и общественной дѣятельности: не получивъ еще отъ папы утвержденія въ своемъ санѣ, не принявъ епископскаго посвященія, они уже спѣшили вступить въ отправленіе своихъ свѣтскихъ обязанностей, спѣшили на сеймы и въ сенатъ [5]). Нѣкоторые изъ тогдашнихъ епископовъ почти всю жизнь проводили въ засѣданіяхъ въ сенатѣ и на сеймахъ, въ поѣздкахъ по иностраннымъ дворамъ съ разными дипломати-

---

[1]) Acta Historica, IV, 219, Epist. Hosii Dantisco, Cracoviae, 16 Julii 1546.

[2]) Modrzewski въ сочиненіи Liber de hominis libero arbitrio (Ossoliński, Wiadomości Historycznokrytyczne do dziejów literatury Polskiej o pisarzach polskich, także postronnych, którzy w Polsce albo o Polsce pisali, oraz o ich dziełach, Lwów 1852, IV, 130—131).

[3]) Eichhorn, I, 76 прим.

[4]) Въ письмѣ къ краковскому епископу Самуилу Мацѣевскому онъ оправдывается отъ упрековъ въ покровительствѣ лютеранамъ (Acta Historica, I, 49. Raciąż, m. Novemb. 1546). Въ томъ же онъ оправдывается и въ письмѣ къ Гозію (Ibid., 50, Zebrzydowski Hosio, Raciąż m. Novemb. 1546).

[5]) Cromerus, 143.

ческими порученіями, и на этихъ поприщахъ часто оказывали государству и обществу большія услуги; но при этихъ занятіяхъ у нихъ оставалось слишкомъ мало времени для исполненія ихъ пастырскихъ обязанностей. Отправленіе свѣтскихъ обязанностей считалось тогда самою существенною функціею епископской дѣятельности; епископъ, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, это прежде всего свѣтскій сановникъ, несущій ту же государственную службу, что и воеводы и каштеляны. Сами епископы усвоили себѣ этотъ взглядъ. Кіевскій епископъ Андрей Зебржидовскій, рекомендуя двору одно лицо на епископскую каѳедру, высказываетъ по этому поводу такую мысль: „мнѣ кажется, что въ нашъ теперешній вѣкъ три качества по преимуществу требуются отъ епископа: прежде всего—происхожденіе, затѣмъ—авторитетность, наконецъ—любовь къ государству“ [1]). О другихъ качествахъ будущаго пастыря епископъ не считаетъ нужнымъ и говорить, какъ о второстепенныхъ.

Свѣтское направленіе высшаго польскаго духовенства, при ревностномъ и добросовѣстномъ его служеніи мірскимъ нуждамъ общества, могло еще до нѣкоторой степени находить для себя оправданіе въ той пользѣ, которую оно приносило на этомъ поприщѣ. Къ сожалѣнію, и это смягчающее обстоятельство неприложимо къ большинству польской іерархіи первой половины XVI вѣка. За этимъ большинствомъ не числится никакихъ государственныхъ и общественныхъ заслугъ. Это большинство шло въ духовное званіе просто изъ желанія—получше, пороскошнѣе пожить на духовныхъ хлѣбахъ. Люди этого пошиба менѣе всего склонны были помнить о томъ, о чемъ устами краковскаго епископа Петра Гамрата напоминалъ имъ на провинціальномъ синодѣ каноникъ Гозій,—о томъ именно, что они поставлены отъ Бога только распорядителями, а не владыками временныхъ благъ, что ихъ имущества принадлежатъ собственно нищимъ, что въ противномъ случаѣ нужно опасаться, какъ-бы они не оказались грабителями и раззорителями своихъ братій [2]). Этотъ обличительный голосъ

[1]) Acta Historica, I, 6, Zebrzydowski Bonae, Reginae Poloniae, Volboviae, mense Iunio 1546 r.

[2]) Acta Historica, IV, 71—74, Oratio Petri Gamrat Episcopi Cracoviensis in synodo provinciali, ab Hosio composita, circa 15 Mai 1539, Petricoviae.

остался, безъ сомнѣнія, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, тѣмъ болѣе, что онъ исходилъ изъ груди человѣка, который былъ не лучше многихъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ дѣлился этими мыслями благочестиваго каноника [1]). Польскіе епископы не только не были расположены сдѣлаться лишь распорядителями и раздавателями находившихся въ ихъ распоряженіи земныхъ благъ, но обыкновенно не считали ихъ достаточными для удовлетворенія своихъ нуждъ и прихотей. Въ царствованіе Сигизмунда I мы видимъ постоянныя перемѣщенія епископовъ съ однѣхъ каѳедръ на другія,—съ „тощихъ епископій (употребимъ выраженіе современника) на болѣе жирныя, не съ тѣмъ, чтобы принести болѣе добра, а съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсть болѣе богатствъ и почестей“ [2]). Пути, которыми можно было перейти съ одной каѳедры на другую, были многочисленны и разнообразны. Самымъ широкимъ и вѣрнымъ изъ нихъ была aurea via [3]). Были, конечно, и такіе счастливцы, которые мѣну однихъ епископій на другія не оплачивали золотомъ, успѣли иными средствами снискать благоволеніе всесильной Боны [4]). Но aurea via въ тотъ „золотой вѣкъ“ [5]) была обычной дорогой, по которой епископы восходили на свои каѳедры [6]). Духовныя лица низшихъ степеней старались достигнуть увеличенія своихъ богатствъ соединеніемъ въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ духовныхъ должностей съ ихъ бенефиціями, чѣмъ не брезгали и польскіе епископы. Этотъ обычай такъ глубоко укоренился въ Польшѣ, что впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, много труда стоило Риму и его агентамъ провести въ жизнь польскаго духовенства извѣстное постановленіе тридентскаго собора, вос-

---

[1]) Дамалевичъ говоритъ о Гамратѣ, что онъ luxui, vanitatibus, parasitis, ludionibus, compotationibus, et libidini deditus fuit (Damalewicz, Series Archiepiscoporum Gnesnensium, Varsaviae, 1649, p. 298).

[2]) Modrzewski w Ossolinskim (IV, 131).

[3]) Дамалевичъ говоритъ, что Латальскій съ краковской каѳедры перешелъ ad ecclesiam Metropolitanam eadem aurea via (Damalew. 265).

[4]) Damalewicz, 297.

[5]) Такъ не безъ юмора назвалъ то время Буженскій (Bużeński, Żywoty Arcybiskupów Gnieźnieńskich. Z łacińskiego na język polski przełożył Szyszko, Wilno, 1860, t. II, str. 246).

[6]) Даже примасъ Николай Дзержговскій, по замѣчанію Damalewicz'a, iniquitati temporum cedens, humanum quid in eo passus est, ut auro iter expediter (Damalewicz, 301).

прещавшее совмѣщеніе въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ духовныхъ должностей съ ихъ бенефиціями.

Достигнувъ разными кривыми путями своей цѣли, дорого заплативъ за обладаніе богатыми епископіями, много положивъ труда и усилій на пріобрѣтеніе благоволенія королевы, эти любители богатой, роскошной жизни не за пастырскія свои обязанности, не за проповѣданіе слова Божія принимались: имъ естественнѣе было ухватиться посворѣе за доставшійся имъ наконецъ лакомый кусокъ, чтобы вознаградить себя за потраченныя деньги, за подъятые труды, чтобы устроить, наконецъ, свою жизнь по своимъ вкусамъ и прихотямъ. Они, дѣйствительно, жили въ свое удовольствіе, дозволяли себѣ, не стѣсняясь своимъ саномъ, всяческія излишества въ пользованіи земными благами. У одного современнаго писателя мы находимъ такую, хотя и преувеличенную, характеристику тогдашняго польскаго духовенства: „Она (Бона) произвела въ епископы Латальскаго — пустаго человѣка и пьяницу, Гамрата—прелюбодѣя, Бугацкаго—блудника, Луку Гурко — самаго алчнаго барышника, Избицкаго—убійцу, Браницкаго—крючкотворца, Носковскаго—барышника, Дзержговскаго—глупца, напрасно обременяющаго землю, Леонарда Цифру, Дройовскаго—еретика, Уханскаго—угодливаго прислужника и лицемѣра, язву и заразу церкви. Она же поназначала въ каѳедральные костелы и капитулы, на плебаніи и другія хорошія церковныя должности... чужестранцевъ—итальянцевъ блудниковъ, содомитовъ, развратниковъ, атеистовъ, епикурейцевъ и прочихъ грязныхъ барышниковъ и симонистовъ“ [1]). Если даже эту характеристику признать слишкомъ преувеличенною, все-же приходится согласиться, что польское духовенство первой половины XVI вѣка было въ значительной степени деморализовано. Деморализація эта не ограничивалась однимъ высшимъ духовенствомъ, но проникла и въ среду низшаго духовенства, такъ какъ, не говоря уже о другихъ причинахъ, и оно поставлено было въ такія-же неблагопріятныя условія относительно своего назначенія, какъ и высшее духовенство [2]).

---

[1]) Vita Petri Kmitae, въ приложеніи къ Длугошу, t. II, p. 1615.

[2]) Plerique omnes (patroni) non id curant, ut consulant ecclesiae Dei, sed ut vitae et commodationibus proscipiant ejus, quem commendent. Itaque commendant quemlibet, doctrinae et virtutibus habitatione nulla: saepe indoctissimos

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Мы представили общій очеркъ состоянія польской католической іерархіи—представительницы тѣхъ началъ, подъ преобладающимъ вліяніемъ которыхъ сложилась польская религіозная жизнь, пытавшаяся въ XVI вѣкѣ, хотя (какъ увидимъ) неудачно, свернуть со старой дороги и пойти по новому пути. Этотъ новый путь не былъ совершенно невѣдомою стезею, по которой до реформаціи никто въ Польшѣ не ходилъ. Хотя Польша давно уже слилась съ великимъ католическимъ океаномъ, но въ польскомъ морѣ всегда почти существовали, хотя неодинаково сильныя, антикатолическія теченія, какъ существовали они и въ другихъ частяхъ этого океана. Поставивъ цѣлью своего изслѣдованія дѣятельность самаго крупнаго представителя польскаго католичества, вынесшаго его на своихъ плечахъ въ самую критическую минуту, мы не можемъ не коснуться нѣкоторыхъ сторонъ польской жизни, дававшихъ возможность развиваться въ ней этимъ антикатолическимъ теченіямъ. Только это дастъ намъ возможность видѣть Гозія, какъ носителя извѣстныхъ началъ жизни, среди окружавшей его дѣйствительности, лицомъ къ лицу съ людьми, жившими иными идеалами, стремившимися провести въ польскую жизнь иныя начала, и притомъ людьми, за которыми тоже была предшествовавшая исторія, какъ она была за Гозіемъ, представителемъ „католической“ Польши.

Польское общество [1]) XVI вѣка унаслѣдовало отъ предшествовавшихъ вѣковъ своей исторической жизни далеко не дружелюбныя чувства по отношенію къ польской католической

---

et impuros viros, propter consanguinitatem, aut privatam benevolentiam; alii propter lucrum, aut causas alias non probandas. Neque tantum patroni laici id faciunt, sed ecclesiastici quoque, atque adeo ipsi episcopi: quorum nonnuli in eam imprudentiam progressi sunt, ut partim idiotas, partim pueros sacerdotiis amplissimis ornaverint, alios ecclesiis parochialibus praefecerint (Modrevius, 374—375).

[1]) Мы предпочитаемъ слово «общество» слову «народъ», такъ какъ польскій народъ, въ смыслѣ массы всего населенія Польши, по причинамъ, которыя отчасти укажемъ ниже, не жилъ одною жизнію: польское общество (паны и шляхта) унаслѣдовало отъ своего прошлаго одно, польское крестьянство—другое: первое пережило реформаціонную эпоху, второе ея почти не знало.

іерархіи, чувства, имѣвшія свой источникъ какъ въ указанныхъ нами свойствахъ и особенностяхъ польской іерархіи, которую польская исторія далеко не всегда можетъ добромъ помянуть, такъ и въ свойствахъ и особенностяхъ самого польскаго общества, не только неспособнаго помириться съ существованіемъ въ Польшѣ католической іерархіи въ описанномъ нами видѣ, но и въ весьма сильной степени предрасположеннаго въ своихъ протестахъ противъ вѣками сложившагося порядка вещей превышать мѣру, переходить границу.

Къ концу XVI вѣка еще не успѣлъ выработаться тотъ оригинальный типъ польскаго шляхтича, образъ котораго неизбѣжно является предъ нашимъ сознаніемъ при одномъ этомъ имени; но предыдущая польская исторія къ этому времени не мало уже сдѣлала для выработки его. На зарѣ XVI вѣка, хотя еще и въ туманѣ, въ неясныхъ очертаніяхъ, выступаетъ уже предъ нами знакомая фигура. Шляхта пережила уже XV столѣтіе—это начало золотаго періода своей исторіи. Въ это счастливое для нея время она столько нажила себѣ разныхъ правъ и привиллегій, что съ переходомъ въ XVI вѣкъ смѣло могла уже мечтать о превращеніи всего польскаго государства въ шляхетскую рѣчь посполитую. Въ первой четверти XV вѣка она получила извѣстную червинскую привиллегію 1422 года, по которой ея имущества не иначе могли быть конфискованы, какъ по суду [1]). Спустя одиннадцать лѣтъ она стала лично неприкосновенною въ силу едлинской привиллегіи 1433 г. — этого польскаго Habeas-Corpus-Act'a [2]). Въ началѣ первой половины XV вѣка польская шляхта получила новую привиллегію, открывшую ей широкій доступъ къ участію въ политической жизни, котораго она до сихъ поръ еще не имѣла. Во время прусскаго похода въ 1454 г. на поляхъ нѣшавскихъ она предъявила свои требованія Казиміру Ягеллону относительно кодификаціи пришедшихъ въ забвеніе законовъ, лучшаго устройства судовъ, устраненія разныхъ насилій и нестроеній и т. д. и подкрѣпила всѣ эти требованія угрозою разойтись по домамъ. Король далъ обѣщаніе исполнить требованія шляхты. Хотя шляхта въ своихъ требованіяхъ не за-

[1]) Vol. leg., I, 37.
[2]) Ibid., 41.

шла еще въ область политики, но сами паны прислужились ей. Въ привиллегію, обѣщавшую исполненіе требованій шляхты, они внесли постановленіе, что король впредь не измѣнитъ существующихъ законовъ и не объявитъ военнаго похода, не спросивъ мнѣнія шляхты, которая должна была для этого собираться въ каждой области на сеймикъ [1]). Такимъ образомъ, появился новый обычай: шляхта нѣсколькихъ сосѣднихъ земель, собравшись предварительно на свои мѣстные сеймики, выбирала уполномоченныхъ на общій областной сеймикъ, въ мѣстѣ, указанномъ королемъ, въ Великой Польшѣ обыкновенно—въ Коло, въ Малой—Новомъ Корчинѣ, въ Руси—Вишни. На этихъ областныхъ сеймикахъ Казиміръ обыкновенно дѣлалъ вмѣстѣ съ выборными отъ шляхты постановленія о податяхъ и походахъ. Иногда онъ собиралъ этихъ выборныхъ на генеральный сеймъ; но при Казимірѣ сеймъ еще не получилъ преобладающаго значенія надъ областными сеймиками. Лишь въ послѣдующія царствованія Альбрехта и Александра сеймы и сеймики окончательно устроились и сформировались. Такимъ образомъ, въ началѣ XVI вѣка противъ короля съ его сенатомъ стояла уже шляхта, въ лицѣ своихъ представителей, получившихъ названіе земскихъ пословъ, безъ согласія которыхъ король не могъ установить чрезвычайныхъ налоговъ, объявить войны, измѣнить существующихъ законовъ [2]). Установившееся въ Польшѣ со временъ Ягелло (по крайней мѣрѣ de jure) начало избирательной королевской власти дѣлало ее еще болѣе слабою, еще болѣе зависимою отъ пановъ и шляхты. Параллельно съ развитіемъ шляхетства, съ расширеніемъ его правъ и привиллегій, въ ущербъ власти короля и магнатовъ, шло ограниченіе правъ средняго (мѣщанскаго) и особенно низшаго классовъ народа, изъ которыхъ послѣдній отданъ былъ совершенно въ жертву панамъ и шляхтѣ. Трудно уже было остановить это неестественное развитіе могущества одного сословія,—трудно уже было исцѣлить эту язву, все болѣе и болѣе заражавшую свѣжіе соки государственнаго организма, все сильнѣе и сильнѣе подтачивавшую будущее Польши. Въ царствованіе Альбрехта и Александра шляхта дѣйствовала еще

[1]) Vol. leg., I, 116.

[2]) Bobrzyński, Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1879, str. 226—227, 237—238.

заодно съ королевскою властію, заодно съ нею работала надъ разрушеніемъ зданія средневѣковой аристократіи, или магнатства. Но со вступленіемъ на престолъ Сигизмунда, который въ задуманныхъ имъ государственныхъ реформахъ опирался на довѣренныхъ лицъ изъ среды магнатовъ, шляхта становится въ оппозицію не только къ панамъ, но и къ королю. Оппозиція эта росла по мѣрѣ того, какъ реформы Сигизмунда разбивались о противодѣйствіе магнатовъ, которыхъ онѣ всего болѣе касались. Особеннаго же напряженія она достигла въ послѣдніе годы Сигизмундова царствованія, когда королева Бона и ея креатуры позволяли себѣ такъ часто нарушать существующіе государственные законы, когда многіе польскіе магнаты стали разными незаконными средствами присвоивать себѣ королевскія имѣнія, предназначенныя на общественныя нужды, и чрезъ это сваливали всю тяжесть обороны государства на шляхту. Всѣ подобнаго рода злоупотребленія постоянно давали шляхтѣ поводъ требовать уничтоженія ихъ, требовать контроля надъ государственнымъ управленіемъ, требовать для себя болѣе активнаго участія въ ходѣ всей государственной машины. Въ своихъ протестахъ, въ своихъ требованіяхъ уже при Сигизмундѣ I шляхта часто заходила слишкомъ далеко. А въ послѣдніе годы его царствованія она уже высоко подняла то революціонно-консервативное знамя, подъ которымъ она въ послѣдующее царствованіе такъ долго и такъ неуклонно боролась и съ своими королями, и съ своими старшими братьями—панами, и съ своими духовными пастырями: уже въ эти годы она провозгласила требованіе пресловутой „экзекуціи законовъ“ въ смыслѣ невозможнаго самаго по себѣ возвращенія къ старымъ временамъ, къ старымъ законамъ, къ старому порядку вещей. Теперь возвратъ къ старому, дѣйствительно, становился уже невозможнымъ, такъ какъ не только фундаментъ былъ заложенъ, но стало уже выдвигаться самое зданіе шляхетской рѣчи посполитой. Еще нѣсколько десятилѣтій—и изъ польскаго шляхтича вполнѣ выработается тотъ своеобразный типъ, который фигурируетъ во всей дальнѣйшей исторіи; еще нѣсколько десятилѣтій—и онъ превратится въ ходячую привиллегію, приберетъ къ своимъ рукамъ духовныя и свѣтскія должности, все управленіе государствомъ, завладѣетъ почти всею землею съ почти неограниченными пра-

вами надъ другими ея обитателями; еще нѣсколько десятилѣтій и изумленный могуществомъ шляхты иностранецъ напишетъ: „нѣтъ во всемъ мірѣ дворянства болѣе свободнаго и имѣющаго большую власть, чѣмъ польская шляхта“ [1]).

Вообще въ XVI вѣкѣ польское дворянство находилось уже на такой наклонной плоскости, что неизбѣжно, съ каждымъ новымъ годомъ, должно было все дальше и дальше стремиться по тому пути, на которомъ оно наконецъ превратилось въ пресловутую польскую шляхту. На этомъ пути прогрессивнаго развитія шляхетскихъ вольностей неизбѣжнымъ тормазомъ являлась католическая іерархія, которая, особенно въ лицѣ высшихъ своихъ представителей, оказалась вмѣстѣ съ свѣтскими магнатами въ роли соперницы польской шляхты. Борьба шляхты съ свѣтскими магнатами была поэтому борьбою ея и съ духовными магнатами и даже со всѣмъ духовнымъ сословіемъ, которое не только не было склонно повиноваться волѣ шляхты, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. въ судахъ) требовало отъ нея повиновенія, а своими экономическими привиллегіями возбуждало въ ней большое недовольство. Польская исторія первой половины XVI вѣка представляетъ уже попытки шляхты къ ограниченію юридическихъ и экономическихъ правъ и привиллегій польскаго духовенства. Въ 1505 году уже не жалобы, а, какъ выразился король Александръ, всеобщій крикъ (clamor communis) раздался на сеймѣ противъ польскаго духовенства по причинѣ того, что оно привлекало къ своимъ судамъ свѣтскихъ людей по свѣтскимъ дѣламъ. Король, уступая всеобщимъ жалобамъ, запретилъ духовнымъ дѣлать это на будущее время [2]). Тоже самое запрещеніе повторилъ Сигизмундъ I въ 1519 г. [3]). Въ 1538 г. на петроковскомъ сеймѣ слышались уже протесты противъ экономическихъ привиллегій польскаго духовенства, именно противъ того, что солтысы духовныхъ имѣній не несутъ военной повинности. На этомъ сеймѣ было постановлено, чтобы духовные представили будущему сейму привиллегіи, освобождающіе ихъ солтысовъ отъ этой повинности [4]). Недовольство сословными при-

[1]) Relacye, I, 126, Opis Polski F. Ruggieri w roku 1565.
[2]) Vol. leg., I, 138.
[3]) Vol. leg., I, 175.
[4]) Vol. leg., I, 262.

виллегіями католической іерархіи высказывалось не одною только шляхтою. Его раздѣляли отчасти и свѣтскіе магнаты. Въ 1506 г. въ сенатѣ свѣтскіе паны требовали, чтобы епископы занимали первыя мѣста въ сенатѣ только съ правой стороны трона, а также чтобы духовныя имѣнія несли военныя повинности наравнѣ съ свѣтскими. Король Александръ, впрочемъ, рѣшилъ споръ въ пользу духовенства, заявивъ, что не должно лишать духовное сословіе привиллегій, изданна утвердившихся за нимъ [1]).—Правда, указанныя нами попытки польскаго общества къ ослабленію власти и значенія польскаго духовенства не успѣли еще осуществиться въ дѣйствительности, но самое существованіе ихъ показываетъ, что польское общество первой половины XVI вѣка питало уже непріязненныя чувства къ польской католической іерархіи. Совершенно права, поэтому, была католическая іерархія второй половины XVI вѣка, когда указывала явившемуся къ ней на помощь агенту римской куріи, какъ на одну изъ главныхъ причинъ успѣха реформаціи въ Польшѣ, на то обстоятельство, что въ Польшѣ „господствуетъ непрестанная, застарѣвшая вражда свѣтскихъ къ клиру, которая никогда не прекратится, хотя-бы клиръ былъ самымъ совершеннымъ по своей жизни и поведенію“ [2]). Существованіе этой сословной вражды, дѣйствительно, было обстоятельствомъ весьма благопріятнымъ для прививки на польской почвѣ тѣхъ или иныхъ элементовъ, стоявшихъ въ антагонизмѣ съ католической іерархіею.

Но было-бы несправедливостію объяснять всѣ заявленія недовольства католическою іерархіей, какія представляетъ намъ польская исторія дореформаціоннаго періода, одною сословною враждою шляхты къ духовенству. Пятивѣковая жизнь католической іерархіи въ Польшѣ была далеко не безупречною. Въ этомъ отношеніи она походила на свою западно-европейскую сестру, которая, какъ извѣстно, не могла похвалиться чистотою своихъ нравовъ, и ея польскіе пасомые имѣли тѣ же побужденія и основанія жаловаться на нее, что́ и другіе католическіе народы. Вообще аналогія между Польшею и другими

---

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, II, 64. Хроника Ваповскаго; Sarnicius, Annales Polonici (Dlug. II, 1198).

[2]) Relacye, I, 48.

европейскими странами, исповѣдывавшими католическую вѣру, шла очень далеко, простиралась на всѣ почти сферы церковной жизни, сложившейся подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же началъ, по указаніямъ, шедшимъ изъ одного и того же центра. Польская церковь, какъ одна изъ составныхъ частей одной римско-католической церкви, жила не только своею индивидуальною жизнію, но и въ значительной степени общею жизнію всего западнаго католичества. Поэтому-то, проходящее чрезъ всю исторію западнаго католичества недовольство тогдашнимъ состояніемъ римской церкви, выражавшееся въ разныхъ формахъ, находило всегда себѣ отзвукъ и въ Польшѣ, имѣвшей всѣ тѣ же поводы къ заявленію этого недовольства. Надъ Польшею пронеслись разныя средневѣковыя секты, явившіяся въ нѣдрахъ католической церкви, какъ протестъ противъ ея аномалій. Появившіеся въ концѣ XI вѣка въ Западной Европѣ вальденсы распространяли, по свидѣтельству Венгерскаго, свое ученіе въ Богеміи, Моравіи, Силезіи и Польшѣ. По свидѣтельству того же писателя, они основали свою колонію подлѣ Кракова, и еще въ 1330 году инквизиція открывала въ Польшѣ приверженцевъ ученія вальденсовъ [1]). Въ XIII и XIV вѣкахъ проникла въ Польшу и нашла себѣ здѣсь, особенно въ Великой Польшѣ, многихъ послѣдователей секта бичевальщиковъ; образовались многочисленныя общества, которыя, переходя съ мѣста на мѣсто, призывали всѣхъ къ покаянію и своими пламенными рѣчами, страшными бичеваніями тѣла, поражали массы народа и завлекали ихъ въ свою секту. Тѣлесныя наказанія, заключенія въ темницы, которымъ духовная власть подвергала бичевальщиковъ, на нѣкоторое время задержали успѣхи этой секты, но не искоренили ея совершенно. Въ Великой Польшѣ долго еще оставались приверженцы бичевальщиковъ, которые въ половинѣ XIV вѣка значительно усилились выходцами изъ Венгріи. Только гнѣзненскому архіепископу Ярославу и познанскому епископу Адальберту Палукѣ въ союзѣ съ другими польскими епископами удалось (въ 1351 г.) искоренить эту секту [2]). Въ XIV вѣкѣ новая секта—фратри-

[1]) Regenvolscius, Systema Historico-chronologicum Ecclesiarum Slavonicarum, Trajecti ad Rhenum, 1652, p. 14.

[2]) Dlugossus, I, 764—765, 1094—1095.

целлы—не признававшая никакой духовной власти, проникла въ Польшу, гдѣ нашла себѣ не мало послѣдователей въ средѣ польской шляхты. Когда въ 1326 г. объ этомъ узналъ папа Іоаннъ XXII, онъ написалъ королю, гнѣзненскому архіепископу и провинціалу доминиканцевъ посланія, въ которыхъ побуждалъ ихъ къ дружной борьбѣ съ этою опасною сектою [1]). Еще раньше этого мы слышимъ протесты польскаго духовенства противъ безбрачія, окончательно введеннаго въ западной церкви въ XI в. папою Григоріемъ VII и весьма туго прививавшагося на польской почвѣ. Около половины XII в., по свидѣтельству Сарницкаго, „каноники и ксендзы имѣли законныхъ женъ“ [2]), и созванные въ концѣ этого столѣтія папскимъ легатомъ діакономъ Петромъ провинціальные синоды въ Краковѣ и Любушѣ предписывали, по свидѣтельству Длугоша, ксендзамъ отпустить своихъ женъ и наложницъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые отказались-бы повиноваться этимъ постановленіямъ, угрожали тяжкимъ наказаніемъ [3]). Эти угрозы, вѣроятно, не произвели желаннаго дѣйствія на тогдашнихъ польскихъ ксендзовъ, потому что на гнѣзненскомъ синодѣ 1219 года еще слышались жалобы на то, что прежнія запрещенія вступленія въ бракъ ксендзамъ остаются недѣйствительными. На этомъ синодѣ церковная власть сочла нужнымъ потребовать отъ ксендзовъ клятвеннаго обѣщанія въ томъ, что они оставятъ своихъ женъ и наложницъ [4]).

Мы не будемъ долѣе останавливаться на этихъ выраженіяхъ недовольства, на этихъ протестахъ противъ аномалій католической церкви, высказывавшихся въ самыя отдаленныя времена польской исторіи, которыя, при всей ихъ слабости и ограниченности, указываютъ на существованіе въ польской религіозной жизни въ разныя времена антикатолическихъ движеній. Особенно усилились эти движенія съ XV вѣка, съ появленіемъ гуситства въ Чехіи, съ которою Польша всегда стояла въ болѣе или менѣе тѣсной связи. Польская молодежь получала высшее образованіе въ пражскомъ университетѣ, гдѣ

---

[1]) Fischer, Versuch einer Geschichte der Reformation in Polen, Grätz, 1855, 13—14.

[2]) Sarnicius (Dlug., II, 1070).

[3]) Dlugossus, I, 575.

[4]) Ibid., 625.

королева Ядвига учредила даже особую коллегію для студентовъ—поляковъ. Въ Польшѣ Іоанна Гуса хорошо знали и очень уважали, что́ видно уже изъ того, что протестъ, который вручили собравшимся въ Констанцѣ отцамъ чехи, въ защиту своего реформатора, былъ подписанъ всѣми находившимися тамъ поляками—шляхтичами [1]). Самъ Гусъ въ своихъ письмахъ даетъ рѣшительное свидѣтельство о томъ участіи, какое поляки, особенно одинъ молодой шляхтичъ, принимали въ его защитѣ [2]). Іеронимъ Пражскій, котораго постигла одинаковая участь съ Гусомъ, провелъ нѣкоторое время въ Польшѣ, куда онъ приглашенъ былъ въ 1410 г. для устройства краковскаго университета [3]). Если къ этому прибавить, что между Польшей и Чехіей существовали болѣе или менѣе дружественныя политическія связи, то для насъ станетъ понятною та легкость, съ какою гуситство распространилось въ Польшѣ, особенно въ Великой Польшѣ [4]). Быстрое распространеніе гуситскихъ идей начало внушать серьезныя опасенія польскому духовенству. Такъ какъ духовныя клятвы, налагаемыя на приверженцевъ гуситскаго ученія, не производили желанныхъ послѣдствій, то епископы съумѣли отъ короля Ягелло добиться того, что онъ въ 1424 г. издалъ извѣстный уже намъ велюнскій эдиктъ противъ еретиковъ и въ частности противъ гуситовъ [5]). Но и этотъ кровавый эдиктъ долго не могъ остановить успѣховъ гуситства въ Польшѣ. Самъ Ягелло обнаруживалъ въ отношеніи къ приверженцамъ гуситства далеко не гармонировавшую съ велюнскимъ эдиктомъ мягкость, обусловливавшуюся дружественными отношеніями его къ Чехіи. Въ 1431 году онъ устроилъ въ Краковѣ диспутъ прибывшихъ въ Польшу гуситовъ съ профессорами краковской академіи, который происходилъ на польскомъ языкѣ, въ присутствіи короля и многочисленной публики. Послѣ этого диспута гуситскіе депутаты долго жили въ Краковѣ, и только интердиктъ, наложен-

[1]) Palacky, Documenta Mag. Ioannis Hus vitam, doctrinam, causam in constantiensi concilio actam et controversias de religione in Bohemia annis 1403—1418 motas illustrantia, Pragae. 1869, p. 256.

[2]) Ibid., 127, письмо Гуса къ друзьямъ изъ Констанца, 12 іюня 1415 г.; ibid., 116, письмо Гуса къ чехамъ изъ Констанца, 10 іюня 1415 г.

[3]) Ibid., 63, 1 іюня 1413 г.; ibid., 512, 8 іюля 1413 года.

[4]) Palacky, 315, relatio Petri de Mladenowic.

[5]) Vol. leg., I, 38.

ный на Краковъ краковскимъ епископомъ Збигнѣвомъ Олесницкимъ, заставилъ ихъ удалиться изъ Кракова [1]). Въ 1432 г. прибывшее изъ Чехіи въ Польшу посольство было радушно принято Ягелло, гнѣзненскимъ архіепископомъ и польскими епископами, которые въ присутствіи гуситскихъ депутатовъ отправляли богослуженіе и даже допускали ихъ къ причастію. Только на возвратномъ пути, когда гуситскіе послы, щедро одаренные королемъ, проѣзжали чрезъ Краковъ, ихъ ожидала непріятность со стороны непримиримаго врага гуситства Збигнѣва Олесницкаго. Олесницкій, получивъ извѣстіе о приближеніи гуситскихъ пословъ, приказалъ объявить имъ, чтобы они не въѣзжали въ Краковъ; когда-же они не исполнили его приказанія и въѣхали въ Краковъ, онъ наложилъ интердиктъ на польскую столицу и этимъ заставилъ ихъ удалиться изъ Кракова, несмотря на протесты сопровождавшихъ гуситовъ польскихъ пановъ и на неудовольствіе по этому поводу самого короля [2]). Правда, могущественное польское духовенство, фанатизируя свою паству, могло въ частныхъ случаяхъ дать почувствовать отдѣльнымъ приверженцамъ гуситства свою силу въ польскомъ королевствѣ [3]); но оно мало могло сдѣлать противъ польской шляхты, входившей уже въ силу: во второй половинѣ XV вѣка ряды приверженцевъ гуситства въ Польшѣ, особенно въ средѣ великопольской шляхты, были еще густы [4]). Хотя къ концу XV вѣка польскому духовенству удалось значительно ослабить силу гуситства въ Польшѣ, но оно не было въ состояніи уничтожить его совершенно. Въ 1480 году куявскій епископъ Збигнѣвъ Олесницкій, произведя разслѣдованіе въ Иновроцлавѣ, узналъ, что одинъ ксендзъ, по имени Матѳей, причащалъ многихъ подъ двумя видами [5]). Модржевскій, писавшій въ 1559 г., говоритъ, что въ его время жили еще люди, помнившіе нѣкоего ксендза Адама, причащавшаго мірянъ подъ

[1]) Długossus, I, 575—578.

[2]) Ibid., 605—609.

[3]) Напр., познанскій епископъ Андрей Бнинскій въ 1439 г. напалъ на городъ Збоншинъ и принудилъ его жителей выдать пятерыхъ гуситскихъ проповѣдниковъ, которые и погибли на кострѣ (Fischer, 22).

[4]) Regenvolscius указываетъ имена этихъ приверженцевъ (24—25).

[5]) Damalewicz, Vitae Vladislaviensium Episcoporum, Cracoviae 1642, p. 343. Фишеръ въ актахъ каѳедральнаго познанскаго костела нашелъ извѣстіе о другомъ аналогичномъ случаѣ (Fischer, 23).

двумя видами, за что онъ присужденъ былъ къ сожженію владиславскимъ епископомъ Креславомъ Куровшанскимъ, умершимъ въ 1503 г. [1]). Въ 1500 году великопольская шляхта, собравшись въ Познани, подлѣ костела, энергично, съ оружіемъ въ рукахъ требовала причащенія мірянъ подъ обоими видами, указывая на установленіе Христа, обычай первенствующей церкви и примѣръ чеховъ; точно также она требовала и уничтоженія десятины. Тогдашній познанскій епископъ съ трудомъ могъ успокоить шляхту обѣщаніемъ исходатайствовать у папы разрѣшенія причащенія подъ обоими видами [2]). Наконецъ, на зарѣ XVI вѣка, въ одномъ изъ краковскихъ храмовъ совершалось богослуженіе на польскомъ языкѣ [3]).

Словомъ, чѣмъ ближе подходимъ мы къ XVI в., тѣмъ сильнѣе высказывается въ Польшѣ недовольство тогдашнимъ statu quo католической церкви, тѣмъ рѣшительнѣе и смѣлѣе становятся протесты противъ аномалій издавна установившагося порядка вещей. Если къ этому чувству недовольства, къ этимъ протестамъ мы прибавимъ еще „застарѣвшую вражду“ шляхетскаго сословія къ польскому духовенству, то мы, кажется, не преувеличимъ дѣла, если скажемъ, что въ польской почвѣ XVI вѣка заключалось значительное количество горючаго матеріала, который безъ труда могъ воспламениться отъ искръ, посыпавшихся вскорѣ на него съ сосѣдняго объятаго пожаромъ зданія Не въ одной собственно польской почвѣ заключалось значительное количество этого горючаго матеріала: не мало заключалось его и въ другихъ мѣстахъ обширной территоріи, подвластной тогда польскимъ королямъ,—не мало заключалось его въ литовской почвѣ, не мало заключалось его въ русской почвѣ, особенно въ почвѣ Волыни, Украины, Подоліи, Галиціи, которыя соединены были въ это время съ польскою короною болѣе тѣсными узами, чѣмъ литовскія области въ собственномъ смыслѣ. Правда, сословная вражда дворянства съ духовенствомъ не имѣла въ литовско-русскихъ областяхъ той силы, той напряженности, какую

---

[1]) Modrzevius, 599.

[2]) Regenvolscius, 73.

[3]) Красинскій, на основаніи Ваповскаго, писателя XVI вѣка (Krasinski, Geschichte des Ursprungs, Fortschritts und Verfalls der Reformation in Polen. Nach englichen Original bearbeitet von Lindau. Leipzig. 1841, 8).

она имѣла въ собственно польскихъ областяхъ: съ одной стороны литовско-русское дворянство, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части, не успѣло еще въ теченіе XV вѣка преобразиться въ польскую шляхту, хотя эта метаморфоза уже началась; съ другой стороны католическое духовенство въ литовско-русскихъ областяхъ не было такъ могущественно, такъ вліятельно, такъ богато, такъ независимо, какъ въ Польшѣ, слѣдовательно не могло возбуждать къ себѣ сильной сословной непріязни, какую оно возбуждало къ себѣ въ польской шляхтѣ, тѣмъ болѣе, что оно въ Литвѣ и Руси не было такъ многочисленно, какъ въ Польшѣ, и даже нѣкоторыя епископіи въ описываемую эпоху были почти номинальными. Но все-таки зародышъ этой вражды существовалъ и здѣсь. Равнымъ образомъ, недовольство тогдашнимъ statu quo католической церкви, съ такою силою заявившее себя въ Польшѣ въ XV вѣкѣ, находило для себя отголосокъ и въ католической церкви литовско-русскаго общества, тѣмъ болѣе, что послѣднее жило въ сходныхъ съ польскимъ обществомъ условіяхъ. Литовская молодежь, подобно польской, получала воспитаніе въ пражскомъ университетѣ, гдѣ она находила гостепріимный пріютъ въ коллегіи, основанной королевою Ядвигою [1]). Еще больше литовскихъ и русскихъ молодыхъ людей училось въ краковскомъ университетѣ, который, хотя и не всегда одинаково рѣшительно, шелъ по стопамъ своего старшаго брата—пражскаго университета. Кромѣ того, гуситскія ученія легко заносились въ Литву, какъ и въ Польшу, сподвижниками литовскаго князя Сигизмунда Корибута, усвоившаго гуситское ученіе и искавшаго въ то время чешской короны [2]). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, гуситскія ученія распространялись среди католиковъ литовско-русскихъ областей, и распространялись тѣмъ легче, что многіе изъ этихъ католиковъ еще недавно порвали связи съ восточнымъ православіемъ и въ гуситствѣ имъ могъ слышаться голосъ старины, да и жили они среди сплошной массы православныхъ. Еще въ концѣ второй половины XVI вѣка Маріанъ Озерко, монахъ ордена миноритовъ, умершій въ 1491 году, по свидѣтельству Кояловича, много трудился

---

[1]) Regenvolscius, 23.
[2]) Ibid., 24.

надъ принятіемъ возвращающихся въ церковь схизматиковъ и „еретиковъ“, подъ которыми нужно разумѣть гуситовъ, такъ какъ другихъ еретиковъ тогда не было [1]).

Недовольство польскаго общества тогдашнимъ statu quo католической церкви въ Польшѣ вступило въ XV вѣкѣ въ соглашеніе съ нѣкоторыми другими проявленіями тогдашней польской жизни,—въ соглашеніе, весьма нежелательное съ точки зрѣнія представителей католической, благочестивой Польши. XV столѣтіе,—это начало золотаго періода въ жизни польской шляхты, начало ея силы и могущества, было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ болѣе или менѣе сильнаго пробужденія въ ней національнаго сознанія. Это пробужденіе стояло въ тѣсной связи съ распространеніемъ въ Польшѣ гуситства, въ весьма сильной степени подкрашеннаго чувствомъ національной, славянской непріязни къ романо-германскому міру. На совѣсти предыдущихъ поколѣній польскаго народа, или, вѣрнѣе, высшихъ руководящихъ классовъ его, лежитъ такъ много тяжкихъ грѣховъ противъ своей національности, что можно, кажется, сказать, что національное сознаніе у поляковъ тогда, если и не умерло, то было очень слабо, очень тускло. Въ какую бы сферу польской жизни, по крайней мѣрѣ, высшихъ классовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ судьбы польскаго народа, мы ни заглянули, нигдѣ почти мы не увидимъ сильныхъ проблесковъ національнаго сознанія. Польша, напр., хотя и имѣла свое собственное законодательство, облекла его въ форму римскихъ законовъ, сдѣлала даже латинскій языкъ языкомъ суда и законодательства; съ другой стороны, она съ такою охотою и ревностію переносила на польскую почву, въ польскіе города нѣмецкое магдебургское право. Принявъ изъ Рима религію и просвѣщеніе, она ввела латинскій языкъ при богослуженіи, въ богословскихъ и философскихъ наукахъ. Даже сеймы, эти выженія народной, хотя бы только и шляхетской, мысли и воли, отправлялись на латинскомъ языкѣ. Въ польскихъ школахъ, отъ краковской академіи до низшихъ приходскихъ школъ, вездѣ звучалъ одинъ языкъ—латинскій, знаніе котораго было непремѣнною принадлежностію не только духовныхъ лицъ, не только государственныхъ сановниковъ и чиновниковъ, но и

[1]) Kojałowicz, Miscellanea, 12.

всякаго образованнаго, или претендующаго на образованность человѣка. Польскій языкъ былъ языкомъ только простаго народа и женщинъ. По мѣрѣ приближенія къ XVI вѣку, не безъ вліянія гуситства, провозгласившаго однимъ изъ главныхъ своихъ догматовъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, пробуждается въ полякахъ національное сознаніе, выразившееся на первыхъ порахъ въ томъ, что польскій языкъ мало-по-малу начинаетъ получать свои законныя права въ литературѣ и жизни. Съ начала XV вѣка развивается въ Польшѣ религіозная поэзія на польскомъ языкѣ, начало которой, впрочемъ, относится еще къ концу XIV вѣка. Эта поэзія долго находится подъ сильнымъ вліяніемъ чешской религіозной поэзіи: первыя религіозныя пѣсни были простымъ переложеніемъ съ чешскаго языка [1]). Подъ 1431 г. Длугошъ, разсказывая объ извѣстномъ диспутѣ чешскихъ гуситовъ съ профессорами краковской академіи, съ удареніемъ отмѣчаетъ ту особенность въ этомъ диспутѣ, что онъ, вопреки тогдашнимъ обычаямъ, происходилъ почти исключительно на польскомъ языкѣ [2]). Чѣмъ ближе подходимъ къ XVI вѣку, особенно чѣмъ дальше подвигаемся въ XVI вѣкѣ, тѣмъ съ большею и большею силою заявляетъ свои права польскій языкъ, испытавшій на себѣ даже прямое вліяніе чешскаго языка въ формѣ привзошедшихъ въ него чешскихъ словъ и оборотовъ рѣчи [3]). Прекрасно изображаетъ эти постепенныя завоеванія польскаго языка на родной землѣ польскій поэтъ-историкъ. „Сыновья Казиміра Ягеллона, говоритъ Людвигъ Кондратовичъ (Владиславъ Сырокомля), изъ дѣтства употребляя отечественный языкъ, ввели его и при дворѣ на мѣсто языка латинскаго и нѣмецкаго. Знаменитые умы государства, Остророгъ, Оржеховскій, Модржевскій, Андрей изъ Кобылина, ставили въ укоръ полякамъ то, что они изгоняютъ отечественный языкъ изъ богослуженія и судебныхъ мѣстъ; Флоръ Унглеръ, извѣстный типографщикъ, такъ говоритъ полякамъ: „Вамъ извѣстно, что языкъ вашъ, столь славный, столь древній, столь богатый, пришелъ въ пренебреженіе и, вѣроятно, чрезъ вліяніе чужаго народа, почти въ упадокъ у

---

[1]) Zdanowicz, Rys literatury Polskiéj, 1874, Wilno, I, 52—54.
[2]) Długossus, I, 577.
[3]) Zdanowicz, I, 185.

своихъ людей, и только въ настоящее время и по волѣ Божіей приближается къ первоначальной славѣ и достоинству". Тотъ же Унглеръ началъ печатать польскія книги; Гербуртъ перевелъ статуты на польскій языкъ; Сигизмундъ I дозволилъ употребленіе его въ судебныхъ опредѣленіяхъ; Сигизмундъ Августъ сдѣлалъ его исключительно языкомъ офиціальнымъ; Рей, Кохановскій, Трепка, Бѣльскій, Любенчикъ, католическіе и протестантскіе богословы начали описьменять его и совершенствовать" [1]). Прибавимъ къ этому, что около 1505 г. Станиславъ Хвальчевскій пишетъ первую польскую хронику на отечественномъ языкѣ [2]). Начавшись въ литературѣ, пробужденіе національнаго сознанія, какъ увидимъ ниже, вскорѣ стало переходить въ жизнь, стало заявлять себя, или по крайней мѣрѣ обнаруживало стремленіе заявить себя во внѣшней политикѣ Польши, придать ей національный характеръ. — Если развитіе въ полякахъ національнаго сознанія стояло въ зависимости отъ распространенія въ Польшѣ сперва гуситства, а потомъ протестантства, сразу ставшаго на національную почву, начавшаго проповѣдывать свое ученіе и совершать свое богослуженіе на польскомъ языкѣ, переводить священныя и богослужебныя книги на польскій языкъ, издавать сочиненія въ защиту своего ученія на польскомъ языкѣ [3]), то, съ другой стороны, сами эти реформаціонныя стремленія, проникшія въ Польшу изъ сосѣднихъ странъ, нашли для себя сильную поддержку въ начавшемся еще въ XV в. пробужденіи польскаго національнаго сознанія. Примыкая къ этому вновь зародившемуся въ польской жизни теченію, привнесенныя извнѣ реформаціонныя идеи переставали быть въ Польшѣ чѣмъ-то отвнѣ

---

[1]) Кондратовичъ, Исторія польской литературы (переводъ съ польскаго Кузминскаго), Москва, 1861, I, 226.

[2]) Zdanowicz, I, 60.

[3]) Эту черту протестантства вѣрно подмѣтила тогдашняя католическая іерархія: Constat omnibus (читаемъ въ инструкціи, данной депутатамъ краковскаго капитула, отправлявшимся на петроковскій синодъ 1551 года) quanta cura ac studio haereticali nostri Poloni in hoc elaborent, quo cunctos prava doctrina inficiant, quanta cura ac diligentia libros haereticorum aliunde in Poloniam importent et in linguam Polonicam vertant, scribant, excudi faciant, spargant, ultro etiam gratisque donent, depraedicentque tum publice, tum occulte, et incitent seculares, et odia irasque eorum exacuent in Ecclesiam.... (Acta Historica, I, 491).

навѣяннымъ, чѣмъ-то наноснымъ, а сразу акклиматизировались среди условій польской жизни, проникали въ глубь ея, въ самую душу поляка. А это одно могло дать возможность реформаціи развиться въ Польшѣ до такихъ размѣровъ, до какихъ она здѣсь развилась.

Національное теченіе, усилившееся въ польской жизни подъ вліяніемъ гуситства, было естественною реакціею ея католическому универсализму, пять вѣковъ уже сдавливавшему самобытное развитіе польской религіозной жизни: проявленія этой реакціи, хотя и не особенно сильныя, видѣла и предыдущая польская исторія, а въ XVI вѣкѣ мы встрѣтимся еще съ грандіознымъ проектомъ созданія въ Польшѣ національной церкви. Но мы впали бы въ преувеличеніе, если бы этому національному теченію въ XV вѣкѣ придали значеніе преобладавшаго направленія. Въ XV в., не смотря на существованіе этого теченія, шедшаго въ разрѣзъ съ началами универсальнаго католичества, польская церковь болѣе, чѣмъ въ прежнее время, жила общекатолическою жизнію, польское общество ближе, чѣмъ въ прежнее время, стояло къ Западной Европѣ, больше, чѣмъ въ прежнее время, черпало изъ широкаго источника западно-европейской цивилизаціи. Начало XV вѣка ознаменовано въ исторіи польскаго просвѣщенія открытіемъ, или точнѣе—возстановленіемъ краковской академіи. Съ первыхъ же лѣтъ своего существованія она начала входить въ славу, чему много содѣйствовалъ хорошій выборъ первыхъ профессоровъ—по преимуществу поляковъ, получившихъ образованіе въ пражской академіи. Краковская академія стояла тогда въ уровень со своимъ вѣкомъ, не уступала другимъ европейскимъ университетамъ, привлекала въ свои стѣны молодежь изъ всѣхъ сосѣднихъ славянскихъ странъ—изъ Силезіи, Моравіи, Чехіи, Венгріи, не говоря уже о полякахъ, литовцахъ и русскихъ литовско-польскаго государства. Правда, съ теченіемъ времени, поставленная подъ протекторство краковскаго епископа, бывшаго ея канцлеромъ, она стала превращаться въ исключительно почти духовный институтъ, въ которомъ свѣтскія науки иногда были въ большомъ пренебреженіи. Правда, и богословскія науки съ теченіемъ времени въ ней начинали упадать, и ея ученыхъ часто болѣе всего занимала схоластическая философія. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ краковская академія оказала большія

услуги дѣлу польскаго просвѣщенія. Если она и не выпустила изъ своихъ стѣнъ выдающихся ученыхъ по тѣмъ или другимъ отраслямъ человѣческаго знанія, то въ своихъ стѣнахъ она воспитала цѣлыя массы людей, трудившихся потомъ въ разныхъ областяхъ литовско-польскаго государства въ скромной роли начальниковъ и преподавателей какъ академическихъ колоній, такъ и другихъ учебныхъ заведеній [1]). Она подняла общій уровень просвѣщенія, если не въ польскомъ народѣ, то въ польскомъ шляхетскомъ обществѣ, такъ что въ Польшѣ въ XVI в., по свидѣтельству Фульвія Руджіери, „всѣ, даже ремесленники, говорили по-латыни, и не трудно (было) выучиться этому языку, такъ какъ въ каждомъ городѣ, въ каждой почти деревнѣ была общественная школа“ [2]). Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, польская и литовская молодежь со второй половины XV вѣка отправлялась въ славившіеся тогда западно-европейскіе университеты—лейпцигскій, пражскій, парижскій, падуанскій, болонскій и др. Эти путешествія польской молодежи имѣли не малое значеніе въ томъ отношеніи, что она за границей неизбѣжно знакомилась съ тѣми идеями, которыя распространялись тогда по Западной Европѣ и расчищали путь для реформаціи. Пропитанные этими идеями возвращались польскіе юноши на родину и становились здѣсь неизбѣжно піонерами церковной реформы, занимавшей и волновавшей тогда западно-европейскій міръ [3]). Впрочемъ, путешествія учащейся молодежи въ западно-европейскіе университеты не были единственнымъ средствомъ проникновенія въ Польшу разнаго рода идей, несогласныхъ съ духомъ строгаго католичества. Около этого времени пришло на помощь человѣческой мысли и человѣческому слову книгопечатаніе, которое давало возможность новымъ идеямъ распространяться по самымъ отдаленнымъ странамъ просвѣщеннаго міра съ непонятною для прежняго времени быстротою. Этимъ новымъ путемъ быстро долетали новыя идеи и до Польши, гдѣ находили

---

[1]) Lukaszewicz, Historya szkół w Koronie i w Wielkiém Księstwie Litewskiem od najdawniejszych szasów aż do roku 1794, Poznań, 1849, I, 48—49; Wiszniewski, Historya Literatury Polskiéj, Krakow, 1842, IV, 253, 343, 360—361.

[2]) Relacye, I, 128, Opis Polski Fulwiusza Ruggieri w roku 1565.

[3]) Lukaszewicz, Historya szkół, I, 50.

себѣ значительный контингентъ читателей, созданныхъ краковскимъ университетомъ и его колоніями. Притомъ же, со второй половины XV вѣка начинаетъ распространяться книгопечатаніе въ самой Польшѣ, а въ первыхъ годахъ XVI вѣка появляются здѣсь уже постоянныя типографіи. Книгопечатаніе, сдѣлавъ просвѣщеніе доступнымъ для всѣхъ классовъ народа, произвело быстрый, всеобщій обмѣнъ человѣческой мысли, тѣмъ болѣе, что оно было въ тѣ древнія времена совершенно свободнымъ: даже книги религіознаго содержанія выходили тогда безъ цензуры [1]).

Подъемъ общаго уровня просвѣщенія въ Польшѣ, путешествія польской молодежи въ заграничные университеты, развитіе и распространеніе въ Польшѣ книгопечатнаго искусства,— все это ставило польское общество въ тѣсную интеллектуальную связь съ западно-европейскимъ міромъ, дѣлало его чуткимъ къ проявленіямъ западно-европейской мысли, работавшей давно уже во враждебномъ Риму направленіи, заставляло и польскую мысль работать въ томъ же направленіи, идти по тому же пути. На этотъ путь вступила сама краковская академія, живо принимавшая къ сердцу всѣ вопросы, волновавшіе тогдашній католическій міръ. Въ 1416 году въ посланіи къ отцамъ констанстскаго собора она подавала свой голосъ за свободу церкви, требовала искорененія нестроеній католической церкви, преобразованій клира, и прежде всего высшихъ его представителей [2]). Точно такія же желанія и требованія предъявляла краковская академія и отцамъ базельскаго собора, насколько можно судить по посланію этого собора, адресованному краковской академіи [3]). Краковская академія вполнѣ раздѣляла мысли отцовъ базельскаго собора, что́ она со всею рѣшительностію доказала въ 1448 году. Въ этомъ году, не смотря на то, что король Казиміръ на люблинскомъ сеймѣ призналъ папою Николая V, который принялъ всѣ предложенныя ему королемъ условія,

---

[1]) Кондратовичъ, I, 130—132.

[2]) Это посланіе краковской академіи, какъ и другія ея посланія, а равно посланія къ ней другихъ академій, напечатаны въ приложеніи къ четвертому тому Исторіи польской литературы Вишневскаго (Wiszniewski, IV, 400—401).

[3]) Ibid., IV, 406.

краковская академія приняла сторону Феликса V, избраннаго базельскимъ соборомъ. Когда легатъ Николая V прибылъ въ Краковъ и былъ торжественно встрѣченъ духовенствомъ, краковская академія не оказала ему никакихъ почестей, ссылаясь на изданное ею сочиненіе, въ которомъ краковскіе профессора доказывали, что базельскій соборъ, законнымъ образомъ созванный, имѣлъ право избрать Феликса V папою. Легатъ хотѣлъ было лишить многихъ профессоровъ ихъ каѳедръ, но краковскій епископъ Збигнѣвъ Олесницкій посовѣтовалъ ему позвать ихъ къ суду короля. Нѣсколько разъ являлись профессора на судъ короля и сената; но всякій разъ объявляли, что признать Николая папою они не могутъ, пока не признаетъ его таковымъ базельскій соборъ [1]). По этому вопросу краковскій университетъ вступилъ въ переписку съ парижскимъ, вѣнскимъ, кельнскимъ, лейпцигскимъ и эрфуртскимъ университетами и лишь по полученіи отвѣта лоданскаго собора призналъ папою Николая V [2]).

За реформаторскими соборами, поставившими всенародно, предъ лицомъ всего католическаго міра, вопросъ о необходимости реформы во главѣ и въ членахъ католической церкви, наступилъ для западноевропейскаго міра вѣкъ возрожденія наукъ, вѣкъ гуманизма. Со второй половины XV вѣка, даже раньше этого, наступилъ этотъ вѣкъ и для Польши. На первыхъ порахъ гуманизмъ здѣсь нашелъ себѣ радушный пріемъ даже въ такихъ сферахъ, которыя повидимому должны были встрѣтить его, какъ опаснаго врага своего. Строго-католическая партія польскаго духовенства, предводимая извѣстнымъ Збигнѣвомъ Олесницкимъ, дружественно протянула ему руку, задумавъ направить удары гуманизма на ненавистныя ей начала гусизма. Хотя краковскій университетъ не сдѣлался совершенно гуманистическимъ, хотя въ немъ всегда существовала и большею частію занимала господствующее положеніе партія профессоровъ стараго направленія, непріязненно смотрѣвшая на успѣхи въ Польшѣ гуманизма, тѣмъ не менѣе гуманистическія науки ворвались въ стѣны краковскаго университета, отвоевали себѣ въ немъ многія профессорскія каѳедры, нашли себѣ горячихъ по-

[1]) Długossus, II, 36—37.
[2]) Wiszniewski, IV, 413—440.

клонниковъ и во многихъ профессорахъ, и еще больше въ учившейся въ немъ молодежи. Во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI в. почти ежегодно, иногда цѣлыми партіями, прибываютъ въ Краковъ иностранцы-гуманисты: то въ качествѣ студентовъ наполняютъ они университетскія аудиторіи, то въ качествѣ профессоровъ преподаютъ гуманистическія науки краковскимъ студентамъ, читаютъ лекціи часто даже внѣ университетскихъ стѣнъ. Вліяніе гуманизма въ краковскомъ университетѣ не всегда было одинаково сильно: старая партія иногда совершенно брала надъ нимъ верхъ и ограничивала преподаваніе гуманистическихъ наукъ до minimum'а. Но въ общемъ гуманизмъ въ немъ до самой эпохи реформаціи занималъ твердыя позиціи, производилъ могущественное вліяніе на учившуюся въ немъ молодежь [1]). Притомъ-же, при той тѣсной интеллектуальной связи, въ которой стояла тогда Польша съ западною Европою, гуманизмъ, и помимо краковскаго университета, безъ труда могъ проникать въ Польшу — Вѣкъ возрожденія наукъ былъ въ Польшѣ, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ, преддверіемъ къ эпохѣ реформаціи. Гуманизмъ, хотя и направилъ мысль человѣческую на изученіе классической, дохристіанской жизни, среди которой она иногда даже переставала быть христіанскою, расчищалъ, однако, путь для религіозной реформаціи, или—вѣрнѣе—готовилъ средства, которыя какъ нельзя болѣе пригодились ей въ борьбѣ съ католичествомъ. Стоило, напр., гуманисту отъ изученія греческихъ классиковъ перейти къ изученію новаго завѣта въ греческомъ оригиналѣ и дозволить себѣ понимать и объяснять его смыслъ на основаніи своихъ грамматическихъ познаній, а не на основаніи Ломбарда и Ѳомы Аквинскаго,—и онъ одною ногою стоялъ уже въ новомъ періодѣ церковной жизни. Не даромъ въ началѣ XVI в. строго-католическая партія въ краковскомъ университетѣ противилась введенію въ университетѣ преподаванія греческаго языка, о чемъ хлопоталъ краковскій епископъ Петръ Томицкій, и хотя въ концѣ концовъ допустила его преподаваніе, но далеко не въ широкихъ размѣрахъ [2]). Намъ нѣтъ надобности указывать всѣ тѣ пути, которыми во-

---

[1]) Szujski, Odrodzenie i raformacya w Polsce, Warszawa, 1880, 1—34.
[2]) Szujski, 32—33.

спитанное на гуманизмѣ польское общество шло къ реформаціи. Замѣтимъ только, что тогдашній гуманизмъ, которому протянулъ руку Збигнѣвъ Олесницкій, былъ по самому существу своему враждебенъ тому вѣками сложившемуся строю католической церкви, надъ упроченіемъ котораго въ Польшѣ такъ много трудился Олесницкій. Съ унаслѣдованною отъ среднихъ вѣковъ теоріею безусловнаго превосходства духовной, именно папской власти надъ властью свѣтскою принимался католикъ XV в. за изученіе классической литературы: идея государства, къ которому церковь (религія) относится, какъ одно изъ подчиненныхъ вѣдомствъ, во всей послѣдовательности проводимая въ этой литературѣ, неизбѣжно заставляла его призадуматься надъ своею теоріею. Отъ столкновенія двухъ противоположныхъ міровоззрѣній, отъ неизбѣжной тутъ ломки многихъ вѣками установившихся понятій получался часто нежелательный, даже опасный для Рима результатъ: гуманисты становились на нѣкоторыхъ пунктахъ противниками теоріи папской власти. На этомъ пунктѣ гуманизмъ сходился съ тѣмъ національнымъ теченіемъ польской жизни, которое, развившись въ ней подъ вліяніемъ гусизма, стало во враждебное отношеніе къ римскому повелителю, столько вѣковъ уже втягивавшему польскій народъ въ универсальную систему своего владычества. На сеймѣ 1459 г. Янъ Остророгъ, стоявшій во главѣ крупной партіи польскаго общества, говорилъ, что, хотя Польша, какъ католическая страна, признаетъ духовную власть папы, однако не слѣдуетъ обѣщать ему неограниченнаго повиновенія: польскій король не подчиненъ никому, одинъ Богъ стоитъ выше его. Не слѣдуетъ, говорилъ онъ, писать папѣ смиренныхъ и покорныхъ писемъ. Король не подданный Рима. Смиреніе само по себѣ не хорошо; если же оно переходитъ мѣру и обнаруживается по отношенію къ тому, кто имѣетъ власть только въ духовныхъ дѣлахъ, заслуживаетъ наказанія. Остророгъ жаловался еще на то, что Римъ подъ видомъ вѣры и благочестія разными средствами ежегодно собираетъ съ Польши большія суммы денегъ и повергаетъ чрезъ это королевство въ нищету [1]). Длугошъ подъ 1466 г. скорбитъ о томъ, что въ то время in nonnullis Polonis notabatur avarus, tener et degener animus, justissimis

[1]) Krasinski, 36.

obluctans imperiis, et de ordine religionis Christianae, et quod omnia superat facinora, de legibus Divinis, et Ecclesiasticis male existimans [1]). Этотъ враждебный тогдашнему строю католической церкви духъ проникалъ даже въ высшихъ представителей польскаго духовенства. То омірщеніе польскаго духовенства, особенно епископата, о которомъ мы сказали въ предыдущей главѣ, зависѣло, помимо другихъ причинъ, оттого, что тогдашній польскій дворъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ гуманизма, возводилъ на епископскія каѳедры людей гуманистическаго направленія. Польское общество, подъ вліяніемъ гуманизма, доходившаго въ крайнемъ своемъ развитіи до чудовищнаго смѣшенія христіанскихъ понятій съ языческими, становившагося иногда въ прямой антагонизмъ съ христіанскимъ ученіемъ, во второй половинѣ XV в: постепенно утрачивало тотъ религіозный колоритъ, въ который окрашена была жизнь средневѣковаго польскаго общества. Длугошъ, представитель средневѣковаго католичества, горько оплакиваетъ эту метаморфозу: Leges Divinas, et scita contemnendo irridemus, et floccifacimus, nec satis scripturarum comminationibus credimus, nec Divina imperia aperto pectore haurimus, levissimaeque venturae vitae, et salvationi perpetuae, juxta ac semper hic victuri, insistimus, neque ad mortem, et rerum omnium consumationem aspicimus.... [2]) Хотя Длугошъ впадаетъ тутъ въ преувеличеніе, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что современное ему общество во многомъ стало уже непохожимъ на средневѣковое, не подлежитъ сомнѣнію и присутствіе въ немъ порожденнаго гуманизмомъ религіознаго индифферентизма, и распространеніе въ немъ разныхъ антикатолическихъ мнѣній. Въ 1459 г. Янъ Остророгъ высказывалъ уже мысли, отчасти напоминающія Лютера. Онъ возставалъ противъ того, что папа, безъ вѣдома короля и сената, присылаетъ въ Польшу индульгенціи и этимъ способомъ наживаетъ себѣ деньги, людей же увѣряетъ, что разрѣшаетъ ихъ отъ грѣховъ, между тѣмъ какъ Богъ чрезъ своего пророка сказалъ: „Сынъ Мой, дай мнѣ сердце твое, а не деньги“. Папа, продолжаетъ онъ, говоритъ, что онъ употребляетъ свои сокровища на постройку храмовъ,

[1]) Dlugossus, II, 397.
[2]) Dlugossus, II, 397.

а на дѣлѣ тратитъ ихъ на обогащеніе своихъ родственниковъ [1]). Въ 1504 г. появились въ Краковѣ сочиненія „объ истинной вѣрѣ“ и „о бракѣ священниковъ“, написанныя въ духѣ, враждебномъ католичеству [2]). Въ 1515 г. появилось обратившее на себя общее вниманіе письмо Бернгарда изъ Люблина къ Симону изъ Кракова, въ которомъ проводилась мысль, что должно слѣдовать одному евангелію и избѣгать всякихъ человѣческихъ измышленій. [3]) Подъ 1516 г. Стрыйковскій въ своей хроникѣ замѣчаетъ, что, хотя Левъ X объявилъ въ Польшѣ юбилей и прислалъ индульгенціи, однако въ теченіе двухъ лѣтъ въ Польшѣ и Литвѣ собрали не особенно большую сумму денегъ, такъ какъ „люди въ то время стали уже мало обращать вниманія на папу“ [4]). По тому же поводу и Бѣльскій въ своей хроникѣ дѣлаетъ грустное замѣчаніе: „но люди уже чѣмъ дальше, тѣмъ меньше заботились о дѣлахъ спасенія“ [5]).

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Всѣмъ предыдущимъ ходомъ польской исторической жизни постепенно расчищался путь для проникновенія въ Польшу силы, взволновавшей въ XVI в. весь западно-европейскій міръ, постепенно подготовлялась почва для воспріятія началъ реформаціи. Идеи нѣмецкаго реформатора тѣмъ легче могли проникнуть въ Польшу, что не только многими и самыми разнообразными нитями связана она была съ сосѣдними нѣмецкими государствами, но власть ея короля тогда признавала надъ собою цѣлая Пруссія, населенная по большей части нѣмцами, связь которой съ Германіей уже изъ однѣхъ національныхъ симпатій всегда была очень тѣсна. Въ той части Пруссіи, которая принадлежала крестоносцамъ, новое ученіе могло тѣмъ удобнѣе распространяться, что оно нашло себѣ здѣсь послѣдователей во многихъ орденскихъ начальникахъ. Самъ

[1]) Krasinski, 37—38.
[2]) Krasinski, 44; Fischer, 7.
[3]) Regenvolscius, 74.
[4]) Stryjkowski, Kronika Polska, Litewska, Żmodzka i wszystkiej Rusi, Warszawa, 1846, II, 390.
[5]) Bielski Marcin, Kronika, wydanie «Biblioteki Polskiej» Turowskiego, Sanok, 1856, II, 996.

гроссмейстеръ ордена крестоносцевъ Альбертъ, по недостатку средствъ для борьбы съ Польшей, скитаясь по Германіи, пришелъ подъ вліяніемъ идей Лютера къ мысли оставить духовное званіе и образовать изъ орденскихъ владѣній наслѣдственное герцогство. При посредничествѣ родственниковъ, ему удалось добиться согласія на это польскаго короля Сигизмунда I-го, въ ленныхъ отношеніяхъ къ которому находился орденъ крестоносцевъ, и 10-го апрѣля 1525 года въ Краковѣ совершился торжественный актъ принесенія ленной присяги польскому королю первымъ прусскимъ герцогомъ, разорвавшимъ всѣ связи съ католичествомъ. Новый прусскій герцогъ много содѣйствовалъ не только окончательному утвержденію лютеранства въ своемъ герцогствѣ, или такъ называемой герцогской Пруссіи, но и распространенію его въ польскомъ королевствѣ; онъ съ усердіемъ снабжалъ Польшу книгами, написанными въ духѣ Лютера, давалъ у себя пріютъ всѣмъ преслѣдуемымъ въ Польшѣ за приверженность къ реформаціоннымъ идеямъ, основалъ въ Кенигсбергѣ университетъ, гдѣ много училось польскихъ и литовскихъ юношей [1]).

Очень рано стало извѣстнымъ ученіе Лютера и въ польской, или королевской Пруссіи, вошедшей въ составъ польскаго королевства, съ сохраненіемъ впрочемъ всѣхъ своихъ правъ и привиллегій, при Казимірѣ Ягеллонѣ (1466). Данцигъ былъ главнымъ городомъ этой страны и вмѣстѣ съ тѣмъ по своему географическому положенію складочнымъ мѣстомъ польской торговли съ западной Европой. Постоянныя торговыя связи съ Германіей дѣлали особенно легкимъ доступъ въ него идеямъ Лютера. Онѣ нашли себѣ здѣсь отголосокъ еще въ то время, когда только что были провозглашены въ Виттембергѣ. Уже въ 1518 г. доминиканецъ Яковъ Кнаде проповѣдывалъ въ Данцигѣ, хотя и непублично, противъ злоупотребленій римской церкви, нападалъ на ея главу и въ своей оппозиціи зашелъ такъ далеко, что сбросилъ съ себя монашескую рясу и вступилъ въ бракъ, на что самъ Лютеръ рѣшился лишь въ 1525 г. Правда, Кнаде вскорѣ, по настоянію куявскаго епископа, къ епархіи котораго принадлежалъ Данцигъ, принужденъ былъ оставить этотъ городъ, но въ 1520 году на

[1]) Bielski, II, 1031; Friese, Th. II, Bd. I. S. 150—161.

смѣну ему являются другіе провозвѣстники реформаціи, продолжающіе туже, хотя и неоткрытую, оппозицію противъ римской церкви. Первую публичную проповѣдь противъ католическаго ученія держалъ въ Данцигѣ Гегге, котораго можно назвать дѣйствительнымъ основателемъ лютеранской общины въ этомъ городѣ. Его проповѣди нашли себѣ, какъ между мѣщанами, такъ и въ ратушѣ многихъ приверженцевъ, которые образовали въ Данцигѣ значительную партію.—Эти успѣхи реформаціи въ Данцигѣ привлекли къ себѣ вниманіе какъ высшей церковной іерархіи, такъ и польскаго правительства. Архіепископъ гнѣзненскій Янъ Ласкій лично отправился въ Данцигъ, въ сопровожденіи куявскаго епископа Матѳея Држевицкаго, въ надеждѣ своимъ личнымъ присутствіемъ поддержать авторитетъ сильно поколебавшагося уже тамъ католичества. Но эта поѣздка не имѣла успѣха. Идеи Лютера пустили уже такіе глубокіе корни въ Данцигѣ, что достаточно было заключенія въ тюрьму, по распоряженію архіепископа, одного лютеранскаго проповѣдника, чтобы масса населенія, пренебрегши государственнымъ и церковнымъ значеніе примаса королевства, рѣшилась на насиліе въ отношеніи къ нему, на грубыя ругательства, именно—съ камнями въ рукахъ, заставила его искать спасенія въ бѣгствѣ. Сигизмундъ I-й съ своей стороны не могъ игнорировать того, что произошло въ Данцигѣ. Въ 1523 г. онъ издалъ къ городскимъ властямъ Данцига декретъ, въ которомъ запрещалось имъ дѣлать какія бы-то ни было измѣненія въ вѣрѣ. Но особенныя политическія обстоятельства того времени не позволяли Сигизмунду строго настаивать на исполненіи этого декрета: въ это время Сигизмундъ занятъ былъ войною съ своимъ племянникомъ Альбертомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, гроссмейстеромъ ордена крестоносцевъ; простой политическій расчетъ побуждалъ его имѣть на своей сторонѣ, или—по крайней мѣрѣ—не вооружать противъ себя богатаго города, заключавшаго въ себѣ такъ много нѣмецкихъ, преданныхъ Пруссіи элементовъ. Вслѣдствіе такъ благопріятно сложившихся обстоятельствъ, реформація въ Данцигѣ продолжала дѣлать дальнѣйшіе успѣхи. Но все сильнѣе и сильнѣе начинавшій биться пульсъ религіозной жизни пробудилъ новыя движенія и въ области гражданской жизни. Городской магистратъ, опасавшійся того, что религіозныя нововведенія мо-

гутъ дать перевѣсъ демократической партіи и привести къ измѣненіямъ въ городскомъ управленіи, заключилъ подъ стражу нѣсколькихъ главнѣйшихъ приверженцевъ реформаціи и вообще сталъ выказывать готовность исполнять королевское опредѣленіе строже, чѣмъ какъ онъ дѣлалъ это доселѣ. Это вызвало сильное недовольство въ реформаціонной партіи, и въ городѣ (22 января 1525 года) вспыхнулъ бунтъ. Городской магистратъ долженъ былъ согласиться на созваніе общаго собранія горожанъ для разсужденія объ улучшеніи церковныхъ дѣлъ. Собраніе это, впрочемъ, заявило себя очень умѣреннымъ, ограничившись только опредѣленіями противъ монашества. Городской магистратъ принужденъ былъ дать на эти опредѣленія свое согласіе. Но этимъ дѣло не окончилось. Враждебная городскому магистрату партія имѣла случай убѣдиться въ своей силѣ, а политическія страсти, разъ возбужденныя, не могли такъ скоро успокоиться. Въ городѣ произошло второе возмущеніе, на этотъ разъ болѣе серьезное по своимъ послѣдствіямъ: городской магистратъ былъ смѣненъ и вмѣсто него учреждено было новое городское управленіе. Это послѣднее заявило себя уже весьма ревностнымъ приверженцемъ реформаціи: монастыри были закрыты, католическія формы богослуженія почти совершенно уничтожены, церковныя имущества объявлены собственностію города.

Вскорѣ послѣ этихъ происшествій Сигизмундъ получилъ два увѣдомленія о совершившихся въ Данцигѣ событіяхъ: новый магистратъ заявлялъ отъ лица большинства гражданъ, что произведенныя въ Данцигѣ измѣненія касались исключительно церковныхъ дѣлъ, что они вовсе не имѣли политическаго характера, высказывалъ чувства своей вѣрноподданнической преданности польскому королю и просилъ объ утвержденіи произведенныхъ имъ измѣненій; старый магистратъ, напротивъ, представлялъ все совершившееся въ Данцигѣ дѣломъ немногочисленной политической партіи, враждебной польскому королю, поставлялъ на видъ отчаянное положеніе главнаго города Пруссіи подъ управленіемъ самозваннаго магистрата и настоятельно просилъ отъ лица большинства о возстановленіи въ Данцигѣ стараго порядка вещей. Отвѣтомъ на эти донесенія былъ королевскій приказъ возстановить во всемъ старый порядокъ. Новый магистратъ еще разъ было пытался оправдаться предъ

королемъ, но получилъ приказаніе явиться лично къ королю; когда же онъ этого не сдѣлалъ, сенатъ въ февралѣ 1526 г. положилъ опалу на Данцигъ и объявилъ его лишеннымъ всѣхъ привиллегій, въ томъ случаѣ, если бы онъ не возвратился къ повиновенію законнымъ властямъ. Вмѣстѣ съ этимъ рѣшено было, чтобы король лично отправился въ Данцигъ для возстановленія въ немъ спокойствія. 17-го апрѣля 1526 г. Сигизмундъ торжественно вступилъ въ Данцигъ. Сперва приверженцы реформаціи, предчувствуя бѣду, не хотѣли пустить короля въ городъ, но потомъ, по совѣту бургомистра Бишофа, допустили въѣздъ короля въ городъ, хотя приняли свои мѣры предосторожности, оказавшіяся, впрочемъ, недостаточными, такъ какъ Сигизмунду удалось сосредоточить въ Данцигѣ значительную военную силу. Присутствіе короля, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи военную силу, возъимѣло въ Данцигѣ свое дѣйствіе: приверженная реформаціи партія должна была на время смириться и безропотно повиноваться распоряженіямъ короля. Главные виновники происшедшихъ въ Данцигѣ волненій, въ числѣ пятнадцати человѣкъ, потеряли головы на плахѣ, а другіе присуждены были къ изгнанію изъ отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ опубликованы были слѣдующія распоряженія короля: кто въ теченіе 14 дней послѣ опубликованія королевскаго распоряженія не возвратится въ лоно католической церкви, тотъ долженъ оставить городъ, подъ угрозою смертной казни; монахи и монахини, нарушившіе свои обѣты, духовные, отпавшіе отъ католической вѣры, должны были въ теченіе 24 часовъ оставить городъ; подъ угрозою смертной казни и конфискаціи имуществъ, запрещено было распространеніе направленныхъ противъ католической церкви ученій; даже всякое опубликованіе изображеній и сочиненій, противныхъ католической церкви, должно было наказываться изгнаніемъ и лишеніемъ имущества, причемъ всякій, имѣвшій общеніе съ изгнанникомъ, также терялъ свое имущество; начальники кораблей сдѣланы были отвѣтственными за правовѣріе своихъ пассажировъ; только правовѣрные католики могли имѣть доступъ къ общественнымъ должностямъ; подъ угрозою смертной казни запрещено было всякое собраніе 2-хъ и 3-хъ мущинъ или женщинъ съ намѣреніемъ ниспровергнуть существующій порядокъ и пр. [1]).—

[1]) Bielski, II, 1030, 1034—1037; Vol. leg. I, 226—230; Friese Th. II,

Впрочемъ, описанный нами случай примѣненія такихъ строгихъ мѣръ къ приверженцамъ реформаціи былъ при Сигизмундѣ I исключительный, и строгость польскаго правительства въ данномъ случаѣ можно объяснить въ весьма значительной степени политическими мотивами: Сигизмунду нужно было какъ можно энергичнѣе поддержать королевскій авторитетъ въ главномъ городѣ польской Пруссіи,—авторитетъ, пошатнувшійся до того, что тамъ осмѣлились, безъ вѣдома короля, смѣнить городскія власти, произвольно учредить новыя, произвести бунтъ и проч.

Строгими мѣрами польскаго правительства успѣхи реформаціи въ Данцигѣ были задержаны, но не надолго. Чрезъ десять лѣтъ послѣ описанной нами кровавой расправы съ данцигцами, реформаціонныя идеи съ новою силою заявили себя въ Данцигѣ. Доминиканецъ Клейнъ, давно уже стоявшій въ оппозиціи къ католической церкви, но до поры до времени не доходившій до открытаго разрыва съ нею, въ 1537 г. вышелъ изъ монашескаго ордена, сталъ во главѣ реформаціонной партіи въ Данцигѣ и, получивъ мѣсто проповѣдника въ костелѣ св. Мартина, повыбрасывалъ изъ него иконы. Городской магистратъ не преслѣдовалъ Клейна. Сигизмундъ, занятый молдавскими дѣлами, смотрѣлъ сквозь пальцы на данцигскія дѣла. Правда, около этого времени онъ отправилъ въ Данцигъ для разслѣдованія дѣла особую комиссію, но мѣра эта не имѣла послѣдствій. Въ началѣ 40-хъ годовъ въ Данцигѣ, по свидѣтельству Бѣльскаго, опять съ особенною силою стала заявлять себя „лютеранская вѣра“. Къ концу царствованія Сигизмунда I, хотя Данцигъ сохранялъ видъ католическаго города, хотя данцигцы продолжали считаться паствою куявскаго епископа, которому они оказывали всѣ внѣшніе знаки почтенія, на самомъ дѣлѣ реформація здѣсь успѣла пустить уже глубокіе корни, вырвать которые стало уже невозможнымъ. Впрочемъ, тогдашній куявскій епископъ Андрей Зебржидовскій не обнаруживалъ особенной охоты вести дѣятельную борьбу съ реформаціей въ Данцигѣ, довольствуясь полученіемъ съ данцигцевъ десятины и оффиціальнымъ признаніемъ данцигцами его епископскаго достоинства [1]).

Bd. I, S. 73—81; Krasinski 45—50; Fischer, 29—37; Eichhorn I, 59—61. [1]) Bielski I, II, 1068—1069, 1072; Acta Historica I, 20, письмо Зебр-

Почти одновременно съ Данцигомъ, идеи Лютера нашли себѣ отголосокъ и въ другихъ важнѣйшихъ городахъ польской Пруссіи. Въ 1520 и 1521 гг. онѣ были уже извѣстны въ Торнѣ. Правда, тамъ въ это время еще не существовало общины, которая публично приняла бы ученіе Лютера, но Лютеръ пользовался въ Торнѣ уже такою популярностію, что, когда папскій легатъ, находившійся въ Торнѣ, хотѣлъ съ большою торжественностію сжечь изображенія и сочиненія Лютера, въ него стали бросать каменья, обратили его въ бѣгство, а изображеніе Лютера спасли изъ огня. Въ 1525 г. въ Торнѣ произошло даже возмущеніе, имѣвшее цѣлью ввести въ немъ новое ученіе и въ частности отобрать монастырскія имущества въ пользу города; но это возмущеніе было мирнымъ образомъ прекращено Сигизмундомъ, и реформація въ Торнѣ продолжала распространяться мирнымъ путемъ [1]). Въ началѣ 20-хъ годовъ обнаружились слѣды реформаціи въ Эльбингѣ: здѣсь появляются отъ времени до времени проповѣдники новаго ученія; между жителями мало-по-малу образуется довольно значительная партія, проникнувшаяся идеями реформаціи; начинаются попытки секуляризаціи монастырскихъ имуществъ [2]). Въ 20-хъ же годахъ XVI в. проникла реформація и въ Брунсбергъ, принадлежавшій къ вармійской епархіи и сдѣлала здѣсь значительные успѣхи, тѣмъ болѣе, что тогдашній вармійскій епископъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ распространенія идей Лютера въ своей епархіи и, когда ему капитулъ указывалъ на опасность новыхъ идей, онъ говорилъ: „Лютеръ—ученый монахъ и доказываетъ на основаніи св. Писанія. Кто имѣетъ охоту, пусть опровергнетъ его“ [3]). Многіе другіе города польской Пруссіи также очень рано услышали проповѣдь идей Лютера, хотя по внѣшности продолжали оставаться католическими [4]).

жидовскаго къ краковскому епископу Самуилу Мацѣевскому, авг. 1546 г.; ibid.. 24 письмо его къ данцигскимъ властямъ сент. 1546 г., ibid. 29; письмо его къ Гозію сент. 28, 1546 г. ibid. 38; письмо его къ королю Сигизмунду окт. 1546, ibid. 49; письмо того же къ тому же ноябр. 1546 г.

[1]) Friese Th. II, B. I. S. 81—84. Krasinski 51. Eichhorn I, 62—64.

[2]) Eichhorn I, 64—66.

[3]) Eichhorn I, 67—71; Krasinski, 51.

[4]) Krasinski, 51.

Мы видѣли, какой воспріимчивой къ идеямъ реформаціи оказалась подвластная тогда Польшѣ Пруссія, почти сплошь населенная нѣмцами. И въ собственной Польшѣ на голосъ германскаго реформатора откликнулись прежде всего проживавшіе въ ней нѣмцы: нѣмецкое населеніе, весьма многочисленное, часто даже преобладавшее въ польскихъ городахъ, всегда поддерживало болѣе или менѣе тѣсныя связи съ нѣмецкими землями и это съ тѣмъ большимъ удобствомъ, что Польша вела тогда обширную торговлю съ сосѣдней Германіей. Реформаціонныя идеи поэтому проникали въ Польшу изъ сосѣдней Германіи прежде всего въ большіе города, распространялись въ средѣ городскаго населенія нѣмецкаго происхожденія. Католическая іерархія, занимавшая высокое положеніе въ польскомъ государствѣ, имѣвшая въ числѣ своихъ прерогативъ право суда надъ отступниками отъ вѣры,—при первыхъ же звукахъ разразившейся въ западной Европѣ грозы должна была, повидимому, насторожить свое вниманіе, при первыхъ же признакахъ новыхъ вѣяній въ Польшѣ должна была повидимому встрепенуться, чтобы дать отпоръ новому врагу, постепенно, хотя и незамѣтными, неуловимыми путями, вторгавшемуся въ ея владѣнія. Но тогдашняя польская іерархія, особенно высшая, считавшая въ своей средѣ не мало гуманистовъ, на первыхъ порахъ равнодушно смотрѣла на вторженіе въ Польшу реформаціонныхъ идей: по крайней мѣрѣ до 1523 года мы не слышимъ о томъ, чтобы она принимала какія либо мѣры противъ приверженцевъ реформаціи, тогда какъ даже польское правительство сочло уже нужнымъ принять эти мѣры. Въ 1520 г. Сигизмундъ I въ Торнѣ издалъ эдиктъ, въ которомъ, подъ угрозою конфискаціи имущества и изгнанія изъ отечества, запретилъ привозить и продавать книги, написанныя М. Лютеромъ [1]). Но этотъ эдиктъ не достигъ своей цѣли: въ Польшѣ продолжали „распространяться ученія Лютера“ и въ самомъ Краковѣ, по заявленію королевскаго эдикта 1522 г., „находились нѣкоторые, кои были такъ упорны въ противленіи эдикту (1520 года), что не переставали привозить сочиненія (opuscula) этого Лютера и другія того же рода и открыто уже содержать эти смертоносные догматы“. Поэтому,

[1]) Friese Th. II, Bd. I. S. 36.

Сигизмундъ вынужденъ былъ издать второй эдиктъ (отъ 22 февр. 1522 г. изъ Гродны) [1]), изъ котораго мы только что привели слова короля, на имя краковскаго старосты Христофора Шидловецкаго, въ которомъ приказалъ ему строго исполнять свой прежній эдиктъ, не допускать ни ввоза, ни продажи, ни чтенія еретическихъ книгъ. Въ томъ же эдиктѣ Сигизмундъ поручилъ Шидловецкому приказать именемъ короля краковскому магистрату позаботиться о томъ же: должно быть краковскій магистратъ, въ которомъ не мало было нѣмцевъ, не обнаружилъ особенной ревности въ исполненіи прежняго эдикта. Но и этотъ эдиктъ не произвелъ желанныхъ послѣдствій. Въ 1523 г. (7 марта изъ Кракова) Сигизмундъ издалъ третій эдиктъ, превосходящій своею суровостію не только прежніе его эдикты, но и всѣ когда либо изданные въ Польшѣ постановленія относительно еретиковъ. Этимъ эдиктомъ запрещались привозъ, чтеніе и распространеніе сочиненій Лютера и иныхъ реформаторовъ, а также и исповѣданіе ихъ ученій, подъ угрозою сожженія на кострѣ и конфискаціи всего имущества [2]). Одновременно съ этимъ назначенная королемъ коммиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ сенаторовъ, по совѣщаніи съ краковскимъ магистратомъ, постановила, чтобы всякій разъ, какъ того потребуетъ краковскій епископъ, назначенные имъ инквизиторы вмѣстѣ съ городскими чиновниками производили безпрепятственно ревизію книгъ въ домахъ краковскихъ обывателей и подвергали назначенному эдиктомъ наказанію всѣхъ тѣхъ, у кого будутъ найдены еретическія книги; вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія опредѣлила—всѣ привозимыя изъ-за границы, или издаваемыя въ Польшѣ книги подвергать предварительной цензурѣ ректора краковскаго университета. Король опубликовалъ это постановленіе коммиссіи во всеобщее свѣдѣніе и пригласилъ всѣ другіе города послѣдовать примѣру Кракова и издать такія же постановленія [3]). Въ томъ же 1523 г., когда король издалъ свой строгій эдиктъ, и польское духовенство на ленчицкомъ синодѣ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ

---

[1]) Zakrzewski. Reformacya w Polsce 228—229. Этотъ эдиктъ, какъ и другіе, о которыхъ скажемъ ниже, взяты Заржевскимъ изъ коронной метрики и напечатаны имъ въ примѣчаніяхъ.

[2]) Ibid. 229.

[3]) Ibid. 230—231.

Яна Ласкаго, издало первое свое постановленіе относительно еретиковъ, которое, впрочемъ, сравнительно съ королевскимъ эдиктомъ, не можетъ назваться строгимъ. Синодъ опредѣлилъ всѣхъ послѣдователей новыхъ ученій карать конфискаціею имущества—свѣтскихъ въ пользу королевской казны, духовныхъ въ пользу костеловъ, при которыхъ они состояли до сихъ поръ; тѣхъ же, которые находятся только въ подозрѣніи, синодъ предалъ отлученію, прибавивъ, что если они въ теченіе года не постараются доказать своей невиновности, будутъ наказаны, какъ явные отступники. Синодъ повторилъ также королевское распоряженіе относительно цензуры книгъ [1]).

Всѣ эти эдикты и постановленія не въ состояніи были остановить распространенія реформаціонныхъ идей въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія на первыхъ порахъ проникали въ Польшу въ той еще далеко не опредѣлившейся, не установившейся формѣ, въ которой борьба съ ними была особенно затруднительною, часто совсѣмъ невозможною. Сигизмундъ I, издавшій указанные нами эдикты, самъ иногда затруднялся, когда дѣло доходило до исполненія ихъ. Въ 1521 году, напр., когда ему пришлось разбирать жалобу секретаря своего Деція, увлекшагося идеями реформаціи, на каменецкаго епископа Мядзельскаго, состоявшую въ томъ, что послѣдній назвалъ перваго еретикомъ, онъ вмѣстѣ съ сенатомъ постановилъ, что все, что епископъ написалъ или сказалъ въ разгарѣ спора о Дециѣ, не должно ни въ чемъ нарушать чести Деція, и кромѣ того запретилъ Мядзельскому издавать сочиненія, написанныя имъ противъ Лютера, чтобы не оскорбить сосѣднихъ государей и народовъ, находящихся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Польшею. Въ 1524 г. Сигизмундъ писалъ папѣ Клименту VII, что церкви въ Польшѣ „отъ вредоносной лютеранской доктрины не меньшія угрожаютъ опасности, чѣмъ отъ войнъ съ невѣрными“ и считалъ нужнымъ представить на усмотрѣніе св. отца то, что, по его мнѣнію, могло возвратить церковный миръ его государству. При этомъ король прибавлялъ, что если не будутъ своевременно приняты нужныя мѣры, внутреннія раздоры и несогласія замутятъ польскую церковную жизнь [2]). Въ слѣдующемъ году польскіе епископы пи-

[1]) Fabisz, 127. Zakrzewski, Reformacya w Polsce 29.
[2]) Ibid. 426. Cracowiae, 9 aprilis 1525.

сали папѣ, „что ядовитыя (venerate) ереси, противныя католической вѣрѣ, чрезвычайно размножаются и повсюду распространяются". Еслибы Польша не имѣла „христіаннѣйшаго короля", заключали они, то и въ Польшѣ „религія понесла бы не мало урона" [1]). Въ отвѣтномъ посланіи къ архіепископу Яну Ласкому папа выражалъ свое сожалѣніе по поводу распространенія въ Польшѣ „лютеранской секты" и прибавлялъ, что хотя онъ увѣренъ въ преданности короля апостольскому престолу, однако онъ боится „тайныхъ козней сатаны въ народѣ" (occultasin plebem insidias sathanae). Папа поручилъ архіепископу на будущемъ провинціальномъ съѣздѣ позаботиться о томъ, чтобы не было больше мѣста въ польскомъ государствѣ „этой лютеранской напасти" (calamitati): нераскаянныхъ еретиковъ папа предписывалъ подвергать заслуженнымъ ими наказаніямъ, а раскаявающихся принимать въ лоно церкви [2]). Увѣщанія папы подѣйствовали, если не на всѣхъ, то на нѣкоторыхъ представителей католической іерархіи въ Польшѣ. Они съ большею, чѣмъ прежде, энергіею и успѣхомъ стали дѣйствовать противъ приверженцевъ реформаціи, хотя сферу своихъ дѣйствій ограничили, кажется, по преимуществу подчиненнымъ имъ духовенствомъ. Въ началѣ 1526 г. папа въ посланіи къ архіепископу Яну Ласкому выражалъ свое удовольствіе по поводу ревностнаго исполненія имъ предписаній апостольскаго престола, результатомъ котораго было возвращеніе въ лоно католической церкви многихъ духовныхъ (canonicos seculares et regulares), впавшихъ было въ лютеранскую ересь и вопреки канонамъ взявшихъ себѣ женъ [3]). На это возвращеніе, помимо дѣятельности духовенства, не остались, конечно, безъ вліянія и изданные польскимъ правительствомъ эдикты противъ еретиковъ, въ особенности же кровавая расправа Сигизмунда съ Данцигомъ.—Но вліяніе этихъ эдиктовъ въ сильной степени парализовалось другими дѣйствіями польскаго правительства. Впечатлѣніе отъ насильственной реставраціи католицизма въ Данцигѣ силою польскаго правительства едвали могло пересилить, заглушить другое впечатлѣніе, которое

---

[1]) Theiner II, 423. Cracowiae, 3 Nowembr. 1524 г.
[2]) Ibid. 428–429, Romae, 19 Maji 1525.
[3]) Ibid. 438–439, Romae, 29 Januarii 1526.

лишь годъ тому назадъ вынесло все польское общество отъ невиданнаго прежде зрѣлища—принесенія польскому королю ленной присяги первымъ прусскимъ герцогомъ: воочію всей Европы польскій король санкціонировалъ тутъ совершенное Альбертомъ превращеніе католическаго монашескаго ордена въ лютеранское герцогство. Уже одно существованіе подъ властью польскаго короля цѣлой страны, гдѣ побѣда реформаціи надъ католичествомъ была признана самимъ польскимъ правительствомъ, давало приверженцамъ реформаціи поводъ ожидать отъ этого правительства, если не такого же, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе снисходительнаго отношенія къ ней и въ собственной Польшѣ. Многочисленныя правительственныя распоряженія и синодальныя постановленія послѣдующаго времени, направленныя противъ приверженцевъ реформаціи, сами по себѣ достаточно уже доказываютъ, что польское общество не особенно ими стѣснялось. Въ 1525 г. Янушъ, князь мазовецкій, издалъ въ Варшавѣ строгое постановленіе, въ которомъ, подъ угрозою смертной казни и потери имущества, запретилъ распространеніе ереси на какомъ бы то ни было языкѣ и какими бы то ни было средствами въ своемъ княжествѣ, не входившемъ тогда непосредственно въ составъ польскаго королевства [1]). Ленчицкій синодъ 1527 г. постановилъ даже возстановить инквизицію подъ надзоромъ епископовъ, особенно во вратиславской и куявской епископіяхъ [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ издалъ нѣкоторыя другія постановленія, направленныя къ искорененію ереси, напр. о томъ, чтобы епископы назначали проповѣдниками людей ученыхъ, могущихъ объяснять народу св. Писаніе [3]). Послѣдующіе синоды: петроковскій 1530 г. [4]) и ленчицкій 1532 г. повторили прежнія опредѣленія противъ еретиковъ: послѣдній рекомендовалъ даже поступать съ еретиками съ такою строгостію, съ какою поступали противъ нихъ въ Испаніи [5]).—Распространенію въ Польшѣ реформаціонныхъ идей много помогало посѣщеніе польскою молодежью заграничныхъ университетовъ, особенно

[1]) Vol. leg. I, 223.
[2]) Fabisz 128—129. Friese Th. II, Bd. I, S. 47. Fischer 38 прим.
[3]) Fabisz 128. Friese Th. II, Bd. I, S. 48.
[4]) Fabisz 130.
[5]) Friese Th. II, Bd. I, S. 50—51.

виттембергскаго, гдѣ многіе поляки, игравшіе впослѣдствіи видныя роли въ распространеніи и организаціи въ Польшѣ протестантства, были непосредственными слушателями Меланхтона и другихъ протестантскихъ знаменитостей. Польское духовенство увидѣло большую опасность, угрожавшую ему съ этой стороны,—опасность, на которую предупредительно указывали ему его германскіе собраты, и добилось, наконецъ, того, что Сигизмундъ издалъ на имя старостъ въ 1534 году эдиктъ, въ которомъ всѣмъ полякамъ, находившимся въ Виттембергѣ, приказано было возвратиться на родину; а находившимся въ отечествѣ запрещено было, подъ угрозою изгнанія, на будущее время ѣздить въ Виттембергъ; возвратившіеся на родину должны были отказаться отъ своихъ заблужденій, въ противномъ случаѣ ихъ не дозволялось допускать къ государственнымъ должностямъ [1]). Чрезъ шесть лѣтъ польское правительство сочло нужнымъ повторить запрещеніе посѣщать заграничные университеты. Въ 1540 г. (22 марта изъ Кракова) Сигизмундъ издалъ указъ старостамъ, въ которомъ предписывалъ имъ объявить всѣмъ обывателямъ, что король запретилъ посѣщать Виттембергъ, Лейпцигъ, Гольдбергъ и другіе зараженные ересью города, или посылать въ нихъ дѣтей своихъ для обученія, подъ угрозою смерти, изгнанія изъ отечества и конфискаціи имущества; тѣ, которые уже послали туда дѣтей своихъ, должны были возвратить ихъ оттуда въ теченіи шести мѣсяцевъ, въ противномъ случаѣ родители—если ихъ дѣти съ ихъ согласія остались за границей—подвергались упомянутой карѣ. Той же карѣ должны были подвергнуться тѣ, которые привозили и распространяли сочиненія Лютера и другихъ; виновныхъ въ этомъ повелѣвалось для надлежащаго наказанія представлять мѣстному епископу, или назначенному имъ инквизитору. Одновременно съ этимъ указомъ король объявилъ епископамъ, чтобы они тщательно разузнавали, чьи дѣти учатся за-границей, и о таковыхъ доводили до его свѣдѣнія для надлежащаго распоряженія [2]). Спустя три года Сигизмундъ издалъ новый указъ старостамъ относительно еретиковъ, но въ немъ онъ уже нѣсколько понижаетъ тонъ. Онъ приказалъ ста-

---

[1]) Ibid. 53—55; Romanowski. 231.

[2]) Zakrzewski, Reformacya w Polsce, 236; ibid. 237.

ростамъ (12 апрѣля 1543 г.) объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобы прибывающіе въ Польшу—будутъ-ли то мѣстные уроженцы или иностранцы—„не смѣли распространять въ народѣ новыхъ ученій, не принятыхъ св. римскою церковью, вести о нихъ диспуты и привозить книги, заподозрѣнныя въ ереси", подъ угрозою наказаній, опредѣленныхъ прежними декретами [1]). Въ этомъ указѣ нѣтъ уже рѣчи о преслѣдованіи за простое исповѣданіе новыхъ ученій, а тѣмъ болѣе о розыскѣ тайныхъ приверженцевъ ихъ. Въ слѣдующемъ году, впрочемъ, Сигизмундъ опять подъ страхомъ смертной казни запретилъ (мандатъ отъ 10 іюля 1544 г. изъ Брестъ-Литовска) привозить въ Польшу, продавать, покупать, имѣть въ домахъ еретическія книги вообще и въ особенности книги, написанныя на польскомъ языкѣ, которыя распространялъ „апостатъ Самуилъ" [2]). Но это былъ уже послѣдній указъ Сигизмунда I относительно приверженцевъ новыхъ идей. — Одновременно съ этими королевскими указами польское духовенство на своихъ провинціальныхъ синодахъ продолжало издавать направленныя противъ реформаціи постановленія. Петроковскій синодъ 1542 г. издалъ много постановленій, имѣвшихъ цѣлію оградить польское юношество отъ реформаціонныхъ идей: запрещено было читать въ школахъ сочиненія Лютера, Меланхтона и ихъ приверженцевъ; поручено было архидіаконамъ и инквизиторамъ производить тщательныя ревизіи книгъ въ домахъ шляхты и мѣщанъ, чтобы юношество не читало еретическихъ книгъ; издано было особое увѣщаніе къ родителямъ, въ которомъ ихъ убѣждали возвратить изъ Виттемберга и другихъ мѣстъ своихъ дѣтей, учившихся тамъ вопреки королевскому эдикту, постановлено было во всѣхъ епархіяхъ, по крайней мѣрѣ, однажды въ годъ производить ревизію всѣхъ библіотекъ и книжныхъ лавокъ, еретическія книги при этомъ отбирать и жечь, а виновныхъ подвергать штрафу [3]). Два года спустя, на петроковскомъ синодѣ 1544 г. эти постановленія были повторены; кромѣ того было опредѣлено, что всѣ учащіеся въ Виттембергѣ, Кенигсбергѣ и другихъ мѣстахъ лишаются всѣхъ церковныхъ

---

[1]) Ibid., 241.
[2]) Ibid., 242.
[3]) Friese Th. II, Bd. I, S. 57—59; Fabisz, 160.

бенефицій, если не возвратятся въ Польшу въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ обнародованія этихъ постановленій, и что имъ закрывается навсегда доступъ къ церковнымъ должностямъ [1]). Ленчицкій синодъ 1547 г., постановившій нѣсколько опредѣленій, имѣвшихъ цѣлью поднять умственный и нравственный уровень польскаго духовенства, опредѣлилъ, между прочимъ, чтобы виленскій епископъ ходатайствовалъ предъ Сигизмундомъ Августомъ объ удаленіи отъ двора его Лаврентія Дискордіи, обвиненнаго духовнымъ судомъ въ ереси [2]).

Если по этой массѣ постановленій и декретовъ судить о силѣ сопротивленія, оказаннаго въ Польшѣ реформаціи со стороны польскаго духовенства и польскаго правительства, то можно подумать, что отъ ихъ совокупныхъ усилій очень жутко приходилось приверженцамъ новаго ученія. Но издать законъ не значитъ его исполнить. Самая масса этихъ постановленій и декретовъ, постоянно издававшихся по одному и тому же поводу, постоянно повторявшихъ тѣ же запрещенія, угрозы, наказанія, невольно заставляетъ усумниться въ томъ, чтобы они дѣйствительно входили въ жизнь. Если ближе присмотрѣться къ издававшимъ эти постановленія и къ тѣмъ, противъ кого они издавались, то нельзя не увидѣть, что условій для ихъ исполненія существовало тогда въ Польшѣ немного. Прежде всего, если по сдѣланному нами изображенію польскаго духовенства времени Сигизмунда I судить о томъ сопротивленіи, какое оно, при наличныхъ своихъ силахъ, могло оказать реформаціи, то едва-ли можно его себѣ представить очень значительнымъ: были въ средѣ высшей іерархіи отдѣльныя лица, которыя могли, серьезно взглянувъ на опасности, угрожавшія католической церкви, добиться изданія на синодахъ направленныхъ противъ реформаціи постановленій и, насколько было въ ихъ силахъ, озаботиться примѣненіемъ ихъ къ дѣлу; но большинство, дружное и энергичное дѣйствіе котораго одно только и могло обѣщать какой либо успѣхъ, далеко не соотвѣтствовало выпавшей на его долю задачѣ.—Далѣе, много препятствій успѣхамъ реформаціи въ Польшѣ могъ бы поставить Сигизмундъ I. Онъ, какъ мы видѣли, и ставилъ ихъ: объ

[1]) Friese Th. II, Bd. I, S. 60.
[2]) Acta Historica, I, 448.

этомъ свидѣтельствуютъ приведенные нами выше строгіе декреты его противъ еретиковъ, а еще болѣе его кровавая расправа съ Данцигомъ. Но едва-ли было бы справедливо сказать, что Сигизмундъ I преслѣдовалъ, гналъ приверженцевъ реформаціи. Правда, онъ издавалъ строгіе декреты противъ еретиковъ, предписывалъ даже казнить смертію послѣдователей Лютера, но исторія не представляетъ доказательствъ въ пользу того, что онъ на дѣлѣ привелъ въ исполненіе эти строгіе декреты: кромѣ одного случая, о которомъ будетъ рѣчь ниже и въ которомъ Сигизмундъ неповиненъ, мы не знаемъ больше ни одного случая смертной казни за приверженность къ реформаціи во все продолжительное его царствованіе. Кровавая расправа Сигизмунда съ Данцигомъ въ значительной степени объясняется политическими мотивами, о которыхъ мы сказали выше, а также, можетъ быть, желаніемъ его загладить реставраціею католичества въ Данцигѣ великій, съ точки зрѣнія католической церкви, грѣхъ его — признаніе Альберта прусскимъ герцогомъ. Вообще же, не говоря о другихъ причинахъ безуспѣшности мѣръ, принятыхъ Сигизмундомъ противъ реформаціи, одна изъ главныхъ заключалась въ томъ, что зло, которое онѣ должны были искоренить, разливалось постепенно во всей массѣ польскаго общества въ такой неопредѣленной, почти неуловимой формѣ, что людямъ, воспитавшимся на гуманизмѣ, оно часто вовсе не казалось зломъ, или, по крайней мѣрѣ, такимъ зломъ, которое бы заслуживало кроваваго гоненія. Самъ Сигизмундъ, какъ и окружавшіе его свѣтскіе и духовные сановники, былъ гуманистомъ. Подобно многимъ гуманистамъ, и онъ, какъ увидимъ ниже, не былъ совершенно чуждъ идеямъ и стремленіямъ своего вѣка. Подобно имъ, онъ желалъ церковной реформы, но реформы мирной, постепенной, а не той религіозной революціи, которая бушевала во все его царствованіе въ сосѣдней Германіи и привела не къ преобразованію старой, а къ созданію новой церкви, или, вѣрнѣе, церквей. Раздѣляя самъ всеобщія тогда желанія церковной реформы, Сигизмундъ своими эдиктами, какъ намъ кажется, имѣлъ въ виду только не допустить въ Польшѣ религіозной революціи, подобной германской, не дать распространиться и утвердиться въ Польшѣ проповѣдуемымъ за-границею ученіямъ о необходимости совершенной ломки вѣковаго зданія

католической церкви съ тѣмъ, чтобы на ея развалинахъ возвести новое зданіе церкви апостольской. Человѣкъ съ такимъ образомъ мыслей не могъ быть гонителемъ реформаціи, еще менѣе могъ остановить ея успѣхи, хотя на время могъ задержать и, дѣйствительно, задержалъ открытое проявленіе реформаціонныхъ стремленій польскаго общества.

Такимъ образомъ сторона, отъ которой исходили грозныя постановленія противъ реформаціи (духовенство и правительство) не заключала въ себѣ условій, необходимыхъ для того, чтобы оказать ей сильное сопротивленіе; а между тѣмъ, сторону, съ которой приходилось бороться, противъ которой издавались эти постановленія, составляла могущественная польская шляхта, особенно увлекшаяся идеями швейцарскихъ реформаторовъ, и лишь отчасти городское сословіе. Выше мы уже видѣли, что такое была польская шляхта первой половины XVI в. Съ польскимъ шляхтичемъ, особенно съ магнатомъ трудно было тягаться духовенству. Епископъ могъ посадить въ заключеніе какого либо проповѣдника или ксендза, могъ вынудить у него отреченіе отъ „ереси“; но тотъ же проповѣдникъ или ксендзъ, нашедши убѣжище у знатнаго и сильнаго пана, смѣло проповѣдывалъ эту „ересь“. Краковскій епископъ могъ сжечь 80-ти лѣтнюю мѣщанку, обвинивъ её въ жидовствѣ [1]), но мы не знаемъ ни одного случая примѣненія такого приговора къ людямъ шляхетскаго сословія. Впрочемъ, не одну глухую, пассивную оппозицію оказывала шляхта направляемымъ противъ нея строгимъ мѣрамъ польскаго духовенства. Польская шляхта, ведшая давно уже борьбу противъ сословныхъ правъ и привиллегій духовенства, особенно же противъ широкаго объема духовнаго суда, ревнивая въ тоже время въ охраненіи своихъ собственныхъ правъ и привиллегій, видѣла въ издаваемыхъ духовною и правительственною властями постановленіяхъ, запрещавшихъ путешествіе заграницу для довершенія образованія, чтеніе книгъ, проникнутыхъ идеями реформаціи и т. п., посягательство на свои вольности, старалась поэтому и de jure уничтожить эти постановленія, которыя она могла, съ своей точки зрѣнія, считать незаконными на томъ основаніи, что они из-

[1]) Sórnicki. Dzicje w koronie polskiej od roku 1538 aż do roku 1572. Krakow 1637, 7—8.

давались часто королемъ безъ согласія земскихъ пословъ. При томъ же, въ послѣднія десятилѣтія царствованія Сигизмунда шла почти непрестанная борьба между королемъ, духовенствомъ и шляхтою, борьба, принимавшая по временамъ очень крупные размѣры, доходившая иногда почти до открытаго возстанія шляхты противъ короля. Во время этой борьбы, при разнообразныхъ комбинаціяхъ борющихся сторонъ, только и возможны были тѣ, часто взаимно другъ друга уничтожавшія постановленія, которыя издавались въ это время Сигизмундомъ: въ 1534 г. напр., какъ уже извѣстно намъ, онъ запретилъ посѣщеніе виттембергскаго и другихъ университетовъ, а краковскій сеймъ 1543 г. дозволилъ посѣщеніе каждому какихъ угодно странъ [1]).

Такъ какъ сторона, старавшаяся искоренить въ Польшѣ ересь, не заключала въ себѣ многихъ нужныхъ для сего условій, а сторона, въ которой гнѣздилась эта ересь, заключала въ себѣ, напротивъ, много условій, парализовавшихъ направленныя противъ нея дѣйствія первой, то реформаціонныя идеи, не смотря на массу изданныхъ противъ нихъ постановленій, довольно свободно распространялись въ польскомъ обществѣ. Вслѣдъ за городскимъ сословіемъ нѣмецкаго происхожденія онѣ стали распространяться среди магнатовъ и шляхты. Поляки на первыхъ порахъ довольно равнодушно отнеслись къ нѣмецкому религіозному движенію. По мѣрѣ того, какъ это движеніе обхватывало все большія и большія территоріи не только въ Германіи и за предѣлами ея, по мѣрѣ того какъ реформація разливалась по всей западной Европѣ, все сильнѣе и сильнѣе стали

[1]) Vol. leg. I, 279. О дѣйствіи разныхъ декретовъ, изданныхъ въ царствованіе Сигизмунда противъ еретиковъ, можно судить по слѣдующему письму холмскаго епископа Самуила Каръевовскаго (Karyewoski) къ папскому нунцію въ Германіи: «Sed si qui tamen sunt, qui ex regno hoc in Vittenbergensi schola litteris dant operam, nullam ejus rei culpam penes S. Majestatem regiam residere, quae tot jam edicta promulgavit, quibus cavere conata est, ne quis eo proficisceretur, sed nihil tamen adhuc profecit. Jdque ea potissimum de causa, quod non tenentur edicto regio, nisi ii, qui possessiones habent: at adolescentes isti nihil fere habent suum, cum omnia sint in parentum potestate, itaque liberiores habent rerum omnium voluntates, neque possunt, quae nulla sunt bona, commisso vendicari. In parentes autem ipsos animadverti qui potuit, cum praeter scientiam contraque voluntatem suam eos ibi commoratos dicerent, a se Lypsiam, non Vittenbergam datos, quibus fides sibi facta esset, eos mandati fines non excessisse (Theiner, II, 527—528, Cracowiae, S. Decembris 1539).

прибивать волны ея и къ польскимъ берегамъ, все дальше и дальше стали разливаться онѣ по польской землѣ. Учившіеся въ заграничныхъ университетахъ польскіе юноши, увлекшись идеями реформаціи въ мѣстахъ самаго ихъ зарожденія и могущественнаго расцвѣта, испивъ живой воды изъ самаго источника, неизбѣжно становились, по возвращеніи на родину, піонерами реформаціи, со всѣмъ жаромъ юношеской натуры отдавшими себя великимъ, хотя и одностороннимъ началамъ своего вѣка, вносившими живительную теплоту ихъ во всѣ сферы жизни, съ которыми имъ приходилось соприкасаться. Не даромъ польское духовенство такъ сильно вооружалось противъ заграничнаго образованія, не даромъ такъ настойчиво оно твердило, что не допуститъ учившихся заграницей ни къ свѣтскимъ, ни къ духовнымъ должностямъ. Но оно было совершенно не въ силахъ заградить сыновьямъ польскихъ магнатовъ или знатной шляхты доступъ къ государственнымъ должностямъ. Оно не съумѣло, или не могло преградить имъ путь даже къ духовнымъ должностямъ, въ томъ числѣ и епископскимъ. Широкая же сфера общественной дѣятельности, открывавшаяся предъ даровитымъ шляхтичемъ на сеймѣ, стояла внѣ всякаго вліянія католической іерархіи, а между тѣмъ, тутъ, въ лицѣ выборныхъ представителей общества, реформаціонныя начала были всего опаснѣе для представителей старыхъ началъ.

Впрочемъ, не въ однихъ заграничныхъ университетахъ польская молодежь пропитывалась идеями реформаціи. Хотя краковскій университетъ не вступилъ рѣшительно на путь реформаціи, но реформаціонныя теченія въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ существовали и въ немъ. Подъ 1528 годомъ мы встрѣчаемся уже съ процессомъ Якова изъ Илзы, магистра философскаго факультета, обвинявшагося въ ереси. Хотя на первый разъ этотъ процессъ былъ мирно улаженъ, но чрезъ шесть лѣтъ (1534 г.) онъ опять возобновился. Оказалось, что Яковъ изъ Илзы не признавалъ для себя обязательными посты и отрицалъ почитаніе святыхъ. Такъ какъ Яковъ бѣжалъ изъ Польши, то приговоръ постановленъ былъ заочно. Въ тридцатыхъ годахъ учившаяся въ Краковѣ молодежь совсѣмъ почти перестала посѣщать лекціи старыхъ профессоровъ, предпочитая лекціи молодыхъ магистровъ, изъ которыхъ многіе стали впослѣдствіи ревностными проповѣдниками реформаціи (Мар-

тинъ изъ Опочна, Янъ изъ Козмина, Мартинъ Глосъ, Ваврживецъ Дискордія). Университетское начальство сочло нужнымъ даже принять мѣры къ тому, чтобы побудить студентовъ къ слушанію лекцій старыхъ профессоровъ [1]).

Чѣмъ ближе подходимъ мы къ концу царствованія Сигизмунда I, тѣмъ явственнѣе становятся для насъ успѣхи, сдѣланные реформаціей въ это царствованіе, Въ извѣстной уже намъ рѣчи, составленной въ 1539 г. краковскимъ каноникомъ Станиславомъ Гозіемъ для краковскаго епископа Гамрата, мы находимъ уже горькія сѣтованія о распространеніи въ Польшѣ ереси: „мы дожили до такихъ временъ, читаемъ мы тутъ, когда нельзя изобрѣсти столь нечестиваго заблужденія, чтобы оно не нашло себѣ послѣдователей. Доказательствомъ этого служитъ женщина, впавшая въ моей епархіи въ такое нечестіе (Мельхерова, сожженная Гамратомъ), что ни одинъ еретикъ, кажется, такъ мерзко и такъ гнусно не заблуждался... Но еслибы только одна эта женщина впала въ столь мерзкое и нечестивое заблужденіе! Ужасомъ поражаетъ меня то, о чемъ мнѣ доносятъ и что, можетъ быть, вскорѣ выйдетъ наружу"! Краковскій каноникъ, бывшій вмѣстѣ и королевскимъ секретаремъ, зналъ, что говорилъ, потому что видѣлъ, какимъ духомъ вѣяло тогда въ Польшѣ. То, относительно чего онъ боялся, чтобы оно„ не вышло вскорѣ наружу", заявило себя въ достаточно осязательныхъ формахъ въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда I. Въ сороковыхъ годахъ земскіе послы требовали уже на сеймахъ и требовали настойчиво ограниченія духовной юрисдикціи, участія духовенства въ общественныхъ повинностяхъ, особенно же того, чтобы солтысы съ духовныхъ имѣній ходили на войну. Хотя эти требованія шляхты имѣли подъ собою давнюю соціальную подкладку, но въ самой настойчивости, съ какой они заявлялись, въ готовности пословъ уничтожить хотя бы всѣ самыя благодѣтельныя постановленія сейма, только бы не санкціонировать захватовъ духовной юрисдикціи въ области свѣтскаго суда, невольно чувствуется вліяніе основныхъ началъ реформаціонной эпохи, слышится отголосокъ могучаго протеста западной Европы противъ стараго, католическаго порядка вещей.

---

[1]) Szujski, odrodzenie i Reformacya w Polsce, 52—53.

[2]) Acta Historica IV, 73.

Къ концу Сигизмундова царствованія, очевидно, начиналось уже то объединеніе политической программы шляхты съ религіозною, которое мы увидимъ въ послѣдующее царствованіе: по крайней мѣрѣ и теперь уже шляхта склонна была смотрѣть на ограниченіе сословныхъ привиллегій католической іерархіи, какъ на одинъ изъ важныхъ пунктовъ задуманной ею внутренней государственной реформы.

Всего быстрѣе и успѣшнѣе развивалась реформація на югѣ королевства въ Малой Польшѣ, въ особенности въ самомъ сердцѣ Польши—Краковѣ, который впослѣдствіи сталъ узломъ, въ которомъ соединялись всѣ развѣтвленія польскаго протестантства. На сторонѣ реформаціи въ концѣ Сигизмундова царствованія былъ здѣсь цвѣтъ тогдашней столичной интеллигенціи. Стали устрояться тайныя собранія, на которыя сходились для обмѣна мыслей люди, приверженные къ идеямъ реформаціи. Эти собранія происходили, большею частію, у духовника королевы Боны, Лизманини, провинціала ордена францисканцевъ, стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ швейцарскимъ реформаторамъ. Въ нихъ участвовали: Янъ Тржеуусскій, отличный филологъ, имѣвшій богатую библіотеку, Бернардъ Воеводка, ученый книгопродавецъ и типографщикъ, напечатавшій впослѣдствіи на средства Николая Радзивилла Чернаго библію въ Брестъ-Литовскѣ, Андрей Фричъ Модржевскій, королевскій секретарь, одинъ изъ выдающихся польскихъ мыслителей и писателей XVI в., Яковъ Пржилускій, извѣстный законовѣдъ, Адамъ Држевицкій, Андрей Зебржидовскій, ученикъ Эразма Роттердамскаго, впослѣдствіи краковскій епископъ, Яковъ Уханскій, коронный референдарій, впослѣдствіи гнѣзненскій архіепископъ и многія другія лица, выдававшіяся по своему общественному положенію или по своей учености. Лизманини, имѣвшій въ своей библіотекѣ много книгъ, направленныхъ противъ „папизма“, объяснялъ на этихъ собраніяхъ разные богословскіе предметы, причемъ подвергались сильной критикѣ тѣ пункты католическаго ученія, которые не имѣли для себя основанія въ Священномъ Писаніи [1]). На этихъ собраніяхъ высказывались самыя разнообразныя воззрѣнія, иногда

[1]) Lubieniecius, Historia Reformationis Polonicae, Freistadii 1685, p. 18. Regenvolscius, 124.

даже весьма крайнія. На одномъ изъ нихъ напр., происходившемъ въ домѣ Тржецескаго, одинъ бельгійскій священникъ доказывалъ, что ученіе о троичности лицъ въ Богѣ противорѣчитъ единству высочайшаго существа [1]). Противъ увлеченія, охватившаго польское общество, не устояло и польское духовенство. Въ 1545 г. среди членовъ самого краковскаго капитула были уже люди, „зараженные“ лютеранскою ересью, которые своими испорченными нравами и скандальнымъ поведеніемъ профанировали единство церкви и чистоту католической вѣры, заражали самое стадо Господне, оставивъ и пренебрегши авторитетомъ церкви и установленіями св. отцевъ“, такъ что краковскій епископъ нашелъ себя вынужденнымъ назначить особыхъ лицъ, въ томъ числѣ и каноника Станислава Гозія съ тѣмъ, чтобы они произвели inquisitionem ad haeresin между канониками краковскаго капитула [2]). Въ разныхъ мѣстахъ Малой Польши въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда I католическіе ксендзы стали выступать открыто противъ тѣхъ или другихъ установленій католической церкви. Хженцицкій ксендзъ Яковъ Сильвій напр. въ 1547 г. нападалъ на почитаніе святыхъ и иконъ и совершалъ литургію на отечественномъ языкѣ, а Феликсъ Круцигеръ уже въ 1546 г. проповѣдывалъ въ Нѣдзвѣздѣ близъ Кракова кальвинское ученіе и привлекъ на свою сторону мѣстнаго пана Стадницкаго [3]). Потокъ реформаціи проникъ даже въ польскіе монастыри. Въ 1546 г. куявскій епископъ въ письмѣ къ краковскому епископу жаловался на то, что въ монастыряхъ его епархіи „религія такъ ниспровергнута (convulsa), что отъ нея едва остались уже однѣ развалины“, что въ нихъ господствуетъ „какая то новая религія“, что для нихъ „нѣтъ ничего ненавистнѣе вѣры католической“ [4]).

Реформаціонныя идеи, проникшія въ Польшу въ царствованіе Сигизмунда I, проникли въ тоже царствованіе и въ Литву; торговыя сношенія важнѣйшихъ литовскихъ городовъ съ нѣмецкими землями, особенно съ сосѣднею Пруссіею, наплывъ

---

[1]) Lubienicius, 19—20.

[2]) Acta Historica, IV, 422.

[3]) Zakrzewski, 53. Fischer, 65.

[4]) Acta Histor. I, 96—97. Zebrzydowski, Samueli episcopo kracowiensi Valboriae 19 februar. 1546.

съ давнихъ поръ нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ въ западно-русскіе города, особенно въ Вильну, гдѣ по ихъ имени цѣлая улица названа была нѣмецкою, путешествія богатой литовской молодежи въ заграничные университеты,—вотъ тѣ пути, которыми проникала реформація въ Литву и Западную Россію. Первымъ извѣстнымъ намъ провозвѣстникомъ реформаціонныхъ идей въ литовской столицѣ былъ Авраамъ Кульва, литвинъ по происхожденію, получившій образованіе въ Пруссіи, имѣвшій даже степень доктора богословія. Онъ, по словамъ королевскаго декрета 1542 г., основаннаго на прошеніи виленскаго епископа князя Павла Гольтанскаго, „отдѣлился отъ единства римско-католической церкви и новыми ученіями вводилъ въ заблужденіе и склонялъ всѣхъ литвиновъ къ безбожному исповѣданію“, въ частности, „возставалъ противъ установленій св. католической церкви, противъ постовъ, мшей, принятія евхаристіи, противъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, посвященія духовныхъ лицъ, противъ костеловъ и праздниковъ“ [1]). Главнымъ мѣстомъ, гдѣ Кульва проповѣдывалъ реформаціонныя идеи, была основанная имъ въ Вильнѣ школа, въ которой онъ училъ по преимуществу дѣтей нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ. Литовская католическая іерархія схватилась сначала за свои духовныя средства, чтобы воспрепятствовать успѣхамъ Кульвы; когда же они не достигли цѣли, обратила свои взоры на Краковъ, обратилась къ королю съ просьбою о помощи въ борьбѣ съ новымъ врагомъ, который здѣсь въ Литвѣ внушалъ ей еще болѣе опасеній, чѣмъ въ Польшѣ, при ея далеко не твердомъ положеніи въ православномъ западно-русскомъ краѣ. Помощь эта пришла. Въ 1542 г. Сигизмундъ издалъ на имя виленскаго епископа князя Павла Гальтанскаго указъ, повелѣвавшій ему позвать Авраама Кульву съ его сообщниками къ своему суду и наказать его согласно съ канонами; если же онъ къ суду не явится, повелѣвалось вызвать его чрезъ чиновниковъ гражданскаго суда; если бы онъ и въ этомъ случаѣ не явился, онъ объявлялся изгнаннымъ изъ отечества, а его имущество подлежащимъ конфискаціи. Кульва, конечно, не сталъ дожидаться приведенія въ исполненіе приговора и тайно бѣжалъ въ Пруссію. Дѣйствіе этого указа рас-

[1]) Daniłowicz, Skarbiec II, 313.

пространено было на „всѣхъ виленскихъ епископовъ“, а старостамъ, подстаростамъ и другимъ свѣтскимъ властямъ приказано было помогать епископамъ совѣтомъ и властію при поимкѣ еретиковъ [1]). Еще раньше этого указа, Сигизмундъ въ 1541 г. распространилъ на Литву дѣйствіе указа, изданнаго имъ для Польши, которымъ, подъ угрозою строжайшаго наказанія, запрещалъ родителямъ посылать дѣтей своихъ для обученія въ заграничные университеты, а также привозить изъ за границы и читать еретическія книги. Но строгость этихъ указовъ не воспрепятствовала распространенію въ Литвѣ реформаціи, которая вскорѣ нашла для себя въ Вильнѣ могущественнаго покровителя въ лицѣ новаго правителя Литвы Сигизмунда Августа (съ 1544 г.), подававшаго такія хорошія надежды для новой вѣры, что Кальвинъ 1539 г. посвятилъ ему, еще девятнадцатилѣтнему юношѣ, свое толкованіе на посланіе Ап. Павла къ евреямъ [2]). Симпатіи юнаго князя къ идеямъ реформаціи парализовали всѣ строгія мѣры католической іерархіи, направленныя противъ нововѣрцевъ. Мало того: изъ его собственной библіотеки выходили сочиненія Лютера, Кальвина, Меланхтона и другихъ реформаторовъ, ходившія тогда въ Вильнѣ по рукамъ; его придворные проповѣдники, Янъ Казинчикъ и Вавржинецъ, прозванный Дискордіею, открыто, съ церковной кафедры проповѣдывали народу новое ученіе, а когда духовная власть угрожала имъ церковными наказаніями, защитникомъ ихъ всегда являлся самъ великій князь и они безнаказанно продолжали свое дѣло [3]).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Мѣры, принятыя польскою католическою іерархіей и польскимъ правительствомъ для противодѣйствія успѣхамъ реформаціи, не достигли цѣли, и въ послѣднее время царствованія

[1]) Daniłowicz II, 313—314.

[2]) Regenwolscius, 208.

[3]) О реформаціи въ Литвѣ см. Lukaszewicz, Geschichte der reformirten Kirchen in Lithauen, Leipzig 1848 I, 1—6; Narbutt Dzieję narodu Litewskiego, Wilno, 1841, IX. 467—468; Jaroszewicz, Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi, Wilno, 1845. III, 28—32; Kroszewski, Wilno od początkow jego do roku 1750, Wilno, 1841. III, 106—107; Макарій, Исторія русской церкви, т. IX, Спб. 1879, стр. 314—316.

Сигизмунда I ряды приверженцевъ реформаціи были уже довольно густы. Главный контингентъ приверженцевъ реформаціи поставляла польская шляхта. Тѣ мѣстности польскаго королевства, гдѣ много было богатой, сильной польской шляхты, особенно гдѣ было много знатныхъ, могущественныхъ пановъ, сдѣлались впослѣдствіи главными аренами, на которыхъ кипѣлъ бой реформаціи съ католичествомъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ жило немного шляхты, или гдѣ она была не сильна, не богата, успѣхи реформаціи были не велики. Это въ особенности нужно сказать о Мазовіи, почти совсѣмъ соблюдшей неприкосновенность старой вѣры, о которой даже папскій нунцій во второй половинѣ XVI вѣка далъ такой блестящій отзывъ: „одна Мазовія, по милости Божіей, сохранила чистоту вѣры, и она теперь, можно сказать, не менѣе католическая, чѣмъ сама Испанія“ [1]). Другой иностранецъ, почти одновременно съ папскимъ нунціемъ посѣтившій Польшу, даетъ ключъ для разгадки этой приверженности мазовецкой шляхты къ католической вѣрѣ: въ Мазовіи, говорилъ онъ, шляхта такъ бѣдна, что сама по большей части обработываетъ землю; здѣсь, прибавляетъ онъ, есть только двадцать болѣе состоятельныхъ шляхтичей, остальные сами ходятъ за плугомъ [2]). Кромѣ шляхты довольно значительный контингентъ приверженцевъ реформаціи поставили мѣщане, особенно нѣмецкаго происхожденія, „которыхъ, по словамъ Фульвія Руджіери, такъ много нахлынуло въ Польшу, что во многихъ городахъ не услышишь иного языка, кромѣ нѣмецкаго, и всѣ орудія носятъ нѣмецкія названія“ [3]). Когда проникла въ Польшу „лютеранская ересь“, за нее, по словамъ того-же иностранца, съ жаромъ ухватились прежде всего нѣмецкіе купцы и ремесленники, проживающіе въ Польшѣ [4]).

Шляхтою и отчасти мѣщанствомъ ограничивалась сфера распространенія реформаціонныхъ идей въ Польшѣ какъ въ царствованіе Сигизмунда I, такъ и во все дальнѣйшее время существованія протестантства въ Польшѣ. Что же касается массы польскаго народа, польскаго крестьянства, то реформація его почти не затронула, и реформаціоннаго періода

[1]) Relacye, I, 186, Relacya Juliusza Ruggieri.
[2]) Ibid., 125. Opis Polski Fulwiusza Ruggieri.
[3]) Ibid., 127—128. [4]) Ibid., 158.

въ ея исторіи не существуетъ. Объясненіе этого страннаго явленія можно найти только въ томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ находился тогда польскій крестьянинъ. Шестнадцатый вѣкъ, золотой вѣкъ въ жизни польской шляхты, вѣкъ ея умственнаго разсвѣта, развитія, гражданской свободы, политическаго могущества, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою желѣзнаго рабства въ жизни польскихъ крестьянъ; въ теченіе его потерялось существовавшее прежде различіе между свободнымъ и несвободнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Отъ прежнихъ свободныхъ кметовъ осталось одно имя, такъ какъ и они сдѣлались безправными подданными своихъ владѣльцевъ. Права крестьянъ на землю уничтожены еще статутомъ 1496 года, по которому всѣ лица, не принадлежавшія къ шляхетскому сословію, не должны были владѣть поземельною собственностію на земскомъ правѣ [1]); запрещеніе же крестьянамъ имѣть собственность на земскомъ правѣ обратило всѣ ихъ земли въ простые участки владѣльческой земли, которыя владѣлецъ получилъ право отдавать или не отдавать по своему усмотрѣнію и на какихъ угодно условіяхъ. Торнскій статутъ 1520 года, вмѣсто прежнихъ чиншей и даней, установилъ повсемѣстно для всего королевства барщину [2]). Въ XVI вѣкѣ кметъ почти совершенно утратилъ право перехода, которымъ онъ и прежде пользовался не въ широкихъ размѣрахъ, и поступилъ въ вѣчное рабство пану. Статутъ 1496 года позволяетъ только одному кмету ежегодно уходить изъ деревни и то съ позволенія пана [3]). Одни паны имѣли право выдавать увольнительныя свидѣтельства кметамъ, ищущимъ выхода; старостамъ-же и инымъ земскимъ властямъ запрещено было выдавать ихъ [4]). Петроковскій статутъ 1519 года обнаружилъ большую жестокость по отношенію и къ этимъ своего рода баловнямъ судьбы: въ случаѣ, еслибы въ теченіи трехъ дней по полученіи увольнительнаго свидѣтельства они не поступили на службу или въ ремесло, ихъ приказано хватать, заковывать въ цѣпи и употреблять для публичныхъ работъ [5]). Не трудно

---

[1]) Vol. leg., I, 124.
[2]) Ibid., 178.
[3]) Ibid., 122.
[4]) Ibid., 137—138.
[5]) Ibid., 177.

послѣ этого представить себѣ, какъ относилось законодательство рѣчи посполитой къ тѣмъ крестьянамъ, которые осмѣливались, не спросясь пана, искать свободной жизни: конституціи польскихъ сеймовъ пестрѣютъ законами о бѣглыхъ кметахъ, съ утомительнымъ однообразіемъ повторяющими приказы о розыскѣ ихъ и возвращеніи владѣльцамъ [1]). Съ утратою своихъ правъ на землю польскій крестьянинъ потерялъ и семейныя свои права: главенство въ семьѣ, принадлежавшее отцу, перешло въ руки патримоніальной власти, которая распоряжалась членами крестьянскихъ семействъ по своему усмотрѣнію. Статутъ 1496 года запрещалъ родителямъ-крестьянамъ отдавать своихъ дѣтей въ обученіе ремесламъ и наукамъ. Впрочемъ, если у отца было нѣсколько сыновей, то одинъ изъ нихъ могъ, по этому статуту, посвятить себя изученію ремесла или науки [2]). Правда, въ 1503 году было постановлено, что крестьянскіе дѣти до двѣнадцатилѣтняго возраста могли поступать въ школы, а для обученія ремесламъ и во всякое время, хотя и съ позволенія пана [3]): но уже въ 1511 году это право польскимъ панамъ показалось „несправедливымъ и противнымъ всеобщей свободѣ“, такъ что дѣйствіе закона было пріостановлено [4]). Статутъ 1511 года установилъ, что, если дочь крестьянина выйдетъ замужъ за вольнаго человѣка, и этотъ послѣдній по женѣ своей дѣлается крѣпостнымъ [5]). Едвали нужно прибавлять, что польскій крестьянинъ не имѣлъ никакихъ политическихъ правъ, не имѣлъ голоса въ представительныхъ польскихъ собраніяхъ, не имѣлъ правъ государственной службы: даже поступленіе въ духовное званіе, какъ мы выше видѣли, шляхта всячески ему затрудняла. Но самымъ обширнымъ и самымъ ужаснымъ правомъ, какое только человѣкъ можетъ имѣть надъ человѣкомъ, было право неограниченнаго доминіальнаго суда, дѣлавшее въ конституціонной Польшѣ изъ каждаго владѣльца-шляхтича самовластнаго владыку, не ограничиваемаго въ своемъ помѣстьѣ никакими законами, не стѣсняемаго тутъ никакими конституціями. Справедливости польскій крестьянинъ долженъ былъ

---

[1]) Vol. leg., 35, 72, 119, 167, 206, 248, 250, 281.
[2]) Ibid., 119.
[3]) Ibid., 134.
[4]) Ibid., 172.
[5]) Ibid., 172.

искать не въ обыкновенныхъ земскихъ судахъ, а у своихъ владѣльцевъ или управляющихъ, и она ему удѣлялась не согласно съ писаннымъ правомъ, а сообразно съ воззрѣніями пановъ или ихъ управляющихъ [1]). Наконецъ, безъ яснаго, положительнаго опредѣленія въ этомъ отношеніи, такъ какъ для этого у шляхты все-таки не достало духу, она въ XVI вѣкѣ присвоила себѣ право жизни и смерти надъ своими подданными [2]). Все имущественное и политическое безправіе польскихъ крестьянъ блѣднѣетъ предъ ихъ безпомощностію въ огражденіи своей личности отъ насилій, въ которую онъ поставленъ былъ польскимъ государствомъ, какъ будто и не вѣдавшимъ объ его существованіи. Въ отношеніи государства польскій крестьянинъ былъ какъ бы вещію, принадлежавшею его гражданамъ, какъ лѣсъ, поля, рабочій скотъ. Не даромъ же привыкъ польскій шляхтичъ называть своего холопа быдломъ. Не даромъ же положеніе польскаго крестьянина такъ поражало посѣщавшихъ тогда Польшу западно-европейцевъ, видѣвшихъ и у себя, на родинѣ крѣпостное право. „Шляхта польская, говоритъ одинъ изъ нихъ, имѣетъ неограниченную власть надъ поселянами, доведенными почти до состоянія рабства“ [3]). „Кметы, говоритъ другой иностранецъ, обработываютъ землю, суть подданные своихъ пановъ, которые имѣютъ надъ ними право жизни и смерти, безъ всякой аппелляціи къ высшему суду. Въ духовныхъ имѣніяхъ положеніе ихъ лучше, равно какъ и въ Пруссіи, гдѣ есть прекрасныя села, но въ другихъ мѣстахъ они ведутъ по большей части нищенскую жизнь. Часто паны приказываютъ ихъ за самую малость сѣчь, иногда даже повѣсить и, хотя безъ причины убьютъ, свободны отъ всякаго наказанія, по уплатѣ десяти шкудовъ (szkudów), между тѣмъ какъ за убитую собаку платятъ больше. Такая тяжкая неволя принизила ихъ до такой степени, что получивъ плети, что имъ случается часто, они приходятъ поблагодарить за это пана, и смѣло можно сказать, что нѣтъ во всемъ мірѣ раба болѣе презрѣннаго, чѣмъ польскій кметъ“ [4]). Хотя Фульвій Руджіери въ своемъ „Описаніи Поль-

---

[1]) Cromerus, 82, 141; Relacye, I, 177, Relacya I. Ruggieri.

[2]) Cromerus, 83; Relacye, I, 256, Relacya z roku 1575 Hieronima Lippomano.

[3]) Relacye, I, 65; Relacya A. Lippomana.

[4]) Relacye, I, 128—129, Opis Polski F. Ruggieri.

ши" выгораживаетъ отчасти духовныхъ, но сами тогдашніе польскіе духовные засвидѣтельствовали, что въ угнетеніи крестьянъ и имъ принадлежала значительная доля участія [1]). Печальна, жалка была доля, унаслѣдованная польскимъ крестьяниномъ XVI вѣка отъ прежнихъ вѣковъ его жизни. Не многимъ лучше становилась въ XVI вѣкѣ и доля его литовскаго брата, хотя онъ и значительно позже сталъ вкушать прелести шляхетскаго государственнаго и общественнаго строя, хотя онъ далеко еще не столько испилъ изъ той горькой чаши, которую его польскій братъ, если не до дна, то до половины уже испилъ. Голова польскаго крестьянина, напр., цѣнилась, по вислицкому статуту 1347 года, въ половинѣ XVI вѣка въ 10 марокъ [2]) (на теперешнія деньги 24 р. 47½ коп.) [3]), а по третьему литовскому статуту «если бы какой дворянинъ, по необузданности, пьянству и не имѣя повода, своевольно, злоумышленно, пренебрегая общій законъ и остервенясь на созданіе Божіе, убилъ человѣка простолюдина (а) не дворянина, и былъ-бы пойманъ на самомъ преступленіи въ теченіи вышеозначеннаго въ семъ статутѣ времени, опредѣленнаго по дѣламъ о таковыхъ преступленіяхъ, такой дворянинъ по достаточномъ изобличеніи, кромѣ платежа за голову, подвергается смертной казни" [4]). Въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, „простой народъ двигалъ въ нищетѣ цѣпи рабства» [5]). Въ 1575 году венеціанскій посолъ писалъ: «Нѣтъ въ мірѣ существа несчастнѣе и бѣднѣе литовскаго крестьянина, который не имѣетъ ничего своего, а только то, что ему панъ дастъ изъ милости и чего не хватаетъ на самое плохое удовлетвореніе его потребностей» [6]).

Унаслѣдовавшій долю раба отъ предыдущихъ вѣковъ своей исторической жизни, польскій крестьянинъ былъ чужимъ человѣкомъ, постороннимъ зрителемъ польскаго шляхетскаго

---

[1]) Relacye, I, 47.

[2]) Volum. leg., I, 11.

[3]) Одна марка, по Гарбачевскому, въ 1550 г. равнялась 2 р. 44,75 коп. (Гарбачевскій, Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края и царства польскаго. Вильна. 1874 г., стр. 209).

[4]) Статутъ Великаго княжества литовскаго, С.-Петербургъ, 1811, часть вторая, стр. 262, двѣнадцатаго раздѣла артикулъ первый.

[5]) Relacye, I, 98, Opisanie królewstwa polskiego przez Bernardo Bongiovanni, z roku 1560.

[6]) Ibid., 248, Relacya Hieronima Lippomano.

государства. Онъ жилъ своею жизнію, или—вѣрнѣе—прозябалъ въ то время, когда надъ нимъ кипѣла жизнь шляхты. Неудивительно, поэтому, что новыя вѣянія вѣка пронеслись надъ Польшею XVI вѣка, не проникнувъ въ массы темнаго, забитаго польскаго крестьянства. Оно оставалось въ теченіе всего реформаціоннаго періода такимъ-же, какимъ было и раньше, и совершенно вѣрно доносилъ святѣйшему отцу его нунцій во второй половинѣ XVI вѣка: „Число католиковъ въ Польшѣ не только равняется, но и значительно превышаетъ число еретиковъ, по крайней мѣрѣ въ народѣ и низшихъ классахъ, среди которыхъ находится много добрыхъ католиковъ, которые не только держатся истинной вѣры, но исполненные ревности и любви къ истинному Богу и ближнему ни на шагъ не отступаютъ отъ искренняго благочестія своихъ предковъ“ [1]). „Простой народъ, а именно — крестьяне, пишетъ Фульвій Руджіери, почти всѣ католики, такъ что, когда паны, пришедши въ ересь, присвоили себѣ церковныя десятины, поселяне, отдавъ ихъ панамъ, даютъ ихъ добровольно и своимъ плебанамъ, и, несмотря на запрещеніе пановъ ходить въ село, гдѣ совершается католическое богослуженіе, по временамъ ходятъ тайкомъ“ [2]). Эта непричастность польскаго крестьянства къ дѣлу реформаціи, бывшая одною изъ главныхъ причинъ его слабости и непрочности, при всей его видимой силѣ, при всемъ его казовомъ блескѣ, засвидѣтельствована была въ концѣ XVI вѣка и протестантскою стороной. На торнскомъ синодѣ 1595 г. Турповскій, констатируя фактъ малаго распространенія протестантизма въ средѣ крестьянъ, влагаетъ такія слова въ уста польскихъ крестьянъ: „Мы, бѣдные люди, не имѣемъ времени думать о Богѣ; паны всегда умѣютъ найти для насъ работу и въ воскресные дни, и отъ этого тяжкаго рабства не можетъ избавить насъ ни Богъ, ни дьяволъ“ [3]). Никакого или почти никакого успѣха реформація не имѣла и въ средѣ крестьянъ Литвы и Западной Россіи, которые почти всѣ исповѣдывали православную вѣру [4]).

---

[1]) Ibid., 186, Relacya I. Ruggieri.

[2]) Ibid., 160, Opis Polski F. Rugg eri.

[3]) Krasinski, 288, прим.

[4]) Relacye, I, 98, «Opisanie Bongiovanni; ibid. 160, Opis Polski F. Ruggieri.

Такимъ образомъ, сфера распространенія реформаціонныхъ идей ограничивалась въ Польшѣ высшимъ и отчасти среднимъ сословіями. Что-же касается свойства, характера самыхъ идей, воспринятыхъ этимъ контингентомъ обитателей Польши, то отъ фактовъ, относящихся ко времени распространенія реформаціи въ Польшѣ при Сигизмундѣ I, выносится такое общее впечатлѣніе. Первыя реформаціонныя идеи, вошедшія въ сознаніе поляковъ, были разнесшіяся тогда изъ Виттемберга по всей Европѣ идеи Лютера, основнымъ тономъ которыхъ былъ протестъ противъ папства и всѣхъ созданныхъ имъ, или стоявшихъ въ связи съ ними аномалій, протестъ, для поддержанія котораго въ Польшѣ тогда такъ много было оснований, религіозныхъ и нерелигіозныхъ. Сознаніе ненормальности statu quo католической церкви, болѣе и болѣе проявлявшееся въ польскомъ обществѣ по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ реформаціи, желаніе церковной реформы во главѣ и членахъ, волновавшей въ XV вѣкѣ весь католическій міръ, живо принимавшейся къ сердцу мыслящею частію польскаго общества, съ краковскимъ университетомъ во главѣ, давнее застарѣвшее чувство сословной вражды свѣтскаго общества къ духовенству: все это и многое другое сразу же слилось съ протестомъ германскаго реформатора, въ которомъ для мыслящаго поляка звучало такъ много родныхъ нотъ, въ которомъ мысли, желанія, чувства польскаго общества, иногда неясныя, неопредѣленныя, туманныя, но всегда имѣвшія глубокую подкладку, если и не доходили до ясности сознанія, но находили для себя оправданіе, находили свой raison d'être. Когда могучіе звуки, раздавшіеся въ Виттембергѣ, молніей пронеслись по Европѣ, разрѣдили сгущенную европейскую атмосферу, очистили, освѣжили европейскую мысль, тотчасъ ставшую работать бодрѣе и смѣлѣе,— польское общество стало съ особеннымъ вниманіемъ, съ особенною любовію прислушиваться къ этимъ новымъ голосамъ, раздавшимся вслѣдъ за голосомъ виттембергскаго реформатора. Идеи Цвингли и Кальвина къ концу царствованія Сигизмунда, были уже извѣстны въ Польшѣ, особенно въ Малой Польшѣ. Здѣсь они нашли себѣ сочувственный пріемъ у тѣхъ просвѣщенныхъ обитателей польской столицы, которые для разсужденія о религіозныхъ дѣлахъ собирались у извѣстнаго намъ Франциска Лизманини, стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ

провозвѣстникамъ этихъ идей. Хотя реформатство въ царствованіе Сигизмунда I не заявило еще себя съ такою силою, съ какою оно заявило себя въ послѣдующее царствованіе, но и въ первой половинѣ XVI вѣка ему можно уже было предсказать несомнѣнный успѣхъ. Быстрое и широкое распространеніе реформатства въ Малой Польшѣ и Литвѣ,въ средѣ шляхты, особенно магнатства, обусловливалось въ весьма значительной степени тѣмъ, что оно сразу стало тутъ на національную почву, сразу-же акклиматизировалось среди новыхъ условій мѣстной жизни. Въ Польшѣ оно примкнуло къ тому національному теченію польской жизни, которое еще въ XV вѣкѣ зародилось въ ней подъ вліяніемъ гусизма: оно являлось всюду съ проповѣдію и богослуженіемъ на польскомъ языкѣ, реформатскія типографіи выпускали въ изобиліи польскія книги; реформатамъ принадлежитъ честь изданія первой печатной библіи на польскомъ языкѣ; дѣлу реформатскаго исповѣданія посвящали свои силы лучшіе польскіе поэты, напр., Николай Рей изъ Нагловицъ, стоявшіе во главѣ національнаго направленія польской литературы. Въ литовскомъ княжествѣ, въ католической его части реформатство, благопріятное идеѣ независимости общественной и политической, весьма кстати подошло къ сепаративному направленію литовской, или—общѣе—западнорусской жизни, которое и въ этой католической части населенія, какъ ни ласкали, какъ ни тянули ее на свою сторону поляки, никогда не переставало существовать, никогда не умирало. Прибавимъ къ этому, что реформатство, объявляя войну католичеству, устанавливало этимъ самымъ нѣкоторый, хотя-бы то и отрицательный, пунктъ для сближенія литвиновъ-католиковъ съ православными-западноруссами, у которыхъ традиціи самостоятельной русской жизни были тогда еще весьма сильны, и сепаративныя стремленія заявляли себя съ внушительною силою. Лютеранское исповѣданіе, явившееся въ Польшу съ проповѣдью и богослуженіемъ на нѣмецкомъ языкѣ, какъ-бы нарочно чуждавшееся польскаго языка, туго прививалось на польской почвѣ: оно сдѣлалось по преимуществу исповѣданіемъ жившихъ въ польскихъ областяхъ нѣмцевъ-купцовъ, ремесленниковъ, мѣщанъ. Польская шляхта вообще не симпатизировала лютеранству, проникнутому въ сильной степени нѣмецкимъ духомъ, ея національныя симпатіи были скорѣе на сторонѣ

романскихъ народовъ, поэтому идеи французскихъ и швейцарскихъ реформаторовъ находили въ ней болѣе радушный пріемъ.

Въ царствованіе Сигизмунда I выступилъ уже, хотя и въ неясныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ, и будущій врагъ протестантства, съ которымъ ему пришлось впослѣдствіи почти столько-же бороться, сколько и съ-католичествомъ. Этотъ новый врагъ, носившій впослѣдствіи разныя названія—антитринитарства, аріанства, соцініанства, тѣмъ болѣе долженъ былъ внушать опасеній польскимъ протестантамъ, что онъ въ Польшѣ не былъ совершенно безпочвеннымъ. Тѣ крайнія воззрѣнія, которыя, разбившись на множество толковъ, впослѣдствіи господствовали такъ могущественно въ значительной части польскаго и западно-русскаго общества и въ своихъ послѣднихъ выводахъ доходили до совершеннаго отрицанія христіанства, нужно, намъ думается, поставить въ связь съ тѣмъ крайнимъ, отрицательнымъ направленіемъ, которое подъ именемъ ереси жидовствующихъ произвело въ концѣ XV вѣка большое волненіе въ Московской Руси и которое не было неизвѣстнымъ въ началѣ XVI вѣка и въ польскомъ государствѣ. Съ значительною степенью вѣроятности можно утверждать существованіе въ средѣ тогдашнихъ польскихъ жидовъ того раціоналистическаго направленія, присутствіе котораго несомнѣнно въ ереси жидовствующихъ,—направленія, враждебнаго христіанству и притомъ стремившагося къ пропагандѣ среди христіанъ. Подъ 1507 годамъ Бѣльскій въ своей хроникѣ упоминаетъ о сожженіи въ Краковѣ жида, который „много говорилъ противъ вѣры христіанской и издѣвался надъ таинствомъ причащенія“ [1]). Тотъ-же Бѣльскій подъ 1539 годомъ разсказываетъ о сожженіи, по распоряженію краковскаго епископа Петра Гамрата, жены краковскаго ратмана Екатерины Мальхеровой, соблазненной жидами и совершенно оставившей христіанскую вѣру [2]). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи находимъ въ хроникѣ Гурпицкаго, очевидца этого аутодафе. Въ 1539 году, говоритъ онъ, Мальхерова, краковская мѣщанка, восьмидесятилѣтняя старуха за уклоненіе въ жидовскую вѣру (o żydowską wiarę) на рынкѣ въ Краковѣ сожжена. „Когда

[1]) Bielski, II, 940.
[2]) Ibid., 1081.

она была спрошена, продолжаетъ онъ, вѣритъ-ли она въ Бога всемогущаго, Творца неба и земли, она отвѣчала: вѣрую въ того Бога, Который сотворилъ все видимое и невидимое, Который не можетъ быть обнятъ человѣческимъ разумомъ, а благодѣяній его исполнены мы люди, и все существующее; распространилась потомъ довольно долго, изображая могущество Божіе и его благодѣянія. Стали затѣмъ спрашивать ее далѣе: а вѣритъ-ли она въ Сына Его единороднаго Іисуса Христа Господа нашего, Который зачатъ отъ Духа Святаго и пр. Она отвѣчала на это: не имѣлъ Господь Богъ ни жены, ни сына, да онъ Ему и не нуженъ, потому что сыновья нужны только тѣмъ, которые умираютъ, а Господь Богъ вѣченъ и какъ не родился, такъ и умереть не можетъ; насъ онъ имѣетъ за своихъ сыновъ, и сыны Его суть всѣ ходящіе указанными Имъ путями". Напрасны были попытки профессоровъ краковской академіи вывести ее изъ ея заблужденія: она упорно стояла на томъ, что „Богъ быть и родиться человѣкомъ не можетъ", и такъ какъ она ни за что не хотѣла отстать отъ „этой жидовской религіи", то и была осуждена на сожженіе [1]). Въ сороковыхъ годахъ XVI столѣтія въ „жидовскую вѣру" уже многіе стали переходить, такъ что Сигизмундъ долженъ былъ издать приказъ краковскому старостѣ произвести розыскъ между евреями и принять мѣры для противодѣйствія этой пропагандѣ [2]). Эти факты, имѣвшіе мѣсто раньше извѣстнаго уже намъ заявленія антитринитарскихъ идей какимъ-то бельгійскимъ выходцемъ въ одномъ краковскомъ кружкѣ, показываютъ, что въ первой половинѣ XVI вѣка въ польскомъ обществѣ, подъ вліяніемъ жидовскаго раціонализма, распространялись уже крайнія, отрицательныя воззрѣнія, сродныя съ идеями новгородскихъ и московскихъ жидовствующихъ, ведущихъ свое начало, какъ извѣстно, также отъ жидовъ—выходцевъ изъ юго-западной Россіи [3]).

---

[1]) Górnicki, 7—8.

[2]) Bielski, II, 1082.

[3]) Фульвій Руджіери, повидимому, склоненъ былъ смотрѣть на польскихъ антитринитаріевъ, какъ на возникшихъ на мѣстной почвѣ еретиковъ. Поименовавъ лютеранъ, цвингліанъ, пикардовъ, или вальденсовъ (т. е. богемскихъ братьевъ), анабаптистовъ, онъ говоритъ, что въ Польшѣ есть еще «secta nieznana gdzieindziej a bardzo rozszerzona w Litwie Antitrynitariuszów, którzy wznowili dawne błędy Ariucza» (Relacye, I, 158, Opis Polski F. Ruggieri).

Хотя въ царствованіе Сигизмунда I антитринитарство виднѣется еще лишь въ туманѣ, хотя отдѣльныя отрасли протестантства еще не обособляются рѣзко другъ отъ друга, хотя польское нововѣріе еще не построило той вавилонской башни, которую оно воздвигло во второй половинѣ XVI вѣка: но и въ это время уже положены были камни для сооруженія этой башни, заложено было основаніе, на которомъ легко могла разростись та „многоглавная ересь“, которую чрезъ три-четыре десятка лѣтъ увидѣлъ въ польскомъ государствѣ московскій выходецъ — князь Курбскій [1]). Только одинъ былъ основной тонъ, въ которомъ сливались тогда всѣ недовольные голоса въ Польшѣ, которому невольно вторили даже люди, не желавшіе разрыва со старою вѣрой. Это — голосъ недовольства тогдашнимъ statu quo католической церкви. Подъ этимъ, если можно такъ выразиться, знаменемъ отрицанія легко было сойтись самымъ разнообразнымъ людямъ изъ польскаго общества, которое и въ идеяхъ германскихъ и швейцарскихъ реформаторовъ це столько хваталось за положительное ихъ содержаніе, сколько плѣнялось ихъ отрицательною стороною. Подъ этимъ знаменемъ отрицанія, дѣйствительно, сомкнулись весьма пестрые ряды польскихъ людей подъ конецъ царствованія Сигизмунда I, когда стала близка къ осуществленію идея вселенскаго собора, еще съ XV вѣка имѣвшаго за собою традиціи универсальнаго выразителя этого отрицательнаго отношенія къ вѣками сложившемуся порядку вещей въ католической церкви. Самъ Сигизмундъ I примыкалъ до нѣкоторой степени къ этому отрицательному направленію, раздѣлялъ всеобщія желанія церковной реформы, видѣлъ въ созваніи вселенскаго собора средство къ умиротворенію церкви. Въ 1539 году онъ послалъ къ папѣ каменецкаго епископа Яна Вилямовскаго съ просьбою о скорѣйшемъ созваніи вселенскаго собора [2]). Въ 1542 году гнѣзненскій архіепископъ Петръ Гамратъ извѣщалъ папу Павла III, что вѣсть о скоромъ созваніи вселенскаго собора для всѣхъ въ Польшѣ была радостію, обѣщалъ лично прибыть на соборъ, если только разрѣшитъ это король и позволитъ здо-

[1]) Устрялов. Сказанія князя Курбскаго. С.-Петербургъ. 1842 г., стр. 272. Листъ Андрея Ярославскаго до пана Ѳедора Бокея Печихвостовскаго.

[2]) Bielski, II, 1080—1081.

ровье, въ противномъ же случаѣ прислать своихъ пословъ [1]). Когда наконецъ послѣ долгихъ ожиданій и проволочекъ было объявлено папою объ открытіи вселенскаго собора въ Тридентѣ, Сигизмундъ I въ маѣ 1546 года писалъ папѣ: „лишь только узнаю, что другіе государи прислали на соборъ своихъ пословъ, не позволю себѣ, чтобы съ моей стороны была какая-либо задержка“ [2]). Дѣло вселенскаго собора весьма близко приняло къ сердцу все польское общество. Выразителемъ его желаній и надеждъ является въ концѣ Сигизмундова царствованія извѣстный польскій писатель Андрей Фричъ-Модржевскій, представляющій симпатичную личность польскаго мыслителя, сохранявшаго спокойствіе среди господствовавшей въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ умственной горячки, всюду являвшагося съ оливковою вѣтвью въ рукахъ, всегда призывавшаго враждующія стороны къ примиренію. Свои желанія и чувства онъ выразилъ въ рѣчи къ королю и представителямъ духовнаго и свѣтскаго сословія, которую онъ держалъ предъ ними по занимавшему тогда всю западную Европу вопросу о предстоявшемъ вселенскомъ соборѣ [3]). Въ этой рѣчи, выразивши свое осужденіе и порицаніе тому, что Польша до сихъ поръ не отправила отъ себя никого на вселенскій соборъ, какъ будто общее дѣло христіанскаго міра для нея безразлично, онъ побуждаетъ поляковъ какъ можно скорѣе наверстать пропущенное время, но при этомъ совѣтуетъ отнестись къ такому важному дѣлу серьезно, съ размышленіемъ. Онъ предлагаетъ, прежде всего, привести въ извѣстность всѣ нужды и желанія польской церкви и опубликовать ихъ для всеобщаго свѣдѣнія по всему государству. Для этого онъ предлагаетъ польскимъ епископамъ созвать епархіальные синоды, пригласить на нихъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ людей и предоставить на нихъ всѣмъ полную свободу слова. Модржевскій даже не видитъ основаній, почему бы не дать права говорить и разсуждать объ этихъ вещахъ людямъ низшаго сословія (qui in popularium coetu sunt). Но съ особенною силою онъ настаи-

---

[1]) Theiner, II, 541—542. Cracoviae, 7 Idus Novembris 1542.

[2]) Ibid, 554, Cracoviae, 16 Maii 1546.

[3]) Modrevius. Oratio de legatis ad concilium christianum mittendis, напечатанная въ приложеніи къ его сочиненію «De republica emendanda». Basileae, 1859, p. 782—797.

ваетъ на полной свободѣ слова, считая недостойнымъ подобнаго рода собраній желаніе, чтобы люди одно говорили, а другое думали. Притомъ же, говоритъ онъ, „на нашемъ синодѣ не слѣдуетъ принимать мнѣнія тѣхъ, которые говорили, что въ церковь не могли проникнуть заблужденія. Даже если бы это мнѣніе было истиннымъ, оно нисколько не поможетъ разсужденіямъ, такъ какъ противники постараются указать на многія заблужденія въ церкви. Положимъ, что они этого и не сдѣлаютъ; но многіе благочестивые и ученые люди на нашей памяти и на памяти нашихъ предковъ жаловались на многія злоупотребленія и многія заблужденія, которыя проникли въ церковь". Духовные и свѣтскіе люди извѣстной епархіи, собравшись на свой епархіальный соборъ и обсудивъ вопросы, имѣющіе подвергнуться обсужденію провинціальнаго, а затѣмъ вселенскаго собора, по проекту Модржевскаго, избираютъ по жребію десятерыхъ избирателей; а эти послѣдніе голосованіемъ или баллотировкою избираютъ изъ своей среды двоихъ депутатовъ на провинціальный соборъ (духовныхъ или свѣтскихъ). Собравшись на провинціальный соборъ, эти депутаты, по мысли Модржевскаго, избираютъ опять десятерыхъ избирателей, которые въ свою очередь закрытою баллотировкою выбираютъ троихъ (или больше) пословъ на вселенскій соборъ. Но дѣятельность провинціальнаго собора Модржевскій не ограничиваетъ однимъ избраніемъ пословъ на вселенскій соборъ. Провинціальный соборъ долженъ, по мысли Модржевскаго, обсудить тѣ вопросы, которые имѣютъ быть предметомъ обсужденія вселенскаго собора, принять по нимъ извѣстныя рѣшенія, снабдить ими своихъ пословъ на вселенскомъ соборѣ [1]). Провинціальный соборъ, такимъ образомъ, хотя и не имѣлъ права по собственному усмотрѣнію, безъ санкціи вселенскаго собора произвести реформу польской церкви, долженъ былъ, по мысли Модржевскаго, выработать проектъ реформы польской церкви и представить этотъ проектъ на разсмо-

[1]) Modrevius, 793: Quamvis in nostra synodo concludi ac definiri de religione nihil possit hoc tempore, cum omnia in concilium rejicienda sint: tamen operae precium fuerit, legatos domi de rebus omnibus in concilio tractandis iis instrui sententiis, quibus tecti postea tanquam in acie tuto versari possint. Adde, quod sententiae publicae a synodo eis commissae, ob oculos eis quasi Delphica oracula versabuntur.

трѣніе и утвержденіе вселенскаго собора. Если мы примемъ во вниманіе, что этотъ проектъ реформы долженъ былъ предварительно обсуждаться и разработываться на епархіальныхъ соборахъ, на которые каждый (духовный и свѣтскій) имѣли право явиться и изложить свои мнѣнія,—если мы примемъ во вниманіе, что къ участію въ составленіи и разработкѣ этого проекта призванъ былъ даже польскій крестьянинъ: то для насъ станетъ понятнымъ, на какихъ широкихъ, а—главное—національныхъ основаніяхъ приглашалъ Модржевскій польскую интеллигенцію—произвести реформу польской церкви. Проектированный Модржевскимъ провинціальный синодъ, съ предшествующими ему епархіальными синодами, если бы онъ осуществился, весьма мало походилъ-бы на обычные провинціальные синоды „церковной рѣчи посполитой гнѣзненской провинціи". Тутъ, въ этомъ призывѣ польскаго общества и даже всего польскаго народа къ дружному обсужденію общаго всѣмъ дѣла, къ самостоятельному разрѣшенію трудной, великой задачи своего вѣка, тутъ слышалось уже что-то новое, что то необычное въ религіозной жизни польскаго народа: тутъ, въ этой рѣчи Модржевскаго къ королю и представителямъ польскаго общества блеснула уже идея національнаго собора, идея преобразованія польской церкви на національномъ соборѣ, на началахъ національности, польской самобытности въ противовѣсъ тѣмъ началамъ безличнаго универсализма, которыя столько уже вѣковъ убійственно давили самобытную, польскую религіозную жизнь.

Эта новая идея, это новое слово, прозвучавшее въ Польшѣ въ концѣ царствованія Сигизмунда Стараго, прозвучало не въ пустынѣ, сказано не глухимъ. Польское общество отнеслось къ мыслямъ, высказаннымъ Модржевскимъ, сочувственно. Самая рѣчь его (1546 г.) была напечатана Матееемъ Шарфенбергомъ, а Леонардъ Слончевскій, нареченный каменецкій епископъ, предпослалъ ей свое предисловіе, въ которомъ хвалилъ автора, какъ добраго христіанина. Мысли Модржевскаго находили себѣ сочувствіе и въ Сигизмундѣ Августѣ, избранномъ уже тогда въ преемники Сигизмунду Старому [1]). Мысли Модржевскаго произвели, кажется, даже нѣкоторое возбужденіе въ

[1]) Ossolinski, IV, 72—74.

той части польскаго духовенства, которая не расположена была идти по скользкому для католической церкви пути, указанному Модржевскимъ. По крайней мѣрѣ, краковскій каноникъ Станиславъ Гозій, который не далѣе какъ чрезъ пять лѣтъ станетъ во главѣ оставшагося вѣрнымъ Риму воинства, въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся къ этому времени, говоритъ: „Съ Фричемъ (Модржевскимъ) у меня былъ большой споръ изъ-за того, что онъ написалъ, что церковь заблуждалась". Тутъ-же онъ прибавляетъ, какъ будто съ какимъ-то опасеніемъ: „О томъ, кого послать на соборъ, можетъ быть, будутъ совѣщанія на сеймѣ" [1]). Но проекту Модржевскаго не суждено было осуществиться, и опасеніе это, если оно было, оказалось преждевременнымъ. Тридентскій соборъ, открытый 13 декабря 1545 года, на восьмомъ засѣданіи 11 марта 1547 года, подъ предлогомъ опасности, угрожавшей отъ эпидеміи, былъ объявленъ папою перенесеннымъ въ Болонью, изъ-за чего между папою и германскимъ императоромъ произошелъ разрывъ, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ совершенное закрытіе соборныхъ засѣданій. Непріятное впечатлѣніе произвело извѣстіе объ этомъ на польское правительство, на польское общество, даже на польское духовенство. Получивъ это извѣстіе, Сигизмундъ пишетъ папѣ Павлу III письмо, въ которомъ, сказавши о той радости, которую онъ испыталъ, получивъ извѣстіе объ открытіи вселенскаго собора, на который онъ собирался было уже отправить своихъ пословъ, высказываетъ свои опасенія по поводу перенесенія собора въ Болонью, которое вызвало въ Германіи естественное неудовольствіе, и проситъ папу — позаботиться о мирѣ въ церкви и созвать соборъ, съ согласія императора и другихъ государей, въ такомъ мѣстѣ, которое отвѣчало-бы общимъ желаніямъ [2]). Въ томъ же смыслѣ высказалось и польское духовенство, собравшееся на провинціальный синодъ въ сентябрѣ 1547 года для разсужденія о полученномъ ими отъ папы приглашеніи на вселенскій соборъ: приглашеніе это стало такъ поздно предметомъ обсужденія потому, что примасъ Петръ Гамратъ, получивши его,

[1]) Acta Historica, IV, 228, Hosius Dantisko, Cracovia, 6 Januarii 1547.

[2]) Ibid., 245—247. Petricoviae 21 Octobris 1547. Это письмо написано было Гозіемъ, тогдашнимъ королевскимъ секретаремъ.

вскорѣ умеръ, не успѣвъ опубликовать его подвѣдомственному духовенству. На петроковскомъ синодѣ было рѣшено послать папѣ въ отвѣтъ на его приглашеніе посланіе отъ лица новаго гнѣзненскаго архіепископа Николая Дзержговскаго, которое, по порученію синода, было составлено депутатомъ краковскаго капитула Станиславомъ Гозіемъ. Въ этомъ письмѣ примасъ прежде всего заявляетъ, что, такъ какъ пригласительное посланіе папы, полученное его предшественникомъ, не было вовремя опубликовано польскимъ епископамъ, то они и не явились до сихъ поръ на соборъ; но лишь только онъ узналъ, что его предшественникъ получилъ приглашеніе прибыть въ Тріентъ, онъ поспѣшилъ созвать провинціальный синодъ для обсужденія приглашенія папы. Но когда уже были назначены послы на соборъ, вдругъ, продолжаетъ примасъ, пришло извѣстіе о перенесеніи собора въ Болонью и о томъ, что трансальпійскіе епископы отказались послѣдовать туда за папою. Далѣе, примасъ извѣщалъ папу, что и въ его провинціи слышатся недовольные этимъ голоса и притомъ людей, имѣющихъ въ Польшѣ немаловажное значеніе: эти люди говорятъ, что не примутъ соборныхъ опредѣленій, если эти опредѣленія не будутъ приняты сосѣдними народами, и при этомъ прибавляютъ, что нѣмцы имѣютъ полное право не являться на соборъ, потому что имъ былъ обѣщанъ свободный соборъ, а теперь онъ созывается въ такомъ мѣстѣ, гдѣ имъ невозможно будетъ свободно высказать свои мнѣнія. Поэтому примасъ, хотя и не раздѣляетъ этихъ воззрѣній, но такъ какъ онъ не можетъ совершенно игнорировать голоса общественнаго мнѣнія, проситъ святѣйшаго отца въ союзѣ съ императоромъ и другими государями принять мѣры къ умиротворенію религіозныхъ треволненій, не чуждыхъ и его провинціи, и позаботиться о томъ, чтобы соборныя постановленія были приняты не одною Италіею, но и всѣмъ христіанскимъ міромъ, особенно Германіей [1]).

Въ тѣ-же послѣдніе годы царствованія Сигизмунда I, когда и польское правительство, и польское духовенство, и польское общество въ виду предстоявшаго вселенскаго собора дружно сошлись въ общемъ желаніи церковной реформы, когда

[1]) Ibid., 240—241, Lovicii, 20 Octobris 1547.

среди польской интеллигенціи распространялись и встрѣчали сочувствіе идеи Модржевскаго о необходимости церковныхъ преобразованій, о возможности и умѣстности участія въ нихъ не однихъ духовныхъ, но и свѣтскихъ людей, когда, такъ сказать, нарождалась идея національнаго собора для преобразованія польской церкви, ставшая такою популярною впослѣдствіи,—въ тѣ-же послѣдніе годы появились уже первые предвѣстники бури, разразившейся тотчасъ по вступленіи на престолъ Сигизмунда Августа, началъ уже наносить католичеству первые свои удары человѣкъ, хотя никогда не разрывавшій съ католичествомъ вполнѣ, но ставшій причиною столькихъ бѣдствій для него въ Польшѣ, что въ этомъ отношеніи онъ едва-ли много можетъ найти для себя соперниковъ. Это—Станиславъ Оржеховскій, перемышльскій каноникъ [1]). Правда, въ своей борьбѣ съ католической іерархіей Оржеховскій руководился далеко не чистыми побужденіями,—правда, многія его дѣйствія подсказаны были ему его страстной, чувственной натурой, но все-таки нельзя не признать, что онъ стоялъ во главѣ сильнаго общественнаго движенія, такъ что личное его дѣло становилось часто дѣломъ общимъ, приковывало къ себѣ общественное вниманіе, „вся страна изъявляла ему, какъ онъ самъ говорилъ, свое расположеніе и сочувствіе“ [2]). Первое

[1]) Оржеховскій родился въ 1515 г., былъ по матери внукомъ русскаго православнаго священника; учился онъ сначала въ Перемышлѣ, потомъ въ Вѣнѣ, наконецъ въ Виттембергѣ, гдѣ слушалъ Лютера, Меланхтона, Карлштадта. «Подъ знаменемъ этихъ трехъ предводителей, говорилъ онъ самъ впослѣдствіи, я служилъ одновременно, считая каждаго изъ нихъ тѣмъ выше и ученѣе, чѣмъ безстыднѣе онъ производилъ гнусности и превосходилъ другихъ въ наглости; поэтому Карлштадта съ Цвингли я ставилъ выше Лютера». Въ 1543 году онъ возвратился въ отечество, думая, что Италія, въ особенности Римъ (гдѣ онъ провелъ два года, пользуясь благосклонностію кардиналовъ Фарнезе и Контарини) исцѣлили его отъ «нѣмецкой заразы». Отецъ, предназначавшій его къ духовному званію и еще въ дѣтствѣ выхлопотавшій ему мѣсто каноника въ Перемышлѣ, заставлялъ молодаго человѣка поступить въ духовное званіе, хотя послѣдній, зная свою натуру, долго не соглашался на это, даже хотѣлъ было поступить въ православные священники, чтобы избѣгнуть безбрачія. Но онъ долженъ былъ уступить настояніямъ отца и былъ посвященъ въ перемышльскіе каноники львовскимъ архіепископомъ Старжевскимъ, безъ вѣдома перемышльскаго епископа Тарла, что поставило Оржеховскаго въ натянутое отношеніе къ нему, тѣмъ болѣе, что Оржеховскій вскорѣ вступилъ въ ссоры съ капитуломъ и сталъ вести развратную жизнь (Ossoliński, Tom. III, Krakow, 1822, część I, str. 1—11).

[2]) Ossoliński, t. III, c. I, str. 16.

столкновеніе перемышльскаго каноника съ католической іерархіей произошло, по удивительной игрѣ случая, изъ-за греческой вѣры, т. е. православія. Трудно понять мотивы, заставившіе Оржеховскаго выступить на защиту, довольно, впрочемъ, своеобразную, греческой вѣры [1]); какъ бы то ни было, впрочемъ, Оржеховскій выступилъ на защиту греческой вѣры, сперва устно, а потомъ и письменно. Онъ, по его словамъ, не одобрялъ такъ называемыхъ заблужденій Руси, въ которыхъ ее обыкновенно упрекали, но утверждалъ, что она ихъ не признаетъ; а отвѣчая Лютеру, усвоявшему себѣ ученіе греческой церкви, онъ порицалъ латинянъ за то, что безразсуднымъ осужденіемъ русской вѣры они сами даютъ въ руки врагамъ оружіе противъ себя. На Лютера онъ въ особенности нападалъ за то, что онъ, еретикъ, осмѣлился брататься съ ней, между тѣмъ какъ она ни чистилища не отвергаетъ, ни таинства евхаристіи не отрицаетъ, ни постовъ не уничтожаетъ, ни почитанія святыхъ не отвергаетъ, ни степеней іерархіи не уничтожаетъ. Что касается власти папы, то онъ говорилъ, что подчиненіемъ константинопольскому патріарху она нисколько не нарушаетъ первенства папы, который этого патріарха, какъ и остальныхъ трехъ, признаетъ братьями, вмѣстѣ съ нимъ управляющими церковью. Равнымъ образомъ и относительно исхожденія Св. Духа онъ утверждалъ, что, признавая единосущіе Отца съ Сыномъ, она этимъ самымъ производитъ отъ

---

[1]) Осеолинскій выставляетъ такимъ мотивомъ ненависть его къ католическому безженству (Ossoliński, t. III, c. 1, str. 11). Красинскій говоритъ, что Оржеховскій, хотя и былъ членомъ католической іерархіи, не могъ, какъ протестантъ, скрыть своихъ истинныхъ убѣжденій, тѣмъ болѣе, что онъ былъ постоянно увлекаемъ къ тому своими необузданными страстями и подстрекаемъ своимъ родственникомъ Николаемъ Ресмъ; но боясь чрезъ открытое нападеніе на римскую церковь лишиться выгодъ, которыми онъ пользовался какъ ея членъ, онъ напалъ на нее посредственно, защищая греческую вѣру (Krasinski, 71). Не отрицая указанныхъ мотивовъ поступка Оржеховскаго, можно, кажется, видѣть въ немъ нѣкоторое выраженіе его симпатіи къ восточному православію, вслѣдствіе убѣжденія если не въ правотѣ православія, то по крайней мѣрѣ въ томъ, что и въ греческой вѣрѣ есть много хорошихъ сторонъ, что она во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ названія ереси, схизмы, которымъ клеймили ее католики. Къ этому нужно присоединить, что греческая вѣра была вѣрой русскаго народа, къ которому относилъ себя Оржеховскій, подписываясь Ruthenus или Roxolanus, была вѣрой его предковъ.

нихъ обоихъ третье лицо предвѣчной Троицы [1]). Такимъ образомъ, выходило у Оржеховскаго, что греческая вѣра въ сущности не разнится отъ латинской, что все различіе въ обрядахъ. Вслѣдствіе этого между латинскою и греческою церквами, по мнѣнію Оржеховскаго, и установилась унія при Евгеніѣ IV на соборѣ во Флоренціи, благодаря вліянію Исидора, русскаго митрополита, и Виссаріона, никейскаго архіепископа; но къ сожалѣнію еще при самомъ заключеніи уніи ее старался разстроить архіепископъ ефесскій Маркъ, почему она и не нашла хорошаго пріема въ Константинополѣ. Въ Польшѣ, хотя она ревностью помянутаго Исидора и его преемника Григорія и была насаждена, а потомъ поддержана благочестіемъ Ягеллоновъ, однако прочно не утвердилась. Отъ смерти Казиміра Ягеллона ей препятствовали то войны, то перемирія съ Москвою, вліяніе Елены, супруги Александра, подстрекательство ея брата Ивана Васильевича, пока наконецъ она совсѣмъ не уничтожилась во время возмущенія Глинскаго [2]). Поэтому, Оржеховскій въ своемъ сочиненіи „Крещеніе Русскихъ“ побуждаетъ тогдашняго польскаго примаса Петра Гамрата—возвратить польской церкви братскую любовь и согласіе, начавши съ уничтоженія совершенно несправедливаго предубѣжденія противъ греческой вѣры [3]). Волненіе, которое онъ произвелъ своей защитой греческой вѣры, еще усилилось послѣ появленія его сочиненія, написаннаго противъ безбрачія духовенства. Въ этомъ сочиненіи Оржеховскій, со всѣмъ жаромъ своей страстной, чувственной натуры, выступаетъ противъ папы Сириція, котораго признаетъ установителемъ безбрачія, бранитъ его, называетъ постановленіе безбрачія жестокимъ и безумнымъ, а его установителя, признаннаго въ католической церкви святымъ, называетъ противникомъ природы и божескихъ законовъ, врагомъ человѣческаго рода, виновникомъ самыхъ страшныхъ преступленій духовенства, губителемъ тѣлъ и душъ.

---

[1]) Оржеховскій написалъ въ это время «Baptismum Rhutenorum», содержавшее чинъ крещенія по греческому обряду и папскую буллу о неперекрещиваніи русскихъ, переходящихъ въ латинство, и «Pro ecclesia Christi» противъ Лютера (Ossolinski, t. III, c. II, str. 214—215, przypisy do części II, str. 121. 125).

[2]) Ossoliński, t. III, c. I, str. 13—14.

[3]) Ibid., t. III, c. II, str. 215.

Защита католическимъ ксендзомъ греческой вѣры, на которую въ Польшѣ многіе смотрѣли, какъ на схизму, его рѣзкая критика римско-католическаго установленія о безбрачіи священниковъ, нашедшая себѣ сочувствіе въ польскомъ обществѣ, даже въ нѣкоторой части польской католической іерархіи, крайне безнравственная жизнь самого Оржеховскаго, который, по его собственнымъ словамъ, „видя для себя чрезъ вынужденное священство закрытый доступъ къ законному браку, держалъ у себя толпы наложницъ, жилъ съ ними, какъ второй Геліогабалъ [1]): все это произвело, какъ и слѣдовало ожидать, скандалъ въ тогдашней польской церкви, скандалъ тѣмъ болѣе соблазнительный, что виновникомъ его былъ свой же братъ—ксендзъ, продолжавшій оставаться въ средѣ католической іерархіи, прямо заявлявшій, что онъ не хочетъ разрыва со старой вѣрой, полемизировавшій даже въ ея интересахъ, противъ приверженцевъ новыхъ воззрѣній. Правда, призванный къ суду перемышльскаго епископа по обвиненію въ приверженности къ заблужденіямъ Руси, въ составленіи книги противъ безбрачія духовенства и въ зазорной жизни, Оржеховскій отказался отъ своихъ сочиненій, присужденныхъ къ сожженію на кострѣ, призналъ еретичество Руси, обязался безпрекословно повиноваться всѣмъ постановленіямъ римской церкви, отбылъ назначенную ему эпитимію, но все-таки скандалъ былъ сдѣланъ, соблазнъ былъ произведенъ [2]). Мысли, высказанныя Оржеховскимъ устно и письменно, привлекали къ себѣ общественное вниманіе, возбуждали въ однихъ любопытство, въ другихъ даже сочувствіе, такъ что, когда разнеслась вѣсть о привлеченіи его къ суду, „вся страна, говоритъ Оржеховскій, изъявила мнѣ расположеніе и сочувствіе“. „На мое дѣло, продолжаетъ Оржеховскій, было направлено всеобщее вниманіе; только о немъ одномъ говорили; всякій съ любопытствомъ ожидалъ, что будетъ постановлено уже не обо мнѣ, а о всей Руси, которую укоренившійся предразсудокъ отдѣлилъ отъ общаго собранія церкви. Даже появлялась надежда на благопріятный исходъ, желательный для церковнаго и общественнаго спокойствія“ [3]). Такимъ образомъ, въ концѣ

[1]) Ossoliński, t. III, c. I, p. 15.
[2]) Ossoliński, t. III, c. I, str. 18—26.
[3]) Ibid., 16—17.

царствованія Сигизмунда I въ польскомъ обществѣ произошла довольно сильная сенсація, общественное вниманіе было возбуждено и, хотя на этотъ разъ дѣло окончилось мирно, согласно съ желаніемъ католической іерархіи, но вожди католичества въ Польшѣ могли уже уразумѣть слѣдствія, произведенныя въ польскомъ обществѣ реформаціонными идеями, могли уже видѣть, какой цвѣтъ подъ ихъ вліяніемъ приняло главное теченіе общественнаго мнѣнія, и едва-ли съ увѣренностію могли смотрѣть въ глаза будущему. Почти наканунѣ смерти Сигизмунда I (онъ умеръ 1 апрѣля 1548 года), благочестивый краковскій каноникъ Станиславъ Гозій съ тревогою уже окидывалъ своимъ взоромъ разстилавшееся предъ нимъ обширное поле, на которомъ, думалось ему, лишь пробьетъ часъ смерти Стараго Сигизмунда, закипитъ долгій, упорный бой на жизнь и на смерть,—бой, въ которомъ ему суждено было сдѣлаться вождемъ папской рати: Domine serva nos, perimus! (писалъ онъ къ другу) in comitiis primum articulum nuntii proposuerunt de verbo Dei pure praedicando“ [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію этого боя, остановимся сначала на личности будущаго предводителя польскаго католичества, уже нѣсколько разъ промелькнувшей предъ нами.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Станиславъ Гозій родился въ Краковѣ 5 мая 1504 года [2]). Отецъ его Ульрихъ Гозій, родомъ нѣмецъ изъ маркграфства Баденъ [3]), въ началѣ XVI вѣка поселился въ Краковѣ, гдѣ поступилъ на королевскую службу. По прошествіи нѣкотораго времени Сигизмундъ I назначилъ его виленскимъ городничимъ и смотрителемъ виленскаго замка [4]). Въ Вильнѣ протекло дѣтство Станислава. Семейная его обстановка, насколько можно судить по біографіи Гозія, составленной его секретаремъ Решкою, была такого рода, что сильно должна была повліять на

[1]) Acta Historica, IV, 251—252. Hosius Dantisco, Petirocoviae, 6 Februarii 1548.

[2]) Eichhorn, I, 20.

[3]) Rescius, Vita D. Stanislai Hosii, libr. I, c. I, p. I; Ibid., c. II, p. 6.

[4]) Eichhorn, I, 21.

развитіе въ немъ религіознаго настроенія, которымъ запечатлѣна вся дальнѣйшая его жизнь. Отецъ его отличался благочестіемъ, помогалъ нищимъ, устроилъ въ Вильнѣ госпиталь, много дѣлалъ добра для виленскихъ католическихъ монастырей, особенно для доминиканскаго монастыря. Мать его Анна отличалась такимъ же благочестіемъ, не уступала мужу въ благотворительности, ничего такъ не желала, какъ чтобы ея любимый сынъ Станиславъ поступилъ въ духовное званіе. У Станислава, еще трехлѣтняго ребенка, были уже своя собственная чаша, свои кресты и другія церковныя принадлежности, которыя поспѣшила подарить ему мать [1]). Съ ними онъ, такимъ образомъ, сроднился уже тогда, когда еще только-что пробуждалось въ немъ сознаніе. Во всю жизнь потомъ онъ берегъ ихъ, какъ драгоцѣнность, съ которою у него связаны были воспоминанія о счастливой порѣ дѣтства. Съ общимъ тономъ семейной обстановки, въ которой росъ Станиславъ, гармонировало и его первоначальное воспитаніе. Воспитаніе это было домашнее и поручено было его родителями особому учителю, подъ руководствомъ котораго Станиславъ учился въ теченіе девяти лѣтъ [2]). Къ сожалѣнію, біографъ Гозія не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о ходѣ, характерѣ и объемѣ его ученія. Онъ ограничивается замѣчаніемъ, что способный мальчикъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ наукахъ. Особенно сильно пристрастился Станиславъ въ эти ранніе годы своей жизни къ чтенію книгъ и вскорѣ прочелъ все, что могъ найти въ библіотекѣ своего отца. Отецъ долженъ былъ постоянно покупать для сына все новыя и новыя книги, на которыя тотъ съ жадностію накидывался [3]). Въ то же время изъ обращенія съ учителемъ и родителями онъ изучилъ не только польскій и нѣмецкій, но и латинскій языкъ, бывшій въ то время очень употребительнымъ въ Польшѣ и Литвѣ [4]).

Въ эти ранніе, дѣтскіе годы обнаруживалось уже въ Станиславѣ то настроеніе, которымъ вѣяло отъ него во всю его жизнь. Оно сказывалось уже въ самомъ характерѣ его заня-

---

[1]) Rescius, libr. I, c. IV, p. 3—6.
[2]) Ibid., c. IV, p. 15.
[3]) Ibid., p. 16—17.
[4]) Ibip., c. III, p. 7.

тій. Любимымъ занятіемъ его было чтеніе житій святыхъ: онъ не выпускалъ ихъ изъ рукъ; заучивалъ изъ нихъ наизустъ цѣлыя страницы, которыя произвели на него сильное впечатлѣніе, особенно рѣчи мучениковъ и подвижниковъ; дѣлился прочитаннымъ при всякомъ удобномъ случаѣ съ родителями и другими членами своего семейства [1]). Подъ вліяніемъ чтенія житій святыхъ въ впечатлительномъ юношѣ явилось желаніе устроить свою жизнь сообразно съ тѣми идеалами, къ которымъ стремились великіе христіанскіе подвижники, о которыхъ онъ такъ много, съ такимъ жаромъ, съ такимъ упоеніемъ читалъ въ житіяхъ. Его впечатлительная натура съ неудержимою силою влекла его къ этому идеалу, съ неудержимою силою требовала отъ него сейчасъ-же, немедленно приступить къ осуществленію этого идеала,—сейчасъ-же, немедленно начать подниматься по той крутой лѣстницѣ, по которой одинъ за другимъ предъ его взоромъ поднимались въ житіяхъ на заманчивую для него высоту христіанскіе подвижники. Онъ началъ постоянно молиться, постоянно посѣщалъ костелы и монастыри, раздавалъ милостыню нищимъ, постился такъ усердно, что отецъ, опасаясь вредныхъ послѣдствій отъ поста для его здоровья, принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи духовника, чтобы отклонить его отъ черезчуръ строгаго поста [2]). Но и это ему скоро показалось недостаточнымъ. Въ его головѣ составился планъ окончательно разорвать съ мірскою жизнію: онъ задумалъ постричься въ виленскомъ доминиканскомъ монастырѣ, въ которомъ неопустительно присутствовалъ при всѣхъ церковныхъ службахъ, часто бесѣдовалъ съ жившими тамъ монахами, которые еще болѣе подогрѣвали въ немъ любовь къ монашеской жизни. Но съ этимъ планомъ Станислава не согласился его отецъ, который строго запретилъ монахамъ наговорить юношу къ поступленію въ монашество [3]). Между тѣмъ Станиславъ сдѣлалъ къ этому времени такіе успѣхи въ наукахъ, что сравнялся по познаніямъ съ своимъ учителемъ [4]), и отецъ рѣшился отправить сына для дальнѣйшаго образованія въ Краковъ [5]).

---

[1]) Ibid., p. 8—9.
[2]) Ibid., p. 10—12.
[3]) Ibid., c. IV, 12—15.
[4]) Ibid., p. 15.
[5]) Ibid., c. V, p. 17.

Краковская академія въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка, когда поступилъ въ нее Гозій, находилась, какъ увидимъ впослѣдствіи, далеко не въ цвѣтущемъ состояніи; но все-таки въ ней и въ это время были на каждомъ факультетѣ дѣйствительно ученые и знавшіе свое дѣло профессора [1]). Въ краковской академіи Гозій по преимуществу занимался изученіемъ языковъ—греческаго и латинскаго, реторики и философіи. По замѣчанію біографа, онъ въ это время читалъ Аристотеля на греческомъ языкѣ и понималъ его въ подлинникѣ лучше, чѣмъ въ латинскомъ переводѣ, а произведенія Цицерона прочелъ восемь разъ, въ томъ убѣжденіи, что только частое чтеніе тѣхъ или другихъ сочиненій можетъ познакомить съ авторомъ ихъ [2]).

Краковская академія не измѣнила Гозія. Религіозное настроеніе, съ значительною дозою аскетизма, такъ сильно сказавшееся въ немъ еще въ Вильнѣ, оставалось въ немъ во всей силѣ и въ Краковѣ, гдѣ онъ, по словамъ его біографа, зналъ только двѣ дороги — одну, которая вела въ церковь, другую, которая вела въ академію [3]). Съ особенною любовью и ревностію, по разсказу Решки, онъ посѣщалъ въ Краковѣ костелъ своего патрона св. Станислава: отъ этого посѣщенія ничто не могло удержать, ни болѣзнь, ни ненастье, ни занятія [4]). Онъ чуждался всякаго рода удовольствій, увеселеній, празднествъ, особенно женскаго общества [5]), Решка разсказываетъ изъ времени студенчества Гозія такой случай: однажды, когда его родственники и друзья на масляницѣ веселились, онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ сочиненіе Златоуста „Comparatio regis et monachi“, сестра его и товарищи силой оттащили его отъ рабочаго стола и привели къ ужину; но онъ тотчасъ незамѣтно исчезъ изъ общества гостей и возвратился къ своей работѣ [6]). Въ 1528 году Гозій переложилъ 50 псаломъ Давида въ стихи и написалъ его толкованіе, „чтобы, какъ онъ выражается, этотъ первый плодъ своего ума посвятить Богу [7]).

---

[1]) Lukaszewicz, Historya szkól, I, 54.
[2]) Rescius, libr. I, c. VI, p. 24—25.
[3]) Ibid., p. 21.
[4]) Ibid., 23—24.
[5]) Ibid., 22.
[6]) Ibid., p. 23.
[7]) Acta Historica, IV, 5: Hosius Petro Tomicki, Cracoviae 3 Aprilis 1528.

Въ томъ же году онъ, „увлеченный чудною и невыразимою прелестью“ одного изъ сочиненій Златоуста, „не можетъ удержаться, чтобы не сдѣлать изъ хорошаго греческаго подлинника нехорошій латинскій переводъ [1]).

Пребываніе Гозія въ Краковѣ совпало съ началомъ реформаціи, когда, раздавшійся въ Германіи, протестъ противъ папства и всѣхъ связанныхъ съ нимъ неправдъ, донесся и до Польши, проникъ въ Краковъ, нашелъ себѣ сочувственный откликъ въ обитателяхъ польской столицы. Великія идеи германскаго реформатора нашли себѣ отголосокъ и въ краковской академіи, нашли себѣ сочувствіе въ учившейся въ ней молодежи, въ товарищахъ Гозія. Тутъ въ первый разъ столкнулся съ реформаціонными идеями юноша, которому въ будущемъ предстояла такая долгая, такая упорная борьба съ ними,— борьба, которой онъ посвятилъ всѣ свои силы, отдалъ всю свою жизнь. Въ рѣзкой, полной дисгармоніи съ основнымъ тономъ протеста германскаго реформатора стояло общее настроеніе студента Гозія, укоренившаяся въ немъ съ первыми проблесками сознанія привязанность къ католической вѣрѣ, переходившая въ немъ въ какое-то благоговѣйное, почти мистическое преклоненіе предъ всѣми ея постановленіями. Впечатлительный юноша, витавшій въ идеальныхъ высяхъ, не могъ сдержать себя, при видѣ того, какъ дерзкая, какъ ему казалось, рука развѣнчивала его идеалъ. Не имѣя пока въ своемъ распоряженіи другихъ средствъ защитить свой поруганный идеалъ, онъ съ свойственнымъ юношѣ увлеченіемъ пишетъ стихотвореніе противъ Лютера, осмѣлившагося посягнуть на его святыню [2]). Между тѣмъ, идеи реформаціи въ Краковѣ распространялись; сочиненія его ходили по рукамъ; краковская университетская молодежь съ жадностію ихъ читала. Попадались подобнаго рода книги и Гозію; но онъ расправлялся съ ними очень просто: бросалъ ихъ въ огонь [3]). Біографъ Гозія разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ изъ времени студенчества Гозія. Гозій часто навѣщалъ одного изъ своихъ товарищей Фабіана Цемена, родомъ прусака, заболѣвшаго лихорадкою. Од-

[1]) Ibid., 6, Hosius Petro Tomicki, Cracoviae, 19 Julii 1528.

[2]) Rescius, lib. I, c. V, p. 19. Стихотвореніе «In Luteri sectatores» (1526 г.) напечатано въ «Acta Historica», IV, CXXXVII—CXXXVIII.

[3]) Rescius, lib. I, c. V, p. 19—20.

нажды, пришедши къ нему, онъ увидѣлъ у него въ изголовьѣ книгу, которая, по ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалась „еретическою“. „Вотъ, сказалъ онъ товарищу, та лихорадка, которая такъ жестоко тебя мучитъ... Если хочешь избавить свое тѣло отъ лихорадки, удали прежде какъ можно скорѣе изъ души своей любовь къ богохульству и изъ обихода своего всякій сбродъ еретическихъ книгъ, и не сомнѣвайся, что тебя тотчасъ оставитъ жестокая лихорадка“. Сказавъ это, онъ бросилъ книгу въ огонь [1]). Когда во время пребыванія Гозія въ Краковѣ ему попалось въ руки письмо Эразма Роттердамскаго къ польскому королю Сигизмунду I, онъ возгорѣлся желаніемъ—огласить его посредствомъ печати во всеобщее свѣдѣніе, чтобы показать, что славный тогда Эразмъ не раздѣляетъ воззрѣній, проникшихъ въ Польшу изъ Виттемберга [2]).

По окончаніи ученія въ краковской академіи, гдѣ Гозій получилъ степень баккалавра [3]), онъ былъ отправленъ тогдашнимъ краковскимъ епископомъ Петромъ Томицкимъ, лично къ нему расположеннымъ, въ Италію для довершенія своего образованія [4]). Можно думать, что и у самого Гозія не лежало сердце къ „еретическимъ“ германскимъ университетамъ, что собственное внутреннее настроеніе влекло его въ Италію. Здѣсь Гозій съ всегда отличавшимъ его прилежаніемъ отдался наукамъ, со всѣмъ юношескимъ жаромъ погрузился въ своеобразную жизнь тогдашнихъ западно-европейскихъ университетовъ. Въ Болоньѣ онъ изучалъ правовѣдѣніе подъ руководствомъ извѣстнаго тогда юриста Петра Парризія и краснорѣчіе подъ руководствомъ Ромула Амазеуса. Но особенною славою тогда пользовался въ Италіи Лазаръ Бонамикъ, котораго считали тогда лучшимъ въ мірѣ знатокомъ классической словесности, а какъ оратора ставили рядомъ съ Цицерономъ [5]). Онъ въ это время былъ профессоромъ реторики и классической литературы въ Падуѣ, въ которую изъ-за его лекцій сте-

---

[1]) Ibid., p. 20—21. Решка прибавляетъ, что, когда Гозій пришелъ къ Цемену во второй разъ, то нашелъ его уже здоровымъ.

[2]) Acta Historica, Hosius Petro Tomicki, a. 1527, I, 2.

[3]) Eichhorn, I, 29.

[4]) Rescius, libr. I, c. VII, p. 26—27; Eichhorn, I, 30.

[5]) Гозій писалъ о немъ въ Польшу: «admirabili doctrina vir, optimos que tam Graecos, quam Latinos scriptores divinitus interpretatur (Acta Historica, IV, 20, Hosius Dantisco, Patavii, 29 Novembris 1532 a.).

калась молодежь изъ всѣхъ странъ. Студенты болонскаго университета задумали пригласить Бонамика для преподаванія въ свой университетъ. Съ этою цѣлью они отправили къ Бонамику въ Падую особую депутацію, въ которой участвовалъ и нашъ Гозій, съ приглашеніемъ въ болонскій университетъ, просили у городскаго магистрата содѣйствія своему плану, угрожали ему даже тѣмъ, что уйдутъ изъ Болоньи въ Падую, если профессоръ Бонамикъ останется въ Падуѣ. Гозій принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ попыткахъ болонскихъ студентовъ переманить Бонамика изъ Падуи въ Болонью [1]), и когда онѣ не удались, онъ вмѣстѣ съ многими другими студентами уѣхалъ изъ Болоньи въ Падую, гдѣ вскорѣ сблизился съ Бонамикомъ. Какъ долго пробылъ Гозій въ Падуѣ, неизвѣстно [2]); несомнѣнно только, что, когда Бонамикъ переселился въ Болонью, Гозій послѣдовалъ за нимъ. Въ болонскомъ университетѣ Гозій получилъ степень доктора обоихъ правъ, послѣ чего рѣшился возвратиться на родину [3]).

Ни въ письмахъ Гозія, ни въ его біографіи, составленной Решкою, мы не нашли ничего, что бросало бы свѣтъ на внутреннее его настроеніе во время пребыванія въ Италіи, но краткое замѣчаніе, сдѣланное его біографомъ, что и въ Падуѣ, какъ раньше въ Краковѣ, Станиславъ зналъ только двѣ дороги,— одну въ церковь, другую въ академію [4]), даетъ основаніе думать, что Гозій оставался и въ эту пору такимъ же, какимъ мы видѣли его въ Краковѣ и еще раньше въ Вильнѣ, что религіозное настроеніе только развивалось, укрѣплялось въ немъ съ переходомъ въ зрѣлый возрастъ.

По возвращеніи въ Краковъ (въ 1533 году) [5]), Гозій поселился у своего патрона Петра Томицкаго, краковскаго епископа, которому въ теченіе двухъ лѣтъ помогалъ въ его заня-

---

[1]) Въ «Acta Historica» напечатаны двѣ рѣчи, произнесенныя по этому поводу Гозіемъ отъ лица болонскихъ студентовъ,—одна къ префекту Болоньи, а другая—къ папскому легату (IV, 10—13, 13—19); тѣ же рѣчи напечатаны въ приложеніи къ Длугошу (II, 1857—1860, 1860—1868).

[2]) 29 ноября 1532 года онъ пишетъ Дантышк письмо еще изъ Падуи (Acta Historica, IV, 20).

[3]) Rescius, libr. I, c. VII, p. 28—29.

[4]) Ibid., p. 27.

[5]) Eichhorn, I, 33.

тіяхъ въ королевской канцеляріи, такъ какъ Томицкій занималъ должность короннаго подканцлера [1]). Положеніе его не измѣнилось со смертію его благодѣтеля († 1535): онъ по прежнему продолжалъ заниматься въ королевской канцеляріи, у короннаго канцлера Яна Хоенскаго, плоцкаго епископа, у котораго въ домѣ Гозій жилъ до самой его смерти [2]). Въ это уже время явилось у Гозія желаніе поступить въ духовное званіе, къ которому его предназначали съ самаго ранняго дѣтства, къ которому влекло его и собственное настроеніе. Но это желаніе не скоро осуществилось: въ Польшѣ въ это время, какъ мы знаемъ, для поступленія въ духовное званіе, особенно въ каѳедральные капитулы (куда поступить Гозій по своему образованію имѣлъ всѣ права), было очень много кандидатовъ разнаго рода, безцеремонно преграждавшихъ дорогу людямъ, шедшимъ въ духовное званіе по призванію. Хотя попытка Гозія получить вармійскій каноникатъ, сдѣлавшійся вакантнымъ послѣ перемѣщенія на вармійскую епископію кульмскаго епископа Яна Дантышка, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и вармійскимъ каноникомъ, увѣнчалась успѣхомъ; но успѣхъ этотъ былъ не полный. Хотя Гозій получилъ вармійскій каноникатъ, съ согласія короля, вармійскаго епископа и вармійскаго капитула, но право владѣнія имъ долго еще оспаривалъ у него нѣкто Александръ Скультети, нашедшій себѣ покровительство въ Римѣ и въ Краковѣ, у самой королевы Боны, и начавшій съ Гозіемъ изъ-за канониката длинный процессъ [3]). Поэтому-то, получивъ вармійскій каноникатъ, Гозій не отправлялся къ мѣсту новаго своего служенія, не принялъ даже посвященія въ духовный санъ, а продолжалъ заниматься въ королевской канцеляріи, гдѣ онъ съумѣлъ зарекомендовать себя такимъ знатокомъ своего дѣла, что даже въ случаѣ непродолжительныхъ отлучекъ

---

[1]) Rescius. libr. I, c. VIII, p. 31. Въ письмѣ къ Лазарю Бонамику Гозій тяжко скорбитъ о смерти Томицкаго (Acta Historica, IV, 33—36, Hosius Bonamico, Cracoviae, 12 Februarii 1536).

[2]) Rescius, libr. I, c, VIII, p. 31; Acta Historica, IV, 36—37, Ioannes Chodański Hosio, Vilnae, 3 Martii 1536).

[3]) Acta Historica, IV, Hosius Dantisco, p. 47—48, Cracoviae 11 Julii 1537. p. 48—49, 7 Augusti 1537; p. 50, Cracoviae 4 Septembris 1537; p. 50—51, Cracoviae, 16 Septembris 1537; p. 52—53, Cracoviae, 16 Mai 1538; p. 53, Cracoviae, 24 Mai 1538; p. 54—55, Varmiae, 30 Julii 1538; p. 55—56, Varmiae 1 Augusi 1538; p. 64, Cracoviae, 1 Novem-bris 1538.

изъ канцеляріи къ нему летѣли изъ Кракова письма, приглашавшія его поскорѣе возвращаться въ канцелярію [1]). Въ такомъ положеніи находился Гозій до самой смерти канцлера Хоенскаго († 1538).

По смерти его Гозій, по рекомендаціи оберъ-секретаря королевской канцеляріи Самуила Мацѣевскаго, принятъ былъ Сигизмундомъ I въ число королевскихъ секретарей [2]). Въ теченіе цѣлаго ряда годовъ Гозій добросовѣстно исполнялъ эту должность, занимаясь составленіемъ королевскихъ писемъ, декретовъ, инструкцій для пословъ и коммиссаровъ, особенно по дѣламъ, касавшимся Пруссіи [3]). Въ королевской канцеляріи, въ которой тогда было много разныхъ злоупотребленій, въ которой, особенно къ концу Сигизмундова царствованія, царила система подкуповъ, Гозій, по свидѣтельству его біографа, не только самъ былъ далекъ отъ взяточничества, но и старался по возможности удерживать отъ него подчиненныхъ ему чиновниковъ [4]).

Не смотря на множество занятій въ королевской канцеляріи, не смотря на близость ко двору, который не могъ похвалиться чистотою своихъ нравовъ, королевскій секретарь Гозій былъ далекъ отъ этого шума придворной жизни, оставался такимъ же, какимъ мы видѣли его раньше. Нѣсколько часовъ посвящалъ онъ ежедневно молитвѣ и чтенію священнаго писанія и, по замѣчанію его біографа, хотя былъ еще мірянином, но сами духовные ставили его себѣ образцомъ для подражанія [5]). Вскорѣ, впрочемъ, Гозій принялъ духовный санъ. Раньше мы сказали, что, хотя Гозій и получилъ вармійскій каноникатъ, но право на этотъ каноникатъ у него еще оспаривалось [6]). Въ 1539 году ему удалось получить мѣсто кантора вармійскаго капитула, но противникомъ ему въ этомъ случаѣ

---

[1]) Acta Historica, IV, 61, Hosius Dantisco, Pultusk, 29 Septembris 1538.

[2]) Rescius, libr. I, c. VIII, p. 31—32.

[3]) Ibid., c. IX, p. 33.

[4]) Ibid., c. XII, p. 38—39.

[5]) Ibid., c. IX, p. 34.

[6]) Впрочемъ, еще въ 1538 г., сначала чрезъ своего довѣреннаго, а потомъ и лично, Гозій вступилъ во владѣніе вармійскимъ каноникатомъ и его бенефиціями, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ акты вармійскаго капитула (Acta Historica, IV, 410).

выступилъ тотъ-же Александръ Скультети, который оспаривалъ у него вармійскій каноникатъ, хотя, по словамъ Гозія, на канторство онъ имѣлъ не болѣе правъ, чѣмъ на каноникатъ [1]). Счастливѣе былъ Гозій въ Краковѣ. Въ 1540 году онъ получилъ краковскій каноникатъ и, спустя нѣкоторое время, принялъ посвященіе въ духовный санъ [2]). Вскорѣ затѣмъ (въ 1542 г.) Сигизмундъ наградилъ Гозія сандомірскимъ каноникатомъ [3]). Наконецъ, послѣ перемѣщенія Самуила Мацѣевскаго съ плоцкой каѳедры на краковскую, Гозій получилъ еще два прихода—въ Голомбовѣ и Радловѣ. Сдѣлавшись приходскимъ священникомъ, Гозій не хотѣлъ совершенно оставлять своей паствы безъ слова назиданія и, насколько дозволяли ему многочисленныя его занятія въ королевской канцеляріи, проповѣдывалъ слово Божіе въ своемъ приходѣ, въ Голомбовѣ. Впрочемъ, онъ вскорѣ убѣдился, что для проповѣдыванія ему недоставало сильнаго голоса, а потому пересталъ проповѣдывать; но и послѣ этого продолжалъ составлять проповѣди, произнесеніе которыхъ обыкновенно поручалъ другимъ [4]).

Пятнадцать лѣтъ, проведенныхъ Гозіемъ по возвращеніи изъ-за границы въ столицѣ литовско-польскаго государства, въ центрѣ государственной и общественной жизни, многому научили Гозія, многое для него прояснили, дали ему въ руки надежный критерій для оцѣнки и лицъ, фигурировавшихъ въ первыхъ дѣйствіяхъ начинавшейся драмы борьбы католичества съ реформаціей, и самыхъ этихъ дѣйствій. Въ королевской канцеляріи, онъ у самаго источника познакомился съ польскимъ государственнымъ механизмомъ, съ королевскимъ дворомъ, съ лицами, занимавшими высшіе посты на государственной службѣ. Въ столицѣ онъ сталкивался съ выдающимися лицами изъ польскаго общества, знакомился съ ихъ воззрѣніями, изучалъ силы религіозныхъ партій, физіономіи которыхъ начинали обрисовываться. Вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе уяснялось для самого Гозія его положеніе въ начинавшейся

---

[1]) Acta Historica, IV, Hosius Dantisco: p. 68—69, Cracoviae, 18 Martii 1539; p. 83—84, Cracoviae, 11 Octobris 1539.

[2]) Acta Historica, IV, 411, акты краковскаго капитула; Ibid., 87—88, Hosius Dantisco, Cracoviae, 10 Martii 1540; Rescius, libr. I, c. X, p. 35.

[3]) Acta Historica, IV, 125, Hosius Dantisco, Sandomiriae, 13 Junii 1542.

[4]) Rescius, libr. I, c. XI, p. 37—38.

религіозной борьбѣ, все болѣе и болѣе опредѣлялась его собственная физіономія. Гозій, получивъ духовный санъ, началъ— говоритъ его біографъ — какъ власть имѣющій, гораздо сильнѣе, съ большею ревностію нападать на заблужденія „еретиковъ“. Онъ, продолжаетъ біографъ, побуждалъ короля и епископовъ воспользоваться принадлежавшимъ имъ по закону правомъ суда надъ еретиками для того, чтобы потушить все болѣе и болѣе распространявшійся по Польшѣ пожаръ; особенно же настаивалъ на томъ, чтобы король и епископы не допускали привоза въ страну изъ-за границы „еретическихъ“ книгъ. Въ это-же время онъ издалъ „Commonitorium“ Викентія Лиринскаго, которое онъ рекомендовалъ всѣмъ для чтенія, какъ спасительное противоядіе противъ ереси [1]). Но, возставая противъ „еретиковъ“, Гозій не могъ не видѣть больныхъ, ничѣмъ не защищенныхъ мѣстъ и своей партіи, въ которыя мѣтко и вѣрно попадали вражьи стрѣлы. Мы уже слышали, какъ на петроковскомъ провинціальномъ синодѣ 1539 года краковскій епископъ Петръ Гамратъ громилъ порядки и недостатки католическаго польскаго духовенства въ своей рѣчи, составленной Гозіемъ [2]). Мы также упоминали, что Гозій, въ качествѣ депутата краковскаго капитула, присутствовалъ на провинціальномъ синодѣ 1547 года и, по порученію отцевъ собора, составилъ папѣ посланіе отъ лица гнѣзненскаго архіепископа Николая Дзержговскаго. Авторитетъ Гозія въ средѣ католической партіи къ концу царствованія Сигизмунда I такъ уже прочно утвердился, что куявскій епископъ Андрей Зебржидовскій, прибывши въ Данцигъ, гдѣ къ этому времени стала сильно заявлять себя реформаціонная партія, считаетъ нужнымъ сообщить Гозію подробныя свѣдѣнія о своемъ прибытіи въ городъ, объ оказанномъ ему тамъ пріемѣ, о положеніи церковныхъ дѣлъ и о своихъ дѣйствіяхъ въ Данцигѣ [3]). Тотъ же епископъ, когда о немъ пошли нехорошіе слухи, будто онъ обнаружилъ излиш-

---

[1]) Rescius, libr. I, c. X, p. 35—36.

[2]) Acta Historica, IV, 73, cirka 15 Mai 1539, Piotrocoviae.

[3]) Acta Historica, I, 29—30, Zebrzydowski Hosio, Gedani, 28 Septembris 1546: Quoniam T-atem V. magna cura et cogitatione teneri scio de ecclesiasticarum rerum successibus, et quoniam ea Praeceptore priu3, mox deinde familiari sum usus, volui illi ex initia et progressus et exitus earum rerum perscribere, quae eum Gedanensibus tractavi.

нюю благосклонность къ приверженцамъ реформаціонныхъ идей въ Данцигѣ, считаетъ нужнымъ оправдываться въ этомъ предъ каноникомъ Гозіемъ, считаетъ нужнымъ разубѣдить его въ этомъ и проситъ его разубѣждать въ этомъ и другихъ [1]). Очевидно, что этотъ каноникъ къ концу царствованія Сигизмунда I занялъ уже въ средѣ польской католической іерархіи замѣтное положеніе.

ОТДѢЛЪ II.

Польская церковь въ первую половину царствованія Сигизмунда Августа (1548—1563).

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Вступленіе на польскій престолъ Сигизмунда Августа произвело существенную перемѣну въ общественномъ положеніи Гозія. Въ 1548 году умеръ вармійскій епископъ Янъ Дантышекъ, и король, безъ особенныхъ затрудненій со стороны вармійскаго капитула, назначилъ на его мѣсто кульмскаго епископа Тидемана Гизе. На кульмскую каѳедру король рѣшился возвести своего секретаря Станислава Гозія, между прочимъ, потому, что, какъ утверждаетъ біографъ Гозія, Сигизмундъ I предъ смертью своей завѣщалъ ему предоставить Гозію епископскую каѳедру [2]). Но возведеніе Гозія на кульмскую каѳедру встрѣтило для себя сильное препятствіе въ томъ обстоятельствѣ, что Гозій былъ полякъ, а на епископскія каѳедры въ Пруссіи король могъ назначать только прусскихъ уроженцевъ. Такъ какъ Сигизмунду Августу не хотѣлось въ самомъ началѣ своего царствованія нарушать привиллегіи Пруссіи, то онъ сперва старался склонить бывшихъ тогда въ Петроковѣ на сеймѣ прусскихъ сенаторовъ къ тому, чтобы они сами про-

---

[1]) Acta Historica, I, 50, Zebrzydowski Hosio, Raciąż, Novem. 1546; Ibidem, 107, idem eidem, Pircovi, Majo 1547.

[2]) Rescius, libr. I, c. XI., p. 42

сили короля о возведеніи на кульмскую епископію Гозія; но сенаторы не приняли этого плана и даже выставили своего кандидата на кульмскую епископію. Это, впрочемъ, не измѣнило намѣренія короля, и онъ назначилъ Гозія кульмскимъ епископомъ [1]). Гозій принялъ это назначеніе не безъ внутреннихъ колебаній, такъ какъ онъ зналъ, что оно состоялось противъ желанія пруссаковъ, что ему всячески старались воспрепятствовать придворные, приверженные къ реформаціи. Осенью 1549 года Гозій, получивъ папское утвержденіе, поручилъ уже принять управленіе кульмской епископіей бреславскому канонику Курціусу: самъ онъ въ это время посланъ былъ Сигизмундомъ Августомъ ко двору германскаго императора Карла V съ дипломатическимъ порученіемъ, касавшимся Альберта, герцога прусскаго [2]). Гозію пришлось испытать не мало непріятностей изъ-за своего назначенія отъ прусскихъ сенаторовъ, видѣвшихъ въ его назначеніи нарушеніе своихъ привиллегій. Въ 1550 году (25 ноября), находясь въ Краковѣ, онъ долженъ былъ даже дать прусскимъ сенаторамъ торжественное обѣщаніе—защищать ихъ привиллегіи. Не довольствуясь этимъ обѣщаніемъ, прусскіе сенаторы, послѣ того, какъ Гозій рѣшительно отвергъ ихъ предложеніе просить себѣ у короля коадьютора-пруссака, добились того, что Гозій (5 декабря 1550 г.) на аудіенціи, которую Сигизмундъ Августъ давалъ прусскимъ сенаторамъ, обратился къ королю съ рѣчью, въ которой выразилъ, какъ опечалена была вся Пруссія его назначеніемъ на кульмскую епископію, и просилъ короля при предстоявшемъ замѣщеніи вармійской епископіи (она была тогда вакантной по смерти Тидемана Гизе) не нарушать прусскихъ привиллегій [3]).

Состояніе кульмской епископіи представилось Гозію, по прибытіи его въ епархію, далеко не въ привлекательномъ видѣ. Частію вслѣдствіе начавшагося въ Пруссіи съ сороковыхъ годовъ общаго оживленія реформаціонныхъ стремленій, частію вслѣдствіе небрежности непосредственныхъ предшественниковъ Гозія на кульмской каѳедрѣ, въ епархіи своей Гозій нашелъ много такого, къ чему не могъ отнестись равнодушно. На пер-

---

[1]) Eichhorn, I, 80—83.
[2]) Eichhorn, I, 83—89; Rescius, libr. I, c. XIII, p. 43—53.
[3]) Eichhorn, I, 102—105.

выхъ-же шагахъ своей епископской дѣятельности Гозій столкнулся съ реформаціей, и предъ его сознаніемъ предсталъ вопросъ: въ какія отношенія стать къ ней? Гозій сначала какъ будто отклонился отъ самостоятельнаго рѣшенія этого вопроса и предоставилъ его краковскому епископу Самуилу Мацѣевскому. Отвѣтъ полученъ былъ имъ очень мирнаго свойства: Мацѣевскій совѣтовалъ ему не прибѣгать къ сильнымъ лекарствамъ, къ жестокимъ мѣрамъ, а дѣйствовать съ кротостью и любовью, по примѣру апостоловъ [1]). Отвѣтъ этотъ успокоилъ Гозія: онъ, по свидѣтельству его біографа, принялся за изученіе Священнаго Писанія и отеческихъ твореній [2]). Но это спокойствіе скоро было нарушено. Зимою 1551 года получилъ онъ извѣстіе, что въ Торнѣ собирается разразиться гроза, что протестантская партія поднимаетъ тамъ голову. Извѣстіе это сильно поразило Гозія, причинило ему много безсонныхъ ночей, лишило его аппетита [3]). Гозій издалъ прокламацію къ торнцамъ, въ которой извѣщалъ ихъ о скоромъ своемъ прибытіи въ Торнъ и приглашалъ всѣхъ, имѣющихъ религіозныя сомнѣнія, явиться къ нему, обѣщая научить ихъ истинѣ въ духѣ любви и кротости. Хотя Гозій вскорѣ узналъ, что полученное имъ извѣстіе было преувеличено, тѣмъ не менѣе онъ лично отправился въ Торнъ, чтобы на мѣстѣ принять мѣры противъ реформаціи. Гозій прибылъ въ Торнъ во вторникъ на страстной седмицѣ. Войдя въ церковь, онъ услышалъ, что, пропѣвъ „Pater, Fili, Spiritus Sancte, Sancta Trinitas unus Deus — miserere nobis“, пропустивъ затѣмъ призываніе святыхъ, перешли прямо къ „Propitius esto, parce nobis Domine“, и узналъ отъ ксендза, что такое измѣненіе введено школьнымъ учителемъ [4]). Явившись два дня спустя къ Гозію, учитель отрицалъ это обвиненіе, говоря, что онъ только удержалъ то, что засталъ уже въ Торнѣ. Вспомнивъ затѣмъ о Гозіевой прокламаціи къ торнцамъ, онъ изъявилъ готовность принять отъ епископа наставленіе, въ надеждѣ, что онъ сдѣлаетъ это въ духѣ

---

[1]) Acta Historica, IV, 400, Macyewski Posio, Cracoviae, 3 Septembris 1550.

[2]) Rescius, libr. I, c. XV, p. 53—54.

[3]) Rescius, libr. I, c. XV, p. 55.

[4]) Фризе называетъ его Урбаномъ Штемеромъ (Friese, Th. II, Bd. I, S. 85).

любви и кротости. Учитель прибавилъ только, что онъ держится слова Божія, отъ котораго никогда не отступитъ; если Гозій убѣдитъ его въ другомъ, онъ послѣдуетъ его ученію. Изъ этихъ словъ учителя Гозій убѣдился, что онъ стоитъ во главѣ протестантской партіи въ Торнѣ. Онъ обѣщалъ учителю вести дѣло наставленія такъ, какъ онъ желаетъ, хвалилъ его приверженность къ слову Божію, но замѣтилъ при этомъ, что еретики всегда свое собственное мнѣніе выдавали за ученіе слова Божія, и убѣждалъ его остерегаться, чтобы не принять за слово Божіе слово дьявола, и не довѣрять своему личному сужденію болѣе, чѣмъ сужденію церкви. Учитель ушелъ отъ Гозія, обѣщавъ высказать ему свои сомнѣнія.

Въ тотъ же день Гозій услышалъ другое измѣненіе въ богослуженіи: вмѣсто „Salve Regina“ пѣли „Salve Rex misericordiae“, вмѣсто „Ora pro nobis, sancta Dei genitrix“—„Ora pro nobis, sancte Dei genite“. На слѣдующій день Гозій опять призвалъ учителя. Послѣдній заявилъ Гозію, что онъ былъ въ Витембергѣ, Магдебургѣ и Страсбургѣ, слушалъ Лютера, читалъ сочиненія, написанныя за и противъ его ученія, и нашелъ его ученіе наиболѣе согласнымъ съ словомъ Божіимъ. Гозій обѣщалъ его наставить немного погодя, а самъ пошелъ въ церковь. Здѣсь Гозій былъ пораженъ тѣмъ, что дѣти стояли въ церкви, обернувшись спинами къ алтарю, на которомъ выставлена была по католическому обычаю евхаристія, и что всѣ вообще относились къ ней безъ должнаго почтенія. Когда послѣ всего этого къ нему опять явился учитель, Гозій выразилъ ему свое неудовольствіе, порицая его за то, что онъ присвоиваетъ себѣ право суда надъ ученіемъ и постановленіями католической церкви. Гозій доказывалъ учителю, что нѣтъ ничего болѣе гибельнаго и вреднаго, какъ если каждый присвоиваетъ себѣ право сужденія въ дѣлахъ вѣры, если всякій сочиняетъ себѣ вѣру, какъ то дѣлаютъ протестанты, постоянно измѣняющіе свое ученіе. Переходя затѣмъ къ литаніямъ, изъ которыхъ было исключено ученіе о призываніи святыхъ, Гозій говорилъ, что святые составляютъ съ нами одно, что, будучи близки къ Богу, они ходатайствуютъ предъ Нимъ за насъ, и потому, кто исключаетъ ихъ изъ литаній, оскорбляетъ Христа; возраженіе учителя, что между нами и Богомъ есть только одинъ посредникъ, онъ опровергалъ тѣмъ, что проводилъ различіе между

Христомъ, посредникомъ спасенія, и святыми,—посредниками-ходатаями; въ опроверженіе возраженія учителя, что свящ. Писаніе повелѣваетъ воздавать честь одному Богу, онъ указывалъ на различіе между поклоненіемъ, воздаваемымъ Богу, и почитаніемъ, оказываемымъ святымъ. Что касается въ частности измѣненій въ литаніяхъ, то въ словахъ „Ora pro nobis Sancte Dei genite“ онъ видѣлъ даже аріанскую ересь. Учитель объявилъ, что онъ согласенъ пѣть такъ, какъ положено по католическому обряду, но прибавилъ, что этого не можетъ сдѣлать безъ согласія магистрата; непочтительное же отношеніе дѣтей къ евхаристіи извинялъ ихъ неопытностію.

Такъ какъ учитель указалъ на магистратъ, какъ на первоначальнаго виновника измѣненій въ богослуженіи, то Гозій на другой день отправился въ городскую ратушу. Здѣсь онъ обратился къ собравшимся членамъ магистрата съ рѣчью, въ которой, сказавъ о замѣченныхъ имъ измѣненіяхъ въ богослуженіи и о своихъ бесѣдахъ съ учителемъ, отъ котораго онъ узналъ, что эти измѣненія введены магистратомъ, онъ повторилъ имъ свои прежнія разсужденія о словѣ Божіемъ и въ заключеніе просилъ ихъ не присвоивать себѣ правъ, принадлежащихъ ему, какъ ихъ епископу. Слѣдствіемъ этой рѣчи Гозія было то, что городской магистратъ объявилъ Гозію, что учителю будетъ приказано впредь не присвоивать себѣ никакого права въ церкви и заботиться только о школѣ. Получивъ это приказаніе городскаго магистрата, учитель пересталъ совершенно присутствовать при богослуженіи. Онъ прямо сказалъ Гозію, что совѣсть не позволяетъ ему согласиться съ мнѣніемъ епископа. Впрочемъ, онъ обѣщалъ не пріобрѣтать себѣ приверженцевъ въ Торнѣ, учить дѣтей только грамматикѣ, въ храмѣ дѣйствовать по указанію ксендза и даже ни съ кѣмъ не говорить о религіи, но просилъ при этомъ дозволить ему оставаться при своихъ убѣжденіяхъ, такъ какъ онъ читалъ у православныхъ писателей, что святые не находятся съ Христомъ, почему онъ не понимаетъ, какъ они могутъ молиться за насъ. Гозій разными доводами опровергалъ это его мнѣніе, равно какъ и мнѣніе его о необходимости причащенія подъ обоими видами. Но всѣ эти разсужденія Гозія не произвели на учителя желаннаго дѣйствія: онъ по прежнему повторялъ свою просьбу позволить ему оставаться при своихъ убѣжде-

ніяхъ. Гозій увидѣлъ, что всѣ усилія его остались напрасными, и велѣлъ ему уйти. Убѣдившись въ безуспѣшности своихъ увѣщаній, Гозій хотѣлъ было потребовать у городскихъ властей удаленія учителя отъ должности и даже изъ города, но не рѣшился прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, такъ какъ учитель, какъ онъ имѣлъ случай убѣдиться, пользовался сильной поддержкой со стороны магистрата. Поэтому Гозій ограничился только тѣмъ, что, явившись въ ратушу, сообщилъ собравшемуся въ ней магистрату о своемъ разговорѣ съ учителемъ, сказалъ, что сначала хотѣлъ было потребовать удаленія учителя отъ должности, но теперь предоставляетъ это магистрату, такъ какъ учитель далъ ему обѣщаніе ничего не сообщать дѣтямъ относительно религіи и не распространять своихъ убѣжденій въ городѣ, и въ заключеніе прибавилъ, что, если учитель не сдержитъ даннаго имъ обѣщанія, онъ приметъ противъ него болѣе строгія мѣры, такъ какъ не можетъ допустить, чтобы кто-либо расхищалъ ввѣренныхъ ему Христомъ овецъ. Вслѣдъ затѣмъ Гозій уѣхалъ изъ Торна [1]).

Дѣятельность Гозія на кульмской каѳедрѣ продолжалась недолго. Въ октябрѣ 1550 года умеръ вармійскій епископъ Тидеманъ Гизе, и на его мѣсто Сигизмундъ Августъ рѣшился возвести Гозія, побуждаемый къ этому отчасти желаніемъ имѣть въ вармійскомъ епископѣ, будущемъ представителѣ всей Пруссіи, преданнаго себѣ человѣка, отчасти установившимся обычаемъ, по которому кульмскіе епископы обыкновенно возводились на вармійскую каѳедру, потому что вармійская епископія, какъ независимая епископія, считалась выше кульмской, подчиненной рижской митрополіи, и вармійскій епископъ, кромѣ того, занималъ и въ польскомъ сенатѣ, и на прусскихъ сеймахъ высшее положеніе, чѣмъ епископъ кульмскій. Вступленіе Гозія на вармійскую каѳедру не обошлось безъ разнаго рода трудностей и непріятностей, причиной которыхъ опять было то обстоятельство, что Гозій не былъ прусскій уроженецъ. Вармійскій капитулъ, имѣвшій, какъ мы знаемъ, право избранія епископа изъ четырехъ кандидатовъ, указанныхъ королемъ, не соглашался избрать Гозія. Сигизмундъ Августъ,

---

[1]) Eichhorn, I, 107—117.

независимо отъ избранія, собственною властью назначилъ Гозія вармійскимъ епископомъ. Капитулъ протестовалъ противъ такого нарушенія своихъ привиллегій и не соглашался признать Гозія своимъ епископомъ. Положеніе Гозія было весьма щекотливое. Ему, впрочемъ, удалось уладить дѣло такъ, что возведеніе его на вармійскую каѳедру получило по крайней мѣрѣ внѣшнюю форму законности: Сигизмундъ Августъ предоставилъ капитулу право произвести новые выборы епископа (подъ условіемъ, конечно, избранія Гозія), и капитулъ избралъ въ епископы Станислава Гозія, который 27 апрѣля 1551 года утвержденъ былъ въ новой должности папой Юліемъ III, и вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ управленіе новой епархіей [1]).

Не много утѣшительнаго нашелъ Гозій и въ новой своей епархіи. Реформаціонныя идеи, очень рано занесенныя въ нее, какъ и другія части Пруссіи, и потомъ нѣсколько пріостановленныя въ своемъ распространеніи извѣстной расправой Сигизмунда I съ Данцигомъ, не только не заглохли совершенно, но подъ конецъ его царствованія значительно оживились, тѣмъ болѣе, что предшественники Гозія на вармійской каѳедрѣ — Янъ Дантышекъ (1537—1548 и Тидеманъ Гизе (1549—1550 годахъ) — сквозь пальцы смотрѣли на успѣхи реформаціи въ своей епископіи: ихъ самихъ даже подозрѣвали въ неправославіи. По пріѣздѣ въ новую епархію, Гозій началъ дѣло съ капитула. Онъ издалъ постановленіе, чтобы каждый каноникъ, при самомъ вступленіи своемъ въ капитулъ, давалъ присягу въ томъ, что онъ не держится ученія ни Лютера, ни Цвингли, ни Озіандера, ни анабаптистовъ, ни кого-либо другого. Отъ капитула онъ обратился къ самой паствѣ. Религіозное состояніе разныхъ частей вармійской епархіи было неодинаково, и различіе это обусловливалось главнымъ образомъ неодинаковымъ государственнымъ положеніемъ ихъ. Собственно вармійское княжество подчинено было вармійскому епископу, на правахъ владѣтельнаго князя; но кромѣ вармійскаго княжества въ составъ вармійской епископіи входили еще двѣ части, изъ которыхъ одна подчинена была прусскому герцогу, а другая непосредственно—прусскому королю.

---

[1]) Eichhorn, I, 129—139.

Въ вармійскомъ княжествѣ епископъ, какъ владѣтельный князь, могъ оказать сильное противодѣйствіе успѣхамъ реформаціи, опираясь, въ случаѣ нужды, на матеріальную силу; въ части, принадлежавшей къ герцогству прусскому, усилія его неизбѣжно парализовваались вліяніемъ прусскаго герцога, перешедшаго въ лютеранство, и дѣло католичества въ ней было почти потерянное; послѣдняя часть епархіи, подчиненная королю, представляла наиболѣе мѣста для дѣятельности епископа, такъ какъ въ ней довольно сильно укоренились уже начала реформаціи, а между тѣмъ для борьбы съ ними онъ не располагалъ здѣсь тѣми средствами, какими располагалъ въ вармійскомъ княжествѣ. Главной ареной борьбы Гозія съ реформаціей, дѣйствительно, сдѣлалась эта часть его епархіи, именно городъ Эльбингъ, съ которымъ Гозій не свелъ счетовъ до конца своей жизни [1]).

Ко времени вступленія Гозія на вармійскую каѳедру Эльбингъ по наружности оставался католическимъ городомъ: въ городскихъ храмахъ совершалось католическое богослуженіе. Но въ дѣйствительности реформація пустила въ немъ глубокіе корни: въ частныхъ домахъ совершалось богослуженіе протестантское съ причащеніемъ подъ обоими видами, и даже въ монастырской церкви (св. Маріи), оставленной доминиканцами, проповѣдывалось протестантское ученіе. Главнымъ протестантскимъ проповѣдникомъ въ это время былъ здѣсь Петръ Эрзамъ. Протестантство въ Эльбингѣ было уже такъ сильно, что эльбингцы въ іюлѣ 1552 года чрезъ особую депутацію просили Сигизмунда Августа, находившагося тогда въ Данцигѣ, дозволить имъ свободное принятіе лютеранскаго исповѣданія. Это они сдѣлали даже въ присутствіи Гозія. Король не исполнилъ просьбы эльбингцевъ. Мало того, Гозій выхлопоталъ у короля указъ, повелѣвавшій городскимъ властямъ Эльбинга немедленно удалить Эрзама изъ города. Гозій достигъ цѣли: Эрзамъ оставилъ Эльбингъ. Но Гозій понималъ, что удаленіе Эрзама не имѣло въ данномъ случаѣ существеннаго значенія, онъ зналъ, что протестантскія идеи продолжали и послѣ его удаленія распространяться въ Эльбингѣ, что протестантская

---

[1]) Eichhorn, I, 140—142.

партія въ немъ продолжала крѣпнуть. Онъ рѣшился принять болѣе дѣйствительныя мѣры противъ реформаціи въ Эльбингѣ [1]).

Въ 1553 году (весной) Гозій находился въ Эльбингѣ, на прусскомъ сеймикѣ, созванномъ для разсужденія объ уніи Пруссіи съ Польшей. По окончаніи сеймика, Гозій принялся за свою духовную миссію. Онъ призвалъ къ себѣ городской магистратъ и мѣщанъ и держалъ къ нимъ рѣчь. Въ ней онъ жаловался на то, что они въ прошломъ году просили короля позволить имъ проповѣдывать истинное евангеліе, какъ будто онъ, ихъ епископъ, запрещаетъ проповѣдывать его; совѣтовалъ имъ не считать свое слово словомъ Божіимъ, какъ всегда дѣлали и дѣлаютъ еретики, а подчиняться въ дѣлахъ вѣры сужденію св. католической церкви; говорилъ, что сужденіе о томъ, какое евангеліе истинное, принадлежитъ не имъ, пасомымъ, а ему, ихъ епископу, просилъ ихъ предлагать ему на разрѣшеніе свои религіозныя сомнѣнія, обѣщая наставить ихъ на путь истины въ духѣ любви и кротости. По окончаніи рѣчи, войтъ, отъ лица всѣхъ мѣщанъ, благодарилъ Гозія за его заботы о нихъ, магистратъ далъ съ своей стороны хорошія обѣщанія [2]).

Между тѣмъ Гозій приказалъ мѣстному духовенству доказывать народу въ церковныхъ проповѣдяхъ правильность католическаго причащенія подъ однимъ видомъ. Этимъ-же занимался онъ и самъ въ частныхъ бесѣдахъ съ вліятельнѣйшими лицами города. Онъ лично посѣтилъ больнаго подагрой бургомистра Варѳоломея Греффе, который совершенно успокоилъ Гозія, такъ что Гозій счелъ его истиннымъ католикомъ. Онъ пригласилъ также къ себѣ на домъ двухъ особенно вліятельныхъ и образованныхъ горожанъ и долго убѣждалъ ихъ причащаться подъ однимъ видомъ. Одинъ изъ нихъ, кенигсбергскій уроженецъ, съ юныхъ лѣтъ причащался подъ двумя видами, а другой—съ того времени, какъ 17-ти-лѣтнимъ юношей побывалъ въ Виттенбергѣ. Они просили у Гозія времени для размышленія. Всѣ эти наставленія и убѣжденія Гозія не достигли цѣли. Реформаціонная партія не изъявляла намѣре-

---

[1]) Eichhorn, I, 142—145.
[2]) Eichhorn, I, 145—146.

нія уступить ему. Упомянутый выше кенигсбержецъ еще упорнѣе держался своего мнѣнія; бургомистръ отказался причащаться подъ однимъ видомъ, примѣру его слѣдовали многіе другіе, говоря, что слова Христа: „пійте отъ нея вси“ для всякаго ясны [1]).

Гозій еще разъ попытался путемъ убѣжденія обратить эльбингцевъ на путь истины. Въ понедѣльникъ на страстной седмицѣ онъ обратился къ эльбингцамъ съ новою рѣчью. Онъ началъ съ того, что цѣлью его прибытія въ Эльбингъ было желаніе проповѣдывать имъ истинное евангеліе, находящееся только въ католической церкви, и не допустить ихъ отпасть отъ епископа, отъ Христа, отъ церкви. Онъ напоминалъ имъ о томъ, что онъ уже доказывалъ имъ правильность католическаго причащенія, а между тѣмъ теперь слышитъ отъ нихъ, что слова Христа: „пійте отъ нея вси“ сами по себѣ достаточно ясны, какъ будто слѣпъ король, все королевство и, наконецъ, вся католическая церковь, держащіеся причащенія подъ однимъ видомъ. Онъ доказывалъ, что слово „вси“ относится только къ апостоламъ и ихъ преемникамъ, а не ко всѣмъ вѣрующимъ; указывалъ на то, что причащенія подъ обоими видами требовали Несторій, Виклефъ, Гусъ и другіе еретики; съ особенною же силою поставлялъ имъ на видъ то, что требованіе причащенія подъ обоими видами всегда приводило въ концѣ концовъ къ совершенному отпаденію отъ церкви. Поэтому онъ просилъ ихъ не присвоивать себѣ не принадлежащаго имъ права изъясненія слова Божія, не отдѣляться отъ церкви и отъ него, ихъ епископа, въ противномъ-же случаѣ онъ угрожалъ имъ тѣмъ, что откажется отъ всякаго общенія съ ними и будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на схизматиковъ. Эльбингцы благодарили Гозія за отеческое расположеніе къ нимъ, такъ какъ, по ихъ словамъ, были увѣрены, что все сказанное имъ высказано изъ особеннаго его расположенія къ городу; но вмѣстѣ съ тѣмъ просили его не истолковывать въ худую сторону того, что они не могутъ тотчасъ послѣдовать его желанію въ такомъ важномъ дѣлѣ. Они, по ихъ словамъ, долго и много разсуждали, прежде чѣмъ приступили къ причащенію подъ двумя видами; если-бы теперь

[1]) Eichhorn, I, 146—148.

они сразу, безъ разсужденія, отступили отъ него, то сдѣлались бы предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ за свое легкомысліе, тѣмъ болѣе, что другіе большіе города въ Пруссіи и нѣкоторые малые причащаются подъ двумя видами. Поэтому они просили Гозія не требовать отъ нихъ тотчасъ-же причащенія подъ однимъ видомъ, а подождать рѣшенія собора, или опредѣленія короля объ этомъ, или, по крайней мѣрѣ, дать имъ шесть мѣсяцевъ сроку на размышленіе, во всякомъ-же случаѣ не уѣзжать изъ Эльбинга раньше Пасхи. Гозій отвѣчалъ, что, если они признаютъ, что его заботы направлены къ спасенію ихъ душъ, то они должны повиноваться его предписаніямъ,— что онъ не можетъ дать срока на размышленіе о томъ, нужно-ли отпасть отъ церкви, или нѣтъ,—что примѣръ другихъ городовъ ихъ не оправдываетъ, что сознать и оставить заблужденіе не значитъ быть легкомысленнымъ,—что ожиданіе собора похвально, но и до собора нужно причащаться по обычаю предковъ,—что король не имѣетъ права и не захочетъ вмѣшиваться въ дѣла церкви,—что, если они будутъ продолжать упорствовать, онъ уѣдетъ изъ Эльбинга предъ Пасхой. Хотя эльбингцы и послѣ этого просили его не уѣзжать предъ Пасхой, онъ объявилъ, что уѣзжаетъ въ свой каѳедральный городъ; но что если въ теченіе пяти дней узнаетъ, что они согласились причащаться подъ однимъ видомъ, возвратится къ Пасхѣ въ Эльбингъ [1]).

Гозій оставилъ Эльбингъ. Въ пятницу на страстной седмицѣ онъ получилъ отъ эльбингцевъ письмо, въ которомъ они просили извѣстить ихъ, добился-ли чего-либо онъ у короля относительно права ихъ бить монету. Гозій не далъ эльбингцамъ никакого отвѣта, говоря, что, такъ какъ эльбингцы отступили отъ Христа и отъ церкви, то онъ не желаетъ входить съ ними ни въ какія отношенія. Такъ какъ эльбингцамъ необходимо было узнать рѣшеніе двора по дѣлу о чеканкѣ монеты, то они опять прислали къ Гозію магистра Бёгнера, какъ депутата, съ просьбой извѣстить ихъ объ этомъ. Гозій жаловался депутату эльбингцевъ на оскорбленія, которыя онъ перенесъ въ Эльбингѣ, особенно на то, что они не хотѣли слушать его наставленій, на просьбу же эльбингцевъ далъ

[1]) Eichhorn, I, 148—154.

чрезъ своего канцлера тотъ-же отвѣтъ, что и въ первый разъ. Когда-же депутатъ эльбингцевъ желалъ еще разъ говорить съ Гозіемъ, послѣдній не принялъ его, говоря, что тѣ, которые не признаютъ его въ духовныхъ дѣлахъ, не должны ожидать отъ него никакой помощи и въ свѣтскихъ дѣлахъ [1]).

Старанія Гозія возвратить жителей Эльбинга къ старой вѣрѣ путемъ убѣжденія разбились о непреклонную приверженность ихъ къ новому ученію. Гозію приходилось подумать о другомъ способѣ борьбы съ противникомъ, о другихъ средствахъ смирить, покорить его. Гозій вступилъ на новый путь. Въ іюлѣ 1553 года, находясь въ Краковѣ для присутствованія при бракосочетаніи Сигизмунда Августа съ Екатериной, принцессой изъ австрійскаго дома, онъ доказывалъ королю, что эльбингцы потому такъ упорно стоятъ на своемъ, что надѣются, что король введетъ во всемъ королевствѣ причащеніе подъ двумя видами, и просилъ короля уничтожить эту ложную надежду. Уступая просьбамъ Гозія, Сигизмундъ Августъ издалъ декретъ къ эльбингцамъ, запрещавшій имъ причащаться подъ двумя видами. Гозій отослалъ этотъ декретъ эльбингскому магистрату, съ просьбой дать на него отвѣтъ. Магистратъ отвѣчалъ, что не можетъ тотчасъ дать отвѣтъ, такъ какъ это дѣло — слишкомъ важное, и обѣщалъ дать его на сеймикѣ въ Гравденцѣ [2]).

28 сентября 1553 г. Гозій прибылъ въ Гравденцъ и открылъ сеймикъ. По существовавшему въ то время обычаю, вармійскій епископъ, какъ предсѣдатель сеймика, привѣтствовалъ всѣхъ депутатовъ рукопожатіемъ. Когда къ Гозію подошли для привѣтствія депутаты Эльбинга, онъ не подалъ имъ руки, говоря, что прежде онъ желаетъ знать, схизматики они или католики. Депутаты Эльбинга, обиженные этимъ поступкомъ Гозія, жаловались на него остальнымъ сенаторамъ; тѣ посовѣтовали имъ принести жалобу на Гозія предъ сеймикомъ, и кульмскій воевода Янъ Дзялынскій, по просьбѣ депутатовъ, предъявилъ эту жалобу сеймику, прося въ тоже время Гозія помириться съ эльбингцами. Гозій остался непреклоннымъ, прибавивъ, впрочемъ, что депутаты Эльбинга могутъ къ нему при-

[1]) Eichhorn, I, 156—157.
[2]) Eichhorn, I, 159—161.

ходить во всякое время и говорить съ нимъ о всякихъ дѣлахъ. Уже предъ самымъ отъѣздомъ эльбингскіе депутаты посѣтили Гозія и послѣ жалобъ на причиненное имъ безчестіе передали ему слѣдующій отвѣтъ магистрата на упомянутый выше вопросъ: такъ какъ Эльбингъ—не единственный городъ, въ которомъ причащаются подъ двумя видами, то Гозій не можетъ требовать отъ однихъ эльбингцевъ причащенія подъ однимъ видомъ,—если другіе города согласятся на это, то и эльбингцы послѣдуютъ за ними; они, впрочемъ, обѣщаютъ, что причащеніе подъ двумя видами не выйдетъ за городскія стѣны, болѣе этого онъ ничего не можетъ отъ нихъ требовать, потому что онъ позволяетъ себѣ общеніе съ другими людьми подобныхъ-же воззрѣній и даже съ подданными прусскаго герцога; причащеніе подъ однимъ видомъ не можетъ быть возстановлено безъ возмущенія въ городѣ; поэтому они просили Гозія не спѣшить, а дать имъ нужный для этого срокъ. Гозій отвѣтилъ депутатамъ Эльбинга, что они сами виноваты въ томъ, что заставили его причинить имъ безчестіе, такъ какъ онъ только исполнилъ заповѣдь Христа — смотрѣть на не повинующихся церкви, какъ на язычниковъ и мытарей,—прибавивъ, что онъ еще долженъ бы былъ запретить и всѣмъ вѣрующимъ всякое общеніе съ ними. Затѣмъ, какъ и прежде, сказалъ, что примѣръ другихъ городовъ не оправдываетъ Эльбинга въ его отступленіи отъ церкви; относительно же ихъ просьбы о томъ чтобы онъ не спѣшилъ и далъ имъ предварительно срокъ, онъ, объявилъ, что срокъ имъ былъ уже данъ и прошелъ, а новаго срока, въ который бы они по прежнему грѣшили, назначить не можетъ. Наконецъ, выразилъ имъ свое удивленіе по тому поводу, что они боятся черни болѣе, чѣмъ Бога, и въ вопросѣ чисто-церковномъ повинуются не рѣшенію своего епископа, а мнѣнію толпы. Вообще же Гозій объявилъ, что по прежнему будетъ считать эльбингцевъ схизматиками. Съ этимъ эльбингскіе депутаты уѣхали домой [1]).

Въ Эльбингѣ, по полученіи отвѣта Гозія, положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось: эльбингскій магистратъ еще враждебнѣе выступилъ противъ всего католическаго, особенно противъ католическихъ священниковъ. Но и Гозій не дремалъ. У поль-

[1]) Eichhorn, I, 161—164.

скаго короля онъ выхлопоталъ грозный декретъ противъ эльбингцевъ, который былъ присланъ Гозію для надлежащаго употребленія его. Дѣйствіе этого декрета на первыхъ порахъ соотвѣтствовало желаніямъ Гозія: немедленно по полученіи извѣстія объ этомъ декретѣ въ Эльбингѣ распространилась паника, такъ какъ народная молва говорила, что скоро въ городъ прибудетъ Гозій, въ сопровожденіи маріенбургскаго воеводы и другихъ сенаторовъ, снабженный неограниченною властію. Но эта паника скоро прошла, тѣмъ болѣе, что Гозій не дѣлалъ никакого употребленія изъ полученнаго имъ декрета, по слѣдующей причинѣ, которую, можетъ быть, знали и эльбингцы. Причина эта заключалась въ томъ весьма характерномъ отношеніи Сигизмунда Августа къ дѣламъ подобнаго рода, примѣровъ котораго мы увидимъ впослѣдствіи очень много: онъ часто издавалъ грозные декреты противъ протестантовъ, но никогда ихъ не исполнялъ. Это хорошо зналъ Гозій, тѣмъ болѣе, что почти одновременно съ декретомъ противъ эльбингцевъ онъ получилъ указаніе отъ подканцлера—воспользоваться посредничествомъ маріенбургскаго воеводы, прежде чѣмъ дѣлать употребленіе изъ полученнаго имъ декрета, и во всякомъ случаѣ не предпринимать никакихъ строгихъ мѣръ до предстоявшаго сеймика. Дѣйствительно, до сеймика въ Эльбингѣ все оставалось въ прежнемъ положеніи. Эльбингцы отправили даже особаго депутата къ королевскому двору, поручивъ ему хлопотать при дворѣ объ отмѣнѣ декретовъ, изданныхъ противъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы они могли безнаказанно не исполнять ихъ. Правда, эльбингцамъ не удалось достигнуть этого, но и Гозій не могъ, хотя и съ декретомъ въ рукахъ, ничего серьезнаго предпринять противъ нихъ, и, когда онъ сталъ домогаться при дворѣ исполненія декрета, ему предложили позвать эльбингцевъ къ суду и начать съ ними процессъ, такъ какъ къ нимъ только тогда—объявили ему—можно будетъ приложить карательныя мѣры, когда они по суду будутъ признаны виновными. Гозій, понятно, не могъ согласиться на это: въ такомъ случаѣ онъ ео ipso призналъ бы незаконность принятыхъ имъ прежде противъ эльбингцевъ рѣшеній. Взамѣнъ этого, онъ предложилъ королю издать два декрета—одинъ на имя его, Гозія, а другой—на имя прусскихъ сенаторовъ, изъ которыхъ въ первомъ

король долженъ былъ поручить Гозію увѣщевать эльбингцевъ на сеймахъ въ Маріенбургѣ къ возвращенію къ католической церкви, а въ другомъ—предписать сенаторамъ, чтобы они, въ случаѣ несогласія эльбингцевъ на возвращеніе къ католической церкви, исключили ихъ изъ своего засѣданія и донесли королю, какъ, по ихъ мнѣнію, должно поступить съ эльбингцами. Декреты эти Гозій получилъ, хотя они составлены были не вполнѣ такъ, какъ ему хотѣлось, именно въ декретѣ къ прусскимъ сенаторамъ ничего не было сказано объ удаленіи эльбингцевъ изъ засѣданій сеймика въ случаѣ непослушанія, а только предписывалось имъ сообщить королю, какъ, по ихъ мнѣнію, нужно поступить съ эльбингцами [1]).

Въ маѣ 1554 года открылся прусскій сеймикъ въ Маріенбургѣ. Въ первомъ же засѣданіи Гозій велѣлъ прочесть королевское письмо къ нему. Такъ какъ эльбингскій бургомистръ не зналъ латинскаго языка, то Гозій велѣлъ перевести письмо на нѣмецкій языкъ и передать бургомистру и его секретарю, которые для обсужденія его удалились на нѣкоторое время изъ засѣданій сеймика. Явившись опять въ засѣданіе, они просили присутствующихъ на сеймикѣ отсрочить это дѣло до будущаго сеймика, такъ какъ они, по ихъ словамъ, не имѣли никакого порученія отъ эльбингскаго магистрата по этому дѣлу. Гозій согласился на то, чтобы они дали свой отвѣтъ на королевскій декретъ на будущемъ сеймикѣ, но требовалъ, чтобы на настоящемъ сеймикѣ они выслушали отъ него объясненіе королевскаго повелѣнія, и, когда они опять стали просить Гозія отсрочить все дѣло до будущаго сеймика, онъ предлагалъ имъ съѣздить въ Эльбингъ, недалеко отстоявшій отъ Маріенбурга, посовѣтоваться тамъ съ магистратомъ и по возвращеніи оттуда выслушать его объясненіе. Эльбингцы не соглашались и на это. Просьбу ихъ поддержали остальные члены сеймика, и все дѣло отложено было до будущаго сеймика. Уступчивость Гозія въ данномъ случаѣ объясняется въ весьма значительной степени его разсчетливостью: настроеніе членовъ сеймика было таково, что онъ не могъ съ увѣренностію разсчитывать, что большинство членовъ выскажется въ отвѣтномъ донесеніи королю о мѣрахъ, которыя должны быть приняты

[1]) Eichhorn, I, 164 –167.

противъ эльбингцевъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это было желательно ему. Поэтому Гозій предпочелъ на этотъ разъ удовольствоваться моральной побѣдой надъ эльбингцами: онъ заявилъ эльбингцамъ, что, хотя не видитъ никакихъ основаній для отсрочки, но, уступая просьбѣ сеймика, соглашается на нее [1]).

Въ Эльбингѣ королевское письмо произвело дѣйствіе, или, по крайней мѣрѣ, тамъ старались показать, что серьезно смотрятъ на него: въ городѣ часто стали совершаться давно забытыя католическія процессіи, въ нихъ принимали участіе даже члены магистрата. Но одновременно съ этимъ эльбингцы продолжали хлопотать о дозволеніи чаши мірянамъ при дворѣ, гдѣ у нихъ нашлись свои благопріятели. Сторону эльбингцевъ держалъ маріенбургскій воевода фонъ-Цеменъ, имѣвшій большое значеніе при дворѣ. Поэтому немногаго достигъ Гозій и на новомъ сеймикѣ въ Гравденцѣ (осенью 1554 г.). Депутаты Эльбинга опять просили отсрочки, ссылаясь на то, что они не уполномочены разсуждать о дѣлахъ религіи. Напрасно Гозій спрашивалъ у нихъ, когда же они, наконецъ, дадутъ ему отвѣтъ: депутаты только обѣщали передать все это городскому магистрату, чтобы онъ уже опредѣлилъ, когда слѣдуетъ дать отвѣтъ. Этимъ дѣло и окончилось на гравденцкомъ сеймикѣ [2]).

Между тѣмъ около этого времени Эльбингъ получилъ отъ короля право бить монету, котораго давно домогался, получилъ гавань, что подняло его торговлю. Всѣ эти привиллегіи, свидѣтельствовавшія о расположеніи короля къ Эльбингу, сдѣлали жителей его еще сильнѣе и рѣшительнѣе. Осенью 1554 года они пригласили въ Эльбингъ протестантскаго проповѣдника Валентина Сарцерія, который открыто проповѣдывалъ въ городѣ протестантское ученіе. Гозій провозгласилъ экскоммуникацію на приверженцевъ новаго ученія въ Эльбингѣ, а когда узналъ, что эльбингцы отправили ко двору депутата съ извѣстной цѣлью, немедленно отправилъ туда же своего посланца съ жалобой на эльбингцевъ за то, что они до сихъ поръ не удостоили его отвѣтомъ и этимъ самымъ оскорбили

---

[1]) Eichhorn, I, 167—170.
[2]) Eichhorn, I, 170—172.

короля. Къ канцлеру же онъ отправилъ письмо, въ которомъ угрожалъ, что будетъ жаловаться на него на соборѣ даже въ присутствіи папскаго пунція, если онъ будетъ поддерживать сношенія съ отлученными отъ церкви эльбингцами. Просьбы и угроза Гозія на этотъ разъ подѣйствовали: при дворѣ не рѣшились исполнить желанія противниковъ Гозія. Мало того: когда въ 1555 г. Сарцерій особенно сильно сталъ нападать на католическую церковь, Гозій выхлопоталъ у короля декретъ, повелѣвавшій изгнать изъ Эльбинга протестантскихъ проповѣдниковъ, и возстановить въ немъ католическую вѣру. Этотъ декретъ переданъ былъ подскарбіемъ Пруссіи Яномъ Косткой на гравденцкомъ сеймикѣ эльбингцамъ съ тѣмъ, чтобы онъ прибитъ былъ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. Эльбингцы, впрочемъ, не спѣшили его публиковать, и лишь тогда, когда пришло извѣстіе, что въ Эльбингъ ѣдутъ королевскіе коммиссары для производства изслѣдованія религіознаго состоянія Эльбинга, королевскій декретъ появился на стѣнѣ ратуши [1]).

Королевская коммиссія состояла изъ кульмскаго каштеляна и подскарбія Пруссіи, къ которымъ были приданы еще два вармійскихъ каноника, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ представителями вармійскаго епископа. Коммиссія прибыла въ Эльбингъ 17 октября 1555 года. На другой день утромъ каноники отправились къ королевскимъ коммиссарамъ для производства вмѣстѣ съ ними слѣдствія. Проходя мимо церкви св. Маріи, они зашли въ нее и услышали тамъ пѣніе протестантскихъ гимновъ и проповѣдь Сарцерія. Въ ратушѣ королевскіе коммиссары передали магистрату королевскій указъ. Магистратъ сначала объявилъ, что не можетъ дать никакого отвѣта, такъ какъ указъ относился ко всему мѣщанству, но коммиссары заявили, что, хотя онъ относится ко всему мѣщанству, но исполненіе его поручено королемъ одному магистрату. Послѣ этого начался допросъ свидѣтелей по дѣлу Сарцерія; при этомъ допросѣ каноники не присутствовали, какъ неуполномоченные на это [2]).

Вскорѣ оказалось, что королевскіе коммиссары играли во всемъ этомъ дѣлѣ двусмысленную роль. По окончаніи допроса

---

[1]) Eichhorn, I, 172—174.
[2]) Eichhorn, I, 174—175.

свидѣтелей, они заявили каноникамъ свое намѣреніе удовлетворить просьбу магистрата, состоявшую въ томъ, чтобы все дѣло было отложено до полученія отвѣта короля на донесеніе коммиссаровъ и чтобы до этого времени позволено было проповѣдывать Сарцерію, такъ какъ въ противномъ случаѣ—говорили они—въ городѣ можетъ произойти возмущеніе, и сами каноники могутъ подвергнуться оскорбленіямъ. Каноники не соглашались съ этими доводами. Коммиссары возобновили совѣщаніе съ представителями магистрата, которые согласились наконецъ, чтобы Сарцерій до полученія королевскаго отвѣта не проповѣдывалъ въ Эльбингѣ, но настаивали на томъ, чтобы каноники не производили новаго допроса свидѣтелей и не позывали проповѣдниковъ и приходскихъ священниковъ къ Гозію до полученія отвѣта отъ короля. Каноники сначала не соглашались и на эти предложенія магистрата; но потомъ, не имѣя возможности дольше противостоять просьбамъ и сообразивъ, что новый допросъ свидѣтелей не дастъ никакого особеннаго результата, объявили, что соглашаются на отсрочку допроса свидѣтелей до полученія отвѣта короля, но только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) до этого времени ни Сарцерій, ни какой-либо другой лютеранинъ не будутъ проповѣдывать; 2) приходскіе священники явятся въ Гейльсбергъ къ Гозію; 3) королевская коммиссія и королевскій указъ сохранятъ свою силу; 4) имъ, каноникамъ, дана будетъ копія съ допроса свидѣтелей для представленія ея епископу. Эти условія были приняты городскимъ магистратомъ, и каноники, получивъ потребованную ими копію, уѣхали въ тотъ-же день изъ Эльбинга [1]).

Послѣ отъѣзда изъ Эльбинга королевскихъ коммиссаровъ, дѣла въ немъ пошли по старому: Сарцерій продолжалъ проповѣдывать, а приходскіе священники и не думали являться къ Гозію [2]). Лишь 15 декабря 1555 года король издалъ указъ къ эльбингцамъ, въ которомъ, подъ угрозой опалы и строгаго наказанія, предписывалъ немедленно удалить Сарцерія изъ города; но вмѣстѣ съ тѣмъ и Гозію дано было почувствовать, чтобы онъ довольствовался удаленіемъ Сарцерія и не просилъ

[1]) Eichhorn, I, 176—179.
[2]) Eichhorn, I, 179—180.

болѣе строгихъ декретовъ противъ эльбингцевъ. Сарцерій 15 декабря 1556 года оставилъ Эльбингъ; но продолжалъ еще нѣкоторое время жить въ его окрестностяхъ и даже изрѣдка появлялся въ городѣ, пока, наконецъ, королевскимъ декретомъ отъ 5 мая 1556 г. ему не предписано было удалиться изъ эльбингскаго округа [1]).

Но вмѣсто Сарцерія въ Эльбингѣ вскорѣ появился новый протестантскій проповѣдникъ Іоаннъ Гоппе, изгнанный незадолго предъ тѣмъ за распространеніе протестантскихъ идей изъ Торна (кульмской епархіи) при дѣятельномъ участіи въ этомъ самого же Гозія. Съ его появленіемъ религіозныя дѣла Эльбинга приняли еще болѣе непріятный для Гозія оборотъ. Католическое богослуженіе разстраивали; католическихъ духовныхъ оскорбляли; все католическое, казалось, хотѣли совсѣмъ уничтожить. При такомъ положеніи дѣлъ трудно было даже найти священника, который-бы согласился отправиться въ Эльбингъ. Хотя Гозію удалось найти такого, но городской магистратъ отказался гарантировать его безопасность въ городѣ, и посылка его въ Эльбингъ не состоялась. Такой смѣлый образъ дѣйствія эльбингскаго магистрата объясняется тѣмъ. что онъ имѣлъ для себя сильную поддержку въ маріенбургскомъ воеводѣ, который имѣлъ въ свою очередь сильную партію при дворѣ. Благодаря этому, въ Эльбингѣ даже получено было тайное указаніе отъ двора, чтобы не боялись королевскихъ декретовъ и продолжали спокойно оставаться при своихъ протестантскихъ убѣжденіяхъ и обрядахъ [2]). Для большей успѣшности своихъ намѣреній городской магистратъ отправилъ ко двору своего секретаря Іоанна Шпренгеля, человѣка очень ловкаго, которому, дѣйствительно, удалось получить благосклонный пріемъ при дворѣ, даже у самаго подканцлера, который обѣщалъ ему помирить магистратъ съ Гозіемъ и даже писалъ объ этомъ Гозію. Но, какъ и слѣдовало ожидать, Гозій отвѣтилъ, что онъ не видитъ никакой возможности для такого примиренія, такъ какъ не можетъ вступить въ общеніе съ схизматиками. Между тѣмъ Шпренгель въ маѣ 1556 г. возвратился отъ двора, довольный оказаннымъ ему тамъ пріемомъ,

---

[1]) Eichhorn, I, 241.
[2]) Eichhorn, I, 242—243.

такъ какъ удостоился даже тайной аудіенціи у самого короля. Благосклонный пріемъ, оказанный дворомъ Шпренгелю, поднялъ духъ эльбингцевъ, которые послѣ этого заняли еще болѣе враждебное Гозію положеніе. Гозій рѣшился дать отпоръ и для этого весьма ловко воспользовался благопріятно сложившимися для него обстоятельствами, заставивъ дѣйствовать въ свою пользу короля. Король высказалъ Гозію свое желаніе, чтобы онъ присутствовалъ лично на маріенбургскомъ сеймикѣ и далъ на немъ надлежащій ходъ королевскому предложенію. Гозій объявилъ, что только въ томъ случаѣ прибудетъ лично на этотъ сеймикъ, когда предварительно будетъ удаленъ изъ Эльбинга Гоше. На этотъ разъ слово Гозія подѣйствовало. 16 марта 1556 года былъ подписанъ королевскій указъ, который эльбингскій каштелянъ долженъ былъ сообщить прусскимъ сенаторамъ на сеймикѣ. Въ этомъ указѣ король выражаетъ свое неудовольствіе по поводу того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пруссіи дозволено свободное пребываніе анабаптистамъ, пикардамъ и другимъ еретикамъ и предлагаетъ сенаторамъ удалить еретиковъ изъ страны [1]). Какъ только этотъ указъ былъ прочитанъ на сеймикѣ, Гозій потребовалъ слова. Онъ хвалилъ его содержаніе, изображалъ несчастіе, которое приносятъ съ собою религіозныя несогласія, высказался за возстановленіе религіознаго единства и просилъ сенаторовъ обсудить мѣры, какъ воспрепятствовать этому злу. Онъ даже предложилъ послать королевскій указъ во всѣ города и ко всѣмъ сословіямъ для исполненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ началъ онъ разсуждать съ эльбингцами объ ихъ религіозныхъ дѣлахъ, порицалъ ихъ за неуваженіе королевскихъ указовъ, напоминалъ имъ объ оскорбленіяхъ, которыя католики терпѣли въ Эльбингѣ, равно объ отказѣ ихъ принять католическаго священника. Эльбингскіе депутаты оправдывались во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ и въ свою очередь обвиняли Гозія въ томъ, что онъ снабжаетъ деньгами нѣкоторыхъ мѣщанъ и такимъ образомъ поддерживаетъ ихъ неповиновеніе магистрату, на что Гозій возражалъ, что не можетъ же онъ не поддерживать притѣсняемыхъ католиковъ.

Споръ на сеймикѣ возникъ вновь, когда появилась на немъ шляхта. Свой отвѣтный адресъ королю начинала она съ жа-

[1]) Eichhorn, I, 243—245.

лобъ на епископовъ за то, что они держатъ народъ въ невѣжествѣ, прогоняютъ изъ школъ хорошихъ учителей; особенно же жаловалась она на то, что вармійскій епископъ требуетъ удаленія изъ Эльбинга Гоппе, изгнаннаго раньше имъ изъ Торна. Въ заключеніе шляхта просила короля—оставить религіозныя дѣла въ настоящемъ ихъ положеніи до вселенскаго или національнаго собора. Ихъ просьбу поддерживали депутаты малыхъ городовъ. На другомъ засѣданіи депутаты шляхты выступили еще рѣшительнѣе. Такъ какъ Гозій, говорили они, желаетъ удалить Гоппе изъ Эльбинга, то они не имѣютъ болѣе никакого довѣрія къ епископамъ; поэтому, продолжали они, пусть сенаторы отправятъ къ королю вмѣстѣ съ депутатами отъ шляхты одного изъ воеводъ съ жалобой на епископовъ. Къ этому они присоединяли просьбу о дозволеніи имъ содержать аугсбургское исповѣданіе и объ уничтоженіи епископской юрисдикціи надъ начальниками и учителями школъ. Гозій на всѣ эти возраженія отвѣчалъ, что епископы удаляютъ изъ школъ не хорошихъ учителей, а такихъ, которые развращаютъ юношество новыми ученіями,—говорилъ, что онъ согласенъ даже оставить Гоппе въ Эльбингѣ, если только онъ явится къ нему въ Гейльсбергъ для испытанія, наконецъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они хотятъ, даже вопреки аугсбургскому исповѣданію, присвоить себѣ права и обязанности епископовъ. Всѣ эти споры окончились въ пользу Гозія: въ отвѣтный адресъ королю не были внесены жалобы шляхты [1]).

Но этимъ вся побѣда Гозія и ограничивалась. Въ Эльбингѣ положеніе дѣлъ оставалось прежнее. Мало того: какъ бы въ противовѣсъ небольшой побѣдѣ, одержанной Гозіемъ на маріенбургскомъ сеймикѣ, эльбингцы напрягли всѣ усилія, чтобы ее по возможности парализовать. Съ этою цѣлью ихъ покровитель, маріенбургскій воевода фонъ-Цеменъ въ маѣ 1556 года нарочно отправился къ королевскоиу двору, находившемуся тогда въ Вильнѣ. Цѣль этой поѣздки не укрылась отъ Гозія и онъ не замедлилъ принять свои мѣры. Немедленно онъ написалъ письма къ королю и подканцлеру, въ которыхъ заклиналъ ихъ—не уступать давленію воеводы, а, обративъ вниманіе на благо церкви и честь государя отвергнуть просителя.

---

[1]) Eichhorn, I, 245—246.

И на этотъ разъ письма Гозія подѣйствовали: воевода ничего не добился при дворѣ и даже изданъ былъ королевскій указъ объ искорененіи религіозныхъ новшествъ въ Эльбингѣ, удаленіи Гоппе изъ города и оставленіи учителей подъ епископской юрисдикціей [1]).

Около этого-же времени вышелъ новый королевскій указъ, запрещавшій разсужденія о религіозныхъ дѣлахъ на сеймикахъ. На гравденцкомъ сеймикѣ 1556 года этотъ указъ королевскимъ коммиссаромъ былъ объявленъ прусскимъ сенаторамъ и посламъ. Но депутаты большихъ городовъ въ отвѣтномъ адресѣ королю (3 октября) объявили, что имъ поручено требовать причащенія подъ двумя видами, и потому, не смотря на королевскій указъ, они считали себя обязанными говорить объ этомъ съ вармійскимъ епископомъ. Депутаты Данцига передали Гозію просьбу данцигскаго магистрата о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ папскимъ нунціемъ о дозволеніи имъ причащаться подъ двумя видами, такъ какъ этимъ дозволеніемъ легко, говорили они, можно было бы устранить всѣ другія несогласія. Гозій отклонилъ эту просьбу, говоря, что вѣра и совѣсть не позволяютъ ему принять ее, такъ какъ всякое отступленіе отъ церкви происходитъ отъ діавола и неизбѣжно влечетъ за собою новыя отступленія. На слѣдующій день начался новый споръ. Въ засѣданіи сеймика прочитанъ былъ отвѣтный адресъ королю Гозія. Въ этомъ адресѣ онъ благодарилъ короля за то, что онъ по прежнему оставилъ учителей подъ епископской юрисдикціей, и присоединилъ просьбу объ удаленіи изъ Эльбинга Гоппе, самочинно поставленнаго магистратомъ. Противъ этого пункта въ адресѣ протестовали эльбингцы, но Гозій отвѣтилъ имъ, что это его личная благодарность королю, а благодарить короля никто ему не можетъ запретить Впрочемъ, онъ согласился, по просьбѣ воеводъ, выразить эту свою благодарность въ частномъ письмѣ къ королю. Когда этотъ споръ такимъ образомъ былъ улаженъ, эльбингцы возобновили просьбу данцигцевъ о дозволеніи причащенія подъ двумя видами. Гозій опять отвергъ эту просьбу, говоря, что онъ тогда только могъ бы ее принять, когда бы желалъ имъ зла [2]).

---

[1]) Eichhorn, I, 247—248

[2]) Eichhorn, I, 248—251.

На слѣдующій день Гозій, по тому поводу, что въ адресѣ депутатовъ сказано было: „Происшедшее на маріенбургскомъ сеймикѣ проистекало изъ особеннаго страха Божія и любви къ спасительному слову Его“,—произнесъ пространную рѣчь. Въ ней онъ сильно вооружался противъ этого выраженія, дававшаго поводъ думать, будто бы епископы и король не боятся Бога и не любятъ спасительнаго слова Его,—говорилъ о любви, какъ единственномъ спасительномъ словѣ, предостерегалъ ихъ отъ какого бы то ни было отдѣленія отъ церкви, такъ какъ оно влечетъ за собою новыя отступленія,—выяснялъ имъ смыслъ словъ апостола: „Пійте отъ нея вси“,—говорилъ, что онъ въ дѣлахъ вѣры не можетъ дѣлать того, что имъ угодно, а долженъ и всегда будетъ дѣлать то, чего требуетъ отъ него его санъ и совѣсть, хотя-бы чрезъ это сталъ ненавистнымъ,—просилъ въ заключеніе передать все слышанное ими отъ него своимъ согражданамъ. Собраніе благодарило его за отеческое наставленіе и обѣщало исполнить его просьбу [1]).

Подѣйствовала ли на эльбингцевъ твердость и непреклонность Гозія, или—что-либо иное, только Гоппе оставилъ Эльбингъ. Но когда стали распространяться въ Пруссіи слухи, что на предстоящемъ сеймѣ въ Варшавѣ дарована будетъ всѣмъ полная религіозная свобода, Гоппе возвратился въ Эльбингъ. Ниже мы увидимъ, что произошло на варшавскомъ сеймѣ; теперь замѣтимъ только, что эта свобода была дана, хотя и не настолько открыто и рѣшительно, чтобы постановленіемъ варшавскаго сейма былъ положенъ конецъ борьбѣ Гозія съ эльбингцами. Эльбингъ вмѣстѣ съ Данцигомъ и Торномъ получилъ отъ короля формальное дозволеніе содержать аугсбургское исповѣданіе съ причащеніемъ подъ двумя видами; но позволеніе это было дано негласно, и самъ Гозій, какъ онъ самъ сознается, оставался долгое время въ невѣдѣніи относительно даннаго эльбингцамъ позволенія [2]), хотя королевскій дворъ старался косвенно дать ему это понять. Коронный канцлеръ Янъ Оцескій (въ письмѣ отъ 16 февраля 1557 г.) совѣтовалъ Го-

---

[1]) Eichhorn, I, 251—254.

[2]) Carncovius, письмо Гозія къ Карнковскому изъ Рима, отъ 14 октября 1570 г. (Długossus, II, 1666).

зію ослабить свою ревность относительно Эльбинга и Гоппе и дѣйствовать лучше въ духѣ любви и снисходительности тамъ, гдѣ строгость ничего не можетъ сдѣлать и гдѣ его ревность сдѣлаетъ его только ненавистнымъ всѣмъ, не принесши никому никакой пользы. Такого рода совѣтъ всего болѣе былъ не по сердцу Гозія, и онъ, конечно, ему не послѣдовалъ. Канцлеру онъ отвѣтилъ (14 марта 1557 г.), что, если не побѣдила до сихъ поръ правдивость его дѣла, то можетъ быть побѣдятъ его неотступныя просьбы, что ему теперь остается только подражать евангельской вдовицѣ, умолившей неумолимаго судью. Три письма, одно за другимъ, отправилъ онъ къ королю, умоляя его сдержать данное ему слово. Отвѣта на нихъ долго не получалось. Одно обстоятельство особенно обезпокоило Гозія: король находился въ это время въ Ьильнѣ, гдѣ происходили совѣщанія о мирѣ съ Лифляндіей, а при королѣ находился неизмѣнный противникъ Гозія, воевода фонъ-Цеменъ. Голосъ вдовицы наконецъ былъ услышанъ, или дворъ хотѣлъ показать, что она его умолила: лѣтомъ 1557 г. дворъ утѣшилъ вармійскаго епископа цѣлыми тремя указами, которыми онъ долженъ былъ воспользоваться, чтобы принудить эльбингцевъ къ признанію своей юрисдикціи. Дѣйствіе этихъ указовъ было обычное. Правда, Гоппе оставилъ Эльбингъ, но протестантская партія въ городѣ продолжала усиливаться, тѣмъ болѣе, что во главѣ ея стоялъ городской магистратъ. Этотъ послѣдній не побоялся посягнуть даже на права самого Гозія, присвоивъ себѣ имущество, которое осталось послѣ одного католическаго священника, умершаго безъ завѣщанія; и должно было перейти въ распоряженіе Гозія, какъ епископа. Въ тоже время магистратъ употреблялъ всѣ средства, чтобы сдѣлать невыносимымъ пребываніе въ Эльбингѣ католическихъ священниковъ: уменьшалъ и задерживалъ ихъ доходы и презрительно отвергалъ ихъ, когда они требовали уплаты ихъ, между тѣмъ какъ лютеранскіе проповѣдники отправляли свою службу въ церкви св. Маріи и исправно получали церковные доходы. Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Эльбингѣ, когда Гозій оставилъ свою епархію и отправился по призыву папы въ Римъ [1]).

---

[1]) Eichhorn, I, 254—257.

Эльбингъ былъ главной ареной борьбы Гозія съ реформаціей въ предѣлахъ вармійской епархіи. Исходъ этой борьбы далеко не соотвѣтствовалъ количеству потраченныхъ на него Гозіемъ времени, силъ и энергіи. Но борьба его не ограничивалась однимъ Эльбингомъ; одновременно съ Эльбингомъ она велась и на другихъ пунктахъ его епархіи, хотя и не была здѣсь такой упорной, такой продолжительной, какъ тамъ. Однимъ изъ такихъ пунктовъ былъ Брунсбергъ. Префектъ замка города Брунсберга Іоаннъ фонъ-Прейкъ въ 1551 году женился на дочери извѣстнаго уже намъ воеводы маріенбургскаго фонъ-Цемена, воспитанной въ протестантскомъ ученіи. Послѣ брака Прейкъ, подъ вліяніемъ жены, принялъ новое ученіе. Это не укрылось отъ Гозія. Сначала Гозій старался путемъ убѣжденія склонить Прейка къ старой вѣрѣ. Когда же это ему не удалось, онъ объявилъ Прейку (осенью 1556 г.), что, если онъ въ теченіе года не возвратится къ католической вѣрѣ, будетъ отрѣшенъ отъ должности (Брунсбергъ находился въ вармійскомъ княжествѣ) и присужденъ къ изгнанію изъ вармійскаго княжества. Угроза Гозія не подѣйствовала на Прейка, такъ какъ послѣдній возлагалъ большія надежды на значеніе своего тестя при дворѣ. Фонъ-Цеменъ, дѣйствительно, обратился къ королю съ просьбой, чтобы онъ не дозволялъ епископу ради причащенія подъ двумя видами, дозволеннаго въ Пруссіи, лишать префектуры заслуженнаго и честнаго чиновника, и достигъ того, что Сигизмундъ Августъ написалъ къ Гозію письмо, въ которомъ просилъ его оставить Прейка въ его должности. Гозій отвѣтилъ королю (3 октября 1557 года), что онъ готовъ исполнить королевское повелѣніе, если Прейкъ сдѣлается католикомъ, въ противномъ же случаѣ онъ надѣется, что король не потребуетъ отъ него, чтобы онъ терпѣлъ на должности схизматика, что противно его епископскому долгу. Напрасно маріенбургскій воевода хлопоталъ при дворѣ въ пользу своего зятя. Гозій назначилъ Прейку еще срокъ въ три недѣли, и, когда по истеченіи его Прейкъ не изъявилъ желанія возвратиться къ католической вѣрѣ, лишилъ его префектуры, хотя самъ признавалъ Прейка хорошимъ чиновникомъ. Лишенный должности Прейкъ остался въ вармійскомъ епископствѣ и вскорѣ сталъ во главѣ враждебной Гозію партіи. Напрасно Гозій посылалъ Прейку книги религіознаго содер-

жанія, въ надеждѣ, что ихъ чтеніе возвратитъ его на путь истины. Прейкъ продолжалъ оставаться въ оппозиціи Гозію [1]).

Кромѣ Эльбинга и Брунсберга, Гозій велъ борьбу съ реформаціей и въ другихъ пунктахъ своей епархіи. Особенно онъ заботился о томъ, чтобы въ его епархіи не распространялись еретическія книги, которыя въ изобиліи шли сюда изъ сосѣдняго прусскаго герцогства. Онъ требовалъ, чтобы каждый книготорговецъ представлялъ свои книги на просмотръ мѣстному духовенству. Если оказывались еретическія книги, онъ немедленно ихъ конфисковалъ. А книги все-таки распространялись. Гозій сталъ ревизовать частныя библіотеки и конфисковать въ нихъ протестантскія сочиненія. Но и это не уничтожало зла [2]).

Мы видѣли Гозія въ роли сперва кульмскаго, а потомъ вармійскаго епископа, видѣли его борьбу съ реформаціей въ предѣлахъ этихъ епископій, не входившихъ въ составъ собственно польской митрополіи и жившихъ въ значительной степени отдѣльною отъ нея жизнію, хотя и связанныхъ съ нею многими нитями. Теперь обратимся къ изображенію состоянія собственно польской церкви, которое мы довели до вступленія на престолъ польскій Сигизмунда Августа и посмотримъ на Гозія въ роли обще-польскаго церковно-историческаго дѣятеля.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Далеко не свѣтлыя надежды на будущее возбуждало въ приверженцахъ старой вѣры вступленіе на польскій престолъ Сигизмунда Августа. Предъидущая жизнь новаго короля набрасывала густую тѣнь на его правовѣріе: поведеніе его въ Вильнѣ, въ качествѣ великаго князя Литвы, давно уже скандализировало приверженцевъ старой вѣры, давно уже шокировало ихъ правовѣрныя убѣжденія. Едва-ли поэтому краковскій епископъ вѣрилъ тому, что въ Польшѣ при Сигизмундѣ Августѣ все останется по старому, хотя и выразилъ эту надежду въ привѣтственной рѣчи королю при вступленіи его въ столицу.

---

[1]) Rescius, lib. I, c. XVI, p. 63—67. Eichhorn, I, 234—238.
[2]) Eichhorn, I, 239—240.

Едва-ли взаправду отъ вступленія на престолъ Сигизмунда Августа ожидалъ „великаго облегченія“ въ своей скорби о смерти Сигизмунда Стараго составитель этой привѣтственной рѣчи, тогда еще краковскій каноникъ Станиславъ Гозій [1]). По крайней мѣрѣ, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ, тотъ же краковскій каноникъ, въ письмѣ къ вармійскому епископу, хотя и говоритъ, что король обѣщалъ во всемъ слѣдовать по стопамъ своего отца, прибавляетъ однако съ нѣкоторымъ недовѣріемъ: „Confirma hoc Deus, confirma hoc Deus“.

Вступленіе на престолъ короля, который обнаруживалъ явныя симпатіи къ новымъ вѣяніямъ своего вѣка, который на похоронахъ своего отца, къ великому соблазну приверженцевъ старины, позволилъ себѣ ѣсть мясо въ среду [2]), польскіе нововѣрцы, повидимому, должны были горячо привѣтствовать; польская протестантская партія, повидимому, должна была выйти ему на встрѣчу съ распростертыми объятіями, должна была употребить всѣ силы и средства къ тому, чтобы тѣснѣе примкнуть къ нему и въ союзѣ съ нимъ упрочить свое дѣло. Но въ отношенія польскихъ пановъ и польской шляхты къ новому королю замѣшались привиллегіи магнатовъ и доблестнаго рыцарства, нарушенныя, съ ихъ точки зрѣнія, королемъ. Сигизмундъ Августъ, по смерти своей первой супруги Елизаветы, происходившей изъ австрійскаго дома, увлекся въ Вильнѣ Варварой Радзивиллъ, молодой вдовой Гастольда, трокскаго воеводы, и безъ вѣдома отца обвѣнчался съ ней. Вступивъ по смерти отца въ управленіе государствомъ, Сигизмундъ Августъ публично объявилъ ее своей супругой и выразилъ желаніе короновать ее. Противъ этого-то брака короля съ Варварой Радзивиллъ и заявили свой протестъ польскіе паны, за которыми пошла и польская шляхта, увидѣвшая нарушеніе своихъ привиллегій въ томъ обстоятельствѣ, что бракъ короля заключенъ былъ безъ ея вѣдома, тогда какъ паны желали воспрепятствовать усиленію могущества Радзивилловъ. Когда собрался сеймъ въ Петроковѣ (въ окт. 1548 г.), земскіе послы не хотѣли при-

---

[1]) Acta Historica, IV, 258—159. Oratio Maciejowski ad Sigismundum Augustum ab Hosio composita, Cracoviae, 24 mai, 1548.

[2]) Moraczewski, Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej, Poznań, 1848, t. IV, str. 167.

ступать къ обсужденію королевскихъ предложеній, прежде чѣмъ король не признаетъ своего брака недѣйствительнымъ. Съ мнѣніемъ пословъ соглашалась мать короля Бона и почти весь сенатъ, въ томъ числѣ и вожди протестантской партіи (напр. Рафаилъ Лещинскій, белзскій воевода, Андрей Гурко, познанскій каштелянъ и др.); сторону короля держали лишь немногіе сенаторы, по преимуществу епископы—Самуилъ Мацѣевскій, краковскій епископъ, Янъ Тарновскій, краковскій каштелянъ и великій коронный гетманъ, Андрей Зебржидовскій, куявскій епископъ, Дройовскій, холмскій епископъ и Леонардъ Слончевскій, каменецкій епископъ. Напрасно предводители пословъ Янъ Сѣраковскій и Петръ Боратынскій на колѣняхъ умоляли короля, во имя любви къ отечеству, разорвать оскорбительныя для королевскаго сана узы. Напрасно примасъ Дзержговскій обѣщалъ ему разложить вину нарушенія имъ клятвы, данной супругѣ, на всѣхъ его подданныхъ. Король остался непреклоннымъ, говоря, что, если они хотятъ, чтобы онъ сдержалъ клятву, которую далъ имъ, не должны заставлять его нарушать клятву, данную имъ женѣ. На сеймѣ возникли большіе споры и препирательства, и дѣло дошло до того, что послы, видя, что не въ состояніи заставить короля согласиться на ихъ предложеніе, и основываясь на невыполненіи имъ условія о присоединеніи Литвы и Пруссіи къ короннымъ владѣніямъ, обратились къ нему съ обиднымъ предложеніемъ, управлять государствомъ не отъ своего имени, а отъ имени рѣчи посполитой. Когда это предложеніе было отвергнуто королемъ, послы и большинство сенаторовъ сорвали сеймъ, самовольно разъѣхавшись. Не смутившись этимъ, Сигизмундъ съ оставшимися сенаторами открылъ судъ; въ тоже время онъ разослалъ по всѣмъ землямъ и воеводствамъ универсалы, въ которыхъ завѣрялъ всѣхъ въ своихъ благихъ намѣреніяхъ относительно государства. Въ концѣ концовъ Сигизмундъ Августъ достигъ своей цѣли: 9 декабря 1550 г. въ Краковѣ Варвара Радзивиллъ была коронована примасомъ Николаемъ Дзержговскимъ [1]). Бракъ короля съ Варварой Радзивиллъ имѣлъ вліяніе на первые шаги Сигизмунда Августа на аренѣ религіозной борьбы,

[1]) Orichovius, Annalis II (Długossus, II, 1485—1496), Annalis III (Dług., II, 1512—1514); Bielski, II, 1097—1099.

завязавшейся въ Польшѣ еще въ предъидущее царствованіе. Хотя Сигизмундъ Августъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, не утратилъ своихъ симпатій къ реформаціоннымъ идеямъ, но въ своихъ отношеніяхъ къ протестантской партіи сталъ сдержаннѣе, чѣмъ какъ можно было ожидать по его прежнимъ дѣйствіямъ: протестантская партія, во всякомъ случаѣ, упустила очень удобный для себя моментъ, не ставъ на сторону симпатизировавшаго новымъ идеямъ короля и могущественной покровительницы протестантизма въ Литвѣ — фамиліи Радзивилловъ [1]). Мало того: король, нашедшій для себя и притомъ въ дѣлѣ, касавшемся его сердечной стороны, поддержку во многихъ епископахъ, особенно Мацѣевскомъ, чувствовалъ себя въ нѣкоторой степени обязаннымъ имъ, чувствовалъ необходимость, такъ сказать, отблагодарить ихъ, и мы вскорѣ увидимъ, что онъ, дѣйствительно, старался не остаться у нихъ въ долгу. Вообще же весь этотъ споръ, въ которомъ друзья помѣнялись ролью съ врагами, поставилъ Сигизмунда Августа съ перваго же шага на то распутье, на которомъ онъ оставался во всю свою жизнь. Въ немъ могло родиться подозрѣніе, что всѣ эти незаконныя, какъ ему казалось, притязанія шляхты—лишь проявленіе присущаго ей духа своеволія, анархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасеніе опереться въ своей внутренней политикѣ на шляхетское сословіе. Польской шляхтѣ незаконное (съ ея точки зрѣнія) сопротивленіе Сигизмунда Августа ея требованіямъ могло показаться проявленіемъ своеволія, деспотизма новаго короля, а между тѣмъ отъ него она привыкла ожидать осуществленія политической и неразрывной съ нею религіозной реформы, которой тщетно домогалась при его отцѣ. Это было первое недоразумѣніе между королемъ и его подданными, и недоразумѣніе это не предвѣщало ничего хорошаго реформаціи въ Польшѣ.

Хотя въ первое время царствованія Сигизмунда Августа, въ возникшей изъ-за его брака сумятицѣ, вѣроисповѣдные интересы какъ будто ступевались, отступили на задній планъ,

---

[1]) Не говоря уже о томъ, что вопросъ о бракѣ короля не затрогивалъ прямо интересовъ вѣроисповѣдныхъ, эту опрометчивость польскихъ протестантовъ можно объяснить отчасти и тѣмъ, что они не представляли еще собою тогда болѣе или менѣе сплоченной группы, не могли даже назваться партіей въ строгомъ смыслѣ слова.

по крайней мѣрѣ не заявлялись открыто, всенародно, но реформаціонное теченіе, обнаружившееся въ польской жизни довольно замѣтно уже въ предъидущее царствованіе, не переставало расширяться, реформаціонныя стремленія не переставали усиливаться. Уже въ 1548 году каменецкій епископъ Леонардъ въ проповѣди, произнесенной имъ въ одномъ изъ краковскихъ костеловъ, говорилъ, какъ узнаемъ изъ одного письма Гозія, что лучше, чтобы ксендзы были женатыми, чѣмъ блудниками и прелюбодѣями [1]). Нѣсколько дней спустя, тотъ же епископъ своимъ поведеніемъ вызвалъ уже серьезную сенсацію въ краковскомъ обществѣ и серьезныя опасенія въ строго-католической партіи, особенно въ Гозіѣ. 29 іюня, въ день апостоловъ Петра и Павла, одинъ проповѣдникъ, по имени Лука, въ своей проповѣди извѣстное изреченіе Спасителя: „на семъ камени созижду церковь Мою“ объяснялъ въ приложеніи къ ап. Петру. Совершавшій въ этотъ день мессу епископъ Леонардъ, по словамъ Гозія, въ теченіе всей рѣчи, казалось всѣмъ, какъ бы не одобрялъ того, что говорилъ проповѣдникъ о приматствѣ Петра. По окончаніи мессы, онъ, какъ передавали Гозію, показывалъ нѣкоторымъ панамъ мѣста св. Писанія, доказывающія, что въ этомъ мѣстѣ евангелія идетъ рѣчь о Христѣ, а не объ ап. Петрѣ. Хотя Леонардъ и отрицалъ дѣйствительность этого послѣдняго факта, но просилъ себѣ у мѣстнаго епископа позволенія произнести проповѣдь 2 іюля. Гозій, по его собственнымъ словамъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сильно старался (vehementer contendebam), чтобы краковскій епископъ не далъ этого позволенія; но Мацѣевскій боялся, чтобы отказъ не произвелъ еще большаго возбужденія, и позволилъ Леонарду проповѣдывать. Наканунѣ 2 іюля Лука проповѣдывалъ въ прежнемъ духѣ и даже почти открыто нападалъ на Леонарда. „Было, говоритъ Гозій, большое опасеніе, чтобы, если на слѣдующій день епископъ станетъ проповѣдывать противное, не произошло схизмы“. Строго-католическая партія добилась того, что Леонардъ далъ слово краковскому епископу въ своей проповѣди не упоминать о приматствѣ. На слѣдующій день въ костелѣ „было несказанное стеченіе людей: всѣ ожидали, что произойдетъ схизма“. Ожидавшіе схизмы, конечно,

[1]) Acta Historica, IV, 261, Hosius Martino Cromero, Cracoviae, 25 Junii 1548.

ошиблись: Леонардъ проповѣдывалъ о другихъ вещахъ. Но изъ этого факта, взятаго нами изъ письма Гозія къ Кромеру, видно, съ одной стороны, что даже лица, принадлежавшія къ высшей католической іерархіи, смѣли тогда имѣть свое сужденіе о нѣкоторыхъ пунктахъ католической вѣры, несогласное съ традиціонными воззрѣніями, и рѣшались открыто выражать это свое сужденіе въ самой столицѣ, а съ другой стороны— то, что столичное общество внимательно прислушивалось къ голосамъ такихъ людей и выражало имъ свое сочувствіе. „Лука, заключаетъ свое письмо Гозій, сдѣлался всѣмъ ненавистнымъ до такой степени, что на него почти плюютъ; Леонардъ, напротивъ, въ большой милости (in magna gratia). Даже до сего дня объ этомъ приматствѣ всюду спорятъ: для большинства не имѣютъ значенія ни разумныя основанія, ни авторитеты. Если Богъ не воззритъ на насъ,—опасность велика“ [1]). Отъ столицы не отставала провинція. Страшная буря, поднявшаяся въ Польшѣ изъ-за брака короля, замутившая надолго польскую жизнь, была на руку приверженцамъ реформаціи, до поры до времени притаившимся по разнымъ мѣстамъ въ шляхетскихъ усадьбахъ. Не страшась болѣе духовныхъ властей, выступаютъ теперь съ проповѣдью реформаціи, особенно въ Малой Польшѣ, одинъ за другимъ разные протестантскіе проповѣдники, большею частію прежніе ксендзы [2]). Въ Великой Польшѣ реформаціонное движеніе получаетъ въ это время сильное оживленіе отъ прилива въ него новыхъ, свѣжихъ соковъ. Лѣтомъ 1548 года прибыли въ Великую Польшу такъ называемые чешскіе, или богемскіе братья. Вслѣдствіе указа императора Фердинанда (1547 г.), повелѣвавшаго имъ оставить страну въ теченіе 42 дней, значительная часть ихъ въ 1548 г. переселилась изъ Чехіи въ Пруссію, гдѣ имъ герцогъ Альбертъ предложилъ мѣста для поселенія. Послѣдняя изъ переселившихся группъ (всѣхъ ихъ было три), числомъ около 400 человѣкъ, подъ предводительствомъ Матѳея Сіоніуса, прибыла въ іюнѣ 1548 года въ Познань. Андрей Гурко, познанскій каштелянъ, принялъ ее очень радушно и далъ ей пріютъ въ своихъ помѣстьяхъ. Здѣсь братья совершали открыто свое богослуженіе, и ихъ пѣніе и

---

[1]) Acta Historica IV, 265, Hosius Cromero, Cracoviae, 11 Julii 1548.
[2]) Lubieniecius, 22—32; Regenvolscius, 124.

проповѣдь на понятномъ для поляковъ чешскомъ языкѣ пріобрѣли имъ всеобщее сочувствіе. Познанскій епископъ поспѣшилъ выхлопотать у короля приказъ, повелѣвавшій братьямъ немедленно оставить предѣлы Польши. Братья ушли въ Пруссію; но брошенныя ими сѣмена нашли себѣ плодотворную почву въ Великой Польшѣ, какъ увидимъ ниже [1]).

Не только въ собственно польскихъ епархіяхъ высказывались и находили себѣ сочувствіе воззрѣнія, шедшія въ разрѣзъ съ установившимся издавна въ католической церкви образомъ мыслей и сужденій. Тѣже воззрѣнія еще съ большею силою и рѣзкостію высказывались въ епархіяхъ, входившихъ въ составъ львовской архіепископіи, большинство населенія которой составляли русскіе православной вѣры. Здѣсь, по донесенію самого перемышльскаго епископа римской куріи, были въ большомъ ходу мысли о томъ, что позволительно причащаться подъ двумя видами, что до окончанія собора можно не платить десятинъ, что позволительно ксендзамъ имѣть женъ, что чистилища не существуетъ и т. п. [2]).

Положеніе католичества въ Польшѣ въ это время уже внушало такія серьезныя опасенія католической іерархіи, что отъ лица краковскаго епископа Гозій обращался въ Римъ къ Мартину Кромеру съ предложеніемъ сдѣлать папѣ представленіе о присылкѣ въ Польшу легата. „Пусть покажетъ, писалъ Гозій, святѣйшій владыка намъ, что онъ заботится объ этомъ королевствѣ: потому что если онъ оставитъ всякую заботливость о насъ, должно опасаться, чтобы не произошло какого-либо измѣненія“ [3]). Опасаться этого „измѣненія“ было тѣмъ естественнѣе, что и королевскій дворъ довольно явно показывалъ свое расположеніе къ реформаціоннымъ стремленіямъ [4]). А между

---

[1]) Regenvolscius, 58—59, 74—75; Friese, Bd. I, Th. II, S. 189—195.

[2]) Theiner, II, 566—567, Dziaduski Paulo III, Brzozow, 18 Febr. 1549.

[3]) Acta Historica, IV, 262, Hosius nomine Maciéjowski Cromero, Cracoviae, 29 Junii 1548.

[4]) Въ маѣ 1549 г. Августинъ Ротундусъ писалъ Гозію изъ Кракова о королевскомъ дворѣ: Mirum profecto est, quantum homines aulici exagitentur furiis istis et discordiis (рѣчь идетъ о протестантскихъ проповѣдникахъ, въ частности — о Лаврентіѣ Дискордіи); jam non obscure in angulis seditiones fiunt, sed publice in foris et compitis: nemo etiam est qui coërceat (Acta Historica, IV, 305, Cracoviae, 7 mai 1549).

тѣмъ эти враждебныя католичеству стремленія стали заявлять себя съ особенною силой, съ небывалою прежде интенсивностію, когда заговорилъ снова противъ католичества неугомонный Оржеховскій, котораго предъ самой кончиной Сигизмунда I удалось латинской іерархіи отчасти успокоить, отчасти напугать и довести до того, что онъ отрекся отъ своихъ убѣжденій, смиренно исполнилъ эпитимію, примирился съ епископомъ. Заговорилъ Оржеховскій опять противъ незаконности католическаго безбрачія духовныхъ лицъ. Въ 1549 г. вступилъ въ бракъ польскій ксендзъ Валентъ, бывшій приходскимъ священникомъ въ Кржчоновѣ (въ краковской епархіи). За этотъ поступокъ онъ былъ призванъ на судъ краковскимъ епископомъ Мацѣевскимъ и явился къ его суду въ сопровожденіи значительнаго отряда знатныхъ людей, въ числѣ которыхъ были: Николай Олесницкій, Николай Рей, извѣстный польскій поэтъ, Ремигіанъ Холмскій. „На судѣ было много словъ съ обѣихъ сторонъ, говоритъ Гурницкій, но епископъ Мацѣевскій, видя, что это дѣло—важное и не столь легкое, чтобы можно было достигнуть исполненія приговора согласно съ статутами (къ этому присоединилось и то, что прибывшіе съ ксендзомъ Валентомъ прекрасно говорили и всего чаще было у нихъ на устахъ: мы не упорствуемъ, мы хотимъ, чтобы насъ научили), отложилъ это дѣло до другаго времени. [1]) Такимъ образомъ, дѣло это, благодаря умѣренности и благоразумію Мацѣевскаго, окончилось мирно, безъ шума [2]). Но оно послужило поводомъ къ тому, чтобы выступилъ противъ католической іерархіи во второй разъ и уже гораздо рѣшительнѣе и смѣлѣе, чѣмъ прежде, перемышльскій каноникъ Станиславъ Оржеховскій. Какъ и въ первый разъ, и теперь первый его ударъ католичеству былъ литературный. Оржеховскій опубликовалъ „довольно ученое и пересыпанное латинскими словами“ сочиненіе въ защиту Валента [3]). Не довольствуясь этимъ, на сеймикѣ въ Вишни (1549 г.), въ присутствіи собравшейся здѣсь шляхты, онъ публично доказывалъ, что безбрачіе противно ка-

---

[1]) Górnicki, 34.

[2]) Эта умѣренность Мацѣевскаго была не по сердцу вѣрнымъ сынамъ католической церкви, какъ это видимъ изъ письма Ротундуса къ Гозію (Acta Historica, IV, 305, Cracoviae, 7 mai 1549).

[3]) Górnicki, 34.

нонамъ церковнымъ, прибавляя, что, еслибы даже ангелъ съ неба потребовалъ отъ человѣка чего-либо противнаго человѣческой природѣ, было бы грѣшно не заткнуть предъ нимъ своихъ ушей. На вопросъ же перемышльскаго епископа, предложенный ему на этомъ же сеймикѣ, не женился ли уже онъ, отвѣчалъ, что намѣренъ это сдѣлать въ скоромъ времени. Когда епископъ прислалъ ему повѣстку явиться къ суду, онъ отослалъ ее обратно. На сторону Оржеховскаго въ борьбѣ съ епископомъ стала сосѣдняя шляхта и на сеймикѣ въ Вишни дала своимъ посламъ порученіе—защищать на сеймѣ дѣло Оржеховскаго. Найдя въ мѣстной шляхтѣ сочувствіе своему дѣлу, Оржеховскій аппеллировалъ къ петроковскому сейму 1550 года на рѣшеніе перемышльскаго епископа.

На петроковскомъ сеймѣ 1550 года (онъ продолжался отъ начала мая до конца іюля этого года) Оржеховскій, сразу же по прибытіи туда, постарался пріобрѣсти сочувствіе своему дѣлу въ собравшейся на сеймъ шляхтѣ. Въ посольской избѣ онъ прочиталъ интердиктъ, изданный противъ него епископомъ, и просилъ пословъ, чтобы они не дозволяли произносить такихъ жестокихъ приговоровъ надъ жизнью и имуществомъ гражданъ. Просьба Оржеховскаго принята была единогласно всей посольской избой: послы отправляются къ королю и въ присутствіи сената обращаются къ нему съ просьбой, чтобы не позволялъ епископамъ присвоивать себѣ право суда надъ жизнью и имуществомъ гражданъ, принадлежащее одному королю, прибавляя, что они не потерпятъ такой власти епископовъ, даже еслибы король не противился ей. Это было первое открытое заявленіе недовольства шляхты противъ католической іерархіи, это была первая попытка ограниченія духовной юрисдикціи: „теперь въ первый разъ польское рыцарство—говоритъ поднявшій всю эту бурю Оржеховскій — осмѣлилось открыто возвысить свой свободный голосъ противъ духовнаго сословія, чего до сего дня въ Польшѣ никогда не было [1]).

По просьбѣ пословъ, Сигизмундъ Августъ позволилъ Оржеховскому изложить предъ собой его дѣло, хотя епископы и противились этому. Оржеховскій, начавъ свою рѣчь съ похвалъ супружеской жизни, перешелъ затѣмъ къ вопросу о целибатѣ;

[1]) Orichovius, Ann. III (Dlug. II, 1510).

но тутъ онъ прерванъ былъ епископами, которые повскакивали съ своихъ креселъ и просили короля не слушать Оржеховскаго. Присутствовавшіе при этомъ послы протестовали противъ такого поступка епископовъ и требовали, чтобы Оржеховскому позволено было окончить рѣчь. Король, съ согласія сената, объявилъ Оржеховскому, чтобы онъ продолжалъ излагать свое дѣло, не оскорбляя епископовъ [1]). Оржеховскій окончилъ свою рѣчь и въ заключеніе ея просилъ короля, чтобы онъ своимъ декретомъ уничтожилъ интердиктъ епископа. Король, съ согласія сената, отложилъ разсмотрѣніе этого интердикта до тѣхъ поръ, пока онъ не разсмотритъ другихъ обвиненій противъ епископовъ. Между тѣмъ епископы, желая какъ-нибудь уладить дѣло, пригласили Оржеховскаго на собесѣдованіе, позволивъ ему явиться въ курію гнѣзненскаго архіепископа въ сопровожденіи шести спутниковъ. При содѣйствіи Андрея Гурко, Оржеховскій избралъ себѣ въ спутники знаменитѣйшихъ магнатовъ. Уже одно то обстоятельство, что спутниками простаго ксендза согласились быть первые сановники государства, достаточно показываетъ, что тутъ шло дѣло не объ Оржеховскомъ, что тутъ выступило уже исконное соперничество польскихъ пановъ и шляхты съ католическою іерархіею. Появленіе Оржеховскаго въ сопровожденіи его вельможныхъ спутниковъ поставило гнѣзненскаго архіепископа и другихъ собравшихся у него духовныхъ лицъ въ затруднительное положеніе. Архіепископъ не соглашался вести обѣщаннаго Оржеховскому разсужденія о духовныхъ дѣлахъ въ присутствіи пришедшихъ съ нимъ спутниковъ; пришедшіе же съ Оржеховскимъ магнаты протестовали противъ этого, считая для себя обиднымъ, что епископы не считаютъ ихъ способными присутствовать при дѣлѣ Оржеховскаго, жалуясь на то, что епископы вмѣшиваются въ свѣтскія дѣла, а имъ, свѣтскимъ, вмѣшиваться въ духовныя не позво-

---

[1]) Краковскій епископъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, что Оржеховскому на петроковскомъ сеймѣ 1550 г. не дано было право говорить о дѣлахъ вѣры (Acta Historica, I, 382, Zebrzydowski Ioanni Comiti in Tarnow, Cracoviae, 22 octobris 1551). Но замѣчаніе въ письмѣ Зебржидовскаго слишкомъ обще, чтобы на основаніи его одного признать разсказъ Оржеховскаго невѣрнымъ, и, можетъ быть, имѣетъ тотъ смыслъ, что Оржеховскому не позволено было говорить о целибатѣ и подобныхъ вещахъ въ той рѣзкой формѣ, въ какой онъ началъ.

ляютъ. Дѣло на этотъ разъ окончилось тѣмъ, что гордые польскіе паны должны были удалиться. Но сторону ихъ приняла посольская изба, посмотрѣвшая на этотъ поступокъ епископовъ, какъ на оскорбленіе всего шляхетскаго сословія: она немедленно избрала изъ своей среды 12 человѣкъ, первыхъ по своему общественному положенію и уполномочила ихъ объявить примасу, что польская шляхта не задумается стать въ защиту Оржеховскаго и не попуститъ, чтобы епископы были въ Польшѣ владыками жизни и имущества гражданъ. Дѣло опять принимало очень крупные размѣры и могло привести къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Но Яну Тарновскому, краковскому каштеляну, пользовавшемуся въ то время большимъ авторитетомъ въ Польшѣ, удалось устроить, по порученію короля, между Оржеховскимъ и Яномъ Дзедускимъ, перемышльскимъ епископомъ, примиреніе, состоявшееся на томъ условіи, что Оржеховскій далъ обѣщаніе, что онъ женится не прежде, чѣмъ получитъ отъ папы разрѣшеніе вступить въ бракъ [1]).

На петроковскомъ сеймѣ (1550 г.) открыто столкнулись два главныя теченія польской жизни — строго-католическое и реформаторское, или реформаціонное (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова); на немъ въ тоже время прямо стали другъ противъ друга два главныя сословія польской рѣчи посполитой,— магнатство (свѣтское и духовное и это послѣднее по преимуществу) и шляхта; при чемъ тутъ, какъ и въ послѣдствіи, вѣроисповѣдные и сословные интересы перепутывались: свѣтскіе магнаты-сенаторы, воевавшіе съ шляхтою изъ-за своихъ правъ и привиллегій, становились ея союзниками въ нападкахъ ея на права и привилле гіи духовныхъ коллегъ своихъ и всего духовенства. Для шляхты дѣло Оржеховскаго послужило теперь лишь поводомъ къ тому, чтобы поднять старую тяжбу съ духовнымъ сословіемъ, чтобы предъявить къ учету свои старые съ нимъ счеты. Въ „Артикулахъ, поданныхъ на петроковскомъ сеймѣ въ 1550 году отъ всего рыцарскаго сословія ad exequendum", шляхта представляетъ свою программу общей государственной реформы, въ основу которой положено государ-

[1]) Дѣло Оржеховскаго подробно излагаетъ онъ самъ въ своихъ анналахъ (Dlug. II, 1508—1512); коротко объ немъ говорятъ — Bielski (II, 1103) и Górnicki (36). См. также Ossolinski, t. III, c. I, str. 27—30 i przypisy do części I, str. 24—25.

ственное единство: одно государственное и общественное устройство для всѣхъ частей польскаго государства, одно право, одни законы, одинъ судъ для всѣхъ подданныхъ этого государства, однѣ государственные повинности для всѣхъ — вотъ сущность этой шляхетской программы въ первой ея фазѣ. Эта программа, очевидно, направлена была къ тому, чтобы сломить могущество магнатства — свѣтскаго и духовнаго и этого послѣдняго по преимуществу, такъ какъ программѣ этой всего болѣе противорѣчило существованіе въ Польшѣ католической іерархіи съ своимъ самоуправленіемъ, съ своимъ судомъ, съ своими экономическими привиллегіями. Дѣло религіозной реформы объединялось съ дѣломъ реформы политической, становилось какъ бы частью этой послѣдней: въ этомъ была великая сила той и другой. На первый разъ земскіе послы выдвинули одинъ пунктъ своей программы, тѣсно связанный и съ дѣломъ Оржеховскаго и съ этого времени фигурирующій непремѣнно на всѣхъ почти сеймахъ. Во имя государственнаго единства, они просили короля позаботиться о томъ, чтобы духовное сословіе не привлекало къ своему суду людей шляхетскаго сословія по обвиненіямъ въ ереси, влекущимъ за собою лишеніе имущества, изгнаніе изъ отечества и смерть, а предоставляло судъ надъ такими лицами королю и сейму. Вмѣстѣ съ этимъ довольно строго формулированнымъ требованіемъ единства суда земскіе послы внесли еще одинъ пунктъ своей религіозной программы. Они внесли предложеніе, чтобы король для улаженія разногласій, возникшихъ между духовными и свѣтскими, созвалъ въ своемъ королевствѣ „всеобщій синодъ“. Этотъ „всеобщій синодъ“, какъ и „провинціальный синодъ“ Модржевскаго, очевидно, есть тотъ же національный соборъ, который впослѣдствіи такъ часто пыталась созвать польская реформаціонная партія, въ надеждѣ совершить на немъ желательную ей религіозную реформу, создать

---

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, Cracoviae, 1872, t. I, p. 41: Item, aby Król I. M. różnice między duchownymi a świeckimi stanowić, raczył synod walny w królewstwie swém złożyć przeciwko statutowi Alexandri in Radom, fol. CXVII, Caz. fol. XXXV: Quamvis spirituales, aby ludzi szlacheckich o imowania, o więzienia i tełku wywołaniu fol. LXXVII jako heretyków stan duchowny nie pociągał ani pozywał do sądu swego jedno na walny sejm wedle statutu Cazimiri Magni 32: Cum sub uno principe ne sit gens quasi monstrum diversa habens jura.

польскую національную церковь, соотвѣтствующую принципамъ шляхетской теоріи реформъ. Земскіе послы внесли еще нѣкоторыя предложенія, направленныя противъ злоупотребленій польскихъ епископовъ. Они просили короля позаботиться о томъ, чтобы епископы не занимали должностей канцлера, подканцлера и другихъ, что имъ запрещено прежними статутами, а предоставили эти должности тѣмъ духовнымъ, которые по статутамъ имѣютъ на нихъ право [1]); а равно просили по прежнему дозволить каждому гражданину привлекать къ суду и соотвѣтствующему наказанію всякаго духовнаго или свѣтскаго человѣка, позвавшаго кого-либо въ духовный судъ по неподсуднымъ этому послѣднему дѣламъ [2]).

Съ петроковскаго сейма 1550 года началась въ Польшѣ борьба католичества съ реформаціей, неоднократно потомъ возобновлявшаяся на польскихъ сеймахъ. Хотя эта борьба вскорѣ до такой степени расширилась и осложнилась, превратилась въ такую путаницу понятій, интересовъ, стремленій, въ которой иногда было трудно разобраться даже дѣйствовавшимъ въ ней лицамъ; тѣмъ не менѣе вѣроисповѣдный принципъ красной нитью проходитъ чрезъ всю эту борьбу, рельефно выдѣляется во всей этой путаницѣ, такъ что въ общемъ эту борьбу можно разсматривать, какъ борьбу католичества съ реформаціей (во всѣхъ ея видахъ и оттѣнкахъ).

Одновременно съ первымъ серьезнымъ столкновеніемъ польскаго шляхетскаго сословія съ польскимъ духовенствомъ на петроковскомъ сеймѣ 1550 года, или же нѣсколько раньше или позже его, на разныхъ пунктахъ польской территоріи происходили частныя стычки тѣхъ или другихъ шляхтичей, проникнувшихся идеями реформаціи, съ мѣстными духовными властями. Поводомъ къ этимъ стычкамъ были или отказъ шляхтича платить духовенству десятину, или сведеніе имъ въ своемъ костелѣ богослуженія, несогласнаго съ католическимъ, или даже насилія, сорершенныя имъ по отношенію къ католическимъ духовнымъ, или католическимъ костеламъ. Уже въ концѣ іюля 1550 года Сигизмундъ Августъ писалъ папѣ Юлію III, что въ его королевствѣ нѣкоторые его подданные стараются „из-

[1]) Ibid., 43.
[2]) Ibid., 48

мѣнить обряды католической вѣры", о чемъ папа выражаетъ въ посланіи къ нему свое сожалѣніе и безпокойство [1]). Въ 1549 году краковскій епископъ предалъ проклятію за похищеніе десятинъ Іеронима Оссолинскаго, еще въ предудущемъ году имѣвшаго по этому поводу столкновеніе съ краковскимъ капитуломъ. По просьбѣ капитула, король далъ приказъ краковскому старостѣ привести въ исполненіе приговоръ епископскаго суда. Дѣло Оссолинскаго, перешедшее на петроковскій сеймъ 1550 года, уладилось здѣсь мирнымъ образомъ. Но Оссолинскій по-прежнему не хотѣлъ платить десятинъ, за что опять преданъ былъ проклятію. Но онъ не обращалъ на него вниманія и даже однажды явился въ костелъ, гдѣ шло богослуженіе, и, не смотря на приказаніе ксендза, не удалился изъ него, такъ что ксендзъ принужденъ былъ прекратить богослуженіе [2]). Въ концѣ 1550 года (30 октября) краковскій капитулъ, какъ видно изъ актовъ этого капитула, отправилъ къ Сигизмунду Августу четырехъ канониковъ съ разными жалобами на одного изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ тогдашнихъ малопольскихъ магнатовъ Николая Олесницкаго, владѣтеля Пинчова, на Станислава Лясоцкаго, тоже очень богатаго пана, и Фрикача, королевскаго придворнаго, который по смерти краковскаго епископа Самуила Мацѣевскаго осмѣлился даже съ вооруженной силой напасть на епископскія имѣнія и грабить ихъ. Король обѣщалъ сдѣлать „все, что долженъ и можетъ сдѣлать добрый и католическій государь"; но такъ какъ онъ тогда ожидалъ въ Краковъ многихъ сенаторовъ, то и отложилъ разсмотрѣніе жалобъ краковскаго капитула до прибытія ихъ. Капитулъ сталъ готовить списокъ проступковъ, совершенныхъ поименованными выше лицами противъ католической вѣры и церкви [3]). Впрочемъ, Николай Олесницкій вскорѣ далъ въ руки краковскаго капитула новые факты, которые независимо отъ прежнихъ должны были привести знатнаго пана на скамью подсудимыхъ. Около этого времени появился въ Пинчовѣ игравшій впослѣдствіи замѣтную роль въ исторіи польскаго протестантизма Францискъ Станкари. Въ концѣ со-

---

[1]) Theiner, II, 569, Julius III Sigismundo Augusto, Romae 23 Julii 1550.
[2]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 35—36.
[3]) Ibid, 60.

роковыхъ годовъ XVI вѣка онъ прибылъ изъ Италіи въ Польшу, занялъ каѳедру еврейскаго языка въ краковской академіи и пользовался особеннымъ расположеніемъ краковскаго епископа Мацѣевскаго. Но когда онъ сталъ проповѣдывать съ каѳедры антикатолическія мысли, когда онъ, напр., при объясненіи псалмовъ сталъ нападать на почитаніе святыхъ и производить своими объясненіями волненія среди своихъ слушателей, то по распоряженію Мацѣевскаго былъ посаженъ въ заключеніе въ Липовцѣ. Изъ этого заключенія его скоро освободили ярые почитатели Станиславъ Лясоцкій, ленчицкій подкоморій и Андрей Тржецескій, которые и привезли его въ Пинчовъ подъ охрану Олесницкаго. Въ Пинчовѣ, по указаніямъ Станкари, Олесницкій велѣлъ повыбрасывать иконы изъ костела, изгналъ изъ Пинчова монаховъ, ввелъ въ костелѣ богослуженіе по реформатскимъ обрядамъ. Хотя вскорѣ Олесницкій, сообразивъ, что все это не пройдетъ для него безнаказанно, возвратилъ монаховъ и велѣлъ имъ совершать въ костелѣ латинское богослуженіе: но въ замѣ Олесницкаго Станкари продолжалъ совершать реформатское богослуженіе, продолжалъ пріобрѣтать все новыхъ и новыхъ послѣдователей своего ученія среди сосѣдней шляхты [1]). Въ Пинчовѣ у Олесницкаго положены были первыя основанія организаціи польскихъ, или, вѣрнѣе, мало-польскихъ протестантовъ. Въ октябрѣ 1550 г. въ Пинчовѣ собрался первый въ Польшѣ протестантскій синодъ, сдѣлавшій попытку ввести внутреннюю организацію въ реформатскихъ общинахъ Малой Польши [2]).

Въ концѣ 1550 года, когда уже произошли описанныя нами событія, собрались въ польской столицѣ по обязанности сенаторовъ для присутствованія при короноваціи Варвары Радзивиллъ польскіе епископы, въ числѣ которыхъ былъ и новопоставленный кульмскій епископъ Станиславъ Говій въ качествѣ прусскаго сенатора. 27 ноября собрались польскіе епископы у примаса Дзержговскаго вмѣстѣ съ краковскими канониками и профессорами краковской академіи и долго, до поздней ночи совѣщались о средствахъ, которыми бы можно

---

[1]) Orichovius, Annalis III (Dlug. II, 1515); Lubieniecius, 31; Bielski, II, 1104; Scriptores Rerum Polonicarum, I, 60.

[2]) Regenvolscius, 121.

было задержать дальнѣйшее распространеніе въ Польшѣ „еретическихъ заблужденій“. На этомъ совѣщаніи было рѣшено изложить все дѣло на слѣдующій день предъ королемъ и просить его объ изданіи строгаго эдикта противъ приверженцевъ „еретическихъ ученій“. Обстоятельства сложились для польскихъ епископовъ весьма благопріятно: Сигизмундъ Августъ чувствовалъ себя счастливымъ послѣ только-что совершенной коронаціи своей любимой супруги; онъ въ это время сознавалъ, какъ много этимъ своимъ счастьемъ обязанъ польскимъ епископамъ: и вотъ эти люди, ставшіе на его сторону въ такомъ дѣлѣ, изъ-за котораго онъ готовъ былъ пожертвовать польскою короною, просятъ его о подтвержденіи своихъ правъ и привиллегій, о защитѣ католической вѣры противъ „еретиковъ“. Король исполнилъ просьбы епископовъ. 13 декабря 1550 г. Сигизмундъ Августъ далъ польскому духовенству привиллегію, въ которой обѣщалъ преслѣдовать и изгонять изъ государства еретиковъ, не принимать ихъ въ сенатъ, не давать имъ никакихъ должностей, исполнять во всей строгости всѣ изданные противъ нихъ статуты; въ той же привиллегіи онъ обѣщалъ охранять и защищать права, вольности и привиллегіи, частныя и общественныя, польскаго духовенства; наконецъ, въ ней онъ предписывалъ всѣмъ свѣтскимъ властямъ строго исполнять свои обязанности относительно духовенства [1]). Что же касается самого Олесницкаго, давшаго поводъ къ изданію этой привиллегіи, то онъ за свой поступокъ не понесъ никакого наказанія. Такъ какъ прежде разбирательства своего дѣла въ сенатѣ онъ обратился къ королю съ просьбой о помилованіи, то Сигизмундъ Августъ простилъ его подъ условіемъ, что онъ возвратитъ въ Пинчовѣ все въ первоначальное состояніе и не станетъ созывать у себя никакихъ сборищъ „подъ предлогомъ религіи“ [2]). Хотя послѣ этого Олесницкій удалилъ отъ себя Станкари, но его мѣсто въ Пинчовѣ вскорѣ занялъ женившійся ксендзъ Мартинъ Кровицкій, изгнанный изъ перемышльской епархіи Дзядускимъ и перешедшій открыто на сторону реформатовъ, и протестантство въ Польшѣ продолжало расширяться и усиливаться.

---

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 59.

[2]) Zakrzewski Reformacya w Polsce, 246—247 (на основаніи «Коронной Метрики»).

Процессы Оржеховскаго, Олесницкаго, Осолинскаго и другихъ, особенно перваго изъ нихъ, ежеминутно угрожавшіе потерять характеръ частныхъ судебныкъ процессовъ и разрѣшиться въ грандіозную тяжбу между римско-католической іерархіей и проникнувшейся реформаціонными стремленіями польской шляхтой,—были уже слишкомъ сильными симптомами приближавшейся грозы, чтобы можно было ласкать себя надеждой на успѣшность тѣхъ средствъ, которыми ее хотѣли предотвратить. Принятыя противъ нея мѣры вскорѣ оказались палліативами, и притомъ палліативами, не произведшими даже минутнаго дѣйствія. Примиреніе между Оржеховскимъ и Дзядускимъ, за которыми скрывались двѣ великія борющіяся силы, избравшія ихъ объектомъ своей борьбы, тотчасъ же оказались мыльнымъ пузыремъ, исчезнувшимъ въ самый моментъ своего появленія. Напрасно польскіе епископы усиливались продолжить по возможности дѣйствіе достигнутаго съ такимъ трудомъ компромисса, напрасно они пустили въ ходъ всѣ интриги, чтобы отнять у Оржеховскаго фактическую возможность жениться. Они, правда, отбили у Оржеховскаго невѣсту; но какъ скоро бракъ его пріобрѣлъ значеніе лозунга всей реформаціонной партіи, недостатка для Оржеховскаго въ невѣстахъ не могло быть. Въ началѣ слѣдующаго же года перемышльскій каноникъ сочетался законнымъ бракомъ съ Магдалиной Хелмской, дочерью знатнаго шляхтича, которую сосватали за него вожаки реформаціонной партіи Андрей Гурко и Мартинъ Зборовскій [1]). Если прежде сочиненія Оржеховскаго, одного изъ талантливѣйшихъ польскихъ писателей того времени, который со всею пылкостью своей страстной натуры обращалъ свое омоченное въ жолчь ядовитаго сарказма перо противъ ненавистнаго ему целибата, производили сильное впечатлѣніе въ польскомъ обществѣ: то бракъ этого человѣка, пріобрѣвшаго своимъ прошлогоднимъ процессомъ на петроковскомъ сеймѣ извѣстность во всей Польшѣ, долженъ былъ вызвать еще большую сенсацію. Дѣйствительно, вѣсть о бракѣ Оржеховскаго быстро разнеслась по всей Польшѣ, взволновала общественное мнѣніе, раздула застарѣвшую нелюбовь къ Риму и носителямъ его началъ въ Польшѣ въ широкое пламя ненави-

[1]) Orichovius, Annalis III (Dlug. II, 1511—1512); Ann. IV (Dlug. II, 1523).

сти и вражды: среди польской шляхты только и было разговоровъ, что о „прекрасномъ поступкѣ". Оржеховскаго, и безнравственности польскаго духовенства, о причинѣ ея—целибатѣ, о виновникѣ ея римскомъ папѣ, установившемъ этотъ целибатъ [1]). Оржеховскій сдѣлался положительно героемъ дня: къ нему со всѣхъ сторонъ летѣли письма съ выраженіемъ сочувствія, похвалы, одобренія; у него не хватало времени отвѣчать на нихъ [2]). Волненіе, возбужденное поступкомъ Оржеховскаго, было такъ велико, общественное мнѣніе такъ сочувственно отнеслось къ нему, что сами противники его на нѣкоторое время какъ-бы растерялись. Янъ Дзядускій, перемышльскій епископъ, медлилъ приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ понималъ, что при томъ сочувствіи, которое нашелъ Оржеховскій въ шляхтѣ, вовсе не расположенной уважать святость духовнаго суда, было совершенно невозможно дѣйствительное отправленіе правосудія. Онъ, поэтому, рѣшился осудить Оржеховскаго заочно; дабы придать этому заочному суду формальную законность, постарался обставить дѣло такъ, чтобы Оржеховскій не могъ лично явиться къ суду: онъ велѣлъ ему явиться къ суду чрезъ три дня, не указавъ мѣста, гдѣ будетъ разбираться дѣло. Оржеховскій проникъ въ планъ Дзядускаго: онъ извѣстилъ своихъ родственниковъ и друзей, чтобы они во всякую минуту готовы были слѣдовать, куда-бы ни призвалъ его епископъ. Между тѣмъ епископъ тайно уѣхалъ изъ Радымна въ Бржозовъ. Оржеховскій, извѣщенный объ этомъ друзьями, пустился слѣдомъ за епископомъ въ сопровожденіи цѣлаго отряда шляхты и въ назначенный день утромъ былъ въ Бржозовѣ. Тутъ произошла обычная сцена: епископъ требовалъ, чтобы Оржеховскій явился въ судъ одинъ, безъ прибывшей съ нимъ толпы; Оржеховскій и его спутники не соглашались на это; судъ не состоялся. Оржеховскій требовалъ, чтобы епископскіе секретари записали въ книгахъ объ явкѣ его къ суду и апелляціи его къ высшей инстанціи; но требованіе его не было уважено. Оржеховскій внесъ жалобу на судъ епископа въ городскіе акты въ Сапокѣ. Между тѣмъ

---

[1]) Ibid., 1523.

[2]) Ossolinski, t. III, przypisy do części I, str. 31 (письмо Оржеховскаго).

епископъ отлучилъ Оржеховскаго отъ церкви, провозгласилъ еретикомъ, лишилъ чести и имущества и изгналъ изъ епархіи. Шляхта была сильно раздражена этимъ приговоромъ. Оржеховскій, послѣ публикаціи епископскаго приговора, явился въ перемышльскій костелъ. Когда при появленіи его было пріостановлено богослуженіе и одинъ изъ ксендзовъ просилъ его удалиться изъ костела, въ которомъ онъ не имѣлъ права присутствовать, какъ проклятый, онъ, какъ-бы ничего не зная, спросилъ: и какое и чье проклятіе? Ему прочитали проклятіе, наложенное на него Дзядускимъ. Тогда Оржеховскій всходитъ на возвышеніе и, испросивши у Бога прощеніе въ томъ, что нарушилъ богослуженіе, проситъ присутствующихъ не думать, что онъ сдѣлалъ это намѣренно, потому что онъ знаетъ, что должно повиноваться даже несправедливымъ проклятіямъ, но такъ какъ онъ никогда не былъ обвиненъ на судѣ ни въ какомъ преступленіи, то полагалъ, что имѣетъ право находиться при богослуженіи. Затѣмъ, провозгласивъ апелляцію къ провинціальному собору на приговоръ епископа, вышелъ изъ костела и отправился въ замокъ, чтобы внести ее въ акты [1]).

Всѣ эти столкновенія и препирательства перемышльскаго каноника съ своимъ епископомъ, со всею подробностію разсказанныя въ его „лѣтописяхъ“, прекрасно иллюстрируютъ религіозное состояніе польскаго общества и духовенства въ первые годы по вступленіи на престолъ Сигизмунда Августа. Повсюду въ Польшѣ тогда происходили такія столкновенія, такія препирательства. Ксендзы женились; за нихъ охотно выдавали замужъ дѣвицъ изъ лучшихъ шляхетскихъ фамилій. Шляхта или вовсе не хотѣла давать десятину своимъ ксендзамъ, или соглашалась давать ее имъ подъ тѣмъ условіемъ, что они будутъ преподавать таинство евхаристіи подъ обоими видами. Духъ новизны, овладѣвшій значительною частью польскаго общества, заявлялъ себя иногда даже фактами насилія, фактами кощунства надъ старой святыней. Вообще въ первые годы царствованія Сигизмунда Августа реформація сдѣлала такіе поразительные успѣхи, что бывшій тогда въ Польшѣ Гербенштейнъ просто изумлялся, какъ это вдругъ могла произойти такая перемѣна въ религіозномъ состояніи польскаго

[1]) Orichovius, Annalis IV (Dlug. II, 1521—1526).

общества [1]). Объ этой перемѣнѣ вскорѣ узнали и въ Римѣ. Уже въ своей поздравительной буллѣ папа Павелъ III убѣждалъ Сигизмунда Августа слѣдовать въ отношеніяхъ къ еретикамъ примѣру своего отца, который всегда защищалъ католическую вѣру противъ нихъ и никогда не допускалъ еретическихъ ученій въ своемъ государствѣ [2]). Равнымъ образомъ, папскому нунцію въ Польшѣ Мартиненго, въ данной ему инструкціи, поручалось побуждать новаго короля „слѣдовать по стопамъ своего отца, принимать совѣты и отеческія напоминанія его святѣйшества“ [3]). Но эти совѣты и отеческія напоминанія мало принимались во вниманіе: въ Римъ приходили очень неутѣшительныя вѣсти изъ Польши, причинявшія римской куріи не мало безпокойствъ и огорченій [4]). Въ Римѣ нашли нужнымъ въ 1550 году повторить Сигизмунду Августу увѣщаніе—охранять свое государство отъ проникавшихъ въ него изъ Германіи ересей [5]). Одновременно съ этимъ папа увѣщевалъ польскихъ епископовъ быть усердными въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, пользоваться своею властію для противодѣйствія „усиліямъ нѣкоторыхъ нечестивцевъ“ [6]). Польскіе епископы, какъ мы видѣли, принимали мѣры для противодѣйствія этимъ усиліямъ; но реформаціонное теченіе такой широкой рѣкой разливалось по обширному польскому королевству, что нечего было и думать остановить его однѣми мѣстными плотинами. Опасность становилась общею: если и можно было ее устранить, то совокупными, дружными усиліями. Такимъ образомъ, представителямъ католической церкви, чтобы имѣть надежду на успѣхъ, нужно было дружное, совокупное дѣйствованіе; а для этого имъ нужно было прежде всего выработать общій планъ борьбы съ противниками, условиться между собою относительно средствъ веденія этой борьбы и т. д. Эта необходимость была сознана представителемъ католичества въ Польшѣ [7]).

---

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 93, List Herbersteina, 9 maja 1551.

[2]) Rajnaldus, t. XXI, pars I, p. 413—414, nr. 82, sub anno 1548.

[3]) Relacye, I, 1—2, Instrukcya dana xiędzu Martinengo nuncyuszowi papiezkiemu jadącemu do Polski.

[4]) Rajnaldus, t. XXI, pars II, p. 16, nr. 42 sub anno 1550.

[5]) Ibid., p. 15, nr. 39.

[6]) Ibid., p. 16, nr. 42.

[7]) Въ маѣ 1551 года краковскій епископъ предлагалъ уже краковскому на-

Николай Дзержговскій, гнѣзненскій архіепископъ, созвалъ съ этою цѣлію провинціальный синодъ въ Петроковѣ въ 1551 году (8 іюня) [1]). На этотъ синодъ онъ пригласилъ не только епископовъ своей митрополіи, но и кульмскаго епископа Станислава Гозія, послѣдняго въ качествѣ избраннаго королемъ посла на тридентскій соборъ, потому что кульмская епископія входила въ составъ рижской митрополіи и кульмскіе епископы поэтому не обязаны были являться на синоды гнѣзненской архіепископіи [2]). Гозій съ радостію откликнулся на призывъ примаса—посѣтить синодъ, созванный по такимъ важнымъ побужденіямъ и бывшій притомъ первымъ со времени возведенія его въ санъ епископа [3]). Прибывъ на этотъ синодъ, Гозій тотчасъ принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе, сразу сталъ душой всѣхъ соборныхъ совѣщаній. Немедленно по прибытіи онъ вручилъ примасу особую записку, въ которой изложилъ свои взгляды на современное положеніе церковныхъ дѣлъ и указалъ свои мѣры къ улучшенію этого положенія [4]). Въ этой запискѣ онъ прежде всего предлагаетъ каждому изъ участниковъ собора углубиться въ самого себя, поразмыслить о томъ, что имъ управляетъ,—опредѣлить, чего онъ ищетъ прежде всего, царствія ли Божія, или царства дьявола. Затѣмъ онъ съ горестію говоритъ, что почти всѣ духовные, оставивъ царствіе Божіе, ищутъ царствія діавола. Если такъ, то продолжаетъ онъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у духовныхъ такъ много внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, старающихся послѣ того, какъ они перестали искать царствія Божія, отнять у нихъ и „то, что приложится“, — права, привиллегіи, имущества и проч. И въ самомъ дѣлѣ, когда свѣтскіе люди видятъ, что духовные слишкомъ далеко уклонились отъ своего долга, что они лишь съ жадностію копятъ богатства, что они только по имени духовные, а на дѣлѣ плотскіе и свѣтскіе, что своей жизнью и поведеніемъ они только без-

---

питулу прислать своихъ депутатовъ на провинціальный синодъ ad communis istius incendii flammam restiguendam, ne si communis opera ad malum commune exterminandum defuerit, eo usque serpendo progrediatur, ut universos inter oscitantes opprimat (Acta Historica, I, 330, Dibovi 4 Maii 1551).

[1]) Orichovius, Ann. IV (Dlug. II, 1526); Bielski, II, 1107.

[2]) Acta Historica, I, 473, Processus ad synodum provincialem 1551 A.

[3]) Rescius, libr. I, c. XVIII, p. 69.

[4]) Rescius, libr. I, c. XVIII, p. 70.

честятъ имя Божіе между людьми, — то они, говоритъ Гозій, не только духовныхъ считаютъ достойными презрѣнія, но и начинаютъ сомнѣваться въ самой вѣрѣ и принимаютъ ту или иную ересь. Изъ всего этого Гозій дѣлалъ такое заключеніе: если духовные хотятъ наслѣдовать вѣчное царство и „то, что приложится“, то они должны начать дѣло съ исправленія самихъ себя, съ исправленія своей собственной жизни [1]).—Эти мысли Гозія обратили на себя вниманіе отцовъ собора, которые, дѣйствительно, начали дѣло съ самихъ себя. Но прежде чѣмъ говорить о мѣрахъ и средствахъ, которыми польское духовенство, собравшееся въ Петроковѣ, думало улучшить, исправить, преобразовать себя, посмотримъ на него въ его неулучшенномъ, неисправленномъ, непреобразованномъ видѣ. Мы въ данномъ случаѣ находимся въ очень счастливыхъ условіяхъ, имѣя у себя въ рукахъ не только общую картину состоянія тогдашняго польскаго духовенства, но и портреты отдѣльныхъ его представителей, и притомъ нарисованные рукою людей, принадлежавшихъ къ составу польскаго духовенства: можно только пожалѣть, въ интересахъ истины, что эта картина и эти портреты отображаютъ не цѣльнаго человѣка, а, такъ сказать, одну его сторону, и притомъ обратную, его изнанку. Мы говоримъ объ изображеніи состоянія польскаго духовенства, которое находится въ „Инструкціи, данной депутатамъ краковскаго капитула на синодъ 1551 года“ [2]). Члены краковскаго капитула прежде всего признаютъ, что всѣ бѣдствія и преслѣдованія, которымъ подвергаются церковь и ея служители, обрушились на нихъ по праведному суду Божію, за грѣхи, преступленія и испорченные нравы ксендзовъ и епископовъ, за ихъ честолюбіе и излишнюю жадность, за то, что они, забывъ свою присягу и свой пастырскій долгъ, забывъ Бога, ведутъ распущенную жизнь, живутъ въ роскоши, блудѣ, въ плотскихъ похотяхъ, въ страстныхъ вожделѣніяхъ, занимаются грязнымъ ростовщичествомъ, ведутъ торговлю и т. д. Нѣкоторые изъ епископовъ даютъ у себя пріютъ заподозрѣннымъ въ ереси ксендзамъ, подвергнувшимся проклятію и отлученію еретикамъ, покровительствуютъ имъ, и отъ общенія

[1]) Resciu, lib. I, c. XVIII, p. 70—72.

[2]) Acta Historica, I, 477 и слѣд., Instructio Nunciis Capituli Cracoviensis ad Synodum A. 1551 data, Cracoviae, exeunte Maii 1551.

съ этими прокаженными овцами сами дѣлаются прокаженными. И эти епископы не только не удаляютъ изъ своего стада этихъ еретиковъ, но сами, говорятъ, творятъ дѣла еретиковъ и идолопоклонниковъ. Они, говорятъ, презираютъ церковныя установленія, какъ-то установленные церковію праздники и религіозные обряды, не чтятъ постовъ, въ св. четыредесятницу публично ѣдятъ мясо вмѣстѣ съ свѣтскими людьми, признаютъ только три таинства, всѣ остальныя отвергаютъ, причащаютъ мірянъ подъ обоими видами, осуждаютъ римское крещеніе, а одобряютъ русское. (За этой общею картиною въ „Инструкціи“ слѣдуютъ отдѣльные портреты). Гнѣзненскій архіепископъ Николай Дзержговскій невнимателенъ къ тому, что есть Божіе и Св. Духа, преданъ мірскимъ занятіямъ, чреву, пищѣ, сну, плоти, удовольствію, не читаетъ ни св. Писанія, ни каноновъ, ни провинціальныхъ статутовъ. Онъ невнимателенъ къ своей обязанности относительно искорененія ереси, которая изъ-за его небрежности съ каждымъ днемъ распространяется и усиливается. Говорятъ даже, что въ гнѣзненскую епархію перебрались нѣкоторые изъ вступившихъ въ бракъ ксендзовъ; а чтобы онъ противъ нихъ что-либо предпринималъ, ничего пока объ этомъ не слышно. Архіепископъ не производитъ обозрѣнія ни своей, ни другихъ епархій, не вникаетъ въ жизнь, въ нравы, въ ученіе, въ вѣру своихъ епископовъ, изъ которыхъ почти всѣ не только осквернили себя этими общими пороками, но, говорятъ, заражены лютеранскимъ и почти языческимъ нечестіемъ. Ходитъ между людьми молва, дай Богъ, чтобы она была ложная, что епископъ краковскій Андрей Зебржидовскій не соблюдаетъ поста четыредесятницы, ѣстъ въ это время мясо, одобряетъ причащеніе подъ обоими видами и,—что страшно подумать и сказать,—онъ—атеистъ, безъ всякой религіи и вѣры... О немъ же идетъ слухъ, что онъ совсѣмъ ограбилъ подданныхъ куявской епископіи... Краковскій епископъ, какъ это твердитъ всеобщая молва, ведетъ нечистую и нецѣломудренную жизнь. Есть слухъ, что въ первый свой пріѣздъ въ Данцигъ онъ увезъ оттуда какую-то дѣвицу, держалъ ее у себя въ Вольборжѣ, имѣлъ отъ нея дочь... Тоже говорятъ и о монахиняхъ и о другихъ женщинахъ, которыхъ его преосвященство посвящаетъ. Познанскій епископъ Венедиктъ Избенскій обвиняется въ хищничествѣ и особенно

извѣстенъ по своей жадности. Говорятъ, онъ поддѣлываетъ (vorare) завѣщанія, похищаетъ чужія деньги, не отдаетъ долговъ, отлучаетъ отъ церкви канониковъ своихъ, чтобы похитить деньги изъ ихъ залога и т. п. О страсти къ наживѣ плоцкаго епископа Андрея Новскаго, о его скупости и скряжничествѣ удивительныя вещи разсказываютъ. Говорятъ, что онъ вовсе не занимается церковными дѣлами, преданъ корысти и барышамъ, производитъ торговлю, сплавляетъ къ данцигскому порту товары, дрова, лѣсъ; отъ скупости самъ лишаетъ себя пищи и питья, заставляетъ голодать своихъ слугъ, епископскихъ обязанностей совсѣмъ не исполняетъ, даже свой каѳедральный костелъ рѣдко посѣщаетъ, книгъ никакихъ, кромѣ приходорасходныхъ, не читаетъ.—Куявскій епископъ Янъ Дройовскій, когда былъ епископомъ холмскимъ, по винѣ-ли своего русскаго происхожденія (vitio gentis suae Buthenae), или отъ незнанія духовныхъ наукъ, или одураченный своимъ родственникомъ Оржеховскимъ, соединилъ, говорятъ, лютеранское нечестіе съ русскою схизмою. Говорятъ кромѣ того, что онъ не придаетъ никакого значенія постановленіямъ католической римской церкви, не соблюдаетъ поста четыредесятницы, въ этомъ посту ѣлъ мясо со всѣмъ своимъ домомъ, слугъ своихъ и другихъ людей причащалъ подъ обоими видами, всѣ таинства, за исключеніемъ трехъ, отвергаетъ, какъ изобрѣтенія людей и діавола, говоритъ, что Духъ Святой исходитъ отъ одного Отца, а не отъ Сына. Онъ же съ еретиками имѣетъ общеніе.—Каменецкій епископъ Леонардъ также, говорятъ, лютеранинъ, но такъ какъ онъ желаетъ, старается и надѣется получить лучшую епископію, то, боясь какихъ-либо препятствій, сталъ порицать это лютеранское нечестіе. Онъ также имѣетъ, говорятъ, общеніе съ еретиками. Будучи проповѣдникомъ въ Краковѣ въ костелѣ св. Маріи, онъ заразилъ людей ересью, отвергалъ чистилище и призываніе святыхъ. Нареченный холмскій епископъ Яковъ Уханскій также, говорятъ, лютеранинъ, читаетъ еретическія книги, ведетъ диспуты и споры въ защиту ереси. Онъ не одобряетъ обрядовъ католической церкви, отвергаетъ почитаніе святыхъ, затыкаетъ уши при пѣніи „Salve Regina“ и „Regina coeli laetare“, имѣетъ общеніе съ еретиками, водитъ съ ними дружбу. Онъ въ одномъ собраніи духовенства сказалъ, что вскорѣ вмѣстѣ съ другими

епископами произведетъ измѣненіе и исправленіе въ польской церкви, между тѣмъ какъ онъ самъ всего болѣе въ нихъ нуждается. Онъ чрезвычайно довѣряетъ своей головѣ, а какъ не высоко онъ цѣнитъ апостольскій престолъ и его верховенство, лучше всего видно изъ того, что онъ, не обращая вниманія на авторитетъ апостольскаго престола, заподозрившаго его въ ереси, вступилъ во владѣніе епископіей.

Какъ ни односторонняя приведенная нами характеристика польскаго духовенства, какъ ни очевидна въ ней тенденція выставить на показъ все дурное, темное, что только можно было собрать изъ далеко не всегда достовѣрныхъ источниковъ, тѣмъ не менѣе въ ней много правды, въ ней много живыхъ, съ натуры схваченныхъ чертъ; въ этомъ мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться изъ другихъ источниковъ. Неудивительно поэтому, что кульмскій епископъ Гозій предложилъ своимъ собратьямъ-епископамъ и остальному собравшемуся въ Петроковѣ духовенству, начать дѣло съ самихъ себя. Присутствовавшіе на соборѣ прежде всего выразили желаніе убѣдиться въ своемъ собственномъ правовѣріи, выразили желаніе, чтобы каждый изложилъ свое мнѣніе объ извѣстныхъ пунктахъ церковнаго ученія и подтвердилъ его клятвою. Но тутъ между присутствовавшими оказалось очень большое разногласіе, которое, конечно, вовсе уже не говорило въ пользу строгаго правовѣрія польскихъ епископовъ и вообще польской католической іерархіи. Чтобы устранить эти разногласія, чтобы установить одну общую формулу, которая бы какъ на этотъ разъ, такъ и на будущее время могла быть мѣркой правовѣрія,— предсѣдателемъ собора Николаемъ Дзержговскимъ высказана была мысль о составленіи точнаго исповѣданія вѣры, въ которомъ были бы осуждены всѣ неправославныя мнѣнія, распространившіяся къ этому времени въ Польшѣ. Составленіе этого исповѣданія поручено было Станиславу Гозію, самому ученому въ то время польскому епископу [1]). Гозій потребовалъ срока 4 дня и въ теченіе этого времени составилъ Professio fidei, въ которомъ систематически изложены были основные пункты католическаго ученія, подкрѣпленные доказательствами

[1]) D. Stanislai Hosii S. R. E. Tituli Sancti Clementis Presbyteri, Cardinalis et Episcopi Varmiensis, in Concilio Tridentino Praesidis, Opera omnia, Antverpiae, 1571, предисловіе. Rescius, libr. I, c. XVIII, p. 73.

изъ свящ. Писанія, отеческихъ твореній, соборныхъ опредѣленій и соображеніями разума. Это Professio fidei послужило впослѣдствіи основаніемъ для его знаменитаго Confessio fidei catholicae christiana [1]). Это Professio fidei было подписано всѣми присутствовавшими на соборѣ епископами, которые клятвой подтвердили его и осудили всѣ несогласныя съ нимъ мнѣнія [2]). На соборѣ высказано было даже желаніе немедленно издать въ свѣтъ составленное Гозіемъ Professio fidei; но этому воспротивился самъ Гозій, объявившій, что Professio, составленное имъ въ такое короткое время, не чуждо нѣкоторыхъ недостатковъ и потому не годится для печати. Онъ обѣщалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исправить и дополнить его и затѣмъ напечатать [3]).

Послѣ того какъ прибывшіе на петроковскій синодъ представители польской церкви подписались подъ Гозіевымъ Professio fidei, послѣ того какъ ихъ правовѣріе, хотя бы то лишь по внѣшности, было засвидѣтельствовано такимъ исключительнымъ образомъ, невольно набрасывающимъ тѣнь на тѣхъ, для кого онъ понадобился: руководители собора примасъ Дзержговскій и Гозій приступили къ тому, что было главной цѣлью созванія петроковскаго синода, —къ обсужденію мѣръ и средствъ борьбы съ реформаціей. Прежде всего петроковскій синодъ, чтобы искоренить лютеранскую ересь, которая въ гнѣзненской провинціи пустила корни и даже многихъ изъ духовнаго сословія испортила и заразила, постановилъ, чтобы по примѣру участниковъ синода всѣ духовныя лица гнѣзненской митрополіи, отъ высшихъ до низшихъ, обязались неизмѣнно содержать исповѣданіе вѣры, подписанное членами собора. Равнымъ образомъ синодъ постановилъ, чтобы на будущее время всѣ, поставляемые на священныя должности, присягою подтверждали это же исповѣданіе вѣры. Самое это исповѣданіе синодъ опредѣлилъ представить предварительно на утвержденіе апостольскаго престола. Что же касается тѣхъ, которые по принятіи этого исповѣданія оказались бы клятвопреступниками, держа-

---

[1]) Hosii Opera пред.; Rescius, libr. I, c. XVIII, p. 73; Orichovius, Ann. IV (Dlug. II, 1526); Bielski, II, 1107.

[2]) Hosii Opera, пред. Rescius, libr. I, c. XVIII, p. 73; Acta Historica I, 524—525; forma juramenti.

[3]) Hosii Opera, пред. Rescius, libr. I, c. XVIII, p. 73.

щимися еретическихъ мнѣній, или хранящими, или читающими еретическія книги, или имѣющими съ еретиками торговыя и дружественныя сношенія, или просто терпящими ихъ въ своихъ домахъ,—о таковыхъ, если они—епископы, повелѣно было доносить апостольскому престолу, если они—прелаты, каноники, аббаты, монахи,—епископамъ и капитуламъ, если же они—низшіе духовные,—locis ordinariis для заслуженнаго ими наказанія [1]). Мало того: постановлено было просить короля, чтобы онъ предписалъ всѣмъ государственнымъ чиновникамъ, сенату (коронному и литовскому) и всей шляхтѣ принять составленное соборомъ исповѣданіе вѣры [2]).—Послѣ этого синодъ перешелъ къ мѣрамъ, которыя должны были оградить само польское духовенство отъ зараженія еретическимъ ученіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нанести нѣкоторый ударъ и самимъ приверженцамъ новаго ученія. Онъ запретилъ духовнымъ, подъ угрозою денежнаго штрафа, отдавать церковныя земельныя владѣнія, которыхъ въ то время, какъ мы знаемъ, было очень много, въ управленіе или пользованіе еретиковъ и людей, заподозрѣнныхъ въ ереси [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ архіепископамъ, епископамъ и всѣмъ остальнымъ лицамъ духовнаго званія, чтобы они „не держались и не терпѣли еретиковъ или даже заподозрѣнныхъ въ ереси, или отлученныхъ, но удаляли ихъ отъ своего общества и разговора, чтобы они не имѣли и не читали еретическихъ книгъ, чтобы они не позволяли разсуждать у нихъ за столомъ никому, особенно свѣтскимъ людямъ, о вѣрѣ и прочихъ членахъ, которые подвергнуты сомнѣнію еретиками"; кромѣ того они должны имѣть у себя людей ученыхъ, которые бы могли колеблющимся въ вѣрѣ указать и объяснить мѣста свящ. Писанія, которыхъ тѣ не понимали [4]). На проповѣдничество, особенно приходскихъ священниковъ, синодъ обратилъ особенное вниманіе, поручивъ его контролю высшихъ духовныхъ властей, такъ какъ приходскіе проповѣдники въ то время часто становились пропагаторами новаго ученія [5]). Всѣ эти соборныя постановленія, вызванныя

[1]) Acta Historica, I, 513, Constitutiones Synodi Pietrocoviensis 1551 A.
[2]) Ibid., 513.
[3]) Ibid., 514.
[4]) Ibid., 514.
[5]) Ibid., 516.

сильнымъ распространеніемъ протестантства въ Польшѣ, имѣли своей цѣлью огражденіе отъ него людей, еще остававшихся вѣрными старой вѣрѣ. Но мы видѣли выше, что петроковскій синодъ высказалъ желаніе—все польское общество видѣть строго-католическимъ, выразилъ желаніе, чтобы его Professio fidei было всѣми принято. Имѣя предъ собой опыты предъидущей жизни, онъ едва-ли могъ ласкать себя надеждой, что все само собой пойдетъ по его желанію. Въ послѣднія десятилѣтія польское духовенство имѣло много случаевъ убѣдиться, что однимъ взмахомъ пера дѣла не рѣшаются, что побѣда не достигается безъ борьбы. Зная это, синодъ долженъ былъ подумать о средствахъ, которыми на самомъ дѣлѣ можно было бы заставить всѣхъ исповѣдывать Гозіево Professio fidei. Католическая іерархія въ Польшѣ имѣла, какъ мы знаемъ, всѣ юридическія основанія—вести борьбу съ еретиками въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, имѣла право употреблять противъ нихъ самыя строгія мѣры, могла, de jure, конечно, расправиться съ ними самымъ жестокимъ, даже кровавымъ способомъ: древніе статуты объ еретикахъ оставались неотмѣненными; въ исполненіи ихъ лишь три года тому назадъ клялся при своемъ вступленіи на престолъ Сигизмундъ Августъ; еще въ прошломъ (1550) году онъ вторично обѣщался ихъ исполнять. Такимъ образомъ, издавать какіе либо новые законы о преслѣдованіи еретиковъ петроковскому синоду не было надобности: нужно было лишь позаботиться объ исполненіи старыхъ. Петроковскій синодъ такъ и посмотрѣлъ на предстоявшую ему задачу. Прежде всего подъ угрозою анаѳемы постановилъ, чтобы loci ordinarii по обязанности своего званія распространили свою юрисдикцію на зараженныхъ ересью, или заподозрѣнныхъ въ ней, какого бы они ни были чина, положенія и сословія, при этомъ раскаявающихся принимали въ лоно церкви, нетвердыхъ и колеблющихся утвердили въ вѣрѣ, а упорныхъ и не желающихъ раскаяться подвергали заслуженнымъ ими наказаніямъ, согласно съ каноническими и провинціальными постановленіями и статутами королевства [1]). Затѣмъ петроковскій синодъ обратилъ вниманіе на то, что коронные старосты и подстаросты не исполняютъ приговоровъ духовныхъ судовъ, а предварительно подвергаютъ своему разсмотрѣнію

[1]) Ibid., 515.

то, справедливо или нѣтъ подвергнуто извѣстное лицо церковному отлученію. Признавая такой порядокъ вещей ненормальнымъ, синодъ постановилъ просить короля, чтобы онъ издалъ старостамъ указъ, чтобы они „безъ всякаго предварительнаго разбирательства и опредѣленія силы проклятій и даже безъ всякаго судебнаго процесса, а тотчасъ по разсмотрѣніи significatoriae literae ordinariorum приступали къ экзекуціи постановленія противъ отлученныхъ“ [1]). Наконецъ синодъ вмѣнилъ въ обязанность духовнымъ лицамъ тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы, согласно съ коронными статутами, отлученные не засѣдали въ свѣтскихъ судахъ и не допускались къ дачѣ показаній, въ качествѣ свидѣтелей [2]). Чтобы пріобрѣсть расположеніе короля, или, какъ выразились отцы собора, „желая показать расположеніе и любовь къ его величеству“, синодъ единогласно опредѣлилъ оказать королю денежную субсидію, въ которой онъ тогда очень нуждался [3]).

Мы указали главнѣйшія изъ постановленій петроковскаго синода 1551 года. При чтеніи этихъ постановленій невольно напрашивается вопросъ: какимъ образомъ они могли выйти изъ-подъ пера такихъ людей, какими были собравшіеся въ Петроковѣ польскіе епископы? Какимъ образомъ могли объявить такую безпощадную, не допускающую никакихъ компромиссовъ борьбу еретикамъ люди, склонявшіеся по своимъ убѣжденіямъ къ „еретичеству“? Откуда такая рѣшимость вступить въ открытый бой съ еретиками у людей, которые не безъ опасенія на счетъ этихъ же самыхъ еретиковъ ѣхали въ Петроковъ [4])? Эту рѣшимость вдохнулъ въ нихъ кульмскій епископъ Станиславъ Гозій, бывшій душою этого синода, неоффиціальнымъ его руководителемъ. Не даромъ же они такъ послушно подписались подъ его Professio fidei,—его, младшаго изъ нихъ, только-что посвященнаго въ епископы, не принадлежавшаго къ ихъ митрополіи, чужаго повидимому человѣка. Но въ томъ-то и дѣло, что Гозій и не считалъ польской церкви для себя чужою, и на дѣлѣ не былъ ей чуждъ. Не лишено значенія уже

---

[1]) Ibid., 518—519.

[2]) Ibid., 522.

[3]) Ibid., 522.

[4]) Это спасеніе высказываетъ краковскій епископъ въ письмѣ къ примасу Acta Historica, I, 335, Dibovi, 12 Maji 1551).

то одно, что упомянутая нами выше „Инструкція“, такъ сильно нападавшая на епископовъ, столько вылившая на нихъ грязи, вышла изъ того же капитула, изъ котораго Гозій поступилъ на кульмскую каѳедру, была дѣломъ рукъ людей, съ которыми связывали Гозія многіе годы совмѣстной дѣятельности, солидарность интересовъ, мнѣній, чувствованій. Ниже мы увидимъ, какихъ вѣрныхъ, надежныхъ союзниковъ имѣлъ Гозій въ членахъ польскихъ капитуловъ въ своихъ частыхъ столкновеніяхъ съ польскими епископами, изъ которыхъ далеко не всѣ по убѣжденію перешли на его сторону, хотя и подписались подъ его professio. Издавна существовавшій въ Польшѣ, какъ и другихъ католическихъ странахъ, антагонизмъ между епископами и ихъ капитулами сослужилъ ему въ этомъ случаѣ не маловажную службу. На опредѣленіяхъ петроковскаго синода 1551 года легла печать духа Гозія потому главнымъ образомъ, что этотъ духъ жилъ еще въ депутатахъ польскихъ капитуловъ. Въ своей „инструкціи“ краковскій капитулъ прямо поставляетъ на видъ польскимъ епископамъ ихъ безтактный, необдуманный образъ дѣйствій на предъидущемъ сеймѣ, упрекаетъ ихъ въ небрежности, неумѣньи защищать дѣло церкви, проектируетъ многія изъ тѣхъ мѣръ борьбы съ реформаціей, которыя мы читаемъ въ опредѣленіяхъ петроковскаго синода [1]).

Крайне враждебное ко всякаго рода реформаціоннымъ идеямъ и стремленіямъ настроеніе петроковскаго синода не замедлило обнаружиться въ польской церковной жизни фактами, соотвѣтствовавшими этому настроенію. Петроковскій синодъ показалъ собой примѣръ исполненія изданныхъ имъ опредѣленій, открылъ de facto борьбу съ реформаціонными стремленіями польскаго общества. Мы выше сказали, что Оржеховскій, преданный за вступленіе въ бракъ проклятію перемышльскимъ епископомъ, аппеллировалъ къ провинціальному синоду. Аппелляція, дѣйствительно, была принесена имъ синоду; но синодъ утвердилъ приговоръ перемышльскаго епископа и объявилъ Оржеховскаго еретикомъ. Гнѣзненскій архіепископъ даже обратился по этому поводу съ особымъ письмомъ къ королю [2]).

---

[1]) Acta Historica, I, 489, Instructio.

[2]) Orichovius, Annalis IV (Dlug. II, 1526—1527); Bielski, II, 1107.

Вскорѣ появился составленный въ духѣ петроковскаго синода королевскій приказъ, данный на имя краковскаго старосты Петра Кмиты, обращавшій его вниманіе на строгое и точное выполненіе приговоровъ краковскаго епископа и его оффиціаловъ относительно еретиковъ [1]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя король обратился съ приказомъ подобнаго же содержанія ко всѣмъ старостамъ и другимъ правительственнымъ лицамъ [2]). Между тѣмъ какъ бы по данному сигналу польскіе епископы, отчасти дѣйствительно вдохновившіеся ревностію по вѣрѣ, отчасти побуждаемые простымъ желаніемъ не отставать отъ своихъ коллегъ и не скомпрометтировать себя въ глазахъ добрыхъ католиковъ, открыли борьбу съ реформаціей. Борьба была на этотъ разъ болѣе или менѣе общею, велась, по крайней мѣрѣ, одновременно на многихъ пунктахъ польской территоріи. Въ Великой Польшѣ архіепископъ Дзержговскій позвалъ въ своему суду двухъ знатныхъ шляхтичей — Христофора Лясоцкаго и Якова Остророга и осудилъ ихъ, какъ еретиковъ [3]). Въ Малой Польшѣ краковскій епископъ Зебржидовскій позвалъ къ своему суду Конрада Крупку, который явился къ нему въ сопровожденіи многихъ знатныхъ шляхтичей. Епископъ велѣлъ защитить входъ въ свой палацъ пушками, запереть всѣ ворота и оставить одну только узкую дверь для прохода Крупки съ нѣсколькими изъ его спутниковъ. Крупка и его спутники требовали, чтобы судъ происходилъ въ присутствіи всѣхъ ихъ; епископъ на это не согласился и осудилъ его, какъ еретика, предалъ проклятію, присудилъ къ лишенію имущества и изгнанію изъ епархіи. Спутники Крупки открыто выражали Зебржидовскому свое неудовольствіе на его образъ дѣйствій, требуя, чтобы онъ не присвоялъ себѣ правъ короля [4]). Въ сосѣд-

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 60 (Datum Cracoviae feria secunda in crastino festo sanctissimae Trinitatis A. D. MDLI).

[2]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 61. Datum Vilnae XX Octobris 1551.

[3]) Orichovius, Ann. IV (Dlug. II, 1531); Bielski, II, 1107.

[4]) Orichovius, Annalis IV (Dlug. II, 1530—1531); Bielski II, 1107. Acta Historica, I, 375, Zebrzydowski Sigismundo Augusto, Cracoviae, 22 Octobris, 1551; Ibid., 377. Idem Ioanni Przerembski, Canonico Cracoviensi, Cracoviae, 22 Octobris, 1551 (въ этомъ послѣднемъ письмѣ онъ говоритъ, что входъ для Крупки не былъ закрытъ; но тутъ же прибавляетъ: sed quum domi meae fortassis vidissent ea locata fuisse praesidia, ut iis insolentibus esse pro more non liceret, in suam se domum retulerunt, se que admissos non esse diderunt.

ней съ краковскою, перемышльской епископіи Янъ Дзядускій также выступилъ на борьбу съ реформаціей, свившею себѣ гнѣздо въ городѣ Дубецкѣ, принадлежавшемъ знатному шляхтичу Станиславу Стадницкому, перешедшему въ реформатство. Дзядускій позвалъ Стадницкаго къ своему суду, но въ такое время, когда его не было дома; Стадницкій на судъ, конечно, не явился, и епископъ осудилъ его заочно, отлучилъ отъ церкви, лишилъ его чести и имущества. Вѣсть объ этомъ приговорѣ настигла Стадницкаго на пути въ Вржозовъ, куда онъ ѣхалъ на сеймикъ по королевскому указу. Получивъ эту вѣсть Стадницкій обратился къ окружавшей его шляхтѣ съ рѣчью, въ которой указывалъ на большую опасность, грозившую всему шляхетскому сословію отъ присвоенія себѣ епископами права— лишать гражданъ чести и имущества, убѣждалъ ихъ не допускать этого присвоенія, просилъ на будущемъ сеймѣ позаботиться объ обезпеченіи своей безопасности отъ этихъ внутреннихъ враговъ, „которые гораздо жесточе турокъ и скиѳовъ, которые, откормившись на нашихъ имуществахъ и доходахъ королевства, какъ пресыщенные звѣри бросаются на насъ, своихъ кормильцевъ, и терзаютъ насъ всякими обидами и оскорбленіями“ [1]). Рѣчь Стадницкаго произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшую шляхту, которая рѣшила поручить своимъ посламъ на сеймъ прежде всего позаботиться объ огражденіи своей безопасности отъ польскихъ епископовъ [2]).

Борьба съ реформаціей, которую открыла католическая іерархія одновременно въ разныхъ частяхъ польскаго королевства, естественно, должна была вызвать реакцію въ польской шляхтѣ. Общее настроеніе ея было крайне враждебное католической іерархіи. Краковскій епископъ Зебржидовскій, осудившій Крупку, писалъ въ Римъ, что онъ, защищая свободу и авторитетъ церкви, не только возбудилъ къ себѣ страшную ненависть во многихъ, но рискуетъ даже жизнію [3]). Его ревности по вѣрѣ въ дѣлѣ Крупки не одобряли не только свѣтскіе

---

[1]) Orichovius, Annalis IV (Dlug. II, 1528—1529).

[2]) Orichovius, Ann. IV, p. 1530.

[3]) Acta Historica, I, 386, Zebrzydowski Bernardo de Maphaeis Cardinali, Cracoviae, 15 Decembris 1551.

люди [1]), но даже нѣкоторые изъ епископовъ [2]). Особенно сильно выражала свое раздраженіе противъ духовенства польская шляхта на сеймикахъ, созванныхъ по королевскому указу предъ петроковскимъ сеймомъ 1552 года. „Не было, говоритъ Оржеховскій, ни одного сеймика, на которомъ не было бы высказано требованій объ ослабленіи могущества духовенства“ [3]). Этому способствовало то обстоятельство, что на эти сеймики явились всѣ лица, въ большей или меньшей степени подвергшіяся преслѣдованію со стороны епископовъ [4]) и разыгрывавшія роль несчастныхъ жертвъ фанатизма епископовъ. На сеймикъ въ Вишни явился самъ Оржеховскій, который, по его собственнымъ словамъ, „со слезами умолялъ рыцарей, чтобы они не отдавали его въ руки епископа, говоря, что уже существуетъ королевскій указъ, которымъ дана старостѣ Кмитѣ власть умертвить его,—что, если не окажутъ ему скорой помощи, онъ будетъ отданъ палачу и потерпитъ невинно наказаніе [5]). Шляхта горячо приняла къ сердцу дѣло Оржеховскаго. Ксендзъ, присланный епископомъ Дзядускимъ вмѣсто себя на этотъ сеймикъ, едва не подвергся здѣсь публичному оскорбленію и долженъ былъ бѣжать изъ Вишни. Сеймикъ поручилъ своимъ посламъ защищать Оржеховскаго на будущемъ сеймѣ и не приступать къ обсужденію другихъ вопросовъ прежде, чѣмъ не будутъ отмѣнены духовные суды. Настроеніе сеймика въ Вишни не было исключительнымъ; такое же настроеніе въ большей или меньшей степени господствовало и на другихъ сеймикахъ. „Подобныя же требованія,—продолжаетъ Оржеховскій, описавъ сеймикъ въ Вишни, — высказывались польскими рыцарями и на другихъ сеймикахъ и вездѣ съ тревогой ожидали короннаго сейма“ [6]).

---

[1]) Ibid., 383, Zebrzydowski Iacobo, Episcopo Chelmensi designato, Cracoviae 12 Novembris 1551.

[2]) Ibid. 382, Zebrzydowski Ioanni Comiti in Tarnow, Castellano Cracoviensi, Cracoviae, 11 Novembris 1551

[3]) Orichovius, Annalis IV (Dług. II, 1531).

[4]) Ibid., p. 1531: circumibant circum conventus homines ab Episcopis oppressi.

[5]) Idib., p. 1531. На одномъ изъ этихъ сеймиковъ епископу Зебржидовскому, по его словамъ, praesidio tectum firmatumque esse oportuit contra quorundam insultus atque impressionem (Acta Historica, I, 386, Zebrzydowski Bernardo de Maphaeis Cardinali, Cracoviae, 15 Decembris 1551).

[6]) Orichovius, Ann. IV, p. 1532.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Въ началѣ февраля 1552 года открылся въ Петроковѣ сеймъ, который, судя по настроенію, господствовавшему на предшествовавшихъ ему сеймикахъ, обѣщалъ быть бурнымъ и опаснымъ для католической іерархіи. Враждебное католичеству настроеніе сейма обнаружилось при самомъ его открытіи. Во время мессы, которою обыкновенно открывались въ Польшѣ сеймы, когда король и сенаторы, при поднятіи евхаристіи преклонили колѣна, нѣкоторые послы повернулись къ ней спиной, а Рафаилъ Лещинскій, сложившій съ себя годъ тому назадъ званіе воеводы, которое онъ незаконно носилъ, и чрезъ это пріобрѣвшій большую популярность среди шляхты, стоялъ въ шапкѣ впереди самого короля [1]). Когда затѣмъ были прочитаны королевскія предложенія относительно обороны государства отъ внѣшнихъ враговъ, послы объявили, что ни о какой оборонѣ, ни о какомъ внѣшнемъ непріятелѣ они не хотятъ говорить, пока не избавятся отъ врага внутренняго; внутреннимъ же врагомъ, прибавляетъ Бѣльскій, они называли духовныхъ [2]). Послы заявили, что они имѣютъ порученіе отъ всей шляхты просить короля, чтобы онъ благоволилъ уладить раздоры, возникшіе между духовнымъ и шляхетскимъ сословіями изъ-за того, что епископы позвали къ своему суду нѣсколькихъ шляхтичей и присудили ихъ къ лишенію чести, жизни и имущества. Вмѣстѣ съ этимъ они жаловались на то, что епископы выпросили у короля, послѣ коронаціи его супруги, приказъ старостамъ — приводить въ исполненіе судебные приговоры епископовъ. Послы не хотѣли приступать къ обсужденію королевскихъ предложеній, прежде чѣмъ король не уничтожитъ духовной юрисдикціи de haeresi и не отмѣнитъ изданнаго имъ приказа старостамъ ad exequendum этой юрисдикціи [3]). Раздраженіе шляхты противъ католической іерархіи было такъ сильно, что предъ нимъ на время умолкла даже вѣроисповѣдная рознь. Хотя, безъ сомнѣнія, не всѣ изъ земскихъ пословъ

---

[1]) Orichovius, Ann. V (Dług. II, 1537—1538); Bielski II, 1108.

[2]) Bielski, II, 1108; Orichovius, Ann. (Dług. II, 1538—1539).

[3]) Scriptores Rerum Polonicarum I, 49, relacya o Piotrkowskim seimie 1552 r., w kształcie listu, z kopii Mss. Biblioteki Załuskich, przez Łukasza Gołębiowskiego spovządzonej.

порвали связи съ католичествомъ, но на этотъ разъ связи эти отошли на задній планъ, и вся посольская изба слилась въ одномъ общемъ чувствѣ ненависти къ католической іерархіи. Выразителемъ своего чувства она избрала упомянутаго уже нами Лещинскаго, который въ рѣчи къ королю не жалѣлъ самыхъ яркихъ, густыхъ красокъ, чтобы нарисовать картину безпомощнаго положенія польской шляхты, отданной во власть епископовъ. Не внѣшней силы, говорилъ онъ, нужно бояться полякамъ, а того зла, которое горитъ въ самыхъ внутренностяхъ, по небрежности короля набирается силъ, насилуетъ общую свободу, вмѣсто одного короля творитъ въ Польшѣ многихъ тирановъ, смѣло и безнаказанно присвоивающихъ себѣ королевскую власть. „Поляки, говорилъ онъ, не желаютъ признавать надъ собою иной власти, кромѣ королевской» [1]). При этомъ послы называли епископовъ „лицемѣрами и хищными волками, чего еще никогда въ Польшѣ не было слышно“ [2]).

Нападеніе, сдѣланное шляхтою на католическую іерархію, было такъ сильно, такъ единодушно, что польскіе епископы на первыхъ порахъ какъ бы растерялись [3]). Когда первыя впечатлѣнія улеглись, примасъ пригласилъ къ себѣ епископовъ и долго совѣщался съ ними,—не слѣдуетъ ли нѣсколько поступиться своею юрисдикціею въ угоду шляхтѣ. Когда на совѣщаніи восторжествовало то мнѣніе, чтобы „всѣми средствами охранять юрисдикцію“, епископы поручили это дѣло краковскому епископу Зебржидовскому [4]). Зебржидовскій произнесъ въ сенатѣ въ присутствіи короля длинную рѣчь, которою онъ впослѣдствіи такъ любилъ хвастаться, особенно въ своихъ донесеніяхъ римской куріи [5]). Въ этой рѣчи онъ доказывалъ, что, если тѣ или другіе представители католической іерархіи въ Польшѣ не соотвѣтствуютъ своему назначенію, если они оказываются людьми низкаго умственнаго и нравственнаго уровня, то это еще ничего не говоритъ противъ самого этого

[1]) Orichovius Ann. V (Dług., II, 1539).
[2]) Bielski II, 1109.
[3]) Ibid., 1109.
[4]) Orichovius, Ann. V (Dług. II, 1546).
[5]) Acta Historica I, 397 Zebrzydowski Bernardo Maphaeo Cardinali, Petricoviae, 26 Martii 1552; ibid. 396, idem Petro Głogowski, Petricoviae 26 Martii 1552.

института, такъ какъ Богъ поставилъ начальниками надъ людьми не боговъ, а обыкновенныхъ людей. Ораторъ доказывалъ, что польскіе епископы вовсе не худшіе люди въ странѣ: по происхожденію они равны всѣмъ шляхтичамъ, по жизни и нравамъ—не хуже другихъ, что же касается науки, то это уже дѣло епископовъ опредѣлить, — что имъ нужно знать и чего не нужно. Посягательство на права католической іерархіи, развивалъ онъ свою любимую мысль, есть вмѣстѣ съ тѣмъ посягательство на права короля, потому что и на короля напасть не задумается тотъ, кто поднялъ руку на того, кто помазалъ короля на царство; при этомъ онъ поставлялъ королю на видъ сосѣднюю Германію, гдѣ своеволіе дерзнуло возстать на самого императора [1]).

Споръ между духовенствомъ и шляхтой затянулся: епископы стояли на своемъ, послы—на своемъ [2]). На долю защитниковъ прерогативъ католической іерархіи выпали цѣлыхъ два мѣсяца упорной, трудной борьбы; цѣлыхъ два мѣсяца имъ пришлось выдерживать натискъ польской шляхты, работавшей съ неутомимою, неудержимою энергіей, такъ какъ тутъ дѣло шло объ одномъ изъ существенныхъ пунктовъ ея религіозно-политической программы [3]). Натискъ пословъ былъ тѣмъ опаснѣе, что требованія ихъ нашли для себя поддержку въ сенатѣ: большинство свѣтскихъ сенаторовъ было на ихъ сторонѣ [4]). Мало того: между самими духовными сенаторами, какъ оказывается, далеко не было полнаго единодушія [5]). Особенно въ непріятномъ положеніи очутился перемышльскій епископъ Дзядускій. Не говоря уже о непріятностяхъ со стороны свѣтскихъ лицъ, сами польскіе епископы рады были сорвать на немъ свою злость, точно онъ одинъ вызвалъ бѣду, свалившуюся на ихъ голову. Когда онъ жаловался примасу на тѣ непріятности, ко-

[1]) Bielski, II, 1109—1110; Orichovius, Ann. V (Dług. II, 1546—1549).

[2]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 49, упомянутая выше реляція.

[3]) Nobilitas, писалъ одинъ изъ участниковъ сейма, in nostram ordinisque nostri internecionem mirifice ruebat, neque quicquam continuo duorum mensium taedio defatigati sumus, ut autoritatem dignitatemque nostram vindicaremus (Acta Historica, I, 37, Zebrzydowski Bernardo Maphaeo Cardinali, Petricoviae, 26 Martii 1552).

[4]) Scriptores Rerum Polonicarum, 49.

[5]) Acta Historica, I, 396, Zebrzydowski Benedicto, Episcopo Poznaniensi, Petricoviae, 14 Martii 1552; ibid., 396, idem Petro Głogowski, Petricoviae 26 Martii 1552.

торыя ему изъ-за Оржеховскаго приходится терпѣть отъ пановъ и говорилъ, что онъ страдаетъ за всѣхъ ихъ—епископовъ; примасъ, если вѣрить Оржеховскому, съ укоризною сказалъ ему: „ты за насъ терпишь это? ты, который столько зла намъ причинилъ, изъ-за котораго поднялась на насъ вся эта буря“ [1]). Между тѣмъ, какъ бы къ довершенію всѣхъ золъ, на петроковскій сеймъ явился и самъ Оржеховскій, нашедшій себѣ защитниковъ даже въ нѣкоторыхъ епископахъ, дѣятельно хлопотавшихъ о снятіи съ него церковнаго проклятія [2]).

Эта борьба польскаго духовенства и польскаго дворянства, или—что тоже—католической и реформаціонной партій поставила польскаго короля въ весьма затруднительное положеніе: Сигизмунду Августу приходилось такъ или иначе разрѣшить тяжбу. Тщетно король усиливался устроить какой-либо компромиссъ между борющимися сторонами. Прошло, какъ мы видѣли, около двухъ мѣсяцевъ, а ни та, ни другая сторона не показывала желанія пойти на взаимныя уступки. Дольше оттягивать стало невозможно. Сигизмундъ Августъ объявилъ, наконецъ, слѣдующее рѣшеніе. Что касается чести, жизни и имущества, то король самъ хорошо знаетъ, что право суда надъ честью, жизнью и имуществомъ гражданъ не принадлежитъ никому иному, а только одному королю; въ другія дѣла король не желаетъ вмѣшиваться, чтобъ не нарушить правъ какого-либо сословія, шляхты или духовенства; такъ какъ духовные говорятъ, что это относится къ ихъ юрисдикціи, то королю не подобаетъ въ него вмѣшиваться, чтобы не нарушить ихъ вольности [3]). Это рѣшеніе короля страдаетъ неясностью, неопредѣленностью, пожалуй, даже двусмысленностью: оставляется неприкосновенною духовная юрисдикція и въ тоже время объявляется, что одинъ король имѣетъ право суда надъ честью, жизнью и имуществомъ гражданъ, слѣдовательно, приговоры

[1]) Orichovius, Ann. V (Dlug. II, 1541).

[2]) Ibid., 1540—1542.

[3]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 49: Od Króla Mci na to powiedziano panom posłom: co się dotyczy czci gardła i imienia, tedy to sam I. K. M. znać raczy, iż nikomu innemu nie przystoi sądzić o poczciwość, o gardło, o imię, jeno I. K. Mci. W inszycg rzeczach I. K. M. nie chce się w to wdać, aby któremu stanowi praw ubliżyć miał, jako wam rycerstwu swemu lub też i księży. Iż księża powiadają, iż to ich jurisdikcyi należy, tedy się mu nie godzi w to wdawać, aby my ich wolności mieli kazić.

епископскихъ судовъ не могутъ простираться на жизнь, честь и имущество гражданъ, то есть, не влекутъ за собой гражданскихъ послѣдствій, а, вѣдь, когда епископы говорили о неприкосновенности своей юрисдикціи, то конечно не церковныя, не духовныя послѣдствія ихъ защищали, которыхъ никто у нихъ и не оспаривалъ, которыя притомъ же вовсе и не нуждались въ королевскомъ утвержденіи. Но этого послѣдняго вывода, необходимо вытекавшаго изъ заявленія короля, что ему одному принадлежитъ право суда надъ жизнью, честью и имуществомъ гражданъ, король не высказалъ прямо; напротивъ, непосредственно вслѣдъ за этимъ заявленіемъ, спѣшитъ какъ бы стушевать его, сгладить его рѣзкость, заявляя, что онъ и пальцемъ не хочетъ коснуться духовной юрисдикціи. Въ рѣшеніи своемъ Сигизмундъ Августъ, очевидно, старался угодить той и другой сторонѣ: духовенству оставилъ его юрисдикцію, шляхту завѣрилъ, что кромѣ его, короля, никто не имѣетъ права надъ ея жизнью, честью и имуществомъ [1]). Король, повидимому, счастливо проплылъ между сциллой и харибдой. Но земскіе послы пожелали добиться отъ короля чего-либо болѣе опредѣленнаго: они просили короля, чтобы онъ пріостановилъ дѣйствіе духовной юрисдикціи и исполненіе приговоровъ духовныхъ судовъ надъ лицами, обвиненными въ ереси, до будущаго сейма. Король не согласился сдѣлать этого безъ согласія епископовъ. Послы обратились къ епископамъ съ просьбою—

---

[1]) Этою неопредѣленностью королевскаго рѣшенія объясняется, какъ намъ думается, то обстоятельство, что у современниковъ и людей, близкихъ этому времени, оно является въ разныхъ редакціяхъ, съ разнымъ смысломъ: по Орѣховскому, король чрезъ подканцлера объявилъ: ‚de haeresi Pontificum esse judicium arbitrari, atque id sibi pro pietate et pro antiquis Poloniae legibus aequum videri (Orichovius, Ann. V, Dług. II, 1550). Съ Орѣховскимъ согласенъ Мартинъ Бѣльскій: король объявилъ, że według rozumienia swego i dawnych praw koronnych inaczej widzieć tego nie może, jedno iż sąd około odszczepieństwa właśnie księdzom biskupom należy (Bielski, II, 1110—1111). По Дамалевичу, король объявилъ, ut jus integrum esset episcopis in apostatas, et desertores fidei animadvertendi (Damalewicz, 303). Гурницкій представляетъ дѣло нѣсколько иначе: король, по нему, объявилъ, iż z strony religii nikomu inszemu uznanie nie należy, kto dobrze, albo źle wierzy, iedno biskupom: lecz około poczciwości nie onychto sąd (Górnicki, 49). Еще иную редакцію этого рѣшенія представляетъ Буменскій: король, по нему, объявилъ, «że iedynie do Biskupów należy rozpoznanie spraw tyczących sie nowych, dogmatów religijnych wymierzenie zas' kar na honorze i gardle, do ich juryzdykcij bynajmniej się nie rozciąga (Bużenski, II, 278).

не затруднять своимъ отказомъ хода дѣлъ, а отложить все это до будущаго сейма [1]). Епископы (вѣроятно; изъ опасенія, что настоятельныя требованія пословъ доведутъ Сигизмунда Августа до объявленія о пріостановкѣ дѣйствія духовныхъ судовъ) сами согласились на то, что всѣ лица шляхетскаго сословія имѣютъ быть свободными отъ духовной юрисдикціи de haeresi [2]). Но тутъ между шляхтою и духовенствомъ возникъ новый споръ. Споръ этотъ поднялся изъ-за власти надъ забываемымъ въ другихъ случаяхъ пасынкомъ польскаго народа. Польскіе епископы, пріостановивъ дѣйствіе своей юрисдикціи надъ шляхтою, не хотѣли отказаться отъ суда contra plebeos; а польская шляхта вдругъ захотѣла облагодѣтельствовать своихъ „подданныхъ“ — освободить и ихъ отъ епископской юрисдикціи: ей захотѣлось отнять у польскаго крестьянства, почти во всей массѣ своей остававшагося католическимъ, право — судиться по дѣламъ вѣры у своихъ законныхъ духовныхъ пастырей. Опять спорящія стороны обратились за рѣшеніемъ къ королю. Король обнаружилъ склонность удовлетворить желанія шляхты, но епископы сильно противъ этого протестовали. Много было потрачено времени изъ-за польскаго крестьянина. Король старался убѣдить епископовъ отказаться отъ своей юрисдикціи и надъ крестьянами, говоря: согласились вы in parte, согласитесь между собой и in toto. Въ сенатѣ, въ присутствіи короля, краковскій каштелянъ во всей наготѣ высказалъ свои шляхетскія воззрѣнія на крестьянъ. Когда краковскій епископъ сказалъ, что онъ вовсе не

---

[1]) Scriptores I, 49—50. Оржеховскій разсказываетъ дѣло согласно съ этимъ, прибавляя только, что послы и сочувствовавшіе имъ сенаторы были сильно поражены и разсержены королевскимъ рѣшеніемъ (Orichovius, Ann. V 1550). О впечатлѣніи, произведенномъ королевскимъ рѣшеніемъ на епископовъ, Оржеховскій ничего не говоритъ. Гурницкій же описываетъ въ такихъ чертахъ: tym dekretem stan duchowny tak był obrażon, iż uczyniwszy protestacyą, że się gwałt dzieie ich prawom, kilka dni do Rady nie chodzili (Górnicki, 49). Еще живѣе изображаетъ это впечатлѣніе Буженскій: Ten wyrok królewski tak dalece zasmucił i obraził biskupów, że oswiadczywszy się głośno przeciwko takowej przemocy i pociskom wymierzonym na kościoł, trzy dni nie znajdowali się na publicznem zyromadzeniu stanow (Bużeński, II, 278). Какъ сказывается изъ этихъ свидѣтельствъ, король ни той, ни другой сторонѣ не угодилъ, и онѣ, какъ бы убѣдившись, что отъ него ничего опредѣленнаго нельзя ждать, сами рѣшились устроить сдѣлку.

[2]) Scriptores, I, 50: Księża czyniąc prośby a żądliwości dosyć panów posłów przyzwolili na to, iż wszyscy z rycerskiego stanu mają być wolni od jurisdykcyi księżej de haeresi.

имѣетъ притязанія давать какія-либо приказанія пану каштеляну, либеральный панъ отвѣтилъ ему: „я буду тебя слушать любезный ксендзъ, если ты скажешь что-либо потребное для спасенія, но чтобы ты имѣлъ моего подданнаго подъ своей юрисдикціею, этого я тебѣ не позволю“. Эти слова либеральнаго пана такъ пришлись по вкусу польской шляхтѣ, что на другой день земскіе послы публично заявили свою полную съ ними солидарность, заявили, что они и знать не хотятъ духовной юрисдикціи надъ своими подданными. Король, которому давно уже надоѣли всѣ эти споры, „ничего имъ не отвѣтилъ, только рукой махнулъ, сказавъ: fiat“. Такъ окончился затянувшійся на цѣлыхъ два мѣсяца споръ духовенства и шляхты: земскіе послы перешли къ обсужденію королевскихъ предложеній [1]).

Съ петроковскаго сейма 1552 года начался рядъ откладываній отъ сейма до сейма принципіальнаго рѣшенія вопроса о духовномъ судѣ de haeresi, какъ откладывалось отъ сейма до сейма осуществленіе всей религіозно-политической программы шляхты. Этотъ сеймъ открываетъ собою рядъ interim'овъ, длинною вереницею тянущихся на протяженіи многихъ лѣтъ, когда духовная юрисдикція, сначала de haeresi, а потомъ и вообще, существовала только de jure. De facto судъ надъ еретиками съ петроковскаго сейма 1552 г. въ Польшѣ не существуетъ, или почти не существуетъ, такъ что католичеству онъ нанесъ весьма чувствительный ударъ. Судьба еще зло посмѣялась надъ польскимъ духовенствомъ: польскіе епископы на этомъ же самомъ сеймѣ приняли въ общеніе съ собою одного изъ виновниковъ своего пораженія, сняли съ Оржеховскаго проклятіе, наложенное на него петроковскимъ синодомъ 1551 года, хотя онъ продолжалъ жить съ женою и лишь далъ обѣщаніе выхлопотать у папы признаніе своего брака [2]). Гозій, руководившій петроковскимъ синодомъ, вдохнувшій своимъ присутствіемъ на немъ если не всѣмъ, то хоть нѣкоторымъ польскимъ епископамъ рѣшимость и энергію для борьбы съ реформаціей, присутствовалъ и на петроковскомъ сеймѣ, видѣлъ на немъ пораженіе католической партіи [3]).

---

[1]) Scriptores, I, 50.

[2]) Orichovius, Ann. V (Dlug. II, 1544—1546).

[3]) Eichhorn, I, 204.

Больной возвратился Гозій съ сейма въ вармійскую епархію, куда онъ незадолго предъ тѣмъ перешелъ съ кульмской каѳедры и гдѣ онъ уже открылъ описанную нами продолжительную борьбу съ реформаціей. Но еще лѣтомъ 1552 года пришлось Гозію въ своей борьбѣ съ реформаціей выступить за предѣлы своей епархіи. Въ это время Сигизмундъ Августъ предпринялъ поѣздку въ Данцигъ для улаженія тамошнихъ, по преимуществу религіозныхъ, дѣлъ. Гозій предчувствовалъ бѣду и, оправившись отъ болѣзни, лично сопровождалъ короля въ его поѣздкѣ въ Данцигъ. Предчувствіе не обмануло Гозія: данцигцы, дѣйствительно, употребляли усилія, чтобы добиться отъ короля оффиціальнаго признанія лютеранскаго исповѣданія въ ихъ городѣ. Но и Гозій съ своей стороны не жалѣлъ ни трудовъ, ни усилій, чтобъ разбить ихъ планъ. Въ теченіе почти двухмѣсячнаго пребыванія короля въ Данцигѣ онъ слѣдомъ ходилъ за королемъ, чтобъ не допустить его до исполненія просьбъ данцигцевъ, постоянно выставляя ему на видъ, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, а долженъ предоставлять ихъ епископамъ, что Богъ ему ввѣрилъ королевство, а епископамъ—церковь, что, поэтому, онъ долженъ лишь защищать церковь отъ нападеній ея враговъ. Король не рѣшился въ присутствіи Гозія дать благопріятный данцигцамъ отвѣтъ: онъ отвѣчалъ на просьбы данцигцевъ и единомышленныхъ съ ними эльбингцевъ, что онъ не имѣетъ власти вводить какія-либо перемѣны въ религіи, что все должно оставаться по старому [1]). Впрочемъ, одновременно съ этимъ онъ не только велѣлъ объявить данцигцамъ, что предписалъ властямъ быть умѣренными въ отношеніи къ приверженцамъ новаго ученія, но и самъ въ праздничные дни такъ рано бывалъ при католическомъ богослуженіи, что послѣ него еще можно было отслужить для горожанъ лютеранское [2]).

Въ то время, какъ Гозій съ нѣкоторымъ, хотя и небольшимъ, успѣхомъ велъ войну съ непріятелемъ въ Данцигѣ, въ Польшѣ по мѣрѣ приближенія новуго сейма росло враждебное католичеству настроеніе. Не особенно смущавшаяся и прежде приговорами епископскихъ судовъ польская шляхта

---

[1]) Resciu s, liber I, c. XIX, p. 76—77; Eichhorn, I, 204—205.
[2]) Moraczewski, IV, 278—279.

теперь, послѣ объявленной въ Петроковѣ пріостановки дѣйствія духовной юрисдикціи, могла уже открыто заявлять свои свои симпатіи въ реформаціи, не тревожась опасными для себя послѣдствіями епископскихъ приговоровъ. Въ Польшѣ стали возможными даже проявленія шляхетскаго произвола и насилія по отношенію къ представителямъ католичества: по крайней мѣрѣ, помѣстья краковскаго епископа испытали вооруженное нашествіе пана Водзиславскаго, принадлежавшаго притомъ же ко двору краковскаго каштеляна Яна Тарновскаго [1]). При видѣ такихъ фактовъ польская іерархія съ тревогой ожидала новаго сейма, имѣвшаго собраться въ началѣ слѣдующаго 1553 г. [2]).

Сеймъ собрался въ Краковѣ (18 янв. 1553 г.). Польская шляхта, или польская реформаціонная партія, сдѣлавшая свои сеймы ареной борьбы съ польскою католическою іерархіею, не упустила благопріятнаго случая еще разъ сразиться съ своими противниками, тѣмъ болѣе, что предъидущій сеймъ закончился лишь временною сдѣлкою, которая не могла никого удовлетворить уже по тому одному, что она была временная. Отъ лица посольской избы на сеймѣ говорилъ королю Іеронимъ Оссолинскій. Онъ началъ съ того, что польская шляхта находится въ такомъ положеніи, что ей остается только немедленно воззвать о помощи къ своему королю, отъ котораго одного зависитъ теперь ея счастье или несчастье. Затѣмъ, онъ нарисовалъ картину того, какъ на предъидущихъ сеймахъ, не смотря на непрестанныя королевскія обѣщанія разныхъ реформъ, постоянно разбивались всѣ надежды шляхты на лучшее будущее. Въ своей рѣчи касаясь разныхъ пунктовъ шляхетской программы, онъ не прошелъ молчаніемъ и религіозныхъ ея пунктовъ. Онъ напомнилъ королю, что еще на петроковскомъ сеймѣ 1550 года послы жаловались ему на разныя злоупотребленія, допускаемыя духовнымъ сословіемъ въ ущербъ интересамъ шляхты; напомнилъ ему, что онъ, король,

---

[1]) На это нападеніе Зебржидовскій жалуется въ письмѣ къ Тарновскому (Acta Historica, I, 417, Bodzętini, 18 septembris 1552).

[2]) Краковскій епископъ писалъ въ началѣ января 1553 г. папѣ Юліи III: intelligo, si superiora nostra comitia (сеймъ 1552 г.) dura religioni et Ecclesiae acerba fuerunt, haec multo fore duriora multoque acerbiora (Acta Historica, I, 424, Radłów, 5 iannuarii 1553).

одни изъ представленныхъ ему пунктовъ тогда совсѣмъ отвергнулъ, другіе отложилъ до ближайшаго сейма, и только самые неважные принялъ для немедленнаго исполненія, говорилъ о томъ, съ какими надеждами ѣхали послы на петроковскій сеймъ 1552 г. и съ какимъ разочарованіемъ они его оставили, припомнилъ королю, что на этомъ сеймѣ они между прочимъ у него просили, чтобъ духовные обязаны были платить подать съ того участка, съ котораго они берутъ десятину, а также и о томъ, чтобы король отмѣнилъ изданный имъ въ 1550 г. декретъ противъ еретиковъ, какъ противный шляхетскимъ правамъ и вольностямъ, говорилъ, что слѣдствіемъ всего этого было лишь то, что послы „снискали себѣ великую ненависть, великую непріязнь у своихъ братій"; въ заключеніе просилъ отъ лица всей посольской избы, чтобы „король на поданные имъ пункты благоволилъ ultimam imponere manum, принимая во вниманіе то, что неустроенныя государства падаютъ, а государство не можетъ быть благоустроеннымъ, если magistratus negligens in officio suo" [1]). Вслѣдъ за Оссолинскимъ Сенницкій жаловался на то, что справедливость оскудѣла въ Польшѣ [2]). Эти рѣчи, сказанныя въ весьма рѣзкомъ тонѣ, сильно разгнѣвали короля и даже сенаторовъ. Между королемъ и сенатомъ, съ одной стороны, и посольскою избою, съ другой, установились весьма натянутыя отношенія. На нѣсколько дней они даже вовсе прекратились. Долго шли потомъ на сеймѣ разсужденія объ уніи Польши съ Литвою, объ оборонѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ, объ экзекуціи и другихъ предметахъ. Но къ концу сейма опять всплылъ наружу старый вопросъ. Отъ лица земскихъ пословъ Томицкій заявилъ королю, что они все-таки ждутъ отъ него отвѣта на поданныя ему требованія относительно духовнаго сословія, ждутъ тѣмъ болѣе, что духовные тайно грозятъ, что они станутъ призывать шляхту къ своимъ судамъ [3]). Сенницкій къ этому прибавилъ, что поляки всегда заботились о томъ, чтобы у нихъ былъ одинъ только государь, чтобы никто не осмѣливался присвоивать себѣ королевской, или даже подобной власти. Поэ-

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 1—5, Dyaryusz scima Krakowskiego r. 1553.

[2]) Ibid., 6 seq.

[3]) Ibid., 23—24.

тому, говорилъ онъ, земскіе послы просятъ, чтобы король запретилъ духовнымъ призывать шляхту къ своимъ судамъ и публично (publico edicto) отмѣнилъ изданный въ угоду имъ эдиктъ: „мы, заключилъ онъ, подданные вашего королевскаго величества, а подданными духовенства быть не хочемъ и не желаемъ“ [1]). Сигизмунду Августу опять приходилось рѣшать старую тяжбу, такъ какъ прошлогоднее его рѣшеніе было въ сущности отсрочкою рѣшенія. Сигизмундъ Августъ не рѣшился и на этотъ разъ произнести окончательное рѣшеніе: сколько разъ ни ставили ему земскіе послы вопроса о духовной юрисдикціи, онъ все уклонялся отъ его рѣшенія, отмалчивался [2]).

Послѣ краковскаго сейма все въ Польшѣ осталось in statu quo. Правда, прошлогодній interim не былъ оффиціально продолженъ; правда, польское духовенство получило теперь опять право суда de haeresi и, какъ увидимъ ниже, дѣлало попытки воспользоваться имъ de facto; но попытки эти были такъ слабы и немногочисленны, что судъ de haeresi въ Польшѣ и послѣ краковскаго сейма фактически почти не существовалъ. Прошлогодній interim оставался почти въ прежней силѣ и былъ очень благодѣтеленъ для реформаціи. Во всѣхъ частяхъ польскаго государства, начиная съ пятидесятыхъ годовъ, она отвоевываетъ себѣ у католичества съ каждымъ годомъ все новыя, все большія территоріи. По мѣрѣ распространенія реформаціонныхъ идей въ Польшѣ, по мѣрѣ образованія въ разныхъ частяхъ польскаго государства цѣлыхъ группъ нововѣрцевъ, порвавшихъ связи съ католичествомъ, начинаютъ съ большею ясностью, съ большею отчетливостью обрисовываться предъ нами физіономіи этихъ группъ, начинаютъ формулироваться опредѣленныя протестантскія исповѣданія, или церкви, хотя продолжаетъ существовать цѣлая масса людей, не приставшихъ ни къ одному опредѣленному протестантскому исповѣданію, живущихъ просто отрицаніемъ аномалій католичества, жаждущихъ реформы, а не уничтоженія старой вѣры. Въ великой Польшѣ съ особенною силою заявляетъ себя исповѣданіе богемскихъ братьевъ, посѣявшихъ здѣсь первыя сѣмена своего ученія еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Центромъ богем-

---

[1]) Ibid., 24.
[2]) Ibid., 24.

скаго исповѣданія становится Познань, въ которой, съ легкой руки Матѳея Сіоніуса, непрерывно фигурируютъ разные богемскіе проповѣдники съ Георгомъ Израелемъ во главѣ, прибывающіе сюда отъ времени до времени изъ сосѣдняго прусскаго герцогства. Результатомъ ихъ дѣятельности является въ Познани многочисленная община, принявшая ученіе богемскихъ братьевъ,—община, въ составъ которой входятъ какъ познанскіе мѣщане, такъ и многіе изъ сосѣднихъ пановъ и шляхтичей. Правда, мѣстный епископъ Чарнковскій привлекалъ къ своему суду нѣкоторыхъ приверженцевъ новаго ученія изъ мѣщанъ (напр. въ 1553 г. мѣщанина Георгія Грицера, мѣщанъ Якова Фармакопола и Серафима Сарторія, нѣкоего органиста Павла); но сторону обвиняемыхъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно принимала шляхта, даже магнаты, бравшіе ихъ подъ свое покровительство, иногда даже силою освобождавшіе изъ тюремъ, въ которыя удавалось заключить ихъ мѣстной духовной власти. Особенно много способствовалъ распространенію исповѣданія богемскихъ братьевъ въ Великой Польшѣ Яковъ Остророгъ, въ палацѣ котораго въ Познани открыто совершалось богослуженіе богемскихъ братьевъ. Изъ Познани исповѣданіе богемскихъ братьевъ распространялось, при содѣйствіи пановъ, по всей Великой Польшѣ, гдѣ въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ было уже около 40 общинъ богемскаго исповѣданія [1]).

Въ Малой Польшѣ съ особеннымъ успѣхомъ распространялось реформатство. Послѣ суда надъ Олесницкимъ, Пинговъ продолжалъ оставаться однимъ изъ главныхъ средоточій малопольскаго нововѣрія и протестантской образованности: на него смотрѣли тогда, какъ на „Сарматскія Аѳины“. Но главнымъ центромъ малопольскаго реформатства былъ Краковъ съ его воеводствомъ: прогловицкій и ксендзскій округи его, расположенные по рѣкѣ Сенявѣ, стали почти сплошь реформатскими, такъ что католики самую рѣку Сеняву прозвали „рѣкою лютеранъ“ (лютеранами католики называли тогда всѣхъ приверженцевъ новыхъ идей) [2]). Однимъ изъ главныхъ двигателей реформаціи въ Краковѣ и вообще въ Малой Польшѣ былъ

---

[1]) Regenvolscius, 100—109, 114; 218—222.
[2]) Lubieniecius, 33—34.

уже извѣстный намъ Франциск Лизманини, духовникъ королевы Боны. Тщетно католическая церковная власть старалась освободиться отъ этого опаснаго врага: краковскій епископъ Мацѣевскій произвелъ было въ его квартирѣ неожиданный обыскъ, но Лизманини, предупрежденный во время друзьями, успѣлъ заблаговременно скрыть компрометировавшія его книги, и епископъ въ его библіотекѣ нашелъ лишь строго-католическія сочиненія; когда Лизманини посланъ былъ Боною въ Римъ для привѣтствованія папы Юлія III со вступленіемъ на престолъ, краковскій епископъ просилъ папу подъ какимъ-либо предлогомъ удержать его въ Римѣ, но Лизманини и тутъ выпутался изъ бѣды [1]). По возвращеніи изъ Рима Лизманини попалъ въ милость Сигизмунду Августу, послѣ того какъ ему удалось устроить примиреніе супруги его Варвары съ матерью его Боною. Король даже обѣщалъ Лизманини отдать ему первую открывшуюся епископскую каѳедру [2]). Король до такой степени довѣрялъ Лизманини, что, когда задумалъ вступить въ третій бракъ съ Екатериною, принцессою изъ австрійскаго дома, поручилъ вести это дѣло Лизманини. Своею близостью къ королю Лизманини не преминулъ воспользоваться для блага польскаго нововѣрія и имѣлъ такой успѣхъ, что король, симпатизировавшій и прежде реформаціоннымъ идеямъ, еще болѣе сталъ склоняться на ихъ сторону. Дѣло вскорѣ дошло до того, что Сигизмундъ Августъ поручилъ Лизманини отправиться за границу для закупки разныхъ книгъ для королевской библіотеки, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы познакомиться на мѣстѣ съ протестантскимъ ученіемъ, съ протестантскимъ богослуженіемъ, съ устройствомъ протестантскихъ общинъ и обо всемъ этомъ по возвращеніи оттуда сообщить королю. Дѣло это могло имѣть серьезныя послѣдствія, но Лизманини самъ испортилъ его: вмѣсто того, чтобы исполнить королевское порученіе, онъ въ Женевѣ, по совѣту Кальвина и Лэлія Социна, сбросилъ съ себя монашескую рясу и женился. Этотъ самовольный, слишкомъ смѣлый поступокъ лишилъ его навсегда расположенія Сигизмунда Августа и отчасти повредилъ успѣхамъ реформаціи въ Польшѣ [3]). Впрочемъ,

[1]) Ibid., 23—24.
[2]) Ibid., 36—37.
[3]) Ibid., 40—43.

король не утратилъ своихъ симпатій къ реформаціи. Въ концѣ 1553 года до Гозія дошли весьма неутѣшительныя вѣсти изъ Кракова: одинъ каноникъ ему сообщалъ, что еретики „хвастаются, что король находится на ихъ сторонѣ“ [1]). Въ 1554 г. Гозій писалъ Кромеру, что протестанты ласкаютъ себя надеждою, что король дозволитъ причащеніе мірянъ подъ обоими видами и свободное проповѣдываніе протестантскаго ученія. Королевскій дворъ вовсе не скрывалъ симпатій къ реформаціоннымъ идеямъ и не препятствовалъ распространенію ихъ въ Польшѣ [2]). Королевскій секретарь Дэцій Юстусъ основалъ первую реформатскую кирку въ своемъ загородномъ имѣніи Волѣ, недалеко отъ Кракова, и первымъ ея проповѣдникомъ былъ Георгій Паули. Краковскіе горожане во множествѣ посѣщали ее и другія, основанныя шляхтою близъ Кракова. Вскорѣ реформатское богослуженіе стало совершаться въ самомъ Краковѣ, въ домѣ бѣдкаго каштеляна Бонара и домахъ другихъ, жившихъ въ столицѣ магнатовъ. Раздававшаяся постоянно въ этихъ домахъ протестантская проповѣдь привлекла къ себѣ массы обитателей польской столицы [3]). Реформатство такъ широко распространилось въ Малой Польшѣ, что въ ноябрѣ 1554 года малопольскіе реформаты держали синодъ въ Сложницѣ (въ краковской епархіи) на которомъ постарались упрочить свою внутреннюю организацію, избрали Феликса Круцигера суперъ-интендентомъ малопольскихъ реформатскихъ церквей, установили формальную іерархію для Малой Польши [4]). Послѣ этого еще успѣшнѣе пошло дѣло реформатства въ Малой Польшѣ.

Два по преимуществу протестантскія исповѣданія привились на польской почвѣ—реформатское въ Малой Польшѣ, богемское въ Великой. Оба эти исповѣданія въ основныхъ положеніяхъ своей доктрины были очень близки одно къ другому. Общность борьбы съ католичествомъ еще болѣе сближала ихъ. Естественно, поэтому, было представителямъ того и другаго исповѣданія придти къ мысли—соединиться въ одно

---

[1]) Eichhorn, I, 207, письмо каноника Кевскаго къ Гозію, отъ 24 ноября 1553, прим. 2.

[2]) Ibid., 207.

[3]) Lubieniecius, 47—48, 53; Regenvolscius, 128.

[4]) Friese, Th. II, Bd. I, S. 235—236; Fischer, 118.

исповѣданіе для общей пользы, для упроченія общаго дѣла. Притомъ же они лелѣяли надежду, что соединившись въ одно исповѣданіе, они тѣмъ легче привлекутъ на свою сторону Сигизмунда Августа. Починъ къ соединенію принадлежалъ малопольскимъ реформатамъ. Послѣ предварительныхъ совѣщаній представителей того и другаго исповѣданія въ Хрженгицѣ и Голоховѣ (весною 1555 г.), послѣдовало соединеніе малопольскихъ реформатовъ и великопольскихъ богемскихъ братьевъ на общемъ синодѣ въ Козминкѣ (синодъ продолжался отъ 24 авг. до 2 сент. 1555 г.). Богемскіе братья представили реформатамъ свое исповѣданіе вѣры съ апологіей его, познакомили ихъ съ устройствомъ своихъ общинъ, съ своею дисциплиной, представили имъ свой катехизисъ, свои священные гимны, которые были реформатами тщательно разсмотрѣны и одобрены. Синодъ постановилъ, что между обоими исповѣданіями должно существовать на будущее время духовное общеніе, хотя каждое изъ нихъ должно удерживать свою особую іерархію [1]).

Высшая католическая іерархія, большею частію, безучастно смотрѣла на то, какъ постепенно уменьшалось ввѣренное ея попеченіямъ духовное стадо. Она вовсе не воздвигала преслѣдованій за вѣру, а если и воздвигала, то не противъ пановъ и шляхты, а противъ духовныхъ лицъ, переходившихъ въ протестантство [2]). Только немногіе польскіе епископы видѣли грозившую католичеству опасность, большинство ея не видѣло, или не хотѣло видѣть. Это они блистательнымъ образомъ доказали своимъ отношеніемъ къ провинціальному синоду, который созвалъ въ Петроковѣ въ 1554 г. примасъ Дзержговскій, чтобы на немъ сообща обсудить средства борьбы съ реформаціей. На этотъ синодъ онъ пригласилъ и вармійскаго епископа Гозія, три года тому назадъ вдохнувшаго въ польскихъ епископовъ энергію для борьбы съ реформаціей, а къ

[1]) Regenvolscius, 77.

[2]) Примасъ Дзержговскій позвалъ къ суду ксендза Лютомірскаго, Дзядускій—нѣсколькихъ ксендзовъ своей епархіи, а Зебржидовскій даже силою захватилъ ксендза Кровицкаго, укрывшагося въ Пинчовѣ. Все это впослѣдствіи (на петроковскомъ сеймѣ 1555 г.) дало поводъ шляхтѣ жаловаться на насилія епископовъ. Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta 1555 i 1558 r. w Piotrkowie złożonych. Wydanie braci Lutomirskich. Kraków, 1867, str. 6—7.

этому времени успѣвшаго уже пріобрѣсти себѣ большую извѣстность своею неутомимою борьбою съ протестантствомъ въ Пруссіи. Дзержговскій пригласилъ Гозія не какъ суффрагана, а какъ независимаго епископа. Гозій не отказался отъ приглашенія. Поручивъ управленіе епархіей капитулу и издавъ окружное посланіе къ своей паствѣ, въ которомъ просилъ ее молиться объ успѣшности предстоявшаго синода, онъ отправился въ Петроковъ, не смотря на всѣ непріятности осенняго времени. Но горькое разочарованіе ждало его въ Петроковѣ. Польскіе епископы вовсе не пылали ревностью Гозія, и въ Петроковѣ онъ нашелъ лишь очень немногихъ прелатовъ, хотя они обязаны были явиться на синодъ по зову своего архіепископа. Въ Петроковѣ были только краковскій и плоцкій епископы; остальные подъ разными предлогами предпочли остаться дома. При такомъ ограниченномъ числѣ членовъ невозможно было постановлять какія-либо рѣшенія относительно борьбы съ реформаціей, такъ какъ трудно было разсчитывать на исполненіе ихъ отсутствующими епископами [1]). Поэтому синодъ ограничился только постановленіемъ экономическаго свойства [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено созвать новый синодъ въ іюнѣ 1555 г. въ Петроковѣ и обязать явиться на него всѣхъ польскихъ епископовъ, подъ угрозою проклятія и донесенія апостольскому престолу; на этомъ же синодѣ высказано было желаніе—пригласить на будущій синодъ и протестантовъ, въ надеждѣ возвратить ихъ католической церкви. Наконецъ, отъ лица синода отправлено было къ папѣ посланіе, въ которомъ его извѣщали о религіозномъ положеніи польскаго королевства и просили прислать въ Польшу на будущій синодъ нунція съ нѣсколькими богословами, даже указывали, какъ на подходящее лицо, на веронскаго епископа Алоизія Липпомана [3]).

Въ Петроковѣ Гозій еще разъ воочію увидѣлъ, какимъ сильнымъ пламенемъ объято было зданіе католичества въ Польшѣ, еще разъ воочію убѣдился, съ какою апатіей, съ какимъ непонятнымъ для него равнодушіемъ смотрѣли на пожаръ са-

---

[1]) Eichhorn, I, 208—212.
[2]) Fabisz, 167.
[3]) Eichhorn, I, 212.

ми хозяева зданія. Эта апатія, это равнодушіе до глубины души возмутили вѣрнаго слугу католичества. „Съ тѣхъ поръ, какъ Польша приняла христіанство, писалъ онъ главѣ польскаго духовенства въ началѣ 1555 г., состояніе церкви не было такимъ плачевнымъ, а сословіе епископовъ столь заслуживающимъ презрѣнія, какъ въ настоящее время. Прежде сами короли благоговѣли предъ епископами и трепетали предъ ихъ проклятіями, а теперь епископы такъ робки, что боятся даже своей собственной тѣни и не осмѣливаются призвать къ своему суду самаго простаго человѣка“ [1])... Но ревность по вѣрѣ, снѣдавшая Гозія, мало сообщалась окрушавшей его средѣ. Провинціальный синодъ, отъ котораго вѣрные сыны католической церкви ожидали умиротворенія религіозныхъ разногласій, опять не состоялся, отчасти, впрочемъ, потому, что папскій нунцій, приглашенный предъидущимъ синодомъ, еще не прибылъ въ Польшу, хотя и былъ уже назначенъ папою. Гозій, зная это, и не ѣздилъ на этотъ синодъ. Въ ожиданіи прибытія папскаго нунція Гозію оставалось хотя письмами поддерживать ослабѣвавшую ревность польскихъ епископовъ. Въ сентябрѣ 1555 года онъ отправилъ письма къ архіепископу гнѣзненскому и епископамъ познанскому и владиславскому, находившимся тогда на сеймикѣ въ Коло: въ нихъ онъ напоминалъ имъ объ ихъ обязанностяхъ въ такое тяжелое время, убѣждалъ непрестанно бодрствовать надъ своимъ стадомъ, а владиславскаго епископа просилъ немедленно отправиться въ Данцигъ, чтобы изгнать оттуда волковъ, расхищающихъ его паству [2]).

Въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка, въ этотъ періодъ усиленнаго роста польскаго нововѣрія, быстро распространяется протестантство, именно въ формѣ реформатства, и въ Литвѣ, и даже во всей западной Россіи. Оно нашло себѣ здѣсь могущественныхъ покровителей въ фамиліи Радзивилловъ, особенно въ лицѣ Николая Радзивилла Чернаго, владѣтеля Олыки и Нѣсвижа, двоюроднаго брата супруги Сигизмунда Августа, Варвары. Радзивиллъ Черный пользовался безграничнымъ довѣріемъ короля, который возвелъ его въ званіе литовскаго вое-

[1]) Ibid., 214.
[2]) Ibid., 217—219.

воды и великаго маршала и канцлера, осыпалъ его безчисленными старостваии въ Литвѣ и Польшѣ, приносившими ему несмѣтные доходы. Проникнувшійся идеями реформаціи еще во время своего ученія въ заграничныхъ университетахъ, еще болѣе утвердившійся въ нихъ во время своихъ поѣздокъ за границу по дипломатическимъ порученіямъ, Радзивиллъ поставилъ какъ бы задачею своей жизни распространеніе кальвинизма въ Литвѣ и разрѣшилъ ее такимъ блестящимъ образомъ, что вскорѣ успѣхи здѣсь реформатства превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Въ его безчисленныхъ помѣстьяхъ, разсѣянныхъ по всей Западной Россіи, дѣйствовали реформатскіе проповѣдники; онъ выписывалъ ихъ изъ Польши и размѣщалъ по разнымъ западнорусскимъ городамъ. Всѣ преслѣдуемые католическою іерархіею находили въ немъ постояннаго и ревностнаго защитника; протестантскимъ ученымъ онъ выдавалъ ежегодное жалованье. Въ самой Вильнѣ, подъ его покровительствомъ, открыто совершалось реформатское богослуженіе. Сначала оно совершалось въ его палацѣ на Лукишкахъ; потомъ онъ выхлопоталъ у Сигизмунда Августа позволеніе перенести его въ самый центръ города. На дворѣ радзивилловскаго палаца, недалеко отъ рыбнаго рынка, была устроена обширная палатка, въ которой совершалось реформатское богослуженіе, раздавалась проповѣдь реформатскихъ проповѣдниковъ. Это продолжалось до 1561 г., когда выстроенъ былъ каменный кальвинскій соборъ на бернардинскомъ плацу. Напрасно мѣстная духовная власть думала остановить потокъ реформаціи. Напрасно жмудскій епископъ Вацлавъ Вержбицкій, завѣдывавшій виленскою епархіею по смерти виленскаго епископа князя Павла Гольшанскаго († 1553 г.), созывалъ епархіальный синодъ для обсужденія средствъ борьбы съ реформаціей, напрасно помышлялъ о возстановленіи инквизиціи для борьбы съ ересью. Всѣ подобнаго рода попытки разбивались въ дребезги о могучій авторитетъ Радзивилла, которому король не отказывалъ ни въ чемъ, предъ которымъ все преклонялось въ Литвѣ. Почти вся католическая шляхта, а отчасти и православное дворянство, или по семейнымъ связямъ съ Радзивилломъ, или изъ-за личныхъ, эгоистическихъ интересовъ, изъ желанія пріобрѣсти благосклонность всесильнаго магната, или по дѣйствительной склонности къ реформаціоннымъ идеямъ, толпами оставляла старую вѣру, переходила въ рефор-

матство, вводила его въ своихъ помѣстьяхъ. Только простой народъ остался вѣренъ религіи своихъ предковъ, но этотъ народъ въ главной, преобладающей массѣ былъ православнымъ [1]). Реформаціонныя идеи проникали въ Литву и Бѣлоруссію даже съ той стороны, съ которой ихъ повидимому всего менѣе можно было ожидать. Въ 1552 году въ Бѣлоруссіи появились московскіе выходцы, чернецы Ѳеодосій и Ѳома, осуждавшіе почитаніе иконъ и призывавшіе народъ къ почитанію одного только Бога чрезъ Христа, съ помощью Духа Святаго [2]).

Широко разлилась реформація по обширной территоріи литовско-польскаго государства. Напоръ ея волнъ съ изумительною быстротой размывалъ плотины, которыя сооружали по мѣстамъ вѣрные сыны Рима. Но это была не одна широкая, величественная рѣка, а скорѣе нѣсколько потоковъ, проложившихъ въ польской землѣ свои русла. Реформатское и богемское исповѣданія, вступившія на козминскомъ синодѣ (1555) во взаимный союзъ, представляли собою самый широкій изъ этихъ потоковъ, но и этотъ потокъ былъ неоднородный, неодносоставный: то и другое исповѣданія и послѣ союза имѣли свое отдѣльное внутреннее устройство, особые богослужебные обряды, особую іерархію и жили въ значительной степени отдѣльною жизнію. Къ заключенному въ Козламкѣ союзу не примкнули еще реформаты литовскаго княжества, да и во все послѣдующее время литовская реформатская церковь была въ значительной степени изолирована отъ польской. Лютеранское исповѣданіе также стояло особнякомъ. Наконецъ, въ это время, какъ увидимъ ниже, стало уже распространяться въ Польшѣ и Литвѣ антитринитарство, начавшее дробиться на отдѣльные толки. Въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ ясное, раздѣльное представленіе своей вѣроисповѣдной доктрины было удѣломъ сравнительно небольшаго числа людей, достаточно развитыхъ и достаточно смѣлыхъ—для того, чтобы, порвавъ всѣ старыя связи съ католичествомъ, прямо, рѣшительно стать на сторону того или другаго протестантскаго исповѣданія: оно было, по преимуществу, удѣломъ духовныхъ лицъ, или, какъ ихъ тогда

---

[1]) Kojałowicz, 64—66; Łukaszewicz, I, 6—11; Narbutt, IX, 468—475; Iaroszewicz, III, 33—35. Kraszewski, IV, 109—110; Макарій, IX, 318—320.

[2]) Regenvolscius, 262—263.

называли въ Польшѣ, министровъ того или другаго протестантскаго исповѣданія. Польскіе магнаты, игравшіе на дѣлѣ первенствующія роли въ судьбахъ польскаго нововѣрія, заправлявшіе обыкновенно всѣми дѣлами того или другаго протестантскаго исповѣданія, смотрѣли часто какъ бы съ недоумѣніемъ на догматическіе споры своихъ министровъ, точно не понимали, изъ-за чего они спорятъ. Что же касается той польской шляхты, которая такъ громко кричала на сеймахъ и сеймикахъ противъ католической іерархіи, которая толпами сопровождала Оржеховскаго и подобныхъ ему лицъ въ духовные суды, не останавливалась даже предъ вооруженнымъ нападеніемъ на тюрьмы, чтобы освободить заключенныхъ въ нихъ епископами узниковъ,—то было-бы, кажется, большою смѣлостью предположить во всей этой разнокалиберной массѣ существованіе опредѣленныхъ, рѣзко очерченныхъ убѣжденій, точно формулированной вѣроисповѣдной доктрины. Хотя тогдашнее польское общество было достаточно подготовлено для того, чтобы легко и быстро поддаться новымъ вѣяніямъ времени, но оно едва-ли способно было самостоятельно разобраться въ массѣ нахлынувшихъ на него идей, понятій, сужденій и притомъ о предметахъ, часто требовавшихъ для уразумѣнія ихъ солидной богословской подготовки, иногда даже мало понятныхъ для свѣтскихъ образованныхъ людей, а между тѣмъ эти предметы постоянно дебатировались въ собраніяхъ духовныхъ руководителей общинъ, не желавшихъ уступить другъ другу поле битвы. Чтобы разобраться въ этой массѣ, не мало нужно было глубокаго анализа, не мало нужно было рефлексіи, и рефлексіи сильной, могучей. Польское общество второй половины XVI вѣка поставлено было, повидимому, въ такія условія, которыя благопріятствовали самостоятельной переработкѣ этихъ продуктовъ человѣческой мысли. Надъ нимъ не тяготѣла, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, желѣзная рука стараго режима, который безпощадно сжималъ въ своихъ тискахъ человѣческую мысль, который иногда потоками человѣческой крови оцѣнивалъ каждый дальнѣйшій шагъ ея къ свѣту истины, который грудами человѣческихъ костей думалъ преградить ей путь къ разрушенію устарѣвшаго зданія: правительство Сигизмунда Августа всего менѣе можно упрекнуть въ пристрастіи къ старой вѣрѣ, въ преслѣдованіи реформа-

ціонныхъ идей. Но въ тоже время на немъ не лежала, какъ въ другихъ мѣстахъ, мягкая рука новаго режима, который въ своей роли миссіонера новой вѣры часто бывалъ весьма опаснымъ тормазомъ для свободнаго движенія религіозной мысли, часто безъ разбору гналъ, преслѣдовалъ все старое: католичество не было преслѣдуемо въ Польшѣ, и въ тоже время ни одно протестантское исповѣданіе не пользовалось отъ Сигизмунда Августа внѣшнею, правительственною поддержкою. Сигизмундъ Августъ какъ бы нарочно ждетъ, къ какимъ результатамъ придетъ предоставленная самой себѣ религіозная мысль поляковъ, чтобы принять эти результаты, какъ только они явятся: онъ даже хочетъ заставить ее работать живѣе, смѣлѣе, побуждаетъ близкаго къ себѣ человѣка искать истины, писать сочиненія для примиренія религіозныхъ партій. Но онъ напрасно ждалъ. Польское общество, въ преобладающей массѣ, увлеклось лишь общимъ духомъ времени, общимъ желаніемъ церковной реформы, и предоставленное самому себѣ, неудерживаемое никѣмъ насильно въ старинѣ, не направляемое внѣшнею силою въ одномъ извѣстномъ новомъ направленіи, произвело лишь „многоглавную ересь“, до такой степени многоглавную, что „въ одномъ домѣ, по словамъ папскаго нунція, можно было встрѣтить три разныхъ вѣры“ [1]).

По мѣрѣ того, какъ протестантскія исповѣданія, особенно реформатское и богемскихъ братьевъ, утверждались на польской почвѣ, упрочивали свою внутреннюю организацію, по мѣрѣ того, какъ католичество въ Польшѣ истощалось въ средствахъ борьбы съ реформаціонными идеями, изнемогало въ бою съ проникнувшеюся ими шляхтою, — въ польской жизни все сильнѣе и сильнѣе сказывалось примирительное направленіе, искавшее компромисса между старымъ и новымъ. Преданія священной старины, традиціи прошедшаго, которое, хотя и поражало мыслящихъ поляковъ XVI вѣка ненормальностью, уродливостію многихъ своихъ сторонъ и проявленій, но въ теченіе вѣковъ успѣло уже слишкомъ тѣсно срости съ польскою жизнію, чтобы можно было, сразу же, совершенно покончить съ нимъ; существованіе въ этомъ прошедшемъ, въ вѣрѣ предковъ, при всѣхъ ея ненормальностяхъ и уродливо-

[1]) Relacye, I, 67, Relacya Aloizego Lippomana.

стяхъ, и нѣкоторой доли истины, съ которою мыслящему человѣку не легко было разстаться, особенно когда онъ видѣлъ, что этой вѣковой святыни не щадилъ слишкомъ далеко зашедшій протестъ противъ аномалій старины; но въ тоже время жизненная правда этого протеста, при всѣхъ его неизбѣжныхъ крайностяхъ, неотразимая убѣдительность его безпощадной критики стараго порядка вещей; обаяніе церковной реформы, долженствовавшей по мысли ея провозвѣстника умиротворить западно-европейскій христіанскій міръ послѣ столькихъ вѣковъ треволненій, возвратить католическую церковь къ ея первоначальному идеалу: вотъ историческія условія, при которыхъ создалась въ польскомъ обществѣ группа людей, очутившихся на распутіи между старымъ и новымъ, какъ бы остановившихся въ глубокомъ, долгомъ раздумьѣ предъ заданною имъ ходомъ жизни дилеммою—остаться при старомъ или безъ оглядки погнаться за новымъ. Въ этой-то группѣ людей образовалось то примирительное, или—если угодно—умѣренно-реформаціонное направленіе, которое пыталось найти третій членъ этой дилеммы, которое искало компромисса между католичествомъ и протестантствомъ и думало достигнуть этого компромисса цѣною взаимныхъ жертвъ того и другаго. Оно хотѣло не ввести въ Польшѣ то или другое протестантское исповѣданіе, не поставить даже наряду или надъ католичествомъ объединенное протестантство, а создать одну польскую церковь, произведя для этого реформу существовавшей доселѣ польской церкви и ассимилировавъ съ нею отдѣлившіяся отъ нея цѣлыя группы ея прежнихъ членовъ, начавшія уже организоваться въ отдѣльныя протестантскія исповѣданія. „Такія у насъ между партіями разногласія, говоритъ одинъ изъ выдающихся представителей этого примирительнаго направленія, такія распри, что очень многіе честные люди недоумѣваютъ, чему слѣдовать, чего избѣгать. Ни одинъ честный человѣкъ не можетъ безъ горести смотрѣть на этотъ раздоръ братьевъ между собой: такъ вѣдь они отчуждены другъ отъ друга, какъ будто иному Богу поклоняются, инымъ крещеніемъ возрождены, иного ожидаютъ наслѣдія въ царствіи небесномъ. Одни другихъ считаютъ заслуживающими того, чтобы изливать на нихъ брань и ругательства, чтобы обрекать ихъ на вѣчныя мученія. Какая же цѣль завязавшихся между ними споровъ? Къ чему написаны

тѣми и другими книги, переполненныя состязаніями, шумными разглагольствованіями, бранью? Тѣ, въ комъ есть хоть частица христіанской любви, не могутъ безъ сильной горести видѣть эти распри между членами Христовыми и братьями. Кого нисколько не безпокоитъ забота объ этомъ, тѣ надо всѣмъ этимъ смѣются какъ-бы при чужомъ несчастьи и живутъ безъ-заботно: имъ и въ голову не приходитъ, что это—буря такого рода, что никакою внѣшнею силою она не можетъ быть укрощена: если она не будетъ отвращена законными средствами, заимствованными изъ божественнаго слова, она съ каждымъ днемъ будетъ становиться ужаснѣе, все болѣе и болѣе страшную мглу будетъ собирать въ душахъ людей. О если бы тѣ, у кого верховная власть, обратили наконецъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы укротить и утишить эту бурю. Хотя имъ принадлежитъ главная забота, но и каждый долженъ всѣми мѣрами стараться, чтобы съ своей стороны не упустить той доли труда, заботливости, усилія, которая можетъ помочь отвратить эту бурю. Въ этомъ убѣжденіи мы рѣшились указать тѣ пути, которыми, какъ мы надѣемся, можно это сдѣлать“ [1]).

Надъ „этими путями“ остановимся и мы на нѣкоторое время, потому что по той дорогѣ, которую пролагалъ Модржевскій, пошла значительная часть польскаго общества, и много впослѣдствіи потребовалось усилій со стороны кардинала Гозія, чтобы повернуть поляковъ съ этой новой дороги на старую, римскую.

Вселенскій соборъ, по мнѣнію Модржевскаго, является единственнымъ средствомъ возвратить миръ христіанству, укротить и утишить разбушевавшуюся религіозную бурю. Всѣ это признаютъ, и сами папы, начиная съ Льва X, одинъ за другимъ, выражаютъ желаніе созвать вселенскій соборъ; но досихъ поръ напрасно ждетъ христіанскій міръ созванія вселенскаго собора. О тридентинскомъ соборѣ стыдно и досадно го-

[1]) Приведенныя слова Модржевскаго находятся въ предисловіи (Modrevius, 219—220) къ четвертой части его книги: «De emendanda republica», именно трактату «De ecclesia». Сочиненіе «De emendanda republica», состоящее изъ пяти частей, вышло въ первый разъ въ Краковѣ въ 1551 году, но въ этомъ изданіи, по происканъ противниковъ Модржевскаго, были опущены послѣднія двѣ части, съ томъ числѣ и de ecclesia; лишь въ 1554 году вышло оно въ Базелѣ въ полномъ составѣ; мы пользовались базельскимъ изданіемъ 1559 года.

ворить: послѣ столькихъ объявленій, отсрочекъ, перенесеній, два раза онъ въ такой короткій срокъ открывался и закрывался, не безъ умаленія авторитета остальныхъ соборовъ, не безъ великаго смущенія всѣхъ честныхъ и мыслящихъ людей. Объ этомъ соборѣ они стали думать тоже, что подумали-бы о кораблѣ, нагруженномъ весьма дорогимъ товаромъ, который подходилъ уже къ берегу, какъ вдругъ гибельный раздоръ хорабельщиковъ бросилъ его опять въ море. Каждый, поэтому, насколько можетъ, долженъ заботиться о томъ, чтобы этотъ корабль не былъ опять брошенъ въ разбушевавшійся океанъ, а чтобы пристылъ наконецъ къ надежной пристани [1]). На вселенскомъ соборѣ Модржевскій желалъ-бы видѣть представителей всего христіанскаго міра: на немъ онъ желалъ-бы видѣть и грековъ, и эфіоплянъ, и армянъ, и особенно русскихъ, живущихъ въ одной странѣ съ поляками [2]). — Вселенскій соборъ не долженъ состоять изъ однихъ епископовъ: вселенская вѣра есть вѣра не однихъ духовныхъ, но и мірянъ, есть вѣра всѣхъ вообще христіанъ. Притомъ же многіе міряне — люди весьма образованные и даже въ богословіи превосходятъ самихъ епископовъ, и для церкви было-бы большою потерею, еслибы она однимъ дала, а другихъ лишила права высказать свои мнѣнія и произносить сужденіе о спорныхъ предметахъ. Тутъ нужно смотрѣть на природныя дарованія, ученость, благоразуміе, добродѣтель и остальные божественные дары. Кому не достаетъ этихъ качествъ, тотъ пусть не имѣетъ права высказывать свои мнѣнія, а тѣмъ болѣе произносить сужденія о спорныхъ предметахъ, хотя-бы онъ владѣлъ многими епископіями; а кто ими одаренъ, тотъ по тому одному, что онъ—свѣтскій человѣкъ, не долженъ быть отстраняемъ отъ того собранія, гдѣ должны царствовать только указанныя добродѣтели. Какое это было-бы постыдное зрѣлище видѣть, какъ дураки (truncі) возсѣдаютъ на высочайшемъ, почетнѣйшемъ сѣдалищѣ, какъ они постановляютъ рѣшенія, повелѣваютъ всѣмъ міромъ [3]). Относительно способа избранія пословъ на вселенскій соборъ, Модржевскій отсылаетъ читателей къ извѣстной уже намъ своей рѣчи „de

[1]) Modrevius, c. I, p. 220—221.
[2]) Ibid., c. II, p. 221—222.
[3]) Ibid., c. III, p. 222—228.

legatis ad concilium oecumenicum mittendis“ и замѣчаетъ только, что избраніе это должно быть выраженіемъ воли всѣхъ церквей, а не одного короля и сената, и что на соборѣ должна быть предоставлена всѣмъ полная свобода слова [1]). При возникновеніи на соборѣ разногласія, соборъ долженъ избрать для рѣшенія спорныхъ вопросовъ судей изъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, которые совмѣстно должны постановить рѣшеніе. Если же между самими судьями соглашенія не послѣдуетъ, то они должны избрать одного высшаго судью, который произнесетъ рѣшеніе; избраніе это въ крайнемъ случаѣ должно быть предоставлено жребію. Но рѣшеніе это не можетъ быть предоставлено папѣ. Если власть папы выше собора, то зачѣмъ созывается самый соборъ? Нѣкоторые папы рѣшеніемъ собора не только были лишены своего достоинства, но и объявлены еретиками. Что касается мнѣнія, что папа, какъ частный человѣкъ, можетъ въ вѣрѣ заблуждаться, а какъ папа, не можетъ, то оно опровергается исторіею, представляющею не мало примѣровъ заблужденій папъ, всегда вызывавшихъ опроверженія со стороны самихъ католиковъ. И въ наше время раздаются громкія жалобы на папу за то, что онъ пять лѣтъ тому назадъ, какъ и въ текущемъ 1551 году самовольно распоряжался на тридентскомъ соборѣ. Не одни такъ называемые протестанты, но и весьма многіе католики жаловались на то, что, хотя на соборѣ и не было папы, но его легатъ обо всемъ ему доносилъ, и ни одно опредѣленіе не было постановлено безъ предварительнаго согласія на него папы. Кромѣ того, папа не можетъ быть судьею уже по тому одному, что въ такомъ случаѣ онъ былъ-бы и судьей и стороной, такъ какъ дѣло объ исправленія церкви есть дѣло объ исправленіи ея не только въ членахъ, но и во главѣ [2]).—Единственное средство для борьбы съ протестантами, для опроверженія ихъ мнѣній—слово Божіе [3]). Что содержится въ священномъ писаніи, того должно твердо держаться. Равнымъ образомъ, что слѣдуетъ изъ него (ex fontibus illorum ducuntur), хотя бы и не было выражено словами, должно имѣть ту же силу,

---

[1]) Ibid., c. IV, p. 229—235.
[2]) Ibid., c. V, p. 235—242.
[3]) Ibid., c. VI, p. 243—245.

какъ еслибы оно было выражено. Относительно тѣхъ предметовъ, которые не опредѣлены ясно въ свящ. Писаніи и не могутъ быть выведены изъ него, всего безопаснѣе слѣдовать обычаямъ и установленіямъ предковъ (mores ac institutiones majorum). Но авторитетъ древности не имѣетъ безусловнаго значенія: обыкновеніе, хотя-бы самое древнее, но противное добрымъ нравамъ, или религіи, или божеств. Писанію, должно почитаться заблужденіемъ [1]). Многіе споры между партіями— простыя недоразумѣнія, или препирательства о словахъ [2]). Авторъ, напр., не видитъ основанія, зачѣмъ спорить о таинствѣ покаянія, именно о его необходимости, когда извѣстно, что ни къ одному таинству спасеніе не привязано такъ сильно, чтобы безъ него оно не могло произойти. Съ другой стороны, онъ не видитъ причины, почему не допускать христіанъ до исповѣди, которою несвѣдущій утверждается въ вѣрѣ, совѣсть людей проясняется, поддерживается дисциплина въ церкви; не нужно только обременять совѣсть людей непремѣннымъ требованіемъ перечисленія грѣховъ [3]). Споръ объ оправданіи, составляющій камень преткновенія между католиками и протестантами, онъ считаетъ препирательствомъ о словахъ [4]). Призываніе святыхъ или должно быть доказано яснымъ и опредѣленнымъ свидѣтельствомъ свящ. Писанія, или же предоставлено личному усмотрѣнію каждаго [5]). Послѣ разсужденія о многихъ другихъ предметахъ авторъ переходитъ къ вопросамъ— о причащеніи мірянъ подъ обоими видами и о бракѣ священниковъ. Эти два таинства, говоритъ онъ, служатъ главнымъ предметомъ спора въ Польшѣ: міряне (большинство ихъ) жалуются на лишеніе ихъ чаши, духовные (большинство ихъ) на запрещеніе вступать въ бракъ. Модржевскій выражаетъ желаніе, чтобы таинство евхаристіи, служащее символомъ любви, согласія и единенія христіанъ, перестало наконецъ быть причиною несогласій и раздѣленій въ церкви. Такъ какъ постановленія соборовъ по обстоятельствамъ времени могутъ быть измѣняемы, то вселенскій соборъ хорошо сдѣлаетъ, если пре-

---

[1]) Ibid., c. VII, p. 245—351.
[2]) Ibid., c. VIII, p. 257—258.
[3]) Ibid., c. IX, p. 258—263.
[4]) Ibid., c. XI, p. 264—270.
[5]) Ibid., c. XIII, p. 281—289.

доставить мірянамъ полную свободу причащаться подъ однимъ видомъ, или подъ двумя видами [1]). Модржевскій высказывается рѣшительно въ пользу дозволенія ксендзамъ вступать въ бракъ, такъ какъ и священство, и бракъ суть таинства, и то и другое угодны предъ Богомъ [2]).

Сказавъ о важности и обязательности постановленій истиннаго, законно созваннаго и составленнаго вселенскаго собора [3]), Модржевскій переходитъ къ изображенію нужныхъ, по его мнѣнію, преобразованій въ устройствѣ католической церкви вообще и польской церкви въ частности. Тутъ онъ набрасываетъ очень смѣлую картину церковныхъ преобразованій, во многихъ пунктахъ совсѣмъ перестроиваетъ старое зданіе. Въ духовное званіе, по его мнѣнію, должно принимать только людей, по своему умственному и нравственному развитію достойныхъ этого высокаго призванія [4]). Онъ сильно вооружается противъ обычнаго тогда въ католическомъ мірѣ совмѣщенія въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ духовныхъ должностей [5]). Избраніе духовныхъ лицъ, по его воззрѣнію, не должно зависѣть отъ родственныхъ связей, отъ богатства, отъ претензіи такъ называемыхъ патроновъ церквей, которые не имѣютъ въ виду блага церкви,—отъ происхожденія. Съ особенною силою возстаетъ онъ противъ присвоенной себѣ польскою шляхтою монополіи занимать высшія церковныя должности [6]). Модржевскій не одобряетъ укоренившагося въ польскомъ королевствѣ обычая назначенія епископовъ королемъ. Епископъ, по его мнѣнію, долженъ быть избираемъ всѣми вѣрующими извѣстной епархіи. По смерти епископа, король или вообще правитель народа долженъ созвать въ епархіи особое собраніе (comitia), на которое вольно явиться каждому вѣрующему этой епархіи. Каждый классъ общества—правительство, шляхта, мѣщане, крестьяне—выбираетъ изъ своей среды троихъ уполномоченныхъ, такъ что всѣхъ избирателей отъ свѣтскаго сословія будетъ двѣнадцать; духовенство, раздѣлившись на че-

---

[1]) Ibid., c. XIX, p. 304—310.
[2]) Ibid., c. XX, p. 311—321.
[3]) Ibid., c. XXI, p. 341—342.
[4]) Ibid., c. XXII, p. 343.
[5]) Ibid., c. XXXIII, p. 343—346.
[6]) Ibid., c. XXIV, p. 346—355.

тыре группы по ихъ іерархическимъ степенямъ, избираетъ также двѣнадцать уполномоченныхъ. Эти двадцать четыре избирателя по большинству голосовъ избираютъ епископа; при равенствѣ голосовъ дѣло рѣшается жребіемъ. При этомъ способѣ избранія епископовъ станутъ невозможными, говоритъ онъ, тѣ злоупотребленія и безобразія, съ которыми оно сопряжено теперь [1]).— То, что сказано о способѣ избранія епископовъ, еще въ большей степени приложимо къ избранію папы, котораго всѣ считаютъ верховнымъ епископомъ. Папское достоинство, какъ видимое выраженіе единства церкви, какъ наилучшее средство къ устраненію въ церкви разногласій и раздѣленій, должно быть удержано, но избраніе папы должно потерпѣть существенныя измѣненія, потому что въ противномъ случаѣ никогда не будетъ изгнано изъ церкви господство произвола, тиранніи. Тотъ, чьему слову всѣ повинуются, долженъ и избираемъ быть всѣми. Не однимъ кардиналамъ, не однимъ итальянцамъ должно принадлежать право избирать папу; но изъ всѣхъ христіанскихъ странъ должны собраться въ одно мѣсто уполномоченные для избранія того, чьимъ повелѣніямъ они обязываются повиноваться. Въ папы нужно избирать достойныхъ людей, которые не скандилизировали бы своимъ поведеніемъ христіанъ. Притомъ же, каковъ верховный епископъ, таковы почти всѣ епископы, а каковы — епископы, таковы — остальные пастыри. Поэтому дѣло реформированія церкви нужно начать съ папы [2]). — То обстоятельство, что на папскомъ престолѣ сидѣли часто люди недостойные, ничего не говоритъ противъ самаго папскаго достоинства. Модржевскій готовъ даже признать папу главою церкви, но не въ смыслѣ главы таинственнаго тѣла церкви, не въ смыслѣ такой главы, которая даетъ тѣлу жизнь, чувство (sensum) и движеніе (въ этомъ смыслѣ одинъ Христосъ глава церкви), а въ смыслѣ praeses'a, или prefectus'a. Равнымъ образомъ, хотя основаніемъ церкви онъ признаетъ одного только Христа, онъ согласенъ допустить нѣкоторую долю истины и въ названіи апостола Петра основаніемъ церкви, именно: апостоламъ не можетъ быть приписано основаніе церкви въ томъ смыслѣ, что они суть источникъ и причина

[1]) Ibid., c. XXV, p. 356—365.
[2]) Ibid., c. XXVI, p. 365—367.

нашего спасенія, но оно можетъ быть приписано имъ въ томъ смыслѣ, что они были служителями и распространителями ученія Христова; въ этомъ-то смыслѣ и Петру можетъ быть приписано основаніе церкви, такъ какъ онъ былъ primus petrae confessor et annunciator, и имѣлъ большій авторитетъ между всѣми апостолами (majorem auctoritatem). Морджевскій, наконецъ соглашается назвать папу викаріемъ Христа, но въ томъ смыслѣ, въ какомъ Августинъ называетъ пресвитера викаріемъ Бога (vicarius Dei), cum operam dat hominibus confessione audienda, et impertiendo illis beneficio absolutionis [1]). — Верховный первосвященникъ не долженъ вмѣшиваться въ то, что относится къ священническому служенію: онъ долженъ предоставить вполнѣ мѣстнымъ епископамъ учить въ своихъ церквахъ, совершать таинства, вязать, рѣшить, поддерживать церковную дисциплину. Римскій обычай—призывать изъ провинцій кого-либо къ своему трибуналу и судить его въ Римѣ въ консисторіи долженъ быть оставленъ. Каждая церковь имѣетъ свои суды, въ которыхъ дѣла всѣхъ принадлежащихъ къ ней могутъ быть лучше разслѣдованы, такъ какъ тутъ имѣются на лицо свидѣтели и прочія обстоятельства, а въ странахъ отдаленныхъ этого не можетъ быть. На рѣшенія епископскихъ судовъ аппелляція должна приноситься митрополиту, а на рѣшенія митрополита—національному собору (ad synodos nationis), а потомъ—вселенскому. Такимъ образомъ, Модржевскій совершенно отнимаетъ у папъ судебную власть. Папа долженъ пользоваться лишь тѣми правами власти, которыя необходимы для блага церкви: онъ долженъ наблюдать, чтобы какая-либо церковь не впала въ заблужденіе, долженъ увѣщевать заблудшихъ посланіями или чрезъ пунціевъ, сообщать другимъ церквамъ о необходимыхъ дѣлахъ, созывать, когда нужно, вселенскій соборъ [2]). Папское достоинство не должно быть пожизненнымъ, а папа долженъ быть избираемъ лишь на одинъ годъ. Каждыя десять лѣтъ долженъ быть созываемъ вселенскій соборъ, на который должны являться изъ каждой провинціи двое (наименьшее) честныхъ и образованныхъ лю-

---

[1]) Ibid., Andreae Fricii Modrevii de Ecclesia liber secundus (a. 1556) c. X, 567—570.

[2]) Ibid., c. XI, p. 572—577.

дей. Этотъ соборъ долженъ заниматься дѣлами церкви и государства. Но прежде всего соборъ долженъ избрать 10 человѣкъ испытанной честности и науки, которые поочередно, годъ за годомъ, будутъ управлять церковью. Каждый послѣдующій папа долженъ производить тщательное изслѣдованіе дѣйствій своего предшественника. Вселенскій соборъ назначаетъ папѣ совѣтниковъ, которые не могутъ быть имъ удалены [1]).

Надежды, которыя Модржевскій возлагалъ на вселенскій соборъ, желанія, которыя онъ въ ожиданіи его высказывалъ, его планы и проекты церковныхъ преобразованій, были, какъ онъ самъ говоритъ въ концѣ книги, результатомъ „совѣтовъ многихъ людей“ [2]). Мысли Модржевскаго находили себѣ сочувствіе даже въ польскихъ епископахъ, съ которыми онъ находился въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, напр. въ куявскомъ епископѣ Янѣ Дройовскомъ [3]), холмскомъ епископѣ Яковѣ Уханскомъ. Даже за предѣлами Польши на сочиненіе Модржевскаго смотрѣли, какъ на выраженіе образа мыслей не его одного, но и польскаго короля, и даже польскаго общества: Петръ Канизій, находившійся тогда въ Вѣнѣ, съ горестью писалъ (6 ноября 1554 года) Мартину Кромеру, что Краковъ забросалъ Вѣну лютеранскими сочиненіями, что вновь вышедшее сочиненіе Модржевскаго „de Ecclesia“ въ глазахъ всѣхъ правовѣрныхъ скомпрометировало не его одного, а также короля и весь польскій народъ [4]).

Вообще примирительное направленіе, выраженіемъ котораго была книга Модржевскаго, считало въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ многихъ приверженцевъ. Безъ сомнѣнія, не всѣ лица, принадлежавшія къ этому направленію, принимали проектъ Модржевскаго во всѣхъ его пунктахъ, и ряды его приверженцевъ, формировавшіеся изъ людей разнаго общественнаго положенія, были весьма пестры; но надъ этими пестрыми рядами развѣвалось одно общее знамя,—знамя единенія всѣхъ. Этого единенія представители примирительнаго направленія думали достигнуть съ виду самымъ простымъ и лег-

---

[1]) Ibid., c. XIII, p. 579—588.

[2]) Ibid., c. XXIX, p. 377.

[3]) Дройовскій оправдывается въ этомъ письмѣ къ папѣ Павлу IV (Relacye, I, 27; 20 Iunii 1556).

[4]) Ossoliński, IV, 106.

жимъ, а на самомъ дѣлѣ весьма сложнымъ и труднымъ путемъ: они лелѣяли мечту построить величественное зданіе изъ обломковъ старины и вновь привезенныхъ строительныхъ матеріаловъ; они ласкали себя надеждою, что создадутъ такую вѣру, такую церковь, въ которой останется нетронутымъ то, что было истиннымъ въ вѣрѣ и церкви предковъ, но въ которую войдетъ и то, что истиннаго провозгласила реформація. Лучшіе, болѣе свѣтлые представители этого направленія склонны были видѣть и признавать истину даже тамъ, гдѣ многіе ихъ соотечественники видѣли одну лишь ложь: по крайней мѣрѣ, они значительно отрѣшились отъ пагубнаго самомнѣнія, что истина—у нихъ одинхъ, что у другихъ ея нѣтъ и быть не можетъ, потому уже одному, что эти другіе несогласны съ ними. Модржевскій, напр., считалъ нужнымъ пригласить на вселенскій соборъ православныхъ и армянъ, причемъ съ неудовольствіемъ и какъ-бы сожалѣніемъ говорилъ о тѣхъ своихъ соотечественникахъ, которые не считали ихъ принадлежащими къ церкви Христовой, указывалъ имъ на то, тто они пользуются тѣми же таинствами, идутъ подъ тѣмъ же знаменемъ, что и латиняне [1]). Для доказательства того, что слѣдуетъ и въ католической церкви дозволить причащеніе мірянъ подъ обоими видами и вступленіе въ бракъ ксендзовъ, онъ ссылался между прочимъ на практику восточной церкви и выражалъ свое удивленіе по тому поводу, что православныхъ за это считаютъ почти врагами церкви [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо упрекаетъ римскихъ папъ за то, что они запрещеніемъ мірянамъ пріобщаться подъ двумя видами, а ксендзамъ вступать въ бракъ отдѣлили латинскую церковь отъ антіохійской, александрійской и константинопольской церквей. Онъ говоритъ, что они сдѣлали это и въ другихъ пунктахъ ученія, но эти послѣдніе могутъ казаться болѣе темными, тѣ же такъ ясны, что яснѣе и быть не могутъ; зачѣмъ же, спрашиваетъ онъ, нужно было такое нетерпимое раздѣленіе. Антіохійскіе, александрійскіе, константинопольскіе христіане удерживаютъ въ этихъ таинствахъ и слова и смыслъ Христа и апостоловъ, латиняне же и то и другое удалили изъ своихъ

[1]) Modrevius c. II, p. 222.
[2]) Ibid., cap. XIX, p. 310, c. XX, p. 312.

церквей и, при помощи учителей, сочиняющихъ и расписывающихъ догматы всевозможными красками, составили формулы, по которымъ себя считаютъ католиками, а другихъ—еретиками [1]).—Модржевскій не былъ единичною личностью въ средѣ примирительнаго направленія, отрѣшившеюся отъ старыхъ предразсудковъ, ставшею на новую для поляка точку зрѣнія. Эта новая точка зрѣнія стала въ XVI в. возможною даже у нѣкоторыхъ польскихъ епископовъ, примыкавшихъ къ этому примирительному направленію. Припомнимъ, что краковскіе каноники, эти стражи католичества, братья Гозія по духу и мѣсту служенія, бросили въ лицо польскимъ епископамъ обвиненіе, что „они римское крещеніе осуждаютъ, а русское одобряютъ“ (Ruthenum probent) [2]). Куявскаго епископа Яна Дройовскаго, стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ Модржевскому, краковскіе каноники прямо обвиняли въ томъ, что онъ, какъ русскій по происхожденію, лютеранское нечестіе соединилъ съ русскою схизмою, причащаетъ своихъ слугъ и другихъ людей подъ двумя видами, признаетъ исхожденіе Св. Духа отъ одного Отца [3]). Не лишено интереса и значенія въ данномъ случаѣ и то обстоятельство, что извѣстный намъ Станиславъ Оржеховскій, такъ хорошо умѣвшій подлаживаться подъ общественное мнѣніе, такъ хорошо знавшій больныя мѣста своихъ противниковъ и такъ безпощадно направлявшій въ нихъ свои острыя, ядовитыя стрѣлы, въ одномъ изъ писемъ къ перемышльскому епископу Дзядусскому угрожаетъ ему тѣмъ, что, оставивъ католичество, перейдетъ въ православіе. „Убѣгу на востокъ, говоритъ онъ представителямъ католической церкви, и обижаемый, преслѣдуемый вами, успокоюсь на лонѣ православной церкви, гдѣ съ родною Русью буду удерживать святое общеніе и по смерти буду ожидать воскресенія тѣлъ изъ мертвыхъ и будущей жизни“ [4]). Нѣсколько лѣтъ спустя Оржеховскій самому представителю римской куріи, нунцію Бонжіованни говорилъ: „особой церкви я не думаю себѣ создавать; видитъ Богъ, что отъ сердца и души я гнушаюсь всякимъ но-

---

[1]) Ibid., c. XIX. p. 565.

[2]) Acta Historica, I, 478.

[3]) Ibid., 483.

[4]) Ossolinski, t. III, c. I, str. 75, письмо Оржеховскаго Дзядусскому изъ Перемышля 9 сент. 1556 г.

вымъ святилищемъ: но наученный вами развѣ я не убѣгу по слѣдамъ моихъ прадѣдовъ по матери къ этому предостойнѣйшему въ ряду четырехъ патріаршихъ престоловъ, сіяющему престолу константинопольскому, которому халкидонскій соборъ подъ именемъ варварскихъ странъ подчинилъ нашу Русь. Этого хотите? Будетъ по вашему желанію“ [1]). Отмѣтимъ въ заключеніе еще одинъ характерный случай, свидѣтельствующій о томъ, что упомянутая нами выше новая точка зрѣнія на „русскую вѣру“ начинала уже тогда распространяться въ значительной части польскаго общества. На петроковскомъ сеймѣ $155^{8}/_{9}$ года представители польской шляхты, упрекая епископовъ и вообще католическое духовенство въ присвоеніи себѣ юрисдикціи надъ шляхтою, въ примѣненіи ея по преимуществу къ дѣламъ о десятинахъ, поставляли имъ на видъ русскихъ „владыкъ“ и „поповъ“, которые не взыскиваютъ доходовъ своихъ посредствомъ суда, не налагаютъ на своихъ пасомыхъ проклятій за невзносъ этихъ доходовъ [2]). Правда, эти упреки были высказаны въ разгаръ спора, когда всякое доказательство притягивается къ дѣлу, но все-таки ссылка самой посольской избы на „русскихъ владыкъ“ и „поповъ“ не лишена значенія.

Хотя приведенныхъ нами фактовъ недостаточно для того, чтобы на основаніи ихъ утверждать существованіе въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ сознательнаго тяготѣнія къ православію, но на основаніи ихъ можно констатировать слѣдующій фактъ: въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ подъ вліяніемъ протестантства, съ большимъ сочувствіемъ (особенно на первыхъ порахъ) относившагося къ православію, началъ было совершаться въ умахъ нѣкоторыхъ представителей примирительнаго направленія, преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые ближе другихъ стояли къ своимъ русскимъ согражданамъ, переломъ въ ихъ взглядахъ на вѣру, исповѣдуемую этими русскими. Русская вѣра переставала имъ казаться непремѣнно схизмою, а исповѣдующіе ее русскіе—схизматиками, чуть не врагами церкви. Мало того: присматриваясь къ учрежденіямъ православной церкви, они начинали замѣчать на нѣкоторыхъ изъ нихъ печать

[1]) Ibid., 88—89; рѣчь Оржеховскаго нунція Бонміованни на варшавскомъ синодѣ.

[2]) Dzienniki sejmów walnych koronnych 1555 i 1558 w Piotrkowie złożonych, str. 228—229.

священной старины, авторитетомъ которой они не прочь были доказывать законность своихъ требованій.

Мы выше сказали, что Модржевскій считалъ вселенскій соборъ единственнымъ средствомъ, которое могло возвратить миръ христіанству. Въ этомъ отношеніи онъ былъ сыномъ своего вѣка, еще неутратившаго вполнѣ вѣры во вселенскіе соборы, созываемые папами, хотя вѣра эта начала уже колебаться. Прибавимъ къ этому, что вселенскій соборъ тогда только, такъ сказать, на время разошелся: созванія прерваннаго тридентскаго собора въ Польшѣ съ часу на часъ ожидали, и сами папы усердно, хотя и не по доброй волѣ, поддерживали эти напряженныя ожиданія. Уже въ 1548 году Павелъ III въ инструкціи, данной своему нунцію въ Польшѣ Мартиненго, поручалъ ему побуждать польскаго короля къ отправленію на соборъ польскихъ епископовъ [1]). Впрочемъ, самъ Сигизмундъ Августъ не замедлилъ напомнить папѣ о томъ, чтобы онъ поскорѣе созывалъ обѣщанный соборъ, и въ 1550 г. Юлій III опять просилъ Сигизмунда Августа прислать своихъ пословъ, а польскихъ епископовъ прибыть на соборъ; открытіе котораго назначено было на 1 мая 1551 года [2]). Король назначилъ своимъ посломъ на соборъ кульмскаго епископа Гозія; польскіе епископы на петроковскомъ синодѣ 1551 года также избрали Гозія своимъ представителемъ на тридентскомъ соборѣ [3]). Надежды, которыя польское общество возлагало на вселенскій соборъ, оживились; но горькій опытъ прошедшаго научилъ уже поляковъ, что прежде, чѣмъ предаваться радости по случаю открытія собора, нужно позаботиться, чтобы онъ былъ дѣйствительно представительствомъ христіанскаго міра. И вотъ Модржевскій пишетъ въ своемъ сочиненіи „De republica emendanda“ цѣлый трактатъ de ecclesia, посвященный вопросу о вселенскомъ соборѣ и другимъ прикосновеннымъ къ нему вопросамъ. Римская курія вскорѣ узнала, какія требованія намѣрена была предъявить къ ней по вопросу о вселенскомъ соборѣ значительная часть польскаго общества. Въ ноябрѣ 1551 г.

---

[1]) Relacye, I, 2.

[2]) Raynaldus, t. XXI, pars II, p. 15, nr. 40, sub ann. 1550; ibid., p. 16, nr. 42; Theiner, II, 569.

[3]) Acta Historica, I, 473, processus ad synodum provincialem 1551 A.; Eichhorn, I, 126—127.

краковскій епископъ Зебржидовскій убѣждалъ и умолялъ папу Юлія III дать на соборѣ противникамъ полную свободу слова, прибавляя, что въ Польшѣ въ противномъ случаѣ очень многіе не признаютъ этого собора вселенскимъ [1]). Въ мартѣ 1552 г. съ петроковскаго сейма тотъ же Зебржидовскій писалъ папѣ, что тридентскій соборъ приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, что на сеймѣ земскіе послы постоянно поднимаютъ съ епископами споръ о предметахъ религіи, что епископы могутъ успокоить ихъ только указаніемъ на приближающійся къ концу вселенскій соборъ [2]). Поэтому онъ просилъ его святѣйшество обратить свое вниманіе и стараніе на то, чтобы не только утвердить непоколебимо вѣру, но и показать въ нѣкоторыхъ пунктахъ примѣръ взаимной любви, — хотя тутъ же оговаривается, что онъ самъ вполнѣ одобряетъ существующія установленія католической церкви и, прося папу явить взаимную любовь, имѣетъ въ виду „иныхъ многихъ“. Тогда же Зебржидовскій писалъ Петру Глоговскому, бывшему повѣреннымъ польскаго короля въ дѣлахъ на тридентскомъ соборѣ, что, если этотъ соборъ не постановитъ по многимъ пунктамъ такихъ опредѣленій, какихъ требуютъ обстоятельства времени, то католичеству въ Польшѣ придется погибнуть [3]). Настроеніе петроковскаго сейма не замедлило отразиться на самомъ выборѣ пословъ на тридентскій соборъ. Къ этому настроенію всего менѣе подходилъ Гозій, который по своимъ убѣжденіямъ вовсе не былъ склоненъ дѣйствовать въ духѣ „взаимной любви“ къ противникамъ католической церкви, неспособенъ былъ симпатизировать опредѣленіямъ, соображеннымъ съ „обстоятельствами времени“. Поэтому, хотя онъ былъ избранъ въ послы на тридентскій соборъ королемъ и польскими епископами, петроковскій сеймъ избралъ другихъ пословъ [4]). Выборъ его палъ на Яна Дройовскаго, владиславскаго епископа, Якова Ухапскаго, холмскаго епископа, Станислава Телгинскаго, краков-

---

[1]) Acta Historica, I, 381, Zebrzydowski Iulio III, Cracoviae, 9 Novembris 1551.

[2]) Ibid., 400, idem eidem, Petricoviae, 30 Martii 1552.

[3]) Ibid., 396, Zebrzydowski Petro Głogowski Internuntio ad concilium Tridentinum, Petricoviae, 26 Martii 1552.

[4]) Ibid., 398, Zebrzydowski Mapheo Cardinali, Petricoriae, 26 Martii 1552; ibid., 413, idem eidem, Gedani, 22 Augusti 1552.

ского воеводу, и королевского секретаря Андрея Фригъ-Модржевского [1]). Одни имена новыхъ пословъ достоточно краснорѣчиво говорятъ о томъ, чего желали уполномочившіе ихъ представители польскаго общества отъ вселенскаго собора: избраніе этихъ лицъ было блестящимъ торжествомъ той партіи, которая стремилась достигнуть компромисса между католичествомъ и реформаціей цѣною взаимныхъ уступокъ. Недаромъ, по поводу назначенія Дройовскаго Зебржидовскій писалъ Глоговскому: „спросишь, что это значитъ? О, великая это тайна! Я и многіе одобряли вармійскаго епископа; владиславскаго же епископа его дѣйствія и исходъ дѣла можетъ быть оправдаютъ, во всякомъ случаѣ разъяснятъ“ [2]).

Но избраннымъ на петроковскомъ сеймѣ посламъ не пришлось побывать на тридентскомъ соборѣ: 28 апрѣля 1552 года римская курія опять сочла нужнымъ прервать соборныя совѣщанія, обѣщавъ въ скоромъ времени ихъ возобновить. Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела на поляковъ вѣсть о новомъ закрытіи тридентскаго собора. Еще во время петроковскаго сейма стали, должно быть, доходить до Польши не хорошіе о немъ слухи. Краковскій епископъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Римъ высказываетъ сильное опасеніе, какъ-бы не произошло въ Польшѣ чего-нибудь, несогласнаго съ видами апостольскаго престола, если на тридентскомъ соборѣ будетъ сдѣлано что-нибудь такое, что́ не всѣмъ покажется благочестивымъ, религіознымъ и христіанскимъ [3]). Спустя нѣсколько дней послѣ этого тотъ же епископъ прямо доноситъ римской куріи, что въ Польшѣ многіе не признаютъ авторитета тридентскаго собора, если онъ не позаботится успокоить возбужденные умы [4]). Тревога краковскаго епископа не была напрасною. Вселенскій соборъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда происходилъ въ Тріентѣ, внушалъ полякамъ такъ мало довѣрія къ себѣ, что на петроковскомъ же сеймѣ король, по словамъ очевидца, обѣщалъ земскимъ посламъ устроить въ сво-

[1]) Modrevius, 214—217, предисловіе къ трактату De ecclesia, въ формѣ письма къ Дройовскому, Уханскому и Тенгинскому.

[2]) Acta Historica, I, 396, Zebrzydowski Petro Głogowski, Petricoviae, 26 Martii 1552.

[3]) Ibid., 398; Zebrzydowski Maphaeo Cardinali, Petricoviae, 26 Martii 1552.

[4]) Ibid., 401, idem eidem, Petricoviae, 30 Martii 1552.

емъ государствѣ національный соборъ въ томъ случаѣ, если бы на тридентскомъ соборѣ были сдѣланы какія-либо несправедливыя постановленія [1]). Такимъ образомъ идея національнаго собора, зародившаяся въ Польшѣ еще въ царствованіе Сигизмунда I, заявлявшаяся, хотя довольно еще слабо, на петроковскомъ сеймѣ 1550 года,—ко времени петроковскаго сейма 1552 года, послѣ столько разъ разбивавшихся надеждъ на вселенскій соборъ, значительно созрѣла и окрѣпла въ сознаніи поляковъ. Тотъ же краковскій епископъ, много разъ доносившій римской куріи объ опасномъ настроеніи умовъ на петроковскомъ сеймѣ, писалъ папѣ Юлію III: „на прошломъ сеймѣ тѣ, которые желаютъ измѣненія религіи, усиленно требовали того, чтобы къ Вашему Святѣйшеству отправленъ былъ посолъ, который-бы добился того, чтобъ Ваше Святѣйшество при такомъ потрясеніи и колебаніи религіи, такъ какъ надежда на соборъ у нихъ уже, кажется, пала, или изъ своихъ кого-либо къ намъ прислали, который бы, устроивъ съ нами совѣщаніе, утвердилъ церковь въ какой-либо прочной и истинной вѣрѣ, или, если бы это сдѣлать показалось невозможнымъ, позволили и допустили объявить и устроить соборъ одной нашей націи“ (nostrae solius nationis concilium); не знаемъ,—былъ-ли отправленъ посолъ къ папѣ, хотя въ началѣ 1553 года, по свидѣтельству Зебржидовскаго, было уже назначено для этого опредѣленное лицо [2]). Вѣроятнѣе, что отправка его не состоялась: по крайней мѣрѣ объ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій.

На петроковскомъ сеймѣ 1552 года вопросъ о національномъ соборѣ, какъ и вопросъ о духовной юрисдикціи, не получилъ твердаго, опредѣленнаго рѣшенія. Когда три года спустя представители польскаго общества, собравшись на сеймѣ въ Петроковѣ, опять занялись осуществленіемъ своей политической программы, оба эти вопроса съ прежней неотразимой силой выступили предъ ихъ сознаніемъ, какъ одни изъ самыхъ капитальныхъ пунктовъ этой программы. Три года побѣдоноснаго шествія реформаціи по польской землѣ, сулившіе ей повидимому въ недалекомъ будущемъ полный тріумфъ, поддер-

---

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 50, relacya: a jeśliby tam jakie postanowienie nie było dobre na tem consilium, tedy Król IM. obiecał złożyć consilium nationale w koronie swej.

[2]) Acta Historica, I, 424, Zebrzydowski Iulio III, In Radłów, Ianuarii 1553.

живали въ ея приверженцахъ энергію для довершенія счастливо начатаго дѣла, вдохновляли ихъ вѣрою въ успѣхъ дѣла, въ побѣду. Другіе пункты шляхетской программы на петроковскомъ сеймѣ 1555 года (открывшемся 28 апрѣля) отступили на задній планъ: земскіе послы привезли съ областныхъ сеймиковъ порученіе—прежде всего заняться осуществленіемъ религіозной стороны этой программы.

Уже въ привѣтственной рѣчи королю маршалъ посольской избы, Сенницкій, рьяный протестантъ, заявилъ отъ лица шляхты, что дѣла религіи—самыя важныя, что поэтому ими прежде всего и нужно заняться. Въ королевскомъ предложеніи, въ угоду посламъ, рѣчь, дѣйствительно, шла прежде всего о внутреннихъ дѣлахъ, и именно—о дѣлахъ религіи. Во время вотированія этого предложенія сенаторами, епископы жаловались на шляхту за то, что она возстаетъ противъ ихъ юрисдикціи, удерживаетъ десятины и доходы, изгоняетъ ксендзовъ, поставляли королю на видъ, что, начавъ съ разрушенія духовной власти, она дойдетъ до неповиновенія его власти, и просили во время помѣшать этому [1]). Эти жалобы и заявленія епископовъ вызвали сильный протестъ со стороны земскихъ пословъ. По ихъ порученію, калишскій посолъ Маршевскій въ рѣчи своей къ королю и сенату сбиваетъ одно за другимъ взведенныя на шляхту епископами обвиненія. Шляхта, говоритъ онъ, вовсе не помышляетъ о разрушеніи духовной власти; что же касается короля, то она всегда отличалась привязанностью къ нему и теперь гордится этимъ, но она не можетъ допустить, чтобы духовные имѣли право суда надъ честью и жизнью гражданъ, такъ какъ по польскимъ законамъ это право принадлежитъ одному королю. Епископы, произнося тайкомъ приговоры надъ честью и жизнью шляхты, посягаютъ на права и власть короля, и шляхта не можетъ и не хочетъ терпѣть этого. Не шляхта, а епископы нарушаютъ коронные законы, когда они нападаютъ на шляхетскіе домы, приказываютъ своимъ слугамъ уводить ихъ обитателей, заключаютъ этихъ послѣднихъ въ тюрьмы, похищаютъ женъ и дочерей шляхты. Шляхта отъ духовенства требуетъ только, чтобы оно правильно объясняло слово Божіе и жило согласно съ заповѣдями Божьими; епископамъ же она

[1]) Dzienniki sejmów walnych koronnych 1555 i 1558 r. w Piotrokowie złożonych, str. 1—6.

оказываетъ честь, подобающую имъ какъ сенаторамъ, отдаетъ имъ по прежнему десятины и доходы. Хотя такимъ образомъ на духовенство падаетъ гораздо больше вины, чѣмъ на шляхту, но она по христіанской любви готова все покрыть забвеніемъ и проситъ короля только о томъ, чтобы онъ благоволилъ подтвердить interim до вселенскаго собора, такъ чтобы въ теченіе этого времени епископы не употребляли въ дѣло своей юрисдикціи, которая имъ и не принадлежитъ. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло не касается жизни и чести, шляхта готова оставить имъ юрисдикцію, только-бы всѣ произнесенные до сего времени приговоры духовныхъ судовъ были кассированы и дана всякому полная свобода объясненія слова Божія [1]). Какъ ни скромны были по внѣшности желанія пословъ, они въ существѣ дѣла требовали пріостановки дѣйствія духовной юрисдикціи de haeresi до вселенскаго собора и полной свободы вѣроисповѣданія. Епископы поняли это. Нѣсколько разъ они собирались вмѣстѣ съ прочими духовными у примаса на совѣщанія. Между тѣмъ, свѣтскіе сенаторы взяли на себя роль посредниковъ между своими духовными товарищами и послами. По предложенію Тарновскаго, краковскаго каштеляна, послы избрали изъ своей среды нѣсколькихъ депутатовъ, которые вмѣстѣ съ сенаторами выработали слѣдующій проектъ соглашенія: 1) каждому вольно держать у себя въ домѣ и костелѣ священниковъ, объясняющихъ „истинно (pure) слово Божіе“; 2) этимъ послѣднимъ вольно совершать свои собственные обряды; 3) имъ вольно преподавать каждому желающему таинство причащенія подъ обоими видами; 4) всѣ римско-католическіе священники, если они изгнаны, получаютъ обратно свои бенефиціи до самой ихъ смерти; тамъ же, гдѣ они умерли, или умрутъ по возвращеніи, вольно каждому ставить себѣ священника безъ утвержденія епископа 5) всѣ епископскія постановленія, изданныя по дѣламъ о вѣрѣ противъ кого-бы-то ни было, отмѣняются и уничтожаются; 6) духовнымъ, если того пожелаютъ, позволяется вступать въ бракъ; 7) всѣ духовные удерживаютъ полную власть и право на свои доходы, по древнимъ обычаямъ; 8) строго преслѣдуется всякаго рода кощунство надъ Св. Троицею и таинствомъ тѣла и крови, преподаваемымъ по обряду католической церкви, и всѣ

[1]) Ibid., 7—14.

вообще обряды этой церкви не должны подвергаться поруганіямъ, а имѣютъ совершаться совершенно свободно; никого не дозволяется насильно отрывать отъ католической церкви; 9) всѣ эти пункты имѣютъ быть обезпечены королевскимъ словомъ и обязательны для всѣхъ, пока соборъ вселенскій или провинціальный не приведетъ ко всеобщему согласію. Король согласился на всѣ пункты этого проекта. Но когда онъ представленъ былъ епископамъ, они по совершенно понятнымъ побужденіямъ отвергли его совершенно [1]). Этотъ проектъ, дававшій шляхтичамъ—протестантамъ право по смерти католическихъ ксендзовъ назначать на ихъ мѣсто протестантскихъ пасторовъ и предоставлять этимъ послѣднимъ всѣ бенефиціи и доходы католическаго духовенства, требовалъ отъ католической іерархіи не вѣротерпимости только, а полной равноправности нововѣрія со старой вѣрою. Даже болѣе того: шляхта проектировала захватъ въ пользу своихъ пасторовъ бенефицій католической церкви и доходовъ, шедшихъ на католическое духовенство съ ихъ прихожанъ, въ томъ числѣ и крестьянъ, остававшихся по прежнему католиками. Неудивительно, что епископы объявили, что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ принять этого проекта, и легко убѣдили въ этомъ короля и сенаторовъ.

Послѣ совѣщанія, продолжавшагося нѣсколько дней, свѣтскіе сенаторы опять выступили въ роли посредника. Они представили посламъ на разсмотрѣніе новый проэктъ, хотя и говорили, что это—старый проэктъ, только исправленный и дополненный. Въ этомъ новомъ проэктѣ король обѣщаетъ въ самомъ скоромъ времени отправить къ папѣ посольство съ просьбою—поспѣшить созваніемъ вселенскаго собора, или, если это окажется невозможнымъ, дозволить созваніе въ Польшѣ національнаго собора, на который дозволено будетъ явиться каждому для наученія и уйти съ него спокойно. Пока это не наступило, не должно быть дѣлаемо никакихъ новыхъ измѣненій въ церкви, духовенство обѣщаетъ пріостановить дѣйствіе своей юрисдикціи противъ шляхты и духовныхъ, которыхъ ей вольно держать въ своихъ домахъ, только-бы эти духовные не дозволяли себѣ кощунства надъ католическою религіей. Постановленія

[1]) Ibid., 14—16.

собора будутъ приняты обѣими сторонами, а теперешнее пріостановленіе духовной юрисдикціи, какъ временное, не будетъ имѣть никакихъ вредныхъ для духовенства послѣдствій. Постановленія, изданныя епископами по дѣламъ о вѣрѣ, до того же времени теряютъ силу, о чемъ король объявитъ указомъ. Никакихъ преслѣдованій ни съ той ни съ другой стороны не должно быть: гдѣ ксендзы умерли или изгнаны, тамъ патронъ долженъ представить на утвержденіе епископамъ способныхъ и достойныхъ лицъ. Всѣ доходы костеловъ остаются неприкосновенными, и духовные сохраняютъ право отлучать за десятины, и старосты по прежнему должны приводить въ исполненіе ихъ приговоры относительно тѣхъ, которые въ теченіе года останутся подъ клятвою [1]).

Этотъ новый проэктъ вмѣсто равноправности давалъ протестантамъ только вѣротерпимость, да и то только до будущаго вселенскаго или національнаго собора, постановленія котораго имѣли быть безусловно обязательными для нихъ, а между тѣмъ еще не было извѣстно, что̀ это за соборъ будетъ, не будетъ-ли это—обыкновенный провинціальный синодъ. Послы, какъ и слѣдовало ожидать, отвергли этотъ проэктъ. Отъ ихъ имени Яковъ Остророгъ объявилъ королю въ сенатѣ, что они стоятъ на томъ, что уже разъ съ согласія короля было постановлено ими вмѣстѣ съ сенаторами; если же теперь они должны потерять это, то они ничѣмъ не хотятъ больше заниматься на сеймѣ. Если это епископамъ не нравится, пусть они покажутъ посламъ ложность ихъ ученія. Въ отвѣтъ посламъ, краковскій епископъ разразился цѣлою рѣчью, въ которой обвинялъ ихъ въ своеволіи, въ желаніи начальствовать надъ всѣми, въ неповиновеніи волѣ королевской, просилъ Сигизмунда Августа во время остановить эти анархическія стремленія шляхты. Послы, ничего не сказавъ въ отвѣтъ Зебржидовскому, ушли изъ сената [2]).

Цѣлую недѣлю тянулись совѣщанія сената. Наконецъ король рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки посламъ. Онъ обѣщалъ имъ немедленно послать одного изъ сенаторовъ въ Римъ къ папѣ съ просьбою-уладить религіозныя дѣла, а тѣмъ временемъ—предлагалъ онъ—архіепископъ созоветъ провинціальный

[1]) Ibid., 17—18.
[2]) Ibid., 18.

соборъ. Время его созванія будетъ назначено на сеймѣ. Каждый имѣетъ право прибыть на этотъ соборъ и объявить ему свои недоумѣнія. Въ доказательство того, что соборъ дѣйствительно будетъ свободнымъ, король обѣщаетъ послать на него четырехъ свѣтскихъ сенаторовъ, чтобъ они обезпечили на немъ свободу каждому. Духовные пріостанавливаютъ дѣйствіе своей юрисдикціи, но за это не должно быть произведено никакихъ измѣненій въ костелахъ римскаго обряда и протестанты не должны позволять себѣ кощунствъ; за кощунство епископы сохраняютъ право привлекать къ своему суду, и король будетъ исполнять ихъ приговоры [1]).

Этотъ третій уже по счету проэктъ отличался отъ предъидущаго тѣмъ, что предполагалъ созваніе провинціальнаго, или національнаго собора въ скоромъ времени и безъ разрѣшенія Рима и оставлялъ въ рукахъ протестантовъ забранные уже ими костелы. Возраженія пословъ направлены были противъ предложеннаго этимъ проэктомъ способа созванія собора и его состава. Рафаилъ Лещинскій, отъ имени пословъ, заявилъ, что въ дѣлѣ, касающемся всего народа вольны принять участіе всѣ сословія. Пусть король предлагалъ онъ, созоветъ синодъ и назначитъ на немъ какъ онъ уже обѣщалъ, четырехъ свѣтскихъ сенаторовъ; къ нимъ пусть епископы присоединятъ четырехъ изъ своей среды а шляхта—восемь изъ своей среды: всѣ они и будутъ руководить синодомъ и разбирать дѣла. Лещинскій выразилъ также желаніе пословъ, чтобы въ соборѣ приняли участіе не только Польша, но и Литва, силезскія княжества, Пруссія и прусскій герцогъ. До созванія собора каждому должна быть предоставлена полная свобода вѣровать и проповѣдывать то, что онъ считаетъ истиннымъ христіанскимъ ученіемъ. Лещинскій въ своей рѣчи до того увлекся, что назвалъ прусскаго герцога „нашимъ милостивымъ государемъ“. Епископы воспользовались этимъ неосторожнымъ словомъ, чтобы вооружить короля противъ посольской избы, уполномоченный которой позволилъ себѣ придать прусскому герцогу титулъ, принадлежащій одному польскому королю. Сигизмундъ Августъ чрезъ канцлера объявилъ посламъ, что, такъ какъ они отвергаютъ всѣ его проэкты и только попусту тратятъ время, то онъ приказываетъ имъ

[1]) Ibid., 19—21.

заняться другими дѣлами. Послы послѣ совѣщанія поручили краковскому послу Іерониму Оссолинскому попросить у короля извиненія за неосторожный поступокъ Лещинскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить ему послѣднія свои условія соглашенія. Послѣ извиненія за Лещинскаго, послѣ разсужденій о томъ, что постановленіе о національномъ соборѣ, какъ новая конституція, не можетъ быть издано безъ согласія земскихъ пословъ, Оссолинскій отъ имени пословъ выражаетъ согласіе на послѣдній королевскій проэктъ, но съ слѣдующими поправками: 1) соборъ будетъ созванъ королемъ властью сейма (auctoritate conventus); потому что на созванный архіепископомъ не всѣ считали-бы для себя обязательнымъ явиться, а отсюда возникли-бы новые раздоры; 2) четыре свѣтскихъ сенатора, назначаемые королемъ, будутъ на соборѣ судьями вмѣстѣ съ епископами и будутъ поддерживать тѣхъ, кто потребуетъ того; 3) должно помнить, что на соборѣ будутъ разбираться дѣла двоякаго рода—дѣла о вѣрѣ и дѣла объ извѣстныхъ лицахъ, осужденныхъ духовными: а) въ спорныхъ вопросахъ, касающихся вѣры и до сихъ поръ неразрѣшенныхъ въ христіанскомъ мірѣ, можетъ случиться, что мнѣнія раздѣлятся, и одни будутъ ссылаться на одно только слово Божіе, другіе — и на церковныя постановленія; если по вопросу этого рода будетъ постановлено духовенствомъ извѣстное опредѣленіе, то, такъ какъ вопросъ этотъ еще нигдѣ не разрѣшенъ, послы обезпечиваютъ себѣ и всей шляхтѣ свободу аппеляціи на это опредѣленіе къ вселенскому собору; б) что касается лицъ, то такъ какъ они будутъ судимы по обвиненію въ ереси, а осужденіе въ ереси влечетъ за собою лишеніе чести и имущества, и даже смерть, то должна быть допущена аппелляція къ сейму, такъ какъ только король съ сенатомъ можетъ осудить шляхтича на лишеніе жизни, чести и имущества. Относительно другихъ пунктовъ королевскаго проэкта, послы согласились, чтобы, согласно волѣ короля, все было пріостановлено до будущаго собора [1]).

Поправки пословъ къ королевскому проэкту были приняты Сигизмундомъ Августомъ. Король объявилъ имъ чрезъ канцлера, что, желая покончить съ этимъ дѣломъ, онъ соглашается на

[1]) Ibid., 22—28.

требованія пословъ, соберетъ въ силу сеймоваго постановленія соборъ въ то время, которое признаетъ удобнымъ, и даже самъ лично прибудетъ на него вмѣстѣ съ сенатомъ, а до того времени духовная юрисдикція будетъ пріостановлена, изданныя духовными противъ кого бы то ни было постановленія не будутъ имѣть силы; но король требуетъ, чтобы не было никакихъ кощунствъ и безпорядковъ. Маршалъ посольской избы благодарилъ короля за милостивый отвѣтъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ сеймъ занялся экзекуціей законовъ. При этомъ послы опять затронули духовенство. Ссылаясь на то, что королевская канцелярія не имѣетъ права выдавать постановленія противныя общему праву, они просили короля уничтожить привиллегію, данную архіепископу при коронованіи Варвары. Равнымъ образомъ, они просили, чтобы или духовные показали имъ привиллегіи, освобождающія ихъ солтысовъ отъ военной службы, или же солтысы ихъ безъ отговорокъ участвовали впредь въ посполитомъ рушеньи [2]). Дѣло экзекуціи тянулось долго и кончилось ничѣмъ. Ничего не добившись послы разъѣхались.

Хотя установленное петроковскимъ сеймомъ 1555 года соглашеніе между духовенствомъ и шляхтою было значительно у'же перваго проэкта земскихъ пословъ, тѣмъ не менѣе польская шляхта на этомъ сеймѣ значительно подвинула впередъ къ окончательному рѣшенію два главные пункта своей религіозной программы. Духовная юрисдикція de haeresi была пріостановлена до будущаго національнаго собора, причемъ шляхта оставила за собою право аппелляціи къ королю и сенату на приговоры этого собора о лицахъ шляхетскаго сословія по обвиненію ихъ въ ереси, какъ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе жизни, чести и имущества. Созваніе національнаго собора было обезпечено королевскимъ обѣщаніемъ, причемъ соборъ имѣлъ быть созванъ не примасомъ, съ разрѣшенія папы, а королемъ, въ силу сеймоваго постановленія; роль руководителей и судей на немъ имѣла принадлежать не однимъ епископамъ, а также королю, обѣщавшему прибыть на него, и свѣтскимъ сенаторамъ; въ крайнемъ же случаѣ, если-бы духовенство, взявъ на немъ перевѣсъ, стало постановлять свои рѣшенія

---

[1]) Ibid., 29—30.
[2]) Ibid., 82, 86.

по дѣламъ вѣры, допускалась аппелляція на эти рѣшенія къ вселенскому собору. Наконецъ, сеймъ возобновилъ прежній interim, но въ болѣе опредѣленной и благопріятной протестантамъ формѣ: онъ санкціонировалъ всѣ сдѣланныя реформаціей завоеванія, хотя только до будущаго собора. Одно въ сеймовомъ постановленіи было неблагопріятно протестантамъ, это-небольшая оговорка, чтобы протестанты не дозволяли себѣ насилій по отношенію къ католической церкви, то есть другими словами, не дѣлали дальнѣйшихъ завоеваній. Во всякомъ случаѣ, свобода частнаго, такъ сказать, домашняго исповѣданія протестанства была вполнѣ гарантирована для шляхты сеймомъ 1555 года.

Хотя Сигизмундъ Августъ далъ земскимъ посламъ обѣщаніе созвать національный соборъ своею властію, въ силу сеймоваго постановленія, однако онъ, какъ увидимъ ниже, счелъ нужнымъ снестись предварительно по этому вопросу съ римскою курію. Впрочемъ, по разнымъ обстоятельствамъ онъ сдѣлалъ это лишь въ слѣдующемъ году, и первое оффиціальное извѣстіе о томъ, что произошло на петровскомъ сеймѣ, папа получилъ отъ польскихъ епископовъ, нашедшихъ нужнымъ разъяснить св. отцу свой образъ дѣйствій на сеймѣ. Сказавъ о томъ, что примѣненіе къ дѣлу польскимъ духовенствомъ принадлежащаго ему права суда надъ еретиками вызвало сильную ненависть къ нему со стороны свѣтскаго сословія, гнѣзненскій архіепископъ и подчиненные ему епископы писали папѣ, что Сигизмундъ Августъ, желая положить конецъ постояннымъ раздорамъ духовнаго и свѣтскаго сословій, гибельно отражающимся на ходѣ государственныхъ дѣлъ, а въ будущемъ угрожающимъ еще большими опасностями, созвалъ на 22 апрѣля 1555 года въ Петроковѣ сеймъ, на которомъ и начали прежде всего разсуждать объ улаженіи этихъ раздоровъ. Но такъ какъ король увидѣлъ, что эти раздоры не могутъ быть улажены до тѣхъ поръ, пока не будутъ уничтожены схизмы въ вѣрѣ, а это можетъ сдѣлать только вселенскій соборъ, который хотя нѣсколько уже разъ былъ созываемъ и открываемъ, но до сихъ поръ не произвелъ желаннаго дѣйствія; такъ какъ, съ другой стороны, все шляхетское сословіе и значительная часть сенатa низа что не хотѣли начинать совѣщанія о войнѣ съ турками прежде, чѣмъ не будутъ удовлетворены ихъ требованія относительно

религіи: то король рѣшился просить апостольскій престолъ о томъ, чтобы позволено было въ польскомъ государствѣ созвать и устроить національный соборъ, на которомъ-бы авторитетомъ этого престола могли быть улажены возникшія въ Польшѣ разногласія въ вѣрѣ, при этомъ, чтобы не затягивать дѣла, онъ желалъ-бы созвать его какъ можно скорѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ король выразилъ желаніе, чтобы духовные суды до этого собора не вели процессовъ, особенно противъ тѣхъ, которые тайно начали принимать евхаристію подъ двумя видами, или оказываютъ покровительство женатымъ ксендзамъ, или при совершеніи мессъ предпочитаютъ отечественный языкъ латинскому. Епископы по ихъ словамъ, согласились, чтобы все дѣло относительно національнаго собора и вообще вѣры было предано на разрѣшеніе апостольскому престолу, но они не согласились на пріостановку судебныхъ процессовъ противъ еретиковъ и тутъ же въ сенатѣ въ присутствіи короля и всѣхъ сенаторовъ занесли торжественный протестъ противъ ограниченія своей юрисдикціи„ [1]). Вообще изъ посланія было ясно, что польскіе епископы не были совершенно противны проэкту національнаго собора: имъ только не хотѣлось дѣйствовать на свой страхъ.По этому они и постановили довести обо всемъ до свѣдѣнія апостольскаго престола и съ этою цѣлью отправили въ Римъ католическаго архидіакона Франциска Красинскаго съ указаннымъ выше посланіемъ. Но въ то время какъ польскіе епископы обнаруживали нѣкоторую уступчивость по вопросу о національномъ соборѣ, не дремалъ и неподкупный стражъ папскихъ интересовъ въ Польшѣ, которому такая уступчивость казалась почти ересью. Вармійскій епископъ Гозій чрезъ того же калишскаго архидіакона, чрезъ котораго польскіе епископы предлагали на благоусмотрѣніе папы проэктъ національнаго собора, спѣшитъ сообщить апостольскому престолу свои соображенія о томъ, какъ помѣшать исполненію этого опаснаго для Рима плана. Въ своемъ посланіи къ папѣ Павлу IV Гозій не считаетъ нужнымъ скрывать отъ него опаснаго положенія дѣлъ въ Польшѣ. Но не въ національномъ соборѣ видитъ онъ спасеніе: онъ видитъ его въ скорѣйшей присылкѣ въ Польшу нунція Алоизія Липпомано, который бы спасъ Поль-

[1]) Theiner, II, 577—578, Petricoviae, 21 Mai 1555.

шу именно отъ этого національнаго собора [1]) Получивъ изъ рукъ калишскаго архидіакона коллективное посланіе польскихъ епископовъ и отдѣльное посланіе вармійскаго епископа, папа далъ такой отвѣтъ, какого и слѣдовало ожидать. Онъ хвалилъ польскихъ епископовъ за то, что они обратились за рѣшеніемъ столь важнаго вопроса къ апостольскому престолу, но прибавлялъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ одобрить того, чтобы въ Польшѣ состоялся соборъ епископовъ одной польской націи для улаженія споровъ о вѣрѣ и религіи, такъ какъ объ этихъ вещахъ можно разсуждать и постановлять рѣшенія только на вселенскихъ соборахъ [2]). Вармійскому же епископу папа писалъ что переданное ему калишскимъ архидіакономъ посланіе Гозія „весьма сильно (magnopere) подтвердило то мнѣніе, которое папа уже раньше имѣлъ объ его отличной добродѣтели и усердіи въ защитѣ католической вѣры противъ ея возмутителей". Въ заключеніе своего посланія, какъ бы желая выразить свое одобреніе воззрѣніямъ Гозія на цѣль нунціатуры Липпомано, папа дѣлаетъ замѣтку, что нунцій, должно быть, уже находится въ отечествѣ Гозія, и добавляетъ: „продолжай, возлюбленнѣйшій братъ, мужественно охранять и защищать вѣру Бога и Господа нашего Іисуса Христа и оказывать величайшія услуги своему отечеству, какъ ты до сихъ поръ это дѣлалъ съ величайшею для себя похвалою„ [3]).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Въ началѣ октября 1555 года прибылъ въ Варшаву папскій нунцій Алоизій Липпомано, веронскій епископъ, отъ котораго католическая партія съ Гозіемъ во главѣ ожидала спасенія [4]). За Липпомано была слава опытнаго борца, искусившагося въ бою съ реформаціей. Въ союзники ему папа особымъ посланіемъ пригласилъ вармійскаго епископа: „Зная тебя и твои добродѣтели, писалъ Павелъ IV Гозію, мы надѣемся, что всѣ усилія нунція будутъ имѣть благопріятный

[1]) Ibid., II. 579, Hosius Paulo IV, Heilsberg 12 Iulii 1555.

[2]) Rajnaldus, t. XXI, pars II, p. 137—138, nr. 61, sub ann. 1555 (8 Octobris, Romae).

[3]) Theiner, II, 584—585, Romae, 8 Octobris 1555.

[4]) Eichhorn, I, 259.

исходъ, если онъ приступитъ къ дѣлу, имѣя тебя своимъ помощникомъ, своимъ союзникомъ [1]).

Трудная задача предстояла нунцію въ Польшѣ, трудная уже потому одному, что не легко было тогдашнему западноевропейцу оріентироваться среди своеобразныхъ учрежденій польскаго шляхетскаго государства. Папскій нунцій на первыхъ же порахъ наткнулся на многое, чего онъ, кажется, не предвидѣлъ. Онъ составилъ планъ компаніи, не совсѣмъ соображенный съ условіями польской жизни. Онъ задумалъ начать дѣло съ короля, задумалъ привлечь его на свою сторону и, опираясь на него, повести борьбу съ протестантствомъ. Не познакомившись съ польскими епископами, не сдѣлавъ даже визита примасу, не смотря на приглашеніе его, онъ, немедля ни минуты, устремился въ Вильну, гдѣ находился тогда королевскій дворъ, объявляя всѣмъ, что папа запретилъ ему вступать съ кѣмъ бы то ни было въ знакомство до тѣхъ поръ, пока онъ не увидитъ короля [2]). Въ Вильнѣ, по свидѣтельству Гурницкаго, онъ просилъ короля, чтобы онъ своевременно принялъ мѣры противъ распространенія реформаціи въ Польшѣ и указывалъ королю путь, которымъ онъ могъ бы этого достигнуть. Гурницкій не сообщаетъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ рекомендованномъ нунціемъ пути, и говоритъ только, что Сигизмундъ Августъ замѣтилъ Липпомано, что онъ здѣсь „король со связанными руками“ [3]). Между тѣмъ по Польшѣ разнеслась молва, приписывавшая нунцію самые ужасные замыслы. Молва эта утверждала, что Липпомано совѣтовалъ королю снять восемь или десять головъ съ первѣйшихъ польскихъ пановъ протестантовъ. Не трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвела на польскую шляхту, ревниво оберегавшую свои привиллегіи, вѣсть о замыслахъ папскаго нунція на право жизни знатнѣйшихъ пановъ. Мы не имѣемъ данныхъ, на основаніи которыхъ могли бы опредѣлить, сколько правды было въ этихъ слухахъ, распространяемыхъ про нунція его недругами. Мы не считаемъ себя вправѣ приписывать нунцію тотъ кровавый совѣтъ, который приписывала ему об-

---

[1]) Cyprianus, Tabularium Ecclesiae Romanae seculi XVI, Francofurti et Lipsiae, 1743, p. 59, Romae, festo sd. Quintilis 1555.

[2]) Eichhorn, I, 259.

[3]) Górnicki, 120.

щая молва, въ виду упорнаго отрицанія его самимъ Липпомано [1]). Но та ожесточенная ненависть, которую снискалъ себѣ нунцій, которая на каждомъ шагу преслѣдовала его грязными пасквилями [2]), становится совершенно непонятною, необъяснимою, если не допустить хоть малой доли правды въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя взводили на нунція его недруги, если не допустить, что нунцій, дѣйствительно, совѣтовалъ католическому королю поступать съ еретиками болѣе энергично, дать имъ почувствовать свою власть. Сигизмундъ Августъ, какъ мы сказали, отказался отъ энергическаго дѣйствованія противъ еретиковъ, хотя, по своему обыкновенію, не поскупился на обѣщанія: но это были „пустыя слова“, какъ догадывался самъ нунцій [3]). Вскорѣ нунцій убѣдился въ справедливости своихъ догадокъ. Липпомано задался цѣлію возвратить католичеству самаго могущественнаго въ то время покровителя реформаціи въ Польшѣ — извѣстнаго уже намъ Радзивилла Чернаго. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ Радзивиллу письмо, въ которомъ предостерегалъ его по поводу того, что общій голосъ какъ въ Польшѣ, такъ и за границей признаетъ его главнымъ покровителемъ еретиковъ, и просилъ его бросить еретическія заблужденія, угрожая въ противномъ случаѣ наказаніемъ Божіимъ. Письмо это, продиктованное страшною ненавистію нунція къ еретикамъ, написано было въ очень сильныхъ выраженіяхъ. Но надежды, которыя возлагалъ на него нунцій, разбились съ великимъ для него позоромъ. Радзивиллъ прислалъ нунцію такой отвѣтъ, что „самъ діаволъ, по словамъ нунція, не могъ бы добыть изъ ада ничего худшаго“, чтобы выразить свое презрѣніе и папѣ, и его нунцію, и всему католическому духовенству. Этотъ отвѣтъ вскорѣ сталъ извѣстенъ всей Польшѣ. Но особенно мучило Липпомано подозрѣніе, что отвѣтъ этотъ данъ былъ ему не безъ вѣдома короля. „По полученіи его (т. е. отвѣта), писалъ онъ Палліано, я, признаюсь вамъ, потерялъ всякую надежду на то, чтобы можно было сдѣлать что-нибудь хорошее въ этомъ королевствѣ, потому что этотъ

---

[1]) Relacye, I, 20—23, письмо Липпомано къ подканцлеру Пржерембскому. Lovitii 20 augusti, 1556; ibid., 39, письмо его же къ Палліано, Łowicz, 22 września 1556.

[2]) Górnicki, 120. Bielski, II. 1120.

[3]) Eihorn, I, письмо Липпомано къ Гозію.

панъ, будучи у короля всѣмъ—совѣтникомъ, канцлеромъ, маршаломъ, довѣреннымъ другомъ, съ которымъ король ѣстъ, танцуетъ, веселится, отвѣтилъ мнѣ, кажется, не безъ его вѣдома и согласія. А если такъ, а все заставляетъ меня думать, что такъ, video nos oleum et operam hic perdere, et laterem ut dicitur lavare“ [1]).

Планъ кампаніи, составленный Липпомано безъ знанія мѣстности, безъ знанія польской жизни, окончился неудачею. Уже въ началѣ ноября 1555 года Липпомано увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться за помощью къ мѣстнымъ католическимъ силамъ, попросить указаній у того, на кого еще въ Римѣ указывали ему, какъ на человѣка, „котораго одного изъ всѣхъ онъ долженъ любить, уважать, почитать“ [2]). „Такъ какъ нѣчто, и нѣчто величайшей важности я долженъ сообщить тебѣ, писалъ Липпомано къ Гозію, то я чрезвычайно желалъ бы, чтобы ты былъ здѣсь. Это нѣчто — такого рода, что я не рѣшаюсь довѣрить его письму... Поэтому, если меня любишь, постарайся, заклинаю тебя, какъ можно скорѣе увидѣться со мною“ [3]). „Заклинаю тебя, если ты еще не находишься на пути, торопилъ нунцій Гозія нѣсколько времени спустя, немедленно отправляйся и спѣши къ намъ“ [4]). Должно быть, положеніе нунція при дворѣ стало на первыхъ же порахъ не совсѣмъ прочнымъ, если онъ уже на второмъ мѣсяцѣ своего пребыванія въ Польшѣ такъ настойчиво звалъ въ Вильну въ помощь себѣ вармійскаго епископа. Впрочемъ, дворъ скоро переѣхалъ изъ Вильны въ Варшаву, и этимъ облегчилъ возможность свиданія Гозія съ Липпомано, сопровождавшимъ короля. Но тутъ ждали Гозія однѣ непріятности. Тутъ онъ на самомъ себѣ испыталъ дурныя послѣдствія неудачнаго образа дѣйствій нунція. Въ Варшавѣ Гозій не нашелъ для себя помѣщенія и потому нѣсколько дней провелъ въ Пултускѣ. Изъ Пултуска онъ писалъ къ подканцлеру Пржерембскому и просилъ его назначить ему время и мѣсто для свиданія; но на свое письмо не получилъ

[1]) Relacye, I, 39. Lippomano do xięcia di Palliano, Łowicz, 22 września 1556. Начало письма Радзивилла къ Липпомано напечатано въ Relacyach (1, 23—25).

[2]) Cyprianus, 62, Lippomano Hosio, Vilna, 4 Novembris 1555.

[3]) Ibid., 64, Vilna, 15 Novembris 1555.

[4]) Ibid., 64, Vilna, 9 Calen. Decemb. 1555.

отъ него отвѣта. Думая, что подканцлеръ не отвѣтилъ потому, что заваленъ дѣлами, онъ написалъ къ архіепископскому канцлеру Домбровскому, прося его извѣстить, когда подканцлеръ можетъ его принять. Гозію назначили день, но когда онъ пріѣхалъ въ Варшаву, подканцлера тамъ уже не было. Очевидно было, что подканцлеръ нарочито уклонился отъ свиданія съ ревностнымъ епископомъ. Тогда же Гозій узналъ, что и самаго нунція худо принимаютъ при дворѣ. Вотъ какъ описывалъ самъ Гозій вынесенныя имъ изъ своей поѣздки въ Варшаву впечатлѣнія: „мнѣ кажется, писалъ онъ Мартину Кромеру 19 января 1556 г., что гибель государства близка; послѣ того, что я здѣсь услышалъ, я отчаваюсь во всемъ. Неудержимо стремитесь вы въ пропасть. Мы заживо и завѣдомо погибаемъ... Я ухожу отсюда менѣе утѣшеннымъ, чѣмъ какимъ пришелъ. Я вижу, что Богъ хочетъ наказать насъ; о если бы только Онъ наказалъ насъ въ своемъ милосердіи, а не во гнѣвѣ своемъ“. Мало того, что правительственныя лица высказывали свое нежеланіе выслушивать представленія Гозія и еще менѣе исполнять ихъ; самъ нунцій велъ себя нѣсколько двусмысленно въ отношеніи къ нему. Въ Варшавѣ, послѣ отъѣзда короля, Гозій имѣлъ совѣщаніе съ нунціемъ относительно положенія дѣлъ въ Польшѣ. Въ началѣ февраля 1556 года примасъ пригласилъ нунція и вармійскаго епископа въ свою резиденцію, въ Ловичъ. Гозій принялъ приглашеніе, надѣясь въ Ловичѣ, въ присутствіи примаса, продолжить начатыя съ нунціемъ въ Варшавѣ совѣщанія. Хотя совѣщанія эти, по настоянію Гозія, начались на третій день по прибытіи ихъ въ Ловичъ, но вскорѣ были прерваны, и Гозій уѣхалъ въ Вармію, не получивъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій нунція [1]). Не оттого ли это произошло, что нунцій пересталъ вѣрить въ успѣхъ своего дѣла, потерялъ голову и помышлялъ только о скорѣйшемъ возвращеніи въ Италію. Дѣйствительно, у польскаго правительства нунцій потерялъ всякій кредитъ, и если во время его пребыванія въ Польшѣ король издалъ нѣсколько постановленій въ интересахъ католической вѣры, то это нужно приписать нестолько представленіемъ нунція, сколько стараніямъ мѣстнаго духовенства, имѣвшаго основанія требовать отъ

[1]) Eichhorn, I, 263—265.

правительства соблюденія interim установленнаго сеймомъ 1555 года. Такъ въ декретѣ на имя старостъ познанской епархіи король предписывалъ имъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ королевскихъ не появлялось никакихъ измѣненій въ церковныхъ обрядахъ ни въ костелахъ, ни въ частныхъ домахъ, равно какъ, чтобы подъ предлогомъ богослуженія, не совершалось какихъ бы то ни было сходокъ (conventicula); а если бы познанскій епископъ или кто-либо по его уполномоченію донесъ имъ, что кто-нибудь содержитъ и распространяетъ какую-либо ересь, предписывалось указаннымъ выше властямъ не терпѣть таковыхъ, но тотчасъ изгонять, а въ случаѣ ихъ возвращенія строго наказывать. Въ другомъ декретѣ, изданномъ на имя Яна Косцелецкаго, сѣрадзскаго воеводы и великопольскаго генерала-старосты, король предписывалъ ему озаботиться строгимъ исполненіемъ древнихъ статутовъ относительно еретиковъ, особенно богемскихъ братьевъ (Boëmosistos), какъ въ Познани, такъ и въ другихъ городахъ [1]). Одновременно съ этими указами король издалъ третій декретъ, въ которомъ повторилъ запрещеніе своего отца относительно печатанія еретическихъ книгъ [2]). Указы, изданные Сигизмундомъ Августомъ, имѣли цѣлью — положить предѣлъ нарушеніямъ установленнаго прошлогоднимъ сеймомъ interim'а, нарушеніямъ, которыя часто дозволяли себѣ тогда протестанты. Кромѣ того, изданіемъ ихъ король, можетъ быть, имѣлъ въ виду сдѣлать нѣчто угодное римской куріи, чтобы сдѣлать ее уступчивѣе въ другихъ дѣлахъ, напр. въ дѣлѣ созванія національнаго собора.

Если у польскаго правительства кредитъ Липпомано сильно пошатнулся, то положеніе его среди польскаго общества было невыносимымъ; а между тѣмъ ему приходилось считаться съ этимъ обществомъ, съ его желаніями, и требованіями, такъ сильно высказавшимися на прошлогоднемъ сеймѣ. Центромъ этихъ желаній и требованій, какъ мы знаемъ, было созваніе національнаго собора. Папскому нунцію предстояла задача помѣшать его созванію. О томъ, что дѣлалъ Липпомано, чтобы

[1]) Эти указы, взятые изъ познанскаго городскаго архива, напечатаны Романовскимъ (Romanowski, Otia Cornicensia, t. I, p. 260—263). Они изданы въ Вильнѣ 1 марта 1556 г.

[2]) Friese, Th. II, Bd. 1, S. 262.

исполнить эту трудную задачу, мы не имѣемъ подъ руками почти никакихъ свѣдѣній. Можно только догадываться, на основаніи инструкціи, о которой мы сейчасъ скажемъ, что по вопросу о національномъ соборѣ были у него переговоры съ польскимъ правительствомъ. Весьма вѣроятнымъ тутъ представляется такое предположеніе. Такъ какъ послѣ петроковскаго сейма (1555 г.) король счелъ нужнымъ отправить къ папѣ особаго посла съ просьбою дать согласіе на созваніе въ Польшѣ національнаго собора и прислать для участія въ немъ своего уполномоченнаго, такъ какъ затѣмъ получено было Сигизмундомъ Августомъ письмо папы Павла IV о назначеніи нунціемъ въ Польшѣ Алоизія Липпомано [1]): то Сигизмудъ Августъ счелъ нужнымъ, прежде чѣмъ отправить своего посла въ Римъ, дождаться прибытія въ Польшу папскаго нунція, чтобы отъ него узнать взгляды римской куріи на національный соборъ, тѣмъ болѣе что въ случаѣ согласія папы на созваніе его, самъ нунцій могъ явиться на немъ тѣмъ уполномоченнымъ, о присылкѣ котораго король хотѣлъ просить папу. Когда прибылъ въ Польшу Липпомано, польское правительство и вступило съ нимъ въ переговоры по вопросу о національномъ соборѣ, но нунцій дипломатично отклонился отъ активнаго участія въ этомъ дѣлѣ, заявивши, что онъ не имѣетъ на это полномочія отъ папы. Лишь послѣ этого Сигизмундъ Августъ отправилъ въ Римъ своего посла Станислава Мацѣевскаго, для котораго и составлена была новая инструкція, въ которой очевидно стремленіе составителя ея смягчить рѣзкость выраженій первой инструкціи,—стремленіе вполнѣ естественное послѣ того, какъ польскій дворъ, не желавшій раздражать папу, узналъ отъ Липпомано взгляды римской куріи на національный соборъ [2]). Но какъ ни умѣренно, какъ ни смиренно даже долженъ былъ по этой инструкціи королевскій посолъ предложить папѣ желаніе петроковскаго сейма 1555 года, сущность дѣла оставалась таже; разница была лишь въ томъ, что посолъ долженъ былъ по воз-

[1]) Письмо папы дано въ Римѣ 14 авг. 1555 г. (Theiner, II, 580—581).

[2]) Обѣ эти инструкціи напечатаны въ «Scriptores Rerum Polonicarum», II, 104—110. Мы будемъ пользоваться второю изъ нихъ, какъ дѣйствительно данною Мацѣевскому. Въ этой инструкціи король поручаетъ послу объявить папѣ относительно Липпомано: is negat se habere de eo (т. е. національномъ соборѣ) mandata a Scte Vestra et videtur abhorrere penitus a nationali concilio.

можности выгораживать личность короля, сваливая всю бѣду на земскихъ пословъ. По этой инструкціи посолъ долженъ былъ довести до свѣдѣнія папы, что на петроковскомъ сеймѣ 1555 года земскіе послы требовали того, чего обыкновенно требуютъ (quae vulgo flagitarentur), именно: чтобы богослуженіе совершалось въ храмахъ на отечественномъ языкѣ (что нѣкогда дозволено было апостольскимъ престоломъ болгарамъ, употребляющимъ одинъ и тотъ же съ поляками языкъ); затѣмъ чтобы мірянамъ дозволено было причащаться подъ обоими видами (какъ это въ древности дозволялось, наравнѣ съ причащеніемъ подъ однимъ, и какъ это и нынѣ употребляется у грековъ, болгаръ и русскихъ, а чехамъ сто лѣтъ тому назадъ дозволено базельскимъ соборомъ); наконецъ чтобы дозволено было ксендзамъ (presbyteris) вступать въ бракъ (какъ это дозволено у тѣхъ же грековъ, русскихъ и болгаръ, а въ древности было дозволено и въ западной церкви). Для постановленія рѣшенія объ этихъ предметахъ, равно какъ и о другихъ церковныхъ обрядахъ и спорныхъ догматахъ, дворяне требовали созванія провинціальнаго собора, такъ какъ вселенскій соборъ, по ихъ словамъ, созывается медленнѣе, чѣмъ бы слѣдовало, да и едва ли будетъ доведенъ когда—либо до желаннаго конца; но (долженъ былъ прибавить по инструкціи посолъ) король понималъ, что вовсе не его дѣло постановлять что—либо по дѣламъ, касающимся религіи, измѣнять ея обряды или вообще допускать что—нибудь такое, что отдѣлило бы его и его государство отъ обычаевъ и постановленій католической церкви и что имѣло бы видъ посягательства на авторитетъ апостольскаго престола. Поэтому—то (говорилось далѣе въ инструкціи) послѣ долгихъ совѣщаній и разсужденій король благоволилъ отослать все это дѣло на разсмотрѣніе апостольскаго престола и обо всемъ этомъ донести ему чрезъ своего посла. И такъ какъ люди остались этимъ недовольны и сильно жаловались на суровость епископовъ, то королю съ сенатомъ показалось не безразсуднымъ (inconsultum), чтобы епископы на короткое время поудержались (reprimerent se), и не считалось преступленіемъ—отступленіе отъ старыхъ церковныхъ обрядовъ, если оно имѣетъ мѣсто въ частныхъ помѣщеніяхъ или въ такихъ костелахъ, которые забраны приверженцами новшествъ (a novatoribus) до настоящаго сейма, а такихъ костеловъ очень немного и безъ большихъ волненій они въ

настоящее время не могутъ быть обращены въ первоначальное состояніе; да и этой пріостановки, или попущенія король желалъ отъ епископовъ не долѣе, какъ до вселенскаго или національнаго собора, котораго требовали, или, если бы созваніе того или другаго затянулось, до ближайшаго сейма. Что же касается всѣхъ другихъ костеловъ, то въ нихъ не допускались никакія измѣненія въ богослуженіи, и противъ виновныхъ въ этомъ епископы сохранили свою юрисдикцію неприкосновенною, а король и правительственные органы должны были по прежнему исполнять приговоры духовныхъ судовъ. Не смотря однакожъ на это (долженъ былъ сказать папѣ посолъ), епископы противились этому постановленію короля и сената и громко кричали, что это послабленіе, или попущеніе для нихъ нестерпимо, и гибельно для истинной вѣры. Изложивъ папѣ въ такихъ чертахъ все то, что дѣлалось на петроковскомъ сеймѣ, королевскій посолъ долженъ былъ (по инструкціи) перейти къ главному предмету своего посольства, долженъ былъ выразить папѣ желаніе короля, поставленнаго къ непріятную необходимость исполнять требованія своего народа. Король надѣется (долженъ былъ сказать посолъ), что, такъ какъ всюду говорятъ что вселенскій соборъ безъ всякой надобности былъ переносимъ съ мѣста на мѣсто и прерываемъ нѣкоторыми папами,—король надѣется, что Его Святѣйшество ускоритъ его созваніе и поспѣшитъ позаботиться о томъ, чтобы утишить наконецъ колебанія вѣры и христіанскаго міра. На случай, если бы вселенскій соборъ не могъ быть созванъ въ настоящее время, король проситъ папу созвать какъ можно скорѣе національный соборъ въ Польшѣ, или же дать ему, королю, право созвать его, причемъ король обѣщаетъ позаботиться о томъ, чтобы все произошло мирно, безъ опасности для кого бы то ни было. На этомъ соборѣ король желаетъ присутствія уполномоченнаго папы и въ качествѣ такого уполномоченнаго выражаетъ готовность принять нынѣшняго папскаго нунція въ Польшѣ, веронскаго епископа, за присылку котораго очень благодаритъ папу, хотя прибавляетъ, что этотъ нунцій отказался отъ всякаго участія въ дѣлѣ созванія національнаго собора и, кажется, совершенно нерасположенъ къ національному собору. Съ этою инструкціею въ началѣ 1556 года отправился въ Римъ сандомірскій каштелянъ Станиславъ Мацѣевскій, а въ концѣ мая 1556 г. папскій нунцій Липпомано

имѣлъ уже изъ Рима свѣдѣнія о результатахъ посольства Мацѣевскаго. Изъ Рима писали [1]) Липпомано, что посолъ польскаго короля на публичной аудіенціи принесъ папѣ обычныя поздравленія со вступленіемъ на престолъ; папа на той же аудіенціи отвѣтилъ ему великими похвалами польскому королю. На частной аудіенціи, писали ему, посолъ объявилъ папѣ, что король, понуждаемый волею народа, желаетъ „чтобы 1) позволено было совершать литургію и другое богослуженіе на польскомъ языкѣ, 2) причащаться подъ обоими видами, 3) чтобы ксендзы могли жениться, 4) имѣть народный соборъ.„ Въ Римѣ, очевидно, подъ покровомъ умѣренности и смиренія сразу же разглядѣли далеко не умѣренныя и не смирныя, съ римской точки зрѣнія, требованія. „Съ немалою печалью и горечью сердца, писали Липпомано, слушалъ св. отецъ эти желанія, не могъ даже скрыть скорби, что король, хотя бы побуждаемый наглыми домогательствами народа ли то, или нѣсколькихъ лицъ, до такой степени забылся, что согласился представить ихъ папѣ. Св. отецъ объявилъ упомянутому пану Станиславу, что названныя выше требованія, равно какъ опасность, въ которой онъ видитъ это столь любимое имъ королевство, побуждаютъ его поспѣшить созваніемъ вселенскаго собора, безъ котораго нѣтъ возможности отвѣтить на эти желанія какъ слѣдуетъ.... Пусть поэтому Ваше преосвященство проситъ короля и объявитъ польскимъ епископамъ, чтобы они готовились отправиться въ дорогу, когда призваны будутъ для излеченія ранъ церкви и своего отечества; пусть будутъ увѣрены, что св. отецъ встрѣтитъ ихъ съ тѣмъ сердечнымъ чувствомъ, съ какимъ братъ встрѣчаетъ брата послѣ долгаго, томительнаго ожиданія.“—Словомъ, римская курія укрылась за старой своей ширмой.

Между тѣмъ папскій нунцій въ Польшѣ, потерпѣвъ неудачу на пути, избранномъ имъ для борьбы съ реформаціей, начинаетъ дѣлать попытки вступить на другой путь: онъ задается цѣлію оживить въ самой католической партіи строго католическій духъ, укрѣпить ея связи съ Римомъ, значительно ослабѣвшія. Католическая партія была тогда, дѣйствительно, сильно ослаблена, разстроена, чужда строгой дисциплины. Даже

[1]) Relacye, I, 29—32, List xięcia di Palliano do Lippomano, Rzym, 30 maja 1556.

польскіе епископы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, проникались общимъ духомъ времени, и если не переходили открыто на сторону протестантовъ, то давно уже стали спотыкаться, давно уже сочувствовали имъ въ душѣ и весьма не двусмысленно выражали готовность войти съ ними въ компромиссъ, уважить нѣкоторыя изъ ихъ желаній. Другіе, хотя и не питали симпатій къ реформаціи, но не обнаруживали и ревности къ охраненію старой вѣры: ихъ всецѣло поглощали разнаго рода ихъ личныя дѣла. Лишь очень немногіе члены тогдашняго польскаго епископата могли прійтись по вкусу представителю римской куріи. „Изъ здѣшнихъ епископовъ, писалъ Липпомано папѣ, нѣкоторые заражены еретичествомъ, нѣкоторые только имя носятъ епископовъ, на самомъ же дѣлѣ рѣшительно ничего не дѣлаютъ, а весьма немного бодрствующихъ надъ своимъ стадомъ“ [1]). Вмѣсто того, чтобы пользоваться совѣтамп и содѣйствіемъ польскихъ епископовъ въ своей трудной миссіи, Липпомано долженъ былъ производить слѣдствія по обвиненію то того, то другаго изъ нихъ въ приверженности къ еретическимъ ученіямъ, причемъ онъ приходилъ къ неутѣшительнымъ для римской куріи заключеніемъ. [2]). Задумавши взяться за дѣло обновленія и оживленія католической партіи, Липпомано прежде всего предпринялъ ревизію польскихъ епархій, чтобы на мѣстѣ изучить положеніе дѣлъ. Въ апрѣлѣ и маѣ 1556 года онъ въ сопровожденіи примаса объѣхалъ каѳедральныя церкви въ Великой Польшѣ. Не отрадныя впечатлѣнія вынесъ нунцій отъ непосредственнаго соприкосновенія съ польскою жизнію. „Многое мы нашли, писалъ онъ послѣ ревизіи вармійскому епископу, что ни глазамъ, ни ушамъ моимъ не было пріятно. Все кричитъ о реформаціи“ (omnia reformationen clamant) [3]). Но это путешествіе, доставившее нунцію много непріятныхъ впечатлѣній, [4]) дало ему возможность подмѣтить и кое-что такое, что, хотя само по себѣ было явленіемъ прискорбнымъ, но для нунція могло мелькнуть, какъ луть надежды на возможность нѣкотораго разрѣшенія его впослѣдствіи на провинціаль-

---

[1]) Relacye, I, 26, Lippomanus Paulo IV, Lovitii, 18 Iunii 1556.

[2]) Ibid., 26—27.

[3]) Cypr ianus, 67, Lippomanus Hosio, Lovitii, 1 Iunii 1556.

[4]) Clamans jam raucus factus sum super hoc negotio, говоритъ Липпомано о себѣ въ цитованномъ выше письмѣ (Ibid.).

номъ синодѣ съумѣлъ ловко эксплоатировать въ свою пользу. Во время этого же путешествія нунцій не могъ не замѣтить того, что капитульные прелаты и каноники представляютъ собою элементъ польскаго духовенства, болѣе внушающій къ себѣ довѣрія, чѣмъ епископы; поэтому, вѣроятно, не упустилъ случая привлечь ихъ на свою сторону, чтобы воспользоваться ихъ услугами, какъ пользовался ими вармійскій епископъ. Доказательство своей преданности интересамъ католичества великопольскіе прелаты и каноники дали папскому нунцію уже въ своихъ „Responsiones“ [1]), гдѣ они нарисовали ему, по его предложенію, картину безпорядковъ и нестроеній польской церковной жизни, вполнѣ согласно съ дѣйствительностію, безъ тенденціи ослабить ихъ силу, смягчить яркость красокъ. Мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести эту картину въ общихъ чертахъ, какъ воспроизвели раньше картину такого же содержанія малопольскихъ католиковъ, такъ какъ она не только болѣе или менѣе вѣрно и полно передаетъ тогдашнюю дѣйствительность, но и даетъ намъ возможность взглянуть на нее подъ тѣмъ угломъ, зрѣнія, подъ которымъ смотрѣли на нее тогдашніе люди.

Первою причиной проникновенія въ Польшу ереси великопольскіе каноники считаютъ небрежность пастырей Христова стада и прежде всего самаго папы. Вотъ главныя основанія, на которыхъ опирается обвиненіе апостольскаго престола: 1) въ продолженіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ со времени появленія ереси римскіе первосвященники не присылали въ Польшу ни легатовъ, ни нунціевъ, которые бы при королевскомъ дворѣ обуздывали безразсудную дерзость еретиковъ и поддерживали защитниковъ церкви; 2) хотя вселенскій соборъ открытъ былъ въ Тріентѣ, но папы не въ достаточной степени заботились о томъ, чтобы онъ счастливо окончился, а подъ маловажными предлогами прерывали его, хотя въ этомъ значительная доля вины падаетъ и на свѣтскихъ государей; 3) разные римскіе первосвященники предоставили государямъ много привиллегій, противныхъ свободѣ церкви; 4) римская курія предоставляетъ польскія прелатуры и каноникаты людямъ недостойнымъ, при-

[1]) Relacye, I, 45—54, Responsiones DD. Praelatorum, Canonicorum et Capitulorum Cathedralium Gnesnensis, Posnaniensis, Vladislaviensis et Plocensis ecclesiarum Regni Majoris Poloniae, ad consultationem Rmi Dni Nuntii Apostolici, super negotio fidei summatim collectae.

чемъ происходитъ настоящая торговля бенефиціями, съ ними соединенными.—Второю причиною проникновенія въ Польшу ереси каноники считаютъ небрежность мѣстныхъ католическихъ епископовъ, въ описаніи которой они, быть можетъ, впадаютъ и въ нѣкоторое преувеличеніе. Надѣленные большею властію въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ польскіе епископы, по словамъ канониковъ, не пользуются ею, къ сожалѣнію, въ интересахъ церкви; они притѣсняютъ своихъ подданныхъ, обременяютъ ихъ поборами, принуждаютъ ихъ работать даже въ воскресные и праздничные дни, иногда даже превосходятъ шляхту въ ихъ угнетеніи; они, первые сенаторы, не стараются увѣщевать и наставлять короля въ истинной вѣрѣ, какъ бы должны были и могли, и это происходитъ оттого, что они постоянно помышляютъ въ сердцѣ своемъ о повышеніяхъ, постоянно ожидаютъ перемѣщенія на другую каѳедру и вслѣдствіе этого, положивъ перстъ на уста свои, не хотятъ или не смѣютъ говорить о домѣ Божіемъ; они не только не преслѣдуютъ судомъ проповѣдниковъ и приверженцевъ ереси, но даже какъ хорошихъ знакомыхъ принимаютъ ихъ въ своимъ куріяхъ, доставляютъ имъ защитниковъ; они покровительствуютъ даже отлученнымъ отъ церкви и вообще съ такой неохотой пользуются своею епископскою властію, что готовы согласиться на совершенное ея уничтоженіе, одинъ изъ нихъ въ присутствіи шляхты осмѣлился даже, говорятъ, сказать: пусть всякій вѣруетъ, какъ ему угодно, только бы мои доходы оставались для меня нетронутыми; они ни мало не препятствуютъ продажѣ и распространенію еретическихъ книгъ, такъ что отъ торговли ими сталъ зависѣть почти весь барышъ книгопродавцевъ; о ихъ небрежности въ охраненіи правъ церкви и ея служителей свидѣтельствуютъ отнятіе у нихъ доходовъ, отсутствіе священнослужителей болѣе чѣмъ въ шестидесяти церквахъ разныхъ епископій, совершенное разграбленіе другихъ, изгнаніе ксендзовъ и замѣщеніе ихъ лицами, угодными еретикамъ; причиною этихъ безпорядковъ въ значительной степени служитъ то обстоятельство, что въ Польшѣ назначеніе на епископскія мѣста болѣе всего зависитъ отъ родственныхъ связей и отъ протекцій, и слишкомъ мало отъ образованности и честности: въ епископы производятся люди нерелигіозные и безполезные, даже мальчишки, которые вовсе не препятствуютъ волкамъ нападать на стадо Христово.

Сказавъ такъ много о небрежности епископовъ, великопольскіе каноники считаютъ нужнымъ сознаться, что и остальное польское духовенство далеко отъ своего идеала. Они констатируютъ фактъ нравственной распущенности польскаго духовенства: все тутъ, говорятъ они, исполнено роскоши, помпы, жадности, похотей, праздности и нерадивости. И что всего хуже, заключаютъ они, священники не знаютъ закона Божія. Отъ духовенства каноники переходятъ къ польскому обществу. Тутъ прежде всего они выставляютъ на видъ давнюю, застарѣвшую ненависть свѣтскихъ людей къ клиру, которая, по ихъ мнѣнію, никогда не прекратится, хотя бы клиръ сталъ самымъ совершеннымъ по жизни и нравамъ. Причиною этой ненависти служитъ, съ ихъ точки зрѣнія, жадность свѣтскихъ людей, которые хотѣли бы овладѣть имуществами духовенства, такъ что иногда они не имѣютъ иного предлога къ перемѣнѣ вѣры, кромѣ желанія захватить эти имущества. Весьма благопріятнымъ для успѣховъ реформаціи обстоятельствомъ представляется нашимъ каноникамъ продолжительный гражданскій миръ: наслаждаясь имъ, польская шляхта вмѣсто военной службы занимается чтеніемъ еретическихъ книгъ. Въ заключеніе достается отъ нашихъ канониковъ и польскому королю. Имъ не нравится, что онъ на все смотритъ сквозь пальцы, что онъ расточаетъ свои милости одинаково „еретикамъ“ и „христіанамъ“, всѣхъ безъ разбора награждаетъ, особенно же еретиковъ, между тѣмъ какъ это запрещено законами государства. Воспитаніе юношества въ германскихъ школахъ, торговыя сношенія съ еретиками, свобода печати, по мнѣнію канониковъ, много способствуютъ распространенію „ереси“. Отсутствіе епископовъ въ королевскихъ судахъ, когда король судитъ на сеймѣ, причиняетъ, по мнѣнію канониковъ, много зла, или лучше— лишаетъ многихъ выгодъ. Наконецъ, каноникамъ казалось полезнымъ, чтобы епископы старались присутствовать на сеймикахъ, на которыхъ избираются послы на сеймъ, и заботились о выборѣ въ послы католиковъ.

Путешествіе Липпомано по Великой Польшѣ, давшее ему возможность пріобрѣсти друзей въ стѣнахъ польскихъ капитуловъ, убѣдило его въ необходимости созвать провинціальный синодъ: побужденіемъ къ созванію его нунцій выставляетъ „просьбы

католиковъ, особенно капитуловъ“ [1]). Синодъ открытъ былъ подъ предсѣдательствомъ папскаго нунція Липпомано и примаса Дзержговскаго 6 сент. 1554 г. въ Ловичѣ. Это былъ послѣ петроковскаго синода 1551 г. первый дѣйствительный синодъ. На немъ присутствовали епископы краковскій, куявскій, познанскій, перемышльскій, холмскій и каменецкій; остальные прислали каждый по два каноника [2]). На синодѣ присутствовалъ и вармійскій епископъ Станиславъ Гозій, приглашенный на него нунціемъ убѣдительно (въ трехъ письмахъ) просившимъ Гозія прибыть въ Ловичъ [3]). Синодъ открытъ былъ въ костелѣ рѣчью папскаго нунція, въ которой онъ говорилъ о привязанности и любви св. отца къ польскимъ прелатамъ вообще и къ каждому изъ нихъ въ частности, выразившейся особенно въ томъ, что св. отецъ, лишь только вступилъ на апостольскій престолъ, тотчасъ благоволилъ послать въ это королевство его, Липпомано, чтобы онъ сообща съ ними обсудилъ мѣры противъ теперешней болѣзни и привѣтствовалъ всѣхъ ихъ отъ имени св. отца, обѣщая имъ отъ его лица всяческую помощь и подержку въ борьбѣ съ реформаціей. Нунцій хвалилъ польскихъ прелатовъ за то, что они въ своихъ страданіяхъ прибѣгли къ матери своей, римской церкви, которая есть единое прибѣжище для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, говорилъ, что св. отецъ въ теченіе цѣлаго года не переставалъ, какъ при посредствѣ его, нунція, такъ и въ своихъ письмахъ королю и въ устныхъ бесѣдахъ съ находящимся въ Римѣ королевскимъ посломъ настаивать на томъ, чтобы король искоренилъ ереси въ своемъ государствѣ, не препятствовалъ свободному отправленію духовнаго судопроизводства и проч. Послѣ роскошнаго обѣда даннаго всѣмъ присутствовавшимъ архіепископомъ, нунцій пригласилъ всѣхъ ихъ на слѣдующій день для дальнѣйшихъ разсужденій; но присутствовавшіе просили нунція, чтобы онъ далъ имъ на слѣдующій день часъ времени для составленія отвѣта на рѣчь нунція, послѣ чего они имѣли прійти къ нему и начать совѣщанія. Липпомано согласился [4])

---

[1]) Relacye, I, 33, List A. Lippomana do xięcia di Palliano, Łowicz, 22 września 1556.

[2]) Ibid., 33—34.

[3]) Eichhorn, I, 268 прим.

[4]) Relacye, I, 34—35.

Когда же на слѣдующій день собрались участники синода, произошло, не безъ ироніи замѣчаетъ нунцій, „красивое приключеніе“. Съ ранняго утра до вечера польскіе епископы препирались съ своимъ архіепископомъ изъ за того, что онъ созвалъ ихъ на синодъ sub poena centum marcarum et delationis ad sedem apostolicam. Архіепископъ, по словамъ нунція, весьма хорошо защищался, говоря; что нужно было пригрозить неаккуратнымъ, что, когда онъ прежде призвалъ ихъ безъ угрозы наказаніемъ, они смѣялись надъ приглашеніемъ и не хотѣли являться по его зову, что въ силу власти примаса и синодальныхъ постановленій онъ имѣлъ право созвать ихъ подъ угрозой штрафа, что, если бы они не явились, онъ далъ бы имъ почувствовать свою власть. Эта взаимная распря впрочемъ не помѣшала представителямъ польскаго духовенства весьма единодушно условиться между собою относительно своего образа дѣйствій, и при томъ такого образа дѣйствій, что, еслибы онъ осуществился на практикѣ, представителю папы пришлось бы играть на ловицкомъ синодѣ далеко невидную роль. Присутствовавшими на совѣщаніи рѣшено было, чтобы соборныя совѣщанія происходили въ отсутствіи нунція, по окончаніи же совѣщаній рѣшено было приглашать нунція въ назначенный для соборнаго засѣданія залъ, гдѣ одинъ изъ членовъ собора долженъ былъ объявить ему о результатѣ ихъ совѣщаній. Эту роль посредника между нунціемъ и синодомъ согласился принять на себя Гозій. „Это было—говоритъ по этому поводу Липпомано—дѣломъ смѣшнымъ и нигдѣ не практиковавшимся въ подобныхъ собраніяхъ“. Но особенно удивило нунція то, что епископъ вармійскій, человѣкъ ученый, вполнѣ преданный престолу апостольскому и его, нунція, большой пріятель„ также примкнулъ къ этому рѣшенію. Причиной рѣшенія польскихъ прелатовъ Липпомано совершенно справедливо выставляетъ желаніе ихъ, чтобы онъ не былъ свидѣтелемъ ихъ взаимныхъ ссоръ и антагонизма епископовъ и канониковъ [1]); но вѣроятно тутъ значительную роль играло и опасеніе участниковъ синода, что присутствіе нунція можетъ стѣснить свободу и независимость соборныхъ совѣщаній, тѣмъ болѣе что даже такіе вѣрные слуги Рима, какъ Гозій, роптали на деспотизмъ нунція, какъ сейчасъ увидимъ.

[1]) Relacye, 1, 36.

Совѣщаніе польскихъ епископовъ длилось такъ долго (отъ 6 час. утра до 4 вечера), что Липпомано сталъ даже безпокоиться, чтобы не вышло чего-нибудь худого, такъ какъ ему хорошо было извѣстно, „какъ сильно они одинъ другаго ненавидятъ, какъ мало между ними христіанской любви". Лишь въ сумерки уже пришли къ нему примасъ, вармійскій епископъ и краковскій епископъ, и послѣдній послѣ разглагольствованій объявилъ ему рузультатъ совѣщанія: quod responsa darentur mihi per unum. Епископъ объяснилъ нунцію, что это сдѣлано съ хорошею цѣлью освободить нунція отъ тягостной обязанности присутствовать при ихъ длинныхъ преніяхъ на непонятномъ для него польскомъ языкѣ. Нунцій, какъ и слѣдовало ожидать, не согласился играть на соборѣ такую неважную роль. Онъ объявилъ, что не принимаетъ никакихъ отговорокъ, что хочетъ присутствовать при всѣхъ ихъ совѣщаніяхъ, хочетъ, чтобы каждый могъ смѣло и прямо говорить, что имѣлъ сказать, что иной способъ отбыванія синода походитъ на тиранію, которой онъ не думаетъ покориться [1]). Члены синода должны были уступить нунцію, и уже 8 сентября одинъ изъ секретарей Липпомано держалъ къ нимъ отъ его лица рѣчь, въ которой, изобразивъ всѣ бѣдствія польской церкви, побуждалъ ихъ къ тому, чтобы они пробудились отъ сна, воспламенились усердіемъ истинныхъ пастырей и, вооружившись божественнымъ ученіемъ и святостью жизни, дали отпоръ волкамъ, опустошающимъ виноградникъ Христовъ, чтобы, отложивъ въ сторону взаимные ссоры, въ согласіи, любви и братскомъ единеніи обратились къ королю съ просьбой—объ охраненіи католической вѣры въ королевствѣ и исполненіи отечественныхъ законовъ объ еретикахъ. Послѣ этого нунцій угостилъ всѣхъ епископовъ и канониковъ обѣдомъ. Но въ тотъ же день папскому нунцію пришлось выслушать нѣсколько упрековъ и при томъ съ той стороны, съ которой онъ всего менѣе ожидалъ ихъ. Упреки эти сдѣланы были нунцію Гозіемъ, и состояли въ томъ, „что онъ, нунцій, нетерпѣливъ, что онъ не позволяетъ другимъ говорить, что онъ тутъ хочетъ начальствовать надъ ними, что онъ хочетъ постановлять все по своему усмотрѣнію" [2]). Вѣ-

[1]) Relacye, I. 36.

[2]) Любопытенъ мотивъ, который, по мнѣнію нунція, побудилъ Гозія дѣлать ему упреки: Гозій (такъ объясняетъ дѣло нунцій въ письмѣ къ Палліано) inani quadam gloria tactus обидѣлся на нунція за то, что онъ лишилъ

роятно папскій нунцій успѣлъ многимъ дать почувствовать свой деспотизмъ, если даже такой преданный слуга Рима, какъ Гозій, счелъ нужнымъ, быть можетъ для пользы самого же нунція, высказать ему эти упреки.

Опасенія польскихъ прелатовъ не были напрасными. Нунцій съумѣлъ такъ повести дѣло, что опредѣленія синода оказались вполнѣ согласными съ его желаніями. Взаимная вражда польскихъ епископовъ и канониковъ въ рукахъ нунція оказалась очень удобнымъ средствомъ для того, чтобы тѣхъ и другихъ заставить дѣйствовать согласно съ видами римской куріи. Неудивительно, что „епископы и каноники по свидѣтельству самого нунція, на все соглашались; даже куявскій епископъ велъ себя хорошо, и изъ устъ его не вышло ни одного слова, которое бы кого-либо шокировало [1]).

Прежде всего синодъ рѣшился обезпечить за собою на будущее время поддержку королевской власти. Рѣшено было, что немедленно по прибытіи Сигизмунда Августа въ Варшаву, куда его тогда ожидало все собраніе во главѣ съ нунціемъ, обратиться къ нему съ просьбой объ охраненіи въ Польшѣ католической вѣры, равно какъ объ изгнаніи изъ Польши всѣхъ ересей. Но вслѣдъ за тѣмъ ловицкій синодъ натолкнулся на то же затрудненіе, на которое пять лѣтъ тому назадъ натолкнулся синодъ петроковскій: атмосфера, которой дышало тогдашнее польское общество, такъ сильно была пропитана реформаціонными идеями, что онѣ часто невольно вдыхались людьми, вовсе не желавшими разрыва со старой вѣрой, особенно людьми, не способными по своему умственному развитію къ строгому, послѣдовательному мышленію. Нужно было помѣшать этому злу, которое по самой своей неуловимости грозило опасными послѣдствіями; нужно было составить такую формулу вѣры, изъ которой всякій сразу бы видѣлъ, каково католическое ученіе объ извѣстномъ предметѣ и чѣмъ оно отличается отъ протестантскаго. Ловицкій синодъ, принимая во вниманіе, по сло-

его удовольствія—много разсуждать на соборѣ и блистать на немъ своимъ краснорѣчіемъ juxta illud satirici poëtae: scire tuum nihil est, nisi te scire hoc sciat alter (Relacye, I, 37). Можетъ быть, этотъ мотивъ отчасти и вѣренъ; но въ упрекахъ Гозія была своя доля правды, такъ что Липпоманъ напрасно разыгрываетъ въ письмѣ къ Палліано роль оскорбленной невинности.

1) Relacye, I, 38.

вамъ нунція, что въ Польшѣ размножилось столько ересей, что не только въ одномъ городѣ или деревнѣ, но и въ одномъ домѣ одинъ вѣритъ такъ, другой—иначе,—принимая затѣмъ во вниманіе, что всѣ отщепенцы считаютъ свое ученіе католическимъ, вслѣдствіе чего люди простые, по недостатку проповѣдниковъ и священниковъ, которые бы ихъ просвѣтили, не знаютъ, какая вѣра—истинная,—принимая все это во вниманіе, согласился на принятіе краткой формулы, содержащей въ себѣ католическое вѣроученіе [1]). „Для краткости времени, прибавляетъ нунцій, согласились принять формулу левенскаго университета, взятую изъ постановленій флорентинскаго собора и изъ твореній св. Ѳомы, къ которой присоединено пять членовъ изъ книгъ св. Августина de Trinitate. Принявъ эту формулу, синодъ постановилъ представить ее королю и просить его, чтобы онъ предписалъ всѣмъ не уклоняться отъ нея [2]).

Опредѣливъ формулу вѣры, долженствовавшую предохранить на будущее время католиковъ отъ увлеченія реформаціонными идеями, синодъ перешелъ къ реформированію польскаго духовенства. „На соборѣ, говоритъ Липпомано, много говорили о дворѣ, объ епископахъ, о дурномъ управленіи приходскими церквами, о молодежи, учащейся въ Германіи, о чтеніи еретическихъ книгъ, о недостаткѣ проповѣдниковъ, и постановлено было, чтобы приведены были въ исполненіе древнія и новыя провинціальныя постановленія королевства, которыя содержатъ въ себѣ достаточно распоряженій обо всемъ этомъ, и чтобы архіепископъ наблюдалъ за ихъ исполненіемъ“ [3]). Синодъ, напр., по справедливости придавая большое значеніе школьному образованію, вмѣнилъ въ обязанность такъ называемымъ loci ordinarii заботиться о закрытіи правительствомъ козминской, пинчовской и другихъ подобныхъ имъ школъ, основанныхъ протестантами, равно какъ объ исполненіи прежнихъ указовъ, запретившихъ польской молодежи посѣщеніе германскихъ университетовъ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ синодъ опредѣлилъ ходатайствовать предъ королемъ на ближайшемъ варшавскомъ сеймѣ о

---

[1]) Формула эта, состоящая изъ 37 членовъ, помѣщена въ (Relacyach I, 40—44).

[2]) Relacye, I, 37—38.

[3]) Ibid., 38.

[4]) Fabisz, 1868.

преобразованіи и улучшеніи краковской академіи и познанской высшей школы [1]). Синодъ рекомендовалъ также аббатамъ позаботиться о доставленіи братьямъ ихъ монастырей, желающимъ учиться, средствъ къ полученію образованія въ высшихъ школахъ; вмѣнилъ также имъ въ обязанность содержать въ монастыряхъ извѣстное число учителей для обученія монаховъ и новиціевъ [2]). Одновременно съ этими мѣрами, долженствовавшими поднять уровень умственнаго развитія польскаго духовенства, синодъ обратилъ вниманіе на самое больное мѣсто тогдашней польской іерархіи—на нравственность ея. Онъ обратилъ вниманіе на повсемѣстный въ Польшѣ упадокъ капитуловъ, въ которыхъ мало было прелатовъ и канониковъ, дѣйствительно исполняющихъ духовныя свои обязанности, такъ какъ многіе числившіеся канониками по цѣлымъ годамъ не принимали соотвѣтствующаго посвященія, а предпочитали оставаться въ какихъ либо низшихъ церковныхъ степеняхъ и, получая всѣ соединенные съ ихъ должностями доходы, заниматься прежними свѣтскими дѣлами. Синодъ опредѣлилъ, чтобы loci ordinarii обратили особенное вниманіе на такія злоупотребленія и побуждали виновниковъ ихъ къ принятію соотвѣтствующаго священнаго сана и дѣйствительному исполненію ихъ духовныхъ обязанностей подъ угрозой лишенія доходовъ [3]). Чтобы воспрепятствовать поступленію въ духовное сословіе лицъ, не имѣющихъ надлежащаго умственнаго и нравственнаго ценза, синодъ вмѣнилъ въ обязанность loci ordinariis и ихъ суффраганамъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не поставлялся на церковныя должности безъ выдержанія установленнаго закономъ экзамена и безъ достаточнаго свидѣтельства объ его жизни, нравственности, образованности, при чемъ рекомендовалъ обращать особенное вниманіе на мѣсто образованія ставленника и на его исповѣданіе вѣры [4]).

Ловицкій синодъ происходилъ подъ сильнымъ давленіемъ папскаго нунція, положившаго на нѣкоторыя дѣйствія его печать своего фанатизма, отъ котораго тогдашніе польскіе епископы въ большей своей части были свободны. Липпомано.

---

[1]) Fabisz, 168; Friese, Th. II, Bd. I, S. 265—266.
[2]) Fabisz, 169.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.

напр., не согласился дать разрѣшенія отъ клятвы Оржеховскому, не смотря на то, что за него просили многіе епископы. Нунцій даже сдѣлалъ епископамъ почти [1]) выговоръ за то, что они разрѣшили его на сеймѣ. Но особенно сильно фанатизмъ апостольскаго нунція сказался въ одномъ дѣлѣ, не задолго до ловицкаго синода. По Польшѣ въ то время разнеслась молва, будто какая-то Дорота Лаженцкая, по наговору евреевъ, причащаясь въ деревнѣ Сухоцкѣ, близь Сохачева, въ доминиканскомъ монастырѣ, въ день Пасхи, спрятала тѣло Христово въ платокъ и затѣмъ продала его евреямъ; лишь только послѣдніе принесли его въ синагогу и начали колоть его, какъ изъ облатка будто-бы потекла обильно кровь, а евреи собирали ее и вливали въ стеклянный сосудъ. Нунцій не побрезгалъ эксплоатировать въ свою пользу это дѣло народнаго невѣжества и суевѣрія для доказательства правильности причащенія мірянъ подъ однимъ видомъ и дѣйствительности присутствія Христа въ евхаристіи. Надъ Лаженцкою и евреями наряженъ былъ примасомъ, по настоянію нунція, судъ. По приговору этого суда, Лаженцкая и одинъ еврей были сожжены на кострѣ [2]). Впечатлѣніе отъ этого зрѣлища, доставленнаго польской публикѣ римскимъ фанатикомъ, было не въ пользу Рима: зарево костра, на которомъ погибли несчастныя жертвы фанатизма, дало только полякамъ возможность яснѣе разглядѣть темныя фигуры палачей. Подобными кровавыми дѣлами только парализовалось благотворное дѣйствіе тѣхъ мѣръ, которыя принялъ противъ „ереси“ ловицкій синодъ. При неблагопріятныхъ условіяхъ, еще усиленныхъ ревностію не по разуму папскаго нунція, эти мѣры оказались слишкомъ слабыми подпорами разваливающагося зданія. Жизнь продолжала идти по новому широкому руслу; для нея ловицкаго синода какъ бы не существовало. Національно-реформаціонная партія, которую римскій владыка приказалъ своему слугѣ убаюкивать старой пѣсней о вселенскомъ соборѣ, не засыпала подъ ея звуки. Ее заглушали иные, могучіе звуки, весьма непріятно рѣзавшіе нунцію ухо. До нунція еще во время синода дошли слухи, что „много шляхты

[1]) Relacye, I, 38, Lippomano do Palliano.

[2]) Relacye, I, 32—33, Lippomano do Palliano: ibid., 60—61, ex libro V. Rerum memorabilium Roveri Pontani Carmelitae; Bielski, II, 1121; Regenvolscius, 214; Lubieniecius, 76—78.

съѣхалось къ Тарновскому и что тамъ у него составлены предложенія (artykuly) на сеймъ, между прочимъ, о причащеніи мірянъ подъ обоими видами, бракѣ священниковъ, совершеніи литургіи по польски, уничтоженіи аннатъ“ [1]). Даже у одного изъ участниковъ синода внимательный нунцій подмѣтилъ симпатіи къ идеямъ реформаціонной партіи. „Холмскій епископъ, писалъ онъ объ Уханскомъ, вполнѣ преданъ Тарновскому, что мнѣ въ немъ очень не нравилось, да и всѣмъ казалось, что у него голова набита новыми идеями, хотя онъ и не обнаруживалъ ихъ“ [2]). Въ то же время въ польскомъ протестантствѣ замѣчается особенное оживленіе, приливъ новыхъ, свѣжихъ силъ. Въ Польшу прибылъ извѣстный намъ Лизманини, ходатаями за котораго предъ королемъ явились знатнѣйшіе польскіе паны [3]). Въ началѣ 1557 года возвратился въ Польшу, послѣ долгихъ скитаній по Европѣ, Янъ Ласкій [4]), одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ представителей польскаго протестантства, посвятившій всю остальную жизнь дѣлу примиренія различныхъ партій протестанства, подготовившій своею дѣятельностію извѣстное сандомірское соглашеніе 1570 г. Польскіе епископы, съ нунціемъ во главѣ, просили короля удалить Ласкаго изъ предѣловъ Польши; но Сигизмундъ Августъ не нашелъ основанія исполнить ихъ просьбу, и Ласкій остался въ Польшѣ [5]). Въ Польшу прибылъ бывшій католическій епископъ Каподистріи Петръ Павелъ Вергери, поставившій себѣ какъ бы спеціальною цѣлію преслѣдовать нунція на каждомъ шагу, пользоваться каждымъ его промахомъ, разоблачать тайные мотивы и цѣли его. Онъ опубликовалъ письмо Липпомано къ Радзивиллу и отвѣтъ Радзивилла, доставившій столько мученій нунцію. Въ виду приближавшагося сейма онъ написалъ къ королю письмо, въ которомъ, по словамъ Гозія, объявлялъ, что желаетъ вести съ Липпомано диспутъ о нѣкоторыхъ пунктахъ вѣроученія. При этомъ онъ объявлялъ, что судьею на этомъ диспутѣ долженъ быть самъ король, что кромѣ св. Писанія не имѣетъ

[1]) Relacye, I, 39.

[2]) Ibid., 38.

[3]) Lubieniecius, 65—71.

[4]) Дѣятельность Яна Ласкаго изображена Германомъ Дальтономъ въ сочиненіи его: Iohannes a Lasco. Beitrag zur Reformationsgeschichte Polens Deutschlands und Englands (Gotha, 1881).

[5]) Ibid., 78—93.

значенія никакой иной авторитетъ. Это письмо Вергери, по замѣчанію Гозія, ходило по рукамъ и съ жадностію читалось [1]). Сильно оживившееся протестанство плохо удерживалось въ тѣсныхъ рамкахъ петроковскаго interim'a: шляхтичи-протестанты то тамъ, то здѣсь, отнимали у католиковъ костелы, изгоняли ксендзовъ, удерживали десятины и доходы духовенства [2]). Польское духовенство, еще на сеймѣ протестовавшее противъ interim'a, видя нарушеніе его самими протестантами, также не особенно заботилось о соблюденіи interim'a: оно, хотя и не часто, дѣлало попытки примѣнить къ протестантамъ свою юрисдикцію [3]). Въ виду такихъ нарушеній interim'a и протестантами, и католиками, можно было ожидать на предстоявшемъ сеймѣ новыхъ споровъ, новыхъ препирательствъ. Даже въ Римѣ „не безъ великаго безпокойства ожидали исхода будущаго сейма [4])".

Сеймъ открылся въ Варшавѣ въ концѣ ноября 1556 г. и продолжался въ слѣдующемъ 1557 г. Протестанты собрались на сеймъ въ значительномъ количествѣ: на него ожидались Лизманини, Вергери и „другія язвы этого рода". Въ числѣ епископовъ присутствовалъ и Гозій. На собраніи польскихъ епископовъ сперва рѣшено было, чтобы Гозій отъ лица всего духовенства высказалъ королю въ сенатѣ жалобы на дѣйствія протестантовъ. Но потомъ это рѣшеніе было измѣнено, и отъ лица духовенства говорилъ королю въ сенатѣ Зебржидовскій. Онъ говорилъ королю, что его поведеніе возбуждаетъ въ епископахъ недоумѣніе, что самого короля они готовы винить въ томъ, что послы ни о чемъ другомъ на сеймахъ не хотятъ и говорить, какъ только объ уничтоженіи старой вѣры и введеніи на ея мѣсто новой; вездѣ, прибавляетъ онъ, говорятъ о томъ, что король нарочно пригласилъ на сеймъ Ласкаго, Вергери,, Лизманини и другихъ этого рода людей, чтобы ввести новую вѣру. Король оправдывался въ этихъ обвиненіяхъ и во все продолженіе сейма оказывалъ духовенству особенное расположеніе [5]).

---

[1]) Carncovius, Hosius Carncovió 14 octobris 1570 (Dlug. II, 1636); Eichhorn, I, 272.

[2]) Eichhorn, I, 265—267.

[3]) Dzienniki sejmów, 102.

[4]) Acta Historica, I, 542, Pureus Zebrzydovio, Romae, 21 novembris 1556.

[5]) Carncovius, Hosius Carncovio, 14 Oct. 1570 (Dlug. II, 1664).

Большинство сената оказалось на сторонѣ епископовъ и соглашалось на проэктъ благопріятной духовенству конституціи. Земскіе послы съ своей стороны старались разными уступками привлечь короля на свою сторону: они соглашались отсрочить еще на годъ экзекуцію законовъ, изъявляли готовность установить налогъ для покрытія военныхъ потребностей. Не надѣясь, вѣроятно, добиться чего-либо большаго, они настойчиво просили короля о сохраненіи во всей силѣ петроковскаго interim'a, о недозволеніи епископамъ привлекать въ свои суды шляхту по обвиненію въ ереси до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока король не устроитъ обѣщаннаго имъ національнаго собора [1]). При этомъ послы говорили, что ихъ министры готовы, если того пожелаютъ епископы, дать имъ отчетъ въ томъ, чему учатъ, и признать свое заблужденіе, если только будутъ въ немъ изобличены. Послы жаловались на то, что духовенство не желаетъ имъ представить доводы, на основаніи которыхъ оно признаетъ ихъ ученіе ложнымъ, и на основаніи св. Писанія доказывали, что такое разрѣшеніе вопросовъ вѣры не должно никого скандализировать. Проэктъ же конституціи, предложенный сенатомъ, они отвергали, какъ для нихъ нестерпимый [2]).

Старый вопросъ о духовной юрисдикціи de haeresi опять поставленъ былъ на очередь. Нужно было такъ или иначе разрѣшить его на этомъ-же сеймѣ: не говоря уже о протестаціи епископовъ противъ пріостановки дѣйствія духовной юрисдикціи de haeresi, петроковскій interim фактически постоянно былъ нарушаемъ и католиками, и протестантами, и этими послѣдними по преимуществу. Разрѣшить его въ особенности нужно было къ виду того, что послѣ сейма король собирался уѣхать въ Литву, а въ его отсутствіе въ Польшѣ можно было ожидать еще большихъ замѣшательствъ, если бы все оставить по старому. Сигизмундъ Августъ, поэтому, предложилъ на обсужденіе сената вопросъ, какія мѣры слѣдуетъ принять для охраненія спокойствія въ Польшѣ въ его отсутствіе. Мнѣнія въ сенатѣ раздѣлились: многіе предлагали даровать протестантамъ полную религіозную свободу и освободить ихъ совершенно отъ епископской юрисдикціи. Но противъ этого возстали епископы

---

[1]) Zakrzewski, Reformacya w Polsce, 106.
[2]) Dzienniki, 100—126.

съ Гозіемъ во главѣ. Гозій доказывалъ королю, что тутъ дѣло идетъ не объ уничтоженіи только духовной юрисдикціи. По его мнѣнію, людямъ, которые самовольно отложились отъ церкви, которые хвалятся тѣмъ, что имъ пріятнѣе ѣсть и пить когда на нихъ лежатъ церковныя проклятія, нечего уже бояться церковныхъ отлученій. Дѣло у нихъ идетъ кое о чемъ большемъ, о совершенномъ уничтоженіи епископскаго сана и королевскаго достоинства, о введеніи полной анархіи въ духовной и свѣтской областяхъ. Поэтому онъ предлагалъ принять строгія мѣры противъ религіозныхъ новшествъ [1]).

У Сигизмунда Августа не было достаточно смѣлости, чтобы прямо перейти на ту или другую сторону. Онъ пошелъ среднею дорогою. Въ началѣ (13 янв.) 1557 г. онъ издалъ извѣстный варшавскій эдиктъ. Въ этомъ эдиктѣ онъ прежде всего объявляетъ: такъ какъ самое большое несчастіе, обрушившееся на государство, составляютъ внутренніе раздоры, происшедшіе изъ-за разности въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, то онъ съ сенатомъ считалъ своею обязанностію обдумать мѣры къ умиротворенію этихъ раздоровъ, тѣмъ болѣе что послѣ петроковскаго сейма, вопреки его постановленію, появилось въ Польшѣ много разнаго рода религіозныхъ новшествъ и измѣненій; но такъ какъ близкая опасность ливонской войны заставляетъ короля поспѣшить въ Литву, что онъ съ согласія сената рѣшилъ все это дѣло отложить до будущаго сейма, впрочемъ, чтобы въ его отсутствіе изъ Польши (interim cum absumus) не произошло еще большихъ новшествъ въ дѣлѣ религіи, чтобы своеволіе не зашло еще дальше, онъ постановилъ опубликовать настоящій эдиктъ Онъ запрещаетъ всякія измѣненія въ религіи (до будущаго сейма); приказываетъ своимъ подданнымъ не дозволять себѣ какихъ бы то ни было богохульствъ по отношенію къ Богу, св. таинствамъ и таинству алтаря; приказываетъ, чтобы никто изъ его подданныхъ не смѣлъ произвести волненій, устроивать подъ предлогомъ религіи собраній и сходокъ, оскорблять церквей, въ которыхъ остается древній, т. е. римскій обрядъ, удалять или измѣнять въ нихъ что-либо, оскорб-

---

[1]) Hosius. Verae, christianae catholicaeque doctrinae solida propugnatio una cum confutatione Plolegomenorum Brentii, Coloniae, 1558, epistola dedicatoria ad regem Poloniae; Eihhorn, I, 274.

лять или изгонять духовныхъ лицъ, назначать на ихъ мѣсто кого-либо безъ вѣдома мѣстной духовной власти, вообще дѣлать что-либо такое, что можетъ произвести въ государствѣ замѣшательства; ослушниковъ этого эдикта король обѣщалъ наказывать не какъ виновныхъ въ оскорбленіи частнаго лица или даже цѣлаго сословія, а какъ виновныхъ въ оскорбленіи королевскаго величества и въ возмущеніи общественнаго спокойствія [1]).

Варшавскимъ эдиктомъ Сигизмундъ Августъ хотѣлъ угодить и духовенству, и иновѣрцамъ: духовенству онъ обѣщалъ наказывать впредь преступленія противъ католической церкви, какъ преступленія противъ своей собственной особы, хотя это близко было къ уничтоженію духовной юрисдикціи и введенію на ея мѣсто королевскаго суда; въ угоду земскимъ посламъ онъ продолжалъ дѣйствіе петроковской конституціи и устранилъ духовную юрисдикцію de haeresi.

По окончаніи варшавскаго сейма Липпомано поспѣшилъ оставить опротивѣвшую ему Польшу. „Достаточно, писалъ онъ въ Римъ еще до сейма, что я тутъ пробылъ одинъ годъ, и всякій признаетъ, что я и св. отецъ дѣлали все, что только можно было сдѣлать; если ничего болѣе мы не сдѣлали, это не наша вина, такъ что мы съ спокойною совѣстію можемъ сказать: curavimus Babulonem et non est sanata“ [2]). Нунціатура Липпомано не имѣла серьезныхъ послѣдствій. За нимъ остается, кажется, только одна заслуга: онъ затормозилъ созваніе національнаго собора, выяснивъ представителямъ польскаго духовенства „еретичность“ его съ точки зрѣнія Рима. Впрочемъ, и успѣхъ, достигнутый имъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи, былъ довольно относительный. Вообще онъ не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагало на него въ свое время польское духовенство, въ томъ числѣ и Гозій.

Спасеніе католичества въ Польшѣ опять предоставлено было однѣмъ мѣстнымъ силамъ; а между тѣмъ оно теперь было нисколько не легче, чѣмъ прежде. Король, обѣщавшій карать всѣ религіозныя новшества, какъ преступленія противъ своего лица, находился въ Литвѣ, а безъ него никто не могъ судить ихъ.

---

[1]) Romanowski, Otia Cornicensia, 263—265.

[2]) Relacye, I, 40 Lippomano do Pailiano, Lowicz, 22 wrzesnia 1556.

Притомъ же варшавскій эдиктъ сразу же былъ враждебно встрѣченъ шляхтою, такъ что его даже не публиковали, а тѣмъ болѣе не приводили въ исполненіе. Неудивительно, что тѣ же нарушенія interim'a, которыя часто происходили до варшавскаго сейма, сплошь и рядомъ повторялись послѣ него. Въ самой столицѣ Польши протестантизмъ отвоевывалъ одну за другою позиціи у католической вѣры. Самъ коронный канцлеръ Янъ Оцескій въ письмѣ къ Гозію (16 февр. 1557 г.) жаловался ему на печальное положеніе дѣлъ въ столицѣ и съ болью говорилъ, что бури противъ церкви, повидимому, ежедневно увеличиваются и всѣ человѣческія противодѣйствія имъ кажутся безполезными. Въ отвѣтъ ему Гозій писалъ (14 марта), что, если нельзя уже утишить бурю человѣческой мудростью, то должно прибѣгнуть къ Тому, который повелѣваетъ вѣтромъ и моремъ; но не нужно, прибавляетъ онъ, пренебрегать и человѣческой силою. Онъ проситъ Оцескаго, чтобы онъ, какъ префектъ Кракова, мужественно противосталъ еретикамъ и побуждалъ епископа не оставлять безъ защиты свою паству, въ такое ужасное время. Но особенно много тревогъ причинялъ Гозію король, уѣхавшій послѣ варшавскаго сейма въ Вильну, гдѣ онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Радзивилла, во дворцѣ котораго Янъ Ласкій непрерывно то на латинскомъ, то на польскомъ языкѣ громилъ католическую церковь. Гозій въ письмѣ къ виленскому епископу Валеріану Протасевичу—Сушковскому (4 марта 1557 г.) убѣдительно проситъ его внимательно слѣдить за поведеніемъ короля и не допускать его до опаснаго шага [1]).

Между тѣмъ въ маѣ 1557 г. собрался назначенный еще нунціемъ синодъ въ Петроковѣ. Гозій не получилъ на него приглашенія. Съ этимъ синодомъ повторилась таже исторія, что и съ прежними, созывавшимися въ Польшѣ до прибытія нунція. Кромѣ архіепископа на соборъ прибыло только двое епископовъ (краковскій и холмскій), да депутаты капитуловъ, остальные подъ разными предлогами остались дома. При такихъ обстоятельствахъ синодъ не могъ задаваться широкой программой. Онъ ограничился постановленіемъ вновь издать постановленія предыдущихъ синодовъ, поручивъ это дѣло архіе-

[1]) Eichhorn, I, 274—276.

пископскому канцлеру Домбровскому и калишскому архидіакону Красинскому. Синодъ предписалъ также духовенству заботиться о проповѣдываніи слова Божія, причемъ рекомендовалъ ему для собственнаго укрѣпленія въ вѣрѣ чтеніе отцевъ церкви Амвросія, Августина и Іеронима. Но особенно синодъ обратилъ вниманіе духовенства на воспитаніе юношества, предложивъ ему позаботиться о закрытіи протестантскихъ училищъ и удержаніи юношества отъ посѣщенія нѣмецкихъ школъ, согласно королевскимъ указамъ. Этотъ же синодъ вотировалъ добровольный налогъ на духовенство въ пользу государства, причемъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы просить у короля защиты католической церкви отъ нападеній и преслѣдованій еретиковъ. Наконецъ синодъ издалъ особые указы къ епископамъ, въ которыхъ увѣщевалъ ихъ реформировать свои дворы и жить такъ, какъ предписалъ ловицкій синодъ. Синодъ назначилъ даже особую коммиссію для увѣщанія кульскаго епископа Дройовскаго, чтобы онъ удалилъ отъ себя заподозрѣнныхъ въ ереси слугъ, прекратилъ сношенія съ открытыми еретиками и не угнеталъ своихъ подданныхъ. Свой строго-католическій духъ синодъ проявилъ въ томъ, что предписалъ считать католическія церкви и кладбища, на которыхъ протестанты погребли своихъ покойниковъ, неосвященными, запретивъ въ нихъ совершеніе богослуженія. Можно догадываться, что эти постановленія, на которыхъ лежитъ печать духа Липпомано, приняты были по предложенію и настоянію депутатовъ капитуловъ, которые собственно и образовали этотъ синодъ. Польскіе епископы уже одной неявкой на соборъ достаточно доказали свое усердіе въ защитѣ католицизма. На самомъ синодѣ, настроенномъ повидимому въ такомъ строго-католическомъ духѣ, случился фактъ, который сильно компрометировалъ польскій епископатъ, съ точки зрѣнія его правовѣрія. Одинъ изъ епископовъ (вѣроятно Уханскій) внесъ на соборъ предложеніе—дозволить на ближайшемъ сеймѣ причащеніе мірянъ подъ обоими видами, чтобы удовлетворить общимъ желаніямъ. Но противъ этого предложенія сильно возстали депутаты капитуловъ, и оно было отвергнуто. Такимъ образомъ, главными дѣятелями на этомъ синодѣ явились капитулы. Гозій, давно понявшій значеніе капитуловъ, отправилъ къ депутатамъ капитуловъ на петроковскомъ синодѣ

особое письмо, въ которомъ воспламенялъ ихъ ревность, которую они, какъ мы видѣли, дѣйствительно проявили [1]).

Постановленія петроковскаго синода 1557 года, какъ и предшествовавшихъ, остались мертвой буквой. Жизнь продолжала идти по разъ принятому ею направленію. Изъ разныхъ областей Гозій продолжалъ получать неутѣшительныя извѣстія объ успѣхахъ реформаціи, продолжавшей свои наступательныя дѣйствія, которыя далеко не всегда отличались чистотой: примѣненіе новыхъ идей на практикѣ нерѣдко сопровождалось оскорбленіями старой святыни, оскорбленіями католическихъ священниковъ, насильственнымъ отнятіемъ костеловъ и другими видами насилія, строго воспрещенными королевскимъ эдиктомъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Польскіе епископы большею частію равнодушно смотрѣли на успѣхи реформаціи. Краковскій епископъ оставилъ даже Краковъ и занялся постройкой замковъ въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ. А между тѣмъ положеніе его епархіи становилось все хуже и хуже: Янъ Ласкій всюду ставилъ проповѣдниковъ и организовалъ миссіонерское дѣло; въ самомъ Краковѣ во многихъ домахъ открыто совершалось протестантское богослуженіе. Тоже почти было и въ другихъ областяхъ Польши. Положеніе дѣлъ принимало такой дурной оборотъ для католичества, что самъ Гозій приходилъ въ недоумѣніе. Опасаясь, что все увеличивающійся и усиливающійся потокъ реформаціи окончательно увлечетъ Сигизмунда Августа, онъ пишетъ письмо къ королевѣ Екатеринѣ, умоляя ее не допустить супруга до роковаго шага. Будущее Польши рисовалось ему въ мрачныхъ чертахъ, что́ онъ выражаетъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ: въ одномъ изъ нихъ (въ письмѣ къ подканцлеру Пржерембскому) онъ говоритъ, что, отчаяваясь въ спасеніи своего отечества, онъ уже часто помышляетъ объ изгнаніи. Въ такомъ печальномъ положеніи оставилъ Гозій католическую церковь въ Польшѣ, въ іюнѣ 1558 года [2]).

---

[1]) Ibid., 279.

[2]) Ibid., 279—282.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Время почти шестилѣтняго пребыванія Гозія внѣ предѣловъ Польши представляетъ собою одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ лѣтописяхъ польскаго католичества. Гозій, хотя и непринадлежавшій къ составу собственно польскихъ епископовъ, но ближе всѣхъ ихъ принимавшій къ сердцу интересы католицизма въ Польшѣ, находился далеко, неся службу апостольскому престолу въ другихъ мѣстахъ католическаго міра, стоялъ на стражѣ папскихъ интересовъ на самомъ опасномъ тогда пунктѣ. Правда, и въ Римѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Тріентѣ, хотя и заваленный массою работы, онъ слѣдитъ, на сколько можетъ, за ходомъ дѣлъ на родинѣ, и находясь въ центрѣ католичества, подлѣ самого папы и его совѣтниковъ, не упускаетъ случая направлять ихъ вниманіе на польскія дѣла: но прямаго, активнаго участія въ ходѣ польскихъ дѣлъ этого времени онъ не принимаетъ. А въ Польшѣ между тѣмъ рѣшалась въ это время тяжба изъ-за духовной юрисдикціи, которую много уже лѣтъ вела шляхта съ духовенствомъ, и за нѣсколько мѣсяцевъ до возвращенія Гозія, разрѣшилась наконецъ въ пользу шляхты, хотя и не окончательно, не безповоротно. Польскій протестантизмъ переживалъ тогда свои счастливые дни: мѣстная католическая армія не внушала уже ему сильныхъ опасеній, а прибытія вспомогательныхъ отрядовъ, которые вербовалъ за границей Гозій, онъ едвали тогда ожидалъ.

Въ то время какъ, вармійскій епископъ, по зову папы, собирался въ дорогу, въ Польшѣ ожидали сейма, обѣщаннаго варшавскимъ эдиктомъ 1557 года. Весною 1558 года краковскій епископъ въ письмѣ къ королю подаетъ уже голосъ въ пользу скорѣйшаго созванія сейма, причемъ жалуется на „необузданное своеволіе тѣхъ, которые, хотя и считаютъ себя католиками, всего менѣе суть католики, такъ какъ коварствомъ и жестокостью давно уже превзошли самихъ варваровъ и скиѳовъ“ [1]). Лѣтомъ 1558 года о предстоявшемъ въ Польшѣ сеймѣ знали уже въ Римѣ и сильно опасались, чтобы во время сейма

[1]) Acta Historica, I, 547, Zebrzydowski Sigismundo Augusto, Miechovi, 7 Martii 1558.

„еретическая партія не постаралась утвердить свои ереси и еще сильнѣе поколебать положеніе католической церкви". Для отраженія опасности папа думалъ даже отправить въ Польшу въ качествѣ легата одного изъ кардиналовъ, а тѣмъ временемъ послалъ туда въ качествѣ нунція Камилла, епископа Сутри и Кампаніи, который осенью 1558 года былъ уже въ предѣлахъ Польши [1]). Въ инструкціи [2]), данной этому нунцію, поручалось ему употребить всѣ старанія, чтобы во время сейма король съ сенатомъ не постановилъ чего-либо вреднаго католической вѣрѣ и противнаго послушанію апостольскому престолу. Нунцію рекомендуется часто навѣщать короля для удержанія его въ границахъ долга, напоминать епископамъ объ ихъ обязанностяхъ и побуждать ихъ къ мужественному отпору еретикамъ; въ случаѣ, еслибы поляки вздумали на сеймѣ разбирать пункты вѣры, нунцій долженъ былъ объявить епископамъ, что ихъ долгъ—скорѣе все вытерпѣть, чѣмъ согласиться на что-либо недостойное. Нунцій долженъ былъ постараться—привлечь на свою сторону подканцлера, Пржерембскаго, пользовавшагося расположеніемъ короля, а для этого—обѣщать ему подтвержденіе папою его коадъюторства на гнѣзненской митрополичьей каѳедрѣ. „А такъ какъ можетъ случиться, что, хотя въ сеймовыхъ постановленіяхъ не будетъ ничего противнаго вѣрѣ, однако тайкомъ могутъ измыслить что-либо такое, что приметъ потомъ все королевство, то Ваше Преосвященство (читаемъ въ инструкціи) будете весьма внимательны и къ тому, quod nec facto, nec verbo, nec conniventia, aliquod praejudicium inferatur religioni christianae et S. Apostolicae sedi... А еслибъ на несчастіе случилось, что хотѣли бы непремѣнно ввести что-либо новое въ дѣлѣ вѣры, Ваше Преосвященство ни въ какомъ случаѣ не будете присутствовать при такомъ актѣ, чтобъ не казалось, что присутствіемъ своимъ придаете значеніе ихъ нечестивымъ дѣламъ, но подъ предлогомъ болѣзни

---

[1]) Relacye, I, 69—70, письмо папы гнѣзненскому архіепископу и польскимъ епископамъ, 11 авг. 1558; ibid., 71, письмо его же коронному канцлеру Одесскому, 11 авг. 1558.

[2]) По «реляціямъ» (Relacye I, 74) эта инструкція дана была нунцію Бонжіованни, епископу камеринскому въ 1560 году; но Закржевскій (Zakrzewski, 260—261) съ несомнѣнностью доказалъ, что она дана была нунцію Камиллу.

или иной необходимости уѣдете съ сейма и удалитесь на 30 или 40 миль, гдѣ останетесь до тѣхъ поръ, пока не минетъ время царства тьмы“ [1]). Кромѣ противодѣйствія враждебной католичеству партіи на предстоявшемъ сеймѣ нунцію дано было порученіе привлечь на свою сторону польскаго короля, котораго прежній нунцій неразумною ревностью только отдалилъ отъ святаго послушанія апостольскому престолу, а римская курія своею несвоевременною оппозиціею въ утвержденіи назначенныхъ имъ епископовъ еще болѣе вооружила противъ себя. По смерти Дройовскаго (1557) Сигизмундъ Августъ назначилъ куявскимъ епископомъ холмскаго епископа Якова Уханскаго. Папа отказался утвердить это перемѣщеніе. Уханскій, съ согласія короля и сената, безъ папскаго утвержденія вступилъ въ управленіе куявскою епархіей [2]). Папа упорствовалъ въ своемъ отказѣ и поручилъ Камиллу объяснить королю, что папа тутъ вовсе не посягаетъ на права польскаго короля, а только охраняетъ свое право опредѣленія правоспособности представляемыхъ королемъ лицъ; объ Уханскомъ же „слышно было всегда, а теперь болѣе чѣмъ когда-либо, quod non recte sentiat de fide catholica“ [3]). Такое же противодѣйствіе со стороны папы встрѣтило утвержденіе предложеннаго королемъ въ коадъюторы гнѣзненской архіепископіи короннаго подканцлера Яна Пржерембскаго, и нунцію поручалось оправдать образъ дѣйствій апостольскаго престола и въ этомъ дѣлѣ: на жалобы короля нунцій долженъ былъ отвѣтить, что, „такъ какъ эта каѳедра—первая въ странѣ, то св. отецъ желалъ прежде разузнать о немъ (Пржерембскомъ) и имѣть достаточное ручательство его честности и добродѣтели, потому что не было недостатка въ донесеніяхъ отъ знаменитѣйшихъ особъ въ Польшѣ, совсѣмъ неблагопріятныхъ для подканцлера“ [4]). Эта осторожность папы въ утвержденіи на епископскихъ каѳедрахъ рекомендуемыхъ королемъ лицъ, имѣвшая для себя немало резонныхъ основаній, ставила римскую курію въ натянутыя отношенія къ польскому двору, которыя при тогдашнихъ обстоя-

[1]) Relacye, I, 77.

[2]) Bielski, II, 1136; Zakrzewski, 259, примѣчаніе, письмо Сигизмунда Августа къ сенаторамъ изъ Красностава, 29 іюля 1558.

[3]) Relacye, I, 74—75.

[4]) Ibid., 75—76.

тельствахъ, въ виду приближавшагося сейма, весьма были нежелательны въ интересахъ католичества. По пріѣздѣ въ Римъ, вармійскій епископъ, ясно видѣвшій, что дальнѣйшее упорство папы послужитъ только во вредъ католичеству, приведетъ даже, пожалуй, къ опасному для Рима скандалу, поспѣшилъ выяснить римской куріи всю нераціональность прежняго образа дѣйствій ея. На одной изъ первыхъ аудіенцій у папы, онъ постарался доказать ему необходимость утвердить рекомендованныхъ королемъ лицъ. Онъ говорилъ папѣ, что о Пржерембскомъ можетъ сказать одно хорошее, и что назначеніе его коадъюторомъ гнѣзненскаго архіепископа весьма желательно въ интересахъ католической церкви. Онъ взялъ даже подъ свою защиту Уханскаго и говорилъ, что онъ потому только впалъ въ подозрѣніе, что желалъ дозволенія тѣхъ трехъ вещей, которыхъ такъ сильно требуютъ въ Польшѣ, но онъ желалъ этого лишь подъ условіемъ согласія на то апостольскаго престолу. Къ этому Гозій прибавилъ, что при его отъѣздѣ король поручилъ ему ходатайствовать предъ папой объ утвержденіи перемѣщенія Уханскаго, такъ какъ король оскорбленъ тѣмъ, что св. отецъ не вѣритъ его рекомендаціи о холмскомъ епископѣ. Правда, Павелъ IV отвѣтилъ довольно жестко Гозію, сказавъ, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о религіи, онъ самъ знаетъ какъ поступать и не намѣренъ слѣдовать указаніямъ свѣтскихъ государей: но аргументація вармійскаго епископа подѣйствовала, хотя отчасти, и на этого неуступчиваго папу [1]). Въ ноябрѣ 1558 г. папа уже утвердилъ Пржерембскаго коадъюторомъ гнѣзненской архіепископіи [2]).

Главнымъ предметомъ занятій сейма, открывшагося въ Петроковѣ въ послѣднихъ числахъ ноября 1558 года, была такъ называемая экзекуція законовъ, въ которую входило, какъ часть ея, разсмотрѣніе привиллегій духовенства. Уже въ привѣтственной рѣчи къ королю маршалъ посольской избы Сенницкій, поблагодаривъ его отъ лица шляхты за ревностное исполненіе имъ своихъ обязанностей, указывалъ, какъ на одну

---

[1]) Eichhorn, I, 304—305. Аудіенція происходила 9 окт. 1558 г.

[2]) Relacye, I, 71—72, письмо Павла IV къ Сигизмунду Августу, изъ Рима, отъ 7 ноября 1558 г. Въ этомъ письмѣ папа поставляетъ свое согласіе на утвержденіе Пржерембскаго въ зависимость отъ рекомендаціи о немъ вармійскаго епископа.

изъ главнѣйшихъ обязанностей его, на содѣйствіе усвоенію его подданными святаго слова Божія, а какъ на одну изъ главныхъ частей экзекуціи,—на недопущеніе духовенства къ постановленію приговоровъ надъ честью и имуществомъ шляхты въ духовныхъ судахъ, согласно съ чуждымъ (каноническимъ) правомъ, вопреки польскимъ законамъ [1]). Въ сенатѣ, при голосованіи, происходившемъ въ отсутствіи короля (онъ не присутствовалъ по болѣзни), фигурировалъ тотъ же религіозный вопросъ. Зебржидовскій жаловался на разныя безчинія, которыя по отношенію къ католической церкви дозволяетъ себѣ шляхта. Уханскій единственнымъ средствомъ уничтоженія раздоровъ духовнаго и свѣтскаго сословій считалъ созваніе синода, на который бы свободный былъ доступъ не только духовнымъ, но и „всѣмъ сословіямъ“, тѣмъ болѣе что король уже объявилъ папѣ, что запретитъ своимъ подданнымъ созваніе такого синода онъ не можетъ; а если бы на синодѣ примиреніе оказалось невозможнымъ, Уханскій предлагалъ передать это дѣло сейму. Другіе епископы говорили о необходимости обузданія своеволія шляхты въ дѣлахъ вѣры. Свѣтскіе сенаторы тоже затрогивали религіозный вопросъ, хотя прежде всего желали заняться вопросомъ объ экзекуціи и оборонѣ. Канцлеръ Оцескій, суммируя мнѣнія сенаторовъ, объявилъ, что сама экзекуція уже покажетъ,—какова была религія въ то время, когда давались привиллегіи; все это дѣло онъ совѣтовалъ отложить до другаго времени и уладить потомъ на синодѣ, въ присутствіи короля и сената [2]). Послы соглашались на отсрочку, но требовали уничтоженія всѣхъ дѣлъ, возбужденныхъ духовенствомъ, особенно противъ лицъ, прибывшихъ на настоящій сеймъ [3]). Король, въ угоду посламъ, пріостановилъ движеніе этихъ дѣлъ до тѣхъ поръ, пока разсмотрѣніе статутовъ не покажетъ, имѣетъ ли духовенство законное основаніе возбуждать и вести эти дѣла [4]).

Разсмотрѣніе статутовъ началось со статутовъ Казиміра Великаго. Послы просили у короля экзекуціи двухъ казиміровыхъ статутовъ. Во-первыхъ, они просили исполненія статута,

---

[1]) Dzienniki, piotrowski sejm 1558 r., str. 139—141.
[2]) Ibid., 147—153.
[3]) Ibid., 154—155.
[4]) Ibid., 160

предписывающаго солтысамъ духовныхъ имѣній нести военную службу [1]), ссылаясь на то, что конституціями сеймовъ 1538 и 1550 годовъ [2]) подтверждено, чтобы они ходили на войну, если духовные не покажутъ привиллегій, освобождающихъ ихъ отъ этой обязанности, а они до сихъ поръ этого не сдѣлали. Во вторыхъ, они просили уничтоженія статута, запрещающаго отлученному отъ церкви являться въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, кромѣ того случая, если сторона не имѣетъ другихъ свидѣтелей, а епископъ согласенъ уволить его для этого акта отъ клятвы [3]); причемъ мотивировали свою просьбу съ одной стороны тѣмъ, что этотъ статутъ устарѣлъ, а съ другой—тѣмъ, что епископы злоупотребляютъ своимъ правомъ налагать клятву [4]). Когда отъ казиміровыхъ статутовъ перешли послы къ кошицкому статуту Людовика, Сигизмундъ Августъ предложилъ имъ выработать проэктъ закона объ избраніи короля. Послы выработали проэктъ и представили его королю и сенату. Въ своемъ проэктѣ они между прочимъ совершенно устранили епископовъ отъ участія въ избраніи короля и защиту этого пункта въ сенатѣ поручили Іерониму Лещинскому, который въ длинной рѣчи сгруппировалъ почтивсе, что только могла сказать тогда шляхта противъ духовенства. Онъ обращалъ вниманіе короля и сената на присягу, даваемую епископами при своемъ посвященіи, въ которой они клянутся доносить папѣ обо всемъ, что бы могло причинить ему вредъ, и исполнять всѣ его приказанія. Опираясь на эту присягу, папа, который въ послѣднее время сталъ особенно интересоваться польскими дѣлами, легко можетъ (по словамъ Лещинскаго) при помощи епископовъ возвести на польскій престолъ человѣка, угоднаго ему одному, но нежелательнаго для народа. Да и польскіе епископы, всѣми силами стремящіеся къ увеличенію своей власти въ ущербъ общей свободѣ, не упустятъ благопріятнаго случая возвести на престолъ такого короля, который помогъ бы имъ осуществить ихъ пагубныя желанія. Тутъ Лещинскій бросаетъ въ глаза польскимъ епископамъ упрекъ въ томъ, что въ собраніе государственныхъ законовъ на ряду

---

[1]) Vol. leg., I, 3.
[2]) Ibid., 262, II, 7.
[3]) Ibid., 262; ibid., II, 7.
[4]) Ibid., I, 8.

съ дѣйствительными законами они помѣстили много своихъ привиллегій, добытыхъ тайкомъ, хитростью, въ надеждѣ, что время дастъ имъ силу закона. Рядомъ съ едлинской привиллегіей Ягеллы 1433 года, по которой ни одинъ шляхтичъ не можетъ быть схваченъ и наказанъ безъ суда [1]), они помѣстили въ статутахъ Ягеллы 1433 г. конституцію Бодзанты, налагающую интердиктъ на ту мѣстность, на которой клирикъ имѣющій посвященіе, будетъ убитъ, раненъ или схваченъ [2]). Рядомъ съ гервинскою привиллегіею Ягеллы 1422 г., по которой имѣнія шляхтича не могутъ быть конфискованы безъ суда [3]), они помѣстили данную тѣмъ же Ягелло въ 1433 г., духовенству привиллегію, по которой подлежатъ конфискаціи имущества всякаго, болѣе года находившагося подъ клятвою [4]). Вопреки радонской конституціи Александра 1505 г., въ которой король обѣщается впредь ничего не установлять безъ согласія сената и земскихъ пословъ, [5]) они создали свою конституцію, по которой кто былъ подъ клятвою, тотъ не имѣетъ мѣста въ судѣ [6]). Вопреки общему закону, что a quolibet gravamine можетъ приноситься аппелляція королю, они указываютъ на папу, какъ на высшую инстанцію, къ которой нужно аппеллировать. Они призываютъ шляхту къ своимъ судамъ по какимъ имъ угодно дѣламъ и когда имъ угодно. Вообще они всегда хотѣли подчинить всѣхъ своей власти и пользовались для этого авторитетомъ королей. Поэтому и при избраніи короля они будутъ стараться выбрать такого, который дозволилъ-бы имъ пользоваться совершенно безнаказанно тою властью, къ которой они стремятся, но которой теперь еще не имѣютъ. Съ особенною силою Лещинскій указываетъ на то, что духовные стараются теперь доказать законность своей власти. Прежде, хотя они и добывали незаконныя привиллегіи, они все таки боялись коргинской конфедераціи, къ которой, хоть и не по доброй волѣ, примкнуло и духовенство, и по которой всѣ должны возстать противъ того, кто бы не желалъ довольствоваться общимъ пра-

---

[1]) Vol. leg. I, 3.
[2]) Ibid., 46.
[3]) Ibid., 37.
[4]) Ibid., 88—89, въ числѣ привиллегій Казиміра 1458 г.
[5]) Ibid., 137.
[6]) Этой конституціи въ «Vol. leg.» нѣтъ.

вомъ. А теперь они начинаютъ дѣйствовать смѣлѣе и хитрѣе: помѣстивъ въ сборникѣ статутовъ множество своихъ собственныхъ постановленій, папскихъ буллъ, конституцій Ярослава и Бадзанты, Котфига, Раймунда и пр., они начинаютъ уже ссылаться на нихъ, какъ на польскіе законы. Мало того: они осмѣливаются прямо противиться сеймовымъ постановленіямъ; такъ напр. на своемъ синодѣ 1542 г. постановили не показывать привиллегій, освобождающихъ ихъ солтысовъ отъ военной службы, вопреки сеймовому постановленію 1538 г. И это вполнѣ естественно. Они не обязаны, подобно королю и свѣтскимъ сенаторамъ, заботиться о благѣ рѣчи посполитой; они обязаны заботиться о благѣ своего пана—папы, которому они присягнули. Впрочемъ, даже еслибъ они принесли присягу на вѣрность рѣчи посполитой, они всегда присягу, данную папѣ, будутъ ставить выше. Все это, по мнѣнію Лещинскаго, доказываетъ, что участіе епископовъ въ избраніи короля опасно для рѣчи посполитой [1]).

Требованіе пословъ, бывшее посягательствомъ на одно изъ существенныхъ правъ каждаго гражданина государства съ избирательнымъ образомъ правленія, вызвало сильное негодованіе въ епископахъ. Въ отвѣтъ на рѣчь Лещинскаго Зебржидовскій заявилъ, что все, что дѣлаютъ епископы, дѣлаютъ законно, а если до сихъ поръ они иногда дѣлали послабленія, то съ этого момента онъ никогда не позволитъ себѣ ихъ дѣлать, а будетъ дѣлать все то, на что имѣетъ право, а что онъ имѣетъ право, онъ всѣмъ въ присутствіи короля докажетъ, и проситъ только дать ему для этого время. Уханскій говорилъ, что прежде нужно обсудить,— дѣйствитель но-ли присяга папѣ несовмѣстима съ обязанностями сенатора; а что епископы не приносятъ той присяги, которую приносятъ свѣтскіе сенаторы, то, прибавилъ онъ, такъ всегда прежде бывало, хотя онъ не прочь сейчасъ же ее принести. Другіе епископы поддержали своихъ коллегъ. Краковскій епископъ, въ пылу спора, сталъ даже упрекать пословъ въ томъ, что они сами себя избираютъ послами на сеймы и эту функцію свою сдѣлали чуть-ли не наслѣдственною. Это сильно задѣло пословъ: они требовали, чтобъ епископъ назвалъ по имени тѣхъ, кого онъ имѣлъ въ виду. Король прекратилъ споръ, объявивъ,

[1]) Dzienniki, 190—207.

что послѣ совѣщанія съ сенатомъ дастъ отвѣтъ посламъ на ихъ предложенія [1]).

Въ ожиданіи отвѣта короля, посольская изба произвела новую аттаку на польское духовенство. Взявши за поводъ вступительныя слова людовиковой привиллегіи, гдѣ король увольняетъ шляхту отъ всякихъ тягостей (ab omnibus angariis et praeangariis) [2]), послы подъ эти слова подвели всѣ тягости, испытываемыя шляхтою отъ духовенства. Главною изъ этихъ тягостей послы считали духовную юрисдикцію, какъ неимѣющую никакого основанія въ польскомъ законодательствѣ. Они возобновили свои жалобы на то, что, воспользовавшись своимъ временнымъ значеніемъ у правительства, духовные помѣстили въ статуты много разныхъ постановленій, незаконно подчиняющихъ шляхту духовнымъ судамъ. Хроники доказываютъ, что сильныя волненія, происшедшія по смерти Ягелло, усмирены были конфедераціей, разъ на всегда постановившей, что каждый долженъ довольствоваться общимъ правомъ, что слѣдов. кромѣ короля никто не имѣетъ никакой власти надъ шляхтою. А между тѣмъ духовные постоянно позываютъ шляхту въ свои иноземные суды, отъ которыхъ не допускаютъ аппеляціи къ королю, а тягаютъ заграницу къ ихъ римскому владыкѣ. Ласкій, просмотрѣвшій всѣ архивы и помѣстившій въ свой сборникъ все, что только онъ нашелъ въ нихъ, не помѣстилъ въ этотъ сборникъ никакихъ законовъ, подтверждающихъ домогательства духовенства относительно духовной юрисдикціи. Если же онъ помѣстилъ въ этомъ сборникѣ нѣкоторые иностранные законы императорскіе, духовные, провинціальные, то помѣстилъ ихъ лишь (о чемъ сказано въ самомъ сборникѣ) какъ образецъ хорошихъ обычаевъ, а потому они не имѣютъ обязательной силы въ Польшѣ: если-бы церковные законы были приняты въ Польшѣ, то онъ не умолчалъ бы объ этомъ, какъ скоро о магдебургскомъ правѣ выразительно замѣтилъ, что оно принято было Казиміромъ для пользы страны. Поэтому, такъ какъ несуществуетъ статутовъ и привиллегій, обязывающихъ шляхту являться въ духовные суды, шляхта проситъ, чтобы король освободилъ ее отъ этой тягости и не заставлялъ ее, согласно съ кофедераціей 1438 года, возставать противъ тѣхъ,

[1]) Ibid., 207—209.
[2]) Vol. leg., 24—25.

которые не хотятъ довольствоваться общимъ правомъ.—Вмѣстѣ съ этими своими замѣчаніями послы представили королю списокъ отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ духовные позывали шляхту въ свои суды. Изъ этого списка видно, что шляхта теперь выступала уже не противъ духовной юрисдикціи объ ереси, а противъ духовной юрисдикціи вообще [1]).

Требованія-ли пословъ показались Сигизмунду Августу слишкомъ большими, или же ему надоѣли постоянные споры, которымъ и конца не предвидѣлось, — только онъ старался не давать дальнѣйшаго хода тяжбѣ епископовъ, съ посольской избой. Выслушавъ послѣднія заявленія пословъ, онъ не позволилъ, даже краковскому епископу сдѣлать обѣщанныя имъ возраженія на проэктъ пословъ объ избраніи короля, а прямо объявилъ чрезъ канцлера слѣдующій отвѣтъ на этотъ проэктъ. Такъ какъ послы упрекали епископовъ въ томъ, что они при посвященіи присягаютъ иному государю, а при вступленіи въ сенатъ не приносятъ обычной присяги, то епископы согласились принести эту присягу, и уже въ сенатѣ принесли ее, хотя ихъ и удивляетъ требованіе отъ нихъ послами этой присяги, такъ какъ до сихъ поръ не было случаевъ, чтобы епископы, не принесшіе присяги, оказались невѣрными сенаторами. Что же касается тѣхъ тягостей, которыя шляхта, по ея мнѣнію, испытываетъ отъ духовенства, то епископы охотно соглашаются доказать, что все, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ согласно съ законами. Впрочемъ, они соглашаются все это отдать на разсмотрѣніе сената, а юрисдикціею своею будутъ пользоваться лишь на столько, на сколько имъ дозволяетъ это законъ, и даже готовы уступить, въ чемъ только могутъ. Поэтому, король питаетъ надежду, что разногласія духовнаго и свѣтскаго сословій уладятся наконецъ, коль скоро духовные уже согласились, чтобы для этого было назначено свободное время. Самый же проэктъ пословъ король съ согласія сената совершенно отвергъ [2]).

Прежде чѣмъ король далъ свой отвѣтъ посламъ, въ сенатѣ происходили разсужденія о способѣ умиротворенія религіозныхъ разногласій. Свѣтскіе сенаторы единственное средство къ прекращенію этихъ разногласій видѣли въ созваніи національнаго собора. Епископы, въ виду единогласнаго заявленія

[1]) Dzienniki, 219—232. [2]) Ibid., 239—246.

своихъ свѣтскихъ коллегъ также соглашались на его созваніе. Но они хорошо знали, что въ Римѣ ихъ не похвалятъ за это согласіе. Имъ хотѣлось имѣть за собою, по крайней мѣрѣ, голосъ низшаго духовенства, которое сама римская курія въ лицѣ своего нунція дарила вниманіемъ. На другой день послѣ засѣданія сената, на которомъ былъ рѣшенъ вопросъ о національномъ соборѣ (25 янв. 1559 г.), примасъ Пржерембскій (Дзержговскій умеръ во время сейма) собралъ всѣхъ находившихся въ Петроковѣ духовныхъ, и, объявивъ имъ о постановленіи сената, спросилъ,—какого они держатся мнѣнія о немъ. Когда краковскій архидіаконъ Падневскій сказалъ, что теперь не зачѣмъ уже и спрашивать ихъ мнѣнія, коль скоро епископы дали согласіе на національный соборъ, примасъ и краковскій епископъ стали оправдываться, говоря, что они дали согласіе, конечно только подъ тѣмъ условіемъ, если и папа согласится на этотъ соборъ. Этимъ они, очевидно, хотѣли сказать, что данное ими согласіе—лишь вынужденное обстоятельствами обѣщаніе, исполненіе котораго поставлено въ зависимость отъ такой воли, отъ которой едва-ли можно ожидать уступки на этомъ пунктѣ. Но тутъ оказалось, что въ средѣ польскихъ епископовъ были люди, которые вѣрили въ пользу и успѣхъ національнаго собора, которые поэтому искренно желали созванія его. Епископъ Уханскій заявилъ, что по его мнѣнію, примасъ самъ имѣетъ полное право созвать національный соборъ. Для людей, привыкшихъ пользоваться національнымъ соборомъ лишь какъ средствомъ отсрочекъ, да проволочекъ, онъ этимъ своимъ заявленіемъ перерѣзалъ путь къ отступленію въ направленіи къ Риму,—куда только они и могли спастись бѣгствомъ. Правда, нашелся откровенный голосъ, который прямо заявилъ, что одинъ папа имѣетъ власть созвать соборъ: но большинство молчало и повторяло, что, если уже всѣ того требуютъ, придется это сдѣлать. Краковскій же епископъ, чтобы пособить горю, придумалъ такую вещь: онъ предложилъ не созывать ни собора, ни синода, а просто устроить съѣздъ духовенства, который составитъ основанія вѣрованія и представитъ ихъ королю для того, чтобы онъ предложилъ всѣмъ держаться ихъ, а противникамъ приказалъ молчать [1]). Вообще

[1]) Theiner, 592—594, письмо Камилла къ кардиналу Караффѣ отъ 28 янв. 559 г.: Zakrzewski, 133.

идея національнаго собора, имѣвшая на своей сторонѣ симпатіи свѣтскихъ сенаторовъ, не пользовалась, очевидно, искренними симпатіями духовнаго сословія, и потому данное епископами согласіе на его созваніе не было ручательствомъ того, что обѣщаніе свое епископы сдержатъ.

Послѣ отвѣта, даннаго королемъ земскимъ посламъ на ихъ проэктъ о способѣ избранія короля, долго еще тянулись переговоры между сенатомъ и посольскою избою относительно экзекуціи, окончившіеся тѣмъ, что всѣ согласились отложить рѣшеніе возбужденныхъ на сеймѣ вопросовъ до будущаго сейма. Когда дѣло дошло до составленія рецесса, опять возникли разногласія между сенатомъ и посольскою избою, такъ какъ сенатъ не соглашался принять предложенный избою проектъ рецесса, сваливавшій всю отвѣтственность за безуспѣшность сейма на сенатъ. Въ концѣ концевъ сеймъ разошелся, не принявши никакихъ постановленій. Въ прощальной рѣчи къ королю послы опять сваливали всю вину на сенатъ и просили короля освободить шляхту отъ духовной юрисдикціи: отъ имени шляхты они заявили, что вовсе не станутъ ея признавать. Архіепископъ въ свою очередь, сославшись на то, что права духовенства подтверждены статутами, просилъ короля уважать эти права. Король въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ объявилъ (8 февр. 1559 г.), что, сожалѣя о томъ, что сеймъ расходится безъ всякихъ послѣдствій, онъ оставляетъ въ силѣ варшавскій рецессъ, а духовенству обѣщаетъ уважать и охранять его права. [1]).

Опять продолжено было дѣйствіе прежняго interim'а. Но теперь послѣ побѣды надъ духовенствомъ, хотя бы только-моральной, послѣ описанныхъ нами аттакъ на юридическія и государственныя прерогативы духовенства, хотя и невыбившихъ непріятеля изъ позицій, но давшимъ возможность нападающимъ воочію убѣдиться, что при болѣе дружномъ натискѣ ихъ можно взять съ боя, теперь польская шляхта менѣе, чѣмъ когда-либо, была расположена соблюдать interim. Въ началѣ слѣдующаго 1560 года краковскій капитулъ звалъ уже своего епископа, изъ-за государственныхъ дѣлъ совсѣмъ забывшаго свою паству, возвратиться поскорѣе въ свою епархію,

[1]) Dzienniki, 252—300.

чтобы удержать шляхту отъ постоянныхъ нарушеній предписаннаго королемъ interim'а, отъ захвата и грабежа костеловъ, отъ изгнанія ксендзовъ, отъ оскорбленій католической святыни [1]). Плохое утѣшеніе прислалъ своему капитулу краковскій епископъ: „не только-что, братіе, появилось это зло, утѣшалъ онъ своихъ прелатовъ и канониковъ, а давно уже находится въ нѣдрахъ церкви; хотя оно тяжело, прискорбно, жестоко, но какъ отъ безнаказанности, кажется, набирается все болѣе и болѣе силы и крѣпости, такъ отъ привычки кажется намъ уже менѣе тяжелымъ и жестокимъ. И это неудивительно, такъ какъ — я не скажу—ежедневно, а ежечасно мы видимъ или слышимъ что-либо ужасное; отъ непрерывности огорченій, и жалобъ мы утратили всякое чувство скорби. Но если вы думаете, что эти бѣдствія имѣютъ мѣсто въ одной моей епархіи, а не во всей провинціи, смотрите, чтобы не оказалось, что вы не видите и не знаете всѣхъ бѣдствій церкви: не останавливается такая жестокая зараза на одномъ мѣстѣ; она такъ распространяется и расходится, что почти уже всѣ церкви захватила и ниспровергла. Осмотритесь кругомъ на церкви. Обратите ваши взоры на гнѣзненскую епархію, на познанскую“ [2]). Это говорилъ краковскій епископъ, тотъ краковскій епископъ, котораго мы столько разъ видѣли въ роли адвоката польскаго духовенства на сеймахъ, который обыкновенно стоялъ на сторонѣ непримиримыхъ. Значитъ, и онъ предъ смертію († 1560 г.) терялъ надежду выиграть дѣло, если только онъ питалъ ее въ то время, когда произносилъ свои длинныя и витіеватыя рѣчи въ сенатѣ. Если другіе польскіе епископы разсуждали хотя приблизительно такъ же, какъ ихъ столичный собратъ, а ничто не даетъ намъ права считать Зебржидовскаго исключеніемъ, то неудивительно, что въ польскомъ государствѣ „зараза постепенно усилилась до такой степени, что тамъ стало позволительно каждому распространять свои мнѣнія, монахи и ксендзы поженились, и это имъ проходило безнаказанно, такъ какъ этого никто имъ даже и въ вину не ставилъ“ [3]).

---

[1]) Acta Historica, I, 549—550, Capitulum Cracoviense A. Zebrzydovio Cracoviae; 10 Febr. 1560.

[2]) Ibid., 553, Zebrzydowski Capitulo Cracoviensi, Venciborci, 8 Martii, 1560.

[3]) Relacye, I, 87, List biskupa Kamerińskiego do kardynała Moruni, Krakow, 29 Sierpnia 1560.

Среди такого положенія дѣлъ, при видѣ этой апатіи епископовъ, занятыхъ только своими собственными дѣлами, да личными счетами другъ съ другомъ, при видѣ польскаго общества или самоувѣренно возводящаго зданіе нововѣрія на развалинахъ католичества, или равнодушно взирающаго на эту работу, невольно опускались руки даже у тѣхъ, кто отъ самого хозяина получилъ порученіе помѣшать этой неразрѣшенной имъ постройкѣ на его землѣ: не къ кому было обратиться за помощью. Папскій нунцій Камиллъ, о которомъ мы упомянули выше, какъ то безслѣдно изчезаетъ тотчасъ послѣ своего появленія въ Польшу незадолго до сейма 1558—9 гг. Новый нунцій Бернардъ Бонжіованни, епископъ Камерино, прибывшій въ Польшу лѣтомъ 1560 г. [1]) тоже въ теченіе своего почти трехлѣтняго пребыванія въ Польшѣ ничего, или почти ничего не сдѣлалъ для католичества въ Польшѣ, хотя онъ не чуждъ былъ пониманія польскихъ дѣлъ. Агентъ Пія IV не походилъ на фанатическаго посланника Павла IV: это былъ прежде всего дипломатъ, политикъ. Какъ бы желая показать, что онъ не будетъ дѣйствовать въ духѣ нетерпимости, что онъ допускаетъ даже возможность компромисса съ противниками, Бонжіованни на пути въ Польшу не заѣхалъ даже за совѣтомъ въ Вѣну, къ находившемуся тамъ въ качествѣ папскаго нунція Станиславу Гозію, который не пользовался симпатіями не только польскихъ протестантовъ, но и всѣхъ вообще лицъ, желавшихъ какихъ бы то ни было преобразованій въ католической церкви. Впрочемъ, хотя это невниманіе огорчило вармійскаго епископа, но для пользы дѣла онъ не замедлилъ письменно преподать Бонжіованни путные, по его мнѣнію, совѣты [2]). По пріѣздѣ въ Польшу Бонжіованни старался зарекомендовать себя въ глазахъ поляковъ со стороны терпимости къ чужимъ мнѣніямъ: онъ не чуждался сношеній съ „еретиками“, особенную же умѣренность обнаруживалъ по отношенію къ людямъ, еще не отпадшимъ отъ католической церкви, но готовымъ отпасть отъ нея при первомъ неосторожномъ обращеніи съ ними [3]). Онъ

[1]) Ibid., 84, Przerembski episcopo Camerino, Lovitii, 18 Aug. 1560.

[2]) Eichhorn, II, 23.

[3]) Въ письмѣ къ Павлу де Кастро Бонжіованни говоритъ, что въ Польшѣ trzeba łagodnie postępować z chwiejącymi się w wierze, podać dłoń braterska powracają cymna łono Kościoła, unikać środków surowych i jatrzących. (Rela

постарался уладить дѣло Уханскаго, котораго папа наконецъ утвердилъ, по представленію нунція, въ санѣ куявскаго епископа: „за него, доказывалъ нунцій Кардиналу Морони, стоитъ много знатныхъ католиковъ и проситъ, чтобы я поступилъ съ нимъ снисходительно“ [1]). Такой образъ дѣйствій нунція доставилъ ему хорошій пріемъ при дворѣ польскаго короля, находившагося тогда въ Вильнѣ. Многое, правда, нунцію не понравилось въ Сигизмундѣ Августѣ: о немъ онъ доносилъ въ Римъ, что онъ входитъ въ общеніе съ еретиками, пишетъ и получаетъ письма отъ еретиковъ, позволяетъ печатать и продавать еретическія книги, не преслѣдуетъ еретическихъ проповѣдниковъ, предоставляетъ еретикамъ государственныя должности, оказываетъ особенное расположеніе ересіарху—виленскому воеводѣ, дозволяетъ на сеймахъ земскимъ посламъ разсуждать о дѣлахъ религіи и т. дал. [2]) Но при всемъ томъ нунцій пришелъ къ убѣжденію, что «король никогда не объявитъ себя еретикомъ, и это потому, что, если ради своего спокойствія или избѣжанія хлопотъ онъ не обуздалъ еретиковъ, что долженъ былъ сдѣлать по законамъ страны, то еще менѣе достанетъ у него отваги на то, чтобы принудить къ перемѣнѣ вѣры значительную часть католическихъ сенаторовъ, которые въ такомъ случаѣ возстали-бы противъ него». Притомъ же нунцій узналъ, что Сигизмундъ Августъ исповѣдывается въ пасху, принимаетъ причащеніе подъ однимъ видомъ, ежедневно слушаетъ обѣдню, вообще живетъ по католически, [3]) Но хотя нунцій и хорошо былъ принятъ при дворѣ, не могъ однако ничего добиться отъ Сигизмунда Августа и потому, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Вильнѣ, уѣхалъ обратно въ Польшу, тѣмъ болѣе что примасъ звалъ его на провинціальный синодъ.

Синодъ происходилъ въ Варшавѣ въ концѣ февраля 1561 года. Король прислалъ на синодъ одного изъ воеводъ; на синодѣ присутствовалъ и канцлеръ Оцескій. Королевскій посолъ

---

cye, I, 89, Kraków, 5 października 1560). Канцлеръ Оцескій въ письмѣ къ кардиналу Морони хвалитъ такой образъ дѣйствій нунція и говоритъ, что онъ всего скорѣе можетъ помочь дѣлу католичества (Theiner, II, 637, 22 aprilis 1561).

[1]) Relacye, I, 89, Kraków, 29 sierpnia 1560.

[2]) Ibid., 95—96. Objectiones contra Sigismundum Augustum.

[3]) Ibid., 88, List biskupa Kamaińckiego do Moroni, 29 sierpnia 1560.

въ рѣчи своей приглашалъ епископовъ позаботиться о благѣ церкви и обѣщалъ отъ лица короля всяческое содѣйствіе ихъ благимъ начинаніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пригласилъ духовенство оказать правительству денежную помощь въ инфляндской войнѣ. Синодъ согласился пожертвовать на военныя надобности 60000 талеровъ. Вслѣдъ за тѣмъ, собравшееся въ Варшавѣ духовенство занялось своими собственными дѣлами. Синодъ началъ дѣло съ самыхъ меньшихъ общественныхъ церковныхъ единицъ,—съ благочиній: онъ вмѣнилъ въ обязанность loci ordinariis наблюдать за тѣмъ, чтобы въ каждомъ благочиніи ежегодно парохи собирались на свой благочинническій синодъ, на которомъ вмѣстѣ съ благочиннымъ разсуждали о своихъ церковныхъ дѣлахъ (de scandalis amovendis et occurentibus negotiis ecclesiasticis). Относительно высшей іерархіи, синодъ постановилъ, чтобы архіепископъ и епископы тщательно исполняли свои обязанности, чтобы они старались быть для другихъ образцомъ по чистотѣ жизни, чтобы они не стыдились (erubescant) сами совершать церковныя таинства, чтобы они проповѣдывали слово Божіе, если обладаютъ даромъ слова, чтобы они избѣгали роскоши и блеска, чтобы они соблюдали въ пищѣ и одеждѣ умѣренность, чтобы они вмѣстѣ съ капитулами заботились о лучшемъ устроеніи церквей своей епархіи, чтобы они съ любовію выслушивали совѣты и увѣщанія капитуловъ, чтобы они держали при себѣ проповѣдниковъ—богослововъ, а также знающихъ церковное и свѣтское право адвокатовъ для защиты подвѣдомственнаго имъ духовенства и пр. Синодъ предписалъ loci ordinariis производить исправленіе клира (reformationem cleri) въ духѣ кротости и христіанской любви. Синодъ постановилъ устроить въ епархіяхъ семинаріи, а также преобразовать существующія школы, особенно краковскую академію. Архіепископъ даже предлагалъ для лучшаго устройства школъ пригласить братьевъ общества Іисуса, но встрѣтилъ отъ другихъ членовъ синода возраженіе, что въ самой Польшѣ найдется для этого достаточное число знающихъ и опытныхъ людей, только-бы труды ихъ хорошо оплачивались. Каѳедральнымъ капитуламъ, хорошо зарекомендовавшимъ себя со стороны своего правовѣрія на прежнихъ синодахъ, синодъ вмѣнилъ въ обзанность увѣщевать архіепископовъ и епископовъ къ исполненію ихъ обязанностей, если они замѣтятъ какія-либо

упущенія съ ихъ стороны. Что касается отношенія къ еретикамъ, то варшавскій синодъ обнаружилъ большую умѣренность. На синодѣ было рѣшено прекратить всякія преслѣдованія ихъ, а стараться возвращать ихъ къ католичеству любовію и убѣжденіемъ; налагать интердиктъ синодъ дозволилъ однимъ loci ordinariis. Относительно отобранныхъ костеловъ, отнятой юрисдикціи и другихъ такого рода дѣйствій протестантовъ, синодъ ограничился тѣмъ, что предписалъ собрать обо всемъ этомъ точныя свѣдѣнія и ожидать терпѣливо возвращенія въ Польшу короля [1]).

Отъ варшавскаго синода невольно переносится мысль къ недавнему еще прошлому, ко временамъ петроковскаго синода 1551 года. Десять только лѣтъ раздѣляютъ ихъ другъ отъ друга, но какъ измѣнились времена, и какъ замѣтно, какъ сильно сказалось это измѣненіе въ настроеніи собравшагося теперь, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, польскаго духовенства. Невольно припоминается, съ какою самоувѣренностью, съ какимъ сознаніемъ своей силы выступало тогда на борьбу съ реформаціей польское духовенство, вдохновленное ревностью по вѣрѣ только что возведеннаго въ санъ епископа Станислава Гозія. Извѣстно, что послѣдовало за тѣмъ: священный огонь ревности по католической вѣрѣ, на мгновеніе раздутый въ сердцахъ польскихъ прелатовъ кульмскимъ епископомъ, такъ же почти мгновенно потухъ, или—точнѣе—его задулъ тотъ страшный вихрь, который, поднялся на петроковскомъ сеймѣ 1552 года, и съ того времени не переставалъ уже бушевать въ Польшѣ. Одинъ за другимъ послѣдовали interim 1552 г., interim 1555 г., interim 1557 г., interim $155^{8}/_{9}$ гг., въ теченіе которыхъ польская шляхта всего менѣе помышляла о соблюденіи statu quo. Этотъ interim продолжалъ свое дѣйствіе и теперь, когда польскіе прелаты разсуждали о своихъ церковныхъ дѣлахъ въ Варшавѣ; но interim этотъ былъ фиктивный: на дѣлѣ это было вынужденное бездѣйствіе духовной католической власти и прогрессивное возрастаніе протестантства на почвѣ католической прежде Польши. Польскіе прелаты, издававшіе въ Варшавѣ постановленія о привлеченіи еретиковъ въ

[1]) Fabisz, 173—175; Zakrzewski, 144—145; Theiner, II, 658—661. Episcopus Camerinus Cardinali Morono, 20 apr. 1561.

лоно католической церкви путемъ убѣжденія и любви христіанской, очень хорошо понимали, что другихъ средствъ для этого у нихъ de facto давно уже нѣтъ, что только de jure, только въ своихъ привиллегіяхъ, да и то не признаваемыхъ шляхтою, они продолжали оставаться „церковною рѣчью посполитою гнѣзненской провинціи“. Теперь въ Варшавѣ они—отъ кого?—отъ Сигизмунда Августа ожидали возстановленія своего прежняго престижа, мечтали о фактическомъ возстановленіи своей духовной юрисдикціи. Впрочемъ, теперь уже не долго оставалось польскимъ прелатамъ предаваться этой непозволительной иллюзіи. Въ Польшѣ въ это время шли уже приготовленія къ новому сейму, который и de jure, хотя опять таки не вполнѣ, не рѣшительно, отнялъ у католической іерархіи то, чего она давно уже не имѣла de facto. Всюду раздавались въ Польшѣ голоса, требовавшіе скорѣйшаго созванія сейма. Къ королю, находившемуся въ Литвѣ, отправлены были даже особыя депутаціи,—одна отъ малопольской, другая—отъ великопольской шляхты,—которыя просили его поскорѣе прибыть въ Польшу и созвать сеймъ. Дѣло доходило до того, что рыцарское сословіе готово было пригрозить королю лишеніемъ престола, если онъ къ назначенному сроку не прибудетъ на сеймъ. Вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ сенаторовъ, король созвалъ сеймъ въ Петроковѣ, въ ноябрѣ 1562 года? [1])

Сеймъ открылся 29 ноября 1562 года. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ сеймъ занимался экзекуціею въ тѣсномъ смыслѣ, то есть, на сколько она касалась королевскихъ имѣній, находившихся въ незаконномъ владѣніи у разныхъ лицъ, и вопросомъ о такъ называемыхъ incompatibilia, то есть, недозволенномъ закономъ совмѣщеніи въ однѣхъ рукахъ извѣстныхъ свѣтскихъ и духовныхъ должностей. Религіозный вопросъ въ эти мѣсяцы только по временамъ, только спорадически всплывалъ наружу. Такъ, въ привѣтственной къ королю рѣчи, послы упрекнули духовныхъ въ томъ, что они не объ обиженныхъ и несчастныхъ, не о вдовицахъ заботятся, а о своихъ только доходахъ: «теперь стало обычаемъ, говорили они, только за снопы предавать отлученію» [2]). Новый гнѣзненскій архіепископъ Яковъ

---

[1]) Zakrzewski, 148, 156.

[2]) Zródłopisma do dziejów unii Korony Polskiej i W. Księstwa Litewskiego.

Уханскій съ своей стороны сказалъ въ сенатѣ, что «прежде всего слѣдуетъ говорить объ исправленіи правды Божіей и улучшеніи рѣчи посполитой», и напомнилъ королю, что его обязанность «controversias spiritualium et secularium componere» [1]). Краковскій епископъ Филиппъ Падневскій жаловался на своеволіе шляхты, требующей того, чтобы староста не чинилъ экзекуціи, судья не судилъ, духовный не позывалъ къ суду [2]). Еще нѣсколько разъ та и другая сторона такъ или иначе затрогивала религіозный вопросъ. Но настоящая борьба пословъ съ епископами открылась лишь въ концѣ января 1563 г. 28 января послы обратились къ королю съ просьбою, чтобы онъ приказалъ духовнымъ показать привиллегіи, на основаніи которыхъ они, не довольствуясь общимъ правомъ, устанавливаютъ въ Польшѣ свое особое право и призываютъ поляковъ въ свои суды, равнымъ образомъ уничтожили въ своихъ имѣніяхъ солтысства, съ которыхъ на оборону государства должны идти значительные отряды [3]). Уханскій спустя нѣсколько дней (1 февр.) представилъ сенату какую-то привиллегію, данную Дзержговскому ,говоря, что въ ней нѣтъ ничего новаго, а только подтвержденіе древнихъ правъ духовенства и гнѣзненскаго капитула. Уханскій прибавилъ, что онъ не понимаетъ, какихъ еще привиллегій могутъ требовать отъ него послы: пусть послы представятъ прежде привиллегіи на свои вотчины [4]). Отъ имени пословъ Оссолинскій отвѣтилъ архіепископу, что дѣло идетъ не о привиллегіи Дзержговскаго, а о всѣхъ вообще привиллегіяхъ духовенства, «противныхъ короннымъ вольностямъ»,—дѣло идетъ о томъ, что духовные распространяютъ на шляхту свою юрисдикцію, устанавливаютъ новые законы, между тѣмъ какъ одно только коронное право получили отъ своихъ предковъ поляки,—дѣло идетъ о томъ, что они, владѣя громадными имѣніями, не несутъ военной службы, вопреки отечественнымъ законамъ. Поэтому Оссолинскій требовалъ, чтобы духовные представили на разсмотрѣніе сената свои привиллегіи, а если, ихъ не имѣ-

---

Część II, oddział I. Drukiem ogłosił Hr. Działyński, Poznań, 1861. Dyaryusz sejmu piotrkowskiego 1562—3 r., str. 5.

[1]) Ibid., 9.

[2]) Ibid., 10.

[3]) Ibid., 56.

[4]) Ibid., 60—61.

ютъ, судились впредь общимъ со всѣми правомъ и несли одинаковыя со всѣми повинности [1]). Когда король отвѣтилъ посламъ, что епископы желаютъ знать, какимъ именно правамъ и привиллегіямъ шляхты противорѣчатъ привиллегіи духовенства [2]), послы подали ему (6 февр.) длинный меморіалъ, въ которомъ повторено было, и притомъ въ усиленной формѣ, все то, что уже на предъидущемъ сеймѣ говорилъ противъ духовной юрисдикціи Оссолинскій. Вопреки постановленію Казиміра Великаго, по которому въ одной странѣ и подъ властью одного государя должно дѣйствовать только одно право [3]), духовенство, сказано въ меморіалѣ ,позволяетъ себѣ судить шляхту по иноземному праву, съ каковою цѣлью въ статуты помѣстило множество своихъ постановленій и привиллегій, разныхъ испанскихъ, жидовскихъ законовъ, ни для кого не обязательныхъ. Король Александръ въ статутѣ Ласкаго подтвердилъ только тѣ привиллегіи и постановленія, которыя справедливо и законно даны предшествовавшими ему государями, духовные же ни отъ одного изъ польскихъ государей ничего справедливо и законно не получили, и ихъ мнимыя права и привиллегіи нарушаютъ права и вольности свѣтскаго сословія. Тутъ слѣдуетъ перечисленіе извѣстныхъ уже намъ (изъ предыдущаго сейма) основаній шляхетской вольности, которымъ противорѣчатъ привиллегіи духовенства. Разница только въ томъ, что къ числу привиллегій, противныхъ вольностямъ шляхты, земскіе послы присоединяютъ еще варшавскій эдиктъ 1557 года, который они считаютъ для себя необязательнымъ на томъ основаніи, что никогда не давали на него своего согласія, а между тѣмъ онъ заключаетъ въ себѣ, «новыя постановленія». Послы просили короля позаботиться о томъ, чтобы духовные впредь не выдавали подобнаго рода постановленій, ни для кого необязательныхъ, за постановленія, имѣющія силу государственнаго закона, и представили привиллегіи, освобождающія ихъ отъ военной повинности, такъ какъ изъ статутовъ Казиміра Великаго явствуетъ, что въ его время духовные и свѣтскіе наравнѣ участвовали въ веденіи войны. Еще подъ Львовомъ (1537 г.)

---

[1]) Ibid., 61.

[2]) Ibid., 62.

[3]) Vol. leg., I, 19: Cum sub uno principe et capite eadem gens jura diversa habere non debeat, ne sit tanquam monstrum etc.

шляхта требовала этого послѣдняго отъ духовенства, и однако до сихъ поръ духовенство этого не сдѣлало, а на синодѣ въ Петроковѣ (въ 1542) даже постановило показать ихъ только въ крайнемъ случаѣ (nisi urgens subesset causa). Такъ какъ теперь пришла эта крайность, то послы и просятъ духовенство— представить наконецъ свои привиллегіи [1])

По выслушаніи этого меморіала Уханскій объявилъ, что хотя духовенство не обязано никому давать отчета въ своихъ вольностяхъ, епископы, однако, дадутъ отвѣтъ на меморіалъ. Отвѣтъ составилъ самъ Уханскій и въ присутствіи пословъ (20 февр.) прочелъ его въ сенатѣ. Духовенство, говорилось въ отвѣтѣ, не имѣетъ привиллегій, противныхъ общей свободѣ, такъ какъ то, что послы называютъ общимъ правомъ, есть на самомъ дѣлѣ лишь право одного сословія, рядомъ съ которымъ существуютъ другія сословія. Отъ начала христіанства вездѣ люди управлялись двоякимъ правомъ: человѣческимъ, или свѣтскимъ, и божественнымъ, или духовнымъ. Духовная юрисдикція есть власть вязать и рѣшить, данная Спасителемъ сначала апостоламъ, а потомъ и ихъ преемникамъ. Каноническое право предписываетъ формы этой юрисдикціи: много такихъ каноническихъ предписаній помѣщено въ коронные статуты. Этихъ своихъ правъ и вольностей духовенство не хочетъ и не имѣетъ права отдавать на судъ и разсмотрѣніе свѣтскаго сословія, подобно тому какъ свѣтское сословіе не отдаетъ ему своихъ. Отъ этихъ общихъ разсужденій Уханскій переходитъ къ разбору аргументовъ меморіала пословъ. Общее право, говоритъ онъ, это — законы и статуты всѣхъ сословій, а не одного; слова Казиміра объ одномъ правѣ относятся ко всѣмъ областямъ страны (de terris), а не ко всѣмъ сословіямъ. Онъ приводитъ изъ статутовъ разнаго времени цѣлый рядъ выдержекъ, доказывающихъ, что духовная юрисдикція всегда существовала въ Польшѣ и была признаваема всѣми сословіями. Не духовные помѣстили въ статутъ разныя постановленія и привиллегіи, а король Александръ самъ приказалъ собрать старые законы и на сеймѣ ихъ подтвердилъ, въ присутствіи сената и пословъ городскихъ и земскихъ, которые воспротивились-бы опубликованію этого статута, какъ commune Regni

[1]) Dyaryusz, 63—66.

privilegium если-бы въ статутѣ видѣли что-либо противное своей свободѣ. Но если даже Александръ и его преемники подтвердили только „справедливо и законно данныя“ привиллегіи, за то Ягелло подтвердилъ уже всѣ привиллегіи sine ulla conditione. Что касается тѣхъ трехъ пунктовъ, которые послы выставили, какъ основаніе своей свободы, то законы духовенства, хотя отличны отъ нихъ, но непротивны имъ. Послы указываютъ на постановленіе объ убіеніи клирика, какъ на внесенное духовными вопреки первому пункту; но его издалъ Казиміръ Великій гораздо раньше, чѣмъ шляхта получила свои привиллегіи отъ Людовика и Ягелло. Равнымъ образомъ и постановленіе о конфискаціи имѣній отлученнаго издано королемъ Владиславомъ, а не духовенствомъ, и непротивно второму пункту, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ король обѣщаетъ только ничего не конфисковать въ свою пользу, а не по требованію духовенства. Наконецъ, королевскіе эдикты вообще непротивны законамъ, такъ какъ не заключаютъ въ себѣ чего-либо новаго, а вытекаютъ изъ нихъ. Въ частности, варшавскій эдиктъ изданъ на сеймѣ, по совѣту сенаторовъ, въ присутствіи пословъ; его затѣмъ во всемъ государствѣ распубликовали, и каждый признаетъ его справедливымъ, потому что онъ охраняетъ привиллегіи духовныхъ и славу Божію противъ нечестивыхъ. Хотя давно уже шляхта требуетъ, чтобы духовные представили привиллегіи, освобождающія ихъ отъ военной повинности, но духовные не считаютъ себя обязанными сдѣлать это: статуты на однихъ свѣтскихъ кладутъ тяжесть обороны, и если духовные иногда участвовали въ ней, то участвовали по доброй волѣ, и это ни къ чему ихъ не обязываетъ. Въ заключеніе, епископы просили короля охранять ихъ права и привиллегіи, въ соблюденіи которыхъ онъ клялся имъ при коронаціи, прибавляя, что они вовсе не думаютъ ни ограничивать его власть, ни царствовать надъ братьями [1]).

На отвѣтъ примаса послы представили свои возраженія, въ которыхъ зашли такъ далеко, какъ еще никогда не заходили. Они начинаютъ съ того, что духовные, домогаясь юрисдикціи, отъ которой не хотятъ допускать апелляцій къ ко-

[1]) Ibid., 66, 92—101.

ролю, присвоиваютъ себѣ царскую власть, которой одной принадлежитъ право суда въ послѣдней инстанціи. На основаніи св. Писанія, они очень пространно доказываютъ, что духовные вовсе не имѣютъ права требовать исполненія своихъ судебныхъ приговоровъ свѣтскою властью, такъ какъ въ первые вѣка христіанства духовные употребляли только духовныя средства для приведенія въ исполненіе своихъ приговоровъ. Духовной власти послы у нихъ не отрицаютъ: духовные имѣютъ власть объяснять слово Божіе, наставлять заблуждающихся, и пр., но неповинующихся имъ они могутъ наказывать только отлученіемъ. Пока духовные употребляли отлученіе только въ духовныхъ дѣлахъ, до тѣхъ поръ отлученіе имѣло значеніе и было признаваемо польскимъ правомъ; но оно потеряло значеніе, когда духовные стали употреблять его въ чисто свѣтскихъ столкновеніяхъ. Тогда-то, желая поддержать падающій авторитетъ его, духовные стали установлять свои суды. Въ доказательство этого послы приводятъ нѣсколько историческихъ примѣровъ, доказывающихъ, что первоначально существовало отлученіе, но не было духовныхъ судовъ. На основаніи всего этого они публично заявляютъ, что духовныхъ судовъ не хотятъ и не могутъ признавать, и просятъ короля не требовать отъ нихъ этого признанія. — Послы, затѣмъ, переходятъ къ опроверженію частныхъ положеній „отвѣта“ примаса. Они говорятъ, что статутъ Казиміра Великаго объ одномъ правѣ относится и къ духовенству, такъ какъ св. Писаніе повелѣваетъ ему въ свѣтскихъ дѣлахъ повиноваться монарху. Самая привиллегія, данная Казиміромъ Бодзантѣ, дозволяющая ему обращаться по дѣламъ о десятинахъ къ земскимъ судамъ, доказываетъ, что во времена Казиміра земскіе суды судили по дѣламъ духовнымъ. Хотя потомъ Бодзанта составилъ свои статуты, но духовные не пользовались ими. Послы подвергаютъ сомнѣнію древность самихъ статутовъ Бодзанты (изданныхъ будто-бы въ 1369 г., между тѣмъ по Длугошу Бодзанта ослѣпъ въ 1364 г., а умеръ въ 1366 г.), такъ какъ ихъ не было въ древнихъ статутахъ, и Ласкій первый внесъ ихъ въ свой сборникъ, но лишь въ качествѣ иностранныхъ законовъ. По указу Казиміра, изданному послѣ статутовъ Бодзанты, свѣтскіе суды разбирали дѣла объ обидахъ, причиненныхъ духовенству при посполитомъ рушеньи, и только уже при кон-

фирмаціи этого указа Казиміромъ Ягеллономъ (1457 г.) духовные подсунули ему для конфирмаціи прибавку, что старостъ, недостаточно усердныхъ въ исполненіи ихъ приговоровъ, они могутъ предавать отлученію [1]). Лишь во времена Ягелло, находившагося въ преклонныхъ лѣтахъ и подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, добились духовные изданія эдикта, чтобы старосты приводили въ исполненіе приговоры духовныхъ судовъ; но такъ какъ раньше этого шляхта получила отъ Ягелло привиллегію, по которой ея имущество не можетъ быть конфисковано безъ приговора собственнаго ея суда, то данный духовенству указъ не имѣетъ силы. Во время малолѣтства Владислава III этотъ указъ произвелъ большое волненіе, и даже вызвалъ коргинскую конфедерацію (1438 г.). Только уже при Казимірѣ Ягеллонѣ, духовные, воспользовавшись тѣмъ, что оба канцлера принадлежали къ ихъ сословію, добились (1454 г.) отъ короля подтвержденія Ягеллова эдикта объ отлученныхъ. Повторивъ затѣмъ сказанное ими раньше о статутѣ Александра, послы заявляютъ, что и позднѣйшіе статуты не установляютъ духовной юрисдикціи. Эти статуты прямо запрещаютъ призывать въ духовные суды по свѣтскимъ дѣламъ; въ 1519 году духовенство принуждено было даже назначить наказаніе на нарушителей этого запрещенія. Поэтому-то духовенство, спохватившись, что всѣ преступленія, которыя оно до сихъ поръ судило, суть свѣтскія дѣла, составило перечень дѣлъ, подлежащихъ духовному суду, и внесло его въ конституціи сейма 1543 г. Но свѣтское сословіе отвергло не только перечень, но изъ-за него и остальныя сеймовыя конституціи. Послы не оставили безъ возраженія и ссылки Уханскаго на подтвержденіе Ягелло всѣхъ статутовъ и привиллегій безъ всякихъ оговорокъ: Ягелло, говорятъ они, оговаривается, что онъ подтверждаетъ только тѣ привиллегіи, которыя не подлежатъ никакому сомнѣнію относительно своей подлинности и имѣютъ въ виду пользу страны, а этого о привиллегіяхъ духовенства нельзя сказать.—Относительно эдиктовъ, издаваемыхъ королемъ, послы упорно отказываются признать обязательность ихъ для себя. Въ доказательство того, что въ

[1]) Vol. leg. I, 50; ibid., 87.

прежнее время духовенство несло военную повинность, послы ссылаются на одинаковую подать, наложенную Людовикомъ на свѣтскія и духовныя имѣнія. Напрасно также духовные говорятъ, что они несли ее добровольно: въ привиллегіяхъ свѣтскихъ пановъ также встрѣчаются оговорки, что они добровольно ее несутъ, но онѣ ничего не доказываютъ. Въ заключеніе послы протестуютъ противъ синодальныхъ постановленій, противныхъ сеймовымъ постановленіямъ, въ отместку же за названіе ихъ, пословъ, еретиками, называютъ духовныхъ идолопоклонниками, рабами Рима и обѣщаютъ доказать имъ въ свободное время, что въ римской церкви есть очевидное идолослуженіе [1]).

Въ своихъ нападкахъ на католическое духовенство протестанты зашли слишкомъ далеко. Пословъ-католиковъ не могли не шокировать послѣднія слова ихъ протестантскихъ товарищей. Католики заявили протестантамъ свое неудовольствіе на ихъ обвиненіе католической церкви въ идолослуженіи. Тѣ оправдывались, говоря, что епископы прежде назвали ихъ еретиками. Въ концѣ концовъ, рѣшено было не вдаваться болѣе съ епископами въ разсужденія, касающіяся религіи, а просто домогаться уничтоженія всѣмъ равно ненавистной духовной юрисдикціи [2]). Поэтому, когда (9 марта) примасъ, приготовивши новый отвѣтъ посламъ, приказалъ прочитать его въ сенатѣ, послы объявили, что они не хотятъ вдаваться съ епископами въ дальнѣйшіе споры. Когда, не смотря на это ихъ заявленіе, Уханскій велѣлъ продолжать чтеніе своего отвѣта, послы ушли изъ сената. Сколько ни доказывали имъ свѣтскіе сенаторы, что своимъ самовольнымъ уходомъ они оскорбляютъ короля и весь сенатъ, послы упорно отказывались выслушать отвѣтъ Уханскаго и, хотя, уступая настояніямъ сенаторовъ, возвратились въ сенатъ, но прямо заявили, что они теперь не хотятъ разсуждать о томъ, законна или нѣтъ духовная юрисдикція, а просятъ только, чтобы старосты исполняли приговоры не иначе, какъ согласно съ едлинскимъ статутомъ, то есть, чтобы они не конфисковали ничьихъ имуществъ иначе, какъ по приговору обыкновенныхъ земскихъ судей. Долго еще (10 и 11 марта)

[1]) Dyaryusz, 105—116.
[2]) Ibid., 117.

тянулись переговоры между сенатомъ и послами: послѣдніе упорно стояли на своемъ, такъ какъ при такой постановкѣ дѣла они онять пришли къ единогласію. Епископы испугались такого оборота дѣла и два раза (12 и 13 марта) посылали къ королю нунція съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ короля не нарушать правъ церкви. Въ тоже время они старались подѣйствовать на сенаторовъ и пословъ-католиковъ [1]). Но всѣ эти усилія епископовъ не привели ни къ чему, тѣмъ болѣе что епископы еще раньше сильно вооружили противъ себя свѣтскихъ сенаторовъ, ставши въ дѣлѣ экзекуціи относительно королевскихъ имѣній на сторону короля. Когда (13 марта) дѣло дошло до голосованія въ сенатѣ, почти всѣ свѣтскіе сенаторы (за исключеніемъ двоихъ—перемышльскаго и львовскаго каштеляновъ) высказались въ пользу пословъ. Епископы молчали. Король только пожалъ нѣсколько разъ плечами: attenti erant oculi et aures omnium summo cum silentio. Сигизмунду Августу приходилось рѣшать старую тяжбу. Выразивъ свою скорбь о томъ, что ему приходится разсчитываться за то, что не при немъ искажалось, онъ объявилъ, что, хотя духовные ссылаются на свое право, котораго онъ не желалъ и не желаетъ нарушать, но видя, что въ пользу просимой послами экзекуціи говоритъ общее право, слыша согласные совѣты сенаторовъ и просьбы пословъ, онъ не считаетъ возможнымъ уклониться отъ исполненія едлинскаго статута. Послы поблагодарили короля за это рѣшеніе и только просили, чтобъ онъ далъ имъ на бумагѣ то, что обѣщалъ на словахъ. Хотя епископы просили короля не давать отвѣта на бумагѣ, король согласился на просьбу пословъ. Послы представили (15 марта) королю свой проэктъ сеймовой конституціи, который и былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями и смягченіями. Вотъ эта конституція: „Skarżyli się przed Nami Posłowie Ziemscy na Starosty Sądowe, iżby abusum quendam wnieść mieli w exekucyi na Rycerstwo Koronne, nad statut Vladislai Jagiellonis in Jedlna fol: 50 napisany: prosząc abyśmy złożyli z nich cobykolwiek przeciwiało się exekucyi nad statut przerzeczony: gdyż oni niechcą z xięzą Ich Miłoscią wdać się w żadne dysputacye, iedno stoiąc przy prawie swym, niechcą wolności swoich in

[1]) Ibid., 124—130.

dubium vocare. My powinności swoie bacząc, y przysięgę wszystkim iednostaynie uczynioną, ktemu też na zgodne zdanie Rad naszych świeckich, y na prośby Posłow Ziemskich, rozkazoiemy wszystkim starostom naszym Sądowym: aby ninakim inakszey exekucyi nie czynili, iedno iako w statucie Sagellowym in Jedlna stoi: a cobykolwiek inaczey uczynili, sit irritum et inane" [1]). Послы просили короля употребить выраженіе „ustawiamy", но король не согласился на это и удержалъ выраженіе „rozkazuiemy", сославшись на то, что онъ въ этой конституціи ничего новаго не установляетъ, а только приказываетъ исполнять старый законъ [2]).

Приведенная нами конституція петроковскаго сейма 1563 года не уничтожила духовной юрисдикціи: о ней въ конституціи даже совершенно умолчано. Вся сила этой конституціи заключалась въ томъ, что исполненіе приговоровъ духовныхъ судовъ по дѣламъ, подлежавшимъ еще ихъ вѣдѣнію послѣ петроковскаго сейма 1555 г., то есть, по дѣламъ о десятинахъ (по преимуществу), становилось для старостъ необязательнымъ: старосты, въ силу этой конституціи, обязаны были выполнять только приговоры обычныхъ судовъ. Но (сдѣлаемъ оговорку, которая сама собой подразумѣвалась при составленіи этой конституціи) духовнымъ предоставлено было право вести иски по дѣламъ о десятинахъ въ земскихъ судахъ. Что касается другихъ требованій пословъ, то въ сеймовыхъ конституціяхъ они ничего почти болѣе не получили. Относительно участія духовенства въ оборонѣ государства, было постановлено отложить до будущаго сейма ревизію привиллегій, освобождающихъ духовныхъ и ихъ солтысовъ отъ военной повинности, хотя духовенство добровольно согласилось дать на оборону извѣстную часть десятины [3]). Равнымъ образомъ и въ отвѣтъ на свою жалобу на недопущеніе отлученныхъ къ дачѣ показаній на судѣ, послы въ конституціяхъ получили только не достаточно опредѣленное обѣщаніе [4]).

---

[1]) Vol. leg. II, 19.

[2]) Dyaryusz, 131—137.

[3]) Vol. leg. II, 20.

[4]) Ibid., 21: Iż się Posłowie skazżą, że klęci nie bywaią do sądu przypuszczeni, y tym od swoiey sprawiedliwości odpadaią, iż o tym statutów iasnych nie masz, ieśliby w tey mierze abusus iakie były: naydniemy, aby były na stronę odłożone.

Когда послѣ голосованія въ сенатѣ король высказалъ извѣстное намъ рѣшеніе, присутствовавшіе въ сенатѣ епископы протестовали противъ этого рѣшенія. Когда же послы представили королю и сенату свой проэктъ конституціи, составленной, дѣйствительно, въ довольно сильныхъ и непріятныхъ для духовенства выраженіяхъ, они всѣ вышли изъ сената. На слѣдующій день (16 марта), не смотря на неоднократныя приглашенія, они не явились въ засѣданіе. 17 марта примасъ и епископы имѣли у короля тайную аудіенцію, но ничего отъ него не добились. Приходилось помириться съ фактомъ. 18 марта епископы явились на засѣданіе: одинъ Уханскій отказался на немъ присутствовать. Началось чтеніе сеймовыхъ конституцій. Когда прочитана была выписанная нами выше конституція, краковскій епископъ отъ имени своихъ товарищей, торжественно противъ нее протестовалъ. Но на этотъ протестъ не обратили вниманія: въ этомъ же засѣданіи конституція была утверждена приложеніемъ коронной печати и получила силу закона [1]).

На петроковскомъ сеймѣ 1562—3 гг. было одержано двѣ побѣды: польское шляхетское сословіе одержало побѣду надъ польскимъ духовнымъ сословіемъ; польское протестантство одержало побѣду надъ польскимъ католичествомъ. Шляхта, лишившая къ этому времени почти всѣхъ правъ крестьянъ, ограничившая въ сильной степени власть короля, утратившая чувство смиренной покорности въ отношеніи къ своимъ старшимъ братьямъ—панамъ, на петроковскомъ сеймѣ лишила духовное сословіе одной изъ важнѣйшихъ его прерогативъ, или — точнѣе—лишила его возможности дѣлать фактическое употребленіе изъ этой прерогативы. Это былъ одинъ изъ моментовъ въ поступательномъ развитіи шляхетской свободы, подъ которой шляхта начинала понимать уничтоженіе чьихъ бы то ни было привиллегій съ сохраненіемъ, впрочемъ, и даже увеличеніемъ ея собственныхъ. Это стремленіе шляхты къ свободѣ, какъ бы она ее ни понимала, весьма счастливо для нея объединилось съ протестантскимъ, или реформаціоннымъ движеніемъ. Протестантизмъ носилъ начало свободы въ самыхъ своихъ основахъ: онъ исходилъ изъ отрицанія вѣками утвердившагося по-

[1]) Dyaryusz, 137—143.

рядка, установленныхъ законовъ, существующей церковной власти, преемственнаго церковнаго преданія, замѣняя все это личнымъ отношеніемъ человѣка къ Богу; хотя онъ и отрицалъ свободу въ естествѣ человѣка и въ отношеніи человѣка къ Богу, но тѣмъ сильнѣе вводилъ эту свободу въ область церковную; хотя онъ непослѣдовательно объявлялъ св. Писаніе неподлежащимъ критикѣ, но тѣмъ рѣшительнѣе провозглашалъ свободу критики свящ. церковнаго преданія и ставилъ тутъ личныя убѣжденія выше всякаго авторитета и т. д. и т. д. Вообще хотя протестантизмъ грѣшилъ во многомъ непослѣдовательностью, но провозглашенныя имъ начала свободы прорывали узкія рамки, въ которыя ихъ хотѣли поставить, и всюду, куда ни проникали они, свобода совѣсти и свобода мысли отвоевывали себѣ права гражданства. Такъ было всюду, такъ было и въ Польшѣ. Частнѣе, самая борьба польскаго шляхетскаго сословія съ духовенствомъ, имѣвшая свои мѣстныя причины, стояла въ XVI в. въ связи съ началами, провозглашенными реформаціей: усвоить, хотя бы даже поверхностно, начала реформаціи, вѣдь, это значило — въ практическомъ отношеніи — призвать всѣхъ вѣрующихъ безъ различія къ участію въ церковномъ управленіи, уничтожить іерархію въ католическомъ смыслѣ, низвести ее на степень простаго учителя вѣры и нравственности, устранить ея вмѣшательство въ свѣтскія дѣла. Но если протестантизмъ вообще, по основнымъ своимъ началамъ, подходилъ къ традиціонному настроенію польскаго общества, то еще болѣе подходилъ онъ къ нему въ формѣ кальвинизма, гдѣ начало свободы развивалось во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. Кальвинизмъ, развившій до самыхъ крайнихъ предѣловъ догматъ предопредѣленія Божія и этимъ, повидимому, совершенно устранившій свободу человѣка, имѣлъ и свою оборотную сторону: онъ развилъ до крайности другое начало, лежавшее въ протестантизмѣ, то именно, что вѣрующій во Христа долженъ считать себя спасеннымъ, а стоило только признать себя избранникомъ, предопредѣленнымъ къ спасенію, и человѣкъ получалъ право требовать для себя полнѣйшей свободы. Онъ, въ своихъ глазахъ, былъ орудіе Бога, предназначенное исполнять возвѣщенную въ свящ. Писаніи волю Божію, ему преимущественно открытую. Вслѣдствіе противоположности своихъ исходныхъ точекъ, кальвинисты способны были отстаивать какъ

религіозную нетерпимость, такъ и безусловную независимость церкви, даже съ подчиненіемъ ей свѣтской власти. Съ одной стороны, въ церковь вводилось у нихъ чисто демократическое устройство, съ другой, надъ ея членами установилась самая строгая нравственная дисциплина, которою избранники должны были отличаться отъ грѣшниковъ. Въ концѣ концовъ, личная свобода, во имя религіозныхъ же требованій, устранилась въ кальвинизмѣ народовластіемъ, и во имя личной же свободы утверждался самый невыносимый деспотизмъ. Отъ народовластія въ духовныхъ дѣлахъ, въ церкви, былъ одинъ шагъ до народовластія въ свѣтскихъ дѣлахъ, въ государствѣ. Насколько мы знаемъ и понимаемъ тогдашнее польское общество, мы не считаемъ слишкомъ рискованнымъ предположеніе, что потому такъ и полюбился польскимъ панамъ и знатной шляхтѣ кальвинизмъ, что въ немъ они увидѣли что-то родное себѣ, нашли что-то подходящее къ своему настроенію, своимъ взглядамъ, стремленіямъ, тенденціямъ. Съ одной стороны польскій панъ, или знатный шляхтичъ, стоя во главѣ той или другой реформатской общины, вкушалъ полную религіозную свободу, которою онъ вообще такъ дорожилъ для себя, вовсе не испытывая того деспотическаго гнета, который, какъ оборотная сторона медали, ложился на другихъ членовъ общины, а заботиться о свободѣ ихъ не было давно уже въ его привычкахъ. Съ другой стороны, идея народовластія, лежавшая въ основѣ кальвинизма, весьма подходила къ политическимъ, или соціальнымъ тенденціямъ польскаго шляхтича, проповѣдывавшаго теорію пресловутой рѣчи посполитой, т. е. демократической, съ его точки зрѣнія, республики, такъ какъ народъ, по его воззрѣнію, это—онъ самъ съ братіею шляхтою, и только онъ.

Связавъ свои интересы съ интересами шляхты, протестантство еще до побѣды, одержанной въ Петроковѣ, стало прочно утверждаться на польской почвѣ. Малопольскіе реформаты, во время отсутствія Гозія изъ Польши, старались упрочить свою внутреннюю организацію, начало которой они положили еще въ бытность его въ Польшѣ. Въ 1560 году на синодѣ въ Ксёндзѣ они раздѣлили всю Малую Польшу на нѣсколько дистриктовъ. Во главѣ каждаго дистрикта поставлены были особые сеніоры,—духовный и свѣтскій. Духовный сеніоръ, имѣвшій товарища—консеніора, получилъ административную и от-

части судебную власть надъ пасторами и другими духовными; но онъ долженъ былъ дѣлать все съ согласія мѣстнаго синода. Свѣтскіе сеніоры не вмѣшивались прямо въ духовныя дѣла и заботились о внѣшнихъ дѣлахъ реформатскихъ общинъ. Во главѣ всѣхъ дистриктовъ стоялъ попрежнему суперъ-интендантъ Малой Польши, созывавшій синоды и предсѣдательствовавшій на нихъ, приводившій въ исполненіе постановленія синодовъ, назначавшій и ревизировавшій сеніоровъ, заботившійся о типографіяхъ, библіотекахъ, школахъ и другихъ этого рода учрежденіяхъ. Но онъ не имѣлъ судебной власти и былъ подчиненъ синоду, который собирался ежегодно и состоялъ изъ депутатовъ отъ каждаго дистрикта, въ томъ числѣ сеніора, консеніора и свѣтскихъ сеніоровъ [1]). Одновременно съ упроченіемъ внутренней своей организаціи протестанты трудились надъ другимъ, не менѣе важнымъ для нихъ дѣломъ—надъ соединеніемъ разныхъ протестантскихъ исповѣданій въ одно исповѣданіе, которое они могли бы противопоставить католичеству. Надъ этимъ соединеніемъ трудился въ это время извѣстный намъ Янъ Ласкій, прибытіемъ котораго въ Польшу недаромъ встревожились польскіе епископы. Малопольскіе реформаты, соединившіеся еще раньше съ великопольскими богемскими братьями, усиливались привлечь къ своему союзу лютеранъ, которые, впрочемъ, весьма индиферентно, иногда даже враждебно относились къ этому союзу. Но, хотя попытки, дѣлавшіяся на нѣсколькихъ реформатскихъ синодахъ (въ Владиславѣ 1557 г., въ Ксендзѣ 1560 г.), на которые, по приглашенію реформатовъ, являлись и уполномоченные лютеранъ, не увѣнчались успѣхомъ ко времени возвращенія Гозія въ Польшу, они все-таки расчистили путь, облегчили дѣло объединенія польскихъ протестантскихъ силъ [2]). Одновременно съ этимъ дѣлались попытки къ соединенію польскихъ реформатовъ съ литовскими реформатами, иниціатива которыхъ опять-таки принадлежала малопольскимъ реформатамъ. Въ 1560 году отправили они къ Николаю Радзивиллу Бландрату и просили его позаботиться о соединеніи литовскихъ реформатовъ съ ихъ польскими единовѣрцами, поставляя ему на видъ тѣ опасно-

[1]) Regenvolscius, 121—123.
[2]) Fischer, 152; Zakrzewski, 111—112.

сти, которыя грозили ихъ исповѣданію со стороны антитринитарства, начавшаго къ этому времени довольно смѣло поднимать голову. Радзивиллъ принялъ Бландрату очень радушно, послалъ 1600 талеровъ для малопольскихъ реформатскихъ школъ и бѣдныхъ и послалъ даже своего депутата на ксендзскій синодъ (въ сентябрѣ 1560 г.). Виленская реформатская община отнеслась къ этому тоже весьма сочувственно и отправила своихъ делегатовъ съ заявленіемъ, что она желаетъ жить въ единеніи съ польскими реформатами. Но дѣло это не пришло къ желанному результату, отчасти вслѣдствіе дальности разстоянія центровъ польскаго и литовскаго реформатства, отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе политическихъ разсчетовъ Радзивилла, мечтавшаго сдѣлаться по смерти Сигизмунда Августа независимымъ государемъ Литвы и потому нерасположеннаго какимъ бы то ни было образомъ укрѣплять связи Литвы съ Польшею (по мнѣнію Лукашевича). Но эту обусловленную политическими соображеніями измѣну дѣлу протестантства, если она была, Радзивиллъ съ избыткомъ вознаграждалъ другими дѣлами на пользу литовскаго и польскаго реформатства. Въ описываемое нами время заботы его направлены были на удовлетвореніе одной, весьма существенной потребности реформатской церкви—недостатка въ литургическихъ книгахъ и въ библіи на польскомъ языкѣ. Радзивиллъ пригласилъ для перевода библіи многихъ выдавшихся ученыхъ того времени, и въ 1563 г. въ Брестъ-Литовскѣ вызванный имъ сюда извѣстный краковскій типографъ Воеводка напечаталъ ее на средства Радзивилла (100,000 польскихъ гульденовъ) [1]). Ко времени возвращенія Гозія въ Польшу, протестантство въ Литвѣ въ такой сильной степени принизило католичество, что польское правительство пришло, повидимому, къ мысли измѣнить здѣсь свою старую систему дѣйствій, основанную на окатоличеніи литовско-русскаго народа. По крайней мѣрѣ, Сигизмундъ Августъ на виленскомъ сеймѣ 1563 года разъяснилъ, или, вѣрнѣе, отмѣнилъ одинъ изъ первыхъ актовъ этой системы—извѣстное городельское постановленіе Ягелло и Витовта, устранявшее некатоликовъ (православныхъ) отъ занятія госу-

---

[1]) Lukaszewicz, Geschichte der reformirten Kirchen in Lithauen, 1, 12—15.

дарственныхъ и общественныхъ должностей въ литовскомъ княжествѣ. Онъ постановилъ, чтобы впредь всѣми привиллегіями, дарованными литовскому дворянству, пользовались не только паны и шляхта римской вѣры, имѣющіе польскіе гербы, но и всѣ дворяне, какъ русскаго, такъ и литовскаго народа, лишьбы они были вѣры христіанской; всѣ они получали доступъ къ государственнымъ должностямъ, даже къ сенаторской должности [1]). Этимъ постановленіемъ Сигизмундъ Августъ и de jure уравнивалъ права литовскихъ и русскихъ некатоликовъ (православныхъ и протестантовъ) съ правами католиковъ, что́ de facto и такъ существовало здѣсь.

Въ то время, какъ польскіе и литовскіе протестанты трудились надъ сооруженіемъ зданія нововѣрія, все смѣлѣе и рѣшительнѣе выступалъ противъ нихъ новый врагъ, подкапывавшійся подъ самый фундаментъ возводимаго ими зданія. Этотъ новый врагъ возникъ въ нѣдрахъ самого протестантства, былъ его собственнымъ дѣтищемъ, вскормленнымъ на его груди. Мы выше упоминали, что еще въ царствованіе Сигизмунда I вмѣстѣ съ идеями реформаціи показался въ Польшѣ призракъ антитринитарства, этого крайняго проявленія протестантскаго идеализма. Со вступленіемъ на польскій престолъ Сигизмунда Августа, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ въ болѣе ясныхъ, болѣе осязательныхъ очертаніяхъ носится надъ польскимъ протестантствомъ этотъ грозный призракъ. Въ 1551 году прибылъ въ Польшу самъ Лэлій Социнъ, изгнанный реформатами изъ Швейцаріи, и посѣялъ сѣмена своего ученія въ сердцахъ Лизманини и другихъ лицъ, стоявшихъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ [2]). Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Пинговѣ образуется какъ-бы особая фракція польскихъ протестантовъ, обнаруживающихъ симпатіи къ тѣмъ или инымъ антитринитарскимъ воззрѣніямъ, хотя эти симпатіи еще такъ слабы, такъ, если можно такъ выразиться, отрывочны, что онѣ не препятствуютъ Пингову быть однимъ изъ главныхъ центровъ малопольскаго реформатства. Но эта предрасположенность къ антитринитарству несомнѣнно существовала, если не

---

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Исторіи, С.-Петербургъ, 1848, т. III, стр. 118—121, № 32.

[2]) Lubieniecius, 39—40.

во всей, то въ значительной части этой фракціи: не даромъ обитатели Пинчова имѣли особое названіе „пинговянъ“ [1]). Первымъ открытымъ провозвѣстникомъ антитринитарскихъ идей въ Польшѣ былъ Петръ Гонезій, полякъ по происхожденію (родомъ изъ Подляхіи), нахватавшійся этихъ идей во время своего пребыванія за границей, куда онъ ѣздилъ для довершенія образованія. По возвращеніи на родину, онъ нѣкоторое время держался, повидимому, реформатскаго ученія, и лишь на сецеминскомъ синодѣ 1556 г. выступилъ открыто съ антитринитарскими воззрѣніями. Онъ отрицалъ общехристіанское ученіе о Троицѣ, признавалъ одного Отца Богомъ въ собственномъ смыслѣ, Іисуса же Христа признавалъ Богомъ лишь въ несобственномъ смыслѣ, признавалъ для себя обязательнымъ лишь апостольскій символъ, отвергалъ символъ никейскій и символъ св. Аѳанасія. Хотя мнѣнія Гонезія были сильно оспариваемы многими участниками синода, но у него оказались и приверженцы, въ числѣ которыхъ былъ и извѣстный впослѣдствіи Георгій Паули. Сецеминскій синодъ не постановилъ никакого рѣшенія, а отослалъ исповѣданіе вѣры Гонезія къ Меланхтону. Старанія Меланхтона обратить Гонезія на путь истины не имѣли успѣха. Онъ остался при своихъ убѣжденіяхъ и продолжалъ ихъ распространять. Польскіе реформаты, для возстановленія мира въ своей партіи, созвали новый синодъ въ Пинговѣ (въ 1558 г.); но вмѣсто ожидаемаго замиренія этотъ синодъ далъ лишь поводъ оппозиціи еще съ большею силою провозгласить свои воззрѣнія. На брестъ-литовскомъ синодѣ (1558 г.) Гонезій еще съ большею откровенностью проповѣдывалъ свои идеи о Троицѣ, и кромѣ того вооружался противъ крещенія дѣтей. Одинъ изъ богатѣйшихъ литовскихъ пановъ Янъ Кишка, староста Самогитіи, принялъ Гонезія подъ свое покровительство и сдѣлалъ его проповѣдникомъ въ городѣ Венгровѣ [2]). Въ томъ же 1558 г. антитринитарская партія получила сильное подкрѣпленіе въ лицѣ итальянскаго выходца

---

[1]) На сломницкомъ синодѣ 1554 г., напр., Станкари развивалъ ту мысль, что Сынъ Божій былъ посредникомъ между Богомъ и людьми не по божественной своей природѣ, а только по человѣческой (Lubieniecius, 117—118).

[2]) Lubieniecius, 111—118; Lukaszewicz, Geschichte der reformirten Kirchen in Lithauen, 1, 18—19.

Георга Бландраты, который на первыхъ порахъ такъ ловко съумѣлъ скрыть свои истинныя убѣжденія подъ личиной библейскихъ выраженій, что польскіе протестанты очень радушно приняли его. Но Кальвинъ, заставившій Бландрату бѣжать изъ Швейцаріи, не оставилъ его въ покоѣ и въ Польшѣ. Краковскому синоду 1561 г. онъ прислалъ особое посланіе, въ которомъ остерегалъ польскихъ протестантовъ отъ сношеній съ Бландратою. Но Бландрата и тутъ съумѣлъ замаскировать свои антитринитарскія воззрѣнія, такъ что синодъ предложилъ ему только представить свое исповѣданіе вѣры, чтобы этимъ способомъ доказать свою невиновность. Это исповѣданіе представлено было Бландратою пинговскому синоду 1562 г., на которомъ оно встрѣтило какъ защитниковъ, такъ и противниковъ. Пинговскій синодъ задавался тоже цѣлью возстановить миръ въ протестантской партіи, отъ которой антитринитаріи формально еще не отдѣлились. Этой цѣли синодъ думалъ достигнуть тѣмъ, что запретилъ министрамъ употреблять философскія выраженія: троичность, сущность, рожденіе, исхожденіе, которыхъ нѣтъ въ словѣ Божіемъ, а приказалъ имъ довольствоваться терминами пророковъ, апостоловъ и символа апостольскаго. Едва-ли нужно прибавлять, что синодъ не достигъ своей цѣли: антитринитаріи не обнаруживали желанія отказываться отъ своихъ воззрѣній [1]). Главнымъ базисомъ борьбы польскихъ протестантовъ и антитринитаріевъ была польская столица съ ея округомъ: на продолженіи цѣлаго ряда годовъ шла тутъ борьба двухъ главныхъ представителей партій Станислава Сарницкаго и Георгія Паули,—борьба, еще болѣе осложнявшаяся и обострявшаяся привнесеніемъ въ нее личныхъ счетовъ ея участниками. Синоды слѣдовали за синодами; пункты разногласія съ каждымъ годомъ увеличивались; страсти разгорались. Тщетны были попытки польскихъ магнатовъ унять расходившихся министровъ: чѣмъ дальше шло время, чѣмъ дольше велся споръ, тѣмъ менѣе оставалось надежды на возможность какого-либо компромисса, тѣмъ неизбѣжнѣе становился разрывъ протестантской и антитринитарской партій, между которыми оказалась непроходимая бездна. И это не въ одномъ Краковѣ, не въ одной даже Малой Польшѣ, а на всей

[1]) Lubieniecius, 126—131.

территоріи литовско-польскаго государства: гдѣ только были протестанты, тамъ были и антитринитаріи, и вездѣ шли одни и тѣ же споры о св. Троицѣ, о Божествѣ Іисуса Христа, о перекрещиваніи и т. д. [1]). Ко времени возвращенія Гозія на родину, польская столица видѣла уже въ своихъ стѣнахъ два почти одновременныхъ синода, воочію констатировавшихъ фактъ раскола въ польскомъ нововѣріи: въ 1563 г. реформатскій синодъ въ Краковѣ торжественно осуждалъ антитринитарскія ученія, а антитринитарскій синодъ въ томъ же году и въ томъ же Краковѣ не менѣе торжественно осуждалъ протестантское (и общехристіанское) ученіе. На новомъ синодѣ въ Морди (въ Подляхіи) въ іюнѣ 1563 г. антитринитаріи выступаютъ уже, какъ организованная партія, организованная, конечно, настолько, насколько это было возможно въ обществѣ, гдѣ каждый членъ слѣдовалъ только своему личному мнѣнію, какъ голосу Божію, говорившему чрезъ него. На этомъ синодѣ 42 министра подписали исповѣданіе вѣры, въ которомъ отвергли христіанское ученіе о Троицѣ, хотя, щадя совѣсть немощныхъ, не уничтожали до поры до времени совершенно самого этого выраженія [2]).

Ко времени возвращенія Гозія въ Польшу, польское нововѣріе, такъ безпощадно развѣнчивавшее католичество, такъ неудержимо стремившееся снять съ его головы много вѣковъ лежавшую на ней корону, представляло уже собою (употребимъ выраженіе русскаго современника) весьма „многоглавную ересь“: еслибы польскимъ нововѣрцамъ удалось завладѣть этою короной, то у нихъ дѣло дошло-бы, пожалуй, до междуусобной войны, въ которой прежніе союзники перегрызли бы другъ друга. Польское нововѣріе, дружное во внѣшней борьбѣ, внутри представляло изъ себя царство, раздѣлившееся на ся; а царство, раздѣлившееся на ся, падаетъ [3]). Но и его против-

---

[1]) Ibid., 131—152.

[2]) Ibid., 158—168.

[3]) Relacye, I, 87, list biskupa Kamerińskiego do kardynała Moroni, Kraków, 29 sierpnia 1560: «każdy rozszerza swoje zdania, zkąd pochodzi że gdy się zgromadza żeby połączyć w jednej nauce, do takiej przychodzi między nimi kłótni że ledwo się nie pobiją, poczem rozjeżdzają się w większem jeszcze poróżnieniu.

никъ не могъ похвалиться дисциплиною въ своихъ рядахъ: сами вожди его только и дѣлали, что ссорились, да интриговали другъ противъ друга. Вопросъ, стало быть, сводился къ тому, какое царство, старое или новое, скорѣе и тѣснѣе соберется, сплотится подъ однимъ знаменемъ. Новое царство, какъ мы видѣли, давно поняло, что въ этомъ—вопросъ, и давно стало собираться, сплачиваться (насколько удачно,—мы тоже видѣли). Старое царство не такъ, повидимому, ясно понимало, что въ этомъ—вопросъ; за то, съ другой стороны, и разъединеніе въ его рядахъ не было такъ велико: тутъ не было по крайней мѣрѣ, непроходимой бездны, такъ какъ причина разъединенія лежала всего болѣе въ апатіи и личныхъ интересахъ. Такимъ образомъ, ко времени возвращенія Гозія въ Польшу, его родина представляла собою два враждебныхъ лагеря, расположившихся послѣ побѣдоноснаго для протестантовъ сраженія, опять другъ противъ друга въ ожиданіи новыхъ стычекъ и сраженій; но въ обоихъ этихъ лагеряхъ мало было внутренняго единства, далеко не было полной солидарности интересовъ, не было даже всѣми признанныхъ полководцевъ.

ОТДѢЛЪ III.

Польская церковь во вторую половину царствованія Сигизмунда Августа (1563 — 1572 гг.).

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Прежде чѣмъ продолжать изображеніе дальнѣйшей польской церковно-исторической жизни, когда возвратившійся въ Польшу кардиналъ Гозій съ новой силой, съ удвоенной энергіей принялся проводить въ польскую жизнь начала, на стражѣ которыхъ стоялъ онъ въ Тріентѣ, обратимъ нашъ взоръ, хотя на короткое время, туда, куда направилъ свой путь вармійскій епископъ и гдѣ рѣшались тогда вопросы первостепенной важности для всего католическаго міра.

Послѣ троекратнаго зова папы, Гозій, съ согласія польскаго короля, 14 іюня 1558 года отправился въ путь, а 1 сентября былъ уже въ Римѣ [1]) Вызовъ Гозія въ Римъ Павелъ IV въ бреве своемъ къ нему мотивировалъ желаніемъ воспользоваться его совѣтами по вопросу о вселенскомъ соборѣ: съ этою цѣлью папа пригласилъ тогда въ Римъ представителей всѣхъ католическихъ странъ, и Гозій являлся въ этомъ случаѣ представителемъ Польши [2]). Выборъ папы нетрудно понять: за Гозіемъ была уже тогда слава ревностнаго борца католичества въ Польшѣ, неутомимаго литературнаго защитника католической церкви [3]), между тѣмъ какъ другіе польскіе епископы возбуждали противъ себя лишь справедливыя неудовольствія апостольскаго престола. Въ Римѣ ожидалъ Гозія радушный пріемъ. На первой же аудіенціи (5 сент. 1558 г.,) которую онъ имѣлъ у папы, Павелъ IV въ отвѣтъ на его привѣтствіе въ милостивыхъ словахъ благодарилъ его за то, что не устрашившись ни большихъ издержекъ, ни опасности путешествія въ ненастное осеннее время, онъ, послушный зову Христа, поспѣшилъ въ Римъ, чтобы принести пользу церкви. „Мы благодаримъ Бога, говорилъ папа, что онъ благоволилъ дать нашей немощи такого помощника, и ощущаемъ особенную радость, видя тебя здоровымъ и невредимымъ. Не только мы, но и наши достопочтенные братья, находящіеся подлѣ насъ, горѣли желаніемъ видѣть тебя, потому что такъ много славнаго слышали о твоихъ отличныхъ дарованіяхъ отчасти изъ устъ другихъ, отчасти изъ устъ епископа бергамскаго, который, сколько разъ ни заходила рѣчь о тебѣ, начиналъ восхвалять твои добродѣтели и никогда не находилъ конца“ [4]). На второй аудіенціи (9 окт. 1558)

---

[1]) Eichhorn, I, 295—300.

[2]) Relacye, I, 68—69, Romae, 8 martii 1558.

[3]) Въ промежутокъ времени отъ возведенія Гозія въ санъ епископа до поѣздки его въ Римъ появились слѣд. его сочиненія: 1) Confessio catholicae fidei christiana; 2) Verae, christianae catholicaeque doctrinae solida propugnatio, una cum confutatione Prolegomenorum Brentii, Coloniae, 1558; 3) De expresso Dei verbo; 4) Dialogus de communione sub utraque specie, conjugio sacerdotum et sacro in vulgari lingua celebrando (St. Hosii Opera Antverpiae, 1566).

[4]) Eichhorn, I, 301—302. Гозій самъ писалъ по этому поводу Кромеру: Mira de Pontifice narrantur quam honorifice de me sentiat et loquatur (Walewski, Marcin Kromer, Warszawa, 1874, Dodatki, Hozyusz do Kromera Romae 3 febr. 1560).

Гозій долго бесѣдовалъ съ папой о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Глубоко взволнованный папа сказалъ Гозію, что еслибы не преклонныя лѣта и разстроенное здоровье, онъ самъ отправился-бы въ Польшу, чтобы утвердить короля въ вѣрѣ. Послѣ этого Гозій имѣлъ часто аудіенціи у папы, на которыхъ познакомилъ его съ положеніемъ католической церкви въ Польшѣ. Въ Римѣ Гозій принималъ участіе въ совѣщаніяхъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ, занимавшимъ тогда римскую курію, особенно по вопросу о вселенскомъ соборѣ: онъ доказывалъ необходимость созванія его для умиротворенія церкви. Весною 1559 года, считая цѣль своей поѣздки въ Римъ достигнутою, Гозій обратился къ папѣ съ просьбою дозволить ему возвратиться въ свою епархію. Папа сначала изъявилъ было на это свое согласіе, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе, рѣшившись воспользоваться услугами Гозія на имѣвшемъ собраться вселенскомъ соборѣ. Въ тоже время въ награду за услуги, оказанныя Гозіемъ католической церкви, Павелъ IV задумалъ возвести его въ санъ кардинала; но Гозій наотрѣзъ отказался отъ этой чести, опасаясь дурныхъ для себя послѣдствій отъ принятія кардинальскаго сана. Не смотря на всѣ убѣжденія папы, не смотря даже на его угрозы, Гозій упорно настаивалъ на своемъ отказѣ, такъ что въ Римѣ распространились даже слухи, что папа, разгнѣвавшись на вармійскаго епископа, приказалъ посадить его за упорство въ крѣпость. Слухи эти дошли до Польши и Сигизмундъ Августъ хотѣлъ было уже отправить въ Римъ особаго посла по дѣлу Гозія. Слухи, конечно, оказались слишкомъ преувеличенными. Тѣмъ не менѣе Гозій отказался отъ кардинальства. Суровый, непреклонный Павелъ IV не могъ сломить твердости Гозія, который, дѣйствительно, имѣлъ вѣскія основанія отказываться отъ этой высокой чести: польскіе государственные законы, какъ увидимъ ниже, не дозволяли польскому епископу принимать санъ кардинала безъ согласія короля и сената. Папа, по свидѣтельству біографа Гозія, сказалъ по этому случаю, что съ того времени, какъ онъ познакомился съ епископомъ Гозіемъ, онъ пересталъ удивляться всѣмъ остальнымъ знаменитымъ людямъ своего времени. Вскорѣ послѣ этого (18 авг. 1559 г.) Павелъ IV скончался [1]).

[1]) Rescius, lib. I, c. XXIII, p. 102—109; Eichhorn, I, 303—309.

На папскій престолъ вступилъ (26 дек. 1559 г.) Пій IV. Тотчасъ по вступленіи на престолъ новый папа высказалъ желаніе, и желаніе искреннее, созвать наконецъ давно обѣщанный вселенскій соборъ. Такъ какъ для успѣха этого дѣла папѣ нужно было заручиться предварительно согласіемъ свѣтскихъ государей, то въ Римѣ рѣшено было отправить къ нимъ особыхъ нунціевъ съ тѣмъ, чтобы они добились ихъ согласія на созваніе вселенскаго собора на желательныхъ для римской куріи условіяхъ. Одну изъ самыхъ трудныхъ нунціатуръ—нунціатуру при дворѣ германскаго императора Фердинанда I и богемскаго короля Максимиліана, папа поручилъ Гозію. Въ инструкціи, данной Гозію, содержались слѣдующіе пять пунктовъ: 1., Гозій долженъ былъ добиться согласія императора на продолженіе тридентскаго собора; 2., Гозію поручалось позаботиться объ утвержденіи въ католической вѣрѣ Максимиліана, который обнаруживалъ симпатіи къ протестантизму, а между тѣмъ, какъ сынъ Фердинанда, былъ естественнымъ преемникомъ его на императорскомъ престолѣ; 3., Гозію поручалось устроить бракъ эрцгерцога Карла съ англійской королевой Елисаветой, при помощи котораго курія надѣялась обратить Елисавету въ католичество; 4., Гозій долженъ былъ уладить дѣло о коронаціи Фердинанда, тогда еще не послѣдовавшей; 5., послѣдній пунктъ инструкціи касался спора польскаго короля съ испанскимъ изъ-за герцогства Бари. По смерти (въ 1557 г.) польской королевы Боны Сфорцы, наслѣдственной владѣтельницы герцогства Бари это послѣднее должно было перейти къ сыну ея, польскому королю Сигизмунду Августу, котораго она еще раньше объявила своимъ наслѣдникомъ. Между тѣмъ послѣ смерти ея оказалось завѣщаніе, въ которомъ она только кое-что изъ движимаго имущества отказала Сигизмунду Августу, большую-же часть движимаго и недвижимаго имущества завѣщала своему управляющему Папакодѣ, а герцогства Бари и Россано—испанскому королю Филиппу II. Сигизмундъ Августъ началъ процессъ противъ Папаковы, обвиняя его въ отравленіи Боны и въ составленіи подложнаго завѣщанія, и противъ неаполитанскаго правительства, утвердившаго права Филиппа на владѣнія герцогствомъ Бари. Дѣло тянулось долго. Наконецъ, польскій и испанскій короли избрали третейскимъ судьею германскаго императора, котораго

Гозію и поручено было просить о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла. Съ этою инструкціею въ апр. 1560 г. прибылъ Гозій въ Вѣну [1]).

Главною цѣлью нунціатуры Гозія было, конечно, полученіе согласія императора на созваніе вселенскаго собора на тѣхъ условіяхъ, которыя были желательны папѣ. Дѣятельность Гозія въ Вѣнѣ, въ качествѣ папскаго нунція, потребовала отъ него очень многихъ усилій, очень много труда, потому что императоръ оказался не особенно податливымъ на предложенія папы. Въ помощь Гозію римская курія присылала и другихъ нунціевъ, которые иногда впрочемъ болѣе вредили, чѣмъ помогали дѣлу. Въ концѣ концовъ, совокупными усиліями удалось представителямъ римской куріи получить согласіе императора на созваніе собора въ Тріентѣ. Такимъ образомъ, одно изъ главныхъ затрудненій къ открытію собора, благодаря усиліямъ Гозія, было устранено и въ консисторіи 15 ноября 1560 г. Пій IV объявилъ уже Тріентъ мѣстомъ созванія собора. Особенно большихъ усилій стоило представителямъ римской куріи получить согласіе императора на продолженіе прежняго тридентскаго собора, а не на созваніе новаго: этого они достигли только тѣмъ, что конвокаціонная булла составлена была въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что изъ нея не было видно, собирается-ли новый соборъ, или возобновляется прежній [2]).—Одновременно съ этимъ Гозій много трудился надъ выполненіемъ втораго пункта своей инструкціи, надъ утвержденіемъ въ католической вѣрѣ богемскаго короля Максимиліана, и въ этомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ [3]). При всемъ обиліи занятій, Гозій во время своего пребыванія въ Вѣнѣ не оставлялъ безъ вниманія и другихъ средствъ, которыми надѣялся такъ или иначе принести пользу католичеству въ нѣмецкой столицѣ: онъ составлялъ направленныя противъ реформаціонныхъ идей проповѣди и поручалъ произносить ихъ разнымъ вѣнскимъ проповѣдникамъ; велъ собесѣдованія о спорныхъ предметахъ съ отпавшими отъ католической вѣры или колеблющимися въ ней; велъ обширную корреспонденцію съ

[1]) Eichhorn, I, 310—329.
[2]) Ibid., 330—352.
[3]) Ibid., 352—382.

нѣмецкими епископами, которыхъ побуждалъ къ защитѣ католической церкви, къ борьбѣ съ ея врагами и т. д. Дѣло о барскомъ наслѣдствѣ также стоило Гозію не мало труда, хотя успѣха въ немъ онъ не имѣлъ. Относительно того, что дѣлалъ Гозій для выполненія остальныхъ пунктовъ данной ему инструкціи, свѣдѣній не имѣется [1]).

Пребываніе Гозія въ Вѣнѣ, сопряженное для него съ массою труда, съ постоянными занятіями и хлопотами, стало для него еще болѣе тяжелымъ отъ одного обстоятельства, которое всякому другому на мѣстѣ Гозія доставило бы большую радость, а Гозію причинило не мало огорченій. Пій IV возвелъ Гозія (26 февр. 1561 г.) въ санъ кардинала, съ одной стороны чтобы этимъ знакомъ своего благоволенія наградить его за подъятые имъ на благо католичества труды, съ другой—чтобъ назначить его впослѣдствіи своимъ легатомъ на предстоявшемъ вселенскомъ соборѣ. Возведеніе въ кардинальскій санъ потому обезпокоило и опечалило вармійскаго епископа, что въ Польшѣ вообще враждебно относились къ возведенію епископовъ въ санъ „князей церкви“, и польское законодательство старалось отбить у польскихъ епископовъ охоту къ этому сану: хотя оно и не запрещало совершенно возведеніе польскихъ епископовъ въ кардинальскій санъ, но ставило его въ зависимость отъ согласія короля и сената [2]). Поэтому Гозій отнесся къ извѣстію о возведеніи ево въ санъ кардинала довольно сдержанно. Не имѣя уже возможности отказаться отъ кардинальства, такъ какъ уже возведеніе его было утверждено папою, онъ написалъ письмо къ Сигизмунду Августу, въ которомъ, указывая на совершившійся уже фактъ своего возведенія въ кардинальскій санъ, спрашивалъ мнѣнія короля объ этомъ дѣлѣ, а самъ обѣщалъ не принимать его до тѣхъ поръ пока не получитъ отвѣтъ короля. Долго ждалъ Гозій этого отвѣта. Между тѣмъ въ Вѣну прибылъ папскій камерарій и привезъ Гозію красный биретъ вмѣстѣ съ буллою о возведеніи его въ санъ кардинала. Гозій, не смотря на убѣжденія камерарія долго не соглашался принять знаки кардинальскаго достоинства. Наконецъ уступая настойчивымъ просьбамъ своихъ римскихъ и вѣнскихъ друзей,

---

[1]) Ibid., 382—392.

[2]) Vol. leg. I, 78, статутъ Казимира Ягеллона 1451 г.

даже самого императора, онъ, не дождавшись согласія Сигизмунда Августа, принялъ (25 марта 1561 г.) изъ рукъ папскаго камерарія красный баретъ, а 6 апр. 1561 г. возложена была на голову Гозія въ вѣнскомъ каѳедральномъ соборѣ красная шляпа [6]).

Опасенія Гозія не были напрасными. Враждебная ему партія въ Польшѣ съ радостью ухватилась за представившійся ей благопріятный случай избавиться отъ опаснаго противника. Она объявила Гозія нарушителемъ государственныхъ законовъ и требовала, чтобы ему предложено было выбрать одно изъ двухъ: или санъ кардинала, или вармійскую каѳедру. У противниковъ Гозія составился даже планъ—объявить его на ближайшемъ же сеймѣ лишеннымъ всѣхъ доходовъ и владѣній въ Пруссіи въ наказаніе за долговременное отсутствіе изъ епархіи. Въ виду этихъ замысловъ многочисленной партіи, положеніе Гозія не могло не внушать серьезныхъ опасеній какъ ему самому, такъ и римской куріи, которая болѣе всего боялась скандала, неизбѣжнаго въ случаѣ осуществленія плана противниковъ Гозія. Ни Гозій, ни римская курія по этому не щадили усилій, чтобы парализовать ихъ дѣйствія. Гозій отправилъ въ Польшу письма къ своимъ друзьямъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые пользовались вліяніемъ при дворѣ, прося у нихъ помощи въ такихъ затруднительныхъ для него обстоятельствахъ. Написаны были (20 мая 1561 г.) отъ имени папы бреве къ Сигизмунду Августу, къ гнѣзненскому архіепископу Пржерембскому и къ весьма вліятельному тогда въ Польшѣ графу Тарновскому, въ которыхъ говорилось, что Гозій вовсе не хлопоталъ о полученіи кардинальскаго сана, что онъ принялъ его лишь по приказанію папы, вопреки собственному желанію, что поэтому было-бы большою несправедливостью изъ-за кардинальства, принятаго противъ воли, лишать его вармійской каѳедры. Папа просилъ даже германскаго императора оказать въ пользу Гозія давленіе на своего зятя, польскаго короля. Кардиналы Путеусъ и Карлъ Барромео также обратились къ Сигизмунду Августу съ особыми письмами по дѣлу Гозія. Но положеніе Гозія долго еще оставалось нерѣшительнымъ. Враждебная ему партія не оставляла своего плана, и тѣмъ болѣе опасеній вну-

---

6) Eichhorn, I, 392—402.

шала ему, что во главѣ ея стали извѣстные уже намъ маріенбургскій воевода Ахацій фонъ-Цеменъ и виленскій воевода Николай Радзивиллъ, пользовавшіеся большимъ вліяніемъ при дворѣ. У нихъ созрѣлъ въ головѣ планъ—лишить Гозія вармійской каѳедры и передать ее рижскому архіепископу Вильгельму, бранденбургскому маркграфу, съ тѣмъ чтобы рижское архіепископство перешло къ фамиліи Радзивилловъ, именно, Николаю Радзивиллу, на правахъ вассала польскаго короля. Осуществленіе этого плана было почти равносильно совершенному уничтоженію католичества въ вармійской епархіи. Но планъ этотъ не осуществился, хотя фонъ-Цеменъ на маріенбургскомъ сеймикѣ (25 іюля 1561 г.) успѣлъ добиться того, что къ королю послана была депутація съ просьбою или приказать Гозію возвратиться въ свою епархію, или отдать ее другому лицу. Сигиз мундъ Августъ не согласился лишить Гозія каѳедры изъ-за того одного, что онъ принялъ санъ кардинала, тѣмъ болѣе что это ухудшило-бы и безъ того не особенно хорошія отношенія его къ Риму [1]).

Возводя Гозія въ санъ кардинала, папа имѣлъ намѣреніе послать его въ качествѣ своего легата на вселенскій соборъ, который предположено было открыть въ Тріентѣ 6 апр. 1561 г. Папа исполнилъ свое намѣреніе. 20 февр. 1561 г. кардиналъ Гозій назначенъ былъ однимъ изъ пяти папскихъ легатовъ на тридентскомъ соборѣ, и получилъ отъ римской куріи предписаніе немедленно отправиться въ Тріентъ, лишь только германскій императоръ назначитъ своихъ пословъ на соборъ. Но возникшія въ Испаніи относительно собора затрудненія задержали Гозія въ Вѣнѣ дольше, чѣмъ онъ предполагалъ сначала. Лишь въ концѣ лѣта (20 авг.) 1561 г. онъ прибылъ въ Тріентъ. Здѣсь онъ засталъ уже многихъ епископовъ, прибывшихъ на соборъ изъ разныхъ странъ, особенно изъ Италіи. До открытія собора онъ неутомимо писалъ письма къ разнымъ владѣтельнымъ государямъ, епископамъ, ученымъ, приглашая ихъ прибыть въ Тріентъ на соборъ, или прислать своихъ уполномоченныхъ. По устраненіи нѣкоторыхъ затрудненій, возбужденныхъ испанскими епископами, соборъ торжественно открытъ былъ 18 янв. 1562 г. Такъ какъ на соборъ не явилось еще мно-

[1]) Eichhorn, II, 1--14.

гихъ епископовъ, особенно германскихъ и французскихъ, то Гозій и по открытіи собора продолжалъ разсылать одно за другимъ письма къ государямъ и епископамъ съ приглашеніемъ на соборъ. Мы не будемъ останавливаться на изображеніи дѣятельности Гозія на тридентскомъ соборѣ, потому что это завело-бы насъ слишкомъ далеко: намъ пришлось-бы повторить почти всю исторію этого собора. Замѣтимъ только, что Гозій вполнѣ оправдалъ надежды, которыя возлагала на него римская курія, что онъ во всѣхъ вопросахъ, которые возбуждались и рѣшались на соборѣ, явился проводникомъ идей и плановъ апостольскаго престола. Во время самыхъ соборныхъ совѣщаній папа счелъ нужнымъ выразить кардиналу Гозію вмѣстѣ съ кардиналомъ Симонеттой свое благоволеніе за похвальный образъ дѣйствій ихъ на соборѣ, между тѣмъ какъ другимъ двумъ легатамъ, Гонзагѣ и Серипандо дано было понять, что ихъ образъ дѣйствій не нравится въ Римѣ [2]). Вокругъ Гозія сосредоточивалось все, что только было въ Тріентѣ строгокатолическаго, беззавѣтно преданнаго папству, не допускавшаго никакихъ компромиссовъ съ его противниками. Недаромъ протестанты называли его „богомъ папистовъ“ (Papisten Gott), „легатомъ антихриста,“ „учителемъ всѣхъ папистовъ“ и т. п. Недаромъ они острили надъ нимъ, говоря что гейльсбергскій, или вармійскій епископъ, если не обратится на путь истины wird in der Hölle in Ewigkeit warm bleiben [2]).

Кардиналъ Гозій, потратившій столько энергіи ума и воли, чтобы увѣнчать въ Тріентѣ зданіе всемірнаго владычества римскаго повелителя, такъ сильно желавшій видѣть всѣ народы міра поверженными у ногъ главы католической церкви, съ такою настойчивостью звавшій всѣхъ на вселенскій соборъ, имѣлъ несчастіе видѣть, что его родина не только не хочетъ помогать ему вѣнчать зданіе, не только не хочетъ повергнуться къ ногамъ папы, но не имѣетъ даже на соборѣ такихъ своихъ представителей, которые были-бы уполномочены польскою церковью принять ея именемъ опредѣленія тридентскаго собора. Римская курія употребляла всѣ усилія, чтобы польское правительство,

---

1) Дѣятельность кардинала Гозія на тридентскомъ соборѣ подробно описана Эйхорномъ (Eichhorn, II, 14—146).

2) Rescius, lib. II, c. XIV, p. 174—175.

польское духовенство и польское общество прислали въ Тріентъ своихъ уполномоченныхъ и этимъ признали обязательность для себя тридентскихъ опредѣленій: она знала, что Польша желаетъ церковной реформы, готова совершить ее даже на своемъ національномъ соборѣ, послѣ того какъ разочаровалась въ своихъ надеждахъ на вселенскій соборъ. „На сеймѣ, писалъ нунцій въ Римъ, я объявлю публично то, что теперь частнымъ образомъ говорю важнѣйшимъ иновѣрцамъ, чтобы кромѣ епископовъ и королевскихъ пословъ они сами прибыли, или послали кого-либо отъ себя на вселенскій соборъ, что они будутъ выслушаны и увидятъ, съ какою готовностью епископы и всѣ почти самые ученые люди христіанскаго міра соглашаются не только въ догматахъ, но и на всякое наименьшее слово nemine discrepante, что поэтому только высокомѣрный и негодный не покорится такимъ постановленіямъ“. Нунцій поторопился даже порадовать римскую курію явившеюся у него надеждою на успѣхъ своей миссіи: „вообще я замѣчаю, писалъ онъ, что такіе доводы дѣйствуютъ на ихъ (польскихъ иновѣрцевъ) убѣжденіе“ [1]). Нунцій мечталъ привлечь на тридентскій соборъ польскихъ иновѣрцевъ, а между тѣмъ ему много еще предстояло труда и усилій, чтобы расположить въ его пользу польскаго короля и польскихъ епископовъ. На помощь нунцію въ этомъ дѣлѣ пришелъ вармійскій епископъ, хотя они и не симпатизировали другъ другу. Гозій написалъ Сигизмунду Августу письмо, въ которомъ просилъ его поскорѣе прислать своихъ уполномоченныхъ на соборъ и опередить въ этомъ дѣлѣ другихъ государей, что послужитъ ему къ большой чести [2]). Нунцій въ тоже время дѣйствовалъ на польскихъ епископовъ. На варшавскомъ провинціальномъ синодѣ 1561 г. польское духовенство назначило своими уполномоченными на соборъ Уханскаго, куявскаго епископа (хотя еще и не утвержденнаго папою) и Валента Гербурта, перемышльскаго епископа. Но такъ какъ король назначилъ своимъ посломъ на соборъ того же Уханскаго, вмѣстѣ съ однимъ изъ свѣтскихъ сенаторовъ, то рѣшено было отправить вмѣстѣ съ Гербуртомъ дво-

---

[1]) Relacye, I, 88—89, List biskupa Kamerińskiego do kardynała Moroni, Kraków, 29 sierpnia 1560.

[2]) Rescius, lib. II, c. III, p. 126—127.

ихъ аббатовъ. Но и эта комбинація не осуществилась. Въ концѣ концовъ отъ лица польскаго духовенства отправился въ Тріентъ одинъ только сумовскій аббатъ Станиславъ Фаленцкій, который и прибылъ туда еще до открытія собора (11 ноября 1561 г.). Кардиналъ Гозій съ радостью привѣтствовалъ прибытіе въ Тріентъ этого, хотя единственнаго и далеко не полномочнаго, представителя польской церкви [1]). Почти годъ спустя (14 окт. 1562 г.), когда соборныя засѣданія близились уже къ концу, прибылъ въ Тріентъ перемышльскій епископъ Гербуртъ, но онъ не имѣлъ полномочій отъ польскихъ епископовъ, а явился лишь въ качествѣ королевскаго делегата. Мало того: по данной ему инструкціи, онъ не имѣлъ даже полномочія обѣщать собору принятіе его опредѣленій польскимъ правительствомъ [2]). Такимъ образомъ, ни польское правительство, ни польское духовенство не имѣли на тридентскомъ соборѣ представителей, снабженныхъ надлежащими полномочіями на принятіе его опредѣленій, и римской куріи предстояла еще нелегкая задача добиться принятія тридентскихъ опредѣленій польскимъ правительствомъ и польскимъ духовенствомъ. Что же касается польскаго общества, которое представлялось папскому нунцію такимъ податливымъ по отношенію къ вселенскому собору, то оно жестоко обмануло его ожиданія. Никто изъ польскихъ иновѣрцевъ не спѣшилъ въ Тріентъ. Никто не обратился къ собору за разрѣшеніемъ своихъ религіозныхъ сомнѣній и недоумѣній. Никто не искалъ у него умиротворенія своей совѣсти. Одинъ Оржеховскій (29 мая 1563 г.) обратился къ кардиналу Гозію съ письмомъ, въ которомъ выразилъ свое сомнѣніе во вселенскости тридентскаго собора, на томъ основаніи, что на немъ нѣтъ патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго и константинопольскаго. Гозій, конечно, постарался объяснить ему, что тридентскій соборъ — вселенскій, такъ какъ онъ созванъ папою, какъ главою церкви, такъ какъ на немъ предсѣдательствуютъ его легаты, такъ какъ наконецъ папа приглашалъ на него всѣхъ имѣющихъ право участвовать въ немъ и, если нѣкоторые изъ нихъ не явились, то это не вина папы; что же касается александрійскаго, антіохійскаго и константинополь-

[1]) Eichhorn, II, 43—44; Zakrzewski, 145, 153—154.
[2]) Eichhorn, II, 104—107.

скаго патріарховъ, то они отчасти еретики, отчасти схизматики, слѣд. не имѣютъ болѣе мѣста въ церковной іерархіи [1]). Польское общество, желавшее церковной реформы, давно уже знало этотъ духъ Гозія и не ждало отъ тридентскаго собора никакихъ существенныхъ реформъ въ католической церкви. Въ то время, какъ Гозій въ Тріентѣ вѣнчалъ зданіе папства, въ Польшѣ многіе его соотечественники по прежнему мечтали о реформѣ польской церкви на началахъ противоположныхъ Гозіевымъ. Весной 1562 г. въ Краковѣ между краковскимъ епископомъ и короннымъ подканцлеромъ Падневскимъ и представителями протестантской партіи происходили совѣщанія относительно улаженія возникшихъ между духовенствомъ и шляхтою споровъ и раздоровъ. Епископъ совѣтовалъ имъ, если они хотятъ войти съ нимъ въ соглашеніе относительно политической стороны религіознаго дѣла, устроить предварительно соединеніе всѣхъ протестантскихъ партій, такъ чтобы они могли выступить какъ одна сторона противъ другой стороны, которую составятъ всѣ епископы; при этомъ король съ сенатомъ имѣлъ утвердить то, что будетъ обѣими сторонами постановлено. Протестанты соглашались на это и просили только епископа указать имъ пропозиціи католиковъ, обѣщая представить ему свои желанія. Когда Падневскій сообщилъ о своихъ совѣщаніяхъ съ протестантами нунцію, послѣдній сильно возсталъ противъ нихъ. Онъ говорилъ, что ни съ чемъ несообразно въ то время, какъ идутъ засѣданія вселенскаго собора, устроивать частный національный соборъ, а что же иное, какъ не національный соборъ, будетъ этотъ съѣздъ представителей двухъ религіозныхъ партій для улаженія взаимныхъ разногласій, причемъ рѣшающій голосъ признается за королемъ [2]). Хотя эта попытка не имѣла успѣха, но идея созванія національнаго собора для реформы польской церкви далеко не исчезла въ польскомъ обществѣ и послѣ тридентскаго собора. Гозію предстояла съ нею еще долгая, трудная борьба, такъ какъ идея эта стояла въ совершенной противоположности съ идеями, легшими въ основу тридентскихъ опредѣленій, а эти идеи были самыми дорогими убѣжденіями Гозія, были его святыней. Эти-то идеи

[1]) Ibid., 139.

[2]) Zakrzewski, 149—150, Theiner, II, 680—681, письмо Боннiованни, 18 апр. 1562 г.

предстояло Гозію по возвращенію въ Польшу проводить въ жизнь польскаго общества, которое имѣло свой идеалъ вселенскаго собора, которому не легко было поступиться этимъ идеаломъ, не легко было въ тридентскихъ опредѣленіяхъ услышать голосъ вселенской истины. Тутъ Гозію предстояла великая работа. Не даромъ такъ спѣшилъ онъ въ Польшу по окончаніи тридентскаго собора. Лишь только папа далъ ему разрѣшеніе возвратиться въ свою епархію, онъ, не посѣтивъ даже Рима, чтобы поблагодарить святѣйшаго отца за оказанные ему знаки благоволенія, пустился въ дорогу и 5 февр. 1564 г. былъ уже въ своемъ каѳедральномъ городѣ Фрауенбургѣ, а 7 февр. въ своей обычной резиденціи Гейльсбергѣ [1]).

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Пріѣздъ Гозія въ Польшу предупредилъ папскій нунцій Іоаннъ Франциск Коммендони, епископъ Занта. Назначеніе Коммендони нунціемъ въ Польшу состоялось по рекомендаціи Гозія, который во время своего пребыванія за границей не разъ сталкивался съ этимъ человѣкомъ, беззавѣтно преданнымъ интересамъ католичества, съ неутомимою энергіею исполнявшимъ всюду самыя трудныя порученія апостольскаго престола [2]). Гозій далъ даже въ спутники Коммендони одного изъ находившихся при немъ польскихъ шляхтичей [3]). Въ началѣ ноября 1563 г. Коммендони оставилъ Падую и съ такою поспѣшностью совершилъ путешествіе, что 21 ноября былъ уже въ Краковѣ. Здѣсь его привѣтствовали краковскій капитулъ, сообщившій ему первыя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, и краковскій университетъ, ректоръ котораго въ привѣтственной рѣчи къ нунцію позволилъ себѣ порицать дѣйствія предшественниковъ его по нунціатурѣ. „Хотя ректоръ сдѣлалъ это довольно умѣренно, однако нунцій счелъ своею обязанностью „скромно, потихоньку предостеречь его“,—послѣ чего ректоръ

---

[1]) Eichhorn, II, 155—157.

[2]) Cyprianus, 322, Borromeus Hosio, Romae, 22 augusti 1563.

[3]) Albertrandi, Pamiętniki o dawnéj Polsce z czasów Zygmunta Augusta, obejmujące listy Iana Franciszka Commendoni do Karola Borromeusza. Wilno, 1847, t. I, str. 7, Commendoni do Borromeusza, s. Veit, 30 października 1563.

извинился предъ Коммендони, и послѣдній, чтобъ его утѣшить, посѣтилъ университетъ и присутствовалъ на лекціи профессора богословія [1]).

Въ первые же дни по пріѣздѣ въ Краковъ, Коммендони узналъ, что между столичнымъ епископомъ Падневскимъ и примасомъ Уханскимъ существуетъ ожесточенная вражда, что нѣтъ почти никакой возможности помирить этихъ главныхъ двухъ польскихъ прелатовъ; а краковскіе каноники сообщили нунцію, что „всѣ польскіе епископы явные или тайные враги другъ другу“ [2]). Чѣмъ ближе знакомился нунцій съ епископами, тѣмъ болѣе убѣждался въ существованіи гибельной для католичества вражды между ними: „это признаютъ они сами: (пишетъ онъ объ епископахъ), но каждый сваливаетъ вину на другаго“ [3]). „Польскіе епископы, говоритъ онъ, не желали-бы отъ святаго отца иной помощи, кромѣ сохраненія доходовъ. Обо всемъ прочемъ они мало заботятся, или совсѣмъ не заботятся... Вообще нѣтъ ни любви, ни довѣрія между этими прелатами“ [4]). „Вражда епископовъ въ этой странѣ, писалъ нунцій на четвертомъ мѣсяцѣ своего пребыванія въ Польшѣ, переходитъ всякія границы. Каждый въ отдѣльности обвиняетъ всѣхъ остальныхъ, и не хотятъ, или не могутъ видѣть, что, хотя бы который-либо изъ нихъ дѣйствительно былъ виновнымъ, кара постигнетъ всѣхъ вмѣстѣ. Отсюда происходитъ, что король мало на нихъ вниманія обращаетъ, видя, что отъ нихъ нельзя ни ожидать дѣйствительной помощи, ни бояться сильнаго отпора въ дѣлахъ, которыя онъ хотѣлъ-бы провести въ сенатѣ. Изъ упомянутой вражды епископовъ и то еще происходитъ, что они стали уже предметомъ презрѣнія, и что еретики открыто называютъ ихъ нѣмыми псами, не умѣющими даже лаять, упрекая ихъ въ томъ, что, если теперь они и выступаютъ въ защиту духовенства, то только изъ за доходовъ, и что теперь они больше надѣлали шуму изъ-за горсти хлѣба, чѣмъ въ прежніе годы изъ-за евангелія... О если бы всѣ эти упреки не были такъ справедливы, какъ они въ дѣйствитель-

---

[1]) Albertrandi, I, 14, Kommendoni do Borromeusza, Kraków, 24 listo pada 1563.

[2]) Ibid., 15—16, tenże do tegoż, Ilza, 5 grudnia 1563.

[3]) Ibid., 23, Warszawa, 3 stycznia 1564.

[4]) Ibid., 44, Warszawa, 24 stycznia 1564.

ности справедливы“,—съ сожалѣніемъ прибавляетъ нунцій [1]).— Не одни польскіе епископы произвели дурное впечатлѣніе на папскаго нунція. Онъ скоро убѣдился, что ему слѣдуетъ ожидать противодѣйствія въ своей миссіи и отъ остальнаго польскаго духовенства, по крайней мѣрѣ высшаго, капитульнаго, страдавшаго, хотя не въ такой сильной степени и не во всей своей массѣ, тѣми же недугами, что и епископы. Противодѣйствіе это было тѣмъ болѣе непріятнымъ для Коммендони, что направлялось противъ одного изъ главныхъ предметовъ его нунціатуры. По мѣрѣ того какъ приходили въ Польшу извѣстія о постановленіяхъ тридентскаго собора, до нунція со всѣхъ концовъ Польши доносились голоса, недовольные этими постановленіями. Нунцію даже прямо говорили, что ихъ „въ этомъ королевствѣ нельзя будетъ привести въ исполненіе“. Особенно много шуму подняли постановленія о томъ, чтобы „каноники и пробощи жили при своихъ костелахъ и не владѣли нѣсколькими бенефиціями“. Если эти постановленія будутъ приведены въ исполненіе, говорило польское духовенство нунцію, шляхта совершенно откажется отъ поступленія въ духовное званіе. Духовенство грозило нунцію даже тѣмъ, что многіе изъ шляхты откажутъ папѣ въ повиновеніи и насильно удержатъ за собою бенефиціи, или, отказавшись отъ нихъ, откажутся и отъ защиты католической вѣры. Протесты были такъ сильны и всеобщи, что „самъ нунцій, хотя не переставалъ говорить того, что подобало ему, какъ министру его святѣйшества и епископу“, считалъ однако нужнымъ „поступать въ этомъ дѣлѣ очень осторожно, чтобы не раздражать умовъ“. Правда, примасъ обнаруживалъ склонность привести эти опредѣленія въ исполненіе, но краковскій епископъ сильно противъ нихъ вооружался, считалъ ихъ просто вредными, въ чемъ, прибавляетъ нунцій, съ нимъ согласны почти всѣ духовные. Польское духовенство смотрѣло на исполненіе этихъ постановленій, какъ на своего рода экзекуцію, подобную той, какую король старался на сеймѣ примѣнить къ владѣльцамъ казенныхъ имѣній [2]).

Рядомъ съ упадкомъ старой вѣры, рядомъ съ деморализаціею и безсиліемъ оффиціальныхъ представителей католичества, съ

---

[1]) Ibid., 79—80, Warszawa, 7 marca 1564.

[2]) Ibid., 24, Warszawa, 3 stycznia 1564.

непростительнымъ непониманіемъ ими его интересовъ, нунцій видѣлъ силу и могущество польскаго нововѣрія, достигшаго тогда своего кульминаціоннаго пункта. Во время пребыванія его въ Краковѣ, разные еретическіе проповѣдники произносили тамъ публично свои проповѣди. Нунцій узналъ, что въ столицѣ существуютъ „разнообразныя секты“ [1]). Въ Тарчинѣ до нунція дошли слухи, что на будущемъ сеймѣ Николай Радзивиллъ, виленскій воевода, внесетъ предложеніе о свободѣ совѣсти [2]). Польскіе антитринитаріи какъ бы въ привѣтъ нунцію напечатали и пустили въ свѣтъ четыре листа своихъ мнѣній. Нунцій при письмѣ своемъ послалъ ихъ въ Римъ, чтобъ тамъ „хотя отчасти, увидѣли изъ нихъ печальное положеніе этого королевства, гдѣ нѣтъ нечестія столь отвратительнаго, чтобъ оно не имѣло мѣста и успѣха“. „Эта секта (антитринитарская), продолжаетъ онъ, постоянно распространяется и усиливается, и это еще въ Варшавѣ, гдѣ вмѣстѣ съ королемъ находится весь сенатъ этого королевства. Безбожная эта ересь, вмѣстѣ съ кальвинизмомъ, проповѣдуется по домамъ пановъ, и нѣтъ никого, кто бы захотѣлъ этому воспрепятствовать, хотя ее равно ненавидятъ и католики, и кальвинисты, какъ и иные еретики“. Въ Варшавѣ Коммендони узналъ, что въ Литвѣ положеніе католичества еще хуже, чѣмъ въ Польшѣ [3]). Въ Краковѣ, два мѣсяца спустя по прибытіи Коммендони въ Польшу, протестанты изъ-за какой-то пустой ссоры напали съ оружіемъ въ рукахъ на францискансκій монастырь; при помощи прибѣжавшихъ на помощь католиковъ братья отбили аттаку; тогда протестанты напали на іерусалимскую коллегію, но и тутъ были отбиты [4]). Но этотъ внѣшній блескъ польскаго нововѣрія не ослѣпилъ нунція настолько, чтобъ онъ не замѣтилъ и темныхъ его сторонъ. Не укрылись отъ нунція внутренніе раздоры въ непріятельскомъ лагерѣ. Изъ Варшавы въ январѣ 1564 г. онъ доносилъ въ Римъ, что въ самой Варшавѣ во время сейма „предводители кальвинистовъ и антитринитаріевъ собирались въ домѣ сандомірскаго каштеляна для изысканія средствъ соединенія между собою, но

---

[1]) Ibid., 14—15, Kraków, 24 listopada 1563.
[2]) Ibid., 17, Tarczyn, 12 grudnia 1563.
[3]) Ibid., 30—31, Warszawa, 16 stycznia 1564.
[4]) Ibid., 35, Warszawa, 20 stzcznia 1564.

разошлись еще болѣе несогласными, чѣмъ были прежде“ [1]). Когда нунцій ближе проникъ своимъ взоромъ внутрь непріятельскаго лагеря, его почти поразилъ тотъ страшный разладъ, который царилъ въ этомъ лагерѣ, та сатурналія мысли, которой съ такимъ самозабвеніемъ отдалось польское общество. „Нѣтъ, писалъ онъ, ни дома, ни пиршества, ни сходки, ни мѣста, ни времени, когда бы не говорили и не спорили о вѣрѣ, вызывая безпрестанно новыя ученія и новые споры. Нѣтъ химеры, столь чудовищной, чтобы она не нашла въ этомъ королевствѣ и создателя, и послѣдователя, и число еретиковъ страшно возрастаетъ. Я узналъ, что во всемъ войскѣ польскомъ въ Литвѣ одинъ только и есть ксендзъ при гетманѣ. Почти ежегодно какой-либо новый костелъ то въ той, то въ другой сторонѣ королевства подвергается профанаціи, и однако молчатъ, и однако медлятъ и не противодѣйствуютъ“ [2]).

Присматриваясь ближе къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, на которыя раздѣлилось польское общество, нунцій подмѣтилъ вскорѣ еще одну особенность польской жизни. Онъ подмѣтилъ, что между воюющими сторонами, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми группами ихъ, ведутся, или—точнѣе—затѣваются какіе-то мирные переговоры на условіяхъ взаимныхъ уступокъ. Онъ подмѣтилъ, что не только въ протестантской, но и въ нѣкоторой части католической партіи весьма популярна идея національнаго собора, идея реформы польской церкви въ духѣ новыхъ вѣяній времени, или—по крайней мѣрѣ—съ нѣкоторыми уступками этимъ вѣяніямъ. Уже въ первые дни пребыванія своего въ Польшѣ, Коммендони писалъ въ Римъ, что „и въ Польшѣ еретики просили короля о народномъ соборѣ“ [3]). Въ Варшавѣ на сеймѣ онъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ положеніемъ этого вопроса въ Польшѣ и доставить о немъ въ Римъ болѣе точныя свѣдѣнія. По этимъ свѣдѣніямъ, въ самой Варшавѣ, гдѣ тогда по случаю сейма собрались главнѣйшіе представители разныхъ партій польскаго общества, происходили постоянныя совѣщанія о національномъ соборѣ. Совѣщанія эти происходили между „еретиками“ и извѣстною частью

---

[1]) Ibid., 39, Warszawa, 24 stycznia 1564.
[2]) Ibid., 38.
[3]) Ibid., 17, Tarczyn, 12 grudnia 1563.

католической партіи, или—какъ характерно выразился нунцій—„нѣкоторыми обезразличившимися“. Для того, чтобы перетянуть на свою сторону Сигизмунда Августа, представители этого примирительнаго направленія старались эксплоатировать въ свою пользу семейное его несчастіе, сильно встревожившее и римскую курію, которая дала Коммендони порученіе воспрепятствовать во чтобы-то ни стало задуманному королемъ разводу съ своею третьею супругою Екатериною (изъ австрійскаго дома): папа боялся дать свое согласіе на разводъ, чтобъ не оскорбить и не нажить себѣ врага въ германскомъ императорѣ, на сестрѣ котораго былъ женатъ польскій король. Представители этого примирительнаго направленія подавали королю надежду, что на проэктируемомъ ими національномъ соборѣ бракъ его можетъ быть объявленъ незаконнымъ, а этого „король такъ сильно желаетъ (прибавляетъ нунцій), что на прошломъ сеймѣ сказалъ, что лучше поступилъ бы въ монахи, только бы развязаться съ этой женой“. Коммендони постарался получше узнать взгляды короля на національный соборъ, и то, что онъ узналъ, едвали могло его порадовать. Правда, Сигизмундъ Августъ, по видимому, соглашался съ доводами Коммендони противъ созванія національнаго собора, но отъ проницательнаго нунція не укрылось, что слова короля были пустыми фразами, сказанными по требованію обстоятельствъ: „если сравнить разные его разговоры (заключаетъ нунцій), то кажется, что онъ не вполнѣ чуждъ всему этому“. „Безъ сомнѣнія (продолжаетъ нунцій), онъ имѣетъ большую склонность дозволить свѣтскимъ принимать тѣло и кровь подъ обоими видами и произвести другія подобнаго рода перемѣны, и охотно объ этомъ разсуждаетъ“. Отъ самаго архіепископа Уханскаго Коммендони узналъ, что „король не считаетъ протестантовъ еретиками“. „Заслуживаетъ большаго вниманія, говоритъ по этому поводу Коммендони, что ихъ (т. е. эти слова короля) повторяетъ примасъ этого королевства, что онъ повторяетъ ихъ передо мной и особенно въ такую пору“. Относительно національнаго собора тотъ же архіепископъ сказалъ нунцію, что „король желаетъ найти путь и способъ соглашенія въ дѣлахъ вѣры“, что онъ не соглашается возвратить епископамъ юрисдикцію, пока „не будетъ постановлено что-либо относительно религіи“, при чемъ указываетъ на національный соборъ. До нунція со всѣхъ сторонъ доходили слухи,

что „послы еретической шляхты открыто указываютъ на ясное обѣщаніе короля относительно этого, и что есть такіе, которые для облегченія (созванія) народнаго собора научаютъ воспользоваться сдѣланнымъ въ Тріентѣ опредѣленіемъ о созваніи въ теченіи года провинціальныхъ синодовъ“. „Для еретиковъ достаточно, поясняетъ онъ, чтобы соборъ начался подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; а лишь только онъ начнется, они очутятся на немъ и, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть въ немъ большое участіе [1]). Разсуждая съ нунціемъ о средствахъ умиротворенія религіозныхъ несогласій, король высказалъ нунцію, что „хорошо было бы, чтобы тѣ епископы, которые тутъ (въ Польшѣ) родились и знаютъ желанія поляковъ, поразмыслили надъ изысканіемъ пути къ улаженію дѣлъ, что показываетъ, замѣчаетъ нунцій, склонность Его королевскаго величества къ народному собору“ [2]). „Вообще, резюмируетъ самъ нунцій въ одномъ письмѣ свои наблюденія, еретики хотятъ добиться того, чтобы въ Польшѣ было такъ же, какъ въ Англіи, гдѣ король— верховный глава церкви, и чтобы не платить десятинъ. Объ этихъ двухъ предметахъ они стараются съ величайшимъ усердіемъ. Видя же, что духовные заботятся только о своихъ десятинахъ, они, чтобы усыпить епископовъ, совѣтуютъ въ вознагражденіе за десятины поотдавать епископамъ и капитуламъ опатства. Нѣтъ уже недостатка въ епископахъ, на это наставляющихъ ухо, такъ какъ они имѣютъ большую охоту къ этимъ опатствамъ“ [3]). Если польскіе епископы вообще возбуждали въ нунціѣ опасенія, что при извѣстной комбинаціи обстоятельствъ они могутъ пойти на нѣкоторыя уступки въ угоду протестантамъ, то еще болѣе подозрѣній будилъ въ нунціѣ самъ польскій примасъ. Говоря объ Уханскомъ, Граціани, секретарь Коммендони (составившій его біографію) называетъ его „любителемъ всяческихъ новшествъ“, прибавляя, что онъ нечуждъ „ложныхъ мнѣній отщепенцевъ“. У Уханскаго, если вѣрить Граціани, созрѣлъ въ головѣ такой планъ: „если новая секта возьметъ верхъ, такъ будто бы разсуждалъ примасъ, то высвобожденіе изъ-подъ апостольской власти поставитъ его (примаса) во главѣ польской

[1]) Ibid., 41—43, Warszawa, 24 stycznia 1564.
[2]) Ibid., 56, Warszawa, 7 lutego 1564.
[3]) Ibid., 76, Warszawa, 27 lutego 1564.

церкви, сдѣлаетъ его первымъ по значенію, первымъ по богатствамъ (do pierwszej powagi do pierwszych bogactw wyniosto): предводители еретиковъ, прибавляетъ Граціани, не переставали обольщать его этою надеждой". „Самымъ главнымъ предметомъ усилій еретиковъ было созвать, какъ они его называютъ, народный соборъ и на немъ безъ дозволенія св. отца, по своей волѣ, рѣшить религіозныя дѣла: разсчитывая на архіепископа Уханскаго, чрезъ него усиливались они осуществить свой замыселъ. Надежда достиженія въ королевствѣ верховной, независимой духовной власти сильно влекла къ этому примаса. Дни и ночи онъ объ этомъ только и думалъ, объ этомъ совѣщался онъ тайно со своимъ пріятелемъ какимъ-то Фригемъ" (Модржевскимъ) [1]). Замыслы Уханскаго, какъ ни старался онъ ихъ маскировать, не укрылись отъ Коммендони, тѣмъ болѣе, что у него въ это время явился новый союзникъ, не замедлившій, хотя и не непосредственно придти на помощь нунцію съ своимъ доскональнымъ знаніемъ польской жизни. Секретарь возвратившагося въ Вармію кардинала Гозія, присланный имъ для привѣтствованія короля, сообщилъ нунцію, что „гнѣзненскій архіепископъ намекалъ ему на національный соборъ въ этомъ королевствѣ" [2]).

Вотъ первыя впечатлѣнія, вынесенныя Коммендони отъ соприкосновенія съ польскою жизнію, впечатлѣнія, которыя мы старались передать его же собственными словами. Для полноты картины, представившейся глазамъ нунція въ Польшѣ, скажемъ еще о томъ впечатлѣніи, какое онъ вынесъ отъ соприкосновенія съ польскимъ дворомъ, хотя объ этомъ мы уже мимоходомъ упоминали. Первую аудіенцію у Сигизмунда Августа Коммендони имѣлъ въ Варшавѣ, гдѣ тогда собрался сеймъ. На этой аудіенціи нунцій, по обычаю, говорилъ королю о расположеніи къ нему и его королевству св. отца; говорилъ о томъ, что св. отецъ слышалъ о теперешнихъ затрудненіяхъ короля, но надѣется, что король всегда будетъ подражать своимъ благочестивымъ предкамъ, особенно Владиславу Ягелло, такъ ревностно

[1]) Niemcewicz, Zbiór pamiętników historycznych o dawney Polszcze. Wydanie Bobrowicza, Lipsk, 1838, t. I, str. 47—52; Pamiętnik. Kommendoniego Antoni Marya Gratiani. Krótkie z łacińskiego przełożenie.

[2]) Albertrandi, I, 81, Warszawa, 7 marca 1564.

дѣйствовавшему противъ гусситовъ; говорилъ о тѣхъ опасностяхъ, какими грозитъ государству распространеніе въ немъ новыхъ ученій; въ заключеніе просилъ его принять противъ еретиковъ такія мѣры, какія онъ, какъ отецъ находящагося въ тяжкой болѣзни отечества, признаетъ наилучшими. Сигизмундъ Августъ съ своей стороны благодарилъ св. отца за благорасположеніе къ нему, и, казалось (выражаетъ свое впечатлѣніе нунцій), соглашался, что волненія зашли уже слишкомъ далеко и могутъ привести къ упадку его королевство, равно какъ, что нужно предпринять что-либо рѣшительное. Кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній нунцій ничего не вынесъ изъ первой аудіенціи [1]). На второй аудіенціи, происходившей болѣе мѣсяца спустя послѣ первой (вслѣдствіе болѣзни короля), нунцій послѣ привѣтствій съ выздоровленіемъ завелъ рѣчь и о прошлогодней сеймовой конституціи относительно духовной юрисдикціи и просилъ короля объ отмѣнѣ, или, по крайней мѣрѣ, исправленіи ея. Онъ просилъ также короля о закрытіи еретическихъ школъ, о запрещеніи чтенія еретическихъ книгъ, о назначеніи на государственныя должности лишь лицъ, не зараженныхъ ересью и т. п. Король, поблагодаривъ за привѣтствіе, сталъ доказывать нунцію, что слова петроковской конституціи вовсе не заключаютъ въ себѣ такого дурнаго смысла, какой имъ придаютъ. Нунцій, конечно, не преминулъ попросить короля, чтобы онъ впредь не терпѣлъ такого превратнаго толкованія его распоряженія его же исполнительными органами. Сигизмундъ Августъ обѣщалъ исполнить просьбу нунція. Опять кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній ничего не получилъ нунцій. Мало того: изъ этой же аудіенціи онъ вынесъ то неутѣшительное убѣжденіе, о которомъ мы упомянули выше, т. е. что король не чуждъ мысли о созваніи національнаго собора [2]).

Могущество польскаго нововѣрія, почти на каждомъ шагу дававшаго нунцію чувствовать свою силу, апатичное отношеніе почти всѣхъ представителей польскаго католичества къ его защитѣ въ борьбѣ съ нововѣріемъ, постоянные раздоры епископовъ, лишавшіе католическую партію столь необходимаго для нея единства дѣйствій, популярность въ значительной части

[1]) Ibid., 19—22, Warszawa, 3 stycznia 1654.
[2]) Ibid., 52—56, Warszawa, 7 lutego 1564.

польскаго общества примирительнаго направленія, стремившагося къ преобразованію польской церкви на національномъ соборѣ и находившаго симпатіи къ себѣ въ польскомъ королѣ и въ польскомъ примасѣ, — все это дѣлало положеніе католичества въ Польшѣ до такой степени критическимъ, отчаяннымъ, что только Гозій и Коммендони, съ шедшими за ними іезуитами, могли не опустить рукъ при видѣ со всѣхъ сторонъ объятаго пламенемъ зданія, что только они одни могли броситься тушить пожаръ, не теряя надежды отстоять зданіе въ борьбѣ съ разрушительною стихіей.

Но въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Польшу, у Коммендони не было еще этихъ союзниковъ: іезуитская рать, хотя генералъ и обѣщалъ прислать ее въ Польшу, еще не прибыла на пожаръ, самъ кардиналъ Гозій, ведшій ее въ родную землю, еще доканчивалъ въ Тріентѣ вѣнчаніе зданія всемірнаго католичества. Но не даромъ Коммендони изъѣздилъ всю Европу, спасая католичество, гдѣ только было можно; не даромъ его, его одного, просилъ у папы кардиналъ Гозій въ нунціи и для Польши. Коммендони не растерялся, не смутился, хотя его и изумила грандіозность пожара. Онъ сразу принялся за дѣло и принялся съ большимъ тактомъ и умѣніемъ. Онъ сразу понялъ, что было бы безплодною тратою силъ одному безъ союзниковъ, безъ войска вступать въ бой. Онъ увидѣлъ, что по особенностямъ польской жизни онъ лично не можетъ даже находиться на томъ полѣ, гдѣ происходили въ Польшѣ битвы старой вѣры съ нововѣріемъ: польскій сеймъ и польскій сенатъ были для него закрыты, а между тѣмъ тутъ-то и кипѣлъ бой, тутъ-то и нужно было отстаивать католичество. Нунцій направилъ свои усилія къ тому, чтобы воедино собрать разъединенныя силы польскаго католичества, чтобы вдохнуть, въ кого только было еще можно, ревность по вѣрѣ, энергію для борьбы съ врагами, чтобы и всѣхъ остальныхъ такъ или иначе, но во что бы то ни стало заставить дѣйствовать дружно, согласно въ это критическое для католичества время. „Безъ единодушія епископовъ, писалъ онъ въ Римъ, невозможно ожидать хорошихъ послѣдствій въ этомъ государствѣ“. Свои усилія нунцій и обратилъ прежде всего на то, чтобы помирить польскихъ епископовъ. Онъ сначала „много имѣлъ работы съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности“, затѣмъ, собравъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, долго бесѣдовалъ съ

ними объ опасностяхъ, угрожающихъ католической церкви въ Польшѣ, поставлялъ имъ на видъ отеческую заботливость о нихъ св. отца, побуждалъ ихъ къ дружной борьбѣ съ еретиками, къ единодушной дѣятельности въ пользу церкви. Отъ лица епископовъ Уханскій предложилъ Коммендони желательную для польскаго духовенства программу дѣйствій нунція: польскіе епископы желали, чтобы нунцій ходатайствовалъ предъ королемъ о возвращеніи духовной юрисдикціи, отнятой у нихъ сеймовою конституціей 1562—3 гг., и о приведеніи въ исполненіе варшавскаго эдикта 1557 г. Нунцій обѣщалъ не щадить усилій для исполненія ихъ просьбы и, какъ мы видѣли выше, сдержалъ слово [1]). Но трудно было нунцію водворить миръ среди польскихъ епископовъ. Много труда положилъ онъ на то, напр., чтобы помирить, по крайней мѣрѣ съ виду, для постороннихъ глазъ, примаса съ куявскимъ епископомъ Вольскимъ и, по видимому, имѣлъ успѣхъ; но не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ они опять поссорились и въ сенатѣ, къ соблазну католиковъ, осыпали другъ друга бранью. Опять приходилось нунцію начинать дѣло съизнова: „избави Боже, писалъ онъ, чтобъ они потомъ опять пришли къ новымъ распрямъ“ [2]). Относительно польскихъ епископовъ Коммендони держался политики, хорошо соображенной съ мѣстными обстоятельствами. Въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ онъ тщательно избѣгалъ всего того, что могло отдавать строгостію, жосткостію и что только вооружило бы ихъ противъ него. Онъ не спѣшилъ дѣлать употребленія изъ присланнаго ему папою бреве на случай какихъ-либо недоразумѣній съ епископами, „чтобъ чрезъ это не сдѣлать болѣе вреда, чѣмъ пользы“ [3]). Въ особенности этой тактики онъ старался держаться въ своихъ отношеніяхъ къ примасу. Давая о немъ весьма нелестную аттестацію въ своихъ письмахъ въ Римъ, онъ однако въ одномъ изъ нихъ пишетъ: „что касается архіепископа, не дурно было бы, если-бы Ваше Преосвященство (писано къ кардиналу Борромео) гдѣ нибудь въ своемъ письмѣ упомянули, что я хорошо о немъ отзывался, и что Его Святѣйшество также хорошаго о немъ мнѣнія, потому что непремѣнно нужно заманивать его, и я дѣй-

[1]) Ibid., 28—30, Warszawa, 16 stycz. 1564; ibid., 36—37, 24 stycz. 1564.
[2]) Ibid., 35, Warszawa, 21 stycz. 1564.
[3]) Ibid., 23, Warszawa, 3 stycz. 1564.

ствительно достаточно его заманиваю“ [1]). Той же тактики, какъ мы видѣли выше, держался онъ и относительно остальнаго духовенства (напр. въ вопросѣ о принятіи въ Польшѣ извѣстныхъ тридентскихъ опредѣленій). Но попытки нунція собрать воедино разъединенныя католическія силы, далеко не приводили къ желательному результату. „Ежедневно, писалъ онъ въ Римъ, увеличиваются новые крики и раздраженія между епископами, что меня невыразимо мучаетъ... Они понимаютъ, какой вредъ проистекаетъ для нихъ отъ этихъ раздоровъ, и однако не хотятъ оставить ихъ, видя не видятъ и слыша не понимаютъ“. „Я не перестану, писалъ онъ позже, трудиться надъ примиреніемъ епископовъ; но мое предпріятіе примирить ихъ почти невозможно: съ такою легкостью изъ-за всякаго вздора ссорятся они другъ съ другомъ“ [2]).

Собирая воедино разрозненныя силы польскаго католичества, Коммендони трудился въ тоже время надъ пріобрѣтеніемъ себѣ еще другаго союзника въ этой борьбѣ. Онъ задался цѣлью сдѣлать своимъ союзникомъ самаго польскаго короля, этого далеко непослушнаго сына апостольскаго престола, который изъ-за брака одного готовъ былъ отказать ему въ сыновнемъ послушаніи, готовъ былъ броситься въ объятія людей, которые ласкали его надеждою, что стоитъ только созвать національный соборъ—и король получитъ отъ него расторженіе ненавистныхъ узъ. Задача была не малая; но нунцій не отступилъ предъ нею. Всю свою неистощимую энергію положилъ онъ на разрѣшеніе ея; всѣ средства, дозволенныя и недозволенныя, какія только могла придумать его изобрѣтательная голова, пустилъ онъ въ ходъ. Все у него было разсчитано, все было приноровлено къ условіямъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Не сильными, не острыми лекарствами принялся онъ лечить своего паціента: прежніе опыты достаточно доказали ихъ непригодность. Коммендони, по словамъ его секретаря, „съ обычною своею проницательностью сообразилъ, что было бы небезопаснымъ суровыми угрозами раздражать Августа, что, напротивъ, съ нимъ нужно поступать мягко и снисходительно, показывать ему самую внимательную заботливость объ авторитетѣ (powa-

[1]) Ibid., 45, Warszawa, 24 stycz. 1564.
[2]) Ibid., 67, Warszawa, 27 lut. 1564; ibid., 75, 6 marca 1564.

ga) его власти, о собственной его особѣ“ [1]). Сигизмундъ Августъ такъ любилъ спокойствіе, такъ сильно желалъ умиротворить свое разбушевавшееся государство, ему такъ претили, такъ надоѣли эти бурные польскіе сеймы съ неизбѣжными ссорами епископовъ и пословъ: нунцій на всякой почти аудіенціи пѣлъ одну неизмѣнную пѣсню, что виновники всѣхъ смутъ и волненій—протестанты, что во всѣхъ государствахъ, гдѣ они не являлись, вызывали они однѣ религіозныя войны, что таже участь ждетъ и Польшу, если король своевременно не дастъ имъ отпора, что презрѣвши всѣ божескіе и человѣческіе законы они потрясутъ наконецъ тронъ, погубятъ государство [2]). Сигизмундъ Августъ такъ сильно нуждался въ деньгахъ для войнъ съ Москвою, въ которыхъ ему такъ часто и такъ безцеремонно отказывали на сеймахъ представители польской шляхты, бывшіе вмѣстѣ и вождями польскаго нововѣрія: нунцій пускалъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить польскихъ епископовъ въ необходимости оказать королю добровольное денежное вспомоществованіе въ оборонѣ государства [3]). Сигизмундъ Августъ сильно былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы извѣстный барскій процессъ окончился въ его пользу: нунцій отъ имени папы обѣщалъ ему всевозможное содѣйствіе въ благополучномъ для него разрѣшеніи этого процесса, если только король дастъ доказательство своей преданности католичеству [4]). Въ критическомъ случаѣ Коммендони умѣлъ заставить дѣйствовать въ своихъ интересахъ подканцлера — епископа; когда нужно было, онъ не прочь былъ прибѣгнуть къ помощи даже королевскаго духовника. Вообще, не было, кажется, такой слабой струны въ характерѣ польскаго короля, на которой-бы не игралъ ловкій нунцій; не было такого средства, хоть-бы самаго низкопробнаго, которымъ-бы не воспользовался онъ для успѣха своего дѣла: это было что-то гриндіозное, какая-то необычайная по исполненію игра виртуоза.

Хотя эту игру нунцій началъ съ первыхъ же шаговъ своихъ на польской сценѣ, но это была еще игра предварительная, подготовительная. Лишь четыре мѣсяца спустя по пріѣздѣ

[1]) Niemcewicz, I, 48.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., 49.
[4]) Albertrandi, I. 19, Tarczyn, 12 grudnia 1563.

въ Польшу, онъ сталъ являть полякамъ свое искусство. Варшавскій сеймъ 1563—4 гг., занимавшійся по примѣру предшествовавшихъ экзекуціей и уніей, въ частности провѣркою разныхъ привилегій, въ концѣ марта 1564 г. дошелъ до привиллегій духовенства. Послы потребовали, чтобы епископы представили привиллегіи, освобождающія ихъ отъ общественныхъ повинностей. Епископы чрезъ своего примаса объявили, что будучи первою частію сената (prior pars senatus) и имѣя свое особое право, право духовнаго сословія, они не признаютъ надъ собой иной власти, кромѣ церковной, и не позволятъ никому судить о ихъ вольностяхъ, а тѣмъ болѣе нисшимъ сословіямъ. Въ сенатѣ одни были за епископовъ, другіе — противъ нихъ. Послы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, жаловались на то, что епископы ссылаются на какое-то невѣдомое имъ право, признаютъ надъ собой власть не польскаго короля, а кого-то иного, что засѣдая въ сенатѣ, зная о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, они могутъ обо всемъ сообщить своему иноземному повелителю и такимъ образомъ причинить большой вредъ государству. Отъ имени епископовъ Уханскій упрекалъ пословъ въ томъ, что, забывъ страхъ Божій, они поднимаютъ руку на поставленныхъ Богомъ на землѣ намѣстниковъ, говорилъ, что въ наказаніе за это Богъ и послалъ на Польшу всякаго рода бѣдствія, укорялъ ихъ въ томъ, что они приписываютъ епископамъ измѣнническіе замыслы; что же касается военной службы то, говорилъ онъ, епископы имѣютъ увольнительныя привиллегіи польскихъ королей и князей и даже, пожалуй, представятъ ихъ королю, сенату и посламъ, но не для сужденія о нихъ (nie w obyczaj rozsądku jakiego), а лишь pro informatione [1]).

Споръ между духовнымъ и свѣтскимъ сословіями грозилъ опасными послѣдствіями для привиллегированнаго экономическаго положенія католической іерархіи въ Польшѣ. Комендони немедленно попросилъ у короля аудіенціи и на ней употребилъ все свое вліяніе на него, чтобы не допустить его до обложенія имуществъ духовенства налогомъ на военныя потребности, по крайней мѣрѣ до формальнаго постановленія объ

[1]) Źródłopisma, część II, addiał I, str. 408—409, dyaryusz sejmu warszawskiego 1563—4 r.; Albertrandi, I, 87—88, Warszawa, 22 marca 1564.

этомъ: онъ обѣщалъ, что духовенство добровольно придетъ на помощь государству. На той же аудіенціи онъ повторилъ свои прежніе просьбы о публичномъ истолкованіи королемъ въ благопріятномъ для католической іерархіи смыслѣ петроковской конституціи 1563 г., и о приведеніи въ исполненіе варшавскаго эдикта 1557 г., горько жалуясь на профанацію костеловъ, изгнаніе ксендзовъ и другія насилія иновѣрцевъ. Нунцій оставилъ короля, получивъ отъ него кучу обычныхъ обѣщаній [1]).

Между тѣмъ, согласно обѣщанію, епископы прислали въ посольскую избу своихъ канцлеровъ съ привиллегіями польскаго духовенства. Послы, просмотрѣвъ эти привиллегіи, нашли, что онѣ освобождаютъ только нѣкоторыя духовныя имѣнія отъ военной службы, да и то не вполнѣ, объ освобожденіи же духовнаго сословія, какъ такого, въ нихъ нѣтъ рѣчи. Несмотря на эти возраженія, послы, кажется, отчасти убѣдились, что фактъ экономической привиллегированности польскаго духовенства, хотя бы только относительной, признается польскимъ законодательствомъ, и потому нѣсколько понизили тонъ своихъ требованій. Маршалъ посольской избы Сенницкій въ очень умѣренной для протестанта рѣчи говорилъ епископамъ, что послы всегда оказывали имъ, какъ сенаторамъ, должное уваженіе, что они никогда не имѣли въ виду ихъ оскорбить, что они только просятъ ихъ принять участіе въ общей оборонѣ государства, причемъ вовсе не настаивали на личномъ участіи духовенства въ посполитомъ рушеньи. Епископы обѣщали дать имъ отвѣтъ [2]), но сочли нужнымъ обратиться предварительно за совѣтомъ къ Коммендони. Они объявили нунцію, что готовы согласиться на добровольную жертву на военныя потребности, но при этомъ предполагаютъ потребовать возвращенія десятинъ, или по крайней мѣрѣ прежней юрисдикціи, чтобы имѣть возможность требовать ихъ уплаты. Коммендони очень былъ радъ, что епископы соглашаются добровольно участвовать въ оборонѣ государства; онъ только просилъ ихъ позаботиться, чтобы не создать этимъ опасныхъ прецедентовъ для будущаго. Относительно же возвращенія духовной юрисдикціи, нунцій хорошо

---

[1]) Albertrandi, I, 88—91, Warszawa, 22 marca 1564.

[2]) Dyaryusz, 410—412; Albertrandi, I, 104, Warszawa, 28 marca 1564.

знавшій, что, когда у польскихъ епископовъ зайдетъ дѣло объ ихъ десятинахъ, они легко могутъ перейти всякія границы, совѣтовалъ имъ особенную осторожность и умѣренность [1]). Въ этомъ смыслѣ и говорилъ примасъ въ сенатѣ. Онъ говорилъ, что епископы согласны въ настоящій разъ оказать государству денежное вспомоществованіе, но относительно будущаго не принимаютъ на себя никакихъ обязательствъ, да и въ настоящій разъ они окажутъ это вспомоществованіе лишь подъ тѣмъ условіемъ, что будетъ отмѣнена петроковская конституція 1563 г. и приведенъ въ исполненіе варшавскій эдиктъ 1557 г. Напрасно король обѣщалъ епископамъ разныя блага, если они согласятся уступить на военныя потребности половину или треть десятинъ: епископы съ такимъ единодушіемъ стояли на своемъ отказѣ, что даже Коммендони, увидѣвшись съ ними послѣ, похвалилъ ихъ „за согласіе и твердость“. Долго тянулись переговоры, но ни къ чему не приводили. Потерявъ надежду добиться какихъ-либо уступокъ отъ епископовъ, король, по предложенію пословъ, подписалъ универсалъ, устанавливавшій налогъ 20 грошей съ лана, въ томъ числѣ 10 съ десятины. Епископы протестовали противъ налога. На ихъ протестацію послы отвѣчали репротестаціей. Нунцій поспѣшилъ съ жалобами къ королю. Король оправдывался, указывая на необходимость большихъ денежныхъ затратъ для войны съ Москвою, и въ утѣшеніе нунцію обѣщалъ исправить петроковскую конституцію [2]).

Коммендони не удалось отразить удара, направленнаго шляхтою на экономическія привиллегіи польскаго духовенства, удара самаго чувствительнаго для тогдашнихъ польскихъ епископовъ. Но и этотъ ударъ, хотя и чувствительный, далеко не былъ смертельнымъ: универсалъ имѣлъ временное значеніе, и имущества польскаго духовенства и послѣ его изданія оставались de jure свободными отъ военной повинности. За то нунцію удалось отразить много другихъ ударовъ, которые могли быть гораздо серьезнѣе и опаснѣе этого удара. Ему удалось воспрепятствовать созванію національнаго собора, о чемъ послы настойчиво просили короля. Ему удалось разстроить планы

---

[1]) Albertrandi, I, 104—105, Warszawa, 28 marca 1564.

[2]) Dyaryusz, 414; Albertrandi, I, 106—107, Warszawa, 28 marca 1564; Vol. leg. II, 37, uniwersał poborowy.

шляхты—распредѣлить опатства между шляхтою, обратить десятины разъ навсегда на военныя потребности, уничтожить всѣ суды, оставивъ одни свѣтскіе. Коммендони, по его собственнымъ словамъ, „старался помѣшать этому разными путями и средствами“. Онъ прибѣгъ даже къ помощи королевскаго духовника, который предъ приближавшеюся пасхой долженъ былъ исповѣдывать короля [1]). Тогдашнее положеніе католической церкви въ Польшѣ было такимъ непривлекательнымъ, что самъ Коммендони „очень удивлялся, что до сихъ поръ не удалось еще отщепенцамъ осуществить всѣхъ своихъ замысловъ, и признавалъ очевидное милосердіе Божіе и особенную оказанную ему Богомъ милость въ томъ, что Онъ не допустилъ его видѣть на теперешнемъ сеймѣ окончательной гибели этого королевства“ [2]).

Въ это время Коммендони былъ въ Польшѣ уже не одинъ. Въ Польшу возвратился кардиналъ Гозій. Нунцію очень хотѣлось, чтобы кардиналъ немедленно прибылъ въ Варшаву на сеймъ; но это желаніе не могло тотчасъ исполниться: большинство польскихъ епископовъ, находившихся въ Варшавѣ, не желали прибытія Гозія на сеймъ, такъ какъ самый вопросъ о томъ, какое мѣсто онъ, какъ кардиналъ, долженъ занять въ сенатѣ, представлялъ не мало затрудненій. По этому-то Гозій во избѣжаніе новыхъ раздоровъ [3]), самъ уклонился отъ присутствованія на варшавскомъ сеймѣ, тѣмъ болѣе что онъ возвратился не совсѣмъ здоровымъ, спѣшилъ къ своей паствѣ, а въ Варшавѣ пренія объ уніи Пруссіи съ Польшею могли на первыхъ же порахъ поставить его въ непріязненныя отношенія къ пруссакамъ [4]). Въ Варшаву, на сеймъ онъ прислалъ съ извиненіями одного изъ своей свиты, чрезъ котораго просилъ нунція извиниться за него предъ королемъ, указавъ на его нездоровье и другія причины. Это Коммендони и исполнилъ на аудіенціи у короля (7 февр.), на которой Сигизмундъ Августъ выразилъ полную готовность принять кардинала во всякое время. Въ письмѣ своемъ къ нунцію кардиналъ выражалъ желаніе, чтобы нунцій прибылъ къ нему въ Вармію, прежде

[1]) Albertrandi, I, 108 Warszawa, 28 marca 1564.
[2]) Ibid., 125, Warszawa, 19 kwietnia 1564.
[3]) Ibid. 33, Warszawa, 16 stycrnia 1564.
[4]) Albertrandi, I, 51, Warszawa, 5 lutego 1564; ibid.; 52, 7 lut. 1564.

чѣмъ онъ явится ко двору. Коммендони, по его словамъ, „съ величайшимъ удовольствіемъ сдѣлалъ-бы это, если-бы только ему можно было оставить сеймъ“. Такъ какъ это было невозможно, то онъ просилъ Гозія прислать ему въ помощь хоть своего секретаря, что Гозій поспѣшилъ исполнить. Не имѣя возможности лично побесѣдовать съ Гозіемъ, нунцій совѣщался постоянно съ нимъ при помощи писемъ [1]).

Свиданіе кардинала Гозія съ королемъ произошло уже по окончаніи варшавскаго сейма, въ Ломжѣ (въ началѣ мая 1564 г.). Сигизмундъ Августъ на публичной аудіенціи выразилъ Гозію свою радость по случаю благополучнаго возвращенія его въ отечество и свое поздравленіе съ возведеніемъ его въ санъ кардинала. За этою публичною аудіенціею послѣдовала частная. Оставшись съ королемъ наединѣ, кардиналъ долго бесѣдовалъ съ нимъ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, развивалъ свои взгляды на вопросы, поставленные на очередь тогдашнею польскою жизнью, стараясь внушить королю желательное для католической церкви рѣшеніе ихъ. Въ яркихъ краскахъ изобразилъ онъ опасности, угрожающія королевству отъ иновѣрія, говорилъ о своей готовности все сдѣлать, даже жизнію своею пожертвовать, только-бы спасти отечество отъ гибели. Онъ доказывалъ королю, что спасеніе—не въ полумѣрахъ, что для блага государства нужно изгнать изъ него всѣхъ отдѣлившихся отъ католической церкви. Въ изгнаніи одной какой-либо секты, однихъ напр. анти-тринитаріевъ, онъ не только не видѣлъ пользы для католической церкви, а еще существенный для нея вредъ. Это, по его мнѣнію, только усилитъ протестантовъ, въ средѣ которыхъ теперь вербуютъ своихъ членовъ антитринитаріи. Онъ совѣтовалъ или всѣхъ еретиковъ изгнать, или, если это неисполнимо, терпѣть и антитринитаріевъ, чтобы они терзали другъ друга взаимно. Такъ какъ изгнаніе всѣхъ еретиковъ было невозможнымъ, то Гозій предлагалъ изгнать всѣхъ еретическихъ проповѣдниковъ, говоря, что по удаленіи ихъ паны легко возвратятся въ католичество, но при этомъ онъ въ особенности настаивалъ на томъ, чтобы въ указѣ объ ихъ изгнаніи не было упоминанія о той или другой сектѣ, а чтобы подвергнуты были изгнанію просто всѣ проповѣдники, которые не

[1]) Eichhorn, II, 212—213.

были поставлены епископами, такъ какъ изгнаніе проповѣдниковъ одной опредѣленной секты было-бы молчаливымъ признаніемъ всѣхъ остальныхъ. Но такъ какъ и изгнаніе всѣхъ проповѣдниковъ представилось королю совершенно невозможнымъ, то Гозій просилъ его изгнать, по крайней мѣрѣ, всѣхъ проповѣдниковъ-иностранцевъ, говоря, что католики и протестанты жалуются на то, что Польша сдѣлалась убѣжищемъ всѣхъ нечестивцевъ. Но главное, говорилъ онъ, нужно или всѣхъ еретиковъ изгнать, или всѣхъ терпѣть, такъ какъ говорилъ онъ: „по моему мнѣнію нѣтъ никакого различія между лютеранами цвингліанами и антитринитаріями, всѣ они — порожденіе отца дьявола (omnes a parte Diabolo prognatos esse), и одни не лучше другихъ“. Все различіе между ними лишь въ томъ, что однѣ секты остановились на полдорогѣ, а другія, какъ антитринитаріи, послѣдовательно проводя лютерово ученіе, быстро дошли до конца. Это и многое другое въ томъ же родѣ говорилъ Гозій королю, который слушалъ его съ „большимъ вниманіемъ“ и, какъ казалось Гозію, соглашался съ его аргументами, и даже обѣщалъ издать эдиктъ, который проектировалъ Гозій [1]).

На ломжинской аудіенціи король сдѣлалъ съ своей стороны одну попытку, осуществленіе которой тогда сильно озабочивало польское общество. Онъ сдѣлалъ попытку расположить кардинала Гозія въ пользу ставшаго такимъ популярнымъ въ Польшѣ національнаго собора. Зная хорошо своего собесѣдника, Сигизмундъ Августъ началъ дѣло очень тонко, осторожно. Воспользовавшись тѣмъ, что Гозій въ разговорѣ съ нимъ упомянулъ о своихъ собесѣдованіяхъ съ данцигцами съ цѣлью обращенія ихъ къ истинной вѣрѣ, король сказалъ, что онъ вполнѣ одобряетъ такой образъ дѣйствій кардинала, что всегда слѣдуетъ, прежде чѣмъ предпринимать что-либо противъ заблуждающихъ, научить и вразумить ихъ. Вслѣдъ за этимъ онъ прибавилъ, что и онъ желалъ-бы созвать въ своемъ государствѣ провинціальный синодъ, пригласить на него протестантовъ и попытаться возвратить ихъ къ церковному единству .Гозій понялъ, какого провинціальнаго синода желаетъ король, и на

---

[1]) Raynaldus, t. XXI, pars II, p. 548—549, nr. 43, Hosius Carolo Boromaeo, 15 iunii 1564.

отрѣзъ отказался присутствовать на немъ [1]). „О вѣрѣ, говорилъ онъ, ничто не можетъ быть поставлено иначе, какъ на вселенскомъ соборѣ, каковой соборъ въ наши времена созванъ былъ въ Тріентѣ, продолжался почти двадцать лѣтъ, и однако никто изъ еретиковъ не пожелалъ явиться на него. Католическую церковь представляетъ вселенскій соборъ: поэтому на немъ, а не на какомъ-нибудь провиціальномъ, или національномъ соборѣ должно постановлять о томъ, что относится къ католической вѣрѣ.“ Поэтому, заключилъ онъ, долгъ государя позаботиться объ исполненіи опредѣленій вселенскаго тридентскаго собора. На вопросъ короля, почему протестанты не прислали своихъ депутатовъ въ Тріестъ, Гозій отвѣчалъ: потому, что они сомнѣвались въ правотѣ своего дѣла, и знали, что не докажутъ своихъ догматовъ. Папа, продолжалъ онъ, всѣхъ приглашалъ на соборъ, и если они не явились на соборъ, то это только доказываетъ, что они убоялись свѣта. На вопросъ короля, какія основанія они приводили, чтобы оправдать свой отказъ явиться на соборъ, Гозій отвѣчалъ, что они обыкновенно ссылались на то, что соборъ былъ созванъ не императоромъ, а папою, какъ будто всѣ государства подчинены императору. Кромѣ того, они отказывались признать за епископами право суда въ дѣлахъ вѣры и желали признавать судьею одно слово Божіе, забывъ, что это также нелѣпо, какъ желаніе быть судиму не королемъ, или его судьями, а статутами государства [2]).

Ломжинская аудіенція имѣла практическія послѣдствія. Коммендони, какъ сказано выше, неоднократно просилъ короля объ измѣненіи петроковской конституціи 1563 г., а король неоднократно обѣщалъ нунцію исполнить его просьбу. Но сдѣлать это было не легко: безъ согласія сейма нельзя было отмѣнить сеймовую конституцію, и коронный подканцлеръ упорно отказывался приложить печать къ постановленію, отмѣняющему ее. На ломжинской аудіенціи Гозій энергично поддерживалъ просьбу Коммендони. Король предложилъ ему обратиться по этому вопросу къ подканцлеру, который выяснилъ Гозію неисполнимость его просьбы, какъ выяснялъ онъ ее и нунцію [3]). Только

[1]) Absit, сказалъ онъ, ut Synodus talis habeatur, nam ego nunquam illi cuperem interesse (ibid., 549).

[2]) Ibid., 549—550.

[3]) Ibid., 549; Albertrandi, I, 128—132, Warszawa, 19 kwietnia 1564 r.

настойчивости Гозія нужно приписать то, что 3 мая 1564 г. въ Ломжѣ Сигизмундъ Августъ издалъ постановленіе, въ которомъ объяснилъ въ благопріятномъ для католичества смыслѣ петроковскую конституцію 1563 г. Въ этомъ объясненіи король объяснилъ, что, издавая петроковскую конституцію, онъ не имѣлъ въ виду нанести какой-либо ущербъ правамъ и вольностямъ польскаго духовенства [1]). Впрочемъ это объясненіе, изданное королемъ безъ согласія сейма и до нѣкоторой степени отмѣнявшее сеймовую конституцію, не могло претендовать на всеобщее признаніе, при томъ же оно было составлено въ такихъ же неясныхъ выраженіяхъ, какъ и самая конституція. Самъ Коммендони не предавался излишнимъ иллюзіямъ на счетъ его: „хотя то объявленіе, писалъ онъ объ ломжинскомъ объясненіи, и сдѣлало то, что петроковское постановленіе противъ духовныхъ не будетъ имѣть силы закона, трудно однако ожидать отъ него даже мгновенной, не говоря уже о прочной, помощи, потому что тутъ все дѣлается, обыкновено, безъ насилій, путемъ убѣжденія“ [2]).

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Ломжѣ, когда король уѣхалъ въ Литву, кардиналъ Гозій отправился на маріенбургскій сеймикъ, по окончаніи котораго возвратился въ свою епархію [3]). Сюда же къ троицыну дню прибылъ и Коммендони. Въ прусскомъ городѣ Гейльсбергѣ сошлись два столпа тогдашняго католичества. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ въ резиденціи вармійскаго епископа, не принадлежавшаго даже къ составу польской митрополіи, обсуждались жгучіе вопросы тогдашней польской церковной жизни, изыскивались средства для спасенія католичества въ Польшѣ, рѣшались до нѣкоторой степени судьбы польской церкви. Здѣсь, въ Варміи, папской нунцій въ изобиліи нашелъ то, чего онъ такъ долго и такъ тщетно искалъ въ самой Польшѣ—и долголѣтнимъ опытомъ пріоб-

---

[1]) A jeśliby kto sądził, że uchwała 1563 roku ma tak rozciągłe znaczenie, iż może duchowne także sprawy i prawny ich przewod burzyć, przeto objawiamy, że jak zawsze w każdym czasie, tak iw tej chwili dalecy byliśmy od tej myśli i zawsze gędziemy.... (Albertrandi, I, 137—138, Wyrok Zygmunta Augusta, напечатанъ цѣликомъ).

[2]) Albertrandi, I, 152, Allenstein, 8 czerwca 1564.

[3]) Eichhorn, II, 217.

рѣтенное знаніе польской жизни, и ревность къ вѣрѣ католической, ревность безъ границъ, до самозабвенія. Радостію забилось сердце вѣрнаго слуги св. отца, когда послѣ варшавскаго сейма, послѣ тревогъ сеймовой жизни, гдѣ ему такъ часто приходилось трепетать за дѣло католичества, послѣ путешествія по Великой Польшѣ—по развалинамъ прежняго католическаго могущества, онъ очутился въ вармійской епархіи,—этой своего рода тихой пристани, подъ гостепріимнымъ кровомъ человѣка, умѣвшаго отражать набѣгавшія и сюда волны разбушевавшагося моря. Своею радостію нунцій спѣшилъ подѣлиться съ римскою куріей. „Гозій, писалъ онъ въ Римъ изъ Гейсберга, не перестаетъ обдумывать средства для поддержанія вѣры, издаетъ сочиненія, пишетъ письма, напоминаетъ и наставляетъ съ большою смѣлостью какъ короля, такъ и пановъ, готовитъ теперь мѣсто для іезуитовъ, воспитываетъ много молодежи въ истинной вѣрѣ, словомъ не щадитъ ни издержекъ ни труда; болѣе же всего добрымъ примѣромъ, чистою, безупречною жизнію охраняетъ какимъ-то чудомъ свою епархію цѣлою и здоровою среди самыхъ заразительныхъ отступничествъ [1]).

Предметомъ совѣщаній кардинала Гозія и папскаго нунція Коммендони было дѣло первостепенной важности для папства, бывшее главною цѣлью нунціатуры Коммендони,—дѣло, счастливое исполненіе котораго было для Гозія довершеніемъ того, на что онъ по праву смотрѣлъ, какъ на самое славное дѣло рукъ своихъ, какъ на гордость свою. Римская курія въ то время озабочена была принятіемъ опредѣленій вселенскаго тридентскаго собора католическими государями и народами: съ этою цѣлью ко дворамъ разныхъ государей разосланы были апостольскіе нунціи. Принятіе тридентскихъ опредѣленій въ Польшѣ было одною изъ главныхъ задачъ нунціатуры Коммендони, и онъ теперь со дня на день ожидалъ книги соборныхъ опредѣленій. Эта задача, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ, была чрезвычайно трудною. Польское общество, возлагавшее нѣкогда столько свѣтлыхъ надеждъ на вселенскій со-

---

[1]) Albertrandi, I, 160, Heilsberg, czewea 1564.

боръ, видѣвшее въ немъ (вспомнимъ Модржевскаго) единственное средство, могущее возвратить миръ христіанству, укротить, утишить разбушевавшуюся религіозную бурю, теперь, когда окончился тридентскій соборъ, и знать не хотѣло его опредѣленій. Надежды поляковъ на вселенскій соборъ давно уже разбились, и нунцій услышалъ въ Польшѣ „тѣже возраженія противъ вселенскаго собора, какія обыкновенно дѣлаютъ еретики“ [1]). Возраженія эти, какъ мы видѣли, шли даже оттуда, откуда ихъ меньше всего слѣдовало-бы ожидать, — отъ польскихъ епископовъ, отъ польскихъ капитуловъ. Проѣзжая по Великой Польшѣ въ Вармію, нунцій услышалъ, что польскіе капитулы замышляютъ отправить калишскаго архидіакона въ Римъ ходатайствовать предъ папою о томъ, чтобы онъ позволилъ не приводить въ Польшѣ въ исполненіе тридентскихъ опредѣленій о резиденціи и несовмѣщеніи бенефицій. Проѣзжая чрезъ Плоцкъ и Влоцлавскъ нунцій лично уговаривалъ членовъ тамошнихъ капитуловъ отказаться отъ этого плана [2]). На примаса была плохая надежда: онъ-то больше всего и пугалъ нунція идеею національнаго собора, которая пріобрѣла себѣ въ Польшѣ особенно много приверженцевъ, послѣ того какъ рушились надежды на соборъ вселенскій. На короля тоже много нельзя было разсчитывать. Правда, нунцій, по его словамъ, „не только съумѣлъ въ Варшавѣ воспрепятствовать тому, чтобы на сеймѣ не было постановлено созвать національный соборъ, какъ того желали и надѣялись тѣ, которые надъ нимъ трудились, но даже выбилъ изъ головы короля и многихъ другихъ самую мысль о немъ“ [3]), — но ломжинская аудіенція показала, что нунцій поторопился, сказавши, что выбилъ изъ головы короля самую идею національнаго собора. Прибывъ въ Гейльсбергъ, Коммендони узналъ еще кое-что такое, что еще больше должно было его смутить, затруднить.

Прежде чѣмъ Коммендони прибылъ въ Гейльсбергъ, у Гозія уже побывалъ (въ Мальборгѣ) посланецъ Уханскаго: польскій примасъ видѣлъ, что центръ тяжести польскаго католичества не у него въ Ловичѣ, а скорѣе въ Гельсбергѣ, у его вармійскаго сосѣда. Присланный Уханскимъ ксендзъ сообщилъ

[1]) Ibid., 29 Warszawa, 16 stycznia 1564.
[2]) Ibid., 139—140, Płock, 9 maja 1564; ibid., 141 Gdańsk 19 maja 1564.
[3]) Ibid., 153, Allenstein, 8 czerwca 1564.

Гозію отъ имени примаса, что „король всячески стремится найти средство улаженія и примиренія споровъ въ дѣлахъ вѣры; что онъ желаетъ созванія провинціальнаго собора, на который онъ желалъ-бы допустить и иновѣрцевъ, чтобы постараться на немъ уладить главнѣйшіе предметы, не отстаивая упорно вещей меньшаго значенія". Гозій уклонился отъ отвѣта на это сообщеніе примаса: онъ сказалъ, что онъ на дняхъ ждетъ къ себѣ нунція, съ которымъ и слѣдуетъ объ этомъ поговорить. Гозій только спросилъ ксендза, что это за „вещи меньшаго значенія",— на что тотъ отвѣтилъ, что не знаетъ. Вслѣдъ за Коммендони, прибылъ къ Гозію опять тотъ же посланецъ Уханскаго. Гозій по прежнему предложилъ ему обратиться къ нунцію. Въ разговорѣ съ нунціемъ ксендзъ говорилъ только о провинціальномъ синодѣ, именно просилъ нунція сказать, какое время онъ считаетъ болѣе удобнымъ для его созванія, „не касаясь ни однимъ словомъ ни допущенія иновѣрцевъ, ни постановленій относительно вѣры". Коммендони отвѣчалъ ему, что прежде чѣмъ назначать время для синода, слѣдовало-бы опредѣлить и объявить предметы его занятій, такъ чтобы каждый епископъ прибылъ на него вполнѣ подготовленнымъ къ нимъ. Коммендони спросилъ еще ксендза, сносился-ли примасъ уже по вопросу о синодѣ съ епископами и, если сносился, то какое ихъ мнѣніе. Ксендзъ отвѣчалъ, что относительно этого онъ ничего нунцію сообщить не можетъ, относительно-же времени созванія синода, прибавилъ онъ, примасъ считаетъ самымъ удобнымъ конецъ августа. На этомъ окончились переговоры. И Гозій, и Коммендони дали уклончивые отвѣты: не возражая прямо противъ провинціальнаго собора, они старались такъ или иначе воспрепятствовать его созванію. Но замыслы примаса, „постоянно ищущаго способа и путей ко введенію какой-то новизны", сильно огорчали ихъ, такъ какъ они хорошо знали, что Уханскій—не одного съ ними духа. Секретарю Гозія въ Варшавѣ примасъ напр. прямо сказалъ, что „безъ дозволенія брака ксендзамъ ничего нельзя сдѣлать хорошаго". Проѣзжая по куявскому воеводству, нунцій навелъ справки о прежнемъ поведеніи Уханскаго въ бытность его куявскимъ епископомъ, и оказалось, что тогда онъ „позволялъ ксендзамъ жениться" [1]). Хотя Гозій и Коммендони отнеслись

[1]) Ibid., 146—148, Heilsberg., 31 maja 1564.

несочувственно къ созванію провинціальнаго синода, „архіепископъ, голова безпокойная, разжегъ вновь это дѣло и суетился, стремясь осуществить свою старую надежду примиренія исповѣданій и введенія новыхъ обрядовыхъ формъ“ [1]).

Среди такого положенія дѣлъ получены были нунціемъ изъ Рима книги опредѣленій тридентскаго собора. Нужно было, если не провести ихъ въ польскую жизнь тотчасъ, то по крайней мѣрѣ добиться оффиціальнаго принятія ихъ польскимъ правительствомъ. Гозій и Коммендони сообразили, что, хотя ни отъ короля, ни отъ примаса, ни тѣмъ менѣе отъ сената, состоявшаго большею частію изъ иновѣрцевъ, нельзя было ожидать особенно сочувственнаго отношенія къ тридентскимъ опредѣленіямъ, но изъ всѣхъ ихъ наиболѣе позволялъ разсчитывать на себя въ этомъ дѣлѣ Сигизмундъ Августъ. Еще на варшавскомъ сеймѣ (въ январѣ 1564 г.) могла явиться у нунція надежда на это. Изъ одной бесѣды съ королемъ нунцій между прочимъ вынесъ то впечатлѣніе, что Сигизмундъ Августъ убѣжденъ, что тридентскій соборъ во многихъ случаяхъ постановилъ согласно съ аугсбургскимъ исповѣданіемъ, но только по способу схоластическому и не такъ понятному, какъ способъ, употребляемый послѣдователями этого исповѣданія [2]). Если такое убѣжденіе сложилось въ головѣ польскаго короля, а оно могло сложиться подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ опредѣленій собора, направленныхъ къ исправленію разныхъ нестроеній въ католической церкви, къ поднятію нравственнаго и умственнаго уровня католическаго духовенства и т. п., то у Коммендони были уже нѣкоторые шансы на успѣхъ его миссіи. Если мы теперь примемъ во вниманіе обычное, весьма характерное отношеніе Сигизмунда Августа къ римской куріи, состоявшее въ томъ, чтобы не обнаруживая особеннаго усердія въ охраненіи ея интересовъ, не раздражать ея прямымъ, рѣзкимъ противодѣйствіемъ ей,—если мы примемъ во вниманіе это его отношеніе, хорошо извѣстное по собственному опыту кардиналу Гозію, то для насъ станетъ понятнымъ, почему въ Гейльсбергѣ въ дѣлѣ принятія тридентскихъ опредѣленій разсчитывали всего болѣе на короля. Наконецъ, мы позволяемъ себѣ высказать предположе-

[1]) Ibid., 153, Allenstein, 8 czerwca 1564.
[2]) Ibid., 43, Warszawa, 24 stycz. 1564.

ніе, что въ тѣ полгода, которые провелъ нунцій въ Польшѣ, онъ подготовилъ уже отчасти почву для той реакціи, которая не далѣе какъ чрезъ другіе полгода подниметъ свой голосъ въ самой посольской избѣ, многіе годы бывшей центромъ реформаціонной партіи. Хотя въ эти полгода нунцій не успѣлъ еще воскресить строго-католическаго духа въ польскихъ католикахъ, даже въ польскомъ духовенствѣ, на которое онъ не безъ основаній такъ много жалуется въ своихъ письмахъ, но остававшіяся вѣрными Риму сердца подъ вліяніемъ его начинали уже биться сильнѣе, начиналъ пробуждаться въ польскихъ католикахъ уснувшій было католическій духъ, начиналось среди польскихъ католиковъ движеніе, предвѣщавшее скорое появленіе католической реакціи. Видѣвшіе и пережившіе на своемъ вѣку не мало бурь и волненій Гозій и Коммендони могли уже примѣтить, какимъ духомъ начинало вѣять въ Польшѣ, могли даже надѣяться на то проявленіе этого духа въ сенатѣ, которое произошло, какъ увидимъ ниже, при передачѣ нунціемъ королю книги тридентскихъ опредѣленій. Какъ бы то ни было, въ Гейльсбергѣ рѣшено было, чтобы нунцій немедленно отправился въ Парговъ, гдѣ тогда находился король съ сенатомъ и, никому предварительно не говоря о цѣли поѣздки, постарался расположить Сигизмунда Августа въ пользу принятія книги тридентскихъ опредѣленій [1]).

Настроеніе умовъ, какое нашелъ Коммендони въ Парговѣ, способно было внушить ему серьезныя опасенія. Большинство сената составляли иновѣрцы, и нунцій не безъ основаній опасался, что сенатъ не приметъ книги соборныхъ опредѣленій; или по крайней мѣрѣ дастъ какой-либо нежелательный отвѣтъ, вручить же книгу одному королю было неудобнымъ, а главное— безполезнымъ. Мало того: на канунѣ пріѣзда нунція въ Парговъ, примасъ въ сенатѣ совѣтовалъ королю отправиться по окончаніи парговскаго сейма въ Краковъ и тамъ, собравши сенатъ, постановить что-либо опредѣленное относительно вѣры; сенаторы-иновѣрцы одобряли мнѣніе архіепископа, предлагая созваніе національнаго собора. Нунцій пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать плану архіепископа. Онъ поставлялъ королю на видъ „какъ его обязанности и обѣщанія, такъ и

[1]) Ibid., 164, Heilsberg, 6 lipca 1564, Niemcewicz, I, 55.

опасность столь пагубнаго совѣта"; доказывалъ, что тутъ „подъ видомъ вѣры скрываются иные замыслы"; говорилъ, что „для короля не тайна, какихъ, и какими средствами, домогаются перемѣнъ и замѣшательствъ въ этомъ королевствѣ"; просилъ, чтобы онъ положилъ конецъ этимъ происканъ, и достигъ таки того, что король согласился съ нимъ, что „къ нему не относятся ни судъ, ни миротворство въ дѣлахъ вѣры". Нунцій достигъ еще гораздо большаго: Сигизмундъ Августъ согласился принять отъ нунція книгу тридентскихъ опредѣленій въ засѣданіи сената. Попросивъ нунція остаться на время въ его кабинетѣ, онъ самъ ушелъ въ сенатъ и спустя нѣсколько времени прислалъ къ нунцію подканцлера съ увѣдомленіемъ, что ждетъ его въ сенатѣ, гдѣ и желаетъ принять отъ него книгу соборныхъ опредѣленій. Войдя въ сенатъ, нунцій обратился къ присутствующимъ съ рѣчью. Онъ долго говорилъ о соборахъ вообще и тридентскомъ въ частности, о необходимости верховнаго трибунала и верховнаго судьи въ дѣлахъ вѣры; указывалъ на то, что даже тѣ, которые отдѣлились отъ папы, увидѣли себя впослѣдствіи вынужденными—создать себѣ новыхъ, ложныхъ папъ въ Женевѣ, Виттенбергѣ и другихъ мѣстахъ, созывать свои соборы, издавать свои постановленія, произносить проклятія, чтобы хотя отчасти уничтожить ими же самими произведенныя нестроенія. Для большей наглядности, онъ сравнивалъ произведенныя протестантами въ церкви нестроенія съ тѣми, которыя произошли-бы въ польскомъ королевствѣ, если-бы поляки отвергли власть короля и сената, объявивъ, что они не признаютъ другаго судьи, кромѣ статутовъ, толкуемыхъ по личному усмотрѣнію каждаго. Онъ горько жаловался на двѣ великія неправды, которыя отступники отъ католической вѣры совершили противъ Христа: первая неправда — въ томъ, что они утверждаютъ, что Христосъ устроилъ церковь Свою безъ главы, безъ судьи, безъ порядка, безо всякой устойчивости, и этимъ умаляютъ Его предвѣчную мудрость, приписываютъ Ему такую неразсудительность, какой никто не припишетъ даже законодателю дикаго племени; вторая неправда—въ томъ, что они значеніе власти ставятъ въ зависимость отъ чистоты жизни лица, пользующагося властью, какъ-будто эта высочайшая, небесная власть произошла отъ людей, а не отъ Бога. Онъ упо-

мянулъ и объ охранительной грамотѣ, данной тридентскимъ соборомъ протестантамъ, о неприличныхъ, дерзкихъ требованіяхъ, предъявленныхъ ими собору, которыми они только доказали, что вовсе не помышляли о мирѣ и возвращеніи къ единенію съ церковію. Онъ подробно разсказывалъ о томъ, что онъ видѣлъ во время своихъ поѣздокъ по Германіи, Франціи, Англіи, сравнивалъ ихъ состояніе съ состояніемъ Польши. Въ заключеніе говорилъ о любви св. отца къ миру, о тридентскихъ опредѣленіяхъ, какъ единственномъ цѣлебномъ средствѣ противъ современныхъ недуговъ, и „именемъ Іисуса Христа и пастыря вселенской церкви передалъ королю и всему королевству книгу“ тридентскихъ опредѣленій. „Рѣчь Коммендони была продолжительна, краснорѣчива и такъ трогательна, что я, говоритъ Граціани, стоя позади его съ книгою собора въ рукахъ, не могъ удержаться отъ слезъ“. Коммендони, по его словамъ, самъ былъ растроганъ, и ему казалось, что король и многіе сенаторы плакали. Окончивъ рѣчь, Коммендони хотѣлъ удалиться изъ сената, чтобы не мѣшать совѣщаніямъ, но король и сенатъ просили его остаться, говоря, что, какъ не знающій польскаго языка, онъ не помѣшаетъ сенаторамъ высказывать свои мнѣнія такъ же свободно, какъ если-бы его и не было въ сенатѣ. Всѣ приблизились къ королю. Уханскій первый подавалъ голосъ. Онъ прославлялъ ревность св. отца и мудрость отцевъ тридентскаго собора, совѣтовалъ принять книгу, но покамѣстъ предлагалъ объявить нунціо, что король дастъ ему окончательный отвѣтъ по прочтеніи и разсмотрѣніи тридентскихъ опредѣленій. Словомъ, польскій примасъ былъ противъ немедленнаго, безусловнаго принятія опредѣленій вселенскаго собора. Къ счастію нунція, остальные епископы и католическіе сенаторы возстали противъ мнѣнія, отдававшаго эти опредѣленія на судъ свѣтской власти, и высказались за то, чтобы немедленно дать нунціо отвѣтъ. За немедленный отвѣтъ стояли, по словамъ Коммендони, и иновѣрцы. По приказанію короля, подканцлеръ объявилъ, что, такъ какъ Коммендони неожиданно для него былъ приглашенъ королемъ въ сенатъ и потому все имъ сказанное сказано по вдохновенію св. Духа, король „принимаетъ соборъ и соглашается на все то, къ чему его побуждаетъ Его Святѣйшество“. Нунціо оставалось поздра-

вить короля и сенатъ съ такимъ святымъ настроеніемъ, внушеннымъ имъ Богомъ [1]).

Опредѣленія тридентскаго собора были приняты (8 авг. 1564 г.) польскимъ королемъ въ сенатѣ, во время отбывавшагося тогда въ Парговѣ сейма, хотя на этомъ сеймѣ было немного представителей шляхты. Коммендони сдѣлалъ то, что казалось почти невозможнымъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Гейльсберга, кардиналъ Гозій былъ внѣ себя отъ радости и въ благодарственныхъ молитвахъ къ Богу изливалъ свое сердце. Но онъ зналъ, что эта побѣда далеко не полная, не окончательная, онъ зналъ, что антикатолическая партія въ Польшѣ еще очень сильна, что съ ней предстоитъ еще много, долго бороться. Недаромъ онъ просилъ братьевъ общества Іисуса молиться о спасеніи Польши, и въ Римѣ іезуитскія коллегіи возсылали къ небу ежедневныя моленія о несчастномъ королевствѣ [2]).

Во время парговскаго сейма Коммендони удалось сдѣлать еще одинъ шагъ, или, выражаясь его словами, „положить начало шагамъ противъ отщепенцевъ“. Еще въ Варшавѣ на сеймѣ нунцій просилъ короля издать эдиктъ объ изгнаніи изъ Польши еретиковъ-иностранцевъ, такъ какъ „возстаніе на церковь въ этомъ королевствѣ и соединеніе сектъ противъ насъ, говоритъ нунцій, поддерживаются иностранцами“ [3]). Просьбу Коммендони поддержалъ кардиналъ Гозій во время своего свиданія съ королемъ въ Ломжѣ. У нихъ явился въ этомъ дѣлѣ еще новый союзникъ: кальвинисты тоже хлопотали у короля объ изданіи такого эдикта, именно противъ антитринитаріевъ. Но когда проэктъ эдикта подканцлеръ прочелъ въ присутствіи короля Гозію и Коммендони, кардиналъ сразу возразилъ противъ него, говоря, что „поименованіемъ однихъ только антитринитаріевъ не слѣдуетъ оправдывать и какъ-бы подтверждать иныя секты“. Король согласился съ мнѣніемъ кардинала. Гозій предложилъ издать эдиктъ противъ „всѣхъ, которые отступили отъ римской, католической церкви“. Чтобы этимъ эдиктомъ не задѣть русскихъ, исповѣдающихъ греческую

---

[1]) Albertrandi, I, 175—181, Parczow, 8 sierpnia 1564; Niemcewicz, I, 54, 55; Rajnaldus, t. XXI, pars II, p. 550—551, nr. 44, sub ann. 1564.

[2]) Eichhorn, II, 221.

[3]) Albertrandi, I, 126, Warszawa, 18 kwietnia 1564.

вѣру, Гозій совѣтовалъ сдѣлать въ эдиктѣ нѣкоторыя оговорки, которыя-бы показывали, что онъ относится только къ „теперешнимъ иновѣрцамъ“. Король и подканцлеръ призадумались. Гозій продолжалъ развивать предъ королемъ свои доводы объ опасности для католичества эдикта противъ однихъ антитринитаріевъ и ясно далъ королю понять, что онъ никогда на него не согласится. Вслѣдъ затѣмъ Гозій простился съ королемъ и уѣхалъ изъ Ломжи. Эдикта не было издано. Когда Коммендони прибылъ къ Гозію въ Вармію, вопросъ объ эдиктѣ противъ иновѣрцевъ подвергнутъ былъ ими новому обсужденію. Гозій и Коммендони стояли на прежней точкѣ зрѣнія, по прежнему не хотѣли эдикта противъ однихъ антитринитаріевъ, такъ какъ послѣ его изданія — разсуждали они — „кальвинисты преспокойно царствовали-бы, мы же, католики, были бы лишены единственнаго утѣшенія, какое намъ доставляетъ распря между этими двумя партіями, и исчезло бы омерзеніе тѣми страшными богохульствами, какія распространяютъ эти новые тринитаріи, а между тѣмъ эти богохульства возвратили многихъ изъ шляхты на путь истины“. Гозій твердо стоялъ на этой точкѣ зрѣнія, и даже просилъ нунція, чтобы онъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ появившагося тогда въ Краковѣ Охина, прежняго генерала ордена камедуловъ, перешедшаго на сторону антитринитаріевъ и тѣмъ болѣе опаснаго для католичества, что его въ глазахъ многихъ окружалъ ореолъ почти святости. Гозій вполнѣ соглашался, что „этотъ человѣкъ много носитъ яду“, но говорилъ, что „въ тяжкой болѣзни приходится иногда принимать самый ядъ, какъ лекарство противъ другихъ заразительныхъ ядовъ, а таковы—кальвинисты, имѣющіе теперь великое значеніе: Богу угодно было, прибавлялъ онъ, чтобы изъ змѣй произошли драконы“ [1]).

По пріѣздѣ въ Парговъ нунцій началъ дѣлать шаги къ осуществленію плана, относительно котораго онъ условился съ Гозіемъ, хотя обстоятельства заставили его нѣсколько измѣнить этотъ планъ. Нунцій началъ его осуществленіе съ просьбы объ изгнаніи изъ Польши „всѣхъ вообще иновѣрцевъ“, хотя онъ, по собственнымъ словамъ, не обманывалъ себя надеждою, что этого достигнетъ, и надѣялся, что по крайней

[1]) Ibid., 167—172, Heilsberg, 6 lipca 1564.

мѣрѣ король согласится и склонить сенаторовъ къ изданію эдикта противъ всѣхъ иновѣрцевъ заграничныхъ Король, по обыкновенію, былъ согласенъ, но между сенаторами произошли большіе споры. Наконецъ, приступили къ составленію проэкта эдикта. Когда нунцій увидѣлъ этотъ проэктъ, онъ „сталъ громко жаловаться и прямо отвергъ его, не отступая однако отъ своего замысла“. Нунцію прибавило храбрости то обстоятельство, что онъ нашелъ сенаторовъ въ Парговѣ „уже не столь враждебными, какъ въ Варшавѣ и Ломжѣ“ [1]). Быть можетъ, мѣсяцъ съ небольшимъ тому назадъ происшедшій въ Люблинѣ фактъ грубаго, отвратительнаго кощунства одного изъ польскихъ иновѣрцевъ надъ католическою святынею связывалъ руки сенаторамъ-иновѣрцамъ, лишалъ ихъ слово обычной смѣлости въ присутствіи нунція, требовавшаго возмездія за это поруганіе [2]). Нунцій не терялъ времени. „Разными путями, а болѣе всего чрезъ посредство подканцлера [3]), одно выкидывая, другое вставляя, старался онъ этимъ способомъ получить желательный эдиктъ“. Замѣтивши, что главнымъ тормазомъ къ изданію нужнаго ему эдикта была „излишняя осторожность“ (względność) сената относительно поляковъ, которыхъ онъ боялся подвергать какимъ-либо дѣйствительнымъ наказаніямъ,—нунцій постарался отстранить этотъ тормазъ: онъ, по его словамъ, „постарался незамѣтно о томъ, что подканцлеръ самъ отъ себя раздѣлилъ эдиктъ на два—одинъ противъ иностранцевъ, другой противъ поляковъ“ [4]). Первый эдиктъ повелѣвалъ „всѣмъ выходцамъ, которые, будучи изгнаны изъ чужихъ странъ по причинѣ вѣры, нахлынули сюда. и кото-

[1]) Ibid., 183, Lublin, 14 sierpnia 1564.

[2]) Ераэмъ Отвиновскій въ Люблинѣ въ праздникъ Божьяго Тѣла вырвалъ изъ рукъ ксендза сосудъ съ Тѣломъ Христовымъ и, бросивъ на землю, топталъ его ногами. Дѣло Отвиновскаго разбиралось впослѣдствіи на сеймѣ, который освободилъ его отъ всякаго наказанія, послѣ защиты его извѣстнымъ польскимъ поэтомъ Николаемъ Реемъ (Albertrandi, I, 158—159, Heilsberg, 20 czerwca 1564; ibid., 193—194, Lublin, 28 sierpnia 1564; Lubieniecius, 172—173).

[3]) Нунцій умѣлъ держать въ своихъ рукахъ Мышковскаго, обѣщая ходатайствовать за него въ Римѣ, гдѣ подканцлеръ хлопоталъ объ утвержденіи своего коадъюторства на плоцкой епископіи. Гозій совѣтовалъ нунцію ходатайствовать за подканцлера ze względu na wielkie korzyści, których można oczekiwać po przeważnym wpływie podkanclerzego na sprawy całego królewstwa (Albertrandi, I, 195—198, Lwow, 28 sierpnia 1564).

[4]) Albertrandi, I, 183—184, Lublin, 14 sierpnia 1564.

рые, какъ отступники отъ католическаго исповѣданія, распространяютъ новыя ученія", оставить предѣлы Польши въ теченіе извѣстнаго срока (до 1 ноября 1564 г.). подъ угрозою быть схваченными, заключенными въ тюрьму и подвергнуться наказаніямъ, опредѣленнымъ на мятежниковъ и бунтовщиковъ противъ рѣчи посполитой; за неисполненіе этого эдикта подлежащія власти подвергались наказанію, какъ ослушники королевскаго и сеймоваго предписанія. Второй эдиктъ запрещалъ полякамъ, особенно низшаго сословія, „увлекаться новыми и иностранными ученіями, переходить на иное евангеліе", особенно же предписывалъ „остерегаться этой пагубной, недавно явившейся секты" (антитринитарской). Оба эдикта изданы были въ Парговѣ 7 августа 1564 г. [1]).

Двухъсоставный парговскій эдиктъ могъ разсчитывать на исполненіе только въ первой своей части: вторая его часть довольно неопредѣленна, не упоминаетъ даже о наказаніи за ослушаніе. Но это была, какъ вѣрно разсчиталъ нунцій, „единственная форма, могущая произвести дѣйствіе въ польскомъ королевствѣ", потому что еслибы парговскій эдиктъ былъ приведенъ въ исполненіе по отношенію къ иностранцамъ всѣхъ некатолическихъ исповѣданій, онъ избавилъ-бы Польшу отъ самыхъ ярыхъ враговъ католичества, а если-бы онъ приводился въ исполненіе лишь по отношенію къ антитринитарской партіи, то это лишь усилило-бы столь желательные Гозію и Коммендони раздоры въ средѣ некатоликовъ [2]). Послѣдствія подтвердили вѣрность этихъ разсчетовъ. Въ Малой Польшѣ и на Руси, гдѣ главная административно-судебная власть сосредоточена была въ рукахъ реформатовъ, парговскій эдиктъ приводимъ былъ въ исполненіе лишь по отношенію къ антитринитаріямъ, вслѣдствіе чего многіе антитринитаріи-иностранцы, въ томъ числѣ и Охинъ, принуждены были удалиться изъ Польши, или скрываться въ шляхетскихъ замкахъ [3]). Напро-

---

[1]) Оба эдикта напечатаны w Albertrandim, I, 187—188, 188—189. Закржевскій напечаталъ заимствованный имъ изъ «Коронной Метрики» парговскій эдиктъ 1564 г., въ которомъ оба эти эдикта соединены къ одинъ (Zakrzewski, Powstanie i wzrôst reformacyiw Polsce, 271—274).

[2]) Albertrandi, I, 184, Lublin, 14 sierpnia 1564.

[3]) Ibid., 209, Lwow, 30 paźdz. 1564; ibid., 229, Badymno, 22 list. 1564; ibid., 230—233, Radom, 3 grud. 1564; Eichhorn, II, 223—226.

тивъ въ Великой Польшѣ, гдѣ генераломъ-старостою былъ ревностный католикъ Янушъ Косцелецкій, обнаруживший желаніе распространить его дѣйствіе и на богемскихъ братьевъ, примѣненіе парговскаго эдикта вызвало большія волненія. Въ Познани, въ самый день опубликованія эдикта, собравшаяся во множествѣ шляхта вручила старостѣ формальный протестъ противъ эдикта, изданнаго безъ ея согласія. Къ королю, находившемуся тогда въ Петроковѣ, отправлена была депутація съ просьбою объ истолкованіи парговскаго эдикта въ томъ смыслѣ, что онъ не распространяется на богемскихъ братьевъ, и Сигизмундъ Августъ, по просьбѣ великопольскихъ протестантовъ, издалъ (2 ноября 1564 г.) разъясненіе, что парговскій эдиктъ направленъ только противъ антитринитаріевъ. Но Косцелецкій отказался внести это разъясненіе въ акты, ссылаясь на то, что оно издано будто-бы по требованію всей великопольской шляхты, а между тѣмъ онъ знаетъ, что многіе противны ему. Поэтому онъ объявилъ, что будетъ ждать сеймика въ Шродѣ, чтобы на немъ узнать мнѣніе шляхты. На шродскомъ сеймикѣ (20 ноября 1564 г.), на которомъ католики оказались въ большинствѣ, было много споровъ, и дѣло едва не дошло до драки, такъ какъ Косцелецкій упорно отказывался отъ внесенія королевскаго разъясненія въ акты. Дѣло кое-какъ уладилось. Братья богемскіе остались въ Польшѣ, а вскорѣ не стало и ихъ врага—Косцелецкаго [1]).

Въ то время какъ творцы парговскаго эдикта пожинали плоды своихъ трудовъ въ видѣ изгнаній антитринитаріевъ-иностранцевъ, смутъ и волненій въ протестантскомъ лагерѣ и пр., въ то время, какъ они вкушали сладость удавшагося подведенія минъ подъ непріятеля, оффиціальный глава польской церкви готовился поднести имъ большую пилюлю, способную сильно отравить ихъ спокойствіе, хотя онъ и подсластилъ ее. Эту пилюлю Уханскій преподнесъ имъ въ видѣ національнаго собора, хотя и подъ формою простаго провинціальнаго синода. Ссылаясь на необходимость принятія польскимъ духовенствомъ тридентскихъ опредѣленій и проведенія ихъ въ жизнь этого духовенства, примасъ опубликовалъ созваніе съ этою

---

[1]) Ibid., 201, Lwow, 9 września 1564; ibid., 203—205, Fuck 7 paźd 1564; ibid., 222; Lwow, 12 list. 1564.

цѣлію провинціальнаго синода. Но этотъ синодъ, по предположеніямъ примаса, долженъ былъ происходить при довольно необычайной обстановкѣ. Мѣстомъ созванія синода онъ назначилъ Петроковъ,—мѣсто будущаго сейма, а временемъ — декабрь 1564 года, тогда какъ на 6 января слѣдующаго 1565 года назначено было открытіе въ Петроковѣ сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по плану примаса, король долженъ былъ объявить въ сеймовыхъ универсалахъ во всеобщее свѣдѣніе, что онъ рѣшился разобрать споры духовнаго и свѣтскаго сословій согласно съ отечественными законами и постановленіями тридентскаго собора, которыя ему прислалъ чрезъ нунція своего св. отецъ, и по всѣмъ дѣламъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ произнести свое рѣшеніе. Съ этою цѣлью универсалъ долженъ былъ пригласить всѣхъ, кого это касается, или которые объ этомъ желаютъ знать, прибыть къ извѣстному сроку въ Петроковъ, гдѣ будутъ разбираться королемъ этого рода дѣла. Въ тѣхъ же универсалахъ предполагалось объявить, что, по желанію короля, архіепископъ, епископы и вообще духовенство рѣшили въ тоже время созвать въ Петроковѣ провинціальный синодъ [1]). Даже еслибы проектированный примасомъ универсалъ не былъ изданъ, самое совпаденіе синода съ сеймомъ представляло большое удобство къ превращенію синода въ національный соборъ.

Замыслы Уханскаго не укрылись ни отъ Гозія, ни отъ Коммендони, не смотря на то, что послѣдній, послѣ парговскаго сейма уѣхалъ на югъ, на Русь. Главною цѣлью поѣздки нунція въ страну, гдѣ и памяти не было, чтобъ тамъ былъ когда нибудь апостольскій нунцій [2]), было проведеніе въ жизнь католическаго населенія этой страны тридентскихъ опредѣленій. Съ этою цѣлью Коммендони собралъ во Львовѣ синодъ, который оказался очень неподатливымъ: участники синода высказали единодушное желаніе прежде принятія тридентскихъ опредѣленій прочитать ихъ и тщательно разсмотрѣть, или отсрочить ихъ принятіе до будущаго синода въ Польшѣ. Впрочемъ, своею „ловкостью (zręcznością), терпѣли-

[1]) Ibid., 235—238, Kopja pisma przysłanego królowi przez arcybiskupa gnieźnieńskiego, которую Коммендони переслалъ Борромео при своемъ письмѣ (Kadom, 3 grudnia 1564).

[2]) Ibid., 201, Lwow, 9 września 1564.

востью и доводами“ нунцій добился наконецъ того, что они приняли ихъ, хотя и постановили просить у папы разрѣшенія на неприведеніе въ исполненіе извѣстныхъ опредѣленій о резиденціяхъ и бенефиціяхъ [1]). Но хотя нунцій и поощрялъ созваніе львовскаго синода, онъ вовсе не былъ расположенъ къ петроковскому синоду, на который звалъ его Уханскій. Нунцій сильно опасался, чтобы во время синода и предстоявшаго въ близкомъ будущемъ сейма иновѣры опять не стали домогаться созванія національнаго собора. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ нунцій прибѣгъ къ помощи кардинала Гозія. Онъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ отсовѣтовать примасу созваніе синода въ томъ мѣстѣ, гдѣ созывается сеймъ [2]). Гозій исполнилъ просьбу нунція. Въ своемъ письмѣ къ примасу, выразивъ свою увѣренность въ томъ, что все, что онъ не дѣлаетъ, дѣлаетъ для блага церкви, Гозій тѣмъ не менѣе прибавляетъ, что всѣхъ, въ томъ числѣ и его, удивляетъ желаніе примаса созвать соборъ въ одномъ мѣстѣ и почти въ одно время съ будущимъ сеймомъ. Гозій думаетъ, что не легко будетъ увѣрить людей, что собраніе духовенства не будетъ имѣть и тѣни національнаго собора, тѣмъ болѣе, что всюду говорятъ, хотя онъ не знаетъ, насколько справедливо, будто королю совѣтовали объявить въ универсалахъ, чтобы всѣ собрались 17 декабря, такъ какъ въ это время король будетъ разбирать всѣ дѣла, касающіяся вѣры и другихъ предметовъ. Хотя онъ ничего не имѣетъ противъ созванія синода, но время его созванія считаетъ выбраннымъ неудачно въ виду предстоящаго сейма, тѣмъ болѣе, что въ теченіе небольшаго промежутка между синодомъ и сеймомъ, синодъ не будетъ въ состояніи съ надлежащею тщательностію заняться разрѣшеніемъ вопросовъ, подлежащихъ его обсужденію. Вообще Гозій высказывался противъ созванія синода въ Петроковѣ въ декабрѣ 1564 г. и отказывался присутствовать на немъ, ссылаясь на свое нездоровье [3]). Это не остановило Уханскаго, который продолжалъ дѣйствовать въ разъ избранномъ направленіи съ рѣдкою настойчивостью. Король уже согласился на созваніе синода, разосланы были приглашенія епископамъ и капитуламъ;

[1]) Ibid., 223, Lwow, 12 listopada 1564.
[2]) Ibid., 209, Lwow, 30 października 1564.
[3]) Ibid., 216—219, Hozyusz do Uchańskiego, Heilsberg, 17 paźd. 1564.

многіе изъ нихъ уже собирались въ путь; примасъ настойчиво звалъ нунція на синодъ: послано вторичное приглашеніе Гозію. Настойчивость примаса поразила нунція. Онъ рѣшился отправиться въ Польшу, но не на синодъ, а чтобы разстроить его. Чтобы оттянуть время, онъ просилъ примаса устроить хоть предварительное совѣщаніе епископовъ въ Ловичѣ для выработки программы дѣйствій синода, обѣщалъ немедленно прибыть въ Ловичъ, звалъ туда же кардинала Гозія. Въ крайнемъ случаѣ онъ даже соглашался на созваніе синода, но не въ Петроковѣ, а въ какомъ либо иномъ мѣстѣ [1]). Нунцій прибѣгъ къ помощи подканцлера, заискивавшаго его расположеніе; онъ просилъ подканцлера выставить королю на видъ опасныя послѣдствія созванія синода предъ открытіемъ сейма, неизбѣжность сильныхъ волненій и смутъ на этомъ синодѣ и послѣдующемъ сеймѣ, постращать даже его опасностію занесенія въ Петроковъ чумы, свирѣпствовавшей тогда въ нѣкоторыхъ польскихъ областяхъ [2]). На пути въ Польшу нунцій уже получилъ радостное извѣстіе, что король постановилъ, чтобы синодъ отбывался въ Ленгицѣ или Сѣрадзѣ [3]). Вскорѣ нунцій получилъ еще болѣе радостную вѣсть: подъ предлогомъ чумы король отложилъ созваніе синода на неопредѣленное время. Когда Коммендони прибылъ въ Ловичъ, Уханскій жаловался ему на кардинала Гозія за то, что онъ заподозрилъ его въ дурныхъ намѣреніяхъ, между тѣмъ какъ онъ, примасъ, имѣлъ въ виду принятіе и приведеніе въ исполненіе тридентскихъ опредѣленій и притомъ съ согласія самихъ отщепенцевъ Коммендони старался его успокоить, говоря, что онъ не сомнѣвается въ благихъ намѣреніяхъ примаса. Но Уханскій и теперь, когда его планъ былъ разстроенъ нунціемъ, не покидалъ своей завѣтной мечты. Вскорѣ нунцій узналъ, что примасъ „хочетъ опять поднять въ сенатѣ споры (kłótni) о тридентскомъ соборѣ“. „Разстроили ему его синодъ, который онъ считалъ уже несомнѣннымъ; онъ теперь хотѣлъ бы безъ синода достигнуть того же самаго на сеймѣ и осуществить въ этомъ королевствѣ какія-то свои мечты объ единствѣ въ дѣлахъ вѣры“. Много труда, ловкости, искусства понадобилось

[1]) Ibid., 219—222, Lwow, 12 listopada 1564.
[2]) Ibid., 227—230, Radymno, 22 listopada 1564.
[3]) Ibid., 230, Kobiel, 1 grudnia 1564.

нунцію, чтобы не допустить примаса сдѣлать „столько зла, сколько онъ можетъ сдѣлать“. Дѣло было такъ серьезно (na tem cała rzecz rawista), что нунцію не приходилось стѣсняться въ средствахъ. Нунцій не побрезгалъ даже воспользоваться личными счетами примаса съ подчиненными ему епископами, „поджигая противъ него иныхъ епископовъ“ [1]). Главнаго противника примаса, куявскаго епископа Вольскаго, нунцій принимаетъ подъ свое особое покровительство: такъ какъ Уханскій получилъ изъ Рима экскоммуникацію на Вольскаго, которая давала примасу право лишить епископа голоса на синодѣ, то нунцій хлопочетъ въ Римѣ о томъ, чтобы ему прислано было бреве, дающее право разрѣшить эту экскоммуникацію. Онъ просилъ даже прислать ему бреве, дающее ему право подвергнуть отлученію всякаго, кто-бы захотѣлъ призвать еретиковъ на синодъ [2]). Наконецъ, нунцій прибѣгъ опять къ помощи Гозія. „Для этого (т. е. для возбужденія ссоръ между примасомъ и епископами) чрезвычайно желательно (arcyważna) было бы, писалъ онъ, присутствіе вармійскаго кардинала. Я уже писалъ къ нему объ этомъ и еще разъ напишу“ [3]).

Мысль о созваніи національнаго собора съ особенною силою заявила себя на петроковскомъ сеймѣ, на который поспѣшилъ прибыть нунцій. На сеймикахъ, предшествовавшихъ ему, высказывались уже требованія созванія этого собора. Шляхта тѣмъ смѣлѣе высказывала ихъ, что надѣялась на поддержку примаса. Уханскій, дѣйствительно, по прибытіи въ Петроковъ возвратился къ своему старому проэкту. Онъ всячески старался склонить на свою сторону другихъ епископовъ, и нунцій сильно безпокоился, чтобы онъ „не оторвалъ ихъ отъ св. отца и не склонилъ къ отступничеству“. Коммендони зорко слѣдилъ за примасомъ, добывая свѣдѣнія о замыслахъ его чрезъ познанскаго епископа. [4])

Между тѣмъ 18 янв. 1565 г. открылся сеймъ. Въ привѣтственной рѣчи маршалъ посольской избы, Николай Сенницкій призывалъ короля послѣдовать примѣру іудейскаго царя Іосіи, въ руки взять книгу закона и согласно съ нею устроить и испра-

[1]) Ibid., 240—248, Łowicz, 10 grudnia 1564.
[2]) Ibid., 250—251, Wolborz, 20 grudnia 1564.
[3]) Ibid., 248, Łowicz, 10 grudnia 1564.
[4]) Ibid., II. 12—14; Piotrków, 12 stycznia 1565.

вить церковь въ своемъ государствѣ: можетъ быть, говорилъ онъ, Богъ еще смилуется надъ Польшею ради тѣхъ, которые не преклоняли колѣнъ своихъ предъ Вааломъ [1]). Сенаторы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, при вотированіи также касались религіозныхъ дѣлъ. Особенною ревностью къ католической вѣрѣ отличился Андрей Коцелецкій, познанскій воевода, съ которымъ Коммендони познакомился еще въ Италіи, во время его ученія въ Падуѣ: онъ дошелъ до того, что совѣтовалъ королю издать приказъ, чтобы всѣ вѣрили одинаково, а ослушниковъ этого приказа наказывать, какъ солдатъ, не повинующихся приказу полководца. Подканцлеръ Мышковскій совѣтовалъ отложить религіозныя дѣла до другаго времени, а тѣмъ временемъ, прибавилъ онъ, различное пониманіе св. писанія пусть не нарушаетъ согласія и любви между гражданами [2]). Два дня послѣ этого шли совѣщанія земскихъ пословъ. Протестантская партія, съ Остророгомъ во главѣ, предлагала просить короля о томъ, чтобы онъ прежде всего разрѣшилъ религіозный споръ, или, покрайней мѣрѣ, созвалъ національный соборъ. Католики протестовали противъ этого. Но такъ какъ протестанты составляли на сеймѣ большинство, то изба постановила обратиться къ королю съ этою просьбою. Протестантская партія, можетъ быть вслѣдствіе непріятнаго для нея протеста въ самой избѣ, была чрезвычайно раздражена: Остророгъ называлъ папу наибольшимъ врагомъ Польши, завязавшимъ сношенія съ врагами Польши, московскимъ царемъ и германскимъ императоромъ, указывалъ, какъ опасно присутствіе въ Польшѣ, особенно во время безкоролевья, папскаго нунція, особенно Коммендони, который въ короткое время успѣлъ уже осмотрѣть всю страну, вывѣдать ея силы, пріобрѣсть себѣ множество сторонниковъ. Когда друзья сказали объ этомъ Коммендони, онъ отвѣтилъ имъ шуткою, что еще никто не приписывалъ ему такой славы, какую воздаетъ ему панъ Остророгъ, именно будто-бы онъ можетъ отнимать и раздавать короны. [3]) Послы между тѣмъ привели въ исполненіе свое намѣреніе 22

---

[1]) Ibid., Biblioteka ordynacyi Krasińskich, 1868, Warszawa, Dyaryusz Sejma Piotrkowskiego. R. P. 1565, str. 35—40; Albertrandi, II, 15—16, Piotrków, 19 stycz. 1565.

[2]) Dyaryusz, 50—66; Albertrandi, II, 19—20, Piotrków, 20 stycz. 1565.

[3]) Albertrandi, II, 20—22, Piotrków, 22 stycz. 1565.

янв. маршалъ посольской избы просилъ короля, чтобы онъ устроилъ „христіанское собесѣдованіе (roztowe, krzes'cian'ska), назначилъ для него время и мѣсто, и самъ посмотрѣлъ, кто держится слова Божія, а кто человѣческихъ измышленій, и тѣмъ временемъ (interim) пусть, согласно желанію подканцлера, всѣ живутъ въ любви и согласіи [1]). Король, котораго нунцій еще раньше просилъ „утѣшить св. отца“ отказомъ еретикамъ въ созваніи національнаго собора [2]), на совѣщаніи съ сенаторами по этому вопросу высказался противъ его созванія, говоря, что онъ хочетъ жить и умереть католикомъ, что онъ не имѣетъ права быть судьею въ дѣлахъ вѣры. Большинство сенаторовъ согласились съ мнѣніемъ короля [3]). На другой день (24 янв.) король далъ отвѣтъ посламъ, хотя нѣсколько уклончивый. Онъ отвѣтилъ, что видя въ религіозныхъ разногласіяхъ причину многихъ нестроеній, онъ радъ бы былъ положить имъ предѣлъ, хотя и не видитъ, чтобы онъ по статутамъ могъ быть судьею въ въ религіозныхъ дѣлахъ; во всякомъ случаѣ онъ подумаетъ о средствахъ улаженія раздоровъ между сословіями, что онъ сдѣлаетъ въ болѣе свободное время; теперь же предлагаетъ имъ заняться другими дѣлами [4]). Не смотря на этотъ отвѣтъ короля, послы (25 ян.) возобновили свои просьбы о національномъ соборѣ. Маршалъ Сенницкій просилъ короля не откладывать надолго созванія „свободнаго христіанскаго собесѣдованія“, потому что чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ сильнѣе становятся раздоры религіозныхъ партій, тѣмъ труднѣе становится ихъ примиреніе. На этомъ собесѣдованіи, говорилъ онъ, король, не дѣлая себя судьею въ дѣлахъ вѣры, присмотрится только къ тому, все-ли въ его государствѣ дѣлается согласно съ словомъ Божіимъ [5]). Но тутъ оказалось, что посольская изба теперь уже не такъ единодушна, какъ въ прежнія времена. Францъ Русоцкій, калишскій посолъ отъ имени католическихъ пословъ заявилъ, что маршалъ говорилъ королю только отъ своего лица, а не отъ лица посольской избы, что большинство пословъ не желаетъ инаго собора, кро-

[1]) Dyaryusz 70—71.
[2]) Albertrandi, II, 4—5, Piotrków, 18 stycr. 1565.
[3]) Ibid., 23, Piotrków, 23 stycr. 1565.
[4]) Dyaryusz 74; Albertrandi, II, 24, Piotrków, 24 stycr. 1565.
[5]) Dyaryusz 77—78.

мѣ тридентскаго, что оно напротивъ жалуется на обиды и насилія отщепенцевъ, на отнятіе и разграбленіе ими костеловъ, на искорененіе ими католическаго обряда. Послы были сильно раздражены этимъ протестомъ [1]). Король чрезъ подканцлера отвѣтилъ, что, такъ какъ они не признаютъ его конпетентнымъ судьею въ дѣлахъ вѣры, притомъ же между собою несогласны, то онъ откладываетъ все это до другаго времени [2]). Когда послы возвратились въ избу, между ними завязался большой споръ; дѣло дошло до ругани и взаимныхъ угрозъ [3]). Дѣло созванія національнаго собора на нѣкоторое время пріостановилось. Земскія послы одновременно съ этимъ совѣщались между собою объ уничтоженіи парговскаго эдикта, но и тутъ встрѣтили сопротивленіе въ католическомъ меньшинствѣ [4]).

Едва миновала опасность созванія національнаго собора, какъ поднялось на сеймѣ дѣло о разводѣ короля съ Екатериной. Отъ имени посольской избы Остророгъ, въ отсутствіи короля, просилъ (27 янв.) сенаторовъ напомнить королю, чтобы онъ жилъ съ своею женою, такъ какъ только оставивъ потомство, онъ устранитъ великія опасности, угрожающія государству въ случаѣ его бездѣтной смерти. Когда король пришолъ въ сенатъ, сенаторы исполнили желаніе пословъ. Король обѣщалъ дать имъ отвѣтъ, о чемъ сенаторы увѣдомили пословъ [5]). Дѣло это встревожило нунція. Тревога его усилилась еще по слѣдующему поводу. Остророгъ, въ своей рѣчи побуждая сенаторовъ исполнить свой долгъ, замѣтилъ, что онъ готовъ сдѣлать по отношеніи ко всякому все, что велитъ ему его долгъ, что онъ готовъ возвратить всякому, духовному-ли то, или иному кому-либо, все что ему принадлежитъ. Примасъ не преминулъ воспользоваться этими словами Остророга въ свою пользу. Передавая посламъ отвѣтъ короля сенату, онъ благодарилъ пословъ за выраженную ими готовность возвратить духовенству то, что принадлежитъ ему по праву, т. е. десятины и юрисдикцію. Правда послы прямо заявили примасу, что они не считаютъ себя обязанными платить духовенству десятины, что слов-

[1]) Albertrandi, II, 24—25, z Piotrków, 24 tycznia 1565.
[2]) Dyaryusz, 80.
[3]) Albertrandi, II, 25—26, Piotrków, 24 stycz. 1565.
[4]) Dyaryusz, 81—82; Albertrandi, II, 26—27, Piotrków, 26 stycz. 1565.
[5]) Dyaryusz, 84—87.

Осторога лишь его личное мнѣніе. Но нунцій сразу-же смекнулъ, что тутъ дѣло не совсѣмъ такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Онъ смекнулъ, что требованіе пословъ, чтобы король жилъ съ женою, требованіе, исполнить которое король, какъ они знали, откажется на отрѣзъ, лишь благовидный предлогъ для того, чтобы поднять вопросъ о разводѣ, котораго сильно желалъ король. Нунцій даже подозрѣвалъ, что послы съ самаго начала дѣйствовали по внушенію короля. Но что всего сильнѣе обезпокоило нунція, это дошедшіе до него слухи, что епископы съ примасомъ и красовскимъ епископомъ во главѣ, готовы согласиться на разводъ, послѣ того какъ послы посулили заплатить имъ за это ихъ согласіе возвращеніемъ десятинъ. Нунцій увидѣлъ, что нужно дѣйствовать рѣшительно. Онъ попросилъ у короля аудіенціи. На этой аудіенціи онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы не допустить короля до опаснаго шага: изъ всѣхъ его аргументовъ удачнѣе всѣхъ, кажется попалъ въ цѣль тотъ, что семейное несчастіе короля есть кара, посланная на него Богомъ за грѣхи польскаго народа. Нунцій не убѣдилъ короля жить съ женою: онъ зналъ, что убѣдить его въ этомъ невозможно. Но все-таки, хотя на время, онъ затормозилъ дѣло о разводѣ. Король, заявившій въ сенатѣ до этой аудіенціи, что считаетъ свой бракъ съ Екатериною незаконнымъ, обѣщалъ нунцію постараться о томъ, чтобы послы занялись другими дѣлами [1]). Вскорѣ примасъ объявилъ посламъ, что согласно желанію короля, поднятый ими вопросъ будетъ обсуждаться, но что послы въ это дѣло, касающееся исключительно духовнаго сословія, не должны вмѣшиваться. Послы были, конечно, не довольны этимъ отвѣтомъ; но должны были уступить [2]).

Новое столкновеніе между духовенствомъ и послами возникло изъ-за петроковской конституціи 1563 г. Когда она была прочитана на сеймѣ, послы стали жаловаться на велюнскаго старосту, исполнившаго вопреки ей приговоръ духовнаго суда. Примасъ тотчасъ объявилъ, что духовные и не считаютъ ее конституціей, такъ какъ въ ней употреблено выраженіе

---

[1]) Albertrandi, II, 32—33, Piotrków 27 stycznia; 33—36, 29 stycznia; 36—38, 30 stycznia; 38—46, 31 stycznia 1565.

[2]) Dyaryusz, 93—94.

„rozkazujemy“, а не „ustawiamy“, и она издана безъ согласія епископовъ. Сенницкій замѣтилъ ему, что выраженіе „rozkazujemy“ употреблено совершенно правильно, такъ какъ она ничего новаго не установляетъ. Староста Конецпольскій, присутствовавшій на сеймѣ въ качествѣ посла, оправдывался ссылаясь на то, что приговоръ приведенъ въ исполненіе безъ его вѣдома, что онъ уже пріостановилъ его дѣйствіе и этимъ даже нажилъ себѣ много непріятностей отъ духовныхъ, угрожающихъ ему королевскими указами. Споръ сталъ усиливаться. Уханскій доказывалъ, что едлинскій статутъ вовсе и не касается духовныхъ, имѣющихъ свое собственное право. Послы, какъ и на прежнихъ сеймахъ, говорили, что никакого иноземнаго права они не знаютъ. Король долженъ былъ приказать противникамъ замолчать [1]).

Первые десять дней февраля были временемъ еще болѣе горячихъ споровъ, такъ какъ дѣло шло объ экономическихъ привиллегіяхъ духовенства. Послы обратились къ духовенству съ просьбою представить имъ привиллегіи, освобождающія ихъ отъ военной повинности. Епископы отвѣчали, что онѣ уже были представлены имъ на прежнемъ сеймѣ. Послы возражали, что, хотя онѣ тогда и были прочитаны, но по недостатку времени разсмотрѣніе ихъ отложено было до будущаго сейма. Епископы не уступали посламъ, и дѣло отложено было до слѣдующаго дня. Когда они обратились за совѣтомъ къ нунцію, Коммендони, какъ и прежде, совѣтовалъ имъ, во избѣжаніе болѣе опасныхъ послѣдствій, добровольно пожертвовать извѣстную сумму денегъ на военныя потребности. Между тѣмъ по предложенію короля составлена была особая коммисія изъ депутатовъ отъ сената и посольской избы, на которую возложено было обсужденіе мѣръ къ улаженію возникшихъ на сеймѣ разногласій. Отъ своихъ депутатовъ послы узнали, что духовные согласны принять участіе въ общей оборонѣ, но подъ тѣмъ условіемъ, что ихъ десятины и вообще доходы останутся неприкосновенными. Послѣ долгихъ разсужденій посольская изба пришла къ слѣдующему рѣшенію, которое она и объявила королю: послы, не имѣя на то порученія отъ своихъ избирателей, не желаютъ теперь входить съ духовенствомъ въ разсужденія

[1]) Dyaryusz, 97—98.

о десятинахъ, а откладываютъ эти разсужденія до другаго, болѣе свободнаго времени; если же духовные не хотятъ ждать его, то пусть позываютъ шляхту по дѣламъ о десятинахъ въ земскіе суды. Въ то-же время маршалъ Сепницкій въ очень учтивыхъ выраженіяхъ просилъ епископовъ не отказываться отъ помощи государству. Примасъ просилъ сроку для совѣщаній съ епископами. Три дня спустя явились въ посольскую избу нѣсколько свѣтскихъ сенаторовъ, въ томъ числѣ даже двое протестантовъ, и стали убѣждать пословъ войти съ духовенствомъ въ соглашеніе по дѣлу о десятинахъ, принадлежащихъ имъ издавна и по праву. Уже значительная партія пословъ, по преимуществу великопольскихъ съ Остророгомъ во главѣ, соглашалась для общаго блага страны давать десятины духовенству. Но противъ этого возстала другая партія (по преимуществу малопольскіе послы), заявившая, что она не имѣетъ порученія отъ своихъ избирателей разсуждать о десятинахъ, что разсужденіе объ этомъ только отниметъ время отъ занятій другими дѣлами, что наконецъ въ законахъ нигдѣ нѣтъ предписаній о десятинахъ. Обѣ партіи много спорили между собою. Впрочемъ, и вторая партія соглашалась, чтобы епископы поискивали десятины посредствомъ обыкновенныхъ свѣтскихъ судовъ. А маршалъ Сенницкій просилъ обратить вниманіе на то, какое употребленіе дѣлаютъ духовные изъ десятинъ. При томъ же, говорилъ онъ, въ статутахъ нѣтъ закона о десятинахъ, и, если въ экзекуціи не было дѣлаемо поблажекъ ни королю, ни свѣтскимъ сенаторамъ, то не нужно ихъ дѣлать и духовенству. Не потому, что духовенство получаетъ десятины, а потому что владѣетъ поземельною собственностью, обязано оно принять участіе въ оборонѣ государства. Да и не о десятинахъ тутъ идетъ дѣло, а о всеобщей свободѣ: признать десятины значитъ признать духовную юрисдикцію, при посредствѣ которой духовные станутъ ихъ взыскивать. Посольская изба согласилась съ доводами своего маршала. Рѣшено было просить короля, чтобы дѣло о десятинахъ было отложено до болѣе свободнаго времени, а духовные теперь же представили увольнительныя привиллегіи; если же они считаютъ себя обиженными, могутъ обращаться въ земскіе суды. Объ этомъ своемъ рѣшеніи послы довели до свѣдѣнія свѣтскихъ сенаторовъ. Эти послѣдніе согласились съ тѣмъ, что вступать въ

разсужденія о десятинахъ посламъ не слѣдуетъ; что же касается представленія увольнительныхъ привиллегій, они предлагали предоставить это усмотрѣнію короля. Король отложилъ разсмотрѣніе этихъ привиллегій до другаго времени [1]). Въ концѣ концовъ духовенство осталось свободнымъ отъ участія въ оборонѣ государства. Послы были этимъ сильно раздражены. Когда при разсмотрѣніи петроковскихъ конституцій дошли до конституціи о школахъ, послы, желая на чемъ нибудь сорвать злость, стали обвинять епископовъ въ упадкѣ польскихъ школъ, поставившемъ шляхту въ необходимость посылать своихъ дѣтей за границу, и просили короля побудить епископовъ къ большей внимательности по отношенію къ школамъ [2]).

Одинъ за другимъ поднимавшіеся на сеймѣ вопросы, такъ или иначе касавшіеся католической церкви, оставались безъ рѣшенія, отлагались до другаго времени. Этого откладыванія, много уже лѣтъ практиковавшагося польскими сеймами, могъ еще достигнуть нунцій; но и онъ оказался не въ силахъ выбить самые эти вопросы изъ головы поляковъ. Вопросъ о разводѣ короля оставался по прежнему злобою дня; лишь одна за другою смѣнялись фазы, въ которыхъ онъ являлся предъ зоркимъ глазомъ Коммендони [3]). Вмѣстѣ съ нимъ, къ неудовольствію нунція всплывалъ наружу и вопросъ о ненавистномъ ему національномъ соборѣ. Желаніе національнаго собора было такимъ сильнымъ, такимъ всеобщимъ, что сама римская курія готова была уступить ему: изъ Рима писали Коммендони, чтобы онъ не противился созванію народнаго синод, если только онъ будетъ созванъ согласно съ тридентскими опредѣленіями. Но Коммендони не одобрялъ такой уступчивости римской куріи: онъ писалъ въ Римъ, что удобнѣе совсѣмъ не созывать синода, чѣмъ созвавши удерживать его въ надлежащихъ границахъ, и обѣщалъ обратиться за совѣтомъ по этому дѣлу къ Гозію [4]). Не по одному этому дѣлу чувствовалъ онъ потребность прибѣгнуть къ помощи кардинала. Въ Петроковѣ, среди

---

[1]) Dyaryusz, 98—117; Albertrandi, II, 46—47, Piotrków, 1 lutego; 51—52, 4 lutego; 54—56, 8 lutego; 56, 12 lutego 1565.

[2]) Dyaryusz, 127—129.

[3]) Aloertrandi, II, 55, Piotrków, 8 lutego; 58, 12 lutego; 65—71, 20 lutego 76—78, 26 lutego 1565.

[4]) Ibid., 54, Piotrków, 4 lutego 1565.

людей, или прямо враждебныхъ ему, или же равнодушныхъ къ его дѣлу, для него нужно было, болѣе всего нужно было присутствіе того „мужа, въ которомъ любовь къ вѣрѣ и ревность объ ея благѣ превышали самую даже его ученость и всѣ несравненныя его достоинства“ [1]) Коммендони поэтому настойчиво звалъ Гозія въ Петроковъ. Сами польскіе епископы высказывали желаніе видѣть Гозія въ Петроковѣ, чтобы воспользоваться его совѣтами по дѣлу о разводѣ. Король также приглашалъ Гозія прибыть на закрытіе сейма.

Гозій прибылъ въ Петроковъ въ ночь на 26 февраля [2]), а 27 февраля имѣлъ уже у короля публичную аудіенцію, которая впрочемъ ограничилась тѣмъ, что онъ далъ отчетъ королю о прусскомъ сеймикѣ. Пріѣздъ Гозія совпалъ съ временемъ особеннаго оживленія въ протестантскомъ лагерѣ. Въ немъ шли тогда между представителями разныхъ исповѣданій очень дѣятельные переговоры по вопросу о соединеніи въ одно исповѣданіе: польскіе магнаты, находившіеся въ Петроковѣ, усиленно хлопотали о томъ, чтобы, если не соединить, то хоть подтянуть всѣхъ польскихъ протестантовъ подъ одно общее наименованіе аугсбургскаго исповѣданія [3]). Протестанты задумали даже отбыть подъ конецъ сейма свой соборъ тутъ же, въ Петроковѣ. Это послѣднее обстоятельство сильно озадачило Гозія и Коммендони, такъ какъ обстановка, среди которой имѣлъ отбываться этотъ соборъ, благопріятствовала превращенію его изъ протестантскаго синода въ „общее разсужденіе о дѣлахъ вѣры“ (ogólnej rozprawi o rzeczach wiary). Уханскій съ своей стороны поспѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы выступить съ своею излюбленною идеей. Посѣтивъ кардинала Гозія, онъ сообщилъ ему, что иновѣрцы рѣшили открыть въ Петроковѣ, „свой всеобщій соборъ“, что они пригласили Модржевскаго принять участіе въ ихъ совѣщаніи и просили его указать средства, которыя положили бы предѣлъ многочисленнымъ вѣроисповѣднымъ разностямъ и примирили ихъ между собою. По словамъ примаса, Модржевскій послѣ долгаго обсужденія этого предмета старался убѣдить

---

[1]) Ibid., 77, Piotrków, 26 lutego 1565.
[2]) Ibid., 76, Piotrków, 24 lutego 1565; 17, 26 lutego 1565.
[3]) Ibid., 78—80, Piotrków, 28 lutego 1565.

иновѣрцевъ въ томъ, что „кардиналъ вармійскій такой добродѣтельный и ученый мужъ, архіепископъ, основательно знающій все это дѣло, а также апостольскій нунцій сильно желаютъ побесѣдовать съ ними“. Кардиналъ Гозій на это замаскированное предложеніе принять участіе въ національномъ соборѣ далъ свой обычный отвѣтъ: онъ сказалъ, что готовъ бесѣдовать наединѣ со всякимъ иновѣрцемъ, но не желаетъ вступать въ открытые споры съ иновѣрцами. Примасъ ничего не сказалъ въ отвѣтъ Гозію. Для противодѣйствія планамъ протестантовъ, Гозій и Коммендони, послѣ совѣщанія между собой, рѣшили серьезно „поговорить“ съ Уханскимъ. Коммендони въ тоже время взялъ на себя обязанность убѣдить Сигизмунда Августа въ необходимости воспрепятствовать планамъ протестантовъ [1]). На аудіенціи короля нунцій много говорилъ о замышлявшемся иновѣрцами соборѣ и достигъ того, что король увѣрилъ его, что никогда не допуститъ этого собора. Тою же аудіенціею онъ воспользовался, чтобы отклонить короля отъ развода. Когда запасъ доказательствъ у нунція истощился, онъ предложилъ королю прибѣгнуть къ авторитетному совѣту кардинала Гозія. Должно быть, король хорошо зналъ этотъ совѣтъ, потому что хотя и называлъ кардинала „мужемъ Божіимъ“, отказался отъ бесѣды съ нимъ по этому дѣлу [2]). Между тѣмъ король, хотя соглашался повидимому съ аргументами нунція, не оставлялъ мысли о разводѣ. Уханскому, который, по настоянію нунція, выразилъ королю отъ имени польскихъ епископовъ протестъ противъ развода, Сигизмундъ Августъ грозилъ немилостію къ нему и ко всему его роду. Хотя примасъ заявилъ нунцію, что онъ не смутится угрозами, позволилъ себѣ замѣтить посланнику папы, что не слѣдовало бы выдавать разрѣшеній на вступленіе въ бракъ, подобныхъ тому, какое папа далъ Сигизмунду Августу (на вступленіе въ бракъ съ родною сестрою жены). Это критическое отношеніе къ папскимъ распоряженіямъ сильно не нравилось нунцію. Но еще болѣе его смутило требованіе примаса, чтобы кардиналъ Гозій не имѣлъ у короля аудіенціи въ отсутствіи его, примаса. Одновременно съ этимъ Уханскій

---

[1]) Ibid., 80—82, Piotrków, 2 marca 1565.
[2]) Ibid., 83—92, Piotrków, 4 marca 1565.

сдѣлалъ новую попытку „убѣдить кардинала Гозія въ необходимости войти въ какое либо соглашеніе съ отщепенцами". Не смотря на то, что Гозій не скрывалъ своего отвращенія къ такому соглашенію, примасъ настойчиво просилъ его побесѣдовать по крайней мѣрѣ съ Модржевскимъ объ этомъ дѣлѣ [1]).

Какъ ни старались Гозій и Коммендони разстроить пагубные планы Уханскаго и его партіи, они были не въ силахъ изгнать изъ польской жизни ненавистную имъ идею. Въ виду признаковъ приближавшейся реакціи, при слухахъ о готовящемся прибытіи въ Польшу пресловутыхъ творцовъ этой реакціи, іезуитовъ, идея преобразованія польской церкви на началахъ національности, казалось, съ удвоенною силой стала заявлять свою живучесть, стремиться поскорѣе реализироваться въ польской жизни, реализироваться даже не во всей желательной полнотѣ, только бы начать реализироваться, только бы положить начало реформѣ. Глава польской церкви, къ ужасу Гозія и Коммендони, постоянно совѣщался съ „отщепенцами" и „подозрительными людьми". Въ Польшу почти ежедневно прибывали „новые разсѣватели религіозныхъ заблужденій". Всѣ они концентрировались вокругъ Модржевскаго, „довѣреннаго лица архіепископа" (poufały domownik ks. arcybiskupa). До Коммендони дошли слухи, что „отщепенцы" замышляютъ уполномочить двоихъ проповѣдниковъ (антитринитарскаго и реформатскаго) для собесѣдованія съ вармійскимъ кардиналомъ. Нунцій склоненъ былъ видѣть въ этомъ собесѣдованіи начало осуществленія „того совѣта Фрига", который передавалъ нѣсколько ранѣе Гозію Уханскій [2]). Потерявъ надежду расположить Гозія и Коммендони въ пользу созванія національнаго собора, примасъ задумалъ достигнуть церковной реформы другимъ путемъ. По порученію примаса, его архидіаконъ передалъ кардиналу Гозію, что, хотя вопросы о возвращеніи духовенству духовной юрисдикціи, о возвращеніи ему десятинъ и пр. отложены до будущаго сейма, тѣмъ не менѣе примасъ употребитъ все стараніе, чтобы на теперешнемъ же сеймѣ по крайней мѣрѣ „усилить церковную дисциплину" (aby karność kościelną obostrzono). „Усиленіе церковной дис-

[1]) Ibid., 95—96, Piotrków, 6 marca 1565.
[2]) Ibid., 107—110, Piotrków, 20 matca 1565.

циплины“ и притомъ на сеймѣ, это было такое растяжимое, эластическое понятіе, что подъ него очень многое можно было подвести при добромъ желаніи. Неудивительно, что Гозій, хорошо знавшій образъ мыслей примаса, увидѣлъ опасность для католичества въ этомъ „усиленіи церковной дисциплины“, какъ ни симпатична была бы для него эта мысль въ устахъ его единомышленника. Онъ отвѣтилъ посланцу примаса, что не понимаетъ значенія этого выраженія, не понимаетъ, какъ можно быть заботливымъ о дисциплинѣ, не заботясь ни о церкви, ни о вѣрѣ [1]). Отвѣтъ Гозія не остановилъ Уханскаго. На собраніи польскихъ епископовъ, происходившемъ сначала въ домѣ Гозія, а потомъ краковскаго епископа (больнаго), примасъ опять заговорилъ объ этомъ предметѣ. Онъ началъ съ того, что польскіе епископы среди теперешнихъ замѣшательствъ и опасностей постановили искать помощи и совѣта у кардинала и апостольскаго нунція. Сказавъ, затѣмъ, что епископы считаютъ необходимымъ возвращеніе духовенству отнятой у него два года тому назадъ юрисдикціи, примасъ прибавилъ, что, хотя большое количество предметовъ отложено до будущаго сейма, король однако задумалъ еще на теперешнемъ сеймѣ „уладить дѣло о дисциплинѣ“ (rzecz o karności zatatwić). Но на этотъ разъ примасъ не счелъ нужнымъ яснѣе выразить свою мысль. Присутствовавшіе епископы много говорили, подавали различныя мнѣнія. Когда они умолкли, сталъ говорить Гозій. Онъ упрекнулъ польскихъ епископовъ, въ особенности примаса въ томъ, что они сами дали поводъ къ отнятію у нихъ судебной власти излишнею ревностью о возвращеніи государству коронныхъ имѣній. Онъ выразилъ свое сожалѣніе по поводу откладыванія самыхъ важныхъ вопросовъ до будущаго сейма, который еще, Богъ вѣсть, когда соберется, между тѣмъ какъ все ежедневно портится и падаетъ. Переходя къ послѣднимъ словамъ примаса, кардиналъ замѣтилъ, что онъ не понимаетъ, что разумѣетъ архіепископъ подъ словами „уладить дѣло о дисциплинѣ“, потому что право дѣлать постановленія о церковной дисциплинѣ (т. е. дисциплинѣ въ собственномъ смыслѣ) принадлежитъ не сейму, а собору, право же дѣлать опредѣленія объ ученіи не принадлежитъ ни сейму, ни

[1]) Ibid., 110—112, Piotrków, 22 марта 1565.

собору. По мнѣнію Гозія, слѣдовало бы прежде умилостивить Бога жизнію благочестивою, сообразною съ призваніемъ, а затѣмъ просить короля, чтобы онъ привелъ въ исполненіе парговскій эдиктъ и обуздалъ грабителей и разрушителей церквей. Вслѣдъ за Гозіемъ много говорилъ Коммендони на тему о необходимости примѣрной жизни и исполненія своихъ обязанностей духовенствомъ, и о необходимости согласія и единодушія между епископами. Коммендони въ заключеніе выразилъ готовность просить короля обо всемъ томъ, чего только желаетъ польское духовенство, и просилъ примаса дать ему на бумагѣ списокъ желаній духовенства [1]).

Когда Уханскій представилъ Коммендони этотъ списокъ, нунцій, къ удивленію своему, увидѣлъ, что примасъ не хочетъ бросить своей излюбленной идеи и даже не прочь заставить самого нунція потрудиться на ея пользу. Еще раньше краковскій епископъ донесъ нунцію, что примасъ настойчиво просилъ короля, чтобы онъ самъ совершилъ реформу духовенства; епископъ просилъ Гозія и Коммендони своевременно принять мѣры противъ замысловъ примаса. А въ спискѣ желаній польскаго духовенства, поданномъ Уханскимъ, было между прочимъ желаніе, чтобы нунцій просилъ короля о томъ, чтобы король „приказалъ на теперешнемъ сеймѣ привести въ исполненіе тридентскій соборъ, согласно съ обѣщаніемъ, даннымъ нунцію въ Парговѣ“. Получивъ этотъ списокъ, Коммендони не нашолъ возможнымъ представить его королю, а на словахъ передалъ ему желанія духовенства. Относительно тридентскаго собора онъ просилъ короля озаботиться приведеніемъ въ исполненіе его опредѣленій, но лишь на столько, на сколько это подобаетъ христіанскому государю. Король отвѣтилъ нунцію, что „прежде еще нужно разсмотрѣть это дѣло на теперешнемъ сеймѣ“. Коммендони сразу понялъ, откуда идутъ эти слова. Онъ отвѣтилъ королю, что опредѣленія тридентскаго собора приняты были королемъ въ Парговѣ безъ всякаго упоминанія о теперешнемъ сеймѣ, что въ этомъ смыслѣ король самъ писалъ св. отцу, что онъ, нунцій, хорошо знаетъ, откуда идутъ всѣ эти махинаціи противъ тридентскаго собора, хорошо знаетъ, что есть люди, которые ничего такъ не желаютъ, какъ гибели и госу-

[1]) Ibid., 118—122, Piotrków, 24 marca 1565.

дарства и религіи. Король былъ обезкураженъ: онъ сталъ жаловаться на раздоры епископовъ, на то, что каждый изъ нихъ преслѣдуетъ только свои личные интересы. Планы примаса опять разстроилъ ловкій нунцій. Кардиналъ Гозій съ своей стороны постарался выяснить примасу, что въ дѣлѣ приведенія въ исполненіе тридентскихъ опредѣленій слѣдуетъ остерегаться того, чтобы не дать государямъ власти болѣе обширной, чѣмъ какая имъ принадлежитъ [1]).

Идея реформы польской церкви, которой ни Гозій, ни Комендони, не могли выбить изъ головы польскаго примаса, отступила вскорѣ, хотя и не надолго, на задній планъ. Причина этого заключалась въ томъ, что на сеймѣ поднятъ былъ опять вопросъ о духовной юрисдикціи, сразу же привлекшій къ себѣ все вниманіе собравшихся въ Петроковѣ поляковъ. Подняло его само польское духовенство. Во время сейма. когда король открылъ судъ, гнѣзненскій капитулъ, по внушенію Уханскаго, позвалъ къ его суду велюнскаго старосту Конецпольскаго, обвиняя его въ неисполненіи имъ своихъ обязанностей, въ томъ именно, что онъ не конфискуетъ имѣній одного шляхтича, остающагося подъ проклятіемъ цѣлый годъ. Сторону Конецпольскаго приняла посольская изба. Она въ полномъ составѣ отправилась къ королю и просила разъ навсегда генеральнымъ постановленіемъ уничтожить всѣ такого рода привлеченія къ суду, какъ противныя статутамъ и петроковской конституціи 1563 г. Король сперва не хотѣлъ вдаваться въ разсужденія по этому дѣлу, говоря, что до сихъ поръ ни одного старосты еще не привлекали къ отвѣтственности; но когда послы доказали ему, что случаи этого рода дѣйствительно имѣли мѣсто, онъ обѣщалъ дать имъ отвѣтъ чрезъ нѣсколько дней [2]). Когда пришелъ назначенный королемъ день (28 марта), послы, пришедши въ сенатъ, повторили королю свою просьбу. Король и епископы, желая уклониться отъ исполненія этой просьбы, указывали посламъ на то, что въ настоящее время всѣ духовные суды пріостановлены. Но послы твердо стояли на своемъ, говоря, что дѣло, касающееся свободы всей страны, должно быть разъ на всегда улажено. Послы просили свѣтскихъ сенаторовъ поддер-

---

[1]) Ibid., 122—131, Piotrków, 28 marca 1565.

[2]) Dyaryusz, 226—229.

жать ихъ просьбу. Свѣтскіе сенаторы высказались противъ духовной юрисдикціи. Между епископами и послами завязался горячій споръ изъ-за петроковской конституціи 1563 г. Король наконецъ предложилъ посламъ представить ему на бумагѣ, чего именно они отъ него хотятъ. Послѣ совѣщанія между собою послы представили ему слѣдующій проэктъ конституціи: „Skarżyli się poslowie ziemscy iż przeciw konstytucyi piotrkowskiej spozywani są starostowie niektórzy o to, iz exekucyi czynić nie chcą mimo tę konstytucyą od przewodu prawa duchownego: my dasyć czyniąc konstytucyi wszystkie takie pozwy którebykolwiek były i teraz i na potem na stronę odkladamy i w niwecz obracamy". Нѣкоторые изъ пословъ католиковъ оппонировали этому проэкту. Сенатъ предложилъ посламъ удовольствоваться простымъ увѣреніемъ короля, что онъ оставляетъ въ силѣ петроковскую конституцію. Послы не соглашались на это и стояли на принятіи ихъ проэкта. Тогда сенатъ объявилъ посламъ, что епископы примутъ проэктъ, если послы согласятся выкинуть изъ него слова: „od przewodu prawa duchownego". Послы и на это не соглашались. Маршалъ Сенницкій заявилъ, что эти слова имѣютъ для нихъ существенное значеніе, такъ какъ духовенство потому и позволяетъ себѣ нарушать петроковскую конституцію, что въ ней недостаточно ясно сказано о духовной юрисдикціи, хотя о ней-то собственно и шло тогда дѣло въ Петроковѣ. Маршалъ просилъ сенатъ поддержать проэктъ пословъ. Король отложилъ свой отвѣтъ. Между епископами и послами, особенно между Уханскимъ и Сенницкимъ, опять поднялся споръ. Сенатъ высказалъ мнѣніе, чтобы, отнявъ у духовенства право суда о десятинахъ, ясно, выразительно гарантировать ему юрисдикцію въ дѣлахъ чисто-духовныхъ, какъ разводы, легитинаціи и т. под. Послы предостерегали сенаторовъ отъ такого расграниченія, указывая имъ на примѣръ предковъ, отвергшихъ конституцію 1543 г., перечислявшую дѣла подсудныя духовному суду, чтобы не допустить расширенія духовной юрисдикціи [1]).

Въ виду настойчивости посольской избы, Гозій и Комендони сочли нужнымъ обратиться къ королю съ просьбою, что-

[1]) Dyaryusz, 241–258; Albertrandi, II, 129—131, Piotrków, 29 marca, 131—135, 29 marca 1565.

бы онъ не исполнялъ требованій пословъ. Король доказывалъ имъ, что конституція уже существуетъ, что онъ поэтому не можетъ отказаться отъ подтвержденія ея, притомъ же тутъ идетъ дѣло только о десятинахъ, а отъ юрисдикціи объ ереси епископы сами уже давно отказались. Наконецъ, сами духовные, прибавилъ король, виноваты въ томъ, что дали поводъ ко всѣмъ этимъ спорамъ. Гозій все-таки настаивалъ на томъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ совершенно уничтожать духовныхъ судовъ [1]).

Между тѣмъ споры продолжались. Хотя въ самой посольской избѣ нашлись люди, державшіе, хотя и слабо, сторону духовенства, епископы однако пошли на уступки. Они соглашались поискивать десятины въ обыкновенныхъ (земскихъ или градскихъ) судахъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы срокъ для разбора ихъ дѣлъ сразу былъ окончательнымъ и чтобы они могли вести дѣла чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Король приглашалъ пословъ уважить требованія духовенства, потому что невозможно отнять у духовныхъ всѣ доходы. Онъ указывалъ на то, что духовные соглашаются отдать извѣстную часть десятинъ на военныя потребности, а юрисдикція ихъ по нѣкоторымъ вопросамъ должна остаться навсегда неприкосновенною. Послы возражали, что тутъ идетъ дѣло не о десятинахъ и правахъ духовенства, а лишь о подтвержденіи петроковской конституціи. Если они этого не получатъ, то имъ остается только уѣхать съ сейма и извѣстить своихъ братьевъ, что они на сеймѣ ничего сдѣлать не могли. Король еще разъ отложилъ свой отвѣтъ [2]). Между тѣмъ епископы объявили посламъ, что они примутъ проэктъ пословъ, но съ слѣдующею прибавкою: «A księża Sch M. o dziesięciny i ine krzywdy pozywać mają do ziemskiego prawa, ostawując jednak w ich juryzdykcyi sprawy które prawie duchowne są jako: rozwody, legitymacie et his similia». Послы католики соглашались на эту прибавку; но большинство посольской избы требовало принятія проэкта пословъ безъ этой прибавки, хотя въ угоду епископамъ соглашалось на пропускъ въ конституціи словъ «od

[1]) Albertrandi, II, 135—136, Piotrków, 30 marca; 136—139, 31 marca, 139—141, 1 kwietnia 1565.

[2]) Dyaryusz, 258—271; Albertrandi, II, 136—137, Piotrków, 31 marca; 139—140, 1 kwietnia; 142—146, 3 kwietnia 1565.

przewodu prawa duchownego». Взамѣнъ этихъ словъ послы требовали прибавленія въ конституціи къ слову «spozywani» словъ «ad stanu duchownego». Измѣненный такимъ образомъ проэктъ конституціи послы еще разъ представили королю на утвержденіе, угрожая въ случаѣ непринятія его сорвать сеймъ. Король уступилъ. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія съ сенаторами, онъ, не смотря на протестъ епископовъ, изъявилъ свое согласіе на слѣдующую конституцію: Skarzyli się Postowie Ziemscy, iż przeciw konstytucyi Piotrkowskiej dwuletniey, spozywani są niektórzy Starostowie ad stanu duchownego o to, iż exekucyi czynić nie shcą mimo tę konstytucyą: My konstytucyą prezrzeczoną w mocy zostawuiąc, y dosyć icy czyniąc, takie pozwy, którebykolwick były, y teraz, y na potym na stronę odkładamy, y w niwecz obracamy [1]).

Петроковская конституція 1565 г., представляющая собою лишь подтвержденіе петроковской конституціи 1563 г., была большою побѣдой польской шляхты и польскаго протестантства. Шляхта, повидимому, достигла наконецъ осуществленія одного изъ главныхъ пунктовъ своей политической программы— единства суда: по петроковской конституціи 1565 г. духовенство должно было вести дѣла о десятинахъ въ обыкновенныхъ судахъ, духовная же юрисдикція de haeresi еще раньше была пріостановлена. Протестанты со времени этой конституціи не только не подлежали вѣдѣнію духовнаго суда по обвиненію въ ереси, но и могли, повидимому, совершенно безнаказанно не платить духовенству десятинъ, о которыхъ дѣла вѣдалъ до сихъ поръ духовный судъ: въ обыкновенныхъ земскихъ судахъ большинство судей были протестанты. Собираніе десятинъ съ протестантовъ, затруднительное и прежде, съ этого времени стало для духовенства еще болѣе труднымъ Не даромъ духовенство, лично заинтересованное въ собираніи десятинъ, такъ сильно протестовало противъ конституціи: оно видѣло, что въ данный моментъ, при тогдашнемъ составѣ земскихъ и градскихъ судовъ, оно не найдетъ въ нихъ справедливости. Но всецѣло погружонное въ настоящее, оно не видѣло, что петроковская конституція гибельна лишь для даннаго момента, а для будущаго вовсе не такъ страшна: перейди опять земскій судъ въ руки добрыхъ католиковъ—и десятины по прежнему

[1]) Vol. leg. II, 52.

потекутъ въ карманъ духовенства. При томъ же и тогда не одни протестанты засѣдали въ судахъ, да и изъ протестантовъ не всѣ были безъ условными противниками десятинъ. Папскій нунцій, не заинтересованный лично въ полученіи десятинъ, смотрѣвшій на конституціи съ точки зрѣнія послѣдствій ея для католичества, вовсе не видѣлъ въ ней ничего ужаснаго: онъ думалъ, что, вмѣсто того, чтобы протестовать противъ этой конституціи, какъ и предыдущей, духовенство лучше-бы сдѣлало, если бы постаралось эксплоатировать ее въ свою пользу, такъ какъ неясность ея открывала широкое поле для толкованій ея, благопріятныхъ католическому духовенству [1]). Но это было такъ сказать, интимное убѣжденіе нунція: на дѣлѣ, или-лучше-для виду онъ не прочь былъ и самъ противъ нея протестовать, и другихъ поощрять къ протесту, зная, что эксплоатированіе ея въ пользу католичества не уйдетъ.

Протестовъ противъ себя петроковская конституція, дѣйствительно, вызвала много. Лишь только король принялъ конституцію, епископы, тогдаже (2 апр.), вставши съ своихъ мѣстъ, объявили что какъ первое сословіе въ государствѣ они торжественно протестуютъ противъ нея. [2]) Вслѣдъ за тѣмъ на собраніи духовенства было рѣшено, чтобы Гозій и Коммендони подали на бумагѣ королю свой особый протестъ. Въ этомъ протестѣ Гозій и Коммендони не только протестуютъ противъ конституціи, но и угрожаютъ своимъ отѣздомъ изъ Петрокова въ томъ случаѣ, если король не исправитъ ея [3]). Боясь скандала, король употреблялъ разныя средства, чтобы они не привели въ исполненіе своей угрозы: онъ и лично говорилъ, и чрезъ подканцлера и епископовъ доказывалъ имъ, что конституція вовсе не имѣетъ такого пагубнаго значенія, какое ей приписываютъ, что притомъ же, пока сеймъ не кончился, онъ можетъ еще ее исправить. Король говорилъ правду. Гозій и Коммендони это понимали и потому остались въ Петроковѣ [4]). Между тѣмъ епископы рѣшились не соглашаться ни на какой

---

[1]) Albertrandi, II, 148, Piotrków, 2 kwietnia 1565.

[2]) Dyaryusz, 271; Albertrandi, II, 142, Piotrków, 3 kwietnia 1565.

[3]) Albertrandi, II, 146—147, Odpis przełożenia Hozyusza i Commendoniego.

[4]) Ibid., 143—144; Piotrków, 3 kwietnia; 149—150, 5 kwietnia; 151—152, 6 kwietnia 1565.

налогъ, пока имъ не будутъ возвращены десятины [1]). Мало того: протестъ противъ конституціи поднялся въ самой избѣ. Когда маршалъ Сенницкій, въ виду слуховъ о томъ, что духовные хотятъ уступить королю, выразилъ надежду пословъ, что король не приметъ этого сомнительнаго дара,—извѣстный уже намъ Русоцкій отъ имени пословъ—католиковъ заявилъ, что хотя они приняли конституцію о духовныхъ судахъ, но согласиться на отнятіе десятинъ у духовенства не могутъ. Протестъ Русоцкаго тутъ-же въ сенатѣ вызвалъ бурю въ средѣ пословъ; дѣло едва не дошло до сабель. Еще большая буря поднялась, когда послы возвратились въ избу: на Русоцкаго кричали, что онъ не былъ уполномоченъ протестовать, что онъ отвѣтитъ за свой протестъ предъ своими избирателями [2]). Духовенству оставалось радоваться при видѣ того, какъ въ единодушной прежде посольской избѣ начинаются отрадныя для реакціи раздѣленія. Петроковскую же конституцію, опротестованную въ самой посольской избѣ, оно смѣло могло не признавать обязательною для себя.

Гозій и Коммендони не одержали на петроковскомъ сеймѣ побѣды: побѣда по вопросу о духовной юрисдикціи осталась за протестантами. Но не говоря уже о томъ, что они разбили много другихъ плановъ своихъ враговъ, или мнимыхъ друзей, самую эту побѣду протестантовъ, и безъ того не безусловную, они постарались такъ обставить, что она стала сомнительною. Гозію можно было уже возвратиться съ спокойною совѣстью въ свою епархію къ приближавшемуся празднику Пасхи, тѣмъ болѣе что онъ лично не присутствовалъ въ сенатѣ, такъ какъ не желалъ унизить своего кардинальскаго достоинства, занявши въ сенатѣ мѣсто ниже примаса. 9 апр. онъ имѣлъ у короля прощальную аудіенцію. Сигизмундъ Августъ всячески старался оправдаться въ глазахъ кардинала по дѣлу петроковской конституціи: онъ говорилъ, что эта конституція не вноситъ ничего новаго сравнительно съ конституціей 1563 г., что поэтому духовенство не потерпѣло отъ ея изданія особаго вреда. На этой аудіенціи зашла рѣчь и о разводѣ. „Многими доводами,

[1]) Ibid., 145, Piotrków, 3 kwietnia 1565.

[2]) Dyaryusz, 284—286; Albertrandi, II, 153—155, Piotrków, 7 kwietnia 1565.

какіе ему его добродѣтель и обширная ученость подсказали, старался кардиналъ убѣдить короля въ невозможности развода: онъ побуждалъ короля жить хотя въ одномъ домѣ съ женою, увѣряя, что Богъ по своей милости освободитъ его отъ того отвращенія, какое онъ питаетъ къ своей супругѣ. Свою бесѣду съ королемъ Гозій закончилъ «горячимъ напоминаніемъ, чтобы король дѣлами своими доказалъ всей странѣ, что онъ— истинный католикъ, а также—чтобы онъ не лишалъ своего покровительства вѣры и церкви.» Король твердо и съ клятвой увѣрилъ Гозія, что онъ всегда былъ и до конца жизни останется католикомъ, что онъ хочетъ умереть въ вѣрѣ своихъ предковъ [1]).

Послѣ отъѣзда Гозія, сеймъ вскорѣ былъ закрытъ. На покрытіе военныхъ потребностей сеймъ постановилъ заложить королевскія имѣнія и возобновить прошлогодній налогъ, въ размѣрѣ 20 грошей съ лана, въ томъ числѣ 10 съ десятинъ. Въ прощальной рѣчи къ королю маршалъ Сенницкій не упустилъ случая, чтобы не наговорить непріятностей своимъ противникамъ. Онъ сожалѣлъ о томъ, что чиновники въ Польшѣ самочинно конфискуютъ имущества, что на предыдущихъ сеймахъ издавались эдикты, предписывающіе, какъ слѣдуетъ вѣрить. Онъ скорбѣлъ о томъ, что приказано изгонять изъ страны иностранцевъ, такъ какъ этотъ приказъ открываетъ широкую дорогу для произвола: каждый можетъ, назвавши кого-либо иностранцемъ, изгонять изъ страны. Онъ говорилъ, что король лучше бы сдѣлалъ, если-бы позаботился о томъ, чтобы тѣ иностранцы, которые хорошо дали знать себя всѣмъ, не разъѣзжали свободно по странѣ, заглядывая во всѣ уголки, осматривая города, крѣпости. Этотъ камень, очевидно, брошенъ былъ въ сторону Коммендони. Другой камень направленъ былъ въ Гозія: маршалъ обращалъ вниманіе короля на то, что польскіе граждане, вопреки законамъ, получаютъ иностранныя достоинства, тщеславятся ими, пренебрегаютъ своими обязанностями въ отношеніи къ отечеству [2]).

По окончаніи сейма еще около двухъ мѣсяцевъ пробылъ Коммендони въ Петроковѣ. Удерживало его здѣсь старое дѣло

---

[1]) Albertrandi, II, 157—158, Piotrków, 12 kwietnia 1565.
[2]) Dyaryusz, 319—324.

о разводѣ. Хотя Сигизмундъ Августъ постоянно говорилъ нунцію, что онъ не думаетъ уже о разводѣ, Коммендони ему не довѣрялъ: онъ ждалъ, какой отвѣтъ дастъ король посламъ императора, находившимся въ Петроковѣ по тому же дѣлу. Лишь тогда оставилъ нунцій Петроковъ, когда король окончательно рѣшилъ уѣхать въ Литву [1]).

Не задолго до отъѣзда изъ Петрокова, Коммендони добился еще того, что Сигизмундъ Августъ далъ епископамъ формальное удостовѣреніе того, что они протестовали противъ конституціи о ихъ судахъ и просили короля сохранять неприкосновенными ихъ права и привиллегіи, что король и обѣщаетъ имъ настоящимъ эдиктомъ [2]). Съ этимъ новымъ доказательствомъ сомнительности петроковской конституціи въ рукахъ, со сладостнымъ сознаніемъ счастливо исполненной трудной миссіи своей [3]) опять направилъ Коммендони путь свой въ Вармію, куда годъ тому назадъ онъ ѣздилъ для совѣщанія о средствахъ исполненія этой миссіи. 26 іюня онъ былъ уже въ резиденціи вармійскаго епископа [4]).

Какъ ни много сдѣлалъ для католичества въ протекшемъ году Коммендони, далеко еще не все было сдѣлано. Было еще надъ чѣмъ призадуматься, было еще о чемъ совѣщаться папскому нунцію съ вармійскимъ кардиналомъ. Вмѣстѣ съ королевскимъ „удостовѣреніемъ“ протестаціи епископовъ, онъ привезъ съ собою въ Гейльсбергъ и „предложенія польскаго примаса главѣ католической церкви, чтеніе которыхъ не пришлось по сердцу вармійскому епископу. Въ этихъ своихъ предложеніяхъ Уханскій доказываетъ папѣ, что всѣ тѣ средства, какія до сихъ поръ употреблялись въ Польшѣ для спасенія католичества, не достигли цѣли. Причину этого примасъ видитъ въ томъ, что употреблявшіе эти средства не знали истиннаго положенія дѣлъ въ Польшѣ — папскій нунцій Коммендони, какъ иностранецъ, а кардиналъ Гозій, какъ человѣкъ, долго жившій за границей, да и теперь живущій не въ самой

[1]) Albertrandi, II, 157—158, Piotrków, 12 kwietnia; 164—165, 14 kwietnia; 172—175, 6 maja; 176—178, 17 maja; 178—180, 19 maja; 181—182, 21 maja; 205—206, 4 czerwca; 215—217, Sulejów, 10 czerwca 1565.

[2]) Ibid., 182—183, Piotrkow, 24 maja 1565; ibid., 185—192, wyrok królewski, dan w Piotrkowie, 15 kwietnia 1565.

[3]) Ibid., 211, Piotrków, 7 czerwca 1565,

[4]) Ibid., 249, Heilsberg, 3 lipca 1565.

Польшѣ. Примасъ, по его словамъ, уважаетъ мудрость и чистоту жизни вармійскаго кардинала, но выше всего этого ставитъ для себя счастіе отечества, котораго опасностей кардиналъ не видитъ, не чувствуетъ, и даже совершенно отъ нихъ отстраняется. Примасъ, убѣдившись въ безполезности средствъ, употребляемыхъ Гозіемъ и Коммендони, потерявъ надежду убѣдить ихъ въ этомъ, предлагаетъ св. отцу иныя средства для спасенія католической церкви въ Польшѣ. Такое средство примасъ видитъ въ томъ, чтобы пригласить на соборъ иновѣрцевъ и всѣхъ вообще, нападающихъ на права и привиллегіи духовенства. Онъ проситъ св. отца дозволить созваніе такого собора подъ авторитетомъ апостольскаго престола и поручить ему, примасу, „съ полнымъ довѣріемъ“ руководство этимъ соборомъ. На этомъ соборѣ примасъ надѣется устроить соглашеніе, принявши нѣкоторыя дѣйствительныя, справедливыя, или по крайней мѣрѣ терпимыя для апостольскаго престола условія (przyjawszy niektóre dowodne lub słuszne albo przynajmnies znośne dla stolicy apostolskiej warunki). Примасъ желаетъ, чтобы апостольскій престолъ приказалъ другимъ польскимъ епископамъ дѣйствовать за одно съ нимъ. Онъ желаетъ, чтобы апостольскій престолъ далъ ему „особенное порученіе и власть“ (szczególne zlęcenie i władze) относительно созванія этого собора. Въ подтвержденіе необходимости созванія проэктированнаго имъ собора, примасъ указываетъ на то, что иновѣрцы непремѣнно созовутъ въ Польшѣ свой соборъ, который можетъ привести къ очень печальнымъ для католичества послѣдствіямъ [1]).

Для Гозія и Коммендони было очевидно, что Уханскій опять выступилъ съ своимъ старымъ проэктомъ реформы церкви. Для нихъ было очевидно, что примасъ задумалъ прежде всего и во что бы то ни стало избавиться отъ нихъ, что онъ рѣшился тутъ на послѣдній, рискованный шагъ, рѣшился просить римскую курію взять дѣло спасенія польскаго католичества изъ рукъ Гозія и Коммендони и отдать ему, Уханскому. Но примасъ просилъ невозможнаго. Гозію и Коммендони не нужно было большихъ усилій, чтобы разбить еще разъ замыслы

[1]) Ibid., 219—240, odpisy trzech listów Commendoniego do Boromeusza, z powodu posłanych do Rzymu przełożeń ks. Jakóba Uchańskiego.

примаса [1]). Когда Коммендони прибылъ въ Гейльсбергъ, Уханскій зналъ уже о неудачѣ своего плана. Но столько уже разъ испытывалъ онъ неудачи, до такой степени закалился въ бою съ своими противниками, что эта послѣдняя неудача не только не смутила его, но казалось только разожгла его энергію, развила въ немъ желаніе идти на проломъ къ завѣтной цѣли. Уханскій ухватился за провинціальный синодъ, какъ за удобное средство къ открытію въ Польшѣ національнаго собора. Еще во время пребыванія Гозія въ Петроковѣ, рѣшено было, съ общаго согласія польскихъ епископовъ, созвать провинціальный синодъ въ теченіе августа [2]). Но это время показалось примасу неудобнымъ. Онъ извѣстилъ нунція, что, хотя онъ самъ остается при прежнемъ мнѣніи относительно времени созванія синода, нѣкоторые епископы находятъ болѣе удобнымъ созвать его въ мартѣ будущаго года, въ теченіе тѣхъ двухъ или трехъ недѣль, которыя пройдутъ между областными сеймиками и генеральнымъ сеймомъ. По пути въ Вармію Коммендони старался провѣрить слова примаса. По повѣркѣ оказалось что плоцкій епископъ ничего не слыхалъ о перемѣнѣ времени созванія синода, а гнѣзненскому капитулу примасъ самъ доказывалъ, что лучше всего созвать синодъ послѣ сеймиковъ. Гозію этотъ откладъ очень не понравился: онъ боялся, нѣтъ-ли тутъ какого-либо подхода къ осуществленію давнихъ плановъ примаса. Гозій и Коммендони рѣшили написать по этому поводу письма къ примасу [3]). Долго ожидали они отвѣта примаса. Наконецъ уже въ августѣ прибылъ въ Гейльсбергъ опять Оливскій съ письмами примаса. Въ нихъ Уханскій писалъ, что созвать синодъ въ августѣ невозможно, что одни епископы предлагаютъ созвать его въ половинѣ, другіе—въ концѣ сентября, а третьи—вовсе не созывать. Примасъ спрашивалъ мнѣнія Гозія и Коммендони. Хотя нунцій желалъ созвать его какъ можно скорѣе, но Гозій совѣтовалъ созвать его на 14 ноября, такъ какъ раньше этого срока онъ не могъ прибыть на синодъ (8 ноября онъ долженъ былъ присутствовать на прусскомъ сеймикѣ). Въ этомъ смыслѣ Гозій и Коммендони отвѣтили примасу [4]).

---

[1]) Ibid., 217, Skrzymno, 13 czerwca 1565; 249—250, Heilsberg, 3 lipca 1565.
[2]) Ibid. 175 Piotrków, 10 maja 1565.
[3]) Ibid., 49—250, Heilsberg., 3 lipca 1565.
[4]) Ibid., 271—272, Heilsberg, 11 sierpnia 1565.

Лишь въ концѣ августа получили Гозій и Коммендони отвѣтъ примаса. Онъ писалъ, что уже разослалъ къ епископамъ и капитуламъ приглашенія на синодъ, имѣющій открыться 14 ноября. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прислалъ имъ и перечень предметовъ для обсужденія синода. Въ числѣ другихъ пунктовъ (о приведеніи въ исполненіе тридентскихъ опредѣленій, объ охраненіи правъ и привиллегій духовенства, о способахъ возвращенія духовной юрисдикціи, десятинъ и пр.) находился и слѣдующій: такъ какъ св. тридентскій соборъ объявилъ, что онъ надѣется, что св. отецъ самъ позаботится о потребностяхъ отдѣльныхъ христіанскихъ странъ, если приведеніе въ исполненіе тридентскихъ опредѣленій вызоветъ какія-либо затрудненія, такъ какъ недавно для сохраненія мира нѣкоторымъ странамъ дозволены нѣкоторыя измѣненія, признанныя нужными, то слѣдуетъ и намъ (полякамъ) просить у апостольскаго престола нѣкоторыхъ измѣненій, которыя бы могли вѣрныхъ тверже удержать въ вѣрѣ, заблудшихся же возвратить въ лоно церкви. Гозій и Коммендони хорошо знали, что это за нѣкоторыя измѣненія; но они рѣшили воспользоваться неясностью выраженія и не допустить на синодѣ разсужденій о бракѣ священниковъ, причащеніи мірянъ подъ обоими видами и проч. Коммендони немедленно собрался въ дорогу, на синодъ [1]). Лишь только приблизился онъ къ границамъ Польши, тотчасъ онъ (по его собственнымъ словамъ) увидѣлъ, что прошлогоднія бури и вѣтры опять поднимаются. Онъ узналъ, что списокъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію синода, разошелся уже во всей странѣ, что нѣтъ уже почти никого. кто бы не имѣлъ его копіи. Онъ узналъ, что иновѣрцы думаютъ прибыть на синодъ, такъ какъ списокъ предметовъ, оглашенный примасомъ, даетъ имъ для этого, по ихъ мнѣнію, право. Онъ узналъ еще, что на синодъ не прибудутъ нѣкоторые епископы, обиженные тѣмъ, что примасъ составилъ и разослалъ списокъ безъ совѣщанія съ ними. Обо всемъ этомъ нунцій поспѣшилъ извѣстить Гозія и просилъ его совѣта, такъ какъ „на его только несравненную мудрость и благочестіе онъ полагался“ Онъ обѣщалъ немедленно отправиться къ архіепископу, если то посовѣтуетъ Гозій, или же прибыть для личнаго свиданія съ Гозіемъ въ то мѣсто, какое

[1]) Ibid.,277—281, Heilsberg. 25 sierpnia 1565.

онъ укажетъ [1]). Нѣсколько времени спустя, нунцій узналъ еще, что самъ примасъ тайно пригласилъ на синодъ нѣкоторыхъ иновѣрцевъ, что онъ обѣщалъ имъ „отыскать средство единенія и соглашенія въ дѣлахъ вѣры“ [2]). Чѣмъ долѣе шло время, тѣмъ болѣе убѣждался онъ въ вѣрности своего прежняго мнѣнія, что лучше всего было бы, „еслибы при теперешнемъ архіепископѣ, или — по крайней мѣрѣ — до тѣхъ поръ, пока онъ не перемѣнитъ своего образа мыслей, не было синода“ [3]).

Судьба выручила нунція. Когда синодъ сталъ уже почти совершившимся фактомъ, она безжалостно разрушила столь повидимому близкія къ осуществленію планы примаса. 5 ноября 1565 г. нунцій получилъ письмо отъ короля, въ которомъ онъ извѣщалъ его, что разослалъ къ архіепископу и епископамъ письма, въ которыхъ просилъ ихъ отложить созваніе синода до того времени, пока не окончится сеймъ, долженствующій собраться весной слѣдующаго года, такъ какъ списокъ предметовъ обсужденія сейма вызвалъ сильныя волненія въ средѣ шляхты, а при такихъ обстоятельствахъ открывать сеймъ неудобно. Король просилъ нунція убѣдить епископовъ, особенно архіепископа, въ необходимости отсрочки синода. Но вмѣстѣ съ королевскимъ письмомъ нунцій получилъ и письмо примаса, изъ котораго увидѣлъ, что Уханскій не вполнѣ соглашается на эту отсрочку: Уханскій писалъ, что епископы уже въ дорогѣ, что нельзя своевременно увѣдомить ихъ объ отсрочкѣ. Коммендони обнаружилъ необыкновенную дѣятельность, когда пришлось помѣшать созванію синода. Онъ немедленно написалъ примасу письмо извѣстнаго содержанія. Мало того: въ тотъ же день, когда получилъ письмо короля, онъ рѣшился ѣхать въ Ловичъ. Онъ послалъ нарочнаго къ Говію въ Торнъ, прося и его прибыть въ Ловичъ [4]).

Всякое промедленіе, даже незначительное, могло теперь имѣть роковыя послѣдствія: лишь нѣсколько дней оставалось до предположеннаго открытія синода. Гозій немедленно пустил-

---

[1]) Ibid., 283, Szczekocin, 8 września 1565; Odpis listu Commendoniego do Hozyusza, 283—286, Szczekocin, 7 września 1565.

[2]) Ibid., 286—287, Gniezno, 19 września 1565.

[3]) Ibid., 279, Heilsberg, 25 sierpnia 1565.

[4]) Ibid., 301—302, Ciążeń, 5 października 1565; list Zygmunta Augusta do Commendoniego, 303—304, 21 września 1565.

ся въ дорогу: его не удержала даже моровая язва, начинавшая свирѣпствовать въ мѣстности, чрезъ которую ему приходилось проѣзжать. 10 ноября онъ былъ уже въ Ловичѣ. Днемъ раньше его прибылъ туда и Коммендони Они нашли здѣсь примаса твердо, упорно рѣшившагося достигнуть своей цѣли, открыть въ Петроковѣ соборъ, хотя большинство епископовъ совѣтовали ему отложить соборъ. Гозій и Коммендони принялись убѣждать Уханскаго въ невозможности открыть въ Петроковѣ синодъ въ предположенный срокъ Они поставили ему такую дилемму: прибывши въ Петроковъ и не заставши тамъ епископовъ, онъ долженъ будетъ или возвратиться домой, ничего несдѣлавши, а только пошатнувши свой авторитетъ, или же одною своею властію дѣлать постановленія, будучи заранѣе увѣреннымъ, что епископы ихъ не примутъ, тѣмъ болѣе что они найдутъ поддержку себѣ въ королѣ, не желающимъ синода. Желая выпутаться изъ этой дилеммы, Уханскій говорилъ, что онъ поѣдетъ въ Петроковъ не для того, чтобы открыть тамъ синодъ, а просто чтобы тамъ формально объявить объ отсрочкѣ синода. Гозій и Коммендони ему возражали, что для этого нѣтъ надобности ѣздить въ Петроковъ, что это можно сдѣлать и въ Ловичѣ. Когда примасъ упорствовалъ въ своемъ желаніи ѣхать въ Петроковъ, нунцій, повидимому уступая ему, предложилъ такой проэктъ: онъ обѣщалъ убѣдить большинство польскихъ епископовъ прибыть въ Петроковъ и такимъ образомъ дать примасу возможность открыть дѣйствительный синодъ въ Петроковѣ, но подъ тѣмъ условіемъ, что примасъ убѣдитъ короля въ томъ, что въ Петроковѣ не произойдетъ ничего похожаго на національный соборъ, котораго боится король, а просто обычный съѣздъ епископовъ и прелатовъ. Принять этотъ проэктъ для Уханскаго значило отказаться отъ своей излюбленной идеи. Онъ предпочелъ просто отказаться отъ поѣздки въ Петроковъ, послѣ того какъ онъ увидѣлъ, что ему одному не сладить съ двумя противниками своими. Въ концѣ концевъ всѣ трое порѣшили на томъ, что написали королю коллективное посланіе, въ которомъ выражали ему свое сожалѣніе по тому поводу, что въ Польшѣ не позволительно католикамъ созвать свой синодъ, тогда какъ еретики непрерывно созываютъ свои беззаконныя соборища, и просили короля охранять права и привиллегіи католической церкви и ея служителей.

Гозій и Коммендони одержали еще одну побѣду. Носитель ненавистной имъ идеи былъ приниженъ Послѣ того какъ ловкіе противники вырвали у него изъ рукъ плоды многихъ трудовъ и усилій, онъ „упалъ сердцемъ, показывалъ особенную ревность и благочестіе“. Коммендони радовался, что примасъ теперь уже не такъ страшенъ, какъ прежде: нунцій поставилъ его въ натянутыя отношенія къ королю, между тѣмъ какъ годъ тому назадъ они вмѣстѣ задумывали созваніе національнаго собора; нунцій уронилъ его авторитетъ въ глазахъ епископовъ и всего польскаго духовенства. Кардиналъ Гозій даже острилъ надъ Уханскимъ. Онъ говорилъ, что знаетъ причину, почему не состоялся синодъ. Когда примасъ полюбопытствовалъ узнать что́ это за причина, кардиналъ объяснилъ ему, что соборъ созванъ былъ на день св. папы Калликста, а между тѣмъ на синодѣ нѣкоторые хотѣли ввести новшества, противныя его постановленіямъ о безбрачіи. Потомъ быстро повернувшись, онъ прибавилъ: „W kallixcie zas jest i kielich“. Примасу жутко было отъ такой шутки [1]), а сыгравшіе съ нимъ въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ не одну такую шутку, съ легкимъ сердцемъ покинули резиденцію примаса. Коммендони, еще во время петроковскаго сейма получившій извѣстіе о своемъ возведеніи въ санъ кардинала, отправился въ Италію, а кардиналъ Гозій возвратился въ свою епархію, гдѣ у него очень много было своего дѣла, хотя къ нему на помощь уже прибыли надежные союзники.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Въ вармійской епархіи, расположенной среди прусскихъ земель, успѣвшихъ ко времени возвращенія Гозія въ Польшу сдѣлаться совершенно лютеранскими, католичество еле-еле держалось. Съ одной стороны викарій Гозія Евстафій фонъ-Кнобельсдорфъ, которому онъ поручилъ въ свое отсутствіе управленіе епархіей, далеко уступалъ ему въ ревности, настойчивости, умѣньи вести борьбу, да и какъ при дворѣ, такъ и въ

[1]) Ibid., 304—311, Uniejów, 8 października 1565; 311—313, list Hozyusza, Commendoniego i Uchanskiego do Zygmunta Augusta, Łowicz 12 października 1565.

епархіи далеко не имѣлъ того авторитета, какимъ пользовался Гозій; съ другой стороны, послѣ того, какъ Данцигъ, Торнъ и Эльбингъ получили на варшавскомъ сеймѣ 1557 года право свободнаго исповѣданія лютеранства, реформаціонная партія во всей королевской Пруссіи стала гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе въ своей борьбѣ съ католичествомъ. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ ко времени возвращенія Гозія изъ-за границы, реформація сдѣлала значительные успѣхи и въ вармійской епархіи, даже въ той ея части, которая въ гражданскомъ отношеніи подчинена была вармійскому епископу: Въ Брунсбергѣ, гдѣ еще въ бытность Гозія въ Варміи сказались реформаціонныя стремленія, реформація, нашедши сильную поддержку въ мѣстномъ магистратѣ, заявила себя съ такой силой и рѣшительностію, что и викарій Гозія, и вармійскій капитулъ лишь съ большими усиліями могли противостать ея напору, не допустить ее до окончательнаго торжества, и не однократно обращались къ Гозію съ просьбою поскорѣе возвратиться въ свою епархію [1]).

По прибытіи въ епархію, Гозій узналъ, что въ Брунсбергѣ значительное число важныхъ по своему положенію лицъ, особенно членовъ магистрата, въ теченіе долгаго уже времени или совершенно не причащались, или же причащались подъ двумя видами. Такъ какъ Брунсбергъ былъ важнѣйшимъ городомъ въ вармійскомъ княжествѣ, и успѣхи въ немъ реформаціи могли имѣть пагубныя послѣдствія для всего княжества, то Гозій счелъ нужнымъ, немедленно по возвращеніи своемъ, отправиться лично въ Брунсбергъ, чтобы на мѣстѣ принять нужныя мѣры.

По пріѣздѣ въ Брунсбергъ, Гозій пригласилъ къ себѣ (24 марта 1564 г.) магистратъ стараго и новаго города. Свою рѣчь къ нимъ онъ началъ съ того, что, узнавъ о распространеніи въ ихъ городѣ новыхъ ученій, онъ поспѣшилъ изъ Тріента въ свою епархію, опасаясь, чтобы болѣзнь брунсбергцевъ не стала неизлечимой. Онъ знаетъ (продолжалъ онъ), что нѣкоторые изъ нихъ стремятся къ отдѣленію отъ церкви, что они въ теченіе нѣсколькихъ уже лѣтъ уклоняются отъ причащенія, такъ какъ не хотятъ причащаться по церковному установленію, подъ

[1]) Eihhorn, II, 148—152.

однимъ видомъ. Это сильно его опечалило, потому что онъ по опыту знаетъ, что это — обычное начало самыхъ отвратительныхъ лжеученій: лукавый сатана обыкновенно начинаетъ повидимому съ самаго невиннаго дѣла — причащенія подъ двумя видами, такъ какъ для него важно не самое это причащеніе, а отдѣленіе отъ церкви, для него важно—укоренить въ человѣкѣ привычку свое частное сужденіе ставить выше сужденій всей церкви; лишь только онъ этого достигнетъ, ему уже не трудно довести человѣка до отрицанія священства, присутствія Христа въ евхаристіи, необходимости крещенія, божества Христа и т. д. Поэтому Гозій проситъ брунсбергцевъ удерживаться отъ этого перваго заблужденія и не отдѣляться отъ церкви [1]).

По окончаніи этой рѣчи магистратъ новаго города согласился съ Гозіемъ; а члены стараго магистрата просили Гозія позволить каждому изъ нихъ въ отдѣльности придти на домъ для бесѣды. Гозій согласился. Спустя три дня явились къ нему бургомистръ и четверо ратмановъ, и просили его дозволить имъ причащаться подъ двумя видами, обѣщая во всемъ остальномъ слѣдовать установленіямъ католической церкви. Гозій еще разъ повторилъ свои увѣщанія; но, вѣроятно, не разсчитывая болѣе на ихъ дѣйственность, подкрѣпилъ ихъ угрозой, что въ случаѣ ихъ упорства онъ прекратитъ всякое общеніе съ ними, велитъ прибить списки ихъ именъ къ церковнымъ дверямъ по всей епархіи и запретитъ всѣмъ истиннымъ католикамъ всякое общеніе съ ними. Впрочемъ, тутъ же онъ прибавилъ, что надѣется, что дѣло до этого не дойдетъ, что они послушаютъ голоса своего епископа. Послѣ этого Гозій еще нѣкоторое время увѣщевалъ бургомистра и одного изъ ратмановъ, причемъ далъ имъ понять, что въ случаѣ ихъ непослушанія онъ, какъ гражданскій ихъ начальникъ, подвергнетъ ихъ строгому заслуженному ими наказанію, для острастки другихъ. Не довольствуясь этимъ, Гозій пригласилъ къ себѣ жену бургомистра и его дочь, бывшую замужемъ за приверженнымъ къ реформаціи ратманомъ, и просилъ ихъ, какъ ревностныхъ католичекъ, употребить все свое вліяніе на супруговъ, чтобы возвратить ихъ къ старой вѣрѣ, говоря, что въ случаѣ ихъ упорства онъ немедленно приведетъ въ исполненіе

---

[1]) Eihhorn, II, 160—161.

свою угрозу. Одновременно съ этимъ мѣстный кзендзъ, по распоряженію Гозія, проповѣдывалъ въ костелѣ въ томъ же духѣ [1]).

Однѣ угрозы и увѣщанія, должно быть, не вполнѣ достигали цѣли. По крайней мѣрѣ, Гозій счелъ себя вынужденнымъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ объявилъ бургомистру и ратманамъ, что, если по прошествіи двухъ дней они не примутъ причащенія подъ однимъ видомъ, онъ отлучитъ ихъ отъ церкви, со всѣми, конечно, послѣдствіями этого акта. Слова эти произвели должное дѣйствіе. Сначала бургомистръ и ратманы просили было Гозія дать имъ срокъ для размышленія; но когда онъ категорически объявилъ, что ни за что не согласится держать ихъ долѣе въ узахъ діавола, они, поставленные лицомъ къ лицу съ лишеніями должностей и изгнаніемъ изъ Варміи, уступили. Ратманы просили только Гозія позволить имъ чрезъ нѣсколько дней принять причащеніе подъ однимъ видомъ; Гозій согласился на это. Бургомистръ еще нѣкоторое время медлилъ рѣшеніемъ. Онъ присылалъ къ Гозію свою жену и дочь съ просьбой объ отсрочкѣ причащенія до Троицы Когда Гозій отвергъ ихъ просьбу, онѣ упали къ его ногамъ и со слезами умоляли о милости. Гозій ласково поднялъ ихъ и сказалъ: „Жестокость, а не милость — оставлять человѣка такъ долго въ сѣтяхъ діавола. Поэтому бросьтесь ему въ ноги и просите, чтобы онъ смиловался надъ своей душой и исторгъ ее изъ власти злаго врага“. Непреклонность Гозія произвела желанные результаты: вскорѣ Гозій имѣлъ удовольствіе видѣть причащеніе подъ однимъ видомъ долго противившихся ему брунсбергцевъ. Только двое гражданъ остались непреклонными: они подверглись отлученію и проскрипціи [2]). Такимъ образомъ въ Брунсбергѣ Гозій остался въ борьбѣ съ реформаціей побѣдителемъ, хотя это была побѣда не столько Гозія—вармійскаго епископа, сколько Гозія—вармійскаго князя.

Одной изъ первыхъ заботъ Гозія, по возвращеніи въ епархію, было—провести въ жизнь своей паствы опредѣленія тридентскаго собора, бывшія особенно для него дорогими, какъ плодъ его неусыпныхъ трудовъ, какъ (до нѣкоторой степени)

---

[1]) Eihhorn, II, 162–167.
[2]) Eihhorn, II, 164–167.

его собственное дѣтище. Но принятіе тридентскихъ постановленій въ вармійской епархіи на нѣкоторое время затянулось: съ одной стороны, моровая язва, угрожавшая тогда вармійской епископіи, не позволяла собрать нужный для этого синодъ; съ другой—тридентскія постановленія не были еще приняты польскимъ королемъ, а безъ этого не могло состояться принятіе ихъ въ Варміи. Лишь въ августѣ 1565 года Гозій созвалъ въ Гейльсбергъ, въ присутствіи папскаго нунція кардинала Коммендони, епархіальный синодъ. На этомъ синодѣ всѣ присутствовавшіе, въ доказательство своего правовѣрія, изложили свое professio fidei, въ которомъ, между прочимъ выразили свою вѣру и во все то, что постановлено было на тридентскомъ соборѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ синодъ постановилъ, чтобы всѣ духовныя лица имѣли у себя и внимательно читали тридентскія опредѣленія и чтобы впредь никто не былъ поставляемъ на духовныя должности, если онъ предварительно не подписалъ professio fidei. Синодъ запретилъ также чтеніе всѣхъ безъ исключенія еретическихъ книгъ и брошюръ и вмѣсто нихъ рекомендовалъ духовенству чтеніе католическихъ книгъ. Затѣмъ прочитаны были и приняты къ исполненію опредѣленія тридентскаго собора, касающіеся жизни и нравственности духовенства, исполненія имъ его пастырскихъ обязанностей. По окончаніи гейльсбергскаго синода Гозій вмѣстѣ съ Коммендони отправились во Фрауенбургъ, гдѣ въ засѣданіи капитула статуты его были подвергнуты измѣненіямъ, согласно съ тридентскими опредѣленіями [1]).

Одновременно съ описанными нами событіями изъ епархіальной вармійской жизни произошло въ Варміи еще одно событіе, которое тоже имѣло на первыхъ порахъ только мѣстный епархіальный интересъ, прошло даже какъ бы незамѣченнымъ для современниковъ, но оставило глубокій слѣдъ въ исторіи не одной вармійской епархіи, не одной даже польской церкви, а всего польскаго государства, всего польскаго народа. Здѣсь, въ отдаленной отъ центра собственно польской жизни Варміи, зародилась, или—вѣрнѣе—сюда занесена была новая сила, которой предстояло въ недалекомъ будущемъ многое перевернуть вверхъ дномъ въ польской жизни: круто повернула она колесо

[1]) Ibid., II, 168—173.

польской жизни, и быстро, неудержимо понеслось оно внизъ по покатости и чрезъ два вѣка съ небольшимъ достигло уже той страшной пропасти, въ которой польскій народъ нашелъ для себя политическую смерть. Но это говоритъ уже дальнѣйшая исторія, видѣвшая послѣдствія событія, совершившагося въ вармійской епархіи въ шестидесятыхъ годахъ XVI в.; для поляковъ же шестидесятыхъ годовъ это было прибытіе въ польскую Пруссію монаховъ ордена Іисуса съ цѣлію воспитать будущихъ священниковъ вармійской епархіи.

Грандіозный планъ искорененія еретичества посредствомъ прививки началъ католицизма въ невоздѣланной дѣтской натурѣ, съ которымъ выступило возрождавшееся папство, нашелъ себѣ въ Польшѣ перваго послѣдователя и дѣятельнаго исполнителя въ лицѣ вармійскаго епископа. Хорошо знавшій польскую школу, условія образованія и воспитанія польской молодежи, близко знакомый съ характеромъ польскаго просвѣщенія, съ духомъ польской образованности, кардиналъ Гозій ясно видѣлъ всю настоятельную необходимость для католичества скорѣйшаго осуществленія въ Польшѣ этого грандіознаго плана, скорѣйшей реформы польской школы и всего польскаго просвѣщенія. Давно уже Гозію неудовлетворительность этой школы, недоброкачественность этого просвѣщенія била въ глаза своею рѣзкостію. Дѣти польскихъ пановъ и богатой шляхты учились въ заграничныхъ, по преимуществу, германскихъ университетахъ. Въ самой Польшѣ, въ различныхъ ея областяхъ, появилось много училищъ разныхъ протестантскихъ исповѣданій: по объему преподаванія эти училища не уступали другимъ существовавшимъ тогда въ Польшѣ школамъ, а методы преподаванія были въ нихъ даже лучше, новѣе. Въ этихъ училищахъ воспитывались цѣлые массы дѣтей въ духѣ, прямо-враждебномъ католичеству, подъ руководствомъ заклятыхъ враговъ католичества, а между тѣмъ это было люди, иногда весьма талантливые, но—главное—всегда дышавшіе новизною, гордившіеся тѣмъ, что они проповѣдуютъ чистое евангеліе, что они преобразовываютъ дряхлую старину, что они освобождаютъ духъ и мысль человѣка изъ оковъ папизма. Вокругъ этихъ центровъ протестантской образованности сосредоточивались лучшія силы польскаго общества, вызванныя къ жизни реформаціей, не только со всею страстью религіознаго воодушевленія отдавав-

нія себя на служеніе ей началамъ, но и внесшія въ исторію польскаго просвѣщенія свою блестящую страницу, снискавшія реформаціонному періоду этого просвѣщенія названіе золотаго вѣка польской литературы. Правда, протестантскія школы въ эпоху Сигизмунда Августа не достигли еще значенія высшихъ учебныхъ заведеній; но нѣкоторыя изъ нихъ недалеки уже были отъ того, чтобы начать преобразовываться въ эти высшіе разсадники науки, и вообще могли имѣть будущность, если-бы наступившая реакція, которую подняла весьма искусная рука, не убила ихъ и вмѣстѣ съ ними не загубила надолго національнаго направленія польскаго просвѣщенія. Въ эпоху этого расцвѣта новой протестантской образованности старая школа, созданная католическимъ духовенствомъ и въ свое время сослужившая польскому просвѣщенію немалую службу, находилась въ упадкѣ. XVI вѣкъ,—вѣкъ могущественнаго, властнаго проявленія человѣческой мысли, хотя и односторонне устремившейся въ религіозную область, не сдѣлался второю эпохою возрожденія въ исторіи краковскаго университета. Краковскій университетъ отсталъ отъ вѣка. Въ то время какъ мысль человѣка подъ вліяніемъ реформаціи съ неудержимою силою сбрасывала съ себя унизительныя цѣпи многовѣковаго рабства и съ лихорадочною поспѣшностію подъ новымъ знаменемъ свободы устремилась впередъ, заходила иногда даже слишкомъ далеко, въ краковскомъ университетѣ господствовала старая схоластическая философія, царствовала сухая и сварливая академическая діалектика. Тщетно нѣкоторые просвѣщенные канцлеры краковскаго университета (напр. краковскіе епископы-Петръ Томицкій, Самуилъ Мацѣевскій) пытались поднять его, приглашали иностранныхъ ученыхъ, открывали новыя каѳедры. Нѣсколько подпоръ, хотя бы и крѣпкихъ, не могли поддержать разваливающагося зданія. Краковскій университетъ нуждался въ коренной реформѣ въ уровень съ тогдашнимъ западноевропейскимъ просвѣщеніемъ, съ новыми народившимися общественными потребностями. Громко, всенародно жаловалось польское общество на эту отсталость краковскаго университета, на это отсутствіе въ немъ науки, за которою его дѣтямъ приходилось ѣздить за границу: [1]) но оно только жаловалось и ни-

[1]) Vol. leg. II, 21, konstytucye sejmu piotrkowskiego 1563 r.; Dyaryusz sejmu piotrkowskiego 1565 r., str. 127—129.

чего не предпринимало для преобразованія своего университета. Заботу о немъ оно всецѣло возлагало на католическое духовенство, и самый вопросъ о преобразованіи университета часто поднимало лишь для того, чтобы выместить свою злобу на духовенство за неудавшіеся попытки ограничить экономическія привиллегіи его. Польское духовенство, независимо отъ этихъ непріятныхъ напоминаній, по собственному почину, дѣлало попытки къ преобразованію краковской академіи: на каждомъ почти провинціальномъ синодѣ заходила рѣчь объ этомъ преобразованіи. Но попытки эти не были серьезными, и самая задача всесторонняго преобразованія была не по плечу духовенству, особенно тогдашнему. Люди, поднимавшіе въ синодахъ вопросъ объ улучшеніи академіи, имѣли въ виду не интересы чистой науки, не успѣхи просвѣщенія, какъ такого, а устремляли всѣ свои помыслы лишь ad praecludendam viam angendis haeresibus [1]). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи краковская академія, дѣйствительно, многаго оставляла желать. Хотя краковская академія не увлеклась духомъ реформаціи (не безусловно, конечно), но и своей ревности къ католицизму въ XVI вѣкѣ она ничѣмъ особеннымъ не доказала: она равнодушно смотрѣла на ту умственную горячку, которая охватила польское общество, и ничего не дѣлала, чтобы охладить горячія головы, чтобы спасти ихъ для католичества. Это индефферентное отношеніе краковской академіи къ интересамъ католической церкви, естественно, компрометировало ее въ глазахъ людей, близко къ сердцу принимавшихъ эти интересы. Оно должно было возбуждать въ нихъ даже серьезныя опасенія насчетъ будущаго, потому что печать своего индефферентизма академія неизбѣжно клала на большинство учившейся въ ней польской молодежи: плохая была бы надежда на выработку изъ поляковъ истинныхъ католиковъ въ духѣ возрождавшагося папства, въ духѣ типичнаго представителя его — кардинала Гозія, если бы дѣло высшаго образованія польскаго юношества осталось и впредь въ стѣнахъ краковской академіи. А между тѣмъ сфера вліянія ея не ограничивалась однимъ высшимъ образованіемъ. Академія на дѣлѣ стояла во главѣ всего польскаго просвѣщенія: въ непосредственной зависимости отъ нея

[1]) Łukaszewicz, Hystorya szkół, I, 53—59.

стояли многочисленныя ея колоніи; въ этихъ колоніяхъ, да и во многихъ другихъ школахъ были учителями ея питомцы. Мало того: свой отпечатокъ краковская академія клала на самое польское духовенство, учившееся въ обыкновенныхъ школахъ, т. е. по преимуществу въ академическихъ колоніяхъ (особыхъ духовныхъ коллегій въ Польшѣ тогда не было), и довершавшее свое образованіе въ Краковѣ. Словомъ, между тѣмъ какъ новыя протестантскія школы горѣли, часто въ ущербъ наукѣ, ревностію къ защитѣ своихъ вѣроисповѣдныхъ интересовъ, старыя школы равнодушно по большей части относились къ оборонѣ католической вѣры отъ нападокъ нововѣрія. Вообще же польская школа была или прямо враждебна, или почти безразлична въ отношеніи къ католичеству; общій характеръ польскаго просвѣщенія или рѣшительно антикатолическій, или далекій отъ того, чтобы прійтись по вкусу возрождавшемуся папству, чтобы понравиться кардиналу Гозію. Слѣдовательно, если гдѣ, то въ Польшѣ, нужно было передовымъ борцамъ возрождавшагося католичества пытаться осуществить свой глубоко задуманный планъ искорененія всякаго еретическаго духа; если куда, то въ Польшу, нужно было кардиналу Гозію провести прославившихся уже въ Европѣ искоренитѐлей еретическаго духа — іезуитовъ, это пресловутое орудіе обновленнаго папства. Не для одного будущаго, не для одного воспитанія подростающаго поколѣнія въ надлежащемъ духѣ нужны были тогда іезуиты въ Польшѣ, хотя въ этомъ была главная цѣль ихъ миссіи, хотя совершенное ими перевоспитаніе польскаго общества было тѣмъ гигантскимъ подвигомъ, за который одни поляки благоговѣйно преклоняли колѣна предъ Гозіемъ, призвавшимъ въ Польшу этихъ безкорыстныхъ подвижниковъ, а другіе призывали на его голову всѣ проклятія ада. Много было работы для неутомимыхъ тружениковъ католичества и среди уже воспитавшагося польскаго общества. И можно только удивляться проницательности человѣка, умѣвшаго призвать ихъ въ самую удобную минуту. Послѣ долголѣтняго господства религіознаго свободомыслія, послѣ многихъ крайнихъ, но неизбѣжныхъ увлеченій, послѣ ужасныхъ вакханалій мысли, не всегда умѣвшей пользоваться свободою, въ польскомъ обществѣ поднимаетъ голову, хотя еще почти незамѣтно, естественная, вполнѣ понятная реакція. Ея голосъ еще очень слабъ,

едва слышенъ среди гула и шума голосовъ господствующей партіи; она еще разрозненна, существуетъ еще въ отдѣльныхъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ умахъ; она еще какъ-бы ищетъ только людей, которые бы направили ея силы къ ясно поставленной цѣли, дали бы ей знамя. Тутъ-то вармійскій епископъ призываетъ сначала къ себѣ въ Вармію, а потомъ и въ Польшу іезуитовъ.

Мысль о призваніи іезуитовъ очень рано явилась въ головѣ Гозія. Еще въ 1554 г. онъ думалъ призвать въ свою епархію іезуитовъ и поручить имъ воспитаніе юношества, готовившагося къ поступленію въ духовное званіе. По совѣту извѣстнаго іезуита Петра Канизія въ 1555 г. обращался онъ въ Римъ къ папѣ и нѣкоторымъ кардиналамъ съ просьбой о присылкѣ въ Вармію нѣсколькихъ іезуитовъ. Неизвѣстно почему, но просьба эта не была тогда исполнена [1]). Находясь на тридентскомъ соборѣ, Гозій вступилъ по вопросу о присылкѣ іезуитовъ въ непосредственные переговоры съ генераломъ ордена Яковомъ Лайнезомъ, и уже здѣсь, въ Тридентѣ, они условились между собою относительно учрежденія іезуитской коллегіи въ Брунсбергѣ. Возвратившись съ тридентскаго собора въ Вармію, Гозій немедленно отправилъ въ Римъ деньги на путевыя издержки іезуитовъ и просилъ генерала поспѣшить отсылкой іезуитовъ. Лайнезъ съ своей стороны, по возвращеніи въ Римъ, принялъ нужныя мѣры къ скорѣйшей отправкѣ въ Польшу іезуитовъ. Воспользовавшись затѣмъ присутствіемъ и содѣйствіемъ папскаго нунція Коммендони (гостившаго у него, какъ мы знаемъ, въ маѣ и іюнѣ 1564 г.), Гозій вошелъ съ своимъ капитуломъ въ соглашеніе относительно источниковъ содержанія семинаріи, предположенной къ открытію на основаніи опредѣленія тридентскаго собора. Капитулъ согласился обратить на этотъ предметъ числившійся у него на вармійскомъ епископѣ долгъ (10,300 марокъ), который Гозій обязался погасить ежегодными взносами по 200 марокъ [2]).

31 октября 1564 г. прибыла въ Гейльсбергъ изъ Кельна и Трира первая партія іезуитовъ, въ числѣ пяти человѣкъ; а на другой день прибыли еще трое іезуитовъ прямо изъ Рима.

---

[1]) Eichhorn, I, 182—183.
[2]) Eichhorn, II, 173—175.

Въ Гейльсбергѣ они съ отеческою любовію приняты были Гозіемъ и пробыли здѣсь до Рождества Христова. Немного спустя, прибыли въ Польшу еще двое іезуитовъ изъ Кельна. Къ концу 1564 г. въ Гейльсбергѣ подъ кровомъ Гозія пріютилась уже цѣлая колонія іезуитовъ изъ 11 членовъ. Въ началѣ (7 января) слѣдующаго 1565 года напутствуемые благопожеланіями Гозія, въ сопровожденіи двухъ канониковъ, отправились іезуиты въ Брунсбергъ, гдѣ вступили во владѣніе бывшимъ францискан-скимъ монастыремъ, который передалъ имъ Гозій съ согласія вармійскаго капитула. Устроившись въ Брунсбергѣ, они вы-разили желаніе немедленно приступить къ открытію коллегіи, съ чего іезуиты обыкновенно начинали свою миссіонерскую дѣятельность. Тотчасъ же составили они и отправили (29 янв.) къ Гозію для утвержденія программу ученія, по которой брун-сбергская коллегія должна была состоять изъ пяти классовъ: съ трехъ первыхъ должна была преподаваться грамматика, въ четвертомъ—humaniora, въ пятомъ — реторика. Но открытіе коллегіи натолкнулось на неожиданныя препятствія. Въ іезуит-ской колоніи оказался одинъ членъ, поведеніе котораго было такимъ скандальнымъ, что остальные іезуиты принуждены были обратиться къ Гозію съ просьбою объ удаленіи его изъ пре-дѣловъ Польши, что, впрочемъ, не скоро послѣдовало. Но глав-ное препятствіе, на которое натолкнулись іезуиты при откры-тіи брунсбергской коллегіи, былъ недостатокъ учениковъ: въ іезуитскую коллегію никто не хотѣлъ отдавать дѣтей. Іезуиты обратились къ сосѣднимъ приходскимъ священникамъ съ просьбою побудить своихъ пасомыхъ отдавать дѣтей для воспитанія въ іезуитскую коллегію. Но и это не помогло. Въ городѣ и по окрестностямъ распространились слухи, что іезуиты при-были въ вармійскую епархію, чтобы вербовать здѣсь молодыхъ людей въ свой орденъ, что кто отдастъ своихъ дѣтей въ ихъ коллегію, долженъ быть заранѣе увѣренъ, что никогда ихъ обратно не получитъ, потому что дѣти въ теченіе шести лѣтъ будутъ заключены въ стѣнахъ монастыря и по прошествіи этого времени будутъ выпущены изъ него лишь въ томъ слу-чаѣ, если или ничему не научатся, или окажутся неспособ-ными къ монашеской жизни. Лишь въ концѣ февраля удалось іезуитамъ заманить въ свою коллегію шестерыхъ дѣтей боль-

шею частію изъ низшаго сословія. Но іезуиты рады были и этому и тотчасъ же открыли ученіе [1]).

Начало было сдѣлано. Оставалось повести дѣло воспитанія въ коллегіи такъ, чтобы снискать себѣ расположеніе брунсбергцевъ и ихъ сосѣдей; а іезуиты всегда умѣли съ неподражаемымъ искусствомъ достигать этой цѣли. Число учениковъ въ ихъ коллегіи быстро возрастало, такъ что лѣтомъ 1565 года они могли вести ученіе уже во всемъ предположенномъ ими объемѣ. Къ нимъ, въ коллегію стали поступать не только дѣти жителей Брунсберга, но и изъ сосѣднихъ польскихъ областей. Это очень радовало Гозія, и онъ не щадилъ съ своей стороны усилій, чтобы привлечь въ брунсбергскую коллегію побольше польскихъ юношей. Онъ неутомимо трудился надъ упроченіемъ положенія брунсбергской коллегіи и семинаріи. Послѣ предварительнаго совѣщанія съ капитуломъ, онъ созвалъ въ Гейльсбергѣ (7 авг. 1565 г.) епархіальный синодъ, на которомъ было рѣшено поручить предположенную къ открытію духовную семинарію завѣдыванію іезуитовъ. Вмѣстѣ съ этимъ утверждено было за іезуитами владѣніе францисканскимъ монастыремъ съ церковью и всѣми принадлежностями,—рѣшено произвести въ немъ нужныя починки и вообще приспособить его для помѣщенія въ немъ іезуитовъ и ихъ будущихъ воспитанниковъ. Затѣмъ синодъ приступилъ къ изысканію источниковъ содержанія двадцати іезуитовъ и двадцати четырехъ воспитанниковъ семинаріи. Кромѣ уже упомянутыхъ нами ежегодныхъ взносовъ по 200 марокъ, Гозій согласился ежегодно вносить на этотъ предметъ изъ епископскихъ доходовъ $666^2/_3$ марк., а капитулъ $333^1/_3$ мар., такъ что годовой доходъ коллегіи и семинаріи составлялъ 1200 марокъ. Но при этомъ было постановлено, что, по мѣрѣ увеличенія средствъ коллегіи и семинаріи изъ посторонннихъ источниковъ, ежегодные взносы епископа и капитула будутъ уменьшаться. Наконецъ, соборъ выразилъ желаніе перевести въ брунсбергскую коллегію стипендіи вармійской епархіи, существовавшія въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ, заразившихся протестантствомъ [2]).

Дѣло, по видимому, слагалось очень благопріятно для

---

[1]) Eichhorn, II, 176—181.
[2]) Eichhorn, II, 181—183.

іезуитовъ. Но въ Брунсбергѣ они натолкнулись на новыя препятствія. Брунсбергцы не дружелюбнымъ окомъ смотрѣли на іезуитовъ и при всякомъ удобномъ случаѣ давали чувствовать свое нерасположеніе какъ къ самимъ іезуитамъ, такъ и къ учившимся у нихъ польскимъ юношамъ. Національное чувство этихъ послѣднихъ оскорблялъ самъ префектъ коллегіи Симонъ Гагенавъ, пруссакъ по происхожденію, который на своихъ лекціяхъ реторики безпощадно нападалъ на краковскихъ профессоровъ и жестоко обращался съ учениками поляками. Когда къ этому присоединилась еще большая смертность въ городѣ, польскіе юноши рѣшились уѣхать изъ Брунсберга. Узнавъ объ этомъ, Гозій явился лично въ Брунсбергъ и старался ихъ успокоить; но это не помогло, и большинство поляковъ, учившихся въ Брунсбергѣ, въ концѣ 1565 года ушли изъ него и не возвратились болѣе. Отъ этой потери брунсбергская коллегія не скоро оправилась, тѣмъ болѣе что въ ней возникли внутренніе раздоры. Для устраненія ихъ въ началѣ 1566 г. прибылъ въ Брунсбергъ іезуитскій вице-провинціалъ для польши Францъ Зуннеръ. Онъ произвелъ существенныя реформы, поднялъ духъ въ брунсбергской іезуитской колоніи и сдѣлалъ въ Римъ представленіе о присылкѣ въ Брунсбергъ новыхъ іезуитовъ. Четверо изъ нихъ вскорѣ прибыли въ Брунсбергъ. Одинъ изъ нихъ Іоаннъ Астенсисъ назначенъ былъ ректоромъ коллегіи. Съ новыми силами, съ новымъ духомъ принялись іезуиты за прежнюю работу, хотя и теперь дѣло не обошлось безъ непріятностей для нихъ. Позднею осенью 1566 г. между брунсбергскими мѣщанами и іезуитскими питомцами опять произошло столкновеніе; но на этотъ разъ іезуитамъ удалось благополучно его прекратить, даже добиться наказанія виновниковъ его [1]).

Пребываніемъ іезуитскаго вице-провинціала Гозій воспользовался для того, чтобы окончательно обсудить съ нимъ условія открытія и существованія духовной семинаріи, учрежденіе которой рѣшено было на епархіальномъ синодѣ 1565 г. По желанію вице-провинціала точно разграничены были источники содержанія коллегіи и семинаріи, руководство которой іезуиты, только въ видѣ исключенія, приняли на себя: для семинаріи

[1]) Ibid., 183—186.

должно было быть построено особое зданіе; изъ среды іезуитовъ имѣли быть избраны особыя лица для ученія и наблюденія за воспитанниками семинаріи; на содержаніе ея опредѣлена была особая сумма доходовъ и пр. [1]). Открытіе семинаріи на этихъ условіяхъ послѣдовало лишь въ 1567 году. Въ слѣдующемъ 1568 г. по желанію прибывшаго въ Брунсбергъ для новой ревизіи іезуитскаго провинціала для Австріи и Польши Лаврентія Маги, произведены были еще нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ семинаріи, главное изъ которыхъ состояло въ томъ, что, хотя завѣдываніе хозяйственною частью семинаріи было предоставлено епископу и капитулу, но ихъ экономъ относительно пищи и одежды воспитанниковъ долженъ былъ руководиться указаніями префекта семинаріи; іезуитамъ предоставлялось также право нанимать и удалять прислугу въ семинаріи, исключать изъ семинаріи воспитанниковъ дурнаго поведенія и пр. Гозій съ удовольствіемъ далъ свое согласіе на эти измѣненія семинарскаго устава и даже въ знакъ своей особенной благодарности іезуитамъ за ихъ заботы о воспитаніи будущихъ вармійскихъ ксендзовъ, назначилъ изъ епископскихъ доходовъ 7 марокъ на неугасимую лампаду въ іезуитской церкви [2]).

Брунсбергская коллегія послѣ произведенныхъ въ ней вице-провинціаломъ измѣненій и преобразованій быстро поднялась вверхъ: число учениковъ ея значительно возрасло: въ нее опять стали поступать ученики изъ разныхъ польскихъ областей, особенно изъ Малой Польши; въ числѣ учениковъ ея стали появляться даже дѣти протестантскихъ родителей. Гозій не щадилъ никакихъ трудовъ и усилій, чтобы привести ее въ цвѣтущее состояніе. Съ одной стороны онъ осыпалъ іезуитовъ своими милостями, дѣлалъ имъ значительные подарки деньгами и жизненными припасами. Съ другой, чтобы пріобрѣсти своей новой школѣ расположеніе въ обществѣ, онъ постоянно писалъ письма къ польскимъ панамъ, побуждая ихъ присылать своихъ дѣтей для обученія въ брунсбергскую коллегію братьевъ общества Іисуса, прославившихся во всемъ христіанскомъ мірѣ своимъ педагогическимъ искусствомъ. Авторитетъ, которымъ

---

[1]) Ibid., 186—190.
[2]) Ibid., 299—300.

пользовался Гозій въ извѣстной части польскаго общества, много помогъ тому, что его брунсбергская коллегія все болѣе и болѣе наполнялась польскими юношами. Не довольствуясь этимъ, Гозій на свой счетъ содержалъ въ брунсбергской коллегіи значительное число недостаточныхъ молодыхъ людей [1]).

Мы прослѣдили первые успѣхи педагогической дѣятельности іезуитовъ въ вармійской епархіи,—дѣятельности, начинавшей уже выходить за предѣлы Варміи. Но педагогическая дѣятельность была для нихъ не цѣлью, а лишь средствомъ, лишь однимъ изъ путей, ведшихъ къ спасенію католичества. Въ вармійской епархіи, какъ мы знаемъ, состояніе католичества оставляло многаго желать. Правда, при помощи бывшей у него въ распоряженіи свѣтской власти, Гозій одержалъ побѣду надъ реформаціей въ Брунсбергѣ; но въ его епархіи была мѣстность, гдѣ онъ не могъ примѣнить къ дѣлу этой власти, а между тѣмъ во время его шестилѣтняго отсутствія реформація взяла здѣсь перевѣсъ надъ католичествомъ. Такимъ больнымъ мѣстомъ въ епархіи Гозія былъ Эльбингъ. Послѣ отъѣзда Гозія въ Римъ, онъ получилъ отъ короля въ 1558 г. (22 декабря) подтвердительную привиллегію свободно содержать аугсбургское исповѣданіе и причащаться подъ двумя видами (въ монастырской церкви) до будущаго сейма, или до вселенскаго или національнаго собора. По полученіи этой привиллегіи, Эльбингъ вскорѣ сдѣлался совершенно лютеранскимъ городомъ. Масса Эльбингскаго населенія такъ враждебно была настроена по отношенію къ католичеству, что дозволяла себѣ иногда даже насилія надъ католическими священниками. При такомъ настроеніи народной массы трудно было найти для приходской эльбингской церкви (св. Николая) такого священника, который бы могъ здѣсь дѣйствовать съ авторитетомъ, котораго бы масса не посмѣла оскорбить. Такой священникъ повидимому найденъ былъ въ 1562 г. въ лицѣ Николая Косса, секретаря короннаго подканцлера Мышковскаго. Благодаря своимъ связямъ при дворѣ, Коссъ, дѣйствительно, возвратилъ эльбингской католической церкви отнятыя у нея магистратомъ земли; но этимъ и ограничились труды Косса на пользу католичества въ Эльбингѣ. Самъ онъ продолжалъ свои прежнія за-

[1]) Eichhorn, II, 298; Łukaszewicz, I, 117—119.

нятія въ королевской канцеляріи, а отправленіе своихъ священническихъ обязанностей въ Эльбингѣ поручилъ одному польскому священнику, по имени Яну Сарцерію. Этотъ Сарцерій оказался приверженнымъ къ протестанству; онъ сталъ преподавать причащеніе подъ двумя видами; потомъ оказалось что онъ—женатъ. Викарій Гозія приказалъ Сарцерію удалиться изъ Эльбинга; но Сарцерій, опираясь на поддержку магистрата, не повиновался этому приказу, объявивъ, что онъ получилъ право проповѣдывать въ эльбингской церкви отъ мѣстнаго священника Косса, и оставался въ Эльбингѣ до самаго возвращенія Гозія въ вармійскую епархію [1]).

По прибытіи въ епархію, Гозій хотѣлъ было тотчасъ-же приняться за возстановленіе католичества въ Эльбингѣ: онъ послалъ въ Эльбингъ на мѣсто Сарцерія католическаго священника и даже лично намѣревался отправиться туда. Но эти желанія Гозія не осуществились такъ скоро, какъ онъ того хотѣлъ: онъ не могъ найти нужнаго ему священника, и боязнь чумы удержала его самаго отъ поѣздки въ Эльбингъ. Между тѣмъ эльбингцы въ 1567 г. выхлопотали себѣ у короля новый эдиктъ, подтверждавшій привиллегію 1558 г. и дозволявшій имъ свободное исповѣданіе аугсбургскаго ученія до изданія эдикта о религіи, или до созванія національнаго собора и, слѣдовательно, освобождавшій ихъ отъ исполненія тридентскихъ постановленій. Этотъ эдиктъ внушилъ еще большую смѣлость эльбингцамъ, и эльбингскія городскія власти теперь еще менѣе склонны были удовлетворить желаніямъ своего номинальнаго епископа. Но и Гозій не былъ расположенъ считать себя побѣжденнымъ и при помощи своихъ новыхъ союзниковъ рѣшился возобновить свою старую борьбу съ Эльбингомъ. Прежде всего, по распоряженію Гозія, Коссъ прибылъ въ Эльбингъ въ сопровожденіи іезуита Якова Астенсиса, славившагося ораторскимъ искусствомъ и, какъ законный настоятель церкви св. Николая, заставилъ удалиться изъ нея Сарцерія. Вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ Коссъ опять возвратился ко двору, Гозій послалъ въ Эльбингъ каноника Якова Циммермана съ іезуитами Астенсисомъ и Фаге. Хотя Циммерманъ прибылъ въ Эльбингъ, какъ оффиціальное лицо, уполномоченное вести отъ его лица съ маги-

[1]) Eichhorn, II, 190—194.

стратомъ переговоры о церковныхъ дѣлахъ, но пріемъ, оказанный ему въ Эльбингѣ, не соотвѣтствовалъ его званію. Большихъ трудовъ стоило ему отыскать для себя квартиру въ городѣ, такъ какъ никто не соглашался принять къ себѣ въ домъ его спутниковъ. Ему пришлось подождать нѣсколько дней, прежде чѣмъ, по его приглашенію, собрался городской магистратъ на засѣданіе. Этимъ временемъ Циммерманъ и іезуиты вздумали воспользоваться, чтобы совершить въ церкви св. Николая католическое богослуженіе. Циммерманъ, именемъ вармійскаго епископа, приказалъ Сарцерію, опять утвердившемуся въ этой церкви, отдать ему ключи отъ каѳедры. Сарцерій отказался исполнить это требованіе, говоря, что онъ получилъ ключи отъ магистрата и безъ его позволенія не можетъ ихъ отдать. Послѣ того какъ попытка сломать замокъ не удалась, Циммерманъ съ іезуитами отправились въ новый городъ, чтобы тамъ совершить богослуженіе. Здѣшній священникъ, хотя и не безъ колебаній, позволилъ іезуитамъ совершать богослуженіе въ своей церкви. Но когда богослуженіе было начато, толпа народа, подстрекаемая протестантскими проповѣдниками, ворвалась въ церковь. Іезуитъ Фаге взошелъ на каѳедру и сталъ проповѣдывать: едва онъ началъ говорить, толпа стала страшно кричать и шумѣть. Іезуитъ не струсилъ. Не обращая вниманія на шумъ, онъ продолжалъ проповѣдывать. Изъ толпы полетѣли въ него камни, іезуитъ уклонился въ сторону и все-таки окончилъ проповѣдь [1]).

Объ этомъ происшествіи Циммерманъ ничего не сказалъ магистрату, а лишь донесъ Гозію. Когда въ назначенный день собрался магистратъ и представители мѣщанскаго сословія, Циммерманъ вручилъ имъ письмо Гозія и изложилъ главные предметы своего посольства въ Эльбингъ. Послѣ продолжительнаго совѣщанія городской магистратъ отвѣтилъ ему, что эльбингцы благодарятъ Гозія за его отеческое увѣщаніе имъ—не присвоивать себѣ духовной юрисдикціи, такъ какъ по прежнему считаютъ его своимъ епископомъ, но что они не соглашаются принять назначеннаго имъ католическаго проповѣдника, такъ какъ это противорѣчитъ ихъ привиллегіямъ и ихъ совѣсти. Въ томъ же смыслѣ составленъ былъ и письменный

[1]) Eichhorn, II, 195—203.

отвѣтъ Гозію, въ которомъ эльбингцы ссылались на привиллегіи Казиміра и Сигизмунда Августа (1567 г.) и заявляли, что не могутъ принять священника, который исповѣдуетъ другую вѣру, чѣмъ они [1]).

Получивъ этотъ отвѣтъ, Гозій немедленно препроводилъ его къ подканцлеру Мышковскому, снабдивъ его своими замѣчаніями и возраженіями съ тѣмъ, чтобы онъ доложилъ объ этомъ королю. Вмѣстѣ съ этимъ онъ отправилъ ко двору жалобу на насилія, совершенныя эльбингцами надъ іезуитами, обвиняя въ этомъ преимущественно городской магистратъ, не воспрепятствовавшій совершенію этихъ насилій. Въ письмѣ къ королю онъ просилъ у него защиты противъ эльбинскаго магистрата, не уважающаго ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ [2]). Вслѣдствіе жалобы Гозія явилась въ Эльбингъ особая королевская коммиссія. Она достигла того, что эльбингскій магистратъ обѣщалъ возвратить вармійскому епископу церковь св. Николая со всѣми ея принадлежностями и принять подъ свою защиту іезуитовъ и другихъ духовныхъ, которыхъ Гозій пришлетъ въ Эльбингъ. Послѣ отъѣзда этой коммиссіи въ Эльбингѣ въ теченіе нѣкотораго времени все было спокойно. Іезуиты не подвергались болѣе оскорбленіямъ и открыто совершали католическое богослуженіе. Гозій былъ очень доволенъ успѣхами іезуитовъ, спѣшилъ подѣлиться радостью со своими римскими друзьями. Самъ папа прислалъ Гозію поздравленіе съ счастливымъ началомъ и обѣщалъ споспѣшествовать ему своими смиренными молитвами. Но радость оказалась преждевременною. Въ Эльбингѣ опять стали высказываться недружелюбныя чувства къ іезуитамъ, проявлявшіяся иногда въ очень рѣзкихъ формахъ. Съ большими усиліями выпрашивали іезуиты нужныя имъ для богослуженія церковныя облаченія и сосуды у завѣдывавшихъ ими лицъ; приходилось упрашивать пономаря, чтобы онъ отворилъ церковь; органистъ нарочно разстраивалъ совершаемое ими богослуженіе. Іезуиты терпѣливо переносили всѣ эти мелкія непріятности, настойчиво продолжали свое дѣло. Ничто не могло заставить ихъ молчать: ни шумъ и смѣхъ, которые чернь поднимала во время совершаемаго ими богослуженія, ни камни, которые летѣли изъ толпы на алтарь и каѳедру, гдѣ находился

[1]) Ibid., II, 204—205.
[2]) Ibid., 205—208.

іезуитъ, ни опасности, угрожавшія имъ въ ихъ собственномъ жилищѣ отъ раздраженнаго народа. Іезуиты все переносили съ терпѣніемъ и смиреніемъ. Но Гозій рѣшился съ своей стороны принять мѣры къ тому, чтобы сдѣлать положеніе іезуитовъ въ Эльбингѣ хотя нѣсколько сноснымъ. Въ декабрѣ 1567 г. эльбингцы получили угодный Гозію королевскій указъ, послѣ чего прекратились, по крайней мѣрѣ, открытыя насильственныя дѣйствія толпы въ отношеніи іезутовъ [1]).

Съ радостью слѣдя за успѣхами іезуитовъ въ Эльбингѣ, Гозій рѣшился самъ лично помочь имъ въ ихъ трудномъ дѣлѣ. Послѣ предварительнаго совѣщанія съ эльбингскими іезуитами, онъ (6 апрѣля 1568 г.) прибылъ въ Эльбингъ и съ подобающимъ почетомъ былъ встрѣченъ городскимъ магистратомъ. По его желанію, на слѣдующій день собрались въ ратушѣ городской магистратъ и мѣщане. Гозій обратился къ нимъ съ пространною рѣчью, въ которой говорилъ о своихъ прежнихъ усиліяхъ обратить ихъ на путь истины, о безуспѣшности этихъ усилій вслѣдствіе ихъ упорства, порицалъ ихъ требованіе, чтобы онъ, ихъ епископъ, дозволилъ содержать имъ аугсбургское исповѣданіе, надъ которымъ смѣются даже многіе изъ протестантовъ, указывалъ на то, что протестанты отпали отъ католической церкви, раздробились на множество партій, обличающихъ одна другую въ ереси, говорилъ, что онъ не знаетъ никакого другаго исповѣданія, кромѣ христіанскаго, что онъ съ гордостію признаетъ себя католикомъ, или—что одно и тоже—папистомъ, упрекалъ ихъ за присвоеніе себѣ, вопреки запрещенію Меланхтона, епископскихъ правъ и обязанностей, и въ заключеніе жаловался на тѣ оскорбленія и насилія, которымъ подверглись въ Эльбингѣ за Христа іезуиты, пріобрѣвшіе въ Брунсбергѣ и во всемъ христіанскомъ мірѣ всеобщее къ себѣ расположеніе [2]). На другой день эльбингцы дали Гозію свой обычный отвѣтъ: они благодарили его за его заботы объ ихъ спасеніи, но выражали надежду, что, такъ какъ король дозволилъ имъ принятіе аугсбургскаго исповѣданія, онъ Гозій, не будетъ возставать противъ него и не будетъ присылать къ нимъ священниковъ, проповѣдующихъ ученіе, не согласное съ аугсбург-

---

[1]) Eichhorn, II, 300—306.
[2]) Eichhorn, II, 307—314.

скимъ исповѣданіемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Гозій велъ полемику съ магистратомъ и съ отдѣльными его членами по разнымъ вопросамъ; но эта полемика не принесла желанныхъ результатовъ. Эльбингцы упорно отстаивали аугсбургское исповѣданіе; ихъ суперъ-интендентъ Севастіанъ Неогеоргъ, въ бытность самого Гозія въ Эльбингѣ, въ своихъ проповѣдяхъ къ народу горячо нападалъ на папу, кардиналовъ и епископовъ и убѣждалъ своихъ слушателей не отступать отъ слова Божія. Гозій увидѣлъ, что его голосъ въ Эльбингѣ—голосъ вопіющаго въ пустынѣ, и уѣхалъ изъ Эльбинга [1]).

Во время своего пребыванія въ Эльбингѣ, Гозій могъ убѣдиться, какъ мало было надежды на возвращеніе эльбингцевъ къ католической вѣрѣ. Онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, удалить изъ Эльбинга суперъ-интендента, осмѣливавшагося вести такую рѣзкую полемику противъ католичества. Съ этою цѣлію онъ обратился къ Сигизмунду Августу съ просьбою объ изгнаніи Неогеорга изъ Эльбинга, и послѣ большихъ усилій ему удалось выхлопотать королевскій указъ (16 іюня 1568 г.), повелѣвавшій эльбингскому магистрату удалить изъ города Неогеорга. Но одновременно съ этимъ Гозію дано было понять, что королю желательно, чтобы онъ не дѣлалъ серьезнаго употребленія изъ этого указа, а постарался мирнымъ образомъ удалить суперъ-интендента изъ города. Такой образъ мыслей короля былъ хорошо извѣстенъ и эльбингцамъ. Поэтому, эльбингскій магистратъ не обратилъ на королевскій указъ вниманія и при объявленіи его въ Эльбингѣ прямо заявилъ: „пусть лучше изгонятъ іезуитовъ“. Неогеоргъ остался въ городѣ и еще рѣзче вооружался въ своихъ проповѣдяхъ противъ „дьявольскихъ папистовъ“. Опять начались въ Эльбингѣ оскорбленія іезуитовъ. Хотя Гозій опять явился на помощь іезуитамъ и послалъ нѣсколькихъ изъ нихъ въ Варшаву ко двору, чтобы принести королю жалобу и просить у него защиты, но при дворѣ іезуиты не получили ничего, кромѣ обѣщаній и утѣшеній, да указанія на защиту Божію [2]).

---

[1]) Ibid., II, 314—319.
[2]) Ibid., 320—319.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Подъ крыломъ Гозія, въ вармійской епархіи свили себѣ братья общества Іисуса первое гнѣздо на польской, или—точнѣе польско-прусской землѣ. Но не въ одной Варміи, не въ Брунсбергѣ и Эльбингѣ только было, по мысли кардинала Гозія, удобное мѣсто для римскихъ птенцовъ: ему желалось, чтобы вся по возможности польская земля покрылась ихъ гнѣздами. Лишь только прибыли въ Вармію іезуиты, лишь только принялись они основывать свою коллегію въ Брунсбергѣ, полетѣли отъ Гозія письма къ польскимъ епископамъ, извѣщавшія ихъ о прибытіи желанныхъ гостей, убѣдительно рекомендовавшія имъ пригласить и въ свои епархіи прославившихся во всей Европѣ воспитателей юношества въ духѣ благочестія. Польская жизнь въ это время переставала уже быть тѣмъ бурнымъ, шумнымъ моремъ, въ которомъ терялся, безслѣдно иногда пропадалъ голосъ вармійскаго епископа. Этотъ голосъ имѣлъ уже теперь шансы быть услышаннымъ. Въ воздухѣ повѣяло реакціей. Симптомы начавшагося оживленія католичества были на лицо. Во время самаго петроковскаго сейма, въ самой посольской избѣ, встававшей бывало какъ одинъ человѣкъ на защиту своей реформаторской программы, отъ времени до времени прорывались уже неизвѣстные прежде реакціонные возгласы. И по той страстности, запальчивости, съ какою протестантское большинство спѣшило заглушить, задавить ненавистный крикъ, можно уже догадываться, что и заглушаемое меньшинство представляло собою нѣчто такое, съ чѣмъ приходилось считаться. Недаромъ въ продолженіи одного года съ небольшимъ два раза подолгу совѣщались Гозій и Коммендони; недаромъ два раза въ такой короткій срокъ являлся Гозій лично въ собственную Польшу, на театръ военныхъ дѣйствій, чтобы помочь апостольскому нунцію. Вокругъ этихъ столповъ католичества привыкало концентрироваться все, въ чемъ только зарождался или крылся духъ реакціи. Польскіе епископы здѣсь напитывались, проникались спасительнымъ для католичества духомъ противленія реформаторскимъ планамъ своего примаса. Въ кого нельзя было влить этого спасительнаго духа, того

наши кардиналы умѣли другими средствами заставить идти наперекоръ упрямому примасу. По приказу Коммендони куявскій епископъ Вольскій, имѣвшій денежные счеты съ Уханскимъ, рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ Рима, съ удивительнымъ усердіемъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ примаса, съ замѣчательною аккуратностью доносилъ ему обо всемъ, что ни сдѣлалъ, или только подумалъ сдѣлать Уханскій [1]). Коронный подканцлеръ Мышковскій, хлопотавшій о плоцкомъ коадъюторствѣ, былъ всегда къ услугамъ Гозія и Коммендони, обѣщавшихъ ходатайствовать за него въ Римѣ. Низшее духовенство также не имѣло основаній роптать на Гозія и Коммендони: они засвидѣтельствовали вѣрность мотивовъ, выставленныхъ духовенствомъ въ прошеніи къ папѣ противъ исполненія въ Польшѣ извѣстныхъ тридентскихъ опредѣленій о количествѣ бенефицій и резиденціи, хотя вовсе не считали этихъ мотивовъ заслуживающими вниманія, и папа отсрочилъ приведеніе въ исполненіе этихъ опредѣленій на три года [2]). Всякій порывъ ревности въ защитѣ католической вѣры Гозій и Коммендони старались поддержать, подогрѣть, воспламенить; за всякое слово въ пользу католической церкви въ сенатѣ, или избѣ, или на частномъ собраніи они умѣли отблагодарить, умѣли показать, что высоко цѣнятъ это слово, какъ подвигъ на благо церкви. Такой образъ дѣйствій принесъ блестящіе результаты. Престарѣлый, больной сенаторъ нарочно приказываетъ принести себя въ засѣданіе сената, чтобы заявить свой протестъ противъ петроковской конституціи и когда, какъ и слѣдовало ожидать, его протестъ не помогъ дѣлу, спѣшитъ къ Гозію и Коммендони излить предъ ними свое горе [3]). Заявившій протестъ противъ той же конституціи и вызвавшій этимъ въ избѣ страшную бурю, въ которой дѣло чуть не дошло до сабель, земскій посолъ Русоцкій спѣшитъ лично повѣдать нунцію о своемъ подвигѣ, жалуется ему на епископовъ, что они не достаточно сильно поддерживали его [4]). Факты такого искренняго заявленія ревности къ католической вѣрѣ польскими обществен-

---

[1]) Albertrandi, II, 282—283, wyjętek z listu biskupa kujawskiego do Commendoni'ego.

[2]) Ibid., 195—202, Piotrków, 3 czerwca 1565.

[3]) Ibid., 142, Piotrków, 3 kwietnia 1565.

[4]) Ibid., 153—154, Piotrków, 7 kwietnia 1565.

ными дѣятелями, хотя бы они были и единичными случаями, сами говорятъ за себя: исторія недалекаго прошлаго не представляетъ намъ ничего похожаго на нихъ. Но факты эти не были уже тогда чѣмъ-то совершенно необычнымъ въ Польшѣ, а были лишь болѣе сильными, болѣе рѣзкими проявленіями цѣлаго, хотя только что еще пролагавшаго себѣ путь, теченія общественной мысли и жизни. Раздѣленіе польскихъ протестантскихъ силъ между нѣсколькими лагерями, и это въ такое время, когда католическія силы начинали понемногу сосредоточиваться около Гозія и Коммендони; появленіе разнообразныхъ, часто самыхъ нелѣпыхъ антитринитарскихъ сектъ, неизбѣжно компрометировавшее все протестантство, страшнымъ холодомъ обдававшее всякаго, кто бы захотѣлъ призадуматься надъ этимъ его порожденіемъ, и это въ такое время, когда самое слабое тяготѣніе къ старой вѣрѣ, малѣйшую искру умѣлая рука не щадила средствъ раздуть въ яркое, сильное пламя ревности по вѣрѣ: все это, въ свое время предусмотрѣнное Гозіемъ, начинало приносить горькіе для протестантовъ, но сладкіе для вармійскаго кардинала плоды. Во время сейма въ Петроковѣ въ послѣдніе дни предъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ народъ „огромными толпами“ приступалъ къ причащенію. Апостольскій нунцій собственноручно „многихъ“ причащалъ. „Изъ шляхты по причинѣ разнообразія сектъ и вслѣдствіе проклятій, которыя они другъ на друга налагаютъ, многіе возвращались въ лоно церкви, многіе колебались въ убѣжденіяхъ“. У конфессіонала королевскаго духовника Мельхіора Мосцицкаго, котораго папа надѣлилъ правомъ разрѣшенія еретиковъ, въ теченіе всей страстной седмицы „тѣснились толпой иновѣрцы, желающіе примириться съ церковью“. Нунцій въ виду такой „обильной жатвы“ совѣтовалъ уже римской куріи надѣлить правомъ разрѣшенія еретиковъ и нѣкоторыхъ другихъ ксендзовъ, потому что „гдѣ много больныхъ, тамъ нужно много и врачей“ [1]). Онъ совѣтовалъ куріи сдѣлать кардинала Гозія раздаятелемъ этого права въ Польшѣ [2]). Въ Познани, какъ извѣщали Гозія, самъ епископъ Адамъ Конарскій дѣятельно трудился надъ очищеніемъ своей паствы отъ ереси:

[1]) Ibid., 167—168, Piotrków, 23 kwietnia 1565.
[2]) Ibid., 253—254, Heilsberg, 16 lipca 1565.

его два проповѣдника Станиславъ Варшевицкій и Венедиктъ Гербестъ своими проповѣдями многихъ возвращали католической церкви [1]). Проѣзжая чрезъ Познань на возвратномъ пути къ Римъ, Коммендони къ удовольствію своему узналъ, что и здѣсь существуетъ жестокая вражда между лютеранами и „пикардами“, что послѣдніе сильно оскорбили своего патрона Остророга. отлучивъ его отъ церкви за сношенія съ лютеранами. Коммендони думалъ даже остаться на нѣсколько дней къ Познани и подождать пріѣзда Остророга, чтобы попытаться, нельзя-ли возвратить католичеству этого знатнаго пана. Въ Познани же нунція сильно порадовала вѣсть, что жившій недалеко отъ Познани шляхтичъ Гостыня, бывшій на петроковскомъ сеймѣ однимъ изъ заклятыхъ враговъ католической церкви, „по совѣту жены, а болѣе того еще пораженный разнообразіемъ столькихъ сектъ“, возвратился къ католической церкви, прогналъ протестантскаго проповѣдника и просилъ познанскаго епископа прислать къ нему католическаго ксендза. Этотъ заклятый прежде врагъ католичества спѣшилъ теперь въ Познань привѣтствовать апостольскаго нунція [2]). Когда нунцій прибылъ въ Малую Польшу, центръ польскаго реформатства, до него дошла радостная вѣсть, что двое знатныхъ и вліятельныхъ придворныхъ прогнали изъ своихъ владѣній еретическихъ проповѣдниковъ и возстановили католическое богослуженіе [3]).

Все это было знаменіемъ времени, предзнаменованіемъ лучшаго будущаго. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Коммендони, находившій, что не слѣдуетъ отчаяваться на счетъ польскаго королевства, въ которомъ „такое количество людей отрекается отъ заблужденій и начинаетъ возвращаться подъ единый законъ“ [4]). Не отчаявался нунцій въ особенности потому, что зналъ, что дальнѣйшее направленіе спасительной реакціи находится въ надежныхъ рукахъ кардинала Гозія, призвавшаго къ себѣ на помощь іезуитовъ. Коммендони и самъ не мало потрудился, чтобы облегчить задуманное Гозіемъ проведеніе іезуитовъ въ Польшу. Онъ неоднократно убѣждалъ короля устроить нѣсколько іезуитскихъ коллегій въ Польшѣ и помѣстить ихъ,

---

[1]) Eichhorn, II, 240—241.

[2]) Albertrandi, II, 291—293, Poznań, 1 października 1565.

[3]) Ibid., 314—315, Kalisz, 4 listopada 1565.

[4]) Ibid., 168, Piotrków, 25 kwietnia 1565.

какъ „передовыя укрѣпленія вѣры“, въ главнѣйшихъ городахъ королевства. Особенно просилъ нунцій объ основаніи коллегіи въ Вильнѣ. Король обѣщалъ нунцію дать іезуитамъ въ Вильнѣ свое собственное зданіе, удобное и обширное, и даже поручилъ ему попросить генерала Лайнеза, чтобы онъ прислалъ для виленской коллегіи полный составъ профессоровъ богословія, философіи, математики и др. наукъ. Коммендони просилъ Лайнеза поспѣшить высылкою хорошихъ профессоровъ и проповѣдниковъ. Ему предносилась уже идея, которая осуществилась лишь пятнадцать лѣтъ спустя: ему виднѣлся уже въ перспективѣ іезуитскій литовскій университетъ (niejako wszechnica dla całej Litwy) [1]). Но дѣло открытія іезуитской коллегіи въ Вильнѣ затянулось на долго, не смотря на обѣщанія короля: протестантская партія съ Радзивилломъ во главѣ была слишкомъ сильна въ Вильнѣ, чтобы безъ протеста допустить въ Литву іезуитовъ [2]). Хотя Радзивиллъ вскорѣ умеръ, но открытіе коллегіи въ бытность нунція въ Польшѣ не состоялось. Счастливѣе былъ нунцій въ собственной Польшѣ. Первый польскій епископъ, рѣшившійся послѣдовать примѣру кардинала Гозія, былъ плоцкій епископъ Андрей Носковскій. Послѣ совѣщанія съ Коммендони онъ постановилъ открыть іезуитскую коллегію въ Пултускѣ. Нунцій съ своей стороны постарался выхлопотать у Сигизмунда Августа привиллегію для іезуитовъ, имѣвшихъ прибыть въ Польшу. Въ этой привиллегіи, открывшей впервые врата въ Польшу всемірнымъ реакціонерамъ, Сигизмундъ Августъ, вполнѣ одобряя „спасительную для церкви и христіанскаго государства мысль“ плоцкаго епископа, дозволяетъ этому епископу призвать въ Пултускъ братьевъ общества Іисуса, отдать имъ устроенное епископомъ зданіе, надѣлить ихъ доходами изъ епископскаго имущества и т. под. Въ заключеніе привиллегіи король предоставляетъ всему вообще обществу Іисуса пользоваться „всѣми правами и привиллегіями, какими въ Польшѣ пользуются всѣ ордена всѣхъ христіанскихъ народовъ“ и обѣщаетъ ему свою и своихъ преемниковъ защиту и покровительство [3]). Андрей Носковскій богато надѣ-

[1]) Ibid., 10—11, Piotrków, 1 Styeznia 1565.
[2]) Ibid., 170, Piotrków, 1 maja 1565.
[3]) Ibid., 116—118, przywilej, dan w Piotrkowie 23 marca 1565.

лилъ пултускую коллегію, войдя предварительно въ соглашеніе съ краковскою академіей, которая по просьбѣ епископа уступила іезуитамъ подчиненную ей пултускую школу; взамѣнъ этого епископъ основалъ при краковской академіи особую бурсу, ставшую извѣстною подъ именемъ бурсы Носковскаго [1]). Послѣ брунсбергской коллегіи это было второе іезуитское гнѣздо, и уже на чисто-польской землѣ. Коммендони предъ выѣздомъ изъ Польши удалось расположить еще въ пользу призванія іезуитовъ познанскаго епископа [2]), но призваніе сюда іезуитовъ не скоро еще состоялось.

Послѣ отъѣзда Коммендони, вся тяжесть заботъ по дальнѣйшему водворенію іезуитовъ въ Польшѣ легла на кардинала Гозія. Дѣйствительное открытіе пултуской коллегіи произошло въ самомъ началѣ 1566 года; школа состояла изъ пяти классовъ. Пултуская коллегія пользовалась расположеніемъ Носковскаго, а послѣ его смерти новаго плоцкаго епископа, извѣстнаго уже намъ короннаго подканцлера Мышковскаго. Благодаря стараніямъ послѣдняго іезуиты въ 1568 г. проникли въ самую столицу Польши: они утвердились при краковскомъ костелѣ св. Матоея, хотя своей коллегіи тутъ не открыли. Въ 1568 г. посѣтилъ вмѣстѣ съ брунсбергскою и пултускую коллегію австрійскій провинціалъ Лаврентій Маги, благосклонно принятый Сигизмундомъ Августомъ въ Варшавѣ [3]). Вообще положеніе пултуской коллегіи можно уже было считать вполнѣ упроченнымъ. Къ прискорбію Гозія, открытіе виленской коллегіи, хотя король еще Коммендони выразилъ свое согласіе на учрежденіе ея, медленно подвигалось впередъ. Гозій не переставалъ въ письмахъ своихъ къ виленскому епископу Валеріану Протасевичу Сутковскому побуждать его призвать въ Вильну іезуитовъ для основанія тамъ коллегіи. Онъ просилъ также виленскаго войта Ротундуса убѣждать епископа въ необходимости призванія іезуитовъ. Увѣщанія Гозія произвели желанное дѣйствіе, тѣмъ болѣе что успѣхи виленской реформатской школы стали грозить серьезными послѣдствіями дѣлу католичества въ

---

[1]) Lukaszewicz, Historya szkół, I, 119 — 120; Albertrandi, II, 115, Piotrków, 23 marca, 245—246, Pułtusk, 22 czerwca 1565.

[2]) Albertrandi, II, 246, Pułtusk, 22 czerwca 1565.

[3]) Rostowski, Lituanicarum Societatis Iesu Historiarum libri decem (editio Ioannis Martinov) Parisiis, 1877, p. 12—13, 27—28.

Вильнѣ. Лѣтомъ (20 авг.) 1568 г. Протасевичъ написалъ къ вармійскому епископу письмо, въ которомъ просилъ его поспѣшить присылкою въ Вильну нѣсколькихъ брунсбергскихъ іезуитовъ. Вмѣстѣ съ письмомъ къ Гозію, Протасевичъ написалъ письмо и къ брунсбергскимъ іезуитамъ, въ которомъ приглашалъ ихъ прислать нѣсколькихъ братьевъ изъ своей среды для основанія въ Вильнѣ коллегіи и для истребленія заразы въ его епархіи „святѣйшимъ оружіемъ", которымъ они, какъ онъ слышалъ, достаточно вооружены. Это послѣднее письмо передано было находившемуся тогда въ Брунсбергѣ австрійскому провинціалу Маги. Просьба виленскаго епископа была исполнена; но это произошло уже послѣ отъѣзда кардинала Гозія въ Римъ [1]).

Въ тѣ четыре-пять лѣтъ, которыя прожилъ кардиналъ Гозій въ Польшѣ послѣ призванія іезуитовъ, братья общества Іисуса еще не имѣли возможности развернуть своей дѣятельности во всей ея полнотѣ. Они еще только утверждались въ Польшѣ, только отвоевывали себѣ нужный имъ операціонный базисъ, только укрѣпляли свои позиціи разными матеріальными пріобрѣтеніями. Самъ папа старался облегчить имъ первые шаги ихъ въ Польшѣ и выражалъ примасу Уханскому свое желаніе, чтобы въ польскомъ королевствѣ было устроено нѣсколько коллегій общества Іисуса [2]). На первыхъ шагахъ своей дѣятельности въ Польшѣ іезуиты какъ бы нарочно чуждались общественной жизни: они выступаютъ въ роли по преимуществу воспитателей юношества. Скромно, безъ шума бросаютъ они первыя сѣмена въ польскую почву, ни для кого незримо подрываются подъ самые корни польскаго нововѣрія. А кругомъ ихъ жизнь бурно и шумно течетъ по старому руслу: польскіе сеймы по прежнему остаются ареною борьбы протестантства и католичества. Но знаменія времени виднѣются и тутъ. Какъ бы предчувствуя бѣду, польское нововѣріе напрягаетъ послѣднія силы, чтобы устроить давно искомое соединеніе, а главное—чтобы какъ-нибудь избавиться отъ внутренняго врага своего, съ которымъ всякіе компромиссы стали уже невозможными. Занявшись своими разстроенными домашними дѣ-

[1]) Rostowski, 28—31; Lukaszewicz, 120—122; Baliński Dawna Akademia Wileńska, Petersburg, 1862, str. 29—32.

[2]) Theiner, II, 725—726, Romæ, 1 iulii 1566.

лами, терпя постоянныя неудачи въ намѣреніи устроить, упорядочить ихъ, испытывая тутъ не мало неизбѣжныхъ разочарованій, оно не съ такимъ уже жаромъ, не съ такою самоувѣренностью, какъ прежде, ведетъ борьбу съ католичествомъ. Притомъ же оно добилось уже фактическаго уничтоженія духовной юрисдикціи не только de haeresi, но и по дѣламъ о десятинахъ, добилось фактическаго ограниченія привеллигированнаго экономическаго положенія духовенства, заставивъ его изъ году въ годъ платить налогъ на покрытіе военныхъ издержекъ, хотя этотъ налогъ и имѣлъ видъ добровольнаго взноса.

Первый послѣ отъѣзда Коммендони сеймъ происходилъ весной 1566 г. въ Люблинѣ. Папа Пій V предъ этимъ сеймомъ обратился съ особыми посланіями къ польскому примасу и польскимъ епископамъ, въ которыхъ просилъ ихъ мужественно и твердо противодѣйствовать на сеймѣ пагубнымъ стремленіямъ еретиковъ, чтобы „не оказаться нѣмыми собаками, не могущими лаять“ [1]). Кардинала Гозія папа просилъ непремѣнно прибыть на сеймъ, чтобы воздѣйствовать тамъ на епископовъ [2]). Но Гозій на люблинскомъ сеймѣ не присутствовалъ, отчасти потому, что желалъ избѣжать непріятной для него необходимости оппонировать королю отъ лица прусскихъ представителей по поводу нарушенія имъ прусскихъ привиллегій (это нарушеніе прусскіе сенаторы увидѣли въ томъ, что король вопреки обычаю пригласилъ ихъ на сеймъ каждаго отдѣльно), отчасти потому, что находился по прежнему въ нерѣшительности на счетъ того, какое ему занять мѣсто въ сенатѣ, и главное потому, что не считалъ безопаснымъ оставить Вармію въ виду происходившихъ въ прусскомъ герцогствѣ волненій [3]).

Начало сейма было очень бурно. Наскучивъ долгими проволочками въ платежѣ слѣдуемаго имъ жалованья, польскіе солдаты потребовали отъ сейма или немедленной уплаты его, или же ручательства всѣхъ чиновъ королевства, что оно будетъ имъ уплочено къ извѣстному сроку. Такъ какъ шляхта ни на то, ни на другое не соглашалась, то нѣкоторые свѣтскіе сенаторы предложили мѣру, очень невыгодную для духовенства, именно заложить монастырскія имѣнія. Но противъ этого про-

[1]) Theiner, II, 723—724, Romæ, 27 martii 1566.
[2]) Ibid., 723, Romæ, 27 martii 1566.
[3]) Eichhorn, II, 244—245.

экта оказалось большинство сената, и монастырскія имущества были спасены отъ угрожавшей имъ секуляризаціи. Дѣло улажено было тѣмъ, что сенаторы обязались добровольными взносами оказать помощь королю въ уплатѣ жалованья войскамъ [1]). Едва эта опасность благополучно миновала, какъ на сеймѣ поднялся между католиками и протестантами споръ объ отношеніи правительства къ антитринитаріямъ. Лютеранскіе и реформатскіе сенаторы вмѣстѣ со многими послами просили короля изгнать изъ отечества антитринитаріевъ и анабаптистовъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что эти послѣдніе на своихъ сходкахъ проповѣдуютъ опасныя политическія доктрины, что они напр. не хотятъ никого признавать надъ собою царемъ кромѣ Христа. Такъ какъ многіе католики поддержали эту просьбу, то рѣшено было изгнать антитринитаріевъ. Но тутъ оказалось, что съ ними не легко справиться. Оказалось, что въ самой посольской избѣ есть уже послѣдователи этой секты. Одинъ изъ пословъ, Филипповскій выступилъ въ защиту антитринитаріевъ, говоря, что незаконно осуждать и изгонять кого-либо изъ отечества, не выслушавъ его. Сверхъ всякаго ожиданія сторону антитринитаріевъ приняли польскіе епископы, усвоившіе, какъ оказалось, Гозіеву теорію отношенія къ еретикамъ. На частномъ совѣщаніи (22 мая) они рѣшили не принимать эдикта объ изгнаніи антитринитаріевъ на томъ основаніи, что королю не принадлежитъ право издавать постановленія по дѣламъ вѣры. Между католиками и протестантами возникли сильныя пренія: первые требовали изгнанія всѣхъ сектъ, вторые — однихъ антитринитаріевъ; первые исходили изъ того, что рѣшеніе по религіознымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и объ ереси, принадлежитъ сейму, вторые рѣшительно это отвергали. Въ концѣ концовъ протестанты восторжествовали: король издалъ декретъ объ изгнаніи антитринитаріевъ и анабаптистовъ. Только въ угоду католикамъ объявилъ, что этимъ декретомъ не признается законность существованія другихъ сектъ [2]),

Польскіе протестанты, повидимому, избавились отъ внутреннихъ своихъ враговъ: по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, антитринитарскіе проповѣдники, совершенно открыто до сего времени

---

[1]) Ibid., 245—246.
[2]) Ibid., 247—248; Lubieniecius, 194—196.

дѣйствовавшіе въ городахъ, принуждены были искать убѣжища въ деревенскихъ захолустьяхъ своихъ патроновъ-шляхтичей [1]). Кардиналъ Гозій былъ недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла [2]), хотя прибывшій въ Польшу уже послѣ изданія декрета объ антитринитаріяхъ папскій нунцій аббатъ Юлій Руджіери старался объ отмѣнѣ его и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ [3]), такъ что по отношенію къ лицамъ шляхетскаго происхожденія декретъ, кажется, не приводился въ исполненіе, или почти не приводился. Не малое огорченіе причинило Гозію и то обстоятельство, что король, вопреки своимъ неоднократнымъ обѣщаніямъ, отдалъ должность великопольскаго генералъ-старосты протестанту Якову Остророгу, который впрочемъ по вступленіи въ должность не обнаружилъ особенной непріязни къ полякамъ, хотя продолжалъ оставаться однимъ изъ вождей протестантства. Но какъ бы въ вознагражденіе за эти временныя огорченія Гозій могъ утѣшиться дошедшими до него извѣстіями о неудавшейся попыткѣ польскихъ протестантовъ соединиться въ одно исповѣданіе. Созванный въ Познани, въ началѣ 1567 г. синодъ лютеранъ и богемскихъ братьевъ не привелъ ни къ чему, такъ какъ послѣдніе отказались принять аугсбургское исповѣданіе [4]).

Послѣ люблинскаго сейма, окончившагося въ августѣ 1566 г., самъ собою возникалъ вопросъ о провинціальномъ синодѣ, созваніе котораго, какъ мы знаемъ, было отложено до окончанія этого сейма. Римская курія, повидимому, соглашалась на созваніе синода: папа предлагалъ Уханскому позаботиться о созваніи его въ скорѣйшемъ времени согласно съ опредѣленіемъ тридентскаго собора и для разсужденія только о тѣхъ предметахъ, какіе указаны этимъ соборомъ [5]). Но въ тоже время, не имѣя основаній довѣрять примасу, папа поручилъ присутствовать на предстоящемъ синодѣ кардиналу Гозію [6]). Когда къ концу сейма прибылъ въ Польшу папскій нунцій, между нимъ

---

[1]) Lubieniecius, 197—198.

[2]) Carncovius, Hosius Carncovio, Heilsberg, 24 iunii 1568 (Dlug,. II, 1656).

[3]) Relacye, I, 213, Relacya Iuliusza Ruggieri roku 1568.

[4]) Eichhorn, II, 249—250.

[5]) Theiner, II, 726, Romæ, 30 aug. 1566.

[6]) Ibid., 726, Romæ, 30 aug. 1566.

и примасомъ сначала въ Люблинѣ, а потомъ въ Ловичѣ начались совѣщанія относительно созванія синода. Уханскій просилъ также Руджіери войти по этому вопросу въ соглашеніе съ Гозіемъ. Старыя подозрѣнія, старыя опасенія воскресли въ головѣ кардинала, такъ какъ въ сущности послѣ отъѣзда Коммендони ничего не произошло такого, что бы заставило его иначе смотрѣть и на примаса, и на польскихъ епископовъ. Гозію думалось, что еще не настало время для созванія синода. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ своему прежнему сотоварищу кардиналу Коммендони, спрашивая его мнѣнія. Коммендони былъ согласенъ съ Гозіемъ. Гозій рѣшился уже опять затормозить созваніе синода; но доводы Руджіери, особенно выставленная имъ необходимость неотложнаго принятія на синодѣ тридентскихъ опредѣленій и немедленной реформы согласно съ ними жизни польскаго духовенства, заставили его перемѣнить прежнее рѣшеніе. Гозій и Руджіери извѣстили примаса о своемъ согласіи на созваніе синода, а сами занялись улаженіемъ скандальнаго спора, возникшаго между Уханскимъ и Вольскимъ, куявскимъ епископомъ изъ-за денежныхъ разсчетовъ. Хотя римская курія присудила Вольскаго къ удовлетворенію денежной претензіи Уханскаго, куявскій епископъ не хотѣлъ подчиниться рѣшенію куріи, за что подвергся отлученію. Послѣ этого вражда между Уханскимъ и Вольскимъ еще усилилась. Этотъ споръ двухъ важнѣйшихъ епископовъ изъ-за денегъ производилъ большой соблазнъ въ польской церкви, такъ что король счелъ себя вынужденнымъ обратиться въ Римъ съ просьбою о прекращеніи его. Папа Пій V поручилъ кардиналу Гозію и своему нунцію Руджіери, вновь изслѣдовавъ все дѣло, устроить примиреніе спорящихъ сторонъ, или, еслибы это оказалось невозможнымъ, произнести окончательный приговоръ по этому дѣлу. Гозій и Руджіери позвали Уханскаго и Вольскаго къ суду и, когда примиреніе между ними не состоялось, рѣшили дѣло въ пользу примаса. Вольскій сдѣлался теперь уступчивѣе и помирился съ Уханскимъ. Впрочемъ, вскорѣ Вольскій умеръ. Пока тянулось дѣло примиренія примаса съ куявскимъ епископомъ, приблизился срокъ новаго сейма, и созваніе синода опять не состоялось.

---

1) Eichhorn, II, 251—254.

Петроковскій сеймъ 1567 г. (съ апрѣля до іюня) не имѣлъ никакихъ послѣдствій въ религіозномъ отношеніи. Онъ занимался экзекуціей законовъ относительно королевщинъ. Кардиналъ Гозій на немъ не присутствовалъ, а только въ письмѣ просилъ примаса домогаться возстановленія потерянныхъ правъ католической іерархіи. Хотя Уханскій дѣлалъ попытки въ этомъ родѣ, но онѣ не имѣли успѣха, такъ какъ онъ не нашелъ поддержки ни въ королѣ, ни въ сенаторахъ. Петроковскій сеймъ повторилъ запрещеніе вывоза аннатъ изъ страны [1]), хотя король обѣщалъ нунцію, что это постановленіе не будетъ исполняться [2]). Впослѣдствіи (въ 1569 году) самъ Сигизмундъ Августъ писалъ папѣ, что хотя онъ не могъ воспрепятствовать тому, чтобы на сеймѣ послы не требовали приведенія въ исполненіе закона, запрещающаго вывозъ аннатъ изъ Польши, онъ старался однако, чтобы—по крайней мѣрѣ—казалось, что законъ этотъ не объявленъ къ исполненію (ut lex, quae promulgata et lata est, non promulgata neque lata esse videatur [3]).

Послѣ петроковскаго сейма 1567 г. опять главною заботою кардинала Гозія стало созваніе провинціальнаго синода, на которомъ должно было произойти наконецъ принятіе польскимъ духовенствомъ и приведеніе въ исполненіе тридентскихъ опредѣленій. Эта забота тѣмъ болѣе лежала теперь на Гозіѣ, что папа Пій V еще въ декабрѣ 1566 г. назначилъ его своимъ легатомъ a latere на провинціальномъ синодѣ гнѣзненской митрополіи (quoad peracta fuerit), предписавъ своему нунцію въ Польшѣ Руджіери помогать кардиналу во всемъ (ad omnia assistere). Тогда же папа просилъ Гозія позаботиться о томъ, чтобы на синодѣ не было постановлено чего-либо противнаго обрядамъ и установленіямъ католической церкви, а примасу и епископамъ предписалъ ожидать прибытія кардинала и безъ

---

[1]) Vol. leg. II, 69.

[2]) Relacye, I, 213, Relacya I. Ruggieri.

[3]) Biblioteca Ordynacyi Krasińskich, Warszawa, 1869, Acta Podkanclerscie Franciszka Krasińskiego 1569—1573. Wydał Wł. Hr. Krasiński, objaśnił przypisami Wł. Chomętowski. Część I, p. 131—132. Когда въ 1569 г. кардиналъ Гозій уѣзжалъ въ Римъ, король поручилъ ему ходатайствовать предъ папою о дозволеніи обратить аннаты ad usus reipublicae (ibid., 128 — 129) и самъ писалъ объ этомъ папѣ (ibid., 160). Гозій отказался отъ ходатайства, нашедши его несвоевременнымъ, послѣ чего король поручилъ Гозію дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ по своему усмотрѣнію (ibid. 200—201).

него не открывать синода [1]). Мысль о созваніи провинціальнаго синода, о чемъ прежде хлопоталъ одинъ Уханскій съ своими задними цѣлями, нашла себѣ теперь ревностнаго приверженца въ новомъ куявскомъ епископѣ Станиславѣ Карнковскомъ, который съ этого времени становится однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ исторіи возрожденія польскаго католичества. Послѣ петроковскаго сейма Карнковскій обратился (23 окт. 1567 г.) къ кардиналу Гозію, какъ легату a latere, съ просьбою озаботиться скорѣйшимъ созваніемъ синода. Гозій, все еще, кажется, считавшій несвоевременнымъ созваніе синода, особенно въ виду отсутствія короля изъ Польши, далъ ему уклончивый отвѣтъ: онъ хвалилъ его ревность, но говорилъ, что его легатура имѣетъ силу только во время самаго синода (durante synodo), назначеніе же мѣста и времени его созванія зависитъ отъ примаса и епископовъ. Въ случаѣ созванія синода Гозій обѣщалъ непремѣнно прибыть на него, а тѣмъ временемъ поручилъ Карнковскому узнать образъ мыслей епископовъ по вопросу о синодѣ. Во время хиротоніи Карнковскаго, происходившей въ Петроковѣ (25 янв. 1568 г.), онъ совѣщался по этому вопросу съ Уханскимъ и Падневскимъ, и они всѣ трое согласились съ мнѣніемъ Гозія, что было-бы не безопаснымъ созывать синодъ въ отсутствіе короля. Поэтому рѣшено было отложить созваніе синода до окончанія предстоявшаго тогда сейма, послѣ котораго, какъ увидимъ ниже, Гозій оставилъ Польшу навсегда [2]).

Легатура Гозія не имѣла практическихъ послѣдствій. Но эта легатура, уполномочившая Гозія заботиться о приведеніи въ исполненіе тридентскихъ опредѣленій, поставила его въ весьма затруднительное положеніе по отношенію къ низшему польскому духовенству, такъ что онъ даже отказывался отъ предложенной ему папою чести. Во время легатуры Гозія истекъ срокъ полученной польскимъ духовенствомъ трехгодичной отсрочки по приведенію въ исполненіе извѣстныхъ тридентскихъ опредѣленій относительно количества бенефицій и резиденціи. При всемъ своемъ уваженіи къ тридентскому со-

---

[1]) Theiner, II, 727, Romæ, 10 decembris 1566.

[2]) Eichhorn, II, 338—339; Carncovius, Hosius Carncovio, Heilsberg, 6 novembris 1567 atque 9 ianuarii 1568 (Dlug., II, 1649, 1651).

бору Гозія хорошо зналъ, что исполненіе опрѣдѣленій его въ Польшѣ было тогда практически невозможно. Въ 1568 г. Гозій счелъ себя вынужденнымъ извѣстить римскую курію, что если бы онъ принялся за исполненіе порученнаго ему дѣла, то былъ бы распятъ католиками еще прежде, чѣмъ еретиками. Этотъ отвѣтъ Гозія не остался тайною для польскаго духовенства, и кардиналъ вскорѣ сталъ получать отъ польскихъ капитуловъ прошенія — ходатайствовать за нихъ предъ папою о новой отсрочкѣ. Гозій, конечно, не принялъ на себя роли ходатая, но польскіе капитулы и безъ него достигли своей цѣли: папа продолжилъ дѣйствіе первой отсрочки на неопредѣленное время [1]).

Оффиціальное принятіе польскимъ духовенствомъ опредѣленій тридентскаго собора не состоялось въ бытность Гозія въ Польшѣ и притомъ въ значительной мѣрѣ по винѣ самого бывшаго папскаго легата на тридентскомъ соборѣ. Еще не приспѣло время для фактическаго проведенія ихъ въ польскую жизнь, а настаиваніе на оффиціальномъ принятіи могло только сдѣлаться сигналомъ для очень опасной игры. Но хотя время еще не приспѣло, хотя реакція далеко еще не заняла господствующаго положенія, дѣятели ея однако энергично вели свою работу, успѣшно подготовляли почву для воспріятія началъ возродившагося папства. Іезуиты, какъ ни мало было ихъ еще въ Польшѣ, приносили уже „неизмѣримую пользу“ своею проповѣдническою дѣятельностію, а больше всего воспитаніемъ шляхетской молодежи въ своихъ коллегіяхъ, куда даже еретики—недальновидные—отдавали своихъ дѣтей для избѣжанія расходовъ на наемъ учителей. Папскія очи въ Польшѣ видѣли уже во всемъ этомъ „очевидные знаки того, что болѣзнь на мгновеніе возобладавшая надъ Польшею, уже по милости Божіей проходитъ“. Папскій нунцій уже пророчилъ, и — какъ впослѣдствіи оказалось — вѣрно, что католическая религія со временемъ, а можетъ быть еще на глазахъ современнаго поколѣнія возьметъ верхъ, и еретики, уменьшенные въ числѣ, враждующіе между собою, будутъ совершенно обузданы, если только польское правительство захочетъ поступить съ ними согласно съ канонами и статутами королевства. Это пророчество имѣло

[1]) Eichhorn, II, 278—280, 289—294.

за себя фактическія основанія. Въ теченіе двухлѣтняго пребыванія Руджіери въ Польшѣ возвратилось около 10000 человѣкъ къ католической вѣрѣ (хотя позволительно видѣть въ этой цифрѣ преувеличеніе): раздробленіе польскаго нововѣрія на множество сектъ, враждующихъ между собою, чаще всего приводило отъ „заблужденія“ къ „древней истинѣ“ [1]). Юлій Руджіери могъ-бы въ пользу своего предположенія указать еще на то весьма важное явленіе польской религіозной жизни, которое раньше его подмѣтилъ его однофамилецъ Фульвій Руджіери, именно что въ Польшѣ простой народъ, крестьяне — почти всѣ католики, что слѣд. нововѣріе вовсе не глубоко пустило корни въ Польшѣ [2]). Сами польскіе епископы, которыхъ до того времени едва-ли можно было назвать намѣстниками папы, блюдущими его интересы въ Польшѣ, начинаютъ обнаруживать признаки пониманія этихъ интересовъ, желанія служить имъ. Не о старыхъ епископахъ мы говоримъ: тѣ по большей части продолжаютъ старыя дѣла свои. Но въ новыхъ епископахъ вѣетъ уже новымъ духомъ. На мѣсто плоцкаго епископа Андрея Носковскаго, искупившаго впрочемъ свои грѣхи предъ католичествомъ водвореніемъ въ Пултускѣ іезуитовъ, поступилъ (осенью 1567 г.) извѣстный уже намъ подканцлеръ Петръ Мышковскій [3]), оказавшій въ свое время не мало услугъ Коммендони. На мѣсто куявскаго епископа Николая Вольскаго, совсѣмъ неревностнаго пастыря, поступилъ Станиславъ Карнковскій, будущій преемникъ Гозія на стражѣ польскаго католичества. Однѣ руины наслѣдовалъ онъ отъ своего предмѣстника, предъ которымъ сидѣли на куявской каѳедрѣ Уханскій и Дройовскій [4]). Съ жаромъ принялся онъ за искорене-

---

[1]) Relacye, I, 192—194, relacya Iuliusza Ruggieri.

[2]) Ibid., 160, Opis Polski Fulwiusza Ruggieri.

[3]) Eichhorn, II, 339.

[4]) Вотъ какъ рисуетъ Карнковскій въ письмѣ къ Гозію впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ посѣщенія своего каѳедральнаго города: ubi multa reperi, cathedram absque doctore, tribunal Episcopi absque judice vicario, subsellia Confessariorum absque confessariis, chorum absque psalmodia, altaria absque ministerio, Scholam sine Rectore, Hospitalia Pauperum sine Provisoribus et Provisione, Praelatos atque Canonicos paucos, eosque absque regula, Clerum absque disciplina, civitatem sine ordine, reliquos in vita et moribus dissolutos, Templum ruinarum plenum, arcis aedificia, et locum habitationis Episcopi ruinosum. Quid plura? excepta solitudine, nihil boni praeterea. In Diœcesi nihil meliora vidi et cæt. (Dług. II, 1760).

ніе ереси въ своей епархіи. Онъ началъ съ преобразованія своего капитула, который оставлялъ желать очень многаго. Въ великомъ посту 1558 г. онъ назначилъ по всей епархіи совершать общественныя моленія и въ заражонныя ересью мѣста разослалъ ксендзовъ способныхъ учить и проповѣдывать. На третьей недѣлѣ онъ созвалъ епархіальный синодъ, на который потребовалъ отъ подчиненнаго духовенства изложенія его professio fidei. Онъ возвратилъ многія отнятыя протестантами церковныя владѣнія. Онъ многихъ колебавшихся въ вѣрѣ и даже уклонившихся отъ нея возвратилъ католичеству [1]). Кардиналъ Гозій былъ очень радъ, что у него наконецъ появился такой ревностный сосѣдъ. Онъ выразилъ ему полное свое одобреніе всей его дѣятельности, а на его благодарность за лестную рекомендацію о немъ въ Римъ отвѣтилъ ему комплиментомъ: sui cuique mores fortunam finzunt, suaque quemque virtus commendat [2]).

Какъ ни замѣтно сталъ обозначаться въ польской жизни поворотъ къ католичеству, онъ имѣлъ еще-такъ сказать мѣстный характеръ: самъ собою зародившійся духъ реакціи только тамъ заявлялъ себя реально, гдѣ находилась искусная рука, умѣвшая поддержать и направить его. Въ общемъ же католическая церковь лежала еще въ развалинахъ, и на этихъ развалинахъ съ прежнею безцеремонностью хозяйничали польскіе нововѣрцы. Тотъ же Карнковскій горько жаловался кардиналу Гозію, что еретики, овладѣвъ достояніемъ католической церкви, предписываютъ католикамъ законы, не позволяютъ тронуть себя ни дѣломъ, ни словомъ, требуютъ, чтобы съ ними обращались милостиво, благосклонно. Въ противномъ случаѣ они поднимаютъ крикъ, что надъ ними дѣлается насиліе, что дѣло идетъ не о религіи, а объ ихъ вольностяхъ, что нарушаются общественный миръ и спокойствіе, вводится рабство. А между тѣмъ себѣ они все дозволяютъ, что только можетъ повредить католической церкви—насмѣхаются, издѣваются, безчестятъ въ рѣчахъ и пасквиляхъ, обольщаютъ народъ, захватываютъ и профанируютъ храмы, назначаютъ своихъ министровъ, узур-

---

[1]) Eichhorn, II, 340.

[2]) Carncovius, Hosius Carncovio, Heilsberg, 6 novembris 1567, 9 januarii, 14 februarii 1568 (Rug., II, 1648, 1650, 1652).

пируютъ церковные доходы, словомъ дѣлаютъ все, что имъ вздумается, не стѣсняясь ни законами, ни правами духовнаго сословія, ни королевскими эдиктами [1]). Разница между теперешнимъ и прежнимъ временемъ состояла, кажется, только въ томъ, что польское нововѣріе въ виду поднимающейся реакціи съ большею энергіею занялось сплоченіемъ своихъ силъ и на время пріостановило наступательныя дѣйствія на сеймахъ. Но возрождавшееся католичество было еще безсильно, чтобы вести активную борьбу. Правда, недавно выступившій на арену борьбы епископъ Карнковскій помышлялъ уже о томъ, чтобы начать борьбу. Въ письмѣ къ кардиналу Гозію онъ предлагалъ воспользоваться экзекуціей законовъ, занимавшей по прежнему польскую шляхту, чтобы потребовать возвращенія духовенству незаконно отнятой у него юрисдикціи. Онъ предлагалъ для этого два пути: позвать виновныхъ въ нарушеніи правъ и вольностей духовенства къ суду всемогущаго Бога и къ суду епископовъ. Но старый воинъ видѣлъ, что эти порывы еще преждевременны. Гозій отвѣчалъ Карнковскому, что мысль о возвращеніи юрисдикціи ему очень симпатична, что онъ въ своихъ письмахъ къ королю не перестаетъ его умолять о возвращеніи ея, но вѣрныхъ надежныхъ путей къ этому онъ не видитъ. Относительно перваго пути, предложеннаго Карнковскимъ, т. е. призванія виновныхъ къ суду Божію, Гозій только саркастически замѣчаетъ, что онъ боится, какъ-бы на этотъ путь не вступили москвитяне и татары и не совершили по велѣнію Божію, расправы не только надъ еретиками и оскорбителями храмовъ, но и надъ католическими пастырями, мало о нихъ заботившимися. Относительно втораго пути Гозій говоритъ, что прежде чѣмъ позывать виновныхъ къ суду епископовъ, нужно внимательно и тщательно взвѣсить, какъ велика надежда на достиженіе желаемаго. Гозій боится, что открытое нападеніе на еретиковъ только ожесточитъ ихъ, только подольетъ масла въ огонь. При томъ же епископы не могутъ разсчитывать на поддержку короля, который въ послѣднее время сталъ раздавать высшія государственныя должности почти исключительно еретикамъ, а чѣмъ болѣе они наполняютъ сенатъ,

---

[1]) Carncovius Hosio (Dług., II, 1761).

тѣмъ сильнѣе нападаютъ на «дѣло Христа» [1]). Разсчитывать на поддержку правительства католическая церковь, дѣйствительно не имѣла основаній. Сигизмундъ Августъ, отправивъ нелюбимую супругу въ Австрію, предался невоздержной, грубочувственной жизни, окружилъ себя людьми, совсѣмъ равнодушными къ дѣламъ вѣры. По словамъ Гозія, тогдашній польскій дворъ лишь на столько почиталъ Бога, чтобы не оскорбить дьявола, отреченіе отъ Христа при дворѣ считалось не преступленіемъ, а чуть не славнымъ дѣломъ. Правда, Гозій и подканцлеръ Мышковскій старались удержать короля отъ разврата, въ который онъ все глубже погружался; но письма перваго часто по долгу оставались нераспечатанными, а послѣдній иногда по цѣлымъ недѣлямъ не могъ добиться пріема у короля [2]). Особенно кардинала Гозія смущали слухи о томъ, что Сигизмундъ Августъ становится болѣе расположеннымъ къ еретикамъ. Въ одномъ письмѣ къ королю онъ съ упрекомъ ему говоритъ, что Беза считаетъ себя уже совѣтникомъ короля, что въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ о заблужденіяхъ Валентина Гентилиса преподаетъ королю совѣты, причемъ нападаетъ на его, Гозія, за то, что удержалъ короля отъ преслѣдованія послѣдователей Гентилиса (антитринитарія). Гозій проситъ короля поступить съ единовѣрцами Безы такъ же, какъ они поступили съ Серветомъ въ Женевѣ и съ Гентилисомъ въ Бернѣ [3]).

При такихъ обстоятельствахъ открылся въ концѣ 1568 г. послѣдній польскій сеймъ, на которомъ суждено было присутствовать Гозію. Это былъ знаменитый въ польской и западнорусской исторіи люблинскій сеймъ 1569 г., на которомъ состоялась въ теченіе многихъ лѣтъ подготовлявшаяся гражданская унія Польши и Литвы. Въ Римѣ, по обыкновенію, ожидали и на этомъ сеймѣ нападокъ со стороны протестантовъ на католичество, и папа въ особыхъ посланіяхъ увѣщевалъ короля и сенаторовъ не только не допускать на сеймѣ уменьшенія, но и позаботиться объ „умноженіи вѣры“ [4]). Вмѣстѣ

[1]) Carncovius, Hosius Carncovio, Heilsberg, 6 nov. 1567 (Dług., II, 1648—1649).

[2]) Eichhorn, II, 342.

[3]) Hozyusz do Zygmunta Augusta z Heilsberga 7 marca 1568 (Dziennik Wileński, r. 1818, t. I, str. 556—557).

[4]) Theiner, II, 733—735, Romæ, 6 atque 16 decembris 1568.

съ тѣмъ Пій V просилъ кардинала Гозія, не смотря на свою старость, на зимнее время и т. п., отправиться на сеймъ, чтобы противостоять злоумышленіямъ еретиковъ и послужить для всѣхъ католиковъ образцемъ для подражанія; при этомъ папа не считалъ нужнымъ давать какія-либо указанія кардиналу, „прекрасно знающему всѣ ухищренія еретиковъ“ [1]). Гозій прибылъ на сеймъ лишь во второй половинѣ февраля 1569 г. когда уже состоялась унія. Горячо привѣтствовали католики появленіе на сеймѣ своего вождя. Протестанты, напротивъ, не скрывали своей вражды къ нему, и нѣкоторые изъ нихъ при входѣ его въ сенатъ не сочли даже нужнымъ привѣтствовать его [2]). Присутствіе Гозія на люблинскомъ сеймѣ не имѣло особенныхъ послѣдствій: вопросъ объ уніи какъ до прибытія Гозія, такъ и по прибытіи его въ Люблинъ, всецѣло поглотилъ вниманіе участниковъ сейма, отодвинулъ на задній планъ всѣ другіе вопросы. Своимъ пребываніемъ на сеймѣ Гозій воспользовался для того, чтобы, насколько это было возможно, удержать въ католической вѣрѣ Сигизмунда Августа, теперь особенно нуждавшагося въ частыхъ напоминаніяхъ и увѣщаніяхъ. Онъ жаловался королю, что въ Пруссіи распространился слухъ, что на теперешнемъ сеймѣ будетъ объявлена какая-то новая вѣрка (fidicula). Такъ какъ этотъ слухъ упорно держался, то онъ рѣшился, не обращая вниманія на свою старость, на разстроенное здоровье, на неблагопріятное время года, прибыть въ Люблинъ, чтобы узнать, что это за новая вѣрка, и помѣшать, если можно, нечестивымъ замысламъ еретиковъ. Король просилъ Гозія не вѣрить этимъ слухамъ, говорилъ, что онъ до послѣдняго издыханія своего пребудетъ въ вѣрѣ предковъ своихъ. Германскіе лютеране, продолжалъ Гозій, называютъ самое распространенное въ Польшѣ реформатское (augustanam) исповѣданіе польскимъ сапогомъ и башмакомъ, или плащемъ, подъ которымъ укрываются всевозможные еретики: неужели, спрашивалъ онъ короля, полякамъ придется говорить не „вѣрую во святую католическую церковь“, а „вѣрую въ польскій сапогъ“. Еретики, закончилъ онъ, только и дѣлаютъ, что обзываютъ другъ друга еретиками, и во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ

---

[1]) Ibid., 735, Romæ, 17 ianuarii 1569.

[2]) Rescius, lib. II, c. XXXII, p. 269—270; Eichhorn, II, 345.

только и есть одна несомнѣнная истина, что всѣ они—еретики. Король опять завѣрялъ кардинала, что онъ и не думаетъ о перемѣнѣ вѣры. Во время пребыванія въ Люблинѣ кардиналъ Гозій не упустилъ случая побесѣдовать съ королемъ и о національномъ соборѣ: онъ не довѣрялъ королю на этомъ пунктѣ, хотя по его собственнымъ словамъ Сигизмундъ Августъ неоднократно ему говорилъ, что онъ „и не думаетъ ни о національномъ соборѣ, ни объ измѣненіи вѣры". Онъ доказывалъ королю, что если-бы теперь по окончаніи вселенскаго тридентскаго собора, принятаго и въ Польшѣ, онъ созвалъ какой-либо соборъ и на немъ сталъ преобразовывать церковь, создавать новую вѣру, то поведеніе его въ этомъ случаѣ было бы такъже нелѣпо и преступно, какъ если бы по окончаніи созваннаго королемъ генеральнаго сейма какой-либо воевода созвалъ въ своемъ воеводствѣ съѣздъ и на немъ сталъ издавать опредѣленія относительно тѣхъ предметовъ, о которыхъ уже издалъ постановленіе генеральный сеймъ. Сигизмундъ Августъ открещивался отъ всякой солидарности съ людьми, замышляющими созваніе національнаго собора, и Гозію казалось, что его доводы, дѣйствительно, убѣдили короля въ нелѣпости самой идеи созванія его [1]).

Послѣ люблинскаго сейма кардиналъ Гозій навсегда оставилъ Польшу. Поводомъ ко вторичной поѣздкѣ Гозія въ Римъ послужило уже извѣстное намъ дѣло о барскомъ наслѣдствѣ. Такъ какъ исходъ этого дѣла зависѣлъ въ значительной степени отъ папы, то Сигизмундъ Августъ задумалъ отправить въ качествѣ своего уполномоченнаго по этому дѣлу кардинала Гозія, въ томъ предположеніи, что онъ, какъ лицо, пользующееся авторитетомъ въ Ватиканѣ, будетъ дѣйствовать успѣшнѣе другихъ. Притомъ же въ Римѣ давно уже желали видѣть Гозія въ стѣнахъ вѣчнаго города, да и самъ Гозій былъ отъ этого не прочь. Во время пребыванія Гозія въ Люблинѣ вопросъ о посольствѣ его въ Римѣ рѣшенъ былъ окончательно. Тогда же приняты были нужныя мѣры къ тому, чтобы поскорѣе получить отъ папы дозволеніе на временное оставленіе Гозіемъ его епархіи, а отъ кантора вармійскаго капитула Мартина

---

[1]) Carncovius, Hosius Carncovio, Romæ, 14 oct. 1570 (Dlug., II, 1667—1669).

Кромера согласіе—быть въ отсутствіе Гозія викаріемъ—администраторомъ вармійской епархіи. Дозволеніе папы пришло скоро; но назначеніе Кромера викаріемъ встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны вармійскаго капитула, считавшаго это назначеніе нарушеніемъ привиллегій вармійскаго капитула и всей Пруссіи, такъ какъ Кромеръ не былъ прусскимъ уроженцемъ. Но Гозій поставилъ на своемъ, и Кромеръ принялъ въ свои руки управленіе епархіей. Въ концѣ августа 1569 г. Гозій пустился въ дорогу. По пути онъ посѣтилъ кульмскаго, куявскаго и познанскаго епископовъ и папскаго нунція Викентія Портико, смѣнившаго Юлія Руджіери. Всюду по пути Гозія радушно встрѣчали католики: особенно шумныя овація выпали на его долю въ Италіи. Въ Римъ Гозій прибылъ девятаго ноября. Спустя нѣсколько дней онъ заболѣлъ лихорадкою, отъ которой оправился лишь въ половинѣ декабря [1]).

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Реакція, которою повѣяло въ польской жизни съ половины шестидесятыхъ годовъ и которую кардиналъ Гозій старательно, заботливо поддерживалъ и направлялъ, и послѣ его отъѣзда росла и крѣпла въ Польшѣ. Іезуиты, которымъ онъ оставилъ доканчивать свое дѣло, отвоевывали себѣ съ каждымъ годомъ новыя позиціи, укрѣпляли старыя, расширяли сферу своихъ дѣйствій. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ отъѣзда Гозія, утвердились они наконецъ въ литовской столицѣ, не смотря на враждебное настроеніе по отношенію къ нимъ протестантскаго населенія Вильны, которое готово было фактически заградить дорогу передовому іезуитскому отряду. Первые трое іезуитовъ, прибывшіе въ Вильну изъ Брунсберга осенью 1569 г. и привезшіе съ собою письма кардинала Гозія къ виленскому епископу, нашли здѣсь все необходимое для того, чтобы сразу же повести свое дѣло на широкую ногу: въ ихъ распоряженіе предоставлены были дома, совершенно приспособленные для устройства въ нихъ коллегіи и удобнаго помѣщенія тридцати

[1]) Eichhorn, II, 348—367. Въ трехъ частяхъ «Actów Podkanclerskich Franciszka Krasińskiego» (Bibl. Ord. Krasińskich) помѣщена цѣлая серія документовъ, касающихся посольства Гозія въ Римъ и всего хода барскаго процесса.

отцовъ іезуитовъ; на содержаніе іезуитовъ епископъ назначилъ по 2000 копъ литовскихъ грошей, обезпечивъ эту сумму имѣніемъ своимъ Ширвинты; на устройство школъ подарилъ имъ нѣсколько деревень; подарилъ имъ даже озеро. Вслѣдъ за первыми іезуитами стали прибывать въ Вильну другіе, такъ что весной 1570 г. виленская іезуитская колонія считала уже свыше двадцати членовъ. Лѣтомъ 1570 г. прибылъ въ Вильну самъ провинціалъ австрійскихъ и польскихъ іезуитовъ Маги, одинъ изъ энергическихъ дѣятелей іезуитскаго ордена. При содѣйствіи виленскаго епископа Протасевича провинціалъ окончательно устроилъ въ Вильнѣ іезуитскую коллегію, состоявшую изъ пяти классовъ; при ней открыта была особая школа, предназначавшаяся собственно для тѣхъ, кого іезуиты находили полезнымъ залучить въ свою конгрегацію. Пробывъ въ Вильнѣ два мѣсяца, Маги уѣхалъ, назначивъ первымъ ректоромъ виленской коллегіи Станислава Варшевицкаго. Выборъ ректора былъ весьма удачный: Варшевицкій, сынъ варшавскаго каштеляна, получилъ отличное образованіе заграницей, неоднократно бывалъ посланникомъ Сигизмунда Августа къ иностраннымъ дворамъ, его ожидала блестящая карьера, но въ 1567 г. онъ, пріѣхавъ въ Римъ, отказался отъ всѣхъ своихъ должностей духовныхъ и свѣтскихъ, и отдалъ себя на служеніе іезуитскому ордену. Первою трудностью, которую нужно было преодолѣть ректору виленской коллегіи, былъ недостатокъ учениковъ. Старанія епископа и пастырскія его посланія успѣли собрать едва нѣсколько воспитанниковъ въ новую коллегію. Не говоря уже о православныхъ, протестанты виленскіе, во главѣ которыхъ стояли Андрей Волянъ и Андрей Тржецескій, снискавшіе себѣ большую ученостью своею извѣстность, не обнаруживали охоты посылать своихъ дѣтей въ іезуитскую школу, хотя и безплатную. Польскіе протестанты считали себя на столько сильными, что первые бросили перчатку ученымъ защитникамъ католичества. Волянъ и Тржецескій пришли въ іезуитскую коллегію и вступили съ іезуитами въ догматическій диспутъ, предметомъ котораго было ученіе католической церкви о присутствіи Христа въ евхаристіи. Диспутъ кончился ничѣмъ: каждая сторона приписывала себѣ побѣду. Когда послѣ этого протестантскіе проповѣдники, убѣдившись въ безплодности схоластическихъ состязаній этого рода, отказались отъ при-

глашенія на новый публичный диспутъ,—іезуиты прибѣгли къ особаго рода драматическимъ представленіямъ. Они устраивали на улицѣ диспуты между двумя іезуитами, изъ которыхъ одинъ игралъ ролъ протестантскаго проповѣдника, а другой дѣйствительнаго іезуита. Разумѣется, іезуитъ всегда оставался побѣдителемъ. Протестантскіе проповѣдники съ презрѣніемъ относились къ этимъ комедіямъ, не придавали имъ значенія; но въ сущности отъ этихъ комедій іезуиты были въ выигрышѣ: хотя собиравшіеся изъ любопытства на эти диспуты протестанты просто смѣялись надъ іезуитами, а иногда, разсердившись, разгоняли и даже колотили ихъ, но въ головахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ невольно закрадывалось сомнѣніе въ истинности своихъ вѣрованій, на которыя іезуиты обрушивались со всею своею схоластическою діалектикою, а разъ оно зародилось—расчищенъ былъ путь къ примиренію съ католичествомъ, съ іезуитами. Эти диспуты-комедіи іезуиты вскорѣ перенесли въ находившійся въ центрѣ города костелъ св. Яна, который долго не соглашался имъ уступить настоятель этого костела Ройзій, сильно ненавидѣвшій іезуитовъ: только скоропостижная смерть Ройзія (1571) открыла іезуитамъ двери яновскаго костела. Вступивъ во владѣніе однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ католиками костеловъ, іезуиты не пожалѣли издержекъ, такъ что все въ этомъ костелѣ — и внѣшнее убранство, и музыка, и самое богослуженіе—производило сильное, подавляющее впечатлѣніе на религіозное чувство молящихся, разомъ со всѣхъ сторонъ охватывало посѣтителей храма. Народная масса, въ которой чувство преобладаетъ надъ разсудкомъ, легко попадала въ іезуитскія сѣти, легко свое благоговѣніе къ католической вѣрѣ переносила на іезуитовъ, преобразовавшихъ яновскій костелъ—и такимъ образомъ хитрый іезуитъ тянулъ темнаго человѣка къ своему конфессіоналу, гдѣ окончательно вкрадывался въ его душу и производилъ въ ней мало по малу ту метаморфозу, въ окончательномъ результатѣ которой являлся слѣпой фанатизмъ. Даже моровая язва, страшная моровая язва, отъ которой всѣ, кто могъ, спасались бѣгствомъ, пришлась кстати для іезуитовъ. Въ то время, какъ почти всѣ духовные бѣжали изъ Вильны, такъ что не кому было совершать богослуженіе, іезуиты остались въ Вильнѣ: со Святыми дарами они спѣшили къ больнымъ, утѣшали, лечили, помогали бѣднымъ, исповѣдывали, причащали, напутствовали

умирающихъ. Нѣкоторые изъ нихъ сами умирали у постели зараженныхъ. Такое самоотверженіе сильно импонировало на народную массу, и когда моровая язва прекратилась, общественное мнѣніе сильно повернулось въ пользу іезуитовъ и іезуиты получили въ Вильнѣ права гражданства. Дѣло іезуитскаго воспитанія пошло теперь быстро впередъ. Іезуитскій костелъ былъ теперь постоянно переполненъ молящимися. Въ немъ раздавалась проповѣдь Варшевицкаго на польскомъ языкѣ; другіе іезуиты проповѣдывали для проживавшихъ въ Вильнѣ иностранцевъ на латинскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ языкахъ. Словомъ, іезуиты прочно утвердились въ Вильнѣ, и смѣло могли уже смотрѣть въ глаза будущему [1]).

Почти одновременно съ виленскою коллегіею, которой предстояло въ будущемъ сдѣлаться центромъ всего іезуитскаго просвѣщенія въ Польшѣ, основали братья общества Іисуса еще двѣ коллегіи. Одна изъ нихъ основана была въ центрѣ Великой Польши—Познани мѣстнымъ епископомъ Адамомъ Конарскимъ, щедро надѣлившимъ іезуитовъ. Другая основана была въ Ярославѣ въ перемышльской епархіи Софьею Косткою и ея дочерью Анною Острожской [2]). Много помогали іезуитамъ разселяться и утверждаться на польской землѣ агенты римской куріи въ Польшѣ. Самъ Сигизмундъ Августъ писалъ въ Римъ о нунціѣ Портико, что онъ не только многихъ возвратилъ въ лоно католической церкви своими увѣщаніями и въ особенности переводомъ на польскій языкъ и изданіемъ католическихъ сочиненій, но и своимъ авторитетомъ поддержалъ существовавшія уже іезуитскія коллегіи и кромѣ того способствовалъ открытію и устройству нѣсколькихъ новыхъ [3]). Такимъ образомъ предъ смертью послѣдняго Ягеллона іезуиты имѣли уже въ литовско-польскомъ государствѣ пять коллегій.

Въ параллель съ тѣмъ, какъ оживало польское католичество, какъ утверждались въ Польшѣ іезуиты, и польскіе протестанты подвигали къ концу давно задуманное соединеніе воедино своихъ разрозненныхъ силъ. Въ февралѣ 1570 г. про-

---

[1]) Rostowski, 32—46; Baliński, 32—46. Сливовъ, Іезуиты въ Литвѣ (Русскій Вѣстникъ за 1875 г. 7, 1—24).

[2]) Łukaszewicz, Historya szkół, 122—123.

[3]) Acta Podkanclerskie Fr. Krasińskiego, III, 175—176, Sigismundus Augustus Cardinali Farnesio, Varsaviæ, 10 sept. 1571 (Bibl. Ord. Kras. rok 1871).

исходили почти одновременно два предварительныхъ съѣзда—одинъ въ Познани богемскихъ братьевъ съ лютеранами, другой—въ Вильнѣ—реформатовъ съ лютеранами; на этихъ съѣздахъ устранены были по возможности тѣ затрудненія, которыя создавали лютеранскіе богословы, особенно относительно богемскихъ братьевъ. Въ апрѣлѣ 1570 г. состоялся знаменитый въ исторіи польскаго протестантства сандомірскій синодъ, на которомъ послѣдовало наконецъ послѣ долгихъ и великихъ усилій, хотя только внѣшнее, соединеніе трехъ главныхъ протестантскихъ исповѣданій—лютеранскаго, реформатскаго и богемскаго. По сандомірскому соглашенію, каждое изъ этихъ исповѣданій оставалось при своихъ обрядахъ, но всѣ они обязывались дѣйствовать впредь совмѣстно противъ католиковъ, поддерживать другъ друга въ борьбѣ съ ними. На сандомірскомъ синодѣ высказана была также Станиславомъ Мышковскимъ, краковскимъ воеводою, мысль о составленіи новаго общаго для всѣхъ польскихъ протестантовъ исповѣданія вѣры. Мысль эта была принята синодомъ, который постановилъ созвать по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ для составленія его собраніе главнѣйшихъ представителей каждаго исповѣданія. Въ Сандомірѣ же былъ составленъ и подписанъ всѣми присутствующими простой актъ соединенія, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ Consensus Sendomiriensis, въ которомъ они взаимно признавали свое правовѣріе и обѣщали впередъ дѣйствовать заодно [1]). Сандомірское соглашеніе, очевидно, не было религіознымъ соединеніемъ, а скорѣе политическимъ союзомъ, устроеннымъ польскими магнатами - протестантами и опиравшимся не столько на вѣроисповѣдныя уступки, сколько на заявленное противными сторонами желаніе игнорировать для общей пользы вѣроисповѣдныя разности. Когда вѣсть о сандомірскомъ соглашеніи дошла въ Римъ до кардинала Гозія, онъ не хотѣлъ вѣрить въ дѣйствительность этого факта. Сандомірское соглашеніе въ письмѣ къ польскому королю онъ называлъ ложью, доказывалъ на основаніи полемическихъ сочиненій протестантовъ, что не говоря уже объ остальныхъ сектахъ, даже между кальвинистами и лютеранами единеніе возможно лишь на столько, на сколько

---

[1]) Fischer, I, 153—176.

оно можетъ быть между мышью и котомъ, между овцою и волкомъ. Онъ просилъ короля на предстоящемъ сеймѣ защищать только католическую вѣру, государственныя должности предоставлять лишь католикамъ, твердо противостоять всѣмъ соблазнамъ еретиковъ, чтобы сохранить свое государство отъ тѣхъ волненій, которыя едва не погубили Францію [1]).

Не прошло и мѣсяца послѣ сандомірскаго синода, какъ открылся въ Варшавѣ сеймъ. Достигнутое послѣ долголѣтнихъ трудовъ соединеніе давало польскимъ протестантамъ новыя силы, вдохновляло ихъ новою энергіею для борьбы съ католичествомъ. Борьба эта далеко еще не была окончена, только на время затихла, а грозный призракъ реакціи, въ послѣдніе годы носившійся надъ польскою землею, невольно заставлялъ протестантовъ призадуматься надъ своимъ положеніемъ, поразмыслить о средствахъ спасенія отъ этого призрака, готоваго реализироваться въ образѣ іезуитскаго фанатизма. Положеніе протестантства въ Польшѣ, послѣ всѣхъ его, часто блестящихъ побѣдъ надъ католичествомъ, было непрочнымъ: свобода исповѣданія протестантства, пожалуй даже равноправность протестантства съ католичествомъ на дѣлѣ, въ жизни существовала, но польскіе протестанты не имѣли прочныхъ гарантій того, что такъ будетъ и далѣе. Все царствованіе Сигизмунда Августа, какъ бы въ соотвѣтствіе характеру самого короля, запечатлѣно характеромъ какой-то неопредѣленности, незаконченности: это—interim безъ конца, безъ надежды на какой-либо исходъ. Во время этого interim'а польскій панъ или шляхтичъ пользовался фактически полною религіозною свободою, но вся его гарантія была въ его личномъ могуществѣ, да, пожалуй, въ томъ, что польское католическое духовенство временъ реформаціи было чуждо религіознаго фанатизма. Но гарантіи это были плохія: панъ былъ силенъ не столько личнымъ могуществомъ, сколько своею солидарностію съ другими панами, слѣд. до тѣхъ поръ, пока она существовала; но духъ реакціи выхватилъ уже многихъ пановъ и шляхтичей изъ рядовъ протестантства, а въ польскомъ духовенствѣ особенно съ прибытіемъ іезуитовъ стали замѣчаться зловѣщіе признаки чего-то недобраго. Нужно было добиться болѣе прочныхъ гарантій, или—говоря

[1]) Eichhorn, II, 412.

частнѣе — нужно было добиться отъ польскаго правительства признанія de jure религіозной свободы и равноправности протестантства съ католичествомъ. Провозглашеніе полной религіозной свободы впервые на варшавскомъ сеймѣ 1570 г. стало предметомъ ясно сознанныхъ и предъявленныхъ желаній польскаго общества, которое до этого времени какъ-бы не примѣчало сущности дѣла за разными второстепенными вещами, въ родѣ десятинъ.

Варшавскій сеймъ открылся предложеніемъ короля, въ которомъ онъ говорилъ о необходимости защиты инфлянтской земли отъ московскаго и датскаго государей, а прежде всего о необходимости немедленной уплаты жалованья войскамъ. Послы благодарили короля за его попеченія о благѣ рѣчи посполитой, прибавляя къ этому просьбу, чтобы онъ благоволилъ водворить согласіе и любовь между духовнымъ и свѣтскимъ сословіями, такъ какъ этимъ согласіемъ и этою любовью рѣчь посполитая не только будетъ сохранена въ прежнихъ границахъ, но еще и расширена. По волѣ короля послы высказали ему слѣд. желанія свои. Они, вопервыхъ, желали, чтобы въ Польшѣ каждый могъ оставаться при своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, и католическое духовенство не возбуждало и не имѣло права возбуждать противъ несогласныхъ съ нимъ судебныхъ преслѣдованій, такъ какъ шляхта не желаетъ признавать надъ собою иной юрисдикціи, кромѣ королевской, и всѣ привлеченія духовенствомъ шляхты въ духовные суды считаетъ нарушеніемъ своихъ вольностей [1]). Во вторыхъ, они просили короля уладить дѣло о десятинахъ, изъ-за которыхъ много шляхты привлекается духовенствомъ къ суду. Первый пунктъ король согласился принять въ томъ видѣ, въ какомъ представили его послы, а вопросъ о десятинахъ отложилъ до того времени, когда уладятся нетерпящія отлагательства дѣла объ оборонѣ. Такъ какъ сенатъ не понимая, или не желая понять того, что послы считаютъ религіозную свободу за caput in Reipublicae libertate, высказывалъ опасенія, какъ-бы не возросло своеволіе in religione,

[1]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 13—14, Rofała Leszszyńskiego, starosty radziejowskiego «Porządek spraw wszystkich, które się działy na sejmie walnym koronnym warszawskim A. D. 1570»: «najprzód w religii aby każdy został mógł, a Ich M. księża aby postęża aby postępkiem prawnym przeciw, nam nie występowali ani tej mocy nie mieli»...

то послы, пришедши къ королю, просили его, чтобы онъ на бумагѣ (na skrypcie) далъ имъ то, что обѣщалъ на словахъ. Король исполнилъ просьбу пословъ. Онъ далъ имъ (въ концѣ мая) такъ называемый скриптъ, въ которомъ обѣщалъ дать посламъ на бумагѣ къ концу сейма то, что онъ по совѣщаніи съ сенатомъ обѣщалъ имъ теперь на словахъ, т. е. что впредь, какъ и до сего времени было, онъ не будетъ никого позывать къ суду pro haeresi, такъ какъ судъ de haeresi или de religione не принадлежитъ королю. Но реакція и тутъ дала себя почувствовать. Когда послы (29 мая) благодарили короля за скриптъ, одинъ изъ пословъ Лендзскій заявилъ, что въ числѣ пословъ есть и такіе, которые не желаютъ имѣть этого скрипта на бумагѣ, а потому просятъ не вносить его въ сеймовыя конституціи, такъ какъ на него не послѣдовало согласія всѣхъ пословъ. Въ отвѣтъ на эту протестацію посла-католика, Шафранецъ просилъ короля сдержать свое слово и включить скриптъ въ конституціи, такъ какъ о скриптѣ просила его вся изба, и теперь разногласіе между послами возникло не изъ-за самаго дѣла, а изъ-за формы. Король ничего въ отвѣтъ не сказалъ, а только головою кивнулъ въ знакъ согласія [1]).

Послѣ этого въ теченіе мѣсяца съ небольшимъ шли на сеймѣ разсужденія о разныхъ другихъ вещахъ. Когда пришло дѣло къ составленію сеймоваго рецеса, религіозный вопросъ опять выступилъ на сцену. Такъ какъ представленный посольской избѣ сенатомъ рецесъ не понравился ей, то послы (6 іюля) подали королю и сенату свой рецесъ, въ который былъ ими внесенъ и извѣстный намъ скриптъ. Но противъ включенія его въ рецесъ и признанія его конституціею опять протестовалъ отъ имени католиковъ тотъ же Лендзскій. Когда послы на другой день пришли къ королю въ сенатъ, подканцлеръ объявилъ имъ, что король не принимаетъ ихъ рецеса, такъ какъ въ него включены и такіе пункты, о которыхъ объявлено уже въ прежнихъ конституціяхъ, и такіе, о которыхъ обыкновенно публикуется въ универсалахъ. Король утвердилъ первый рецесъ, не понравившійся посламъ [2]). Впрочемъ, спустя нѣсколь-

[1]) Scriptores, I, 114—117, «Porządek» Leszszyńskiego; ibid., 136—137, Relacye seimove Cyrusa (Cyrus do cesarza Maxymiliana, Warszawa, 29 maja 1570).

[2]) Scriptores, 131, «Porządek» Leszszyńskiego; ibid., 140, relacya Cyrusa, Warszawa, 5 lipca 1570; Vol., leg., II, 107—108, reces sejmu warszawskiego roku 1570.

ко дней (10 іюля 1570 г.), желая сдержать свое слово, данное посламъ въ началѣ сейма, Сигизмундъ Августъ издалъ въ Варшавѣ особое объявленіе о томъ, что, такъ какъ на варшавскомъ сеймѣ за недостаткомъ времени соглашеніе и примиреніе духовнаго и свѣтскаго сословій не могло быть доведено до конца, то эти сословія просили короля отложить это соглашеніе до будущаго сейма съ тѣмъ, чтобы на немъ это соглашеніе было устроено, прежде чѣмъ онъ займется какими-либо иными дѣлами. Вмѣстѣ съ тѣмъ не признавая за собою право суда de haeresi или de religione, король объявилъ, что онъ не будетъ позывать никого къ суду de haeresi до будущаго сейма [1]).

На варшавскомъ сеймѣ 1570 г. польскіе протестанты не получили религіозной свободы: въ конституціи этого сейма не внесенъ пунктъ о непривлеченіи къ суду pro haeresi, а варшавское объявленіе не могло претендовать на значеніе конституціи, да оно и не уничтожало, а только пріостанавливало до будущаго сейма судъ de haeresi, временно пріостановленный еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Это былъ, очевидно, тотъ же interim, тоже столько уже лѣтъ практиковавшееся въ Польшѣ откладываніе отъ сейма до сейма. Практическихъ послѣдствій варшавскій сеймъ не имѣлъ никакихъ: единственное наслѣдіе отъ него для протестантовъ были новыя надежды, а для католиковъ — новыя опасенія на счетъ будущаго сейма. Неудача постигла и попытки протестантовъ добиться отъ короля оффиціальнаго признанія сандомірскаго соглашенія, какъ общаго исповѣданія вѣры всѣхъ польскихъ протестантовъ. Противъ этого признанія возстали епископы и католики-сенаторы, оказавшіеся въ большинствѣ. Особенно ревностію къ католичеству отличались двое ренегатовъ протестантовъ—Альбертъ Ласскій, сѣрадзскій воевода, и Янъ Сѣраковскій, ленгицкій воевода [2]). Общее возбужденіе католиковъ противъ этого признанія было такъ сильно, что протестанты, кажется, даже и не вносили этого требованія на сеймъ [3]).

---

[1]) Zakrzewski, Reformacya w Polsce, 281, «List króla I. M. o niesądzeniu pro haeresi» (изъ «коронной метрики»).

[2]) Eichhorn, II, 413.

[3]) По крайней мѣрѣ Сигизмундъ Августъ впослѣдствіи писалъ по этому поводу кардиналу Гозію: Etsi aliquid ejusmodi (рѣчь о confessio „протестан-

Долго оставался кардиналъ Гозій въ неизвѣстности относительно того, что происходитъ на сеймѣ въ Варшавѣ. До Рима доходили тревожные слухи; Гозій переживалъ одну за другою недѣли томительныхъ ожиданій, мучительныхъ безпокойствъ; онъ не былъ увѣренъ даже въ тѣхъ, которые должны бы быть duces religionis. Наконецъ, получилъ онъ разомъ письма сперва отъ Уханскаго, потомъ отъ Карнковскаго (цѣлыхъ три письма), которыя показали Гозію, что его страхи были преувеличены. Но какъ ни успокоительны были сами по себѣ эти письма, оповѣстившія его о минованіи надвинувшейся было на Польшу опасности, при одной мысли о возможности повторенія ея мрачное чувство овладѣло кардиналомъ: Quam ego patriæ meæ tantam calamitatem satis deplorare non possum!, плакался въ Римѣ полякъ-кардиналъ,—Vivere vidimus absque lege, absque Rege, et hoc agi cernimus, ut simus sine sacerdotio, et per consequens absque Deo [1]). По полученіи писемъ изъ Польши, съ жаромъ принялся Гозій за корреспонденцію: одно за другимъ полетѣли его письма въ Польшу, то громившія еретиковъ, то прославлявшія ревность защитниковъ католической вѣры, то убѣждавшія, умолявшія о защитѣ ея. Въ письмѣ къ королю (7 окт.) онъ писалъ, что любовь къ королю и отечеству понуждаетъ его писать объ извѣстныхъ вещахъ и просить короля благосклонно прочитать это письмо, имѣющее въ виду только благо государства. Гозій высказываетъ затѣмъ свое недоумѣніе по поводу сеймоваго рецеса [2]), въ которомъ король обѣщаетъ устроить примиреніе духовной и свѣтской властей: вражда, по его мнѣнію, существуетъ не между духовною и свѣтскою властями, а только между врагамъ церкви и истинными послѣдователями Христа. Доказавъ исторически, что всѣ уніональныя попытки лютеранъ, кальвинистовъ, цвингліанъ приводили только

товъ, которое Гозій въ письмѣ къ королю назвалъ confusio) sub tempus illud comitiorum (варшавскаго сейма 1570 г). editum esse in publicum, ex R. D. Episcopis intelleximus, tamen nec legimus ipsi quicquam ejusmodi, nec hactenus vidimus, nec offerri nobis a quoquam meminimus (Acta Podkanclerskie, II, 289, Varsaviæ, 10 januarii 1571).

[1]) Carncowius, Hosius Carncovio, Tyburi, 7 oct. 1570 (Dlug. II, 1660, 1662).

[2]) Гозій, кажется, считалъ внесеннымъ въ рецесъ и извѣстное объявленіе короля отъ 10 іюля 1570 г., хотя въ рецесѣ варшавскаго сейма 1570 г. его вовсе нѣтъ (Vol. leg. II, 107—108).

къ еще большимъ между ними раздорамъ, онъ говоритъ, что и сандомірское соглашеніе—призракъ, которымъ хотятъ обмануть короля. Онъ хвалитъ короля за то, что онъ въ сеймовомъ рецесѣ отстраняетъ отъ себя судебную власть въ дѣлахъ вѣры, но порицаетъ его за неисполненіе имъ древнихъ статутовъ противъ еретиковъ. Особенно онъ возмущается тѣмъ, что король въ рецесѣ обѣщаетъ возстановить религіозный миръ. Развѣ возможно, спрашиваетъ онъ, примирить Христа съ Веліаломъ. почему не сказать прямо, что въ Польшѣ существуетъ только одна вѣра предковъ, и кто исповѣдуетъ какую-либо иную, тотъ долженъ подпасть установленнымъ закономъ наказаніямъ. Такой языкъ закрылъ бы уста всѣмъ врагамъ общественнаго мира. Совершенная ложь — совѣтъ тѣхъ людей, которыя говорятъ: „Христу одна свѣча, а чорту — двѣ“, т. е. подлѣ одного католическаго сенатора двое приверженцевъ Безы. Къ письму своему Гозій приложилъ свой проэктъ инструкціи королевскимъ коммиссарамъ на сеймикахъ. Въ этой инструкціи запрещается земскимъ посламъ разсуждать, вмѣсто королевскихъ предложеній, о религіозныхъ предметахъ, а предписывается имъ слѣдовать принятымъ въ королевствѣ тридентскимъ опредѣленіямъ. такъ какъ даже глупо среди дня искать свѣта. Въ письмѣ къ примасу (31 авг.) Гозій жалуется на двусмысленность рецеса, который только отсрочиваетъ обсужденіе религіозныхъ дѣлъ; онъ проситъ архіепископа побудить короля открыто признать вѣру предковъ и запретить всякія разсужденія о дѣлахъ вѣры. Къ ренегатамъ протестанства воеводамъ Альберту Ласкому и Яну Сѣраковскому онъ также послалъ письма, въ которыхъ прославлялъ ихъ ревность, просилъ не ослабѣвать на будущее время въ защитѣ вѣры. Онъ благодарилъ за ревность по вѣрѣ ревностнаго католика Андрея Опаленскаго, коронаго маршала. Онъ убѣждалъ Авраама Збонскаго, только-что возвратившагося къ католической вѣрѣ, выступить поскорѣе на арену общественной дѣятельности для защиты св. вѣры [1]). Въ письмѣ къ Карнковскому онъ изливалъ свою наболѣвшую душу: двадцать лѣтъ постоянныхъ колебаній короля между католичествомъ и протестантствомъ стали передъ его умственнымъ взоромъ, а

---

1) Eichhorn, II, 414—418.

впереди виднѣлись ему тѣже колебанія, таже нерѣшительность. Гозій проситъ Карнковскаго употребить все свое вліяніе на короля, чтобы положить конецъ этой лживой, гибельной политикѣ, хотя едва-ли вѣрилъ кардиналъ въ исполнимость просьбы своей [1]).

Польскій дворъ въ это время всего менѣе былъ расположенъ выслушивать отеческія наставленія благочестиваго кардинала. Хотя Гозій каждую недѣлю слалъ письма Сигизмунду Августу, его едва чрезъ четыре, а то и чрезъ пять недѣль удостоивали отвѣтомъ [2]). И неудивительно, что Гозія при польскомъ дворѣ забывали. Въ послѣдніе годы своей жизни Сигизмундъ Августъ все глубже и глубже падалъ въ нравственномъ отношеніи. По мѣрѣ того какъ ослабѣвшій духомъ и тѣломъ король погружался въ бездну разврата, наставало для Польши отвратительное царство камарильи, которая, потворствуя низкимъ инстинктамъ короля, совсѣмъ забрала его въ свои руки, стала по своему произволу управлять государствомъ. До Гозія дошли въ Римъ слухи, что на него „сердиты за что-то секретари и еще кто-то, который теперь (какъ говорятъ люди) властвуетъ надъ государствомъ“ [3]). Придворная камарилья раздавала по произволу высшія государственныя должности людямъ, такъ или иначе съумѣвшимъ снискать ея благоволеніе. Гозій къ великому прискорбію своему узналъ, что „одна пани доставила сандомірское каштелянство архіеретику.“ „Если должность надворнаго маршала также отдадутъ другому архіеретику, писалъ онъ, легко каждый увидитъ, что гнѣвъ Божій надъ нами. Довольно бы было и того, что одинъ маршалъ, и гетманъ, и подскарбій коронный—не нашей, христіанской вѣры. Пусть бы хоть надворный маршалъ былъ нашей старой вѣры» [4]). Самъ подканцлеръ Красинскій жаловался

---

[1]) Carncovius, Hosius Carncovio, 14 oct. 1570 (Dług., II, 1663—1672).

[2]) Carncovius, Hosius Carncovio, 13 ianuarii 1570 (Dług., II, 1672); Сигизмундъ Августъ и подканцлеръ Красинскій часто оправдываются въ этомъ предъ Гозіемъ, то указывая на множество занятій, то отрицая самый фактъ своей неаккуратности (Acta Podkanclerskie Fr. Krasińskiego, II, 4, 52—53, 134 et caet).

[3]) Grabowski, Starożytności Historyczne Polskie, Kraków, 1840, II, Hozyusz do Lędzkiego 1571.

[4]) Ibid., 319.

Гозію, что онъ не имѣетъ ни власти, ни средствъ воспрепятствовать назначенію королемъ еретиковъ на государственныя должности [1]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя тотъ же подканцлеръ, хотя и завѣрялъ кардинала въ постоянной готовности своей исполнять его желанія, высказывалъ однако далеко неутѣшительную для Гозія мысль, что иногда приходится принимать во вниманіе положеніе дѣлъ и обстоятельства времени (rerum et temporum rationem), отъ которыхъ зависитъ все въ жизни человѣческой [2]). Правда, подканцлеръ порадовалъ было кардинала извѣстіемъ, что его письмо, писанное къ королю о государственныхъ дѣлахъ, произвело на короля благопріятное впечатлѣніе. Подканцлеръ, присутствовавшій при чтеніи Недецкимъ этого письма королю и тутъ же коментировавшій его, извѣщалъ Гозія, что Сигизмундъ Августъ не только терпѣливо прослушалъ все письмо, но даже взвѣшивалъ каждую въ отдѣльности мысль кардинала. Подканцлеръ ожидалъ (по крайней мѣрѣ, Гозію писалъ, что ожидаетъ) большой пользы отъ этого чтенія [3]). Но вскорѣ оказалось, что подканцлеръ поторопился радоваться по поводу письма Гозія. Письмо, посланное Сигизмундомъ Августомъ Гозію, вовсе не свидѣтельствовало о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него гозіевымъ письмомъ. Король выражалъ кардиналу свое крайнее удивленіе по тому поводу, что относительно варшавскаго сейма кардиналомъ получены извѣстія о томъ, чего онъ, король, даже во снѣ не видалъ, а еще болѣе по тому поводу, что кардиналъ съ такимъ легковѣріемъ принялъ ихъ за достовѣрныя. Король писалъ Гозію, что въ сеймовомъ рецесѣ вовсе и нѣтъ того, что въ немъ не нравится кардиналу. Король объяснилъ кардиналу, что то, что имъ объявлено было на сеймѣ по настоянію нѣкоторыхъ въ первомъ пылу (in primo illo comitiorum aestu et fervore), не внесено въ рецесъ, а опубликовано имъ въ отдѣльномъ указѣ (in charta quadam separata). На сеймѣ, продолжалъ онъ, не поднимался также и вопросъ объ улаженіи религіозныхъ разногласій, а была только рѣчь объ уничтоженіи споровъ, возникшихъ между сословіями изъ-за нѣкоторыхъ

---

[1]) Acta Podcanclerskie Fr. Krasińskiego, I, 293, Varsaviæ, 20 febr. 1570.
[2]) Ibid., II, 160, Varsaviæ, 15 aug. 1570.
[3]) Ibid., II, 273—274, Varsaviæ, 19 decembris 1570.

свѣтскихъ вещей (de tollenda civilium quarundam rerum controversia), но улаженіе этого рода споровъ составляетъ прямую обязанность короля. О принятіи протестантскаго исповѣданія также на сеймѣ не было рѣчи. Король совѣтовалъ и даже требовалъ (hortamur et serio postulamus), чтобы кардиналъ не вѣрилъ впередъ всякимъ слухамъ. Въ заключеніе онъ благодарилъ кардинала за увѣщанія къ исповѣданію вѣры въ Іисуса Христа, хотя прибавлялъ, что они—онъ увѣренъ—произошли скорѣе отъ избытка его любви, чѣмъ вызваны были необходимостью [1]).

Нерѣшительная, колебательная внутренняя политика, проходящая чрезъ все царствованіе Сигизмунда Августа, въ послѣдніе годы его жизни достигла высшей степени. Въ октябрѣ 1569 г. онъ предписалъ всѣмъ гражданскимъ властямъ, чтобы онѣ не только не стѣсняли и не нарушали правъ и привиллегій епископовъ и въ особенности апостольскихъ легатовъ, но и оказывали имъ всюду возможное содѣйствіе при исполненіи ими ихъ обязанностей; за неисполненіе этого декрета, какъ и прежнихъ своихъ декретовъ,—запрещавшихъ печатаніе и продажу еретическихъ книгъ, осуждавшихъ на изгнаніе еретиковъ-иностранцевъ, онъ грозилъ своею немилостію и денежнымъ штрафомъ (5000 злотыхъ) [2]). Но этотъ декретъ, какъ и многіе предыдущіе, остался мертвою буквою. „Сколько разъ, жаловался Гозій Карнковскому, обѣщалъ король все отъ доски до доски исполнить? Но гдѣ теперь это исполненіе?... Что нравилось еретикамъ, всегда должно получить силу закона.... Я цѣпенѣю, когда думаю о томъ, какъ великъ нашъ страхъ предъ діаволомъ, какъ велико наше презрѣніе къ Христу“ [3]). Дѣйствительно, трудно было разсчитывать на исполненіе королемъ строгихъ декретовъ противъ еретиковъ, когда только за два мѣсяца съ небольшимъ до изданія приведеннаго выше декрета онъ издалъ (8 авг. 1559 г.) „въ пользу христіанъ, исповѣдающихъ ученіе блаженной памяти достопочтеннаго отца Іоанна Кальвина“ привиллегію, которою дозволялось имъ устроить возлѣ Кракова свое кладбище, которое признано было обще-

---

[1]) Ibid., 288—289, Varsaviæ, 10 ianuarii 1571.
[2]) Theiner, II, 740—742, Warsawiæ, 20 oct. 1569.
[3]) Carncovius, Hosius Carncovio, 14 oct. 1570 (Dług., II, 1671).

ственнымъ и священнымъ мѣстомъ и освобождено было отъ государственныхъ и общественныхъ повинностей [1]). Въ Краковѣ, не смотря на продолжительное существованіе въ немъ протестантства, хотя и открыто совершалось въ частныхъ домахъ протестантское богослуженіе, не было еще одной общественной кирки. Такъ какъ потребность въ ней сильно ощущалась, то протестанты на собранныя въ своей средѣ деньги купили обширный домъ, носившій названіе Брогъ, и обратили его въ храмъ, устроивъ при немъ и школу. Въ концѣ 1571 года дошли въ Римъ до Гозія слухи, что въ Краковѣ „этому бѣсу (Кальвину) строятъ какое-то капище, въ которомъ будетъ проповѣдываться его слово вмѣсто слова Божія“ [2]). Когда краковское воеводство перешло по смерти Мышковскаго, ревностнаго протестанта, въ руки Станислава Барзи, усерднаго католика, у кардинала Гозія явилась надежда воспрепятствовать постройкѣ реформатской кирки въ польской столицѣ; но и Барзи, при всемъ своемъ желаніи, не могъ ей помѣшать [3]). По тому же поводу обратился Гозій съ письмомъ къ подканцлеру Красинскому, спрашивая его,—правда ли, что въ Краковѣ строится „храмъ Веліала“, да еще, какъ утверждаютъ слухи, съ согласія короля Подканцлеръ отвѣчалъ Гозію, что дѣйствительно воздвигается въ Краковѣ храмъ Веліала, не смотря на всѣ противодѣйствія его, подканцлера, и апостольскаго нунція, но что совершенная ложь, будто онъ строится съ согласія короля. Король, писалъ Красинскій, рѣшительно утверждаетъ, что онъ строится совершенно безъ его вѣдома, но онъ не рѣшается предпринять что-либо противъ строителей его до сейма, опасаясь чрезъ это вызвать на немъ большія волненія и затруднить рѣшеніе многихъ неотложныхъ дѣлъ [4]). Спустя мѣсяцъ съ небольшимъ тотъ же подканцлеръ писалъ Гозію, что хотя онъ, исполняя желаніе кардинала, болѣе чѣмъ тысячу разъ говорилъ съ королемъ „о бѣсовскомъ храмѣ“ (Biesowe templum), ничего однако не могъ добиться. Такъ какъ Гозій не совсѣмъ довѣрялъ тому, что король тутъ совершенно не при чемъ, и

[1]) Friese, Th. II, Bd. II, S. 58—59.

[2]) Grabowski, II, 326, Hozyusz do Andrzeja Zborowkiego, Sublaci, 8 sept. 1571.

[3]) Eichhorn, II, 418—419.

[4]) Acta Podkanclerskie, III, 245—246, Varsaviæ, 12 dec. 1571.

это, сдѣлавшись извѣстнымъ королю, вызвало въ немъ большое неудовольствіе, то Красинскій продолжалъ убѣждать Гозія въ совершенной непричастности короля этому дѣлу: король, писалъ онъ, категорически заявилъ, что не только въ какой-либо привиллегіи, но даже на словахъ онъ не давалъ своего одобренія сооруженію этой „синагоги“. Подканцлеръ обѣщалъ по окончаніи сейма не щадить никакихъ усилій для того, чтобы исполнить желаніе кардинала [1]). Гозій, кажется, убѣдился доводами подканцлера въ непричастности Сигизмунда Августа дѣлу сооруженія протестантской кирки въ Краковѣ. По крайней мѣрѣ, онъ убѣждалъ въ этомъ св. отца, за что и благодаритъ его Красинскій въ своемъ письмѣ, прибавляя впрочемъ, что дерзость еретиковъ такъ велика, что они не сомнѣваются, что получатъ отъ короля подтвержденіе своего дѣла (non dubitent auctoritatem Regiae Majestatis facto suo obtendere), чтобы этимъ еще болѣе завлекать людей въ свою партію [2]). Протестанты, дѣйствительно, достигли своей цѣли. Сигизмундъ Августъ, по просьбѣ окружавшихъ его въ послѣдніе дни его жизни протестантовъ, издалъ (2 мая 1572 г.) привиллегію, въ которой краковскую протестантскую кирку и при ней школу принялъ подъ свою королевскую защиту и покровительство, хотя эта привиллегія не была оффиціально опубликована и сохранялась въ тайнѣ [3]).

Равнодушіе короля къ интересамъ католической церкви, неисполненіе имъ декретовъ, изданныхъ противъ еретиковъ, даже нежеланіе ихъ исполнять огорчало, даже смущало благочестиваго кардинала: „я еще нигдѣ не читалъ, писалъ онъ Зборовскому, чтобы карать еретиковъ не было дѣломъ его королевскаго величества, когда не можетъ и быть на свѣтѣ большихъ злодѣевъ, чѣмъ еретики“ [4]). Но еще болѣе должны были смутить кардинала слухи о томъ, что король начинаетъ склоняться къ протестантству. Въ послѣдніе годы жизни Сигизмунда Августа idée fixe его сдѣлался разводъ съ Екатериною, о которомъ онъ на нѣкоторое время какъ будто забылъ, послѣ того

---

[1]) Ibid., 285—286, Varsaviæ, 16 ian. 1572.

[2]) Ibid., 329, Varsaviæ, 6 martii 1572.

[3]) Friese, Th. II, Bd. II, S. 59—64.

[4]) Grobowski, II, 330, Hozyusz do Andrzeja Zborowskiego, Rzym, 1, pzdz. 1571.

какъ нелюбимая жена (1566 г.) уѣхала изъ Польши и предоставила ему полную свободу. Сигизмундъ Августъ задумалъ развестись съ Екатериною и жениться на другой, чтобы оставить послѣ себя потомство [1]). Лѣтомъ 1571 года кардиналъ Гозій узналъ даже, что король думаетъ просить его ходатайства предъ папою объ этомъ разводѣ. Разумѣется, Гозій отказался наотрѣзъ отъ этого ходатайства [2]). Польскіе католики сильно испугались задуманнаго королемъ развода: имъ мерещился уже Сигизмундъ Августъ въ роли Генриха VIII. Опасенія ихъ имѣли свои основанія, такъ какъ король сталъ обнаруживать склонность примкнуть къ протестантской партіи, дававшей надежду на возможность развода. Этотъ разводъ долженъ былъ сдѣлаться предметомъ разсужденій на предстоявшемъ сеймѣ. Нѣкоторыхъ сенаторовъ король уже письменно просилъ предложить сейму отправить къ императору и папѣ пословъ съ просьбою о разводѣ. Литовскіе паны и всѣ вообще протестанты соглашались на это [3]). Даже польскій примасъ готовъ былъ поддержать желаніе короля относительно развода: въ крайнемъ случаѣ онъ соглашался даже своею архіепископскою властью расторгнуть бракъ короля и позволить ему вступить въ новый бракъ [4]). Вмѣстѣ съ старымъ вопросомъ о разводѣ въ головѣ Уханскаго воскресла не менѣе старая идея національнаго собора. Самъ Сигизмундъ Августъ склонялся, кажется, подъ конецъ своей жизни въ пользу созванія національнаго собора, отъ котораго прежде, до инсинуацій на его счетъ Коммендони, онъ тоже много хорошаго ожидалъ, а теперь могъ чаять расторженія ненавистнаго брака: по крайней мѣрѣ, Гозій въ письмѣ къ Сигизмунду Августу отговариваетъ его отъ созванія національнаго собора, указывая на послѣдствія коллоквіума въ Пуасси [5]). Вообще въ послѣдніе годы жизни Сигиз-

[1]) Haec cogitatio, писалъ онъ самъ Гозію, assidue nobis ob oculos versatur, haec eadem nos dies noctesque premit... (Acta Podkanclerskie, III, 222, Varsaviæ, 23 oct. 1571).

[2]) Ibid., 323, Hozyusz do Lędzkiego, Rzym, 30 czerwca 1571.

[3]) Eichhorn, II, 420—421.

[4]) Scriptores Rerum Polonicarum, I, 138, Cyrus do Cesarza Maxymiliana, Warszawa, 13 czerwca 1570.

[5]) Eichhorn, II. 415—416. Объ этомъ же, кажется, писалъ Гозій и подканцлеру Красинскому: по крайней мѣрѣ, Красинскій въ своемъ письмѣ къ Гозію проситъ его не опасаться созванія національнаго собора и объ-

мунда Августа въ Польшѣ опять поднялись толки о примиреніи духовнаго и свѣтскаго сословій, невольно поднимавшіе старый проэктъ религіознаго умиротворенія Польши. Объ этихъ толкахъ донесъ Гозію Карнковскій, спрашивая, что онъ объ нихъ думаетъ. Гозій отвѣтилъ вопросомъ: „Какое общеніе правды съ неправдою? какое общеніе свѣта и тьмы? какое согласіе Христа съ Веліаломъ? Мой отвѣтъ — краткъ, и иного никто пусть не ждетъ отъ меня: Христа исповѣдывать должно безо всякаго колебанія, если желаемъ быть здравыми“ [1]).

Слухи о замышляемомъ королемъ разводѣ, ставившіе его въ связь съ разными опасными для католичества комбинаціями, хотя въ нихъ, какъ оказалось впослѣдствіи, было много преувеличенія, произвели сильную тревогу въ Римѣ. Къ Сигизмунду Августу полетѣли извѣстнаго содержанія письма и отъ кардинала Гозія, и отъ самого папы. Папа поручилъ даже отправлявшемуся тогда въ Польшу іезуиту Маги вступить по этому вопросу въ особые переговоры съ Сигизмундомъ Августомъ. Кардиналъ Гозій завязалъ по этому вопросу обширную переписку со всѣми болѣе или менѣе выдающимися лицами въ Польшѣ и въ ней безпардонно порицалъ поведеніе короля. Вліяніе этой переписки было такъ сильно, что Сигизмундъ Августъ и подканцлеръ Красинскій сочли нужнымъ высказать Гозію много горькихъ упрековъ за то, что онъ, принявъ на вѣру разные ложные слухи, разгласилъ ихъ по всей Польшѣ и этимъ уронилъ короля во мнѣніи польскаго общества [2]). Но сколько ни доказывали въ своихъ письмахъ король и подканцлеръ, что распространившіеся въ Польшѣ и достигшіе Рима слухи — чистѣйшая ложь, въ ихъ собственныхъ письмахъ проглядывало нѣчто такое, что до нѣкоторой степени оправдывало эти слухи и во всякомъ случаѣ должно было тревожить и св. отца, и кардинала Гозія. Папѣ король писалъ, что еслибы кто-либо захотѣлъ безпристрастно взвѣсить состояніе его государства и всю неприглядность его семейнаго положенія, непремѣнно призналъ-бы, что онъ, король, имѣетъ причины думать

щаетъ при помощи Божіей устранить эту опасность (Acta Podkanclerskie, III, 155, Varsaviæ, 4 sept. 1571).

[1]) Carncovius, Hosius Carncovio, 13 ianuarii 1571 (Dlug., II, 1672—1673).

[2]) Acta Podkanclerskie, III, 76, 88, 121—122, Krasinski Hosio, Varsaviæ, 13 iunii, 4 iulii, 18 iulii 1571.

о чемъ-либо такомъ, что всюду про него говорятъ [1]). Въ письмѣ къ кардиналу Гозію, выразивъ ему свое неудовольствіе за его легковѣріе и разглашеніе ложныхъ про него слуховъ, Сигизмундъ Августъ продолжалъ, что находясь въ несчастномъ семейномъ положеніи, онъ не только думалъ, но и теперь серьезно думаетъ, какъ-бы ему выйти изъ него и начать мирную, счастливую жизнь. Сигизмундъ Августъ говорилъ далѣе, что онъ считаетъ нечестивымъ искать осуществленія своей завѣтной мечты при посредствѣ свѣтской власти (privata auctoritate usurpare), но думаетъ, что не только позволительно, но даже благочестиво просить и ожидать его отъ законной власти (a legitima potestate) [2]).

Вообще положеніе дѣлъ въ Польшѣ становилось критическимъ, а между тѣмъ приближался сеймъ, на которомъ естественно было ожидать возобновленія попытокъ примиренія духовнаго и свѣтскаго сословій. До Гозія доходили слухи, что на предстоявшемъ сеймѣ еретики задумали „привести короля къ тому, чтобы онъ и самъ принялъ какую-то бѣсову вѣрку, во всемъ противную вѣрѣ христіанской, и во всѣхъ владѣніяхъ своихъ дозволилъ свободно вѣровать въ этого бѣса“ [3]). Этого рода слухи очень тревожили кардинала: „если-бы что-либо такое случилось (на сеймѣ), писалъ онъ въ Польшу, мнѣ не оставалось-бы ничего другаго, какъ бѣжать въ дремучій лѣсъ и тамъ за грѣхи свои нести наказаніе“ [4]). Къ прискорбію Гозія представитель апостольскаго престола въ Польшѣ Викентій Портико въ глазахъ кардинала не соотвѣтствовалъ своему положенію. За то Сигизмундъ Августъ былъ отъ него въ восторгѣ, до небесъ превозносилъ его предъ папою, старался добыть ему кардинальскую шляпу [5]). Если Портико думалъ заискиваніемъ у короля добиться кардинальской шляпы, то онъ жестоко ошибся. Въ ноябрѣ 1570 г. Гозій писалъ Сигизмунду Августу, что санъ кардинала получаетъ только тотъ, кто успѣшно исполнилъ свое посольство, а Портико, по мнѣнію нѣкоторыхъ,

---

[1]) Ibid., 218—221, Sigismundus Augustus Pontifici Romano, Varsaviæ, 23 oct. 1571.

[2]) Ibid., 221—223; Sigismundus Augustus Hosio, Varsaviæ 23 oct. 1571.

[3]) Grabowski, II, 326, Hozyusz do Zborowskiego, Sublaci 8 sept. 1571.

[4]) Ibid., 321, Hozyusz do Lędskiego, Rzym, 28 kwietn 1571.

[5]) Acta Podkanclerskie, II, 181—183, 183—184.

живетъ въ Польшѣ не только безъ пользы, но и къ позору апостольскаго престола [1]). Получивъ это письмо Гозія, Сигизмундъ Августъ освободилъ его отъ непріятной для него обязанности ходатайствовать за Портико передъ папою, хотя въ письмѣ своемъ выражалъ свое удивленіе по поводу того, что тогда какъ Богъ награждаетъ людей за одни труды, хотя-бы они не принесли плодовъ, викарій Бога оставляетъ безъ вниманія и труды, и плоды [2]). Не такой нунцій нуженъ былъ Польшѣ въ эти трудные годы. Католики не могли безъ трепета подумать о предстоявшемъ сеймѣ [3]). Они обратились всѣ въ ожиданіе: utinam nobis, обращали они взоры къ Риму, Civitas Sancti aliquam offerat opem!... mittatur vir gravis, maturo judicio, et minime vulgari autoritate praeditus [4]). Этотъ „мужъ важный, съ зрѣлымъ умомъ, съ недюжиннымъ значеніемъ“ и—прибавимъ отъ себя—великимъ знаніемъ польскихъ дѣлъ, находился недалеко: въ Вѣнѣ извѣстный намъ Коммендони, по порученію Пія V, увѣщевалъ нѣмецкаго императора приступить къ устроенному папою союзу для изгнанія изъ Европы мусульманъ, въ которомъ обѣщали уже свое участіе испанскій король и венеціанская республика. Осенью 1571 г. кардиналъ, въ качествѣ легата, съ тѣмъ же порученіемъ въѣхалъ въ Польшу. Вожди польскаго католичества встрепенулись. Куявскій епископъ „воздѣлъ руки“ къ небу и отъ лица всѣхъ ревнителей благочестія возносилъ благодареніе Богу за то, что къ нимъ „совершенно истомленнымъ и удрученнымъ бременемъ потрясенной религіи и рѣчи посполитой какъ-бы съ неба сошла самая дѣйствительная божественная сила“ [5]). Кардиналъ Гозій привѣтствовалъ свое отечество съ „такимъ легатомъ“ и выражалъ крѣпкую надежду, что поѣздка его будетъ спасительна какъ для государства польскаго, такъ и для всего христіанскаго міра [6]). Онъ надѣялся уже, что „окончаніе пред-

[1]) Eichhorn, II, 421—422.

[2]) Acta Podkanclerskie, III, 291, Varsaviae, 10 ianuarii 1571.

[3]) Carncovius, Ruxborscius Carncovio, Cracoviae, 31 martii 1571: Utinam nobis Regni Comitia tardissime veniant, a quibus tantum religioni metuo, quantum a praesentissimo veneno. Iam enim securis ad radicem arboris posita est (Dług., II, 1747).

[4]) Ibid., 1747.

[5]) Carncovius Commendono (Dług., II, 1771).

[6]) Carncovius, Hosius Carncovio, Romae, 13 oct. 1571 (Dług., II, 1673).

стоявшаго сейма будетъ болѣе благопріятное", хотя и прибавлялъ, что пока поляки не признаютъ открыто Христа, до тѣхъ поръ они не увидятъ желаннаго исхода отъ этого сейма [1]).

Въ послѣднихъ числахъ ноября 1571 года Коммендони ступилъ на польскую землю. Остановившись на нѣсколько дней въ Петроковѣ, онъ послалъ секретаря своего Граціани въ Варшаву, чтобы извѣстить короля о своемъ пріѣздѣ. Вскорѣ самъ Коммендони прибылъ въ Варшаву, гдѣ былъ принятъ королемъ съ большимъ почетомъ. Хотя предметомъ легатуры Коммендони было привлеченіе Сигизмунда Августа къ союзу противъ турокъ, но легатъ смотрѣлъ на дѣло шире. Онъ велъ съ назначенными королемъ сенаторами переговоры о союзѣ противъ мусульманъ [2]), а на аудіенціи у короля постарался затронуть вопросъ о разводѣ его. Сигизмундъ Августъ нарочно не заводилъ самъ съ кардиналомъ объ этомъ рѣчи, зная, что отъ него помощи и содѣйствія въ этомъ дѣлѣ ждать не приходится. Но Коммендони, понявъ хитрость короля, самъ съ нимъ заговорилъ о разводѣ: упомянувъ о разныхъ толкахъ по поводу этого развода, онъ заклиналъ его бросить это дѣло, какъ совсѣмъ невозможное. Король, видимо, растерялся. Онъ говорилъ, что и не думаетъ о немъ, что это другіе уговариваютъ его развестись, что онъ давно примирился съ своимъ несчастіемъ. Коммендони не повѣрилъ своему собесѣднику и уже обдумывалъ средства, чтобы разстроить замыслы короля, какъ пришла въ Польшу вѣсть о смерти покинутой мужемъ королевы. Сама судьба выручила легата на одномъ пунктѣ его посольства. Но и на другихъ пунктахъ Коммендони дѣйствовалъ съ обычнымъ успѣхомъ. Протестанты даже нарочно стали оттягивать время открытія сейма, чтобы избавиться отъ присутствія на немъ ловкаго легата [3]). Сигизмундъ Августъ первоначально желалъ, чтобы сеймъ собрался въ Варшавѣ осенью 1571 года. Въ этомъ смыслѣ писалъ онъ сенаторамъ, спрашивая ихъ мнѣнія относительно времени созванія сейма [4]). Но сенаторы, должно быть,

---

[1]) Carncovius, Hosius Carncovio, Romæ, 10 maii 1572 (Dlug., II, 1678).

[2]) Theiner, II, 765—767, Gratiani Hosio, Varsaviæ 12 martii 1572; Acta Podkanclerskie, III, 389 — 394, Responsum S. R. Majestatis ad legationem Commendoni.

[3]) Eichhorn, II, 423—425.

[4]) Acta Podkanclerskie, III, 445—448, Litteræ deliberatoriæ ad majores consiliarios, Varsaviæ, 5 aug 1571.

высказались за болѣе позднее созваніе сейма, и король (29 окт. 1571 г.) назначилъ сеймъ въ Варшавѣ на 7 января 1572 г., о чемъ и увѣдомилъ сенаторовъ и шляхту [1]). Но открытіе сейма и въ этотъ срокъ не состоялось. Сеймъ открылся въ Варшавѣ лишь 12 марта [2]) и продолжался до конца мая (1572 г.) [3]). Объ этомъ сеймѣ нѣтъ у насъ почти никакихъ свѣдѣній. Несомнѣнно только, что польскіе протестанты на этомъ послѣднемъ въ царствованіе Сигизмунда Августа сеймѣ не получили того, чего они ждали отъ него, ни равноправности, ни даже вѣротерпимости. Побѣда осталась за католиками, которыхъ поддержали и литовцы. Узнавъ объ этомъ, кардиналъ Гозій писалъ епископу Карнковскому: „Особенное же благодареніе Богу за то, что даже литвины, которые, казалось, еще болѣе были отчуждены отъ католической вѣры, соединились съ нашимъ сословіемъ“. Одновременно съ этимъ Гозій привѣтствовалъ куявскаго епископа съ блистательнымъ отзывомъ кардинала-легата о твердости, мужествѣ и постоянствѣ его въ защитѣ вѣры [4]).

По причинѣ постоянно усиливавшейся болѣзни короля сеймъ былъ закрытъ 18 мая. Изъ Варшавы Сигизмундъ Августъ уѣхалъ въ королевскій замокъ въ Подляхіи—Кнышинъ, гдѣ и застигла его смерть 7 іюля 1572 года [5]).

---

[1]) Ibid., 461—467.
[2]) Ibid., 339.
[3]) Ibid., 387.
[4]) Carncovius, Hosius Carncovio, Romæ, 10 maii 1572 (Dlug., II, 1065).
[5]) Niemcewicz, I, 84; Eichhorn, II, 426.

ОТДѢЛЪ IV.

Польская церковь во время безкоролевья по смерти Сигизмунда Августа и въ первые годы царствованія Стефана Баторія (1572—1579) [1]).

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Когда вѣсть о смерти Сигизмунда Августа пришла въ Римъ, первою мыслію кардинала Гозія было немедленно возвратиться въ Польшу, такъ какъ онъ имѣлъ всѣ основанія думать, что безкоролевье не пройдетъ въ Польшѣ безъ опасныхъ для католичества бурь и волненій. Но осуществленіе этой мысли представляло много трудностей, и престарѣлый кардиналъ остался въ Римѣ [2]). Въ уединенномъ Субіако дни и ночи молился онъ о спасеніи Польши, о ниспосланіи ей короля, который былъ бы „чуждъ всякихъ намѣреній отдѣленія“ отъ католической церкви [3]). Ему вторили окружавшіе его поляки. По распоряженію папы, которому кардиналъ изобразилъ бѣдственное положеніе польскаго королевства, во всѣхъ церквахъ вѣчнаго города ежедневно возносилась на литургіи молитва pro electione Regis

---

[1]) Исторія безкоролевья по смерти Сигизмунда Августа подверглась въ позднѣйшее время тщательной разработкѣ. Въ 1861 году Пилинскій издалъ: «Das polnische Interregnum 1572 — 1573 und die Königswahl Heinrichs von Valois» (Heidebierg, 1861). Въ «Historische Zeitschrift» Зибеля за 1864 г. Рейманъ помѣстилъ двѣ статьи: «Die polnische Königswahl von 1573» (Bd. II) и «Der Kampf Roms gegen die religiöse Freiheit Polens in den Jahren 1573 und 1574» (Bd. 12). Въ 1867 Ноайль издалъ въ трехъ томахъ сочиненіе: «Henri de Valois et la Pologneen 1572» (Paris, 1867). Наконецъ, въ 1869 году Трачевскій издалъ обширное изслѣдованіе: «Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ» (Москва, 1869), а въ 1872 г. Уманецъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Вырожденіе Польши» (Петербургъ, 1872), вторая часть которой, озаглавленная «Два года послѣ Ягеллоновъ 1572—1574 г.», посвящена исторіи безкоролевья по смерти Сигизмунда Августа.

[2]) Eichhorn, II, 426.

[3]) Caracovius, Hosius Caracovio, Subiaci, 18 augusti (Dlug., II, 1676)

Poloniæ. Григорій XIII обѣщалъ даже отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто будетъ молить Бога о счастливомъ исходѣ польскаго безкоролевья [1]). Во все почти царствованіе Сигизмунда Августа стоявшій на стражѣ католицизма въ Польшѣ, маститый вождь папскаго воинства ясно видѣлъ, что съ наступленіемъ безкоролевья насталъ наконецъ для польскихъ протестантовъ единственный можетъ быть, моментъ, когда они могли добиться того, чего тщетно добивались въ предыдущее царствованіе, что для нихъ съ безкоролевьемъ пришло историческое: теперь или никогда. „Sum ego, писалъ онъ куявскому епископу, animo in varias cogitationes distracto, et extremæ alicujus calamitatis metu debilitato“ [2]). Не имѣя возможности лично прибыть въ Польшу, онъ спѣшилъ хоть письмами своими пробудить мужество, вдохнуть энергію въ тѣхъ, на чью долю выпало охранять католичество въ Польшѣ въ наступившіе трудные дни. Въ письмѣ къ сенату (отъ 30 іюля 1572 г.) онъ совѣтовалъ сенаторамъ немедленно приступить къ избранію короля, умолялъ ихъ избѣгать религіозныхъ раздоровъ, твердо держаться вѣры предковъ, общими силами охранять благосостояніе государства. Папу онъ просилъ предписать кардиналу Коммендони, прибывшему къ польскому двору незадолго до смерти Сигизмунда Августа, не оставлять Польши раньше избранія короля [3]). Коммендони остался въ Польшѣ, хотя легатуру его при польскомъ дворѣ съ наступленіемъ безкоролевья можно было считать покончennою, хотя польскіе паны — протестанты всячески старались выпроводить изъ Польши папскаго легата [4]). Въ сотрудники ему Гозій призвалъ извѣстнаго уже намъ епископа Карнковскаго, котораго просилъ употребить свои прекрасныя дарованія, въ изобиліи полученныя имъ отъ Бога, на устраненіе грозящей католичеству опасности [5]).

Между тѣмъ въ Польшѣ съ послѣднимъ вздохомъ короля замерла государственная жизнь; полный застой насталъ во

---

[1]) Rescius, libr. III. c. VIII, p. 308—309; Eichhorn, II, 426—427.

[2]) Carncovius, цитованное выше письмо (Dlug., II, 1675).

[3]) Eichhorn, II, 427.

[4]) Orzelski, Bezkrólewia ksiąg ośmioro, czyli Dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 aż do r. 1576. Przełożył z rękopisma Cesarskiéj publicznej Biblioteki Spasowicz. Petersburg i Mohilew, 1856, t. I, str. 11.

[5]) Carncovius, цитованное выше письмо (Dlug., II, 675—676).

всѣхъ его отправленіяхъ. Хотя польскій престолъ давно уже считался избирательнымъ, но это была лишь государственная фикція: въ періодъ двухсотлѣтняго правленія Ягеллоновъ, какъ и при Пястахъ, Польша, въ дѣйствительности, была наслѣдственнымъ королевствомъ. Мало того: она въ теченіе всего этого времени не успѣла даже выработать прочной избирательной формы, которая получила бы силу органическаго государственнаго закона, такъ что по смерти Сигизмунда Августа полякамъ пришлось прежде избранія короля рѣшать самые элементарные вопросы о томъ, кому принадлежитъ власть во время безкоролевья, кто, когда и какъ долженъ избирать короля. Рѣшать эти вопросы пришлось полякамъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. На сценѣ польской жизни, съ момента смерти послѣдняго Ягеллона, даже раньше ея, начала разыгрываться грустная драма господства внутренней и иностранной интриги колоссальныхъ размѣровъ. Эта интрига прошла по всѣмъ жизненнымъ отношеніямъ гражданъ рѣчи посполитой, переплетаясь самымъ прихотливымъ образомъ съ различными соціальными силами. На полномъ просторѣ началъ свою убійственную работу сепаратизмъ, сословный, провинціальный, особенно же религіозный, красной нитью прошедшій чрезъ все безкоролевье. Загорѣлась ожесточенная борьба даже между землями чисто-польскими, между Великою и Малою Польшами,—борьба, получившая особенную интенсивность, особенную остроту по причинѣ религіозной розни Гнѣзна, центра польскаго католичества, и Кракова, средоточія польскаго протестантства. Въ первые мѣсяцы безкоролевья эта борьба вращалась главнымъ образомъ около вопроса,—кому принадлежитъ въ Польшѣ высшая власть во время безкоролевья, и прежде всего кому принадлежитъ право созвать поляковъ на съѣздъ для избранія короля. Великая Польша отстаивала въ этой борьбѣ права примаса, Малая — великаго короннаго маршала, которымъ былъ тогда краковскій воевода Янъ Фиргей, стоявшій во главѣ малопольскихъ протестантовъ Подъ знамя великопольскаго примаса стали даже главы великопольскаго лютеранства Лука Гурко и Янъ Томицкій. Долго тянулась борьба Великой и Малой Польшъ, въ сильной степени осложненная еще привнесеніемъ въ нее литовскихъ элементовъ: одинъ за другимъ то въ Великой, то въ Малой Польшѣ собирались съѣзды, старавшіеся

присвоить себѣ значеніе всепольскихъ собраній, рѣшавшіе, или усиливавшіеся рѣшить вопросы, выдвинутые на сцену тогдашнею польскою жизнью. Мы не будемъ слѣдить за ходомъ этой борьбы, въ которой интересы вѣроисповѣдные, провинціальные, сословные, личные, перепутывались самымъ прихотливымъ, часто совсѣмъ неожиданнымъ образомъ, во время которой господствовалъ въ Польшѣ страшный хаосъ, царила почти полная анархія. Замѣтимъ только, что побѣда осталась за Великою Польшею: кассій съѣздъ (въ концѣ октября 1572), созванный примасомъ Уханскимъ, назначилъ съ согласія малополянъ въ Варшавѣ на крещеніе всепольское собраніе,—первый въ лѣтописяхъ Польши конвокаціонный съѣздъ, въ ожиданіи котораго все въ Польшѣ на время успокоилось подъ миротворнымъ дѣйствіемъ наставшей наконецъ „сгоды“ [1]). Права и прерогативы польскаго примаса, поставленныя было въ вопросъ польскими протестантами, были въ концѣ концовъ признаны всею Польшею. На кассномъ съѣздѣ Польша признала за нимъ право созывать во время безкоролевья конвокаціонный съѣздъ. Это была первая и весьма крупная побѣда, одержанная католичествомъ надъ протестантствомъ по смерти Сигизмунда Августа. Помимо историческихъ традицій, бывшихъ въ пользу примаса, помимо внутреннихъ раздоровъ въ протестантскомъ лагерѣ, болѣе всего вредившихъ дѣлу протестантовъ въ описываемое нами безкоролевье, этою побѣдою польское католичество во многомъ обязано самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ, дѣятельности своихъ членовъ, особенно Карнковскаго, вполнѣ оправдавшаго надежды, которыя возлагалъ на него кардиналъ Гозій.

Наставшее послѣ кассваго съѣзда временное затишье не прошло спокойно для польскихъ католиковъ. Споспѣшествіе ихъ нарушилъ самъ примасъ. Почувствовавъ въ своихъ рукахъ власть, ставши intertex'омъ, какъ выражались поляки, Уханскій разсудилъ, что теперь, когда спасительная, животворная „сгода“ спустилась наконецъ на польскую землю, настала самый удобный моментъ внести эту «сгоду“ и въ религіозную жизнь Польши, осуществить ту мечту, которую онъ лелѣялъ во все царствованіе Сигизмунда Августа и которая столько

[1]) Orzelski, I, 17—18.

разъ уже разлеталась въ пухъ и прахъ при дружныхъ усиліяхъ Гозія, Коммендони, Карнковскаго и другихъ ревнителей католичества. Уханскій задумалъ одновременно съ конвокаціоннымъ съѣздомъ устроить въ Варшавѣ провинціальный синодъ. Провинціальному синоду, по мысли примаса, должны были предшествовать епархіальные синоды. Въ своей епархіи онъ уже назначилъ мѣсто и время собранія епархіальнаго синода. Зная, какъ извѣстной части католической іерархіи были антипатичны всякія попытки примиренія съ еретиками, Уханскій въ письмѣ къ Карнковскому совершенно умалчивалъ объ этомъ примиреніи. Онъ выставлялъ ему на видъ лишь интересы католичества. Въ настоящее время, когда предстоитъ пересмотръ правъ и привиллегій всѣхъ сословій, писалъ онъ, и духовное сословіе не должно молчать, не должно упускать благопріятнаго случая добиться возвращенія ему привиллегій, отнятыхъ у него въ прежнія, несчастныя времена. Объ этомъ, продолжалъ онъ, постоянно проситъ его гнѣзненскій капитулъ, вполнѣ резонно доказывающій, что пришло наконецъ время позаботиться объ исцѣленіи ранъ, нанесенныхъ въ прежнее время католической церкви. Лучшее же средство для этого, по мнѣнію примаса, созваніе провинціальнаго синода въ Варшавѣ одновременно съ конвокаціоннымъ съѣздомъ. Это, писалъ онъ, вполнѣ согласно съ обычаями нашихъ предковъ, которые спорныя дѣла, возникавшія у нихъ съ свѣтскимъ сословіемъ, разрѣшали на сеймѣ при посредствѣ синода (in publicis eorum (secularium) Comitiis per suam Synodum transigebant) [1]).

Если Уханскій думалъ устроить въ Варшавѣ національный соборъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, если онъ вѣрилъ въ возможность пересозданія на немъ польской церкви, то онъ жестоко ошибался. Правда, надъ нимъ не тяготѣла уже рука королевской власти, направляемой иными враждебными ему руками, но всѣ его дѣйствія теперь парализовала иная сила, борьба съ которою была еще труднѣе, чѣмъ съ королевскою властью и скрывавшимися за ея спиною агентами Рима и его приспѣшниками. Католическая реакція, все болѣе и болѣе поднимавшая голову къ концу жизни Сигизмунда Августа и еще такъ недавно доставившая польскому примасу побѣду въ

[1]) Carncovius, Uchanius Carncovio, Unciovi, 4 novembris 1572 (Dlug., II, 1734—1736).

его борьбѣ съ малопольскими протестантами, тотчасъ-же выступила противъ Уханскаго, лишь только замѣтила въ немъ уклоненіе отъ ея принциповъ. Напрасно Уханскій выставлялъ такой симпатичный реакціонной партіи поводъ къ созванію синода, какъ возвращеніе католической церкви ея привиллегій: для реакціонной партіи не было тайною, что это за „новая или, лучше, старая забота, непрестанно снѣдающая сердце“ примаса. Карнковскій, получивъ письмо Уханскаго, немедленно отвѣтилъ ему, какъ и другіе епископы, торжественнымъ протестомъ, а самъ поспѣшилъ подѣлиться этою прискорбною новостью съ кардиналомъ Гозіемъ. Въ письмѣ къ нему куявскій епископъ жалуется на то, что примасъ назначилъ синодъ самовольно, безъ согласія остальнаго духовенства, вопреки обычаямъ предковъ и каноническимъ постановленіямъ, что онъ заставляетъ католиковъ вступить въ борьбу съ противникомъ въ самое неудобное для католиковъ время, въ самомъ неудобномъ для нихъ мѣстѣ. Католики, говоритъ онъ, готовы не только бороться съ противниками, но даже пролить кровь свою за права католической церкви, но теперь не такое время, чтобы вызывать врага на бой, и даже еслибъ онъ вызвалъ католиковъ, то и тогда безопаснѣе было воздержаться отъ битвы, пока не будетъ избранъ король-католикъ. «Теперь-же, продолжаетъ онъ, когда для нашей борьбы назначаютъ тоже мѣсто, что и для короннаго съѣзда, чего иного, кажется, ожидаютъ, какъ не того, чтобы мы, безоружные, разрозненные вступивъ въ борьбу съ врагомъ вооруженнымъ и единодушнымъ, сами доставили ему почти вѣрную побѣду“. Въ заключеніе письма Карнковскій проситъ кардинала позаботиться о томъ, чтобы церковь не понесла отъ этихъ замысловъ примаса какого-либо ущерба [1]). Куявскій епископъ прибѣгъ еще къ помощи кардинала Коммендони, который конечно ему не отказалъ въ своемъ содѣйствіи [2]). Совокупными усиліями тѣхъ же людей, которые не допускали созванія національнаго собора въ предыдущее царствованіе, разстроенъ былъ и планъ Уханскаго созвать провинціальный синодъ во время варшавской конвокаціи, — планъ,

---

[1]) Carneovius Hosio, Varsoviae (Dlug., II, 1763).

[2]) Reimann, Die polnische Koenigswahl von 1573 (Hist. Zeit., 11, 99)

который можно, кажется, назвать послѣднимъ словомъ нѣкогда сильной національно-реформаціонной партіи.

Ко времени варшавской конвокаціи успѣли уже обозначиться кандидаты на польскій престолъ, успѣли обозначиться даже шансы на успѣхъ каждаго изъ нихъ. Въ предшествовавшіе ей мѣсяцы иностранная интрига была въ полномъ разгарѣ, извивалась по всѣмъ областямъ литовско-польскаго государства. Нити первой по времени иностранной интриги шли къ Вѣнѣ, а опутывалъ ими Польшу вмѣстѣ съ другими папскій легатъ Коммендони, поставившій себѣ цѣлью не только посадить на польскій престолъ католика, но и устроить дѣло такъ, чтобы онъ былъ обязанъ своимъ выборомъ однимъ католикамъ. Для осуществленія этой цѣли онъ рѣшился водворить согласіе среди католиковъ и разъединить протестантовъ. Еще наканунѣ смерти послѣдняго Ягеллона, Коммендони образовалъ ядро будущей организаціи католическихъ силъ, сведши вполнѣ преданнаго Риму куявскаго епископа Карнковскаго съ не менѣе преданнымъ Риму же сѣрадзскимъ воеводою Альбертомъ Ласкимъ. Другое зерно непріятельскихъ силъ образовалъ Коммендони въ Литвѣ, устроивъ примиреніе и союзъ Николая Кристофа Радзивилла Сиротки и Яна Хоткѣвича, представителей двухъ издавна соперничавшихъ между собою важнѣйшихъ литовскихъ фамилій. По плану, составленному Коммендони, литовцы по смерти Сигизмунда Августа, не дожидаясь рѣшенія поляковъ, должны были провозгласить своимъ великимъ княземъ одного изъ шестерыхъ сыновей германскаго императора Максимиліана II, какого императоръ пожелаетъ, причемъ для большаго успѣха дѣла они должны были выставить 25000 готовыхъ къ бою воиновъ, а императоръ двинуть отрядъ войска къ польской границѣ, чтобы поддержать своихъ сторонниковъ въ Польшѣ, во главѣ которыхъ стоялъ Альбертъ Ласкій. Лишь только испустилъ духъ Сигизмундъ Августъ, полетѣлъ въ Вѣну съ вѣстями секретарь легата Граціани. Но планъ Коммендони, едвали удобоисполнимый и самъ по себѣ, разбился о медлительность и нерѣшительность Максимиліана, который не согласился на предложенное ему легатомъ завоеваніе польскаго престола. Хотя смерть польскаго короля не была для императора неожиданностію, хотя мысль о соединеніи польской короны съ австрійскою давно уже занимала его, Максимиліанъ въ теченіе нѣ-

скольких дней пальцем не шевельнул въ пользу кандидатуры своего сына. Потомъ, замѣтивъ ошибку, онъ началъ дѣйствовать съ лихорадочною поспѣшностью, но пока онъ снаряжалъ блестящее посольство въ Польшу, благопріятный моментъ былъ пропущенъ. Императорскіе послы, чешскіе вельможи Ровембергъ и Перштейнъ, избранные Максиміліаномъ не безъ политическаго такта, оказались ниже своей задачи. Они не съумѣли стать въ дружественныя отношенія къ Коммендони, который, послѣ того какъ его планъ не былъ принятъ императоромъ, сталъ апатично относиться къ австрійской кандидатурѣ; напротивъ подружились съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ Портико, поддерживавшимъ далеко не популярную кандидатуру инфантки Анны, сестры Сигизмунда Августа, съ тѣмъ чтобы выдать ее замужъ за императорскаго сына. Но болѣе всего успѣху посольства помѣшали высокомѣріе пословъ и неуваженіе ихъ къ польскимъ законамъ, поставившія ихъ въ концѣ концовъ въ весьма незавидное положеніе. Многочисленные второстепенные агенты императора, дѣйствовавшіе безъ одного опредѣленнаго плана, иногда наперекоръ другъ другу, и притомъ такими нечестными средствами, какъ подкупъ, еще болѣе уронили въ глазахъ польскаго общества австрійскую кандидатуру. Кромѣ этихъ частныхъ причинъ были болѣе общія и болѣе важныя причины, преграждавшія австрійскому кандидату путь къ польскому престолу. Это прежде всего національная, почти инстинктивная непріязнь поляковъ къ нѣмцамъ, страхъ германизаціи, на глазахъ поляковъ совершавшей свое убійственное дѣло въ сосѣднихъ западно-славянскихъ земляхъ, опасеніе что восшествіе на польскій престолъ Габсбурга будетъ первымъ шагомъ къ превращенію Польши въ одну изъ тѣхъ провинцій, изъ которыхъ сложился историческій конгломератъ, извѣстный подъ именемъ габсбургской монархіи. Къ національной непріязни присоединилась еще и въ сильной степени усилила ее боязнь, что Габсбурги повторятъ въ примѣненіи къ свободолюбивому польскому шляхетству тоже, что они сдѣлали съ шляхетствомъ чешскимъ. Притомъ же союзъ съ Австріей подвергалъ Польшу всѣмъ непріятностямъ постоянной войны съ Турціей, которой въ Польшѣ весьма не желали, а она между тѣмъ постоянно угрожала Австріи. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ и другихъ причинъ австрій-

ская кандидатура мало имѣла шансовъ на успѣхъ и во времени варшавской конвокаціи, очевидно, падала.—Подлѣ нея падала другая популярная кандидатура—московская. Западнорусское дворянство православнаго исповѣданія тянуло къ единовѣрной Москвѣ, желало видѣть своимъ государемъ Ѳедора Ивановича, сына Ивана Грознаго, но оно не имѣла еще тогда въ литовскомъ княжествѣ большаго значенія. Главная сила сосредоточивалась здѣсь въ рукахъ аристократическихъ фамилій, тянувшихъ къ аристократической Австріи, хотя на подчиненіе нѣмецкому вліянію онѣ соглашались лишь подъ условіемъ освобожденія Литвы отъ польскаго вліянія (начиная съ уничтоженія люблинской уніи). Московская кандидатура была весьма популярною и среди польской шляхты. Съ избраніемъ русскаго царя на польскій престолъ сама собою прекращалась ставная въ послѣднее время хроническимъ бѣдствіемъ война съ Москвою,—война, вести которую польской шляхтѣ съ каждымъ годомъ становилось затруднительнѣе. Въ союзѣ съ Москвою переставалъ быть страшнымъ Польшѣ турецкій султанъ, переставали быть страшными крымскіе и иные татары. Для многочисленной, большею частью бѣдной шляхты мерещилось великая цивилизаторская миссія на обширной территоріи русскаго царства, виднѣлись въ перспективѣ культурныя завоеванія и неизбѣжныя съ ними матеріальныя блага. Но московская кандидатура въ той формѣ, въ какой она предносилась воображенію польской шляхты, была лишь мечтою, столь же неосуществимою, сколь и заманчивою. При первомъ же соприкосновеніи съ дѣйствительностью она исчезла, и, когда поляки приступили къ избранію короля, русскій царь не явился даже въ числѣ кандидатовъ. И не личность грознаго царя оттолкнула отъ него сердца польской шляхты, хотя не мало помѣшала она успѣху его кандидатуры въ Западной Россіи, которую оглашали своими воплями несчастные жертвы царскаго гнѣва: польская шляхта была такъ увѣрена въ самой себѣ и вмѣстѣ такъ самолюбива, что готова была повѣрить Ивану, что онъ золъ только по отношенію къ злымъ подданнымъ, что съ добрыми подданными онъ будетъ добръ, будетъ охранять всѣ ихъ права и привиллегіи. Не личность Ивана Васильевича, а ясно высказанный имъ принципъ государственной политики его, бывшій вмѣстѣ исповѣданіемъ вѣры всего тогдашняго

русскаго народа, сразу же охладилъ всѣ горячіе порывы слишкомъ далеко ушедшей въ своихъ мечтахъ польской шляхты. Иванъ Васильевичъ объявилъ полякамъ, что, и короновавшись польскою короною, онъ будетъ и останется прежде всего русскимъ, православнымъ государемъ, и это въ то время когда начиналась въ Польшѣ католическая реакція, когда эта реакція въ лицѣ кардинала Гозія возносила къ Богу ежедневныя моленія о ниспосланіи Польшѣ короля, „чуждаго всякаго намѣренія отдѣленія отъ католической церкви.“ — Въ то время, какъ падали австрійская и московская кандидатуры, принялась за работу французская интрига, выставившая кандидатомъ на польскій престолъ Генриха Анжуйскаго, брата французскаго короля Карла IX. Какъ ни странною на первый взглядъ представляется французская кандидатура, какъ ни много свойственнаго тогдашнему вѣку авантюризма въ этомъ приглашеніи на тронъ никому невѣдомаго принца, нельзя однако отказать поддерживавшимъ кандидатуру Генриха полякамъ въ нѣкоторой долѣ политическаго смысла, разъ они рѣшились отдать свой престолъ иностранцу. Избраніе французскаго принца не представляло никакихъ опасностей для польской національности, напротивъ служило противовѣсомъ нѣмецкому вліянію, обезпечивало Польшѣ миръ съ Турціею, съ которою Франція, первая изъ западныхъ державъ, вступила въ дружественныя отношенія, подавало надежду, что съ помощію французскихъ солдатъ и французскихъ денегъ, несмѣтныхъ по мнѣнію поляковъ, подъ предводительствомъ геніальнаго полководца, какимъ представлялся имъ Генрихъ, Польша покончитъ наконецъ свои счеты съ московскимъ сосѣдомъ. Хотя всѣ эти блага французской кандидатуры существовали лишь въ пылкомъ воображеніи французскаго посла Монлюка, валансскаго епископа, и обольщенныхъ имъ поляковъ, тѣмъ не менѣе они даютъ намъ возможность понять успѣхъ этой кандидатуры. Польское правительство такъ сильно нуждалось въ деньгахъ на веденіе войнъ съ своими сосѣдями, а польской шляхтѣ такъ не хотѣлось платить ихъ изъ своего кармана, что ловкому интригану не трудно было поймать польскихъ избирателей на эту удочку. Монлюкъ, дѣйствительно, подкупилъ польское общество горами французскаго золота, никогда не существовавшими: даже многіе протестанты соблазнились этими горами и оказались сто-

ронниками французской кандидатуры, тѣмъ болѣе, что Монлюкъ не переставалъ имъ твердить, что Генрихъ—врагъ всякаго преслѣдованія за религіозныя убѣжденія, что потому онъ такъ сильно и стремится къ польскому престолу, что хочетъ жить въ странѣ, гдѣ царствуетъ свобода совѣсти. Для большей убѣдительности самъ Монлюкъ, католическій епископъ, не соблюдалъ постовъ и даже рѣдко ходилъ въ костелъ. Много помогло успѣху французской кандидатуры и то обстоятельство, что Монлюкъ, понявъ значеніе въ Польшѣ шляхты, старался всячески привлечь ее на свою сторону, между тѣмъ какъ австрійскіе агенты за панами позабыли о шляхтѣ. Но больше всего успѣхомъ своимъ кандидатура Генриха, одного изъ главныхъ виновниковъ извѣстной варѳоломеевской ночи, обязана католической реакціонной партіи, которая при выборѣ между Эрнестомъ, сыномъ вѣротерпимаго Максимиліана и Генрихомъ не могла не отдать пальмы первенства герцогу анжуйскому. Лишь только авторъ варѳоломеевской ночи выступилъ въ качествѣ кандидата, сразу же на его сторону перешелъ продолжатель Гозіева дѣла въ Польшѣ, Карнковскій. Самъ Коммендони, видя, что австрійская кандидатура падаетъ, хотя и не по его винѣ, отступился отъ нея, или—по крайней мѣрѣ—ничего не предпринималъ въ ея пользу, нисколько не препятствовалъ успѣхамъ французской кандидатуры.—Торжество католической партіи, перешедшей на сторону Генриха, въ значительной степени зависѣло еще оттого, что протестантская партія не выставила одного опредѣленнаго кандидата. Симпатіи ея раздѣлялись между пястомъ, т. е. туземцемъ, Іоанномъ III, королемъ шведскимъ, Стефаномъ Баторіемъ, воеводою семиградскимъ, Альбертомъ-Фридрихомъ, герцогомъ прусскимъ, даже Эрнстомъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ. Но ни одинъ изъ этихъ кандидатовъ не имѣлъ шансовъ быть избраннымъ въ польскіе короли. Шведскій король самъ не обнаруживалъ особенной охоты къ польской коронѣ, такъ какъ соединеніе Швеціи съ Польшею, имѣвшею плохо защищенную восточную границу, только бы увеличивало трудности и опасности войны его съ Москвою, да и соединеніе въ одномъ лицѣ власти надъ двумя государствами, раздѣленными моремъ, весьма не похожими другъ на друга по своему государственному и общественному устройству, представляло само по себѣ

непреодолимыя трудности. Стефана Баторія слишкомъ мало еще тогда въ Польшѣ знали, и во все первое безкоролевье онъ не былъ еще серьезнымъ кандидатомъ. Еще менѣе шансовъ имѣлъ герцогъ прусскій. Кандидатура пяста была весьма популярною среди польской шляхты, но къ сожалѣнію въ тогдашней Польшѣ не оказалось такой личности, на которую могъ-бы пасть выборъ польскихъ избирателей. Вообще въ эпоху безкоролевья протестантская партія является еще болѣе чуждою прочной организаціи, еще болѣе разъединенною, чѣмъ въ предыдущее царствованіе. Болѣе системы, болѣе единства дѣйствій мы находимъ у малопольскихъ протестантовъ; но и тутъ гибельный раздоръ царитъ между двумя самыми вліятельными магнатами Яномъ Фирлеемъ, краковскимъ воеводою Петромъ Зборовскимъ, сандомірскимъ воеводою, заклятыми личными врагами. Самое руководительство протестантскою партіею Яномъ Фирлеемъ, искренно преданнымъ интересамъ протестантизма, много сдѣлавшимъ въ его пользу, не нравилось многимъ изъ протестантскихъ шляхтичей: сословная вражда шляхты къ магнатству, во главѣ котораго стоялъ Фирлей, не дозволяла шляхтѣ вполнѣ довѣриться его руководительству, неизбѣжно вносила элементъ разрушенія и въ малопольскую протестантскую группу.

Въ началѣ 1573 г. открылся въ Варшавѣ первый польскій конвокаціонный съѣздъ, которому предстояло рѣшить много вопросовъ, завѣщанныхъ предыдущею исторіею собравшемуся теперь поколѣнію гражданъ рѣчи посполитой. Въ числѣ этихъ вопросовъ однимъ изъ первыхъ поднятъ былъ вопросъ, близко касавшійся польской католической іерархіи, именно прерогативы польскаго примаса. Хотя этотъ вопросъ, фигурировавшій уже въ первые мѣсяцы по смерти Сигизмунда Августа, былъ фактически рѣшенъ на кассомъ съѣздѣ, но малопольская шляхта, или часть ея, на варшавской конвокаціи выступила опять съ протестаціей противъ прерогативъ примаса. Протестація начинаетъ заявленіемъ, что поляки всегда старались authoritate regum et conventuum охранять себя отъ честолюбивыхъ замысловъ духовенства, грозящихъ большими опасностями государству, а Казиміръ Ягеллонъ прямо запретилъ польскимъ архіепископамъ и епископамъ искать кардинальскаго сана, или legationis sedis apostolicae, безъ согласія коро-

ля и сената. Такъ какъ эти честолюбивые замыслы духовенства, эти присвоенія себѣ не принадлежащихъ достоинствъ не прекратились до настоящаго времени, то податели протестаціи въ присутствіи сената и всей шляхты заявляютъ и вносятъ въ варшавскія градскія книги ad perpetuam rei memoriam, что они не признаютъ этихъ достоинствъ, считая ихъ, на основаніи приведеннаго выше постановленія Казиміра, узурпаціею. Протестація затѣмъ переходитъ къ разбору привиллегій короля Александра, которую гнѣзненскіе архіепископы обыкновенно приводили въ доказательство своего приматства, указывая на то, что въ ней гнѣзненскій архіепископъ названъ primas Regni. Податели протестаціи заявляютъ, что, хотя Александръ въ началѣ привиллегіи называетъ гнѣзненскаго архіепископа primas Regni, но потомъ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ приводитъ декретъ своего отца, называетъ его примасомъ sedis ejusdem, что поэтому они всегда признавали гнѣзненскаго архіепископа только примасомъ sedis Gnesnensis, т. е. примасомъ между духовными, поставленнымъ надъ ними папою. А такъ какъ теперь (сказано въ заключеніе протестаціи) титулъ примаса употребляется въ такомъ широкомъ смыслѣ, будто архіепископу принадлежитъ право созывать сеймы даже противъ воли короля, короновать его и т. п., вообще приписывается ему какая-то власть надъ королемъ; такъ какъ въ разныхъ распространяемыхъ по Польшѣ сочиненіяхъ называютъ его уже interrex и утверждаютъ, что лишь по избраніи короля, исполнивши свою должность (functus officio suo), онъ слагаетъ съ себя свою власть и передаетъ ее новоизбранному королю; такъ какъ даже поднятъ вопросъ о томъ, какому маршалу—коронному или архіепископскому слѣдуетъ исправлять маршальскую должность во время безкоролевья: то податели протестаціи, опасаясь, чтобы такое толкованіе титула примаса не стало впослѣдствіи причиною большихъ бѣдствій, особенно, чтобы оно не нарушило свободнаго избранія короля, сдѣлавъ его орудіемъ папскихъ интригъ, объявляютъ и ad perpetuam rei memoriam вносятъ въ варшавскія гродскія книги, что такого приматства они даже во снѣ никогда не видѣли и потому просятъ архіепископа не присвоивать его себѣ [1]).

[1]) Noailles, III, 67—70. Protestatio.

Въ отвѣтъ на протестацію пословъ Уханскій изготовилъ обширную „защиту приматства“, которую онъ не только произнесъ въ сенатѣ, но постарался распространить по всей Польшѣ. Сказавши вначалѣ, что по смерти покойнаго короля много волненій въ государствѣ вызвалъ совершенно праздный споръ о приматствѣ, онъ полемизируетъ съ своими противниками, доказывая, что гнѣзненскій архіепископъ, пользуясь правами примаса, вовсе не узурпируетъ себѣ potestatem regiam sive interregiam, что, если власть короля для поляковъ не тяжела, то тѣмъ болѣе не можетъ быть тяжелою для нихъ власть примаса, который только in defectu, aut excessu, vel aliqua exorbitantia potestatis regiae, пользуется властью, да и то не самъ, а вмѣстѣ съ сенатомъ и прочими чинами государства. Онъ пускается затѣмъ въ область отдаленнаго прошлаго Польши, начало приматства гнѣзненскаго архіепископа возводитъ ко времени перваго христіанскаго государя Польши Мечислава, причемъ производитъ его не отъ папы, а отъ государя. Онъ показываетъ какъ къ достоинству архіепископа и примаса присоединилось jus legati nati, а изъ нихъ уже сама собой вытекла praeeminentia архіепископа какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ, которую вполнѣ признавалъ Казиміръ Великій, назвавшій его даже primus princeps, а этотъ титулъ не можетъ относиться только къ духовенству, или къ церковнымъ дѣламъ, а относится directe ad RP. et statum ejus politicum senatumque regium, ut sit in eo archiepiscopus primus princeps inter illos principes. Вслѣдъ затѣмъ онъ перечисляетъ прерогативы примаса, стараясь доказать ихъ законность историческими ссылками, въ томъ числѣ право примаса созывать вмѣстѣ съ другими сенаторами съѣздъ для избранія короля, руководить избраніемъ и объявлять результатъ избранія, а также право созывать сеймы даже при жизни короля и вопреки его волѣ. Эти великія прерогативы примаса, продолжаетъ Уханскій, не должны никому внушать опасеній, будто примасъ легко можетъ самъ сдѣлаться королемъ, или возвести на престолъ, кого ему вздумается, будто онъ, пользуясь своимъ правомъ созывать сеймы при жизни короля, можетъ самовольно распоряжаться и королемъ и государственными чинами, такъ какъ архіепископу съ крестомъ вовсе уже невозможно стать королемъ, а нарушить свободу избранія и

вообще права сословій онъ не можетъ по тому одному, что вся власть его pendet ex consilio senatus et assensu reliquorum regni ordinum. Еслибы верховная власть во время безкоролевья принадлежала свѣтскому сановнику, то было бы гораздо болѣе опасности, что онъ постарается взойти на престолъ. Относительно себя Уханскій заявляетъ, что лично онъ не желаетъ не только царства, но и приматства, что, еслибы рѣчь посполитая въ особомъ декретѣ признала приматство не нужнымъ и освободила его отъ этого бремени, не оскорбляя его архіепископскаго сана и его шляхетской чести, онъ, какъ и всякій всендзъ, предпочелъ бы быть безъ приматства, чѣмъ съ нимъ. Въ заключеніе Уханскій просилъ собраніе принять эту его протестацію и позволить внести ее съ общаго согласія во всѣ какъ земскія, такъ и гродскія книги [1]).

Варшавскій конвокаціонный сеймъ разрѣшилъ споръ изъ-за приматства въ смыслѣ, благопріятномъ для примаса, хотя съ нѣкоторою уступкою въ пользу противной стороны. За примасомъ онъ призналъ право созванія сейма во время безкоролевья, а также право объявленія (nominatio) и коронованія новоизбраннаго короля; великому же маршалу коронному предоставилъ право обнародованія (proclamatio) выбора [2]).

Не входя въ разсмотрѣніе рѣшеній принятыхъ варшавскимъ конвокаціоннымъ съѣздомъ по другимъ многочисленнымъ вопросамъ, стоявшимъ въ связи съ вопросомъ объ избраніи короля, замѣтимъ только, что этотъ съѣздъ довольно точно опредѣлилъ условія избранія короля, которое должно было произойти посредствомъ всешляхетской подачи голосовъ, по выработанной съѣздомъ программѣ на новомъ избирательномъ съѣздѣ, назначенномъ на 1 апрѣля 1573 г. въ Варшавѣ. Хорошо или дурно, но разъ навсегда рѣшенъ былъ сложный избирательный вопросъ. Цѣль конвокаціи была достигнута. Но оставался нерѣшеннымъ еще одинъ вопросъ, давно уже настоятельно предлагавшійся польскою жизнью, обойти рѣшеніе котораго не могли поляки на варшавской конвокаціи, хотя оно и не входило въ кругъ занятій этого съѣзда. Тяжелою, неразрѣшенною задачею

---

[1]) Noailles, III, 70—81. Defensio primatus.

[2]) Heidenstein, Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII, Francfurti ad Moenum, 1672, p. 21.

оставался великій религіозный вопросъ. Много разъ поднимали этотъ вопросъ протестанты на сеймахъ въ предыдущее царствованіе, хотя ставили его большею частью (за исключеніемъ варшавскаго сейма 1570 года) не прямо, а потому—и невѣрно. Не разъ увозили они съ сеймовъ конституціи, обезпечивавшія имъ, повидимому, религіозную свободу. Но точно въ отместку за то, что въ погонѣ за второстепенными вещами они забывали главное, даже въ цвѣтущую пору своей жизни они не добились рѣшенія въ благопріятномъ для себя смыслѣ вопроса о свободѣ совѣсти. Всѣ ихъ конституціи, полученіе которыхъ они торжествовали, какъ великую побѣду, не были прочными мирными договорами послѣ побѣды, а какими-то поспѣшными перемиріями, за которыми не послѣдовало мира. Все это были полурѣшенія, отсрочки рѣшенія, которыя поднимавшая голову реакція начинала уже находить ненужными болѣе. А между тѣмъ будущее не предвѣщало ничего хорошаго протестантамъ. Назначенное конвокаціоннымъ съѣздомъ мѣсто избранія — центръ католической Мазовіи, Варшава, и всешляхетская подача голосовъ не оставляла болѣе сомнѣнія въ личности будущаго короля: успѣхъ французской кандидатуры для всѣхъ былъ очевиденъ. При мысли, что еще два-три мѣсяца — и на престолѣ вѣротерпимаго Ягеллона сядетъ забрызганный протестантскою кровью Валуа, невозможно было собравшимся въ Варшаву протестантамъ не подумать объ огражденіи себя отъ произвола французскаго принца: протестантское исповѣданіе не было еще признано законно существующимъ въ Польшѣ, не были даже отмѣнены кровавые статуты Ягелло противъ еретиковъ. Собравшимся на конвокацію протестантамъ стало теперь уже невозможнымъ уѣхать со съѣзда, не поставивши прямо, не рѣшивши окончательно и безповоротно вопроса о свободѣ совѣсти въ Польшѣ.

Религіозный вопросъ, тѣсно связанный въ предыдущее царствованіе со всею шляхетскою программою внутренней государственной реформы, выступилъ и въ безкоролевье, когда дошла до него очередь, въ связи съ преобразовательными стремленіями шляхты, хотя связь эта начинала уже рваться. Въ угоду шляхтѣ, глава протестантской партіи Янъ Фирлей, хотя и магнатъ по происхожденію и общественному положенію, поднялъ истинно шляхетскій вопросъ объ исправленіи законовъ и о расширеніи и обезпеченіи вольностей гражданъ рѣчи поспо-

литой,—вопросъ, роковой для Польши, приведшій впослѣдствіи къ чрезвычайно одностороннему опредѣленію шляхтою объема королевской власти. По желанію шляхты, въ программу избирательнаго съѣзда былъ внесенъ особый пунктъ о томъ, чтобы по выслушаніи иностранныхъ пословъ съѣздъ ничего не предпринималъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ исправлены законы и устранены ихъ нарушенія. Король, прибавлено было, долженъ присягнуть въ признаніи совершеннаго съѣздомъ исправленія законовъ. Только въ этомъ случаѣ, еслибы оказалось невозможнымъ всеобщее соглашеніе на тотъ счетъ, программа дозволяла приступить къ избранію; но тотчасъ послѣ него, пока еще не разъѣхались члены съѣзда, она предписывала опять приступить къ исправленію законовъ и совершить его [1]). На основаніи этого пункта программы избранія, протестанты получали право требовать на будущемъ избирательномъ съѣздѣ исправленія законовъ, касающихся религіи. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ возможность провозглашенія принципа свободы совѣсти всею рѣчью посполитою не могла быть у протестантовъ велика: ожидать этого отъ съѣзда, на которомъ должно было совершиться торжество избранія короля-католика, было слишкомъ смѣло.

Изъ своего исключительнаго положенія польскіе протестанты нашли и выходъ исключительный. Они прибѣгли къ тому средству, къ которому обыкновенно обращались поляки въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, къ которому не разъ уже прибѣгали они и въ наступившее безкоролевье. По смерти Сигизмунда Августа вся Польша покрылась какъ-бы непрерывною сѣтью конфедерацій, участники которыхъ торжественно клялись другъ другу соблюдать миръ. Варшавскій конвокаціонный съѣздъ не могъ обойтись безъ провозглашенія всепольской конфедераціи, какъ торжественнаго ручательства гражданъ всей рѣчи посполитой за внутреннее спокойствіе въ ней, такъ торжественной санкціи миролюбивыхъ стремленій областныхъ съѣздовъ. 28 января явилась знаменитая варшавская генеральная конфедерація, прозванная впослѣдствіи религіозною. Въ общемъ она была составлена по образцу корчинской и другихъ конфедерацій; но среди де-

---

[1]) Broel-Plater, Zbiór pamiętnikow do dziejow polskich, Warzawa, 1858, II, 29; Трачевскій, 369.

сяти пунктовъ ея былъ одинъ, который рѣзко выдѣлилъ ее изъ ряда другихъ этого рода политическихъ хартій, который не только вызвалъ большія смуты въ описываемое нами безкоролевье, но и для грядущихъ поколѣній польскаго народа долго еще служилъ яблокомъ раздора. „А такъ какъ въ нашей рѣчи посполитой не малое существуетъ различіе въ исповѣданіи религіи христіанской, сказано въ третьемъ пунктѣ варшавской конфедераціи, то предупреждая возникновеніе по этой причинѣ какого-либо вреднаго междоусобія, подобнаго тому, какое мы ясно видимъ въ иныхъ королевствахъ, мы всѣ за себя и за своихъ потомковъ, на вѣчныя времена подъ гарантіей присяги, даннаго слова, чести и совѣсти, обязуемся—между всѣми нами, несогласными въ вѣрѣ (dissidentes de religione), соблюдать миръ, изъ-за разницы въ вѣрѣ и церковныхъ обрадахъ не проливать крови, не наказывать пенями, конфискаціей имущества, лишеніемъ чести, тюремнымъ заключеніемъ и изгнаніемъ, и никакой власти, никакому правительственному лицу отнюдь въ этомъ не помогать; а еслибы кто рѣшился проливать ее по этой причинѣ, таковому всѣ мы обязуемся сопротивляться, хотя-бы онъ дѣлалъ это на основаніи указа или какого-либо судебнаго приговора. Но во всякомъ случаѣ, сказано въ четвертомъ пунктѣ, этою нашею конфедераціею мы отнюдь не ослабляемъ власти какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ пановъ надъ ихъ подданными и вовсе не нарушаемъ повиновенія подданныхъ своимъ панамъ; напротивъ, еслибы гдѣ-либо возникло таковое своеволіе подъ предлогомъ религіи, то каждый панъ и теперь, какъ всегда бывало прежде, воленъ своего непослушнаго подданнаго, tam in spiritualibus, quam in saecularibus, наказать по своему разумѣнію“. Кромѣ того, составители конфедераціи включили въ нее еще одинъ пунктъ, обезпечивавшій соблюденіе ея и со стороны имѣющаго быть избраннымъ короля: „онъ долженъ присягнуть, сказано во второмъ пунктѣ конфедераціи, въ сохраненіи разъединеннаго мира между разъединенными и разнствующими относительно вѣры и богопочитанія людьми“ [1]).

Когда конфедерація внесена была выработавшею ее коммиссіею въ сенатъ, она была одобрена почти всѣми свѣтскими сенаторами, какъ протестантами, такъ и католиками. Быстро

[1]) Vol. leg., II, 124.

стала она покрываться подписями земскихъ пословъ [1]). Даже духовные поддались на мгновеніе обаянію того мира, той сгоды, которою вѣяло отъ конфедераціи: примасъ и епископы готовы были подписать ее [2]). Но это продолжалось лишь мгновеніе. Епископы попросили срокy для размышленія. Между протестантами и епископами по этому случаю произошла крупная размолвка, послѣ которой нѣкоторые епископы, въ томъ числѣ и Карнковскій, ушли изъ сената и даже совсѣмъ уѣхали изъ Варшавы. Примасъ, которому принадлежалъ первый голосъ, попросилъ два дня для размышленія. Тяжелыя, мучительныя минуты пришлось пережить Уханскому на закатѣ дней своихъ, на закатѣ дней польской реформаціонной партіи. Въ эти два дня въ душѣ Уханскаго совершился тотъ переворотъ, который раньше его произошелъ уже въ душахъ многихъ его прежнихъ единомышленниковъ. Два мѣсяца тому назадъ мечтавшій о національномъ соборѣ Уханскій сталъ реакціонеромъ, болѣе смѣлымъ даже, чѣмъ самъ Карнковскій, бѣжавшій изъ Варшавы, чтобы не дать подписи своей подъ конфедераціей, въ составленіи которой онъ самъ участвовалъ. Трудно объяснить себѣ тотъ психическій процессъ, который привелъ Уханскаго въ лагерь реакціи. Не безъ вліянія тутъ, кажется, остался споръ изъ-за приматства, въ которомъ Уханскій и реакціонная партія очутились на одной сторонѣ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду выдерживали вмѣстѣ натискъ реформаціонной партіи, причемъ неизбѣжно сближались, сживались другъ съ другомъ. Если это вѣрно, то нѣсколько мѣсяцевъ совмѣстной съ реакціонерами дѣятельности, общихъ съ ними хлопотъ и страданій принесли такой блестящій результатъ, что послѣ нихъ у Уханскаго реформаціоннаго прошлаго точно и не бывало. Такъ сильно было уже тогда въ Польшѣ реакціонное теченіе, такъ заразительна уже тогда была католическая реакція, что противъ нея не могли устоять даже такіе ветераны реформаціи, или, если угодно, католическаго либерализма, какъ Уханскій. Остается еще развѣ констатировать участіе хотя и не прямое кардинала Коммендони въ обращеніи на путь истины польскаго примаса: въ тѣ тревожные дни, когда Уханскій рѣшалъ судьбу варшавской

---

[1]) Heidenstein, 21.
[2]) Noailles, III, 262, Hosius Francisco Krasinski.

конфедераціи, легатъ прислалъ въ Варшаву съ записками и внушеніями католическимъ епископамъ и панамъ своего секретаря Граціани, который съ искусствомъ выполнилъ его порученіе [1]).

По истеченіи срока Уханскій объявилъ къ сенатѣ, что онъ не можетъ согласиться съ постановленіемъ, оскорбляющимъ величіе Господа и Его святую волю, разрушающимъ основы государства, дающимъ свободу убѣжденій даже какому-нибудь магометанину или эпикурейцу. Скорѣе отдамъ я десницу, а если нужно, и голову на отсѣченіе, сказалъ онъ, чѣмъ подпишу подъ нимъ мое имя [2]). Сильное впечатлѣніе произвели на католиковъ слова примаса. Не только епископы, но даже нѣкоторые свѣтскіе сенаторы, два дня тому назадъ одобрявшіе конфедерацію, отказались теперь подписать ее. Изъ духовныхъ только краковскій епископъ Францискъ Красинскій подписалъ конфедерацію. Протестанты были страшно раздражены и, не смотря на сопротивленіе католиковъ, особенно примаса, внесли ее въ варшавскія гродскія книги. Но рядомъ съ нею Уханскій отъ имени сенаторовъ и пословъ, не принявшихъ ея, вписалъ въ тѣже книги протестъ противъ нея. Въ немъ проклиналъ ее, какъ противную корчинской конфедераціи и называлъ ее пагубною, вредною и опасною не только для настоящаго, но и для будущаго, такъ какъ она открываетъ двери въ Польшу разнымъ гнуснымъ сектамъ, даже атеизму, ниспровергаетъ всякую власть, лишаетъ шляхту ея правъ и вольностей, можетъ въ концѣ концовъ довести подданныхъ шляхты, подъ предлогомъ религіи, до открытаго бунта противъ своихъ пановъ. Протестъ объявлялъ конфедерацію незаконною, какъ составленную лишь нѣсколькими сенаторами и земскими послами, вопреки будто-бы заявленію всей остальной шляхты, что инструкціи ея не дозволяютъ ей ничего обсуждать на конвокаціи, кромѣ вопроса объ избирательномъ терминѣ [3]).

Варшавская религіозная конфедерація и рядомъ съ нею протестъ противъ нея, принципъ свободы совѣсти и рядомъ съ нимъ торжественное заявленіе нетерпимости къ религіознымъ

---

[1]) Трачевскій, 378—379.

[2]) Theiner, Annales Ecclesiastici, Romæ, 1856, I, 136—137.

[3]) Heidenstein, 21.

убѣжденіямъ,—вотъ та роковая, мучительная загадка, которую оставила полякамъ въ наслѣдіе варшавская конвокація, та страшная, неумолимая дилемма, въ которой ничего имъ теперь уже не оставалось, какъ или стать на сторонѣ свободы совѣсти, или стать противъ нея. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ судьба того пункта варшавской конфедераціи, въ которомъ она, желая войти въ компромиссъ если не съ принципами католической реакціи, то съ шляхетскими соціальными воззрѣніями, отказала въ свободѣ совѣсти польскимъ крестьянамъ. Противники конфедераціи, какъ мы выше видѣли, не повѣрили торжественному заявленію ея, что она вовсе не посягаетъ на права шляхты надъ ея подданными, и Уханскій въ своемъ протестѣ упрекалъ конфедератовъ чуть-ли не въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту. Послѣ конвокаціи вся почти Польша раздѣлилась въ вопросѣ о религіозной свободѣ на два враждебные лагеря: одинъ изъ нихъ сталъ подъ знамя варшавской конфедераціи, другой примкнулъ къ протесту примаса. Между тѣмъ какъ великополяне на сеймикѣ въ Шродѣ не признали конфедераціи на томъ основаніи, что она не всѣми подписана [1]), а мазовшане внесли даже въ гродскія книги рѣзкій протестъ противъ нея на томъ основаніи, что она не всѣми на конвокаціи принята и дозволеніемъ различія въ вѣрѣ вноситъ въ страну великое распутство, безпорядокъ. нарушеніе спокойствія и законовъ [2]): сандомірская шляхта на сеймикѣ въ Покршивницѣ, обративъ вниманіе на двусмысленность извѣстнаго пункта конфедераціи о правѣ помѣщиковъ надъ крестьянами (tam in spiritualibus, quam saecularibus), требовала уничтоженія этой двусмысленности прибавленіемъ слова bonis (т. е. имѣніяхъ, а не дѣлахъ), и кромѣ того настаивала на внесеніи въ разрядъ всѣхъ другихъ правъ и привиллегій гражданъ рѣчи посполитой того пункта конфедераціи, по которому король долженъ былъ присягнуть въ соблюденіи религіознаго мира [3]). Подъ знамя религіозной свободы, развернутое варшавскими конфедератами, стремились теперь всѣ, кто въ этой свободѣ нуждался. У протестантовъ, не съумѣвшихъ объединиться въ выборѣ кан-

---

[1]) Orzelski, I, 35.
[2]) Noailles, III, 256—257.
[3]) Broel-Plater, III, 66.

дидата на престолъ, явилось знамя, вокругъ котораго они могли сгруппироваться для совмѣстной дѣятельности, независимо отъ своихъ симпатій къ тому или другому кандидату. Вотъ почему главнымъ объектомъ борьбы во все послѣдующее безкоролевье служитъ религіозная конфедерація. Вотъ почему извѣстный Мартинъ Кромеръ, посылая самому ревностному изъ польскихъ епископовъ Станиславу Карнковскому благопожеланіе, чтобы „въ Станиславѣ былъ (valeat) духъ Станислава (Гозія), а счастье Збигнѣва", съ чувствомъ страха говоритъ о томъ, что чѣмъ болѣе католики возстаютъ противъ конфедераціи, „тѣмъ болѣе стараются противники о томъ, чтобы она оставалась неизмѣнною или чтобы король былъ изъ ихъ партіи" [1]).

Протестъ примаса противъ конфедераціи вызвалъ сильное оживленіе въ строго-католической партіи. Польское духовенство радовалось, что не удался „заговоръ" [2]). Капитулы прославляли Карнковскаго за его противодѣйствіе „конфедераціи, посредствомъ которой сатана хотѣлъ ввести въ Польшу всѣ богохульства и мерзости, какія только есть во вселенной". Они приравнивали его къ Иліи, Даніилу, тремъ отрокамъ въ пещи [3]). Но героемъ дня былъ, безспорно, Уханскій. За его блестящій дебютъ его покрыли славою испытанные, всѣмъ католическимъ міромъ признанные борцы за католическій абсолютизмъ, прежніе заклятые враги его плановъ и проэктовъ. Кардиналъ Гозій, лишь только получилъ извѣстіе о дѣйствіяхъ примаса во время конвокаціи, поспѣшилъ торжественно, въ коллегіи кардиналовъ снять съ Уханскаго тяготѣвшее надъ нимъ подозрѣніе въ неправославіи. Въ письмѣ къ нему (отъ 21 марта 1573 г.) кардиналъ хвалилъ его ревность по вѣрѣ, просилъ и на будущее время такъ же смѣло и доблестно защищать дѣло Христа [4]). Самъ Григорій XIII удостоилъ Уханскаго въ высшей степени любезнымъ письмомъ. Папа писалъ, что не находитъ словъ, чтобы выразить ту радость, какую онъ испыталъ, когда получилъ извѣстіе о мужественномъ сопротивленіи примаса конфе-

---

[1]) Carncovius, Cromerus Carncovio, Heilsbergæ, 4 apr. 1573 (Dlug., II, 1704).

[2]) Ibid. .

[3]) Ibid., 1747 — 1748, capitulum Cracoviense Carncovio, Cravoviæ, 6 martii 1573.

[4]) Eichhorn, II, 432.

дераціи. Папа привѣтствовалъ Уханскаго съ тѣмъ, что онъ, рѣшившись принять смерть ради Христа, этимъ самымъ сподобился уже мученическаго вѣнца. Хотя папа, исполняя свой долгъ, и обращается къ примасу съ словомъ увѣщанія, но все его увѣщаніе ограничивается лишь просьбою, чтобы и при предстоящемъ избраніи короля примасъ остался такимъ же, какимъ былъ на конвокаціи (tui similis sis) [1]). Между тѣмъ какъ Уханскаго со всѣхъ сторонъ осыпали похвалами, единственный польскій епископъ, давшій свою подпись подъ конфедераціею, принужденъ былъ выслушивать рѣзкіе укоры за свой поступокъ. Свое письмо къ нему кардиналъ Гозій начинаетъ категорическимъ заявленіемъ, что, когда въ Римѣ получено было извѣстіе, что онъ одинъ изъ всѣхъ епископовъ подписалъ заговоръ противъ Господа и Христа Его, поступка его никто въ Римѣ не одобрилъ. Напрасны были усилія самого кардинала, хотя отчасти, смягчить вину епископа въ глазахъ св. отца указаніемъ на то, что онъ рѣшился на это единственно изъ желанія сохранить общественный миръ: епископа въ Римѣ никто не извиняетъ, а тѣмъ менѣе его святѣйшество. Переходя затѣмъ къ письму, полученному имъ отъ Красинскаго, кардиналъ прежде всего спрашиваетъ епископа, что это за евангелики, о которыхъ онъ неоднократно упоминаетъ въ своемъ письмѣ и которыхъ онъ даже противопоставляетъ католикамъ, какъ будто внѣ католической церкви есть евангеліе, или какъ будто можно называть евангеликами тѣхъ, которые, какъ извѣстно, не суть христіане. Евангеліе, это—радостная вѣсть о любви, которою Христосъ возлюбилъ родъ человѣческій: въ Евангеліи Христосъ хотѣлъ не иное что возвѣстить, какъ то, чтобы мы, подражая Его любви къ намъ, любили Его и другъ друга. А развѣ такое евангеліе проповѣдуютъ эти такъ называемые евангелики? Не стараются-ли они напротивъ всѣми способами расточить то, что пріобрѣтено драгоцѣнною кровію Христа. Они, это—очевидно, порожденіе того, о комъ сказалъ пророкъ, что онъ сѣетъ раздоръ между братьями. А если они—таковы, не вправѣ-ли мы называть ихъ cacangelici. Такъ какъ у протестантовъ нѣтъ ничего общаго съ евангеліемъ Христа, а напротивъ все у нихъ общее съ ангелами діавола, то кар-

[1]) Theiner, Annales Ecclesiastici, I, 137—138, Romæ, 28 martii 1573.

диналъ не можетъ достаточно надивиться, какъ это епископъ могъ назвать ихъ евангеликами. „Eigenvillici (отъ нѣмецк. eigenvillig), острить онъ, гораздо вѣрнѣе было-бы назвать, такъ какъ у нихъ каждый слѣдуетъ своему собственному мнѣнію. Кардиналъ совѣтуетъ епископу лучше просто называть еретиковъ еретиками, чѣмъ врагамъ церкви давать имя евангеликовъ. Переходя затѣмъ къ возраженію Красинскаго, что протестанты въ случаѣ непринятія конфедераціи угрожали большими волненіями, даже кровопролитіемъ, кардиналъ спрашиваетъ епископа: если Богъ съ нами, кто противъ насъ? Въ Польшѣ, онъ проситъ епископа обратить на это вниманіе, не семь, а семьдесятъ тысячъ осталось еще такихъ, которые не только не преклоняли своихъ колѣнъ предъ Вааломъ Эйслебенскимъ ли то или Женевскимъ, или какимъ-либо инымъ, но и готовы во всякое время пожертвовать жизнью для защиты вѣры. Но даже если-бы еретики, дѣйствительно, были такъ сильны, что не было-бы никакой надежды побѣдить ихъ, и въ этомъ случаѣ истинному католику, а тѣмъ болѣе епископу нужно лучше смерть принять, чѣмъ отрекаться отъ Христа. Кардиналъ никакъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что варшавская конфедерація нисколько не ниспровергаетъ вѣры и потому принять ее еще не значитъ отречься отъ вѣры. По его мнѣнію тотъ уже не соблюлъ вѣры Христу, кто согласился, чтобы то, что однажды расточено діаволомъ, навсегда осталось расточеннымъ. Но особенно возмутило кардинала требованіе конфедераціи, чтобы никто, даже король, не наказывалъ отступниковъ отъ католической вѣры, когда даже „наиболѣе чтимые въ Польшѣ идолы“ Кальвинъ и Беза преслѣдовали и казнили несоглашавшихся съ ними. Въ заключеніе письма, Гозій совѣтуетъ Красинскому отказаться отъ своей подписи подъ конфедераціей, говоря, что только чистосердымъ раскаяніемъ онъ можетъ загладить свой тяжкій грѣхъ [1]).

Въ назначенное конвокаціей время собрался въ Варшавѣ избирательный съѣздъ. Предъугадывая исходъ выборовъ, протестанты еще сильнѣе, чѣмъ на конвокаціи, спѣшили оградить себѣ свободу совѣсти: они требовали прежде всего исправленія законовъ и утвержденія варшавской конфедераціи. Като-

1) Noailles, III, 257—264, Hosius Francisco Krasinski.

лики не соглашались на это, кричали о вредѣ конфедераціи, указывали на то, что иностранная интрига не замедлитъ воспользоваться для своихъ цѣлей отсрочкою избранія. Протестанты на этотъ разъ уступили. Сеймъ приступилъ къ слушанію иностранныхъ пословъ. Первымъ говорилъ кардиналъ Коммендони. Онъ рѣзко порицалъ варшавскую конфедерацію, называлъ ее ядомъ, а не лекарствомъ противъ той болѣзни, которою страдаетъ рѣчь посполитая, удивлялся тому, какъ могло составителямъ ея прійти въ голову, что наилучшее средство къ уничтоженію разъѣдающихъ Польшу раздоровъ, произшедшихъ изъ разнобразія религіозныхъ вѣрованій, есть подтвержденіе всѣхъ существующихъ сектъ и дозволеніе еще разныхъ иныхъ. Рѣчь Коммендони была такъ оскорбительна для протестантовъ, что Петръ Зборовскій прервалъ ее и попросилъ папскаго легата не забываться, не брать на себя роли совѣтника и сенатора. Друзья кардинала заволновались; нѣкоторые схватились даже за рукояти мечей. Но Коммендони самъ укротилъ бурю, замѣтивъ Зборовскому съ улыбкою: „Помни, что если я не сенаторъ, то и ты не сенатъ“. Легатъ окончилъ рѣчь, въ которой просилъ поляковъ выбрать короля—католика, но опредѣленнаго кандидата не назвалъ. Послѣ Коммендони одинъ за другимъ послы австрійскій, французскій и шведскій восхваляли своихъ кандидатовъ и расписывали полякамъ тѣ блага, какія они получатъ отъ ихъ избранія. Вслѣдъ затѣмъ, по распоряженію съѣзда, они удалились изъ Варшавы въ назначенныя для ихъ пребыванія мѣста. [1])

Ко времени избирательнаго съѣзда французская кандидатура сдѣлала уже такіе успѣхи, что избраніе Генриха представлялось каждому почти несомнѣннымъ. Одно только препятствіе заграждало еще французскому принцу путь къ польскому престолу. Это—нерѣшенный, но требовавшій неотложнаго рѣшенія религіозный вопросъ. Протестанты понимали, что если на избирательномъ съѣздѣ они не получатъ желательнаго имъ рѣшенія этого вопроса, то никогда уже не получатъ. Католики также понимали, что если они не допустятъ этого рѣшенія, на избирательномъ съѣздѣ, то онъ навсегда уже останется нерѣ-

---

1) Orzelski, I, 39—63, 89—90; Broel-Plater, III, 72—91; Трачевскій, 411—452.

шеннымъ, или—что, съ ихъ точки зрѣнія, было одно и то-же — рѣшеннымъ въ прежнемъ, строгокатолическомъ духѣ. Борьба, и борьба сильная, упорная, становилась неизбѣжною. Она дѣйствительно тотчасъ же началась, и въ ней весь интересъ избирательнаго съѣзда. Какъ ни противились строгіе католики исправленію законовъ, такъ какъ оно неизбѣжно выдвигало пересмотръ законодательства, касающагося религіи, должны были уступить протестантамъ, за которыхъ стояли какъ свободолюбивые инстинкты націи, такъ и постановленія конвокаціи. Изъ нѣсколькихъ пановъ и шляхтичей назначена была особая коммиссія для исправленія законовъ. Но коммиссіи этой не суждено было совершить своего дѣла. Сначала въ угоду шляхтѣ, требовавшей немедленнаго избранія короля, ограничили ея работы пересмотромъ только тѣхъ пунктовъ законодательства, которые касались королевской власти. Потомъ когда шляхта, попреимуществу мазовецкая, продожала настаивать на немедленномъ избраніи, постановили одновременно производить выборы и продолжать исправленіе законовъ. Какъ ни волновалась и ни шумѣла шляхта, сколько ни угрожала она сенату, что сама съумѣетъ себѣ избрать короля коммиссія продолжала свое дѣло, и 1 мая 1573 г. въ рукахъ Яна Фирлея были уже выработанныя ею пресловутыя „Генриховы статьи“ [1]). Не вдаваясь въ анализъ этихъ статей, въ сильной степени ограничившихъ власть польскаго короля, внесшихъ немало яду въ польскій государственный организмъ, замѣтимъ только, что по второй изъ этихъ статей новоизбранный король долженъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ вѣчно будетъ соблюдать особенную конфедерацію, составленную относительно религіознаго мира нѣкоторыми гражданами польскаго королевства [2]). Замѣтимъ еще, что въ заключеніи этихъ статей стоялъ слѣдующій пунктъ: „А если-бы мы (чего Боже сохрани) учинили что-либо вопреки законамъ, вольностямъ, статьямъ, условіямъ, или не исполнили чего-либо, въ такомъ случаѣ мы освобождаемъ жителей королевства и великаго княжества отъ должнаго намъ повиновенія и вѣрности“ [3]).

---

[1]) Orzelski, I, 95—102; Трачевскій, 449—454.
[2]) Vol. leg., 150.
[3]) Ibid., 152.

Съ Генриховыми статьями въ рукахъ Янъ Фирлей, великій коронный маршалъ и краковскій воевода, и Петръ Зборовскій, сандомірскій воевода, явились (2 мая) въ сенатъ и потребовали разсмотрѣнія ихъ. Когда дѣло дошло до упомянутой выше второй статьи, католическіе епископы съ Карнковскимъ во главѣ рѣзко отвергли ее, говоря, что она не только открываетъ двери всякимъ сектамъ, но и узаконяетъ атеизмъ, что король, принявъ ее, можетъ пристать къ сектѣ, отвергающей присягу, и признать себя свободнымъ отъ всѣхъ принятыхъ имъ подъ присягою обязательствъ, что она отнимаетъ у епископовъ и всего духовенства всѣ ихъ доходы, имѣнія и пр. Протестанты возражали, что конфедерація вовсе не отворяетъ дверей сектамъ и атеизму, а лишь имѣетъ въ виду установить миръ между несогласіями въ вѣрѣ христіанской, что она вовсе не отнимаетъ ни доходовъ у духовенства, ни первенства у римской церкви, а только гарантируетъ миръ и безопасность въ государствѣ. Зборовскій указывалъ на гибель, ожидающую государство, въ которомъ еще не разорвана кровавая велюнская конституція Ягеллы. Рѣчи протестантскихъ вождей произвели такое сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, что за свободу совѣсти высказалось громадное большинство даже католическихъ сенаторовъ, лишь 12 свѣтскихъ сенаторовъ высказались противъ конфедераціи. Но у конфедераціи были противники, для которыхъ не были убѣдительны никакіе аргументы въ пользу свободы совѣсти. Низшее духовенство (гнѣзненскій, краковскій и др. капитулы), а за нимъ католическая, по приемуществу мазовецкая, шляхта, немедленно занесли протестъ противъ второй статьи. Шляхта шумѣла и волновалась. Напрасно Фирлей предлагалъ, чтобы конфедерацію подписали лишь тѣ, кто въ ней нуждается, напрасно предлагалъ онъ вмѣсто конфедераціи такъ формулировать королевскую присягу, чтобы въ нее внесена была статья о религіозномъ: мирѣ и то и другое предложеніе были отвергнуты. Остальныя статьи были отчасти немедленно приняты, отчасти отложены до окончанія выборовъ. Фирлей, потерявъ надежду получить согласіе духовенства и его приверженцевъ на конфедерацію, объявилъ, что завтра, въ качествѣ великаго короннаго маршала, онъ объявитъ начало выборовъ, что онъ и сдѣлалъ. [1])

[1]) Orzelski, I, 105—107; Трачевскій, 460—462.

Результатъ выборовъ оказался такой, какого давно уже всѣ ожидали: громадное большинство голосовъ было на сторонѣ Генриха. Теперь для польскихъ протестантовъ не могло быть никакого уже сомнѣнія въ томъ, что на польскій престолъ сядетъ авторъ варѳоломеевской ночи, а между тѣмъ всѣ ихъ попытки гарантировать себѣ свободу совѣсти остались тщетными. Минуты безкоролевья были сочтены; а между тѣмъ великій религіозный вопросъ, который только въ безкоролевье и могъ быть рѣшенъ въ желательномъ для протестантовъ смыслѣ, оставался открытымъ. Надежды на признаніе братьями—поляками принципа свободы совѣсти уже не существовало у протестантовъ. Напротивъ: они съ минуты на минуту ожидали, что собравшаяся на избирательномъ полѣ шляхта, и безъ ихъ согласія, провозгласитъ Генриха королемъ. Дѣла приняли такой оборотъ, что протестантамъ оставалось одно изъ двухъ: или признать Генриха королемъ безъ всякихъ гарантій отъ его произвола, или—рѣшиться на самое крайнее средство—сорвать сеймъ и этимъ вызвать, можетъ быть, междуусобную войну. Протестанты избрали послѣднее. Въ ночь съ 10 на 11 мая великій коронный маршалъ оставилъ поле избранія и удалился съ своими сторонниками въ деревню Грохово, отстоявшую на часъ пути отъ этого поля. Подъ Гроховомъ собрались остатки партій австрійской, шведской, и пястовской, вообще противники Генриха. Но главнымъ связующимъ звеномъ тутъ былъ принципъ свободы совѣсти [1]).

Мы не будемъ разсказывать того, что произошло послѣ удаленія Фирлея въ Грохово. Укажемъ только слѣдствія его. Какъ ни сильно на избирательномъ полѣ заявляла себя католическая реакція особенно среди духовенства и католической, преимущественно мазовецкой шляхты, но и это католическое большинство, отдавшее польскій престолъ въ руки Генриха, дрогнуло при мысли, что еще придется, можетъ быть, пролить потоки братской крови, прежде чѣмъ сядетъ на польскій престолъ Генрихъ, не связанный никакими обязательствами относительно такъ называемыхъ еретиковъ. Оно еще способно было, правда поставленное лицомъ къ лицу съ междуусобной войной, преклониться предъ мнѣніями той лучшей части поль-

[1]) Orzelski, I, 136—138.

ского общества (какъ протестантской, такъ и католической), которая во все безкоролевье стояла за принципъ свободы совѣсти, которая и теперь, въ критическую минуту протянула руку примиренія гроховцамъ. Благодаря ея вліянію, условія, предложенныя гроховцами, какъ ихъ ультиматумъ, приняты были оставшимися на полѣ избранія. Прежде всего приняты были и подписаны безъ протестовъ и исключеній Генриховы статьи. Затѣмъ, гроховцы потребовали, чтобы варшавская конфедерація, независимо отъ упоминанія о ней въ числѣ прочихъ условій избранія, была утверждена, какъ отдѣльный самостоятельный документъ. Сенаторы скрѣпили ее своими печатями, а представители шляхты своими подписями. Духовенство попрежнему отказалось отъ подписи. Одинъ Красинскій и теперь подписалъ конфедерацію [1]). Наконецъ протестанты настояли на внесеніи въ формулу королевской присяги словъ о сохраненіи королемъ мира между разновѣрцами [2]).

Принятіе сенатомъ условій гроховцевъ произошло уже послѣ объявленія Генриха польскимъ королемъ, — объявленія, произнесеннаго примасомъ самовольно, до наступленія всеобщей сгоды и потому незаконнаго: противъ него тогда же протестовали уполномоченные гроховцевъ, да и оставшіеся на полѣ избранія сенаторы тутъ же выразили Уханскому свое недовольство, признавши его поступокъ превышеніемъ власти, а самое объявленіе объ избраніи короля недѣйствительнымъ. Когда условія гроховцевъ были приняты сенатомъ, французскіе послы, послѣ нѣкоторыхъ колебаній 15 мая 1573 г. въ шатрѣ, въ которомъ происходили засѣданія сената, преклонивъ колѣна, повторили за Красинскимъ, краковскимъ епископомъ, присягу въ томъ, что Генрихъ присягнетъ въ принятіи всѣхъ тѣхъ условій воцаренія, которыя были приняты ими подъ присягою. Недовольствуясь этимъ, Фирлей настоялъ еще на томъ, что послы тутъ же повторили за нимъ: „главнымъ образомъ и особенно клянемся въ томъ, что избранный король присягнетъ въ исполненіи всего написаннаго въ грамотѣ о соблюденіи

[1]) Orzelski, I, 142—145; Трачевскій, 497—498.

[2]) Vol. leg., II, 135: pacem et tranquilitatem inter dissidentes de religione tuebor, manutenebo, nec ullo modo vel jurisdictione nostra, vel officiorum nostrorum et statuum quorumvis authoritate quempiam affici, opprimique causa religionis premittam, nec ipse afficiam, nec opprimam.

мира между различными религіями, которую представятъ ему на коронаціонномъ сеймѣ маршалъ и канцлеръ коронный». Уханскій во время произнесенія присяги еще разъ протестовалъ противъ конфедераціи. По произнесеніи присяги Янъ Фирлей, какъ великій коронный маршалъ, произнесъ обычную формулу провозглашенія избраннаго короля. Для приглашенія Генриха на престолъ назначена была особая депутація изъ восьми сенаторовъ и пяти шляхтичей, во главѣ съ познанскимъ епископомъ Адамомъ Конарскимъ. Въ качествѣ представителей Литвы въ депутацію вошли отъ сената Николай Кристоръ Радзивиллъ, надворный маршалъ литовскій, и отъ дворянства Александръ Пронскій [1]).

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Велика была радость кардинала Гозія, когда пришла въ Римъ вѣсть объ избраніи Генриха Валуа въ польскіе короли „Есть за что благодарить Бога, писалъ онъ Карнковскому, порадовавшему его этою вѣстью, по Его милости мы имѣемъ теперь такого короля, о дарованіи какого почти цѣлый годъ смиренно Его умоляли,—величайшаго защитника католической вѣры. Всегда онъ открыто исповѣдывалъ на землѣ Христа предъ людьми: вотъ и Христосъ теперь исповѣдалъ его на небѣ предъ Отцемъ своимъ". Ветеранъ польскаго католичества словно ожилъ при мысли, что дѣло, за которое онъ ратовалъ всю жизнь свою, получило теперь новаго и такого могучаго поборника. Въ его воображеніи рисовалась уже восхитительная картина реставраціи католичества на всемъ пространствѣ его обширнаго отечества, „отъ моря Балтійскаго и до моря Евксинскаго", и онъ изливалъ свое сердце въ благодарственной молитвѣ къ Богу, а Генриха спѣшилъ привѣтствовать съ счастливымъ исходомъ его кандидатуры [2]).

Но радость Гозія была омрачена дошедшимъ до него извѣстіемъ о включеніи сенатомъ въ число условій воцаренія Генриха варшавской конфедераціи, или какъ обыкновенно на-

---

[1]) Orzelski, I, 146—149; Broel-Plater, III, 229—232, przysięga posłow Króla Francuskiego; Трачевскій, 503—504.

[2]) Carncovius, Hosius Carncovio, Sublaci, 7 aug. 1573 (Dług., II, 1676—1677).

зывалъ ее Гозій, „заговора (conspiratio) противъ Господа и противъ Христа Его“. Разрушить этотъ заговоръ, не допустить новоизбраннаго короля до присяги въ соблюденіи свободы совѣсти въ Польшѣ, въ чемъ уже однако поклялись именемъ Генриха уполномоченные имъ на это послы, — вотъ та ближайшая задача, которую—рѣшилъ кардиналъ—поставила ему теперь польская жизнь. Въ Варшавѣ польскіе епископы и другіе вѣрные сыны католической церкви, не смогли разрушить этого „заговора дьявола“, и полякъ—кардиналъ, неоднократно участвовавшій въ разрушеніи этого рода заговоровъ въ разныхъ западно-европейскихъ странахъ, чувствовалъ себя обязаннымъ сдѣлать то, чего не могли сдѣлать его польскіе братья и чада по духу, разрушить въ Парижѣ то, что съ такимъ трудомъ соорудили въ Варшавѣ польскіе протестанты. Горячо принялся Гозій за это нелегкое дѣло. Онъ готовъ былъ лично отправиться въ Парижъ, но старость и болѣзнь не дозволили ему этого. За то онъ пустилъ въ ходъ всѣ другія средства, чтобы достигнуть своей цѣли. Во Францію полетѣлъ секретарь кардинала Решка, уполномоченный принести Генриху отъ имени Гозія вмѣстѣ съ поздравленіемъ присягу въ вѣрности. У Решки была и болѣе важная миссія: своему испытанному секретарю кардиналъ поручилъ удержать Генриха отъ принесенія присяги въ соблюденіи религіозной свободы и передать ему все то, что считалъ нужнымъ сказать ему кардиналъ. Прибывъ во Францію, Решка отъ имени Гозія просилъ Генриха остаться въ Польшѣ такимъ же, какимъ онъ былъ во Франціи, подражать своимъ предкамъ — христіаннѣйшимъ королямъ, не поддаваться ни просьбамъ, ни угрозамъ, и отвергнувъ присягу, прямо объявить, что въ Польшѣ онъ не потерпитъ никакой иной вѣры, кромѣ римской, католической. Просьба польскихъ протестантовъ, доказывалъ Решка Генриху, ужаснѣе просьбы Иродіады: эта просила только голову Іоанна Крестителя отсѣчь отъ его тѣла, а тѣ желаютъ разсѣчь тѣло Христа на множество мельчайшихъ частицъ, и еще требуютъ, чтобы король поклялся, что они останутся за это безнаказанными. Они желаютъ царскую власть, призванную служить распространенію богопочтенія, сдѣлать орудіемъ къ уменьшенію его. Попытки католиковъ заключить миръ съ протестантами никогда не достигнутъ цѣли, такъ какъ миръ меж-

ду несогласными въ вѣрѣ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ самое несогласіе, и составители конфедераціи, желая сохраненія мира среди разногласія, желаютъ совершенно невозможнаго. Отъ лица Гозія, какъ вѣрноподданнаго и сенатора, какъ епископа и кардинала, Решка просилъ Генриха отвѣтить сторонникамъ конфедераціи, что онъ знаетъ, что есть только одинъ Богъ и только одна вѣра, а все, что внѣ ея, не вѣра, а невѣріе. Притомъ же конфедерація эта, доказывалъ Решка, недѣйствительна потому уже одному, что она только немногими подписана и противна корчинской конфедераціи. Для большаго успѣха Гозій поручилъ Решкѣ дѣйствовать по соглашенію съ кардиналомъ лотарингскимъ и двумя нунціями, которыхъ папа послалъ въ Парижъ по просьбѣ Гозія, и вмѣстѣ съ ними стараться вооружить противъ конфедераціи мать Генриха Екатерину Медичи и высшихъ придворныхъ сановниковъ. Лотарингскаго кардинала Гозій въ особомъ письмѣ просилъ не допустить короля до принятія конфедераціи; въ крайнемъ же случаѣ совѣтовалъ, чтобы Генрихъ отложилъ принятіе ея до коронаціоннаго сейма. Кромѣ того Гозій послалъ Генриху особенную письменную критику конфедераціи, въ которой между прочимъ доказывалъ, что она устроена диссидентами лишь съ тою цѣлью, чтобы обезопасить себя въ своихъ анархистскихъ стремленіяхъ. Наконецъ Гозій старался подѣйствовать на самихъ депутатовъ, везшихъ Генриху вмѣстѣ съ другими условіями избранія и варшавскую конфедерацію для подтвержденія ихъ королевскою клятвою: онъ просилъ (въ письмѣ отъ 30 іюня 1573 г.) ревностнаго католика Альберта Ласкаго, члена депутаціи, не допустить новоизбраннаго короля до присяги въ соблюденіи конфедераціи [1]).

Римская курія вполнѣ раздѣляла взглядъ кардинала Гозія на варшавскую конфедерацію. Съ точки зрѣнія Григорія XIII, она—Sathanae conspiratio, и миръ между разновѣрцами также невозможенъ, какъ между свѣтомъ и тьмою, жизнью и смертью, Христомъ и Веліаломъ. Въ посланіи къ познанскому епископу Конарскому, стоявшему во главѣ депутаціи, папа выражалъ увѣренность, что епископъ не допуститъ короля до

---

[1]) Rescius, lib. III, c. VIII, p. 311—316; c. IX, p. 317; Eichhorn, II, 435—437.

присяги въ соблюденіи конфедераціи. На тотъ случай, еслибы это оказалось невозможнымъ, епископъ долженъ былъ, по совѣту папы, добиться по крайней мѣрѣ того, чтобы Генрихъ принесеніе присяги отложилъ до прибытія своего въ Польшу подъ тѣмъ предлогомъ, что въ виду возбужденныхъ ею въ Польшѣ споровъ онъ считаетъ нужнымъ узнать предварительно мнѣніе о ней сената и всей рѣчи посполитой, и когда узнаетъ, что ея они дѣйствительно желаютъ, тогда и присягнетъ [1]). Одновременно съ этимъ папа по тому же поводу писалъ и Альберту Ласкому, члену той же депутаціи, хотя въ письмѣ къ нему выражался не такъ откровенно, какъ въ предыдущемъ [2]). Къ новоизбранному королю папа въ самомъ началѣ іюня послалъ особаго нунція, Вилентія Лауро, епископа Мондови, которому поручилъ сопровождать Генриха въ самую Польшу [3]). Посылка во Францію епископа Мондови, равно какъ и Серафима Оливарія (Olivarius), привезшаго Генриху первое привѣтственное посланіе папы, состоялась по указанію и просьбѣ Гозія [4]).

Усилія кардинала Гозія и римской куріи не достигли своей цѣли. Правда, познанскій епископъ Конарскій не устоялъ противъ натиска римской куріи, не рѣшился нарушить святаго послушанія апостольскому престолу, хотя и позволилъ себѣ нарушить обязательства, принятыя имъ на себя на варшавскомъ избирательномъ съѣздѣ по отношенію ко всей рѣчи посполитой. Правда, онъ протестовалъ, отъ имени польскаго духовенства и всѣхъ польскихъ католиковъ, противъ варшавской конфедераціи и противъ присяги короля въ соблюденіи религіознаго мира. Правда, не осмѣлились отказать въ сыновнемъ послушаніи св. отцу, не осмѣлились пойти противъ совѣтовъ патріарха польскаго католичества новообращенные католики Альбертъ Ласкій и Николай Радзивиллъ Сиротка, хотя не прошло еще и полугода съ тѣхъ поръ, какъ они собственноручно привѣсили къ варшавской конфедераціи свои сенаторскія печати. Остальные члены депутаціи, какъ протестанты, такъ и католики, дали сильный отпоръ своимъ измѣ-

[1]) Theiner, Ann. Eccl., I, 147—148, 4 aug. 1573.
[2]) Ibid., 148—149, 4 aug. 1573.
[3]) Ibid., 146, 4 junii 1573.
[4]) Ibid., 145, 1 junii 1573; Eichhorn, II. 436.

нившимъ товарищамъ. Они твердо настаивали на немедленномъ принятіи Генрихомъ конфедераціи. Напрасно Генрихъ, согласно совѣту папы, старался добиться согласія ихъ на отсрочку принятія присяги до прибытія его въ Польшу. Депутаты скорѣе соглашались ни съ чѣмъ возвратиться въ Польшу, чѣмъ дать Генриху эту отсрочку. Генрихъ уступилъ, и 10 сент. 1573 г. въ храмѣ Парижской Богоматери новоизбранный польскій король произнесъ присягу въ соблюденіи всѣхъ правъ и привиллегій всѣхъ сословій польскаго народа, въ томъ числѣ и въ соблюденіи мира между разновѣрцами. Епископъ Конарскій при этомъ протестовалъ противъ послѣдняго пункта присяги. Послѣ утвержденія и остальныхъ условій воцаренія, Генрихъ въ залѣ парламента (13 сент.) провозглашенъ былъ польскимъ королемъ [1]).

Король, о дарованіи котораго Польшѣ умолялъ Бога кардиналъ Гозій, который былъ въ его глазахъ величайшимъ защитникомъ католической вѣры, который лишь годъ съ небольшимъ тому назадъ устроилъ во славу Божію варѳоломеевскую ночь, этотъ король санкціонировалъ теперь своею присягою варшавскую религіозную конфедерацію, поклялся соблюдать принципъ свободы совѣсти, который ни разу такъ ясно не заблисталъ въ Польшѣ даже въ свѣтлые для протестантовъ дни Сигизмундова царствованія. Какъ громомъ поразило кардинала Гозія извѣстіе объ этомъ. „Я не знаю, писалъ онъ Генриху, 19 окт. 1573 г., что́ и какъ мнѣ писать. Того, что сдѣлано, я не могу одобрить... Одно только скажу: тяжко согрѣшили“. Но фактъ совершился: отрицать его не было возможности. Оставалось помириться съ нимъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Но Гозій нашелъ третій выходъ изъ этой неумолимой дилеммы, хотя ему тутъ пришлось пожертвовать здравымъ смысломъ и совѣстью. Исходя изъ того, что одновременно съ варшавскою конфедераціею Генрихъ поклялся въ соблюденіи всѣхъ древнихъ статутовъ, въ томъ числѣ и корчинской конфедераціи, діаметрально противоположной варшавской и потому уничтожающей варшавскую, Гозій призналъ недѣйствительность и необязательность парижской присяги Генриха. Въ этомъ смыслѣ

[1]) Vol. leg., 134—135, Noailles, III, 464—465. Orzelski, I, 170—177; Reimann, Der Kampf Roms gegen die religioese Freiheit Polens in den Jahren 1573 und 1574 (Historische Zeitschrift, 12, 379—385).

онъ и писалъ Генриху, прибавляя, что одно его утѣшаетъ, что король не окажется Иродомъ, исполнившимъ свое нечестивое клятвенное обѣщаніе, а послѣдуетъ примѣру Давида, который, хотя и поклялся, что умертвитъ Навала, однако этого не сдѣлалъ [1]).

Гозій потерпѣлъ въ Парижѣ неудачу; но его усилія здѣсь не были совершенно безуспѣшными. Протестъ Конарскаго Ласкаго и Радзивилла набрасывалъ на парижскую присягу нѣкоторую тѣнь въ глазахъ католиковъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которымъ желательно было видѣть эту тѣнь. Онъ давалъ имъ возможность прибѣгнуть впослѣдствіи подъ защиту этого протеста въ спорѣ съ протестантами о дѣйствительности и обязательности парижской присяги. Между тѣмъ Гозій, отправившись отъ первой неудачи, сталъ дѣятельно готовиться, или точнѣе—подготовлять своихъ польскихъ единомышленниковъ къ дружному сопротивленію повторенію ненавистной ему присяги въ Краковѣ, на коронаціи. Въ каждомъ письмѣ, отправленномъ въ Польшу, онъ все твердилъ о недѣйствительности парижской присяги. „Хотя король и присягнулъ, писалъ онъ Ходкѣвичу, (12 дек. 1573 г.), но это грѣхъ, который чрезъ исполненіе злого обѣщанія еще увеличился бы. Не Ироду, а Давиду долженъ подражать государь. Давидъ поклялся умертвить Навала, но къ чести своей не исполнилъ этого. Генрихъ поклялся не Навала, а многія тысячи душъ умертвить и отдать во власть злаго врага; надо надѣяться, что онъ этого не сдѣлаетъ". Въ своихъ письмахъ (къ Карнковскому, Ласкому, Збонскому) онъ просилъ католиковъ сплотиться тѣснѣе между собою и мужественно возстать противъ насильно навязанной королю присяги [2]). Увѣщанія эти не остались напрасными и въ томъ упорномъ сопротивленіи нѣкоторыхъ католиковъ этой присягѣ, о которомъ мы скажемъ ниже, невольно чувствуется вліяніе престарѣлаго вождя польскаго католичества. Уже одна личность Гозія, удостоившагося въ это время за свою борьбу съ врагами католической церкви самыхъ высшихъ почестей, какія только могутъ выпасть на долю католическаго епископа, обаятельно дѣйствовала на продолжателей его дѣла въ

---

[1]) Eichhorn, II, 484—486; Rescius, lib. III, c. IX, p. 318—319.
[2]) Eichhorn, II, 486—488.

Польшѣ, непреодолимо влекла ихъ впередъ къ новымъ подвигамъ на благо католицизма, къ новой славѣ, какъ наградѣ за эти подвиги, а тѣхъ изъ нихъ, которые были до сихъ поръ подъ опалою Рима, побуждала искреннимъ раскаяніемъ и угодными ему дѣлами загладить поскорѣе свои прежніе грѣхи, снискать благоволеніе св. отца.

Все, что только могъ, сдѣлалъ Гозій, чтобы развязать руки ѣдущему въ Польшу истинно-католическому государю. Если и могъ еще Гозій опасаться, какъ-бы въ Краковѣ не повторилось того же, что произошло въ Парижѣ, за то самъ король не оставлялъ отъ себя желать ничего лучшаго. На пути въ Польшу (изъ Айзенаха) Генрихъ написалъ Гозію письмо, въ которомъ благодарилъ его за отеческія его наставленія и высказывалъ надежду, что въ Польшѣ при Божьей помощи все пойдетъ хорошо. Король радовался по поводу того, что онъ сталъ государемъ страны, гдѣ есть такой епископъ, котораго слѣдуетъ причислить къ лику древнихъ отцовъ церкви, отъ котораго совѣтовъ и молитвъ онъ ожидаетъ великаго благословенія и для себя, и для своего престола [1]). Генриха сопровождалъ въ Польшу папскій нунцій Лауро. Во Франкфуртѣ на Одерѣ къ его свитѣ присоединился Граціани, извѣстный уже намъ секретарь кардинала Коммендони, преподавшій ему не мало уроковъ политической мудрости своего принципала [2]).

Путешествіе Генриха было очень медленно. Лишь въ концѣ января 1574 г. вступилъ онъ на польскую землю. На границѣ (въ Менджыжечѣ) привѣтствовала Генриха назначенная варшавскимъ съѣздомъ депутація, съ куявскимъ епископомъ во главѣ. Карнковскій произнесъ рѣчь, въ которой не мало было прозрачныхъ намековъ на то, чего ожидаетъ отъ Генриха строго-католическая партія, которой по преимуществу онъ обязанъ своимъ избраніемъ. Королю, подписавшему въ Парижѣ ограничительныя условія, епископъ-сенаторъ говорилъ, что въ польскомъ королевствѣ „одинъ только король правитъ государствомъ, шляхта повинуется, а сенатъ совѣтуетъ“. Король, заключилъ онъ свою рѣчь, только тогда пріобрѣтетъ полное довѣріе и оправдаетъ надежды, возбужденныя его дѣйствіями во

---

[1]) Rescius, lib. III, c. IX, p. 319—321; Eichhorn, II, 489.

[2]) Reimann, Der Kampf Roms (Hist. Zeit., 12, 386—388).

Франціи, когда, взявъ эти дѣйствія за образецъ, станетъ поступать вполнѣ согласно съ ними и что-либо подобное совершитъ и въ польскомъ королевствѣ. Эти слова, обращенныя къ одному изъ главныхъ виновниковъ варѳоломеевской ночи, весьма недвусмысленно указывали на то, чего желалъ отъ новаго короля представитель польскаго духовенства. Вездѣ говорили, прибавляетъ описавшій эту встрѣчу Оржельскій, что епископъ желалъ, чтобы въ Польшѣ въ царствованіе Генриха повторились французскія убійства [1]). Изъ Менджыжеча Генрихъ направился къ Кракову, куда прибылъ лишь 16 февраля [2]).

При коронаціи Генриха дѣло не обошлось безъ большихъ споровъ и волненій, неизмѣнно повторявшихся всякій разъ, какъ заходила у поляковъ рѣчь объ условіяхъ воцаренія Генриха, такъ какъ въ числѣ этихъ условій находилась много уже разъ фигурировавшая предъ нами статья о свободѣ совѣсти. Сначала споръ поднялся о времени коронаціи. Посольская изба желала, чтобы коронація послѣдовала лишь послѣ конфирмаціи Генрихомъ всѣхъ принятыхъ имъ на себя условій избранія. Сенатъ настаивалъ на немедленной коронаціи. Споръ окончился въ пользу сената [3]). Но вслѣдъ за нимъ возникъ новый споръ— относительно формы присяги. Сама польская изба раздѣлилась тутъ на двѣ части: плочане, мазовшане и гостынцы стояли за древнюю форму присяги, употреблявшуюся при коронаціяхъ прежнихъ королей; остальные послы (большинство) требовали повторенія королемъ парижской присяги. Отъ имени всей избы Андрей Фирлей, сандомірскій староста, объявилъ сенату, что послы соглашаются немедленно приступить къ коронаціи и только просятъ сенаторовъ напомнить королю послѣ коронаціи о конфирмаціи, а также позаботиться о томъ, чтобы при коронаціи король повторилъ парижскую присягу. Но противная партія тутъ же заявила, что она желаетъ древней присяги. Сенатъ по вопросу о формѣ присяги также раздѣлился на двѣ части: католики, по преимуществу епископы, желали древней присяги, протестанты—парижской. Въ концѣ концовъ въ сенатѣ, кажется, состоялся компромиссъ между обѣими партіями:

---

[1]) Orzelski, I, 188.
[2]) Ibid., 206.
[3]) Ibid., 208—211.

рѣшено было, чтобы король произнесъ древнюю присягу, но съ желательною протестантамъ прибавкою, представлявшею не что иное, какъ сокращеніе статьи парижской присяги о религіозной свободѣ. Согласно съ этимъ рѣшеніемъ и совершился (18 февр. 1574 г.) обрядъ коронаціи, хотя еще разъ въ самомъ костелѣ во время совершенія самаго обряда пришлось протестантамъ требовать отъ короля присяги въ соблюденіи религіознаго мира, требовать съ угрозою, что они не допустятъ коронаціи. Янъ Фирлей, поддержанный Петромъ Зборовскимъ, Николаемъ Радзивилломъ Рыжимъ и другими протестантами, потребовалъ даже повторенія Генрихомъ всей парижской присяги; но онъ долженъ былъ отказаться отъ этого требованія въ виду заявленія Ходкѣвича, что и сокращенная форма достаточно гарантируетъ свободу совѣсти протестантамъ Генрихъ произнесъ сокращенную форму присяги: „Pacem inter dissidentes de religione tuebor“, хотя Уханскій и протестовалъ противъ нея, а Карнковскій заставилъ короля прибавить: „Salvis tamen juribus ecclesiasticis“ [1]).

Два, даже три раза клялся Генрихъ въ соблюденіи свободы совѣсти, если считать и присягу его пословъ на избирательномъ съѣздѣ; но всякій разъ его присяга сопровождалась протестомъ католическаго духовенства. Поборникамъ принципа свободы совѣсти было очевидно, что этого принципа не будетъ уважать духовенство, что его не будетъ уважать, можетъ быть, и самъ король, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Рима. Послѣ троекратной присяги такимъ образомъ свобода совѣсти въ Польшѣ далеко еще не была утверждена непоколебимо, такъ что коронаціонный сеймъ, или—вѣрнѣе—реформаціонная партія на сеймѣ сочла нужнымъ еще разъ поставить вопросъ о религіозной свободѣ, съ тѣмъ чтобы добиться рѣшенія его окончательнаго, безповоротнаго, безъ всякихъ протестовъ и оговорокъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ на коронаціонномъ сеймѣ не былъ поставленъ прямо, самостоятельно. Сеймъ поднялъ общій вопросъ о конфирмаціи Генрихомъ въ особомъ дипломѣ всѣхъ условій его избранія, какъ они были опредѣ-

---

[1]) Orzelski, I, 211—218; Carncovius Commendono (Dlug., II, 1772—1773 и Theiner, Ann. Eccl., I, 275—276; Reimann, Der Kampf Roms (Hist. Zeit., 12, 389—394).

лены на избирательномъ съѣздѣ и приняты сначала французскими послами въ Варшавѣ, а потомъ и Генрихомъ въ Парижѣ. Но весь споръ, поднявшійся изъ-за конфирмаціи, сводился въ существѣ дѣла къ утвержденію религіозной конфедераціи. Поляки, на избирательномъ съѣздѣ легко согласившіеся на всѣ остальныя условія избранія короля, безъ труда согласились-бы на нихъ, вѣроятно, и на коронаціонномъ съѣздѣ, еслибы конфирмація этихъ условій не была вмѣстѣ и конфирмаціею религіозной конфедераціи. Теперь же противники конфедераціи стали противниками конфирмаціи, а защитники конфедераціи—защитниками конфирмаціи.

Вопросъ о конфирмаціи подняла посольская изба. Но пагубное раздѣленіе на первыхъ же порахъ сказалось въ ней самой. Часть земскихъ пословъ (плочане, мазовшане, равяне) не хотѣла вовсе приступать къ разсужденію о какихъ бы то ни было дѣлахъ на томъ основаніи, что они прибыли въ Краковъ лишь для присутствованія на коронаціи, и что самый коронаціонный съѣздъ не есть сеймъ. Правда, большинство пословъ высказалось въ пользу того, что настоящій съѣздъ есть сеймъ и имѣетъ право разсуждать о потребностяхъ рѣчи посполитой, но лишь только сеймъ перешелъ къ вопросу о конфирмаціи, новое раздѣленіе обнаружилось въ избѣ. Послѣ многихъ разсужденій большинство пословъ заявило королю и сенату желаніе избы, чтобы король утвердилъ вмѣстѣ со всѣми правами гражданъ рѣчи посполитой и всѣ условія своего избранія, такъ какъ будучи приняты избирательнымъ съѣздомъ, они составляютъ уже конституцію, единогласно принятую и потому не нуждающуюся въ новомъ голосованіи, притомъ же они уже приняты подъ присягой и королевскими послами въ Варшавѣ, и самимъ королемъ въ Парижѣ и Краковѣ. Но одновременно съ этимъ мазовшане представили королю и сенату свою протестацію, въ которой заявляли, что они прибыли въ Варшаву только для присутствованія при коронаціи и королевской присягѣ и для полученія конфирмаціи правъ въ формѣ, освященной древними обычаями, что они не признаютъ дѣйствительными конституцій, постановленныхъ на избирательномъ съѣздѣ и затѣмъ представленныхъ королевскимъ посламъ и самому королю для присяги, такъ какъ онѣ постановлены безъ согласія ихъ (мазовшанъ). Такое же, даже еще большее раз-

дѣленіе обнаружилось и въ сенатѣ. Одна партія, состоявшая изъ епископовъ и, принявшихъ сторону ихъ, свѣтскихъ сенаторовъ, отвергала всѣ безъ исключенія условія избранія Генриха. Для этой партіи весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы не допустить утвержденія ненавистной ей религіозной конфедераціи: Кариковскій на вопросъ Яна Томицкаго, гнѣзненскаго каштеляна, — не изъ-за одной-ли конфедераціи такъ противны ему всѣ варшавскія постановленія, откровенно отвѣчалъ: „tak jest“ и прибавилъ, что охотно приметъ эти же самыя постановленія, если изъ нихъ вычеркнутъ конфедерацію. Другая партія, во главѣ съ Николаемъ Мелецкимъ, подольскимъ воеводою, состоявшая изъ протестантовъ, противившихся избранію Генриха, совѣтовала королю утвердить всѣ условія своего избранія, какъ единогласно предложенныя ему избирательнымъ съѣздомъ и имъ самимъ уже принятыя подъ присягою. Третья партія, во главѣ съ Петромъ Зборовскимъ, сандомірскимъ воеводою, состоявшая изъ протестантовъ-сторонниковъ избранія Генриха, предлагала королю устроить слѣдующій компромиссъ между защитниками и противниками конфирмаціи. Она предлагала утвердить только тѣ статьи, на которыя всѣ согласятся, утвержденіе же остальныхъ отложить до другаго времени; а относительно варшавской конфедераціи, совѣтовала утвердить ее только для тѣхъ земель и воеводствъ, которыя единогласно ея желаютъ. Въ виду разногласій, возникшихъ какъ въ сенатѣ такъ и въ посольской избѣ относительно конфирмаціи, Генрихъ отказался утвердить въ особомъ дипломѣ условія своего избранія, прибавивъ впрочемъ, что онъ утвердитъ ихъ, лишь только послѣдуетъ на нихъ согласіе сената и избы. Сеймъ разошелся, ничего не постановивши [1]). Реформаціонная партія, думавшая добиться торжественнаго утвержденія религіозной конфедераціи, какъ и всѣхъ остальныхъ условій воцаренія Генриха, бывшихъ единственнымъ осязательнымъ результатомъ доселѣшнихъ реформаціонныхъ стремленій шляхты, мечтавшая даже (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой, хотя и небольшой своей, части) о томъ, чтобы на этомъ же коронаціонномъ сеймѣ осуществить и нѣкоторые другіе пункты своей политической программы (напр. относительно преобразованія суда), — реформаціонная партія

[1]) Orzelski, I, 230, 247, 257, 261—283; Heidenstein, 57—60.

ничего не добилась, а только дала своимъ противникамъ въ руки лишній мотивъ не признавать дѣйствительности религіозной конфедераціи и всѣхъ условій избранія Генриха.

Отказъ Генриха отъ конфирмаціи былъ, съ точки зрѣнія крайней католической партіи, хорошимъ, многообѣщающимъ прологомъ къ дальнѣйшей исторіи рисовавшагося уже въ ея воображеніи истинно-католическаго царствованія. Она готова была праздновать уже разрушеніе „заговора дьявола“ и имѣла для этого не мало основаній, потому что король отказался утвердить не только варшавскую конфедерацію, но и всѣ ограничительныя условія, связывавшія ему руки въ предстоявшей ему дѣятельности на благо католической церкви. Сообщая кардиналу Коммендони о неудачѣ, постигшей на коронаціонномъ сеймѣ протестантовъ съ ихъ религіознымъ миромъ, куявскій епископъ не безъ ироніи прибавляетъ, что, если Богъ продлитъ жизнь государю, въ Польшѣ возсіяетъ наконецъ желанный миръ и спокойствіе церкви [1]). А своего сосѣда, вармійскаго коадъютора, тотъ же епископъ спѣшилъ порадовать вѣстью, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнаруживаются благочестіе короля и его ревность по вѣрѣ, что онъ проникнутъ большимъ благоговѣніемъ къ постановленіямъ тридентскаго собора, чѣмъ сами даже епископы [2]). Между тѣмъ Гозій продолжалъ читать Генриху отеческія наставленія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 27 февр. 1574 г.) кардиналъ убѣждалъ короля въ томъ, что католическая шляхта всегда будетъ ему вѣрною и преданною, некатолическая же, свергнувъ иго папы и короля, стремится только къ анархіи. Онъ просилъ поэтому Генриха позаботиться о поддержаніи порядка и спокойствія въ Польшѣ. Въ другомъ письмѣ онъ просилъ его возвратить единство церкви, обуздать тѣхъ, которые все болѣе и болѣе разрываютъ ее на части [3]).

Но всѣ эти совѣты и наставленія не пригодились Генриху въ Польшѣ; всѣ возбужденныя его воцареніемъ надежды разлетѣлись въ прахъ. Въ ночь съ 17 на 18 іюня избранникъ польскаго народа, получивъ извѣстіе о смерти своего брата французскаго короля Карла IX, тайкомъ бѣжалъ отъ своихъ поль-

[1]) Carncovius Commendono (Dlug., II, 1772—1773).
[2]) Carncovius Cromero (Dlug., II, 1828—1829).
[3]) Eichhorn, II, 489—490.

скихъ подданныхъ, оставивъ лишь письма къ сенату и нѣкоторымъ панамъ, которыхъ просилъ позаботиться объ управленіи Польшей до его возвращенія [1]). Бѣгство Генриха, произведшее страшную сенсацію въ Краковѣ и во всей Польшѣ, не было совершенною неожиданностью для кардинала Гозія; въ Римѣ скорѣе, чѣмъ въ Польшѣ, понимали, что при тогдашнемъ положеніи французскихъ дѣлъ Генриху нужно было какъ можно скорѣе спѣшить во Францію, чтобы враждебная ему партія не отняла у него французскаго престола. Не зная еще о бѣгствѣ Генриха, Гозій (19-го іюня 1574 г.) писалъ львовскому каштеляну Станиславу Гербурту: „что будетъ съ нашею рѣчью посполитою, Богъ вѣсть. Вѣроятно, король нашъ скоро отъ насъ уѣдетъ во французское королевство. Я весьма опасаюсь, какъ бы у насъ это не произвело замѣшательства“ [2]). А подканцлеру Вольскому онъ прямо совѣтовалъ не отпускать Генриха изъ Польши прежде, чѣмъ онъ вмѣстѣ съ государственными чинами не установитъ прочнаго порядка управленія на время своего отсутствія изъ Польши [3]).

Уѣзжая изъ Польши, Генрихъ вопреки совѣтамъ Гозія не оставилъ почти никакихъ распоряженій относительно управленія, кромѣ весьма неопредѣленной просьбы къ сенаторамъ — позаботиться объ управленіи и порядкѣ въ его отсутствіе. Фактически послѣ бѣгства Генриха тотчасъ настало для Польши безкоролевье, тѣмъ болѣе что и его четырехмѣсячное царствованіе было тоже чѣмъ-то въ родѣ безкоролевья, такъ какъ послѣ коронаціоннаго сейма значительная часть шляхты, не добившись конфирмаціи, не признавала или не вполнѣ признавала Генриха королемъ. Лишь только облетѣла Польшу вѣсть о бѣгствѣ короля, послышались изъ среды этой шляхты голоса, требовавшіе немедленнаго избранія новаго короля. Съ каждымъ почти днемъ все сильнѣе и сильнѣе становились эти голоса: раздраженная отказомъ Генриха отъ конфирмаціи, оскорбленная тѣмъ предпочтеніемъ, которое онъ оказывалъ пришельцамъ-французамъ предъ поляками, раздосадованная неисполненіемъ великихъ монлюковскихъ обѣщаній, оказавшихся

[1]) Orzelski, II, 1—8.

[2]) Grabowski, Starożytności historyczne polskie, II, 343—345.

[3]) Zakrzewski, Po ucieczce Henryka, Dzieje bezkrólewia 1574—1575. Wydanie Akademii Umiejętności w Krakowie. Kraków, 1878, str. 131.

мыльнымъ пузыремъ, расточительностью короля, отсутствіемъ безпристрастія на судѣ, шляхта считала себя теперь поруганною, предъ цѣлымъ міромъ опозоренною тайнымъ бѣгствомъ Генриха. Голоса за безкоролевье послышались даже изъ среды мазовецкой шляхты, избранникомъ которой Генрихъ по всѣмъ правамъ могъ назваться. На іюльскихъ сеймикахъ, предшествовавшихъ варшавскому конвокаціонному съѣзду, всюду шляхта требовала избранія новаго короля [1]).

Не измѣнило Генриху на первыхъ порахъ только католическое духовенство, которому не легко было помириться съ мыслью объ утратѣ подававшаго такія свѣтлыя надежды короля. Между тѣмъ дѣло Генриха представлялось почти потерянным, и тѣ изъ епископовъ, кто всего болѣе содѣйствовалъ его избранію, слышали со всѣхъ сторонъ укоры, упреки, не смѣли даже явиться на сеймики, боясь еще сильнѣйшаго заявленія негодованія противъ нихъ шляхты. Въ первыя минуты послѣ бѣгства Генриха, не зная, что дѣлать, многіе изъ нихъ устремили свои взоры къ Риму, у кардинала Гозія искали совѣта, какъ имъ поступить, держаться-ли Генриха, или искать новаго короля-католика. Трудный вопросъ задали они кардиналу. Гозій рѣшилъ его въ пользу Генриха: Генрихъ былъ вполнѣ католическимъ государемъ, а новые выборы могли отдать престолъ какому-нибудь вовсе нежелательному кандидату. При томъ же Гозій, какъ членъ св. коллегіи кардиналовъ, не могъ упускать изъ виду и интересовъ католичества во Франціи, чувствовалъ себя обязаннымъ руководиться въ этомъ дѣлѣ взглядами римской куріи, которая продолжала признавать Генриха польскимъ королемъ. Рѣшившись и послѣ бѣгства признавать Генриха польскимъ королемъ, Гозій счелъ нужнымъ немедленно принять мѣры къ тому, чтобы дѣйствительно удержать за нимъ польскій престолъ, мѣры, о которыхъ не подумалъ самъ Генрихъ, убѣгая изъ Польши, хотя онъ и не хотѣлъ отказываться отъ польской короны. Лишь только Гозій получилъ извѣстіе о бѣгствѣ Генриха, немедленно послалъ онъ своего секретаря Рецку въ Венецію, куда прибылъ по пути Генрихъ. Рецкѣ кардиналъ поручилъ убѣдить Генриха въ

[1]) Orzelski, 10—14; Heidenstein, 62—68; Zakrzewski, 121—143.

томъ, чтобы онъ немедленно установилъ въ Польшѣ правительство, назначилъ на время своего отсутствія одного правителя и самъ по возможности поскорѣе возвращался въ Польшу. Если Генрихъ и имѣлъ еще шансы удержаться на польскомъ престолѣ, то только послѣдовавши совѣту Гозія, — установивши прочное управленіе въ Польшѣ и убѣдивши поляковъ, что скоро прибудетъ въ Польшу. Ни того, ни другаго Генрихъ не сдѣлалъ, — или не могъ сдѣлать, а Гозіева секретаря отпустилъ лишь съ легковѣсными обѣщаніями воспользоваться совѣтами кардинала. Но и послѣ такого не особенно утѣшительнаго отвѣта, Гозій не оставилъ разъ принятаго рѣшенія. Въ письмахъ, отправленныхъ въ Польшу, онъ убѣждалъ поляковъ, особенно епископовъ, не нарушать данной Генриху присяги, не соглашаться на безкоролевье [1]). На самое бѣгство короля онъ поучалъ поляковъ смотрѣть, какъ на кару Божію за грѣхи поляковъ: „Я весьма скорблю о томъ, писалъ онъ Андрею Зборовскому, что король такимъ образомъ ушелъ отъ насъ, безъ всякаго распоряженія относительно государства, и боюсь, чтобы это не привело этого славнаго королевства къ великому упадку. Но когда я подумаю, что за причина этого, то самою главною нахожу великое, не знающее никакихъ границъ своеволіе наше. Тамъ, вѣдь, уже многіе и Господа Бога отвергли, и власти никакой, ни свѣтской, ни духовной терпѣть не могутъ: каждый дѣлаетъ изъ себя Бога; каждый свое слово, совершенно несогласное и противорѣчащее ученію церкви, считаетъ словомъ Божіимъ и св. евангеліемъ; каждый наконецъ хочетъ быть болѣе, чѣмъ папою“ [2]). Въ другомъ письмѣ, писанномъ къ Яну Косткѣ, сандомірскому воеводѣ, весьма вліятельному сенатору, фигурировавшему въ это безкоролевье въ роли кандидата на польскій престолъ, кардиналъ проситъ воеводу защищать католическую церковь въ наставшія трудныя времена, которыми не замедлятъ воспользоваться еретики, чтобы привести въ исполненіе „свои прежнія, своевольныя предпріятія противъ Бога и Его помазанника короля“. „До меня дошли слухи, писалъ кардиналъ далѣе, что въ день св. Варѳо-

1) Eichhorn, II, 490—491; Zakrzewski, 132—133; Fredno Dzieje narodu Polskiego pod Henrykiem Walezyuszem. Przełożył Wł. Syrokomla. Petersburg, 1855, str. 82—86.

2) Grabowski, 331—333.

ломея имѣлъ быть общій съѣздъ въ Варшавѣ. Господа Бога молю я, хотя и недостойный іерей, молять и другіе богобоязненные люди, чтобы Онъ благоволилъ излить въ сердца ихъ Св. Духа, по наитію Котораго они установили-бы въ польскомъ государствѣ, отечествѣ нашемъ, такой порядокъ, который-бы послужилъ къ чести и славѣ Божіей и къ спасенію королевства. Съ боязливою надеждою ожидаемъ мы здѣсь извѣстій о томъ, что тамъ произошло“ [1]).

Варшавскій съѣздъ, исхода котораго ждалъ Говій съ „боязливою надеждою“, созванъ былъ (въ концѣ августа 1574 г.) примасомъ ближайшимъ образомъ для избранія пословъ, которые, согласно желанію Генриха, должны были прибыть къ нему во Францію для того, чтобы узнать его волю. Но варшавскому съѣзду пришлось заняться другими вопросами, настоятельно требовавшими рѣшенія (о внутреннемъ управленіи государствомъ, о защитѣ границъ отъ непріятеля и пр.) и прежде всего вопросомъ о томъ, какъ понимать настоящее положеніе Польши, — есть-ли въ ней король, или нѣтъ. Сенатъ единогласно рѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что въ Польшѣ нѣтъ безкоролевья, что, хотя Генрихъ не хорошо поступилъ, бѣжавши изъ Польши, но онъ не переставъ быть польскимъ королемъ, что поэтому только остается послать во Францію согласно желанію его пословъ. Въ посольской избѣ напротивъ большинство стояло за безкоролевье; нѣкоторые даже желали немедленнаго избранія. Не смотря на оппозицію, мнѣніе большинства (дѣйствительно, громаднаго) представлено было сенату, какъ общее рѣшеніе всей посольской избы. Послѣ долгихъ переговоровъ, между сенатомъ и избою состоялся компромиссъ, страдающій большою непослѣдовательностію, какъ и всякій вообще компромиссъ: рѣшено было не объявлять безкоролевья, но и не посылать къ Генриху просимыхъ имъ пословъ, а просто отправить къ нему письмо чрезъ особыхъ лицъ, не уполномоченныхъ вести съ нимъ переговоры, и въ этомъ письмѣ просить его прибыть въ Польшу къ 12 мая 1575 года,—причемъ объявить, что если онъ къ этому сроку не прибудетъ въ Польшу и не исполнитъ всѣхъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ, то назначенный на 12 же мая 1575 г. въ Стенжицѣ избира-

[1]) Ibid., 276—278 (8 авг. 1574 г.).

тельный съѣздъ немедленно приступитъ къ избранію новаго короля. Какъ этотъ компромиссъ, или постановленіе, такъ и другія постановленія настоящей конвокаціи утверждены были въ формѣ конфедераціи, обязательной для всей рѣчи посполитой [1]). Но такъ какъ на варшавской конвокаціи не было представителей Литвы и Пруссіи, то онѣ не признали обязательными для себя постановленій варшавской конфедераціи. Впрочемъ, по вопросу о безкоролевьѣ, Литва приняла постановленія, сходныя съ постановленіями варшавской конфедераціи. Она тоже отправила письмо къ Генриху съ просьбою возвратиться въ Польшу и, хотя не признавала для себя обязательнымъ постановленіе варшавской конфедераціи о стенжицкомъ съѣздѣ, до нѣкоторой степени однако признавала его обязательность уже тѣмъ, что хлопотала о перемѣнѣ мѣста будущаго избирательнаго съѣзда, именно о созваніи его въ Парговѣ. Вообще же литовцы выражали требованіе, чтобы безъ нихъ поляки на будущее время ничего не предпринимали [2]).

На варшавской конвокаціи большія пререканія между духовнымъ и свѣтскимъ сословіями вызвалъ вопросъ о новыхъ судахъ. Въ этихъ пререканіяхъ слышится отголосокъ тѣхъ шумныхъ споровъ о духовной юрисдикціи, которые происходили на сеймахъ во времена Сигизмунда Августа. Земскіе послы сандомірскаго и люблинскаго воеводствъ внесли на разсмотрѣніе съѣзда проэктъ устройства общихъ судовъ, или судовъ послѣдней инстанціи. Особая коммиссія, назначенная съѣздомъ, разсмотрѣвши этотъ проэктъ и собравши мнѣнія остальныхъ воеводствъ, выработала свой проэктъ устройства двухъ верховныхъ судебныхъ трибуналовъ для Малой и Великой Польши. Но уже во время обсужденія съѣздомъ этого проэкта нѣсколько канониковъ, явившись въ избу, отъ имени капитуловъ просили пословъ не дѣлать безъ согласія духовенства никакихъ постановленій относительно него. Каноники доказывали, что какъ шляхтичи, равные свѣтской шляхтѣ, они имѣютъ одинаковое съ нею право принимать участіе въ изданіи новыхъ законовъ, и угрожали тѣмъ, что въ противномъ случаѣ они не станутъ признавать этихъ постановленій. Посольская изба,

[1]) Orzelski, II, 14—47; Heidenstein, 64; Zakrzewski, 143—156.
[2]) Orzelski, II, 61—62; Zakrzewski, 162—169.

стоявшая и теперь на той же точкѣ зрѣнія, на какой она стояла во времена Сигизмунда Августа, не уважила просьбы канониковъ. Сторону канониковъ приняли епископы. Отъ лица всего духовенства они объявили, что, пока не будетъ установленъ для всего королевства съ общаго согласія такой строй судовъ, который бы не нарушалъ правъ и привиллегій духовенства, они не признаютъ новыхъ судовъ. Епископы прибавили, что они даже и не могутъ вдаваться въ какія-либо разсужденія по этому поводу до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ воли духовенства на провинціальномъ синодѣ. Вслѣдствіе сопротивленія духовенства проэктъ новыхъ судовъ, представленный коммиссіею, не былъ принятъ варшавскимъ съѣздомъ, тѣмъ болѣе, что въ самой избѣ нѣкоторые послы выразили желаніе прежде принятія его узнать мнѣнія своихъ избирателей. Конвокація, поэтому, постановила отослать проэктъ на предварительное разсмотрѣніе сеймиковъ, а тѣмъ временемъ предоставить каждому воеводству устроить у себя на время такіе высшіе суды, какіе оно признаетъ наилучшими по условіямъ мѣстной жизни. Кромѣ того, конвокація постановила, чтобы на этихъ сеймикахъ изъ каждаго воеводства избрано было двое депутатовъ, которые-бы на предстоящемъ провинціальномъ синодѣ уладили споры между духовнымъ и свѣтскимъ сословіями.

Это постановленіе варшавской конвокаціи, предоставившее такое трудное дѣло, какъ установленіе судовъ послѣдней инстанціи, областнымъ сеймикамъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ чрезвычайное разнообразіе судовъ въ разныхъ воеводствахъ,— разнообразіе, неизбѣжно подрывавшее ихъ авторитетъ, лишавшее ихъ общепризнанной компетентности, дававшее поводъ къ множеству недовольствъ и протестовъ противъ нихъ. Самые сильные протесты, какъ и слѣдовало ожидать, раздались со стороны духовенства, и раздались потому, что въ тѣхъ воеводствахъ, въ которыхъ не было епископовъ, засѣдавшихъ въ этихъ высшихъ судахъ, духовенство вовсе не имѣло въ нихъ своихъ представителей. Когда въ Краковѣ въ назначенный день (25 февр. 1575 г.) явились судебныя власти и депутаты для открытія новаго суда, предъ ними явился посланецъ краковскаго епископа и прочелъ объявленіе епископа и подчиненнаго ему духовенства, что они не будутъ признавать новыхъ судовъ, установленныхъ шляхтою безъ согласія духовенства. То же са-

мое сдѣлалъ краковскій епископъ (1 дек. 1574 г.) въ Сандомірѣ. Въ другихъ воеводствахъ повторилась таже исторія. Духовенство не соглашалось признавать новыхъ судовъ на томъ основаніи, что они установлены одною шляхтою, безъ участія духовенства. О соглашеніи шляхты съ духовенствомъ сеймики мало заботились, и только о вишнинскомъ сеймикѣ извѣстно, что онъ назначилъ двухъ депутатовъ на провинціальный синодъ. Впрочемъ это могло произойти оттого, что созваніе провинціальнаго синода представлялось тогда весьма мало вѣроятнымъ. Высшее католическое духовенство считало не безопаснымъ созывать его въ эпоху безкоролевья. „Если синодъ теперь будетъ созванъ, писалъ Гозій (19 янв. 1575 г.) нунцію Лауро, то и вѣра христіанская подвергнется еще большей опасности и десятины пропадутъ“. Онъ просилъ поэтому нунція воспрепятствовать созванію синода, котораго желаютъ только еретики [1]).

Въ назначенное варшавскою конвокаціею время (12 мая 1575 г.) собрался избирательный съѣздъ въ Стенжицѣ. На съѣздъ прибыли и литовцы. Не было въ Стенжицѣ однихъ пруссаковъ. Общее настроеніе стенжицкаго съѣзда было въ пользу немедленнаго избранія новаго короля, такъ какъ Генрихъ, какъ и слѣдовало ожидать, къ назначенному сроку въ Польшу не прибылъ, а присланныя имъ письма ничего кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній въ себѣ не содержали. Присланные Генрихомъ въ Польшу послы, при всеобщемъ возбужденіи противъ него, тоже ничего не могли сдѣлать для удержанія его на престолѣ. Вообще на стенжицкомъ съѣздѣ уже вполнѣ выяснилось, что дѣло Генриха совершенно потеряно, и собравшихся въ Стенжицу поляковъ занималъ вопросъ не о томъ, останется-ли Генрихъ польскимъ королемъ, или нѣтъ, а о томъ, кто будетъ его преемникомъ на престолѣ. Ко времени стенжицкаго съѣзда большіе успѣхи сдѣлала австрійская кандидатура, именно кандидатура самого императора Максимиліана. Кандидатура сына его Эрнеста и брата Фердинанда имѣла меньше успѣха, хотя самъ императоръ желалъ видѣть на престолѣ не себя, а своего сына. Но успѣхи австрійской кандидатуры ограничивались по преимуществу магнатами, какъ свѣт-

[1]) Orzelski, II, 37, 41—42, 46; Zakrzewski, 157—158, 178—180.

скими, такъ и духовными, которые, видя, что дѣло Генриха проиграно, стали переходить на сторону Максимиліана. Австрійскую кандидатуру, какъ и въ предыдущее безкоролевье, поддерживали и литовцы, или — вѣрнѣе—литовскіе магнаты, подававшіе голосъ отъ имени всей Литвы. За то въ средѣ шляхты, особенно русской и малопольской, австрійская кандидатура не имѣла никакого успѣха. Въ средѣ ея наибольшими симпатіями пользовалась по прежнему московская кандидатура. Хотя царь Иванъ Васильевичъ заботился теперь о своей кандидатурѣ менѣе, чѣмъ въ предыдущее безкоролевье, шляхта не переставала симпатизировать московской кандидатурѣ: совершенно равнодушно, иногда даже съ пренебреженіемъ выслушивавшая рѣчи полномочныхъ пословъ западныхъ государей, искавшихъ польскаго престола, она съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ письмамъ русскаго государя, съ особеннымъ уваженіемъ встрѣчала и провожала простыхъ московскихъ гонцевъ. Но московская кандидатура существовала и теперь лишь, какъ заманчивая мечта, слишкомъ далекая отъ дѣйствительности. Рядомъ съ московскою кандидатурою наиболѣе популярною въ средѣ шляхты была кандидатура пяста. Послѣ позорнаго бѣгства короля-иностранца, задѣвшаго за живое польское національное чувство, шляхта не хотѣла больше видѣть иностранца на своемъ престолѣ: московская кандидатура пользовалась большими симпатіями шляхты между прочимъ потому, что московскій царь былъ единоплеменникъ ея, если не пястъ, то полупястъ. Нѣмецкая кандидатура, имѣвшая изъ всѣхъ иноземныхъ кандидатуръ самый большій успѣхъ среди польскаго и литовскаго магнатства и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе всего угрожавшая національной самобытности, возбуждала къ себѣ среди шляхты, особенно бѣдной, малообразованной, ближе стоявшей къ народу, ожесточенную, почти стихійную ненависть. Въ этомъ чувствѣ ненависти къ нѣмецкой кандидатурѣ и въ желаніи видѣть на польскомъ престолѣ короля-туземца—сходилась шляхта почти всѣхъ областей. Но какъ ни сильно было это чувство, оно могло только не допустить избранія иностранца; какъ ни сильно было это желаніе, его одного было слишкомъ недостаточно, чтобы посадить на престолъ пяста. У шляхты не было одной общей программы дѣйствія, не было одного имени, съ которымъ-бы слилось это непреодолимое желаніе, которое бы

она могла выставить, какъ свое національное знамя, противъ австрійскаго знамени, развѣвавшагося надъ рядами литовско-польскихъ магнатовъ—сенаторовъ.

Все это со всею ясностію обнаружилось на стенжицкомъ съѣздѣ, представляющемъ собою не что иное, какъ борьбу австрійцевъ и пястовцевъ, хотя и замаскированную въ форму спора сената и посольской избы изъ-за изданія манифеста о лишеніи Генриха престола. Послѣ улаженія недоразумѣнія, возникшаго между поляками и литовцами изъ-за того, что послѣдніе предъявили сенату требованіе, чтобы онъ выдалъ литовцамъ формальное удостовѣреніе въ томъ, что стенжицкій съѣздъ не есть простой сеймъ, созванный на основаніи варшавской конфедераціи и потому не обязательной для литовцевъ, а избирательный съѣздъ, на который литовцы прибыли по собственному почину,—послѣ улаженія этого недоразумѣнія, на которое затрачено было много времени, сенатъ высказалъ мнѣніе, что прежде чѣмъ приступать къ избранію новаго короля слѣдуетъ совершенно покончить съ прежнимъ и для этого издать манифестъ, насколько возможно неоскорбительный для Генриха, о лишеніи его польскаго престола. Посольская изба сначала посмотрѣла на изданіе этого манифеста, какъ на дѣло безразличное и готова была дать на него свое согласіе, но потомъ рѣзко противъ него запротестовала и не согласилась не только на изданіе манифеста, но и на простое объявленіе чрезъ маршалковъ о томъ, что съ этого времени никто въ Польшѣ не долженъ признавать Генриха королемъ. Странное на первый взглядъ поведеніе шляхты объясняется довольно просто. Сторонники австрійской кандидатуры, составлявшіе большинство сената, имѣли въ виду изданіемъ манифеста вывести Максиміліана изъ того неловкаго положенія, въ которомъ онъ до сихъ поръ находился: германскій императоръ, давно уже агитировавшій тайно въ пользу своей кандидатуры, продолжалъ признавать Генриха въ международныхъ сношеніяхъ польскимъ королемъ и, до тѣхъ поръ пока Генрихъ не былъ формально устраненъ съ престола, не могъ выступить кандидатомъ въ польскіе короли. Шляхта сначала не поняла этого маневра австрійцевъ. Когда же она смекнула, въ чемъ дѣло, ни за что не соглашалась собственноручно расчищать дорогу въ Польшу нѣмецкому кандидату. Если мы теперь примемъ во вниманіе,

что пястовская партія не была организована, не имѣла даже опредѣленнаго кандидата, что на стенжицкій съѣздъ шляхты собралось сравнительно не много, что и изъ прибывшихъ шляхтичей очень многіе, наскучивъ долгими, можетъ быть умышленными проволочками сената, разъѣхались по домамъ, что австрійцы вели дѣятельную агитацію среди самой шляхты и имѣли нѣкоторый успѣхъ, что наконецъ съ панами-австрійцами и на ихъ счетъ прибыло не мало шляхты, продавшей имъ свой голосъ, —если все это мы примемъ во вниманіе, то мы поймемъ, почему такъ сильно протестовала независимая шляхта противъ манифеста о лишеніи Генриха престола, а вмѣстѣ поймемъ и то, почему такъ сильно настаивалъ сенатъ на изданіи манифеста. Дѣло въ сущности сводилось къ провозглашенію Максимиліана королемъ. Но шляхта была такъ враждебно настроена по отношенію къ австрійской кандидатурѣ, что рѣшилась лучше еще на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочить столь желательное ей избраніе короля, чѣмъ отдать престолъ нѣмцу. 1 іюля 1575 г. почти вся шляхта малопольскихъ и русскихъ воеводствъ, а также значительное большинство шляхты великопольской ушли съ избирательнаго поля и расположились по другую сторону Стенжицы. Къ нимъ присоединилось нѣсколько враждебныхъ Австріи сенаторовъ. Всѣ попытки устроить примиреніе сената съ посольскою избою не привели ни къ чему, и шляхта совсѣмъ оставила Стенжицу, сорвавъ сеймъ. 4 іюля появился изданный отъ имени посольской избы рецесъ, который излагалъ исторію неудавшагося избирательнаго съѣзда, всю вину сваливалъ на однихъ сенаторовъ и назначалъ для веденія дальнѣйшихъ переговоровъ съ сенатомъ особыхъ депутатовъ съ широкими полномочіями. Въ томъ случаѣ, если бы этимъ депутатамъ не удалось уладить дѣло съ сенатомъ, рецесъ поручалъ созвать сеймики и назначить новый избирательный съѣздъ. Въ немъ объявлялось также, что вся шляхта подъ присягою обязалась не признавать того королемъ, кого изберутъ оставшіеся въ Стенжицѣ. Сенатъ съ единомышленною съ нимъ шляхтою не рѣшился приступить къ избранію короля. Такимъ образомъ, стенжицкій съѣздъ разошелся безъ всякихъ послѣдствій [1]).

---

[1]) Orzelski, II, 99—160; Zakrzewski, 317—352.

Принявъ сторону Генриха, кардиналъ Гозій дольше остальныхъ польскихъ епископовъ оставался ему вѣренъ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ можетъ сравниться лишь Уханскій, который не только на стенжицкомъ съѣздѣ, но и нѣкоторое время послѣ него продолжалъ признавать Генриха королемъ. Остальные епископы ко времени стенжицкаго съѣзда бросили дѣло Генриха и по большей части перешли на сторону австрійской кандидатуры. Кардинала Гозія очень шокировала та легкость, съ которою поляки, даже епископы, оставивъ Генриха, перешли на сторону Австріи. Послѣ варшавской конвокаціи, отправившей Генриху извѣстный намъ ультиматумъ, онъ долго еще съ отвращеніемъ вспоминалъ о томъ, что поляки осмѣлились диктовать своему королю законы, что они, забывъ присягу, самовольно лишили его престола. Поляки, дѣйствительно, мало стѣснялись данною Генриху присягою, отчасти впрочемъ потому, что Генрихъ не выполнилъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя при избраніи. Уже послѣ варшавской конвокаціи католическая часть литовскаго сената обратилась къ папѣ съ просьбою, чтобы онъ побудилъ Генриха или къ скорѣйшему возвращенію въ Польшу, или къ отреченію отъ престола, потому что избраніе новаго короля безъ участія католиковъ легко можетъ доставить престолъ еретику [1]). Гораздо позже примѣру литовскихъ католиковъ послѣдовали поляки-католики. Лишь послѣ неудачнаго стенжицкаго съѣзда, собравшіеся на новую конвокацію (въ Варшавѣ, 4-го окт. 1575 г.) епископы сдѣлали попытку оправдать свое поведеніе предъ папою и предъ самимъ Генрихомъ, причемъ въ письмахъ, отправленныхъ къ нимъ, въ не совсѣмъ вѣрномъ свѣтѣ представляли то, что произошло въ Стенжицѣ: стенжицкій съѣздъ, писали они, потому не избралъ новаго короля, что поляки рѣшили ждать возвращенія Генриха до тѣхъ поръ, пока это только возможно [2]). Посланіе епископовъ къ папѣ ввело, кажется, въ заблужденіе кардинала Гозія. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ подканцлеру Петру Дунину Вольскому онъ одобряетъ постановленіе стенжицкаго съѣзда, отсрочившее на время обсужденіе вопроса

[1]) Zakrzewski, 161, 169.

[2]) Theiner, Ann. Eccl., II, 95—97, episcopi Poloni Gregorio XIII, Varsaviæ, 8 oct. 1575; Zakrzewski, 368.

объ избраніи короля, причемъ неодобрительно отзывается о поспѣшномъ образѣ дѣйствій предшествовавшей ему варшавской конвокаціи. Полякамъ, какъ вѣрноподданнымъ, слѣдовало, писалъ Гозій, отправить къ государю пословъ съ просьбою назначить къ концу года сеймъ и самому прибыть на него, или же, если онъ хочетъ отречься отъ польской короны, дозволить имъ избрать новаго короля. Но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ одобрить того, что поляки вздумали играть своимъ королемъ, хотя и не удивляется, что это возможно въ странѣ, гдѣ всякій желаетъ быть папою [1]). Впрочемъ по мѣрѣ того, какъ шло время, по мѣрѣ того, какъ исчезала для Генриха надежда удержаться на польскомъ престолѣ, кардиналъ Гозій начиналъ мириться съ мыслью о новомъ королѣ. Во время собравшагося въ ноябрѣ 1575 года варшавскаго избирательнаго съѣзда онъ уже шлетъ епископу Карнковскому пожеланіе счастливаго исхода избранія, хотя и теперь еще коритъ поляковъ за то, что они не обратились къ папѣ за разрѣшеніемъ ихъ отъ присяги Генриху [2]).

Послѣ стенжицкаго съѣзда въ разныхъ воеводствахъ и областяхъ литовско-польскаго государства стали собираться сеймики и съѣзды, рѣшавшіе одинъ и тотъ же вопросъ — какъ выйти изъ того затруднительнаго положенія, которое создано было созваніемъ стенжицкаго съѣзда. Выходъ наконецъ былъ найденъ и состоялъ въ томъ, что примасъ созвалъ въ Варшавѣ конвокаціонный съѣздъ (4-го окт. 1575 г.), который назначилъ новый избирательный съѣздъ въ Варшавѣ на 7-е ноября 1575 года. Къ назначенному сроку собрались въ Варшавѣ сенаторы и шляхта, послѣдняя въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ на стенжицкій съѣздъ. На съѣздъ прибыли представители Литвы и Пруссіи. По выслушаніи иностранныхъ пословъ, расхваливавшихъ своихъ кандидатовъ, съѣздъ приступилъ къ выборамъ. Голосованіе по обычаю началось съ сената. Хотя послѣ стенжицкаго съѣзда австрійская кандидатура немного поколебалась, большинство сенаторовъ подало голосъ за Габсбурга (одни—за Эрнеста, другіе за Максимиліана, третьи за кого-либо изъ Габсбурговъ вообще). За Габсбурга подало голосъ и

---

[1]) Eichhorn, II, 496—497.

[2]) Hosius Carncovio, Romae 19 novembr. 1575 (Dlug., II, 1678).

все духовенство (кромѣ Карнковскаго, не присутствовавшаго на съѣздѣ), литовскіе сенаторы и представители Пруссіи. Послѣ Габсбурга наибольшее количество голосовъ въ сенатѣ получилъ пястъ. Остальные кандидаты получили весьма мало голосовъ (напр. за Стефана Баторія подалъ голосъ одинъ Андрей Зборовскій). Голосованіе въ избѣ дало совсѣмъ противоположные результаты. Уже во время голосованія въ сенатѣ рѣзко обозначилось настроеніе избы: земскіе послы русскихъ воеводствъ прервали рѣчь одного изъ сенаторовъ, защищавшаго австрійскую кандидатуру, и громко заявили, что они никогда не допустятъ избранія Габсбурга. Громадное большинство голосовъ въ посольской избѣ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось на сторонѣ пяста; многіе подавали голосъ за русскаго царя, но прибавляли, что если остальные пожелаютъ пяста, то и они присоединятся къ ихъ рѣшенію. Остальные кандидаты получили мало голосовъ; больше другихъ получилъ Максимиліанъ. Хотя сторонники Максимиліана въ избѣ составляли меньшинство, но они ни за что не соглашались перейти на сторону пяста, такъ что маршалъ посольской избы Сенницкій сначала не рѣшался объявить пяста единственнымъ избранникомъ пословъ. Лишь по настоянію русскихъ пословъ, онъ объявилъ (1 дек.) сенату, что шляхта желаетъ пяста, прибавивъ впрочемъ, что кое-кто желаетъ императора [1]).

Послѣ защитительныхъ рѣчей сторонниковъ императора и пяста, нисколько не повліявшихъ на разъ принятыя тою и другою стороною рѣшенія, со всею ясностію обнаружилась невозможность согласнаго избранія короля сенатомъ и избою. Такъ какъ сенатъ упорно отстаивалъ Габсбурга, такъ какъ ему въ отсутствіе короля принадлежало право произносить рѣшенія, такъ какъ общее желаніе было, чтобы избраніе совершилось на настоящемъ съѣздѣ, безъ дальнѣйшихъ откладываній,—то предъ земскими послами предстала такая альтернатива: или сенатъ до тѣхъ поръ будетъ откладывать избраніе, пока шляхта не разъѣдется, и тогда безъ нея изберетъ императора въ короли, или, не обращая вниманія на сопротивленіе шляхты, провозгласитъ выборъ императора, когда весь сенатъ единогласно согласится на это. Въ обоихъ случаяхъ

[1]) Orzelski, II, 160—290; Zakrzewski, 353—419

избраніе совершилось бы безъ согласія шляхты, а въ послѣднемъ присутствіе ея на избирательномъ полѣ еще санкціонировало бы рѣшеніе сената, придавало бы этому рѣшенію характеръ всеобщаго рѣшенія. Для шляхты, рѣшившей не допустить избранія Габсбурга, оставался теперь одинъ исходъ— лишить сенатъ всякой возможности дѣйствовать во имя всеобщаго, хотя бы то и призрачнаго, согласія. По предложенію русскихъ пословъ, со слезами умолявшихъ шляхту не отдавать родины Габсбургамъ, противники австрійской кандидатуры устроили такъ называемую „сецессію“, т. е. удалились съ того мѣста, на которомъ они обыкновенно собирались подлѣ шатра, гдѣ засѣдалъ сенатъ, и составили свое особое собраніе въ другомъ мѣстѣ, хотя на томъ же избирательномъ полѣ. Этимъ сецессіонисты наглядно показали существованіе разрыва между сенатомъ и избою. Къ нимъ присоединилось нѣсколько сенаторовъ, противниковъ Австріи, со Зборовскими во главѣ. Оставшіеся сенаторы между тѣмъ пришли къ соглашенію относительно личности кандидата: всѣ согласились избрать въ короли самого Максимиліана.

Между удалившимися и оставшимися на мѣстѣ завязались своего рода мирные переговоры, тянувшіеся нѣсколько дней. Сецессіонисты обнаруживали большую уступчивость, только бы отвлечь сенатъ отъ избранія Габсбурга: они соглашались признать королемъ всякаго пяста, какого имъ ни укажетъ сенатъ, соглашались предложить ему всякія ограничительныя условія, какія только пожелаетъ сенатъ, соглашались даже избрать всякаго иностраннаго государя, какого укажетъ сенатъ, только бы не Габсбурга. Но всѣ эти уступки для сената, рѣшившаго во что бы то ни стало посадить Габсбурга на тронъ, не имѣли значенія. Для него становилось ясно, что о соглашеніи нечего уже думать. Въ сенатѣ (1 дек.) взяла верхъ крайняя партія, состоявшая изъ литовцевъ и нѣкоторой части духовенства, желавшая немедленнаго провозглашенія Максимиліана королемъ на томъ основаніи, что его желаютъ весь сенатъ, Литва и Пруссія, высшіе государственные сановники и шляхта всѣхъ воеводствъ, хотя и въ незначительномъ числѣ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до сецессіонистовъ, на другой день (10 дек.) вооруженные отряды шляхты покрыли избирательное поле. Теперь пришла очередь протестовать сторонни-

камъ Габсбурга. Когда шляхта, вопреки требованію сената, не разошлась, сторонники императора подъ предводительствомъ примаса удалились съ избирательнаго поля и расположились подъ стѣнами Варшавы. Здѣсь, 12 дек. 1575 г., примасъ провозгласилъ Максимиліана польскимъ королемъ. Поступокъ примаса произвелъ ошеломляющее дѣйствіе на сецессіонистовъ. Когда первыя впечатлѣнія улеглись, вся удалившаяся шляхта слилась въ одномъ желаніи не подчиняться, ни за что не подчиняться незаконному, съ ея точки зрѣнія, избранію Максимиліана. Съ мечтою о возведеніи на польскій престолъ пяста шляхтѣ приходилось теперь разстаться, по той простой причинѣ, что ни одинъ пястъ при такихъ обстоятельствахъ не принялъ бы изъ рукъ шляхты польской короны. Пястъ теперь меньше, чѣмъ когда либо имѣлъ шансовъ на престолъ: самъ по себѣ онъ теперь былъ совсѣмъ не опаснымъ соперникомъ. Но за то теперь открытъ былъ путь къ польскому престолу всякому иностранному государю, только бы онъ не былъ нѣмецъ. Когда для всѣхъ выяснилась невозможность возведенія пяста на престолъ, два наиболѣе энергичныхъ дѣятеля этого безкоролевья Янъ Замойскій и Петръ Зборовскій выставили каждый своего кандидата на престолъ: первый—инфантку Анну Ягелло, второй—семиградскаго воеводу Стефана Баторія. Въ пользу перваго кандидата говорило то, что онъ былъ пястъ, хотя и женскій. Въ пользу втораго говорило многое: высокія личныя его достоинства, честность и твердость характера, блестящій военный талантъ, энергичная борьба его съ семиградскими магнатами, умѣнье держать себя среди религіозныхъ разногласій, раздиравшихъ Семиградію, безопасность отъ турокъ, которую онъ приносилъ съ своимъ избраніемъ въ короли а всего болѣе хорошо извѣстная въ Польшѣ его борьба съ австрійскимъ вліяніемъ въ Семиградскомъ княжествѣ. Лишь только произнесены были имена этихъ кандидатовъ, вся изба раздѣлилась на двѣ части: одни подали голосъ за Анну Ягелло (подъ условіемъ, что она не отдастъ своей руки принцу изъ габсбургскаго дома), другіе — за Баторія. Раздѣленіе избы на этотъ разъ легко было устранено: рѣшено было, что Анна выйдетъ замужъ за Стефана. 12 дек. 1575 г. маршалъ посольской избы провозгласилъ польскимъ

королемъ Анну Ягелло, подъ тѣмъ условіемъ, что она выйдетъ замужъ за Стефана Баторія [1]).

Въ нашу задачу не входитъ изображеніе того, что произошло въ Польшѣ послѣ избранія двухъ королей. Польшѣ пришлось пережить еще нѣсколько трудныхъ, тяжелыхъ мѣсяцевъ. Одинъ за другимъ собирались въ разныхъ областяхъ литовско-польскаго государства съѣзды и сеймики, на которыхъ враждующія стороны напрасно усиливались устроить примиреніе. Одно за другимъ слѣдовали посольства къ Максимиліану и Баторію, звавшія ихъ пріѣзжать скорѣе въ Краковъ на коронацію. Оба избранные короля приняли избраніе, отправляли посольства въ Польшу, слали письма къ своимъ сторонникамъ, просили ихъ стойко защищать ихъ. Страшный хаосъ царилъ въ Польшѣ. Грозный призракъ междуусобной войны носился уже надъ нею. Къ счастью Польши одинъ изъ избранныхъ ею королей своимъ мужественнымъ, энергичнымъ образомъ дѣйствій скоро разсѣялъ этотъ хаосъ, предупредилъ взрывъ междуусобной войны. Въ то время какъ нерѣшительный по природѣ Максимиліанъ слалъ въ Польшу письма и посольства съ обѣщаніемъ скораго пріѣзда, Стефанъ Баторій спѣшилъ къ границамъ Польши. Прибывъ въ Краковъ, заблаговременно занятый его сторонниками, онъ сочетался бракомъ съ Анною Ягелло и коронованъ былъ на царство (1 мая 1576 года) куявскимъ епископомъ Станиславомъ Карнковскимъ, такъ какъ примасъ Уханскій держался австрійской стороны. При коронованіи Стефанъ присягнулъ на всѣ права и привиллегіи гражданъ рѣчи посполитой, въ томъ числѣ и на варшавскую религіозную конфедерацію [2]). Коронованіе дало Баторію перевѣсъ надъ его соперникомъ. Одинъ за другимъ стали переходить на его сторону приверженцы Максимиліана, видя, что дѣло ихъ уже потеряно. Мало по малу на его сторону перешелъ весь сенатъ, въ томъ числѣ и примасъ. Вскорѣ на его сторону перешли Литва и Пруссія. Одинъ лишь Данцигъ долго не соглашался признать его королемъ, даже послѣ того, какъ умеръ Максимиліанъ; но въ концѣ 1577 г. Баторій сломилъ и его упорство [3]).

---

[1]) Orzelski, II, 291—328; Zakrzewski, 420—438.

[2]) Vol. leg. II, 150—154.

[3]) Оржевскій посвятилъ описанію событій, послѣдовавшихъ за избраніемъ

Избраніе двухъ королей поставило кардинала Гозія въ довольно щекотливое положеніе. Хотя избраніе Максимиліана не было особенно пріятнымъ кардиналу, и онъ предпочелъ бы императору сына его Эрнеста, получившаго воспитаніе при дворѣ фанатическаго короля Испаніи Филиппа II, онъ примкнулъ однако къ сторонѣ Максимиліана [1]). Стефанъ Баторій, избранникъ шляхты, и по преимуществу протестантской, употреблявшій въ качествѣ своихъ агентовъ въ Польшѣ протестантовъ, даже антитринитарія Бландрату, хорошо извѣстнаго Гозію по его предыдущей дѣятельности въ Польшѣ, казался кардиналу очень подозрительнымъ, съ точки зрѣнія его правовѣрія [2]). Кромѣ того, Гозія, какъ и многихъ его соотечественниковъ, шокировало то обстоятельство, что Баторій былъ ленникомъ турецкаго султана [3]). Относительно же Максимиліана кардиналъ зналъ, что, хотя онъ и не ревностный, а все-таки католикъ; притомъ же самая политика тогдашняя связывала интересы императора съ интересами папы. Поэтому онъ поручилъ возвращавшемуся изъ Рима въ Польшу шляхтичу Бржезницкому принести императору отъ его имени присягу въ вѣрности. Между тѣмъ обѣ враждующія стороны обратились къ кардиналу каждая съ своею особою просьбою: сторонники императора просили кардинала подѣйствовать силою своего авторитета на ихъ противниковъ, въ особенности на куявскаго епископа, перешедшаго на сторону Баторія; сторонники Баторія просили того же по отношенію къ своимъ противникамъ и прежде всего примасу Уханскому. Кардиналъ Гозій счелъ за лучшее хранить молчаніе [4]). Между тѣмъ изъ Польши пришли въ Римъ извѣстія, что Стефанъ Баторій—добрый католикъ, что положеніе его на польскомъ престолѣ довольно прочно, что онъ во всякомъ случаѣ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ его антагонистъ. Получивъ отъ Анны Ягелло, уже супруги Стефана Баторія, письмо, которое не оставляло болѣе никакихъ

двухъ королей, двѣ послѣднія книги (7 и 8) своей исторіи безкоролевья, составляющія въ изданіи г. Спасовича 3-й томъ.

[1]) Eichhorn, II, 503.

[2]) Grabowski, II, 174, Гозій Аннѣ Ягелло, Субіако, 5 авг. 1577.

[3]) Ibid., 132, Гозій Аннѣ Ягелло, Римъ 25 февр. 1576.

[4]) Ibid., 308, Гозій Чарнковскому, Римъ 13 мая 1577; Carncovius Hosio Dlug., II, 1766—1767), Hosius Carncovio, Romae 8 novembr. 1576 (ibid., 1679); Eichhorn, II, 503—504.

сомнѣній на счетъ католицизма новаго короля и приглашало кардинала перейти на его сторону, Гозій радъ бы былъ это сдѣлать и даже сообщилъ копію письма королевы св. отцу, прося его позаботиться объ умиротвореніи Польши; но данная Максимиліану присяга связывала ему руки. Гозій рѣшилъ ждать. Онъ рѣшилъ дѣйствовать заодно съ папою. Папа стоялъ на сторонѣ Максимиліана [1]), но положеніе папы было не менѣе щекотливымъ. Узнавъ, что въ Римѣ стали въ послѣднее время благосклоннѣе къ нему относиться, Баторій послалъ въ Римъ (лѣтомъ 1576 г.) белзскаго каштеляна Яна Замойскаго съ письмами къ Григорію XIII и кардиналу Гозію, въ которыхъ выражалъ свою преданность католической церкви, просилъ не вѣрить дурнымъ слухамъ о немъ, распространяемымъ его недругами, обѣщалъ вскорѣ прислать особаго посла для принесенія св. отцу обычной obedientiae [2]). И папа, и Гозій очутились теперь въ весьма затруднительномъ положеніи: Замойскаго принималъ кардиналъ дружелюбно, но видѣлся съ нимъ рѣдко и не рѣшался перейти на сторону Баторія. Уже почти вся не только Польша, но и Литва и даже Пруссія, признала Стефана королемъ, уже не было больше никакого сомнѣнія въ томъ, что никто не сдвинетъ его съ польскаго престола, а кардиналъ, давно признавшій фактъ воцаренія Баторія, не могъ перейти на его сторону такъ какъ Максимиліанъ не отказывался отъ своихъ правъ на польскую корону. Но въ то время, какъ кардиналъ Гозій и съ нимъ вся римская курія находились въ критическомъ положеніи, самъ Господь Богъ (такъ разсказывалъ объ этомъ впослѣдствіи самъ кардиналъ) какъ-бы декретомъ своимъ разрѣшилъ эту распрю (Максимиліана съ Баторіемъ), призвавши († 12 окт. 1576 г.) императора въ наивысшее небесное царствіе свое, такъ какъ возвысить его еще болѣе въ этомъ мірѣ уже не могъ, и этимъ самымъ оставивши и утвердивши короля Стефана на этомъ временномъ королевствѣ [3]). Получивъ извѣстіе о смерти Максимиліана, Гозій поспѣшилъ принести Баторію присягу въ вѣрности, поручивъ это сдѣлать Бернарду Мацѣевскому [4]).

---

[1]) Grabovski, 140—141, Гозій Аннѣ Ягелло, 8 ноября 1576.
[2]) Theiner, Ann. Eccl., II, 206—207, 5 iulii 1576.
[3]) Grabowski, II, 142; Гозій Аннѣ Ягелло, 8 ноября 1576.
[4]) Ibid., II, 287—289, Гозій Мацѣевскому, 7 ноября 1576; 289 — 291.

Польша пережила смутное время двухъ безкоролевій. Четыре года шумъ страстной, ожесточенной избирательной борьбы наполнялъ собою Польшу, заглушалъ въ ней всѣ другіе голоса. Но среди этого оглушительнаго шума явственно слышится почти непрерывный гулъ той великой религіозной борьбы, которая разыгралась въ предыдущее царствованіе. На всемъ протяженіи безкоролевья ведется эта борьба, и ведется съ такою силою, съ такою страстностью, что приковываетъ къ себѣ по временамъ всеобщее вниманіе, на задній планъ отодвигаетъ иногда самый избирательный вопросъ. Католическая реакція все выше и выше поднимаетъ голову. Ея дѣйствія отличаются уже тою смѣлостію, тою даже дерзостью, которая свойственна людямъ, чувствующимъ, что за ними — сила, что за ними — духъ времени. Безкоролевье открывается споромъ о прерогативахъ примаса. Протестанты задумываютъ лишить главу польскаго католичества власти надъ Польшею въ эпохи безкоролевья, когда поляки на свободѣ обсуждали и опредѣляли условія дальнѣйшей своей жизни подъ управленіемъ имѣющаго быть избраннымъ короля: протестанты не безъ основанія опасались, что примасъ — interrex не будетъ тутъ нейтральною стороной, что для него выше и дороже всего будутъ тутъ интересы католицизма. Исходъ спора извѣстенъ: не признанная доселѣшнимъ польскимъ законодательствомъ, лишь на историческихъ традиціяхъ покоившаяся власть примаса получила санкцію, если и не органическаго закона, то во всякомъ случаѣ постановленія, принятаго на съѣздѣ съ общаго согласія. Старанія польскихъ протестантовъ добиться обезпеченія своей религіозной свободы встрѣчали постоянно дружный отпоръ реакціонной партіи. Хотя въ концѣ концовъ протестантство исторгло обезпеченіе своей религіозной свободы, и избранникъ польскихъ католиковъ трижды клялся въ соблюденіи ея, но неизмѣнный протестъ католической реакціи всякій разъ прерывалъ публичное провозглашеніе въ Польшѣ принципа свободы совѣсти. И это неудивительно. Связи Польши съ Римомъ становились все крѣпче и крѣпче: предъ престоломъ всемірнаго католическаго владыки лежалъ уже поверженный во прахъ примасъ Уханскій, столько

тотъ же тому же 1576; 143, Гозій Аннѣ Ягелло, 8 ноября 1576; 165 — 169, тотъ же той же, 23 іюля 1577.

времени носившійся съ идеею національной польской церкви. Живое воплощеніе связи Польши съ Римомъ, самый вѣрный польскій рабъ римскаго повелителя, призванный имъ въ священную коллегію кардиналовъ, радостно привѣтствовалъ это обращеніе новаго Савла, восторгался его первымъ блестящимъ дебютомъ, ждалъ и просилъ у него новыхъ подвиговъ на славу католической вѣры. Какою несказанною радостью билось сердце старца-кардинала, когда доносились до вѣчнаго города отголоски протестовъ его братьевъ и дѣтей по духу противъ заговора діавола. Яркимъ пламенемъ вспыхивалъ въ этомъ сердцѣ священный огонь религіозной ревности, и въ Польшу летѣли его полныя огня и жизни письма, несшія то похвалу и благодарность, то осужденіе и угрозу судомъ Божіимъ, то увѣщаніе и мольбу. Его письма—непрерывная проповѣдь—но не любви и мира, а католической исключительности и преслѣдованія за религіозныя убѣжденія, проповѣдь, отзывающаяся фанатизмомъ. Но эта проповѣдь не возбуждала уже непріятнаго чувства во многихъ полякахъ. На голосъ Гозія сочувственно откликались даже тѣ, кого мы привыкли видѣть въ самой непримиримой къ нему оппозиціи. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Яна Фирлея Николай Мелецкій, подольскій воевода, стоявшій на стражѣ религіозной свободы въ царствованіе Генриха, когда сошелъ со сцены Фирлей, переходитъ во второе безкоролевье на сторону католиковъ, становится особенно „любезнымъ (łaskawym“) въ отношеніи къ Гозію. Кардиналу остается только благодарить Господа Бога и просить вельможнаго сенатора позаботиться о томъ, чтобы и остальные отдѣлившіеся отъ католической церкви признали единаго пастыря церкви [1]). Во второе безкоролевье религіозная борьба не имѣетъ уже той интенсивности, той остроты, что въ первое: вмѣшавшіеся въ борьбу національные интересы оттерли на задній планъ религіозные. При томъ же всякія попытки протестантовъ добиться отъ католической реакціи признанія религіозной свободы, послѣ столькихъ протестовъ, должны были представляться самимъ протестантамъ дѣломъ невозможнымъ. Имъ оставалось добиться лишь отъ новаго короля присяги въ соблюденіи свободы совѣсти, чего они, дѣйствительно, и добились. Но не смотря на то, что поль-

[1]) Grabowski, II, 300—303, Гозій Бернарду Мадѣевскому, 13 мая 1577.

свіе епископы въ это безкоролевье шли противъ національныхъ инстинктовъ шляхты, по преимуществу протестантской, сила католической реакціи невольно чувствуется и въ это безкоролевье. Какъ ни своевольно дѣйствовалъ Уханскій, какъ ни оскорблялась его дѣйствіями и распоряженіями шляхта, какъ ни протестовала она противъ нихъ на своихъ съѣздахъ и сеймикахъ, всѣ и католики, и протестанты, и сенаторы, и шляхтичи, невольно признавали власть примаса, и когда пререканія ихъ достигали высшей степени, обращали свои взоры къ Уханскому. Когда возникъ на варшавскомъ конвокаціонномъ съѣздѣ 1574 г. проэктъ устройства новыхъ судовъ, не согласный со взглядами духовенства на этотъ предметъ, духовенство, и высшее, и низшее, возстало противъ него, и проэктъ провалился. Хотя присяга Стефана Баторія въ соблюденіи варшавской религіозной конфедераціи не была опротестована главою польскаго духовенства, но это произошло лишь оттого, что Уханскій не присутствовалъ при коронаціи. А въ началѣ 1577 г. кардиналъ Гозій уже прислалъ Бернарду Мацѣевскому свою критику варшавской религіозной конфедераціи, которую онъ въ свое время составилъ для Генриха, съ просьбою передать ее при случаѣ Стефану Баторію [1]).

Проявленія постоянно усиливающагося могущества католической реакціи, отъ времени до времени всплывающія на поверхность польской жизни, заставляютъ предполагать великую, усиленную, хотя и скрытую отъ глаза современнаго изслѣдователя, работу заправителей этой реакціи. Работа была настолько успѣшна, настолько плодотворна, что вся почти католическая, особенно мазовецкая шляхта словно по мановенію какой-то невидимой, таинственной руки устремлялась въ Варшавѣ впередъ, напроломъ, чтобы разнести въ пухъ и прахъ принципъ свободы совѣсти. Мы не видимъ самаго процесса возрастанія католической реакціи, почти не видимъ орудій и средствъ, которыми дѣйствовали ея работники. Только жертвы ея, только все чаще и чаще повторяющіяся обращенія протестантовъ, особенно магнатовъ, въ католичество, показываютъ, что подъ шумъ избирательной борьбы кипѣла внизу другая работа, кипѣла не останавливаясь, не ослабляясь, а все шире

[1]) Grabowski, II, 292.

распространяясь, все безпощаднѣе сокрушая силы протестантства, все болѣе и болѣе опутывая, отуманивая польскіе умы. Тщетно пытались протестанты остановить эту работу и прежде всего разогнать туманъ, ее окружавшій. Тщетно кіевскій шляхтичъ Яковъ Немоевскій звалъ іезуитовъ на публичный диспутъ (въ Познани 15 мая 1575 г.), выставляя для защиты положеніе, что католическая и апостольская вѣра чище всего сохраняется у такъ называемыхъ евангеликовъ, а іезуиты и ихъ товарищи много примѣшиваютъ заблужденій къ истинной религіи. Напрасно онъ просилъ ихъ вести диспутъ на простонародномъ польскомъ языкѣ, понятномъ для людей всѣхъ сословій, не употреблять на немъ схоластическаго или софистическаго способа доказательствъ, пользоваться силлогизмами, но не діалектическими изворотами и надувательствами. Іезуиты, любившіе при другихъ условіяхъ устроивать диспуты-спектакли, не приняли вызова Немоевскаго, отвѣтивъ ему, что они не могутъ вступать въ диспутъ безъ разрѣшенія папы и мѣстнаго епископа (котораго тогда не было послѣ смерти Конарскаго), да если и вступятъ въ диспутъ, то не согласятся вести его на публичномъ мѣстѣ и на простонародномъ языкѣ, въ присутствіи черни, которая должна заниматься своими работами, а не богословіемъ. Предложенный Немоевскимъ путь былъ слишкомъ прямой, слишкомъ открытый для того, чтобы на него вступили, безъ всякой нужды для себя, іезуиты. Не такими прямыми путями «неизвѣстная прежде секта іезуитовъ, говоря словами современника-протестанта, не только распространялась въ Польшѣ, но и набиралась съ каждымъ днемъ новыхъ силъ“ [1]). А успѣхи іезуитовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прочно утвердились, становились уже весьма замѣтными. Виленская іезуитская коллегія, писалъ папѣ король Генрихъ, приноситъ большую пользу въ дѣлѣ умиротворенія церкви въ Литвѣ [2]). Виленскій епископъ Протасевичъ, подъ конецъ жизни своей всею душею отдавшійся іезуитамъ, въ своихъ письмахъ къ папѣ не могъ нахвалиться апостольскими трудами смиренныхъ братьевъ общества Іисуса [3]). Кардиналъ Гозій позволялъ

[1]) Orzelski, II, 70—72.

[2]) Theiner, Ann. Eccl., I, 278, Cracoviæ, 1 iunii 1574.

[3]) Quotidie fit, писалъ въ апрѣлѣ 1574 года Протасевичъ Григорію XIII, ad pietatem et catholicam fidem stabiliendam, et schismata ac hæreses infrin-

уже себѣ пророчествовать, что Литва, принявшая вѣру отъ Григорія XI, возвратится къ ней при Григоріѣ XIII, такъ какъ зналъ, что въ Литвѣ „многіе уже приходятъ въ чувство и принимаютъ истинное ученіе Христово“, а приводили ихъ въ чувство, какъ онъ самъ считаетъ нужнымъ засвидѣтельствовать предъ папою, іезуиты [1]).

Католическая реакція, постепенно проникавшая въ общество, начинала уже заявлять себя неприглядными фактами насилія. Гозіева проповѣдь фанатизма начинала уже находить въ средѣ поляковъ фанатиковъ дѣла. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ бѣгства Генриха, когда всѣ благомыслящіе польскіе люди истощали средства борьбы съ наставшею въ Польшѣ анархіею, въ стѣнахъ польской столицы произошелъ уже первый взрывъ католическаго фанатизма, примѣровъ котораго послѣдующая польская исторія представляетъ весьма не мало. Въ воскресенье, 10 окт. 1574 г., въ Краковѣ, уличная толпа предводимая краковскими студентами, произвела нападеніе на реформатскую кирку (помѣщавшуюся въ домѣ, называвшемся Брогомъ), заставила обратиться въ бѣгство мѣстнаго пастора, убила двухъ людей, хотѣвшихъ оказать ей сопротивленіе, выломала въ киркѣ двери и окна, выбросила на улицу церковныя книги и другія принадлежности богослуженія и принялась грабить все, находившееся въ домѣ. Увѣщанія краковскаго подстаросты не остановили разсвирѣпѣвшихъ грабителей; полиція, находившаяся въ распоряженіи его, была не въ силахъ прекратить грабежъ. До вторника неистовствовала толпа. Все было разграблено; не пощажено даже частное имущество, хранившееся для безопасности въ подвалахъ кирки. Оставивъ однѣ пустыя стѣны, толпа отправилась на городской рынокъ, гдѣ ночью при заревѣ горящихъ книгъ и другихъ богослужебныхъ принадлежностей протестантскихъ пропѣла: Te Deum laudamus. Городской магистратъ во все время бунта „болѣе

---

gendas accessio. Magnus fit ad audiendum Dei verbum etiam a triginta et quadraginta milliaribus Germanicis concursus. Instituenda etiam juventute tantum proficitur, ut cum tam hæretici quam schismatici frequentes liberos ad collegii scholas mittant, simul illi cum litteris orthodoxam fidem complectantur, et ad gremium Ecclesiæ catholicæ multi accedant» (Theiner, Ann. Eccl., I, 278—279).

[1]) Theiner, II, 108—109, Hosius Gregorio XIII, Sublaci, 5, aug. 1575.

ему удивлялся, нежели его усмирялъ“ (говоритъ современникъ) Произведеннымъ по этому дѣлу дознаніемъ было обнаружено участіе въ преступленіи не только краковскихъ студентовъ, не только краковскихъ ремесленниковъ, но и лицъ шляхетскаго сословія; тѣнь подозрѣнія пала на слугъ извѣстнаго ренегата протестантства Альберта Ласкаго, сѣрадзскаго воеводы [1]). Нѣтъ основаній обвинять въ этомъ бунт краковскаго епископа Красинскаго, извѣстнаго своимъ благороднымъ образомъ мыслей, нѣтъ основаній обвинять въ немъ краковскій капитулъ. Но народная молва, отголоскомъ которой служитъ Оржельскій, обвиняла духовенство въ соучастіи и подстрекательствѣ къ разграбленію протестантской кирки. Если даже католическое духовенство совершенно неповинно въ прискорбномъ событіи 10 октября, не подлежитъ однако сомнѣнію, что это былъ не простой грабежъ, а взрывъ религіознаго фанатизма, проявившагося на первый разъ въ легко воспламеняющейся молодежи: тутъ и оскорбленіе пастора, и кощунство надъ протестантскою святыней, и торжественное аутодафе изъ еретическихъ книгъ, и Te Deum laudamus. Но всего замѣчательнѣе отношеніе къ этимъ прискорбнымъ событіямъ вдохновителя польскаго католичества. Благочестивый кардиналъ Гозій не считалъ даже нужнымъ скрывать своей радости по поводу этихъ событій. Онъ прославлялъ, до небесъ превозносилъ въ своихъ письмахъ преславное дѣло разрушенія „синагоги діавола“. „Чего не смѣли сдѣлать ни король, ни епископъ, писалъ онъ, то осмѣлились сдѣлать студенты краковской академіи, достойные вѣчной памяти, которыхъ будетъ славить вся церковь“. Карать ихъ за это, съ его точки зрѣнія, значило-бы навлекать на всю страну отмщеніе Божіе, скорѣе — ихъ слѣдуетъ наградить и изъ всѣхъ силъ стараться, чтобы еретики не воздвигли новой синагоги [2]). Эта непритворная радость поляка-кардинала при извѣстіи о первыхъ уродливыхъ проявленіяхъ возраждающагося на его родинѣ католичества, это торжественное благословеніе патріархомъ польскаго католичества, польскихъ первенцевъ-фанатиковъ, это подзадориваніе къ бунту, къ кровопролитію благочестивымъ кардиналомъ, вѣчно твер-

[1]) Orzelski, II, 52—53; Zakrzewski, 169—172.
[2]) Zakrzewski, 171.

дившимъ объ анархистскихъ стремленіяхъ еретиковъ, было знаменіемъ времени, и весьма зловѣщимъ знаменіемъ. Хотя нѣкоторые виновники прискорбныхъ октябрскихъ безпорядковъ, именно нѣкоторые ремесленники понесли наказаніе, даже поплатились жизнью, однако по прошествіи полугода краковскіе послы на стенжицкомъ съѣздѣ жаловались уже на то, что въ Краковѣ въ самый день открытія этого съѣзда люди римскаго исповѣданія во второй разъ насильственно напали на домъ, гдѣ совершалось евангелическое богослуженіе, хотя это нападеніе не имѣло такихъ послѣдствій, какъ первое [1]).

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Въ первые три года царствованія Стефана Баторія, которые были послѣдними годами жизни Гозія, если и не пришлось кардиналу видѣть полной побѣды католичества надъ протестантствомъ, то все-таки на его долю выпало нѣсколько пріятныхъ, сладостныхъ ощущеній этой побѣды, скораго наступленія полной реставраціи католичества въ Польшѣ.

Разсчеты польскихъ протестантовъ на Стефана Баторія, въ которомъ многіе изъ нихъ предполагали человѣка, склоннаго къ реформаціоннымъ идеямъ, далеко не оправдались. Правда, давъ при своемъ избраніи и коронованіи клятву соблюдать принципъ религіозной свободы, Баторій не нарушалъ ея въ отношеніи къ протестантамъ, даже открыто становился на ихъ сторону въ тѣхъ случаяхъ, когда они терпѣли насиліе отъ католиковъ. Когда, напр., краковскіе студенты и народная чернь (въ 1577 г.), напавъ на протестантское кладбище, разрушили на немъ могильные памятники и оскорбили протестантскихъ духовныхъ, онъ предписалъ университетскому начальству и городскому магистрату не допускать впредь такихъ мерзостей и строго наказать виновныхъ. Равнымъ образомъ, когда чрезъ годъ послѣ этого происшествія студенты напали на протестантскую погребальную процессію, выбросили изъ гроба трупъ покойницы и бросили его въ Вислу, а затѣмъ вмѣстѣ съ уличною чернью въ теченіе нѣсколькихъ

[1]) Orzelski, II, 111.

дней совершали разныя насилія надъ протестантскими обитателями столицы [1]), онъ подъ угрозою смертной казни запретилъ впредь производить возмущенія, или совершать насилія изъ-за религіозныхъ несогласій, а студентамъ приказалъ постоянно находиться лишь въ назначенныхъ для нихъ зданіяхъ, запретилъ имъ безъ особаго разрѣшенія жить на частныхъ квартирахъ, университетскому начальству предписалъ снабдить каждаго студента особымъ матрикуломъ съ обозначеніемъ всѣхъ примѣтъ предъявителя его, запретилъ студентамъ носить оружіе и т. д. [2]). Вообще Баторій не обнаруживалъ охоты преслѣдовать кого бы то ни было за религіозныя убѣжденія. Но этимъ и ограничивалась его благосклонность къ протестантамъ. Самъ онъ держался католической вѣры и, хотя уважалъ и охранялъ права своихъ протестантскихъ подданныхъ, не желалъ дальнѣйшихъ успѣховъ протестантизма въ Польшѣ. Хотя, напр., онъ особымъ дипломомъ подтвердилъ (въ Варшавѣ 20 февр. 1578 г.) привиллегію, данную въ 1572 г. Сигизмундомъ Августомъ краковской реформатской киркѣ [3]), но раньше этого въ указѣ, изданномъ (въ Варшавѣ, 11 марта 1577 года) на имя варшавскаго магистрата, онъ выражалъ свое неудовольствіе по тому поводу, что въ Варшавѣ возникли немалые раздоры и споры между гражданами по той главнымъ образомъ причинѣ, что „нѣкоторые граждане нѣмецкаго происхожденія подъ предлогомъ религіи устраиваютъ у себя частныя сходки и общества (privata conventicula societatesque), вводятъ (exercent) новыя и въ этомъ городѣ никогда прежде неслыханныя религіи“. Король предписалъ магистрату не допускать впредь ничего подобнаго въ Варшавѣ [4]).

Строго католическая партія съумѣла перетянуть Стефана Баторія въ свой лагерь съ первыхъ же дней его царствованія. Избранника протестантской по преимуществу шляхты, направлявшагося къ Кракову на коронацію въ сопровожденіи однихъ

---

[1]) Krasinski, 183.

[2]) Friese, Th. II, Bd. II, S. 70 — 79. Указъ изданъ въ Краковѣ, 27 сент. 1578 г.

[3]) Ibid., 65—70.

[4]) Źródła dziejowe, t. IV, Początki panowania w Polsce Stefana Batorego 1575—1577. Wydał Pawiński, Warszawa, 1877, str. 102—103.

почти протестантовъ, встрѣтилъ на самой границѣ, въ Снятынѣ посланецъ Карнковскаго Соликовскій. Хотя протестанты хотѣли помѣшать свиданію его съ королемъ, Соликовскій однако получилъ не только публичную, но и тайную аудіенцію у Баторія. На этой послѣдней Соликовскій, по его собственнымъ словамъ, указалъ прежде всего королю то, что служитъ основаніемъ счастливаго царствованія, указалъ ему, что дѣлать, чьего совѣта слушать, чего избѣгать, куда склонить очи свои и сердце, обрисовалъ ему настроеніе умовъ въ Польшѣ, описалъ государственное и общественное устройство Польши и пр. Подготовивъ Баторія этими предварительными разсужденіями и сообщеніями къ выслушанію той проповѣди, которая была главною цѣлью его посольства, Соликовскій повелъ рѣчь о томъ, что король долженъ всегда помнить о благодарности Богу за избраніе свое и прежде всего неизмѣнно содержать вѣру въ Него, и вѣру католическую. Католическая вѣра, — убѣждалъ онъ Баторія,—основа польскаго королевства, а католики, особенно духовенство католическое—первая и важнѣйшая часть государства, глава сената, душа короля, свѣтъ и дыханіе жизни. Король поэтому, доказывалъ онъ, непремѣнно долженъ исповѣдывать истинную вѣру, долженъ, лишь только переступитъ порогъ Польши, ежедневно выслушивать мессу, епископамъ оказывать честь и повиновеніе, подобающія отцамъ, папу признавать намѣстникомъ Христовымъ, соблюдать церковные законы, любить сенатъ, довѣрять шляхтѣ, а еретическимъ совѣтамъ не давать вѣры. Если король послѣдуетъ этому совѣту, то—обѣщалъ Соликовскій именемъ Карнковскаго—всѣ епископы, все духовенство станутъ на его сторонѣ, и всѣ существующія теперь препятствія къ престолу исчезнутъ и разсѣются, какъ утренній туманъ. Аргументація Соликовскаго, или—что одно и тоже—Карнковскаго вѣрно попала въ цѣль. Со времени снятынской аудіенціи Баторій открыто переходитъ на сторону католиковъ: для него стало ясно, что будущее Польши принадлежитъ католичеству, а не протестантству. Баторій не только далъ Соликовскому нужныя ему обѣщанія, но и сложилъ въ его руки свое исповѣданіе католической вѣры, а на слѣдующій день (то было воскресенье) предъ походнымъ алтаремъ, которымъ заблаговременно снабдилъ Соликовскаго предусмотрительный Карнковскій, король со слезами на гла-

захъ слушалъ мессу, цѣловалъ поданное ему ксендзомъ евангеліе и во все продолженіе службы молился, стоя на колѣняхъ [1]). Немедленно послѣ снятынской аудіенціи Соликовскій писалъ Карнковскому, а Карнковскій папскому нунцію Викентію Лауро, что теперь уже „нѣтъ никакой опасности для католической вѣры“, что нѣтъ и даже желать невозможно короля болѣе достойнаго польскаго престола, что Баторій—„истинный, настоящій почитатель (cultor) католической вѣры“ [2]). Вскорѣ узналъ объ этихъ качествахъ новаго короля и кардиналъ Гозій: Карнковскій писалъ ему, что, по свидѣтельству Соликовскаго, въ этомъ государѣ есть все, чего только можно желать отъ наилучшаго короля, что въ немъ наряду съ другими превосходными дарованіями виднѣется и сіяетъ любовь къ католической вѣрѣ [3]). Письмо Карнковскаго получено было Гозіемъ въ то время, когда онъ находился въ томъ щекотливомъ положеніи, въ которое, какъ мы знаемъ, поставило его избраніе двухъ королей въ Польшѣ. Письмо Карнковскаго кардиналъ прочелъ папѣ, но получилъ отъ него приказаніе—хранить до времени молчаніе. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда смерть Максимиліана развязала ему руки, Гозій послалъ отвѣтъ куявскому епископу, въ которомъ благочестію Стефана и его пламенной ревности въ охраненіи католической вѣры приписывалъ мирное восшествіе его на престолъ [4]). Вообще же строго-католическая партія праздновала вступленіе на польскій престолъ Стефана Баторія, какъ начало католическаго царствованія. Самъ кардиналъ Гозій, хотя его и не вполнѣ удовлетворяла, какъ увидимъ ниже, ревность Баторія, начиналъ спокойно смотрѣть въ глаза будущему. „Всего этого (т. е. охраненія католической вѣры и обращенія къ ней еретиковъ) мы можемъ, писалъ онъ въ Польшу, ожидать отъ его королевскаго величества, видя уже такія хорошія и такъ приличествующія христіанскому государю первыя его дѣйствія“ [5]).

---

[1]) Solikowski, Krótki pamiętnik rzeczy Polskich od zgonu Zygmunta Augusta do r. 1590. Przełożył z łacińskiego Władysław Syrokomla, Petersburg i Mohilew, 1855, str. 25—28.

[2]) Carncovius Luareo (Dług., II, 1786—1787).

[3]) Carncovius Hosio (Dług., II, 1768).

[4]) Carncovius, Hosius Carncovio, Romæ, 8 novembr. 1576 (Dług., II, 1679).

[5]) Grabowski, II, 297. Гозій Мацѣевскому, Римъ 13 мая 1577.

Для католичества, дѣйствительно, настали счастливые дни. Еще не успѣло прійти въ Польшу это дышущее свѣтлыми надеждами письмо кардинала, какъ представители польскаго духовенства собрались въ Петроковъ на провинціальный синодъ, собрались не только, чтобы торжествовать всѣ одержанныя ими до сихъ поръ надъ противникомъ побѣды, но и чтобы заявить предъ лицемъ всей Польши, что польская религіозная жизнь, сошедшая на время со старой колеи и устремившаяся по новому пути, опять повернула на старую, римскую дорогу, и такъ рѣшительно повернула, что настало наконецъ время для приведенія въ исполненіе тридентскихъ опредѣленій. Лишь только утвердился на польскомъ престолѣ Стефанъ Баторій, Карнковскій началъ хлопотать о созваніи провинціальнаго синода. Онъ, кажется, желалъ его созванія предъ торнскимъ сеймомъ, открывшимся въ октябрѣ 1576 года, и у него по этому вопросу происходили совѣщанія съ примасомъ [1]). Но Уханскій, къ удивленію, оказался противникомъ синода, и даже не прибылъ на торнскій сеймъ, извинившись нездоровьемъ [2]). Между тѣмъ торнскій сеймъ еще болѣе убѣдилъ Карнковскаго и другихъ епископовъ въ необходимости созванія синода. На этомъ сеймѣ слышались еще отголоски прежнихъ споровъ шляхты съ духовенствомъ, поводъ къ которымъ впрочемъ подали куявскій и плоцкій епископы своею протестаціею относительно установленія новыхъ судовъ послѣдней инстанціи. Земскіе послы въ своемъ отвѣтѣ на эту протестацію подняли старыя жалобы о томъ, что духовные слишкомъ расширяютъ свою юрисдикцію, что они присвоиваютъ себѣ власть короля, что они, не довольствуясь общимъ правомъ, вводятъ свое особое, неизвѣстное полякамъ право. Послы просили короля не дозволять гнѣзненскому архіепископу присвоивать себѣ не принадлежащихъ ему титуловъ, не именовать себя „первымъ княземъ“, а довольствоваться данными ему папою титулами „природнаго легата“ и „примаса королевства“. Въ отвѣтъ на жалобу духовенства, что доходы его значительно сократились, послы, признавая самый фактъ, предлагали духо-

---

[1]) Carncovius Laureo (Dług., II, 1789); Carncovius Uchanicio (Dług., II, 1818).

[2]) Uchanius Carncovio, Lovicio, 10 octobris 1576 (Dług., II, 1736).

венству искать справедливости въ обыкновенныхъ судахъ и въ частности въ проэктированномъ торнскимъ сеймомъ верховномъ судебномъ трибуналѣ [1]). Открытіе этого трибунала было главнымъ предметомъ совѣщаній и споровъ на торнскомъ сеймѣ, такъ какъ тутъ столкнулось много разныхъ мнѣній, особенно по вопросу о дѣлахъ, подсудныхъ этому верховному судилищу. Давнее стремленіе шляхты имѣть въ Польшѣ одинъ общій для всѣхъ судъ опять столкнулось съ исконною тенденціею польскаго духовенства къ независимому духовному суду [2]). Торнскій сеймъ не рѣшилъ окончательно вопроса объ устройствѣ и открытіи трибунала, оставивъ его открытымъ до будущаго сейма. Въ виду предстоявшаго окончательнаго рѣшенія будущимъ сеймомъ этого вопроса, имѣвшаго существенную важность для духовенства, польскіе епископы еще болѣе проникались убѣжденіемъ въ необходимости созванія провинціальнаго синода, чтобы на немъ сообща выработать свою программу дѣйствія, или—точнѣе—противодѣйствія открытію и устройству суда послѣдней инстанціи въ духѣ шляхетской программы. Желанія епископовъ совпали счастливымъ для нихъ образомъ съ интересами короля: Баторій тоже желалъ созванія синода, такъ какъ надѣялся на немъ получить отъ расположеннаго къ нему духовенства, особенно руководителей его, денежную субсидію для веденія войны съ еретическимъ Данцигомъ. Карнковскій опять принялся хлопотать о созваніи синода. Нужно было сломить упорство примаса. Въ письмѣ къ Уханскому, составленномъ отъ имени всѣхъ епископовъ, Карнковскій заявлялъ, что они не находятъ заслуживающими серьезнаго вниманія тѣ основанія, которыя выставляетъ въ своемъ письмѣ примасъ противъ созванія синода, что они во время торнскаго сейма еще болѣе убѣдились въ необходимости созванія синода и потому опять просятъ примаса созвать синодъ. Карнковскій кромѣ того послалъ къ Уханскому извѣстнаго намъ Соликовскаго, поручилъ ему передать словесно примасу то, что епископъ не рѣшился довѣрить бумагѣ [3]). Карнковскій также просилъ нунція подѣйствовать на примаса [4]). Уханскій далъ на-

[1]) Broel-Plater, Zbiór pamiętnikow do dziejow polskich, IV, 10 — 15.
[2]) Broel-Plater, 19, 43, 46.
[3]) Carncovius Uchanicio (Dług., II, 1818—1819).
[4]) Carncovius Laureo (Dług., II, 1789).

конецъ свое согласіе на созваніе синода. Извѣщая объ этомъ кардинала Гозія, Карнковскій просилъ только его, для большаго успѣха дѣла, попросить св. отца, чтобы онъ чрезъ нунція побудилъ примаса къ скорѣйшему созванію синода [1]).

Болѣе пятнадцати лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ собиралось польское духовенство на свой провинціальный синодъ, и почти пятнадцать лѣтъ — съ того времени, какъ закрылъ свои засѣданія тридентскій соборъ. Польская религіозная жизнь въ теченіе почти всего этого періода представляла собою такое шумное, бурное море, сами польскіе епископы въ большинствѣ были такими ненадежными кормчими, что возрожденное папство долго не рѣшалось довѣрить имъ свой драгоцѣнный грузъ—тридентскія опредѣленія. Лучшій представитель возрождавшагося католичества въ Польшѣ, кардиналъ Гозій, всѣмъ существомъ своимъ преданный этимъ опредѣленіямъ, считалъ несвоевременнымъ и даже опаснымъ немедленное проведеніе ихъ въ польскую жизнь и по мѣрѣ силъ и возможности ставилъ препятствія къ созванію провинціальнаго синода, не обращая вниманія на то, что самъ тридентскій соборъ предписалъ созваніе во всѣхъ католическихъ странахъ провинціальныхъ синодовъ для приведенія на нихъ въ исполненіе его постановленій. Превращеніе провинціальнаго синода въ національный соборъ было такъ не желательно кардиналу Гозію и съ нимъ всей римской куріи, что одной возможности этого превращенія достаточно было, чтобы агенты Рима всякій разъ, какъ только Уханскій пытался созвать синодъ, съ примѣрнымъ усердіемъ бросались разстроивать его коварные замыслы. Но не спѣша созваніемъ провинціальнаго синода, не торопясь принятіемъ на немъ тридентскихъ опредѣленій, кардиналъ Гозій и его сотрудники дѣятельно подготовляли почву, закладывали фундаментъ, на которомъ можно было бы возвести прочное зданіе обновленнаго польскаго католичества въ стилѣ возрожденія папства, въ томъ новомъ стилѣ, въ которомъ встало папство послѣ реформаціи на тридентскомъ соборѣ. Къ тому времени, о которомъ у насъ рѣчь, уже много рукъ трудились надъ закладкою фундамента для сооруженія этого зданія. Въ этой работѣ принимали участіе и спеціальные зодчіе и рабочіе воз-

[1]) Carncovius Hosio (D l u g., II, 1855).

родившагося папства,—призванные Гозіемъ въ Польшу іезуиты. Неудивительно, что работа быстро подвигалась впередъ. Ко времени вступленія на престолъ Стефана Баторія фундаментъ былъ уже готовъ, и польскимъ епископамъ, собравшимся въ маѣ 1577 г. въ Петроковѣ на синодъ, можно уже было начинать возводить зданіе.

Петроковскій синодъ [1]) открытъ былъ (20 мая) рѣчью папскаго нунція Викентія Лауро. Представитель папы началъ рѣчь свою съ того, что теперь, когда послѣ долгихъ треволненій Польша успокоилась наконецъ подъ твердымъ скипетромъ Стефана Баторія, настала пора осуществить давнее желаніе и его, нунція, и всего польскаго духовенства, настала пора возстановить католическую церковь въ Польшѣ въ ея прежнемъ положеніи, исторгнуть изъ умовъ людей лживыя мнѣнія новѣйшихъ сектъ, распространить всюду святую вѣру. Воздавъ затѣмъ хвалу благочестію и ревности примаса и всѣхъ польскихъ епископовъ, нунцій выразилъ свою увѣренность въ томъ, что польская церковь, никогда не уступавшая инымъ націямъ въ приверженности къ истинной вѣрѣ, приметъ безъ всякаго исключенія и будетъ свято хранить постановленія тридентскаго собора, принятыя уже всѣми народами, исповѣдующими католическую вѣру. Принявъ эти общекатолическія постановленія, синодъ, продолжалъ нунцій, можетъ уже обратиться къ изданію частныхъ постановленій, которыя онъ признаетъ нужными для блага собственно польской церкви, но при этомъ все долженъ дѣлать съ согласія и по указаніямъ св. отца. Прежде же всего, заключилъ нунцій, всѣ собравшіеся на синодъ должны принести исповѣданіе вѣры по формулѣ, составленной Піемъ IV [2]).

Собравшееся на синодѣ духовенство, руководимое Карнковскимъ, выполнило въ точности указанную ему нунціемъ программу. По окончаніи рѣчи нунція, всѣ участники синода предъ св. евангеліемъ повторили за нунціемъ исповѣданіе вѣры по формулѣ Пія IV. Лишь послѣ этого синодъ приступилъ къ

---

[1]) Г. Павинскій въ началѣ IV тома «Zródła dziejowe» помѣстилъ обстоятельное изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Synod Piotrkowski w roku 1577».

[2]) Zródła dziejowe, IV, 159 — 163, Propositio synodi Petricoviensis per nuntium apostolicum.

совѣщаніямъ. Первымъ опредѣленіемъ синода было принятіе опредѣленій тридентскаго собора безъ всякихъ исключеній [1]). Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ польской религіозной жизни XVI вѣка, означавшій благополучное разрѣшеніе кризиса той реформаціонной горячки, которая на время овладѣла значительною частью польскаго общества. Принимая въ Парговѣ 13 лѣтъ тому назадъ, когда реформаціонная горячка была въ сильнѣйшемъ развитіи, тридентскія опредѣленія, принимая ихъ при достаточно ясномъ протестѣ польскаго примаса, Сигизмундъ Августъ, самъ страдавшій болѣзнью своего вѣка, какъ-бы говорилъ, что эта горячка—временная болѣзнь, что изъ нея польское общество выйдетъ по прежнему католическимъ, что опытные врачи съ Гозіемъ во главѣ исцѣлятъ эту панско-шляхетскую болѣзнь, не проникшую въ организмъ народа польскаго. Слова Сигизмунда Августа оказались пророческими: польское протестантство ко времени петроковскаго синода значительно ослабѣло, и тотъ же примасъ, который, какъ носитель идеи національной польской церкви, протестовалъ въ Парговѣ противъ тридентскихъ опредѣленій, съ клятвою принималъ ихъ въ Петроковѣ, и принималъ по убѣжденію. Принимая въ Петроковѣ тридентскія опредѣленія, польское духовенство уже не какъ-бы, а прямо говорило, что отнынѣ польское протестантство ему не страшно, что отнынѣ не можетъ уже быть серьезной рѣчи о созданіи національной польской церкви, что отнынѣ все спасеніе Польши въ католическомъ универсализмѣ, въ тридентскихъ опредѣленіяхъ, что отнынѣ въ Польшѣ не будетъ уже Уханскаго, что въ Польшѣ все будутъ Гозіи, да Карнковскіе.

Проникнувшись духомъ тридентскихъ опредѣленій, собравшееся въ Петроковѣ духовенство сочло своею обязанностью еще разъ, и на этотъ разъ въ полномъ уже, такъ сказать, комплектѣ, протестовать противъ варшавской религіозной конфедераціи. Синодъ опредѣлилъ, что она—заговоръ противъ Бога, что она противна и пагубна для мира и единства вѣры христіанской. Синодъ поэтому предъ лицемъ Бога и ангеловъ торжественно протестовалъ противъ нея и предавалъ отлученію

---

[1]) Zródła dziejowe IV, XIX.

всякаго, кто-бы сталъ ее одобрять, охранять, защищать [1]). Польское духовенство, очевидно, не мирилось съ существованіемъ въ Польшѣ какой-либо иной религіи, кромѣ католической. Еще менѣе оно способно было помириться съ тѣми условіями жизни, въ которыя оно поставлено было со второй половины XVI в. распространеніемъ въ Польшѣ протестантства. На петроковскомъ синодѣ оно старалось выйти изъ этихъ стѣснительныхъ для него условій, или—по крайней мѣрѣ—показать всей Польшѣ, что на нихъ оно смотритъ лишь какъ на остатокъ несчастнаго прошедшаго, который и постарается уничтожить при первомъ удобномъ случаѣ. Сдѣлать это петроковскому синоду было тѣмъ легче, что сеймы временъ Сигизмунда Августа, создавшіе католическому духовенству эти стѣснительныя условія, лишь de facto, лишь на практикѣ ихъ создали, и даже не столько создали, сколько на время пріостановили теченіе жизни его въ прежнихъ дореформаціонныхъ условіяхъ. А при такихъ обстоятельствахъ реставрація прежняго положенія католическаго духовенства не представляла собою ничего труднаго. Петроковскому синоду оставалось только заявить, что польское духовенство намѣрено вступить при первой же возможности въ пользованіе всѣми своими законными правами, отъ которыхъ оно никогда не отказывалось и которыхъ оно притомъ же никогда и не было прямо, формально лишено.

Петроковскій синодъ прежде всего объявилъ возстановленіе духовной юрисдикціи, служившей постояннымъ яблокомъ раздора на сеймахъ временъ Сигизмунда Августа и косвеннымъ образомъ затронутой лишь полгода тому назадъ на торнскомъ сеймѣ при обсужденіи проэкта объ устройствѣ верховнаго судебнаго трибунала. Зная, что немедленное фактическое возстановленіе духовной юрисдикціи еще невозможно, синодъ просилъ у Стефана Баторія возстановленія этой юрисдикціи лишь на сколько возможно, въ особенности же того, чтобы король заботился о приведеніи въ исполненіе епископскихъ приговоровъ. Что же касается новыхъ судовъ послѣдней инстанціи, проэктированныхъ сеймомъ, то духовенство находило ихъ для себя подозрительными, потому, главнымъ образомъ, что въ нихъ противники духовенства сами разбирали-бы свои собственныя

[1]) Zródła dziejowe, IV, XXVI—XXVII.

тяжбы съ духовными лицами, а недопущеніе на нихъ аппеляціи къ королю неизбѣжно нанесло бы ущербъ королевской власти. Впрочемъ духовенство соглашалось сдѣлать шляхтѣ уступку въ вопросѣ объ этихъ судахъ, если только ихъ устройство будетъ соображено съ его требованіями [1]).

На второмъ засѣданіи синода королевскій комиссаръ Симонъ Щавинскій, согласно данной ему Баторіемъ инструкціи, объявилъ отцамъ собора, что если они потребуютъ отъ короля помощи для поддержанія или установленія религіознаго мира между сословіями, король постарается сдѣлать для этой цѣли все, что только будетъ въ его силахъ, но проситъ отцевъ собора при реставраціи старой вѣры не упускать изъ виду кратковременности его царствованія, закоренѣлости зла и разныхъ современныхъ обстоятельствъ [2]). Мы уже знаемъ, что на этотъ призывъ короля къ миру петроковскій синодъ отвѣтилъ проклятіемъ варшавской религіозной конфедераціи. А въ своемъ коллективномъ посланіи къ королю отцы собора постарались ему выяснить совершенную невозможность, съ точки зрѣнія тридентскихъ опредѣленій, какихъ бы то ни было договоровъ и соглашеній (confoederationis et compositionis) католической церкви съ ея противниками. Они писали королю, что синодъ не только не имѣетъ права постановлять что либо относительно вѣры, но и относительно всего остальнаго (in reliquis accidentalibus), постановляемаго по требованію обстоятельствъ времени, онъ не можетъ ничего предпринимать безъ согласія всей церкви: болѣе двадцати лѣтъ, писали они, продолжался тридентскій соборъ, и однако еретики не пожелали получить отъ него согласіе на свои требованія. Въ частности, относительно десятинъ и другихъ церковныхъ доходовъ отцы собора писали королю, что такъ какъ десятины и другіе доходы ведутъ свое начало отъ божественнаго права (e jure divino radicem ducunt) и назначены ихъ фундаторами (a fundatoribus) на совершеніе богослуженія и содержаніе служителей церкви на вѣчныя времена (jure perpetuo), то теперешніе духовные, какъ временные лишь распорядители ихъ, не могутъ относительно

[1]) Zródła dzijowe, IV, 191—193, Capita eorum, quae S. R. Majestati ex synodo Petricoviensi relata sunt.

[2]) Zródła dziejow, IV, 132—134, Instructio S. R. Majestatis Simoni a Szczavin ad synodum Petricoviensem.

нихъ заключать какого-либо такого соглашенія (compositionem), которое имѣло-бы значеніе на вѣчныя времена. Впрочемъ, чтобы показать, что духовенство не противится упорно всякому соглашенію, отцы собора выражали готовность войти въ соглашеніе относительно не выплаченныхъ имъ до сихъ поръ десятинъ, составляющихъ уже ихъ личную собственность [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ синодъ именемъ всего духовенства приносилъ королю величайшую благодарность за то, что онъ издалъ старостамъ указъ о непремѣнномъ (integra) выплачиваніи духовенству десятинъ съ королевскихъ имѣній. Отцы собора только просили короля, чтобы онъ напомнилъ старостамъ о выплатѣ прежнихъ, удержанныхъ ими десятинъ и чтобы онъ пригрозилъ ослушникамъ наказаніемъ за неисполненіе его приказа [2]). Кромѣ десятинъ, синодъ просилъ короля позаботиться о возстановленіи отнятыхъ у католиковъ церквей королевскаго патроната, о возвращеніи католическому духовенству какъ этихъ церквей, такъ и всѣхъ ихъ прежнихъ доходовъ, чтобы всѣ видѣли, что онъ не по слухамъ только, а на самомъ дѣлѣ—истинно-католическій король [3]). Синодъ съ своей стороны, вслѣдствіе своей особенной преданности королю, не смотря на стѣснительное матеріальное положеніе духовенства, особенно низшаго, опредѣлилъ оказать королю, согласно его просьбѣ, денежное вспомоществованіе на военныя потребности [4]).

Заботясь о возвращеніи польскому духовенству его прежняго положенія въ польскомъ королевствѣ, о возстановленіи его стариннаго престижа, петроковскій синодъ не оставилъ безъ вниманія и того, что составляло моральную силу возродившагося католичества. Онъ издалъ въ духѣ тридентскаго собора не мало постановленій, направленныхъ къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня польскаго духовенства. Онъ предписалъ епископамъ заботиться о поддержаніи существующихъ при каѳедральныхъ церквахъ семинарій; а гдѣ ихъ нѣтъ, — объ открытіи новыхъ. Особенное же вниманіе онъ обратилъ на краковскую академію, обязавши епископовъ взносить еже-

[1]) Zródła dziejowe, IV, 192, Capita eorum, quæ S. R. Majestati ex synodo Petricoviensi relata sunt.

[2]) Ibid., 195—196.

[3]) Ibid., 193.

[4]) Ibid., 195.

годно на ея содержаніе опредѣленную сумму денегъ. Онъ назначилъ, согласно постановленію петроковскаго синода 1542 года, особую коммиссію, поручивъ ей производить частыя ревизіи въ академіи, слѣдить за преподаваніемъ въ ней наукъ, награждать достойныхъ профессоровъ (именно распредѣлять между ними упомянутую выше сумму денегъ), удалять неспособныхъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы объясненіе свящ. писанія происходило въ ней согласно съ истиннымъ ученіемъ церкви и пр. Вообще петроковскій синодъ старался поднять, оживить католичество въ Польшѣ тѣми средствами, какими думалъ достигнуть этого во всемъ католическомъ мірѣ соборъ тридентскій. Но нѣкоторыя изъ тридентскихъ опредѣленій еще и теперь въ Польшѣ не могли быть приведены въ исполненіе. Петроковскій синодъ, предавшій проклятію всѣхъ ксендзовъ, которые-бы осмѣлились вступить въ бракъ, оказалъ снисхожденіе тѣмъ католическимъ духовнымъ, которые совмѣщали въ однѣхъ рукахъ нѣсколько духовныхъ бенефицій или жили вдали отъ тѣхъ церквей, бенефиціями которыхъ пользовались. Хотя на этомъ пунктѣ синодъ не оказалъ сыновней покорности св. отцу, но онъ постарался сдѣлать это такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, по внѣшности казаться вполнѣ покорнымъ сыномъ: онъ только смиренно просилъ св. отца отсрочить еще на нѣкоторое время приведеніе въ исполненіе нѣкоторыхъ опредѣленій тридентскаго собора. Вообще же польскіе епископы и другіе духовные вели себя въ Петроковѣ, какъ самые послушные дѣти св. отца: согласно предложенію нунція, они постановили не приводить въ исполненіе своихъ постановленій прежде, чѣмъ они будутъ утверждены папою [1]). По порученію синода, епископъ Карнковскій обратился къ папѣ съ особымъ письмомъ, въ которомъ просилъ его утвердить синодальныя опредѣленія [2]). Одновременно съ этимъ Карнковскій извѣстилъ и кардинала Гозія о счастливомъ исходѣ петроковскаго синода, переслалъ ему одинъ экземпляръ синодальныхъ опредѣленій и просилъ его позаботиться о скорѣйшемъ утвержденіи ихъ папою [3]). О томъ же писалъ онъ и кардиналу Коммендони [4]).

---

[1]) Zródła dziejowe, IV, XXVIII—XXXII.
[2]) Carncovius Gregorio XIII (Dług., II, 1759).
[3]) Carncovius Hosio (Dług., II, 1770).
[4]) Carncovius Commendono (Dług., II, 1781—1782).

Еще до полученія извѣстій о петроковскомъ синодѣ, кардиналъ Гозій вѣрилъ въ его счастливый исходъ: кромѣ новаго, истинно-католическаго духа, замѣтно ставшаго проявляться въ польскомъ духовенствѣ въ послѣдніе годы, ручательствомъ за это было для него „особенное благочестіе“ короля. Въ Стефанѣ Баторіѣ Гозію представлялся уже Сигизмундъ I, и кардиналъ, по его словамъ, у гробницъ апостоловъ и мучениковъ смиренно умолялъ Бога, чтобы царствованіе Стефана было такъ же продолжительно и счастливо, какъ царствованіе Сигизмунда [1]). Письмо Карнковскаго и приложенныя къ нему опредѣленія петроковскаго синода вполнѣ оправдали надежды кардинала. Съ жаромъ, съ упоеніемъ (sane cupidissime) читалъ старецъ эти опредѣленія, гдѣ отъ каждой строки вѣяло такимъ католическимъ духомъ, — духомъ его, Гозія, проникшимъ наконецъ въ польское духовенство [2]). Читая эти опредѣленія, Гозій вкушалъ сладость побѣды, одержанной послѣ долгой, упорной борьбы. Онъ распорядился приготовить копіи съ присланныхъ ему синодальныхъ опредѣленій и разослалъ ихъ для чтенія важнѣйшимъ кардиналамъ. Послалъ онъ особый экземпляръ и много потрудившемуся въ Польшѣ кардиналу Коммендони. Къ папѣ поспѣшилъ онъ съ просьбою о скорѣйшемъ утвержденіи синодальныхъ опредѣленій; но утвержденіе ихъ замедлилось, такъ какъ папа рѣшилъ подождать прибытія въ Римъ назначеннаго синодомъ посла съ опредѣленіями синода. Въ отвѣтномъ письмѣ Карнковскому Гозій благодарилъ епископа за подъятые имъ на синодѣ труды на благо католической церкви, а всѣхъ польскихъ епископовъ привѣтствовалъ съ „благоразумiемъ и благочестiемъ“, съ „мужествомъ и твердостью“. „Мнѣ чрезвычайно понравился этотъ синодъ, писалъ онъ Карнковскому. Что начало ему было положено анаѳематствованіемъ преступной конфедераціи противъ Господа и противъ Христа Его, устроенной во время безкоролевья, это, я не сомнѣваюсь, произошло по божественному вдохновенію... что акты св. тридентскаго собора вы приняли безъ всякаго исключенія, что вы пожелали, чтобы опредѣленія вашего синода не прежде получили силу, чѣмъ будутъ утверждены съ. престоломъ... какъ

[1]) Hosius Carncovio, Romæ, 5 iulii 1577 (Drug., II, 1680).
[2]) Rescius Carncovio, (Drug. II, 1750).

все это сдѣлано благочестиво, по католически, по православному!“ [1]) Въ концѣ 1577 года прибылъ въ Римъ съ опредѣленіями синода познанскій каноникъ Яковъ Бжезницкій, въ качествѣ депутата синода. Онъ привезъ Гозію письмо короля и сообщилъ ему о томъ сочувственномъ пріемѣ, какой оказалъ Стефанъ опредѣленіямъ петроковскаго синода [2]). Въ отвѣтномъ письмѣ королю (26 дек. 1577 г.) Гозій, выражая свою радость по тому поводу, что ему довелось еще видѣть возвращеніе въ Польшѣ временъ Сигизмунда I, рисовалъ Баторію положеніе церковныхъ дѣлъ въ Польшѣ при этомъ королѣ, изображалъ упадокъ католичества при его преемникѣ, предостерегалъ его относительно диссидентовъ, хвалилъ и благодарилъ за то, что онъ дозволилъ держать провинціальный синодъ, просилъ привести въ исполненіе его опредѣленія, и въ заключеніе убѣждалъ его не давать государственныхъ должностей не католикамъ, потому что они, какъ показываетъ опытъ, всегда противились волѣ короля [3]). Папа, конечно, утвердилъ опредѣленія петроковскаго синода, о чемъ и извѣстилъ Стефана Баторія [4]).

Петроковскій синодъ провозгласилъ реставрацію католичества въ Польшѣ. Но если съ формальной стороны ему легко было кассировать постановленія предыдущихъ сеймовъ и съѣздовъ, какъ редактированныя большею частію въ такой формѣ, что они лишь косвенно задѣвали духовенство, оставляя de jure нетронутымъ его привиллегированное положеніе: то за то далеко не такъ легко было совершить эту реставрацію на самомъ дѣлѣ, уничтожить практическія послѣдствія реформаціоннаго періода польской исторіи. Сами реставраторы хорошо это понимали. Кардиналъ Гозій въ томъ же письмѣ, въ которомъ онъ изливалъ свою радость по поводу счастливаго исхода петроковскаго синода, выражалъ желаніе, чтобы опредѣленія его были приведены въ исполненіе, потому что „nullus legum sit usus, si nulla fuerit earum executio“. Стефанъ Баторій, хотя и „желалъ видѣть въ единомъ своемъ государствѣ единую религію, и именно св. католическую, апостольскую, во главѣ

---

[1]) Hosius Carncovio (Sublaci, 10 iulii 1577 (Dług., II, 1681—1682).

[2]) Zródła dziejowe, IV, 196—199, Responsum S. R. Majestatis, dotum internuntiis, a synodo Petricoviensi ablegatis, 12 iunii 1577.

[3]) Eichhorn, II, 510.

[4]) Theiner, Ann. Eccl., II, 394, 7 apr. 1578.

которой стоитъ въ Римѣ викарій Христовъ“ [1]), однако, устами своего посла, просилъ отцевъ собора помнить, что quae tractu ipso temporis concussa et labefactata sunt, ea nonnisi tractu etiam ipso temporis convalescere et quasi in integrum restitui posse, sensimque potius et placide quam repente et violenter emendari atque in statu pristino collocari opottere“ [2]). При тогдашнихъ обстоятельствахъ это, дѣйствительно, былъ единственно-надежный путь къ реставраціи католичества, къ фактическому возвращенію польскому духовенству его прежняго вліянія, прежняго престижа. Эпоха реформаціи въ Польшѣ, не смотря на скорое наступленіе католической реакціи, не смотря на быстрое превращеніе большей части польскихъ протестантовъ въ католиковъ (совершившееся главнымъ образомъ при Сигизмундѣ III), оставила глубокіе слѣды въ польской исторіи. Реформація въ Польшѣ, какъ и всюду, не была дѣломъ исключительно религіознымъ. Мы неоднократно обращали вниманіе на то, что религіозно реформаторскія стремленія польскаго общества шли рука объ руку съ другими стремленіями этого общества, имѣвшими тоже оппозиціонно-реформаторскій характеръ, съ стремленіями національными, сословными, и этими послѣдними по преимуществу. Это объединеніе разнородныхъ стремленій, совпадавшихъ однако между собою въ оппозиціонномъ отношеніи къ существующему порядку, въ общей имъ всѣмъ реформаторской тенденціи, давало имъ особенную силу которая одна только и могла совершить то, что произошло въ Польшѣ въ царствованіе Сигизмунда Августа: въ немъ причина большаго, хотя и непродолжительнаго, успѣха реформаціи въ Польшѣ, въ немъ разгадка великихъ, рѣшительныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ шляхетской теоріею государства въ царствованіе Сигизмунда Августа. Хотя связь религіозной реформаціи съ шляхетскою реформаторскою программою съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ослабѣвала и разрывалась, но многіе годы существованія этой связи не остались безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе и осуществленіе этой программы, совершавшееся потомъ уже большею частью руками католиковъ. Хотя въ началѣ царствованія Стефана Баторія протестантство

---

[1]) Zródła dziejove, IV, 197, Responsum S. R. Majestatis...

[2]) Ibid., 132, Instructio S. R. Majestatis...

падало, и вожди польскаго католичества могли уже помышлять о возвращеніи себѣ сдѣланныхъ протестантами въ прежнія времена завоеваній, но не такъ легко было возвратить завоеванія, сдѣланныя шляхтою, не такъ легко было бороться съ шляхтою, какъ сословіемъ.

Одинъ эпизодъ этой борьбы, и притомъ эпизодъ весьма важный въ общемъ ходѣ ея, имѣлъ мѣсто еще при жизни кардинала Гозія. Торнскій сеймъ 1576 г., какъ сказано выше, не разрѣшилъ вопроса объ устройствѣ суда послѣдней инстанціи. На петроковскомъ синодѣ духовенство, какъ мы знаемъ, высказалось противъ новыхъ судовъ, хотя и не безусловно. Стефанъ Баторій въ отвѣтъ на просьбу синода относительно этихъ послѣднихъ обѣщалъ духовенству позаботиться о томъ, чтобы какъ въ новыхъ, такъ и въ старыхъ судахъ духовенству во всемъ была оказываема справедливость [1]). Обѣщаніе короля было, впрочемъ, общее и неопредѣленно, и католическое духовенство не безъ опасеній ожидало будущаго сейма. Эти опасенія раздѣлялъ и кардиналъ Гозій. Опасаясь, что противники духовенства, пользуясь стѣснительными обстоятельствами короля (именно предстоявшею Польшѣ войною съ Москвой и татарами, для чего Баторій между прочимъ и созвалъ сеймъ въ Варшавѣ въ февралѣ 1578 г.), постараются вынудить у короля нѣкоторыя вредныя для католическаго духовенства уступки, онъ убѣждалъ (25 янв. 1578 г.) короля не дѣлать этихъ уступокъ, хотя бы диссиденты своимъ упорствомъ грозили гибелью государству, такъ какъ Богъ и чрезъ немногихъ можетъ спасти государство и такъ какъ военное счастье зависитъ лишь отъ благословенія Божія [2]). Опасенія Гозія не были напрасными. Варшавскій сеймъ, дѣйствительно, былъ ареною весьма многихъ споровъ, вращавшихся по преимуществу около вопроса о новыхъ судахъ; но самымъ жаркимъ изъ нихъ былъ споръ о подсудности проэктированному еще предыдущимъ сеймомъ коронному трибуналу смѣшанныхъ дѣлъ духовныхъ со свѣтскими лицами и главнымъ образомъ дѣлъ о десятинахъ. Земскіе послы требовали, чтобы всѣ эти дѣла въ послѣдней инстанціи подлежали рѣшенію этого трибунала. Духовенство

---

[1]) Zródła dziejowe, IV, 197, Responsum.

[2]) Eichhorn, II, 511.

не соглашалось на это, говоря, что оно не можетъ надѣяться получить справедливость въ этомъ трибуналѣ, какъ и вообще въ свѣтскихъ судахъ, гдѣ дѣла католическаго духовенства со свѣтскими разбираютъ одни лишь свѣтскіе люди, часто даже не принадлежащіе къ католической церкви. Духовенство упорно противилось проэкту короннаго трибунала. Оно съумѣло даже перетянуть на свою сторону шляхту плоцкаго воеводства. Грозившій большими затрудненіями споръ уланженъ былъ посредничествомъ короннаго канцлера Яна Замойскаго [1]). Согласно его предложенію, сеймъ принялъ извѣстную конституцію, по которой, въ случаѣ поступленія въ коронный трибуналъ аппеляціи по смѣшаннымъ дѣламъ лицъ духовнаго и свѣтскаго сословій, для разбора такихъ дѣлъ составлялось особое присутствіе трибунала изъ шести его членовъ и шести судей отъ духовенства. При равенствѣ голосовъ рѣшеніе, по этой конституціи, принадлежало королю [2]). Эта конституція была вообще выгодна для католическаго духовенства: окончательное рѣшеніе важнѣйшихъ тяжбъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ принадлежало по ней королю, а не представителямъ магнатства и шляхты, а противъ этого-то собственно и протестовали епископы на торискомъ и варшавскомъ сеймахъ.

Постановленіе варшавскаго сейма 1578 года, хотя и не вполнѣ отвѣчало той идеѣ независимой духовной юрисдикціи, къ которой стремилось польское духовенство, было само по себѣ пріобрѣтеніемъ для католической іерархіи и во всякомъ случаѣ началомъ освобожденія ея отъ того подчиненія свѣтскому суду, въ которое оно стало при Сигизмундѣ Августѣ и особенно во время безкоролевья, когда напр. учрежденный въ серадзскомъ воеводствѣ судъ послѣдней инстанціи осмѣлился оштрафовать самаго примаса нѣсколькими тысячами шкодъ (szkód) за его протестъ противъ компетентности этого суда въ дѣлахъ духовенства со шляхтою [3]). Издавая это постановленіе, Стефанъ Баторій исполнялъ данное имъ отцамъ петроковскаго синода обѣщаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ польскому духовенству новое доказательство своей преданности ка-

[1]) Theiner, Ann. Eccl., II, 395—396, Carncovius Gregorio XIII, Varsoviae, 11 martii 1578; Heidenstein, 120; Bielski, III, 1436.

[2]) Vol. leg. II, 183.

[3]) Bielski, III, 1436.

толической церкви. Но что особенно должно было возвышать Стефана Баторія въ глазахъ ревнителей католичества, что особенно должно было радовать кардинала Гозія, хотя и не удовлетворявшагося вполнѣ ревностью короля [1]), это благосклонное отношеніе его къ іезуитскому ордену, тѣ милости и щедроты, которыя онъ изливалъ на любимцевъ кардинала. Іезуиты съумѣли сразу привлечь къ себѣ расположеніе Баторія. Когда Баторій вступалъ на тронъ, который еще оспаривалъ у него могущественный германскій императоръ, іезуиты въ своихъ коллегіяхъ совершали торжественное богослуженіе и возсылали молитвы къ небу о счастьи и благоденствіи новаго короля. Когда Баторій осаждалъ непокорный Данцигъ (1577 года), виленская іезуитская коллегія послала къ предводителю его войска, Яну Замойскому, льстивое письмо съ благопожеланіями успѣха [2]). Всякій разъ, какъ Баторій посѣщалъ іезуитскую коллегію въ Вильнѣ, гдѣ онъ часто проживалъ, іезуиты не упускали случая показать королю, стремившемуся къ искорененію злоупотребленій польской свободы, мечтавшему о возвышеніи для блага Польши авторитета королевской власти, какъ насажда

---

[1]) Въ послѣдніе годы своей жизни Гозій часто писалъ Стефану Баторію письма, въ которыхъ побуждалъ его къ большей ревности на пользу католичества и полемизировалъ съ нимъ по вопросу объ отношеніи церкви къ государству, причемъ опровергалъ утвержденіе короля, что онъ, какъ свѣтскій государь, долженъ прежде всего заботиться о государствѣ, и потомъ уже о церкви, указаніемъ на слова Спасителя: ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ (Eichhorn, II, 313—315). Что касается варшавской религіозной конфедераціи, въ соблюденіи которой поклялся Баторій и которую онъ не хотѣлъ нарушить, то кардиналъ не только въ доказательство ея недѣйствительности приводилъ извѣстное іезуитское объясненіе, что дѣйствительность клятвы зависитъ оттого, что было въ умѣ человѣка, приносившаго ее въ самый моментъ присяги, но и пытался весьма оригинальнымъ способомъ объяснить въ свою пользу самую присягу, данную королемъ при коронованіи (inter dissidentes de religione pacem et tranquillitatem servabo et manutenebo): такъ какъ Богъ всего настойчивѣе требуетъ мира и спокойствія, то король, давъ эту присягу, писалъ онъ Баторію, и поклялся устранить религіозное несогласіе и возстановить единство въ вѣрѣ, господствовавшее въ Польшѣ при Сигизмундѣ 1 (ibid., 508—509). Особенно мучила Гозія въ послѣдніе годы жизни и, по его собственнымъ словамъ, не давала ему спать мысль о томъ, что въ польской столицѣ находится протестантская кирка. Гозій досадовалъ, что всѣ письма, которыя онъ по этому поводу писалъ Баторію, краковскому епископу и другимъ лицамъ, не достигали своей цѣли (ibid., 510, 512).

[2]) Rostowski, 55—56.

ются заботливою рукою іезуитовъ въ ихъ питомцахъ начала монархизма, порядка, законности [1]). Съ каѳедръ іезуитскихъ костеловъ проповѣдывались идеи, къ которымъ Стефанъ стремился во все свое, хотя и кратковременное но славное царствованіе, въ осуществленіи которыхъ онъ видѣлъ спасеніе Польши. Польскій златоустъ, Петръ Скарга открыто проповѣдывалъ о необходимости для Польши прочной королевской власти, громилъ земскихъ пословъ, усиливавшихся еще дальше провести въ жизнь шляхетскую теорію рѣчи посполитой: надобно, говорилъ онъ, чтобы одна голова управляла тѣломъ; если же много головъ, то это служитъ предзнаменіемъ, что въ государствѣ развивается смертельная болѣзнь [2]). Тотъ же Скарга смѣло возвышалъ свой голосъ въ защиту безправнаго крестьянства, о которомъ забывали и магнаты, и шляхта, и католики, и протестанты [3]). Прибавимъ къ этому, что современные Баторію іезуиты считали уже въ своихъ рядахъ многихъ весьма образованныхъ поляковъ того времени, что они представляли обою вполнѣ готовый къ самой широкой дѣятельности контингентъ учителей-педагоговъ, и притомъ учителей, о которыхъ не нужно было много заботиться, которые сами умѣли находить средства для веденія своего учебно-воспитательнаго дѣла. Если мы теперь вспомнимъ, что Баторій хотѣлъ видѣть въ своемъ государствѣ единую католическую вѣру, если мы припомнимъ, что онъ хотѣлъ ее распространить „исподоволь, безъ шума“ (sensim placideque), то для насъ станетъ понятнымъ, почему онъ бросился въ объятія іезуитовъ, почему онъ сталъ воздвигать іезуитскія твердыни именно на границахъ своихъ далеко не однородныхъ въ религіозномъ отношеніи владѣній (онъ основалъ іезуитскія коллегіи въ Гроднѣ, Полоцкѣ, Ригѣ), почему онъ во все свое царствованіе непрестанно изливалъ на нихъ щедрою рукою свои милости.

Мы не будемъ говорить объ этихъ милостяхъ, такъ какъ онѣ излились большею частью уже по смерти кардинала Гозія. Упомянемъ только объ одной самой важной, усладившей еще и Гозія на закатѣ дней его. Баторій, по представленію

---

[1]) Lukaszewicz, Geschichte der reformirten Kirchen in Lithanem, I, 29

[2]) Сливовъ, Іезуиты въ Литвѣ (Русскій Вѣстникъ за 1875 г., іюнь, стр. 53).

[3]) Ibid., 53.

виленскаго епископа Протасевича (7 іюля 1578 г.), далъ виленской іезуитской коллегіи тѣ права, которыми пользовались высшія учебныя заведенія, т. е. академіи. Но утвержденіе этихъ правъ въ особой привиллегіи съ возведеніемъ виленской коллегіи въ степень академіи встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны виленскихъ иновѣрцевъ и совершилось уже по смерти кардинала Гозія. Тогдашній литовскій канцлеръ Николай Радзивиллъ Рыжій отказался приложить свою печать къ привиллегіи объ этомъ возведеніи. Литовскіе сенаторы также просили короля не нарушать ихъ вольностей изданіемъ этой привиллегіи и, „какъ ни широко разъяснилъ имъ король свои добрыя и благочестивыя намѣренія“, твердо стояли на своемъ. Но Баторій не остановился предъ этими препятствіями: по его приказанію, литовскій подканцлеръ Евстафій Воловичъ, пытавшійся было тоже протестовать, приложилъ къ привиллегіи свою печать. Въ привиллегіи, данной виленской академіи, Баторій сравнялъ ее въ правахъ и привиллегіяхъ съ краковскою академіей, давъ ей право—раздавать ученыя степени баккалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ свободныхъ наукъ, богословія и философіи. Только право и медицина исключены были изъ круга предметовъ, преподаваемыхъ въ ней; но о нихъ іезуиты мало заботились [1]).

Дѣятельность виленской іезуитской академіи относится уже ко временамъ послѣ Гозія. Но и до этого времени іезуиты такъ прочно уже утвердились въ литовско-польскомъ государствѣ, такъ были здѣсь многочисленны, что генералъ іезуитскаго ордена Эдуардъ Меркуріанъ (1575 г.) нашелъ возможнымъ, по желанію короля Генриха, образовать самостоятельную литовско-польскую провинцію, причемъ назначилъ первымъ провинціаломъ вновь образованной провинціи Франциска Зуннера [2]). Іезуиты успѣли уже, хотя съ нѣкоторыми трудностями, какъ мы узнаемъ, водвориться въ самомъ Краковѣ, хотя и не открыли здѣсь своей коллегіи. Вліяніе ихъ сказалось очень скоро. Краковская академія, неодобрительнымъ окомъ посмотрѣвшая на прибывшій въ Краковъ іезуитскій

---

[1]) Solikowski, 54—55; Łukaszewicz, Historya szkół, I, 124 Baliński, Dawna akademia wileńska, 57—70.

[2]) Rostowski, 51.

авангардъ, не стала препятствовать прибытію въ столицу новыхъ іезуитскихъ отрядовъ. Еще немного времени—и она стала увеличивать ихъ силу лучшими борцами изъ своихъ же собственныхъ рядовъ. Не одни студенты, сами профессора краковской академіи стали поступать въ іезуитскій орденъ. Въ послѣдніе годы жизни кардинала Гозія іезуитскій орденъ уже считалъ въ своихъ рядахъ природныхъ поляковъ—Якова Вуйка, Петра Скаргу, Станислава Варшевицкаго, Станислава Гродзѣскаго, Венедикта Гербеста и др. [1]). Поступленіе въ іезуитскій орденъ такихъ лицъ было само по себѣ громаднымъ пріобрѣтеніемъ для ордена, обезпечивавшимъ за нимъ дальнѣйшіе успѣхи его дѣятельности въ Польшѣ. Іезуитъ—полякъ успѣшнѣе могъ дѣйствовать, чѣмъ іезуитъ—иностранецъ, особенно полякъ, одаренный талантами Скарги, Варшевицкаго, Вуйка.

Усиленные приливомъ свѣжихъ, польскихъ силъ, іезуиты бодро и спокойно смотрѣли въ глаза будущему: работники были на лицо, а въ средствахъ недостатка іезуиты никогда не чувствовали. Ослѣпляющій блескъ учености, увлекательная сила краснорѣчія, неотразимое дѣйствіе благочестія, почти святости, безкорыстнаго самоотверженнаго служенія страждущему, или погрязающему во тьмѣ и невѣжествѣ человѣчеству,—даровое и блестящее на видъ воспитаніе юношества, въ результатѣ котораго ежегодно получались новыя послушныя орудія іезуитизма,—умѣнье поддѣлаться подъ вкусъ народной массы, привлечь къ себѣ ея сердца дѣлами любви, милосердія, благотворительности, благоговѣніемъ при совершеніи службы церковной, поразить ее торжественностью, эффектностью, помпою своего богослуженія; пресловутая іезуитская исповѣдь, гдѣ было все отъ искуственнаго экзальтированія набожной, благочестивой души до грязнаго попустительства разныхъ пороковъ и преступленій подъ лицемѣрнымъ покровомъ любви Христовой, — богословскіе диспуты-комедіи, даваемые безплатно отцами - іезуитами для вящшаго убѣжденія польской публики въ превосходствѣ католичества предъ протестантствомъ, — самая безпардонная, истинно-іезуитская литературная полемика съ противниками, въ которой іезуитъ не останавливался ни

[1]) Moraczewski, Iezuici w Polsce, rys historyczny, Paryż, 1861, 11—12.

предъ чѣмъ, отъ богословской аргументаціи съ удивительною легкостью спускался въ низменную область грязныхъ сплетень про своихъ противниковъ, часто имъ же самимъ присочиненныхъ,—непрестанное скандализированіе реформаціи, какъ источника всѣхъ золъ, всѣхъ общественныхъ нестроеній и бѣдствій,—сѣяніе раздоровъ между протестантами, въ которомъ іезуиты всегда были такими мастерами: все это и многое другое пущено было въ ходъ іезуитами. Впрочемъ, въ тѣ годы, о которыхъ у насъ рѣчь, еще не разоблачились тайныя пружины и цѣли іезуитовъ, еще ничего почти нельзя было видѣть сквозь маску іезуитизма. Пока у всѣхъ была на лицо лишь усердная, самоотверженная борьба ихъ съ еретиками; пока въ глазахъ у всѣхъ они были лишь воинами Христовыми, безкорыстно несшими на общую пользу свою рѣдкую тогда образованность, свои часто недюжинные таланты, готовыми даже душу свою положить за други своя. Поляки мало по малу перестали подозрительнымъ окомъ смотрѣть на пришельцевъ: подъ знамя новаго ордена спѣшили, какъ мы видѣли выше, лучшія польскія силы. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе очаровывали іезуиты пановъ, тѣмъ сильнѣе привлекали они къ себѣ симпатіи шляхты. И это не представляло большой трудности для іезуитовъ - поляковъ, тысячью самыхъ разнообразныхъ нитей связанныхъ съ польскимъ обществомъ, изъ котораго они вышли. Пройдетъ еще два-три десятка лѣтъ— и іезуитъ откроетъ свое царствованіе и у семейнаго очага польскаго пана и шляхтича, и въ польскомъ сенатѣ, и въ посольской избѣ, и въ кабинетѣ польскаго короля. Іезуитъ все увидитъ, все пойметъ, и изъ всего сдѣлаетъ надлежащее употребленіе ad majorem Dei gloriam. Онъ убьетъ, задушитъ національное направленіе польской литературы, расцвѣтшей было на время въ эпоху реформаціи, на мѣсто польскаго языка, на которомъ писали протестанты и заставляли писать католиковъ, онъ опять поставитъ языкъ латинскій, этого вѣрнаго носителя идеи всемірнаго папства, живую мысль опять облечетъ въ мертвый языкъ, закуетъ въ рамки іезуитско-ультрамонтантской неподвижности. Но направивъ свои разрушительные удары на эту сторону польской жизни, стоявшую въ связи съ реформаціею, іезуитъ милостивымъ окомъ взглянетъ на другія стороны польской жизни, тоже стоявшія въ связи съ реформа-

ціей, но дававшія возможность эксплоатировать себя ad majorem Dei gloriam. Онъ протянетъ руку свободолюбивымъ инстинктамъ польской шляхты, готовымъ принять уродливыя формы, готовымъ превратиться въ чисто-анархистскія стремленія, и, проповѣдуя съ каѳедры о пользѣ сильной королевской власти, не задумается толкнуть массу имъ же нафанатизированной, невѣжественной шляхты противъ самыхъ основъ правильной государственно-общественной жизни. Все это наступитъ скоро, скорѣе даже, чѣмъ можно было-бы ожидать, лишь только сядетъ на польскій престолъ воспитанникъ іезуитовъ Сигизмундъ III. Кардиналъ Гозій не дожилъ, впрочемъ, до этого царствованія, которое, вѣроятно, и его вполнѣ удовлетворило бы.

Съ напряженнымъ вниманіемъ, съ любовью слѣдилъ кардиналъ за дѣйствіями великой іезуитской машины, реставрировавшей католичество въ Польшѣ. Къ утѣшенію Гозія, на закатѣ дней его, все чаще и чаще стали приходить къ нему въ Римъ отрадныя вѣсти объ апостольскихъ трудахъ отцовъ-іезуитовъ, и Гозій, по словамъ его біографа, „въ послѣдніе дни своей жизни возсылалъ непрестанныя благодаренія Богу за то, что онъ видѣлъ въ своемъ отечествѣ хотя нѣкоторый плодъ тѣхъ трудовъ и усилій, которые онъ подъялъ въ пользу мира церкви Божіей, что онъ видѣлъ, какъ ослабѣваетъ дерзость еретиковъ въ преслѣдованіи христіанской вѣры и какъ напротивъ усиливается ежедневно твердость и постоянство католиковъ въ ея охраненіи и распространеніи“. Гозій зналъ, что все это — дѣло по преимуществу іезуитскихъ рукъ. Однажды онъ даже получилъ извѣстіе, что отцы общества Іисуса въ теченіе одного года возвратили католической церкви шестьсотъ знатныхъ людей. Но и помимо извѣстій о такихъ крупныхъ побѣдахъ іезуитовъ, помимо этихъ, такъ сказать, экстра-ординарныхъ случаевъ радости, кардиналъ Гозій проводилъ свои послѣдніе дни въ Римѣ въ постоянномъ сладостномъ сознаніи, что на полѣ его долголѣтней битвы оставленная имъ армія съ успѣхомъ продолжаетъ бой, что на его дальней родинѣ „многія тысячи юношей изъ одного только шляхетскаго сословія воспитываются обществомъ Іисуса въ истинной вѣрѣ и въ правилахъ благочестія“. „Невозможно изобразить, говоритъ Решка, неотступно жившій при Гозіѣ въ Римѣ, какое онъ испытывалъ

удовольствіе, когда видѣлъ, какъ Ласкіе, Фирлеи, Зборовскіе, Дзялынскіе, Ходкѣвичи, Томницкіе, Сапѣги и многіе другіе изъ магнатовъ и люди знатныхъ фамилій, Острожскіе и Слуцкіе, владѣтели Олыки и Несвижа, дѣти схизматиковъ и еретиковъ, вступивъ въ единеніе съ католическою церковью, разрушали синагоги антихриста, воздвигнутыя собственными родителями ихъ, прогоняли служителей нечестія, возвращали изгнанныхъ священниковъ Христовыхъ, возобновляли храмы, костелы, алтари, платили доходы, поддерживали коллегіи общества Іисуса большими вспоможеніями". „Не могъ удержаться отъ слезъ этотъ славный кардиналъ, продолжаетъ Решка, когда видѣлъ, какъ свѣтлѣйшіе братья Радзивиллы, владѣтели Олыки, Альбертъ Ласкій, стародскій воевода, Дзялынскіе, Лясоцкіе, Варшевицкіе припадали къ порогамъ св. апостоловъ и смиренно, покорно лобызали ноги римскаго первосвященника, викарія Христова, въ томъ городѣ, который они прежде называли новымъ Вавилономъ, сѣдалищемъ антихриста". При видѣ этихъ вельможныхъ пилигримовъ, высланныхъ іезуитами въ Римъ замаливать свои грѣхи и грѣхи своихъ отцовъ, благочестивый кардиналъ вкушалъ сладость побѣды, подготовленной его долговременными трудами. „Это, говорилъ онъ со смиреніемъ, розы, выросшія на терновыхъ кустахъ, это—сиоквы, собранныя съ волчцовъ" [1]).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Въ послѣднія десять лѣтъ жизни кардинала Гозія, проведенныя имъ въ Римѣ, совершался въ религіозной жизни Польши медленный, постепенный переломъ, начавшійся еще въ бытность его въ Польшѣ, а ко времени смерти его явно склонившійся на сторону католичества. Эти десять лѣтъ носятъ на себѣ печать той неопредѣленности, неустойчивости во взаимныхъ отношеніяхъ господствовавшаго до сихъ поръ реформаціоннаго направленія и постепенно набирающейся силъ реакціи, какая вообще характеризуетъ переходныя эпохи въ общественной жизни. Притомъ же эта переходная эпоха отъ реформаціонныхъ увлеченій къ католичеству совпала для Польши со временемъ продолжительнаго безкоролевья, когда не было въ

[1]) Rescius, lib. III, c. XVII, 363—365.

Польшѣ регулирующаго, уравновѣшивающаго вліянія правительственной власти. Съ особенною силою переходный характеръ послѣднихъ десяти лѣтъ жизни Гозія сказался, какъ мы видѣли, въ собственной Польшѣ; но, хотя и не въ такой сильной степени, онъ сказался и въ недавно соединенныхъ съ нею Литвѣ и Пруссіи, и въ частности, въ той части Пруссіи, которая составляла епархію кардинала Гозія.

Уѣзжая въ Римъ, кардиналъ Гозій, какъ мы знаемъ, оставилъ администраторомъ вармійской епархіи Мартина Кромера. Не имѣя болѣе надежды вернуться въ Пруссію, Гозій съ перваго же года пребыванія своего въ Римѣ сталъ помышлять о назначеніи себѣ коадъютора съ правомъ наслѣдованія вармійской епархіи по его смерти. Коадъюторомъ своимъ кардиналъ желалъ имѣть своего администратора—Кромера; но таже причина, которая въ свое время надѣлала много хлопотъ самому Гозію при возведеніи его на епископскую каѳедру, преграждала путь къ вармійской каѳедрѣ и Кромеру: Кромеръ не былъ прусскимъ уроженцемъ и потому по привиллегіямъ Пруссіи и вармійскаго капитула не могъ быть вармійскимъ епископомъ. Но на сторонѣ Кромера, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ дѣйствительно вполнѣ достойнаго епископской каѳедры, стояли, кромѣ кардинала Гозія, Сигизмундъ Августъ и самъ папа вмѣстѣ со всею римскою куріею, благопріятно настроенною въ пользу Кромера кардиналомъ Гозіемъ. Пій V по просьбѣ Сигизмунда Августа и послѣ лестной рекомендаціи Гозія и другихъ кардиналовъ назначилъ Кромера (2 іюня 1570 г.) вармійскимъ коадъюторомъ на томъ основаніи, что по нѣмецкимъ конкордатамъ самому папѣ принадлежитъ право назначенія преемника епископу-кардиналу. Вармійскій капитулъ долго и упорно противился признанію Кромера коадъюторомъ, лишь страхомъ церковнаго отлученія папскій нунцій заставилъ его смириться и признать Кромера коадъюторомъ [1]).

Коадъюторъ вполнѣ оправдалъ надежды, которыя на него возлагалъ Гозій. Онъ энергично продолжалъ въ Варміи борьбу съ реформаціонными стремленіями, которую много лѣтъ велъ кардиналъ. Реформаціонная партія въ Брунсбергѣ, придавленная на время энергичнымъ образомъ дѣйствій Гозія, послѣ

[1]) Eichhorn, II, 369—402.

отъѣзда его въ Римъ поднята было опять голову, покушалась даже произвести волненіе въ городѣ. Кромеръ быстрымъ и рѣшительнымъ образомъ дѣйствій во-время предупредилъ опасность [1]). Но и послѣ этого реформаціонныя стремленія отъ времени до времени давали себя чувствовать въ Брунсбергѣ и его окрестностяхъ. Трудно было Кромеру бороться съ ними, трудно потому главнымъ образомъ, что реформаціонныя идеи распространились въ значительной части подчиненнаго ему духовенства, по преимуществу, сельскаго, приходскаго. Кромеръ долженъ былъ терпѣть ихъ на ихъ мѣстахъ, такъ какъ въ его распоряженіи не было надежныхъ кандидатовъ для замѣщенія вакансій приходскихъ священниковъ. Не смотря на эти почти неустранимыя трудности, Кромеръ дѣятельно боролся со зломъ, внимательно слѣдилъ за поведеніемъ духовенства, строго и безъ лицепріятія каралъ виновныхъ. Видя въ епархіальныхъ синодахъ наилучшее средство къ оживленію церковной жизни, онъ созывалъ подчиненное ему духовенство на эти синоды (въ 1575 и 1577 гг. въ Гейльсбергѣ) и издавалъ на нихъ постановленія, направленныя къ поднятію нравственнаго уровня какъ духовенства, такъ и мірянъ. Вообще Кромеръ дѣйствовалъ со всегда свойственною ему энергіею и благоразуміемъ, и Гозій могъ спокойно жить въ Римѣ, зная, что его коадъюторъ сдѣлаетъ все, что только можно, на благо католицизма въ вармійской епархіи. Притомъ же въ вармійской епархіи давно уже водворились іезуиты, и кардиналъ зналъ, что они дѣлаютъ свое дѣло. Брунсбергская іезуитская коллегія процвѣтала: какъ-бы въ вознагражденіе за оказанныя Гозіемъ іезуитскому ордену благодѣянія, начальство ордена снабжало брунсбергскую коллегію самыми лучшими учителями. Своимъ отличнымъ состояніемъ брунсбергская коллегія привлекала въ свои стѣны юношей не только изъ Варміи, но и изъ Польши. Епархіальная семинарія, подъ руководствомъ іезуитовъ, также процвѣтала и готовила въ своихъ стѣнахъ истинно-католическихъ кандидатовъ священства [2]).

---

[1]) Ibid., 403.

[2]) Eichhorn, II, 470—474. Дѣятельность Мартина Кромера по управленію вармійскою епархіею въ бытность кардинала Гозія въ Римѣ подробно описана г. Валевскимъ (Walewski, Marcin Kromer Warczawa 1874, str. 59—162).

Но не всегда приходили въ Римъ отрадныя вѣсти изъ вармійской епархіи. Въ бурное время безкоролевій, особенно втораго, когда Пруссія съ Данцигомъ во главѣ противилась признанію Баторія королемъ, не разъ нарушалось здѣсь мирное теченіе церковной жизни. Въ 1577 г. не желавшіе подчиниться Баторію данцигцы, поддерживаемые датчанами, напали на фрауенбургскій каѳедральный костелъ, ограбили его и отняли у капитула большую сумму денегъ. Извѣстіе объ этомъ сильно огорчило кардинала Гозія. Онъ немедленно обратился къ Баторію съ просьбою—заставить данцигцевъ возвратить награбленное; съ тою же просьбою онъ обратился къ нунцію Лауро, краковскому епископу и обоимъ коронным канцлерамъ. Просьбы его не были однако же удовлетворены [1]). Но особенно много огорченій доставляли кардиналу его „козлища“ (такъ Гозій обыкновенно называетъ въ своихъ письмахъ эльбингцевъ). Еще въ бытность Гозія въ Польшѣ, водворились, какъ мы знаемъ, іезуиты въ Эльбингѣ. Когда Гозій уѣхалъ въ Римъ, положеніе эльбингскихъ іезуитовъ, бывшее и при немъ не особенно завиднымъ, стало еще хуже: іезуиты опять стали подвергаться открытымъ нападеніямъ и оскорбленіямъ, которыя городскія власти оставляли безнаказанными. Но особенно ухудшилось ихъ положеніе по смерти Сигизмунда Августа, и іезуиты, считая свою жизнь въ опасности, обратились къ городскому магистрату (31 дек. 1572 г.) съ просьбою защитить ихъ отъ оскорбленій народной черни. Но вмѣсто просимой защиты магистратъ предложилъ іезуитамъ, какъ противозаконно вторгшимся въ Эльбингъ, оставить городъ, объявивши, что ихъ до сихъ поръ терпѣли въ городѣ лишь изъ уваженія къ королю и время безкоролевья считаютъ самымъ удобнымъ временемъ къ возстановленію своихъ нарушенныхъ правъ. Когда іезуиты медлили послѣдовать этому совѣту, магистратъ выпроводилъ ихъ полицейскимъ порядкомъ изъ города [2]).

Извѣстіе объ изгнаніи іезуитовъ изъ Эльбинга повергло кардинала Гозія въ великое горе. Такъ какъ тогда не было въ Польшѣ короля, у котораго можно было бы искать защиты, кардиналъ просилъ своего сосѣда куявскаго епископа пособить его горю: Гозій желалъ, чтобы всѣ возстали поголовно противъ

[1]) Eichhorn, II, 474—475, Walewski, 144—154.

[2]) Eichhorn, II, 405—406; Walewski, 120—121.

нарушителей общественнаго мира, возвратили въ Эльбингъ насильственно изгнанныхъ изъ него истинныхъ служителей Божіихъ и подвергли виновныхъ въ этомъ преступленіи примѣрному наказанію [1]). Желаніе Гозія, конечно, не исполнилось. Впрочемъ, онъ самъ вскорѣ отказался отъ него. Отъ избраннаго въ короли Генриха онъ уже не требовалъ наказанія эльбингцевъ, а только возвращенія въ Эльбингъ іезуитовъ, такъ какъ королю — онъ понималъ это — неудобно было начинать царствованіе репрессаліями. О возвращеніи іезуитовъ хлопоталъ въ Парижѣ секретарь Гозія Решка, посланный имъ туда для извѣстныхъ намъ цѣлей. О томъ же просилъ Гозій Карнковскаго и папскаго нунція Лауро [2]). Въ кратковременное свое царствованіе Генрихъ не успѣлъ исполнить просьбы кардинала Гозія. Въ наставшее затѣмъ безкоролевье еще менѣе можно было надѣяться на возвращеніе іезуитовъ въ Эльбингъ. Гозій теперь уже не думалъ о всеобщемъ возстаніи противъ Эльбинга. Онъ только просилъ Яна Костку, какъ мальборгскаго старосту, имѣвшаго власть надъ Эльбингомъ, поискать такихъ путей, которыми бы іезуиты могли возвратиться въ Эльбингъ и опять проповѣдывать въ немъ, какъ и прежде, слово Божіе закаменѣлымъ козлищамъ. „Вы не можете, писалъ онъ Косткѣ, оказать мнѣ большей услуги, и не столько мнѣ, сколько Господу Богу, не можете ни въ чемъ больше, какъ именно въ этомъ, доказать, что Ваша Милость любите меня и рады видѣть меня довольнымъ“ [3]). Вступленіе на престолъ Стефана Баторія не произвело никакой перемѣны въ дѣлѣ эльбингскихъ іезуитовъ. Хотя Гозій постоянно осаждалъ своими просьбами о возвращеніи ихъ въ Эльбингъ Стефана, а также разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, ему не суждено было видѣть вторичнаго водворенія іезуитовъ въ Эльбингѣ [4]). Гозій такимъ образомъ до самой кончины своей не свелъ счетовъ съ своими непокорными козлищами.

---

[1]) Hosius Carncovio, Romæ, 29 febr. 1573 (Dług., II, 1676).

[2]) Hosius Carncovio, Romæ 16 oct. 1573 (Dług., II, 1677 — 1678); Eichhorn, II, 477.

[3]) Grabowski, II, 278, Гозій Косткѣ, 9 авг. 1574 г.

[4]) Grabowski, II, 269—270, Гозій Дзялынскому, воеводѣ Хелминскому 279 — 281, Гозій Косткѣ; 281 — 283, тотъ же тому же; Carncovius, Hosius Carncovio (Dług., II, 1680); Eichhorn, II, 477—483.

До сихъ поръ мы видѣли кардинала Гозія, хотя и въ Римѣ, но живущаго польскою жизнью. Что же касается его римской жизни, римскихъ занятій, то хотя главною цѣлью поѣздки его въ Римъ было извѣстное намъ дѣло о барскомъ наслѣдствѣ, онъ постоянно занятъ былъ дѣлами, соединенными съ его кардинальскимъ саномъ. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ консисторіи, гдѣ безъ него не обходилось ни одно важное дѣло. Кромѣ обычныхъ консисторскихъ занятій, онъ участвовалъ въ разныхъ конгрегаціяхъ, или коммиссіяхъ, разработывавшихъ тѣ или другіе вопросы по указанію папы, такъ что иногда буквально былъ заваленъ работою. Онъ напр. былъ предсѣдателемъ конгрегаціи, назначенной для улаженія возникшаго между папою и императоромъ столкновенія по поводу возведенія первымъ тосканскаго герцога въ эрцгерцоги. Онъ былъ назначенъ папою также въ члены весьма важной конгрегаціи, учрежденной имъ для наблюденія за приведеніемъ въ исполненіе тридентскихъ опредѣленій въ разныхъ странахъ и для рѣшенія могущихъ возникнуть при этомъ недоумѣній. По смерти Пія V Гозій участвовалъ въ избраніи папы Григорія XIII [1]). Новый папа, вскорѣ по вступленіи на престолъ, почтилъ кардинала Гозія высшимъ знакомъ своей милости; онъ возвелъ его въ санъ Poenitentiarius Major (въ 1573 г.). Гозій долго противился возведенію его въ этотъ санъ. Папа лично явился въ виллу Субіако, гдѣ тогда проводилъ лѣто Гозій, и упросилъ его согласиться на принятіе новаго сана [2]).

Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Римѣ Гозій, вообще не обладавшій крѣпкимъ здоровьемъ, часто болѣлъ. Въ началѣ 1579 г. онъ началъ сильно страдать болѣзнью желудка. Не обращая на нее вниманія, онъ продолжалъ свои обычныя занятія и даже постился въ теченіе всего великаго поста: врачамъ, совѣтовавшимъ ему употреблять скоромную пищу, онъ отвѣчалъ, что онъ и соблюдаетъ-то строгій постъ для того именно, чтобы долго жить, такъ какъ для этого нужно почитать отца и мать, а отецъ, это Богъ, установившій постъ, а мать—церковь, опредѣлившая времена поста. Болѣзнь продол-

---

[1]) Eichhorn, II, 454—460.

[2]) Ibid., 466—470. Rescius, lib. III, c. II, p. 325—326.

жалась и весною и усилилась еще больше оттого, что Гозій, не смотря на наступившіе жары, долго не уѣзжалъ изъ Рима. Не смотря на убѣжденія друзей, онъ не хотѣлъ уѣхать изъ Рима раньше праздника св. апостоловъ Петра и Павла (29-го іюня). Лишь 11-го іюля прибылъ онъ въ загородную виллу Капраницу. Первые дни онъ чувствовалъ себя вообще хорошо. Но болѣзнь вскорѣ возвратилась: у Гозія пропалъ сонъ и аппетитъ, силы упали. Папа, узнавъ о болѣзни Гозія, прислалъ ему апостольское благословеніе и просилъ его возвратиться въ Римъ для болѣе успѣшнаго леченія; но общій упадокъ силъ и лѣтніе жары не дозволили Гозію воспользоваться совѣтомъ папы. Вниманіе св. отца ободрило кардинала. Между тѣмъ болѣзнь усиливалась. Къ желудочнымъ болямъ присоединилась страшная боль въ правой ногѣ. Когда боль становилась особенно невыносимою, кардиналъ, вспоминая о папѣ Піѣ V, взывалъ: „Ты умножаешь, Господи, страданіе, умножь и терпѣніе“. Всѣ усилія врачей, которыми окружили Гозія его друзья-кардиналы, жившіе по сосѣдству съ Капраницей, остались безплодными. Дни жизни Гозія были уже сочтены. Гозій умиралъ окруженный заботливыми попеченіями близкихъ къ нему людей. Мѣстный епископъ установилъ во всѣхъ церквахъ ежедневную молитву о его выздоровленіи. Гозій умиралъ въ полномъ сознаніи: онъ постоянно повторялъ слова церковныхъ молитвъ. 5-го августа 1579 г. послѣ исповѣди и принятія св. таинъ онъ скончался на 76 году жизни [1]).

---

[1]) Rescius, lib. III, c. XIX—XX, p. 377—413.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Решка, присутствовавшій при послѣднихъ минутахъ жизни кардинала Гозія, разсказываетъ въ написанной имъ біографіи Гозія, между прочимъ, слѣдующее. Когда іезуитъ Оливеръ, читая у постели Гозія за часъ или два до его смерти извѣстную евангельскую исторію объ отреченіи ап. Петра, вставилъ свое замѣчаніе, что кардиналъ ни разу въ своей жизни этого не сдѣлалъ, — Гозій поднялъ руки къ небу и со слезами проговорилъ: Christe Fili Dei vivi, Tu scis, quod ego Te nomenque Tuum non negavi. Tuum enim hoc esse beneficium lubens agnosco agoque. Tibi hoc nomine summas gratias. Absit a me, absit ab animo meo, ut Te negare unquam voluerim [1]). Если въ этихъ словахъ кардинала Гозія на мѣсто „отъ Тебя и отъ имени Твоего“ мы подставимъ „отъ папы и отъ папства“ (что на языкѣ Гозія было одно и тоже), то въ этихъ предсмертныхъ словахъ мы найдемъ вѣрное опредѣленіе смысла всей долголѣтней и многотрудной жизни этого выдающагося польскаго церковно-историческаго дѣятеля, данное имъ же самимъ по окончаніи жизненнаго пути своего. Отъ папы и папства кардиналъ Гозій, дѣйствительно, на всемъ своемъ жизненномъ пути не отступилъ ни разу, ни на одинъ шагъ, — не только самъ не отступилъ, но и польскую жизнь, вступившую было на новый путь, круто повернулъ на старую дорогу. А между тѣмъ онъ жилъ въ такое время, когда отречься отъ папы, отступить отъ Рима было такъ легко въ Польшѣ, когда отъ него отрекались и отступали даже собратья Гозія — епископы польскіе.

Со вступленіемъ на польскій престолъ Сигизмунда Августа, совпадающимъ съ началомъ общественной дѣятельности кардинала Гозія, протестантство, широко, хотя и въ весьма неопредѣленныхъ, неустановившихся формахъ распространившееся въ Польшѣ еще въ предыдущее царствованіе, быстро стало

[1]) Rescius, Vita Hosii, lib. III, c. XX, p. 412—413.

слагаться въ болѣе или менѣе компактныя вѣроисповѣдныя группы, смѣло и открыто устремилось въ бой съ старою вѣрою. Ему улыбалось счастье побѣды въ этомъ бою. Его вдохновляла сладкая мечта легкаго и быстраго сооруженія на развалинахъ одряхлѣвшаго католичества новой, истинной, апостольской церкви. На польскій престолъ взошелъ долго жданный, давно желанный король, имѣвшій за собою реформаціонное прошлое. Въ теченіе цѣлаго ряда годовъ высшая государственная власть находилась въ рукахъ человѣка, если и не перешедшаго открыто на сторону нововѣрія, то несомнѣнно, особенно въ первую половину своего царствованія, симпатизировавшаго въ душѣ новымъ идеямъ и стремленіямъ своего вѣка и во всякомъ случаѣ вовсе нерасположеннаго исполнять неразорванные еще древніе и новые кровавые статуты противъ еретиковъ, а если и отряхавшаго иногда пыль съ изданныхъ его отцомъ декретовъ и воспроизводившаго ихъ содержаніе въ своихъ указахъ, то дѣлавшаго это лишь для проформы, для отвода глазъ, или въ угоду неотвязчивымъ агентамъ римской куріи. Протестантовъ онъ вовсе не считалъ еретиками: глава литовскаго протестантства, „архіеретикъ“ Николай Радзивиллъ Черный былъ его довѣреннымъ другомъ. Высшія государственныя должности раздавалъ онъ одинаково и католикамъ, и протестантамъ, нисколько не стѣсняясь ихъ религіозными убѣжденіями, и даже по преимуществу протестамъ по той простой причинѣ, что большинство магнатовъ, обыкновенно занимавшихъ въ Польшѣ эти должности, принадлежали тогда къ разнымъ протестантскимъ исповѣданіямъ. Чрезъ это польскій сенатъ бывалъ въ царствованіе Сигизмунда Августа наполненъ наполовину, а иногда и болѣе, протестантами, и всякій разъ, какъ приходилось Сигизмунду Августу рѣшать неоднократно поступавшую на сеймъ тяжбу увлекшейся реформаціонными идеями посольской избы съ католическимъ духовенствомъ или, что одно и тоже, съ католическою частью сената, большинство, а иногда и всѣ голоса свѣтскихъ сенаторовъ, этихъ оффиціальныхъ совѣтниковъ польскаго короля, оказывались на сторонѣ рѣшенія ея согласно съ желаніями избы. Но что особенно давало силу реформаціи въ Польшѣ, что особенно могло сулить ей здѣсь блестящую будущность, это съ послѣднихъ еще годовъ предыдущаго царствованія начавшееся объединеніе рели-

гіозно-реформаціонныхъ стремленій польскаго общества съ соціально-реформаціонными стремленіям польской шляхты, объединеніе дѣла польскаго протестантизма со всею шляхетскою программою внутренней государственной и общественной реформы. Вслѣдствіе этого объединенія даже католическая шляхта въ посольской избѣ охотно становилась, особенно въ первую половину царствованія Сигизмунда Августа, на сторону своихъ протестантскихъ товарищей, потому что борьба, которую они вели, была не просто борьба съ католическихъ духовенствомъ, какъ таковымъ, а скорѣе съ сословіемъ магнатовъ, существованіе котораго въ его тогдашнемъ status quo не мирилось съ тенденціями шляхетской теоріи государства. Такимъ образомъ посольская изба, бывшая въ царствованіе Сигизмунда Августа квинтъ-ессенціею реформаторскихъ соціальныхъ стремленій польской шляхты, реализировавшей ихъ въ это царствованіе энергичнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, стояла на сторонѣ религіозной реформы. Въ избѣ, въ средѣ тогдашнихъ передовыхъ польскихъ общественныхъ дѣятелей, реформація находила себѣ безкорыстныхъ и вліятельныхъ защитниковъ, могучихъ двигателей ея дѣла. Не только въ тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе высшихъ вопросовъ внутренней государственной политики, нашла реформація сочувственный пріемъ и сильную поддержку. На сторонѣ ея былъ цвѣтъ тогдашней польской интеллигенціи. Реформаціонныя начала по самому свойству эпохи имѣли въ Польшѣ широкое культурное значеніе, исполнили въ ней великую задачу просвѣщенія. Успѣхи реформаціи въ Польшѣ были успѣхами польскаго слова, польской поэзіи. Подъ ея знаменемъ мы видимъ лучшихъ тогдашнихъ польскихъ поэтовъ, писателей, ученыхъ, составляющихъ гордость польскаго народа. За высшими государственными сановниками, за передовыми общественными дѣятелями, за представителями интеллигенціи невольно увлекалась реформаціей масса польской шляхты, переходившей въ новую вѣру по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ отъ чистаго, безкорыстнаго увлеченія идеею до простой погони за модой или даже своекорыстнаго разсчета получить теплое мѣстечко по службѣ по протекціи пана-протестанта. Шляхтѣ, перешедшей въ протестантство, вторила, хотя и не всегда, шляхта, оставшаяся вѣрною старинѣ, особенно когда дѣло шло

о' привиллегіяхъ доблестнаго рыцарства, нарушенныхъ или якобы нарушенныхъ католическою іерархіею. Вообще польское нововѣріе, нашедшее столько приверженцевъ и союзниковъ въ разныхъ слояхъ польскаго общества, представляло собою во второй половинѣ XVI вѣка во многихъ отношеніяхъ весьма солидную силу, съ которою старой вѣрѣ приходилось считаться, и весьма серьезно считаться. Опасность для нея была тѣмъ больше и серьезнѣе, что реформація нашла себѣ въ Польшѣ союзниковъ даже тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно было ожидать. Не говоря уже о томъ, что многія лица тогдашней польской католической іерархіи — дѣти эпохи возрожденія наукъ, питомцы гуманизма—своимъ несоотвѣтствовавшимъ обстоятельствамъ премени поведеніемъ, игнорированіемъ врага, преслѣдованіемъ своихъ личныхъ интересовъ, погонею за свѣтомъ съ его радостями и успѣхами, или же безтактною борьбою съ реформаціей, облегчили ея успѣхи, играли, часто сами того не сознавая, роль невольныхъ союзниковъ польскаго протестантства,—не говоря уже объ этомъ, были въ эту эпоху въ средѣ польскаго духовенства и по преимуществу епископата, сознательные, активные союзники, если не протестантства, то реформы религіозной вообще. Сильно сказавшееся тогда въ Польшѣ національно-реформаціонное направленіе, стремившееся къ умиротворенію польской религіозной жизни посредствомъ созданія въ Польшѣ національной церкви, находило себѣ сочувственный откликъ въ нѣкоторыхъ польскихъ епископахъ, мечтавшихъ сохранить въ этой преобразованной церкви свое унаслѣдованное отъ прежнихъ вѣковъ высокое положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить въ нее оторвавшихся отъ нея въ протестантство чадъ. Въ продолженіе цѣлаго ряда годовъ на гнѣзненскомъ архіепископскомъ престолѣ сидѣлъ человѣкъ (Уханскій), искренно преданный идеѣ національной церкви, съ изумительнымъ упорствомъ стремившійся къ созванію національнаго собора, какъ первому начальному акту созданія національной церкви, — человѣкъ, который не только не спасалъ католичества въ Польшѣ въ наставшіе для него трудные дни, но отъ котораго приходилось еще спасать его вѣрнымъ сынамъ Рима.

Мечта польской реформаціи сломить вѣковое господство католичества въ Польшѣ и водрузить на ней свое побѣдное знамя

имѣла, повидимому, шансы превратиться въ дѣйствительность. Она, повидимому, даже начала уже въ нее превращаться. Такой широкой рѣкой разлилась реформація по польскимъ областямъ, что въ шляхтѣ—главной сферѣ своего распространенія—брала очевидный перевѣсъ надъ католичествомъ даже въ численномъ отношеніи. Подъ напоромъ волнъ реформаціи легко разрывались плотины, которыя то тамъ, то здѣсь сооружало католическое духовенство. Польская католическая іерархія съ теченіемъ времени лишена была даже почти совершенно всякихъ средствъ сооружать эти плотины, когда шляхта отняла у нея одну изъ главныхъ ея прерогативъ — судъ надъ еретиками. Послѣ этого роли перемѣнились. Съ переходомъ протестантства въ наступательное положеніе, католичеству приходилось думать уже лишь объ отраженіи ударовъ, сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ и поражавшихъ его на разныхъ пунктахъ. Ограниченіе экономическихъ привиллегій польскаго духовенства, сперва ограниченіе, а потомъ и совершенное (по крайней мѣрѣ de facto) уничтоженіе духовной юрисдикціи de haeresi, отказъ платить духовенству десятины, все это въ сравнительно короткій промежутокъ времени обрушилось на польское духовенство. А между тѣмъ, отхватывая у католичества все большія и большія территоріи, протестантство утверждалось, укрѣплялось на польской землѣ. Три главныя протестантскія исповѣданія, сформировавшіяся въ Польшѣ, лютеранское, реформатское и богемское соединялись въ одинъ союзъ для болѣе дружной борьбы съ католичествомъ. Польскіе протестанты совокупными усиліями изгоняли изъ Польши антитринитаріевъ, произведшихъ пагубныя раздѣленія въ протестантскомъ лагерѣ. Почти непрерывный рядъ побѣдъ протестантства надъ католичествомъ завершился въ безкоролевье по смерти послѣдняго Ягеллона знаменитою варшавскою религіозною конфедераціею, гарантировавшею каждому поляку религіозную свободу. Въ соблюденіи этой конфедераціи торжественно клялись одинъ за другимъ вновь избранные польскіе короли Генрихъ Анжуйскій и Стефанъ Баторій.—Повидимому, все предвѣщало польскому протестантству свѣтлую будущность. И однако польское протестантство погибло даже скорѣе, чѣмъ можно было того желать самымъ завзятымъ врагамъ его. Уже въ послѣдніе годы Сигизмунда Августа почва начала уходить у него изъ - подъ

ногъ. Въ самый моментъ подписанія варшавской конфедераціи, когда польское протестантство было повидимому на вершинѣ своего могущества, грозный призракъ католической реакціи явно носился надъ нимъ. Гдѣ же причина этого на первый взглядъ страннаго явленія? Гдѣ причина смерти польскаго протестантства? Причина смерти польскаго протестантства — въ немъ самомъ: оно умерло естественною смертью, происшедшею отъ внутренней болѣзни, отъ внутреннихъ пораженій его организма, которыя съумѣла растравить и сдѣлать неизлечимыми получившая и отъ него не мало ранъ противная сторона.

Эта послѣдняя, въ сравненіи съ протестантствомъ, была во второй половинѣ XVI вѣка очень слаба. Говоря вообще, ее образовала вся та масса польскаго народа, которая устояла въ католичествѣ. Масса эта была весьма велика. Польское крестьянство, унаслѣдовавшее отъ прежнихъ вѣковъ польской исторической жизни горькую долю почти полнаго рабства, осталось за чертою того реформаціоннаго вихря, который бушевалъ въ XVI вѣкѣ въ шляхетской Польшѣ. Реформаціонныя идеи имѣли также малое распространеніе въ той части польской шляхты, которая была побѣднѣе, потемнѣе, особенно въ той, которая по условіямъ своего быта приближалась къ крестьянству. Конечно, не вся богатая и образованная шляхта, не всѣ польскіе магнаты увлечены были потокомъ реформаціи. Но въ общемъ, тогда какъ на сторонѣ реформаціи были знатность, богатство, образованность, на сторонѣ католичества оставалось почти лишь то, что было въ польскомъ народѣ бѣднаго, темнаго, забитаго, мало или вовсе не вкушавшаго плодовъ западноевропейской цивилизаціи. На сторонѣ этого послѣдняго было одно преимущество: оно представляло собою хотя и мертвую, но компактную массу, оно представляло собою силу, которая при извѣстныхъ условіяхъ одною своею массою могла раздавить противника. Но эта сила могла быть направлена, и въ ту и въ другую сторону; эта масса могла быть обработана и такъ, и иначе. На сторонѣ католичества было, пожалуй, еще одно преимущество—привязанность массы къ старинѣ, къ вѣками сложившемуся строю, къ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ. Но и только. Активнаго содѣйствія въ борьбѣ съ реформаціей католичеству нельзя было ждать ни отъ польскаго крестьянства, жившаго почти въ совершенномъ рабствѣ, за своею египетскою работою

не имѣвшаго иногда и въ праздничные дни минуты свободной для мысли о Богѣ, ни отъ оставшейся вѣрною старинѣ польской шляхты, которая, если и являлась иногда защитницею интересовъ католицизма, то лишь при сильномъ внѣшнемъ подстрекательствѣ. О содѣйствіи пановъ-католиковъ, хотя и занимавшихъ высшія государственныя должности, тоже не много можно сказать: отдѣльные случаи этого содѣйствія не имѣли важныхъ послѣдствій въ общемъ ходѣ дѣла. Остается духовенство. Хотя нѣкоторые польскіе ксендзы не устояли въ общемъ реформаціонномъ потокѣ, увлекшемъ за собою польское общество, хотя нѣкоторые изъ нихъ даже открыто перешли въ протестантство, стали энергичными его пропагаторами и впослѣдствіи играли выдающіяся роли въ его судьбѣ, но въ общей массѣ своей польское духовенство, какъ низшее, такъ и капитульное, и это послѣднее по преимуществу, осталось вѣрнымъ католичеству. Не смотря на всѣ его недостатки, на низость умственнаго и нравственнаго уровня значительной части его, оно все-таки было силою, на которую можно было опереться въ борьбѣ съ реформаціею, а въ польскихъ капитулахъ того времени не мало было даже—можно сказать безъ преувеличенія — нравственно здоровыхъ и умственно сильныхъ людей, способныхъ поспорить съ лучшими протестантскими силами. Но и духовенство, чтобы быть дѣйствительною силою, нуждалось въ руководителѣ, въ иниціаторѣ. Эта послѣдняя роль, по самому существу дѣла, выпадала на долю польскаго епископата, независимо отъ своего церковнаго значенія занимавшаго высокое общественно-государственное положеніе въ Польшѣ. Но тогдашній польскій епископатъ въ общемъ своемъ составѣ оказался ниже выпавшей на его долю исторической задачи. За немногими исключеніями польскіе епископы первой и значительной части второй половины XVI вѣка играли въ великой драмѣ, разыгравшейся тогда въ Польшѣ, какія-то неважныя, второстепенныя, а подчасъ даже жалкія и смѣшныя роли. Нѣкоторымъ изъ нихъ даже приличнѣе было-бы находиться въ противномъ лагерѣ. Вообще же большинство тогдашнихъ епископовъ вовсе не годилось для роли иниціаторовъ: оно способно было лишь идти по теченію, способно было идти спасать католичество лишь вслѣдъ за другими. Къ счастью римской куріи, эти другіе были въ Польшѣ, хотя и не въ большомъ

количествѣ. То на той, то на другой каѳедрѣ появляются непрерывно эти истинные поборники католичества. По мѣрѣ силъ своихъ спасаютъ они католичество, гдѣ только могутъ, собираютъ и формируютъ уцѣлѣвшія католическія дружины, во главѣ ихъ выступаютъ, когда только могутъ, противъ врага, ведутъ съ этимъ врагомъ борьбу и въ своихъ епархіяхъ, и при королевскомъ дворѣ, и въ сенатѣ, и на сеймахъ, и на синодахъ. Къ концу царствованія Сигизмунда Августа такіе люди все чаще и чаще появляются на епископскихъ каѳедрахъ. Они, въ союзѣ съ агентами Рима, и спасали тогда католичество въ Польшѣ, спасали, конечно, не своими личными силами, а духомъ иниціативы, умѣньемъ найтись среди окружавшей ихъ обстановки, извлечь изъ современныхъ обстоятельствъ всю возможную для своего дѣла пользу. Но дѣятельность каждаго изъ этихъ людей въ отдѣльности была или непродолжительна по времени, или не обширна по сферѣ распространенія, или же не особенно замѣтна по своимъ послѣдствіямъ. Одна личность рельефно выступаетъ въ ряду этихъ людей. Это—личность вармійскаго епископа Гозія.

Во все почти продолженіе царствованія Сигизмунда Августа Гозій былъ истиннымъ вождемъ польскаго католичества въ его борьбѣ съ реформаціей, хотя онъ, если позволительно такъ выразиться, поступилъ въ ряды польской католической арміи добровольцемъ. Въ великой драмѣ, разыгрывавшейся въ Польшѣ во второй половинѣ XVI вѣка, Гозій игралъ (можно сказать безъ преувеличенія) роль перваго, главнаго борца польскаго католичества, хотя онъ жилъ въ сторонѣ отъ собственно-польской сцены, на которой шла эта драма, хотя онъ былъ епископомъ, не входившимъ даже въ составъ собственно-польской митрополіи. Въ теченіе цѣлаго ряда годовъ прусскій городъ Гейльсбергъ былъ центромъ, къ которому шли изъ всѣхъ областей рѣчи посполитой нити польскаго католичества. Сюда обращали свой взоръ польскіе епископы, когда черныя, грозныя тучи покрывали польскій небосклонъ, когда страшная гроза висѣла надъ польскою церковью, готовая ежеминутно разразиться надъ нею со всѣми своими разрушительными послѣдствіями. Сюда обращены были, сюда стремились изъ Польши сердца вѣрныхъ католиковъ, которые, содрогнувшись при мысли объ ужасныхъ послѣдствіяхъ нависшей надъ Польшею

грозы, чаяли отъ вармійскаго епископа слова ободрѣнія, утѣшенія, спрашивали у него совѣтовъ и указаній, искали защиты и поддержки. Сами примасы польскаго королевства — гнѣзненскіе ерхіепископы обращались за совѣтами и указаніями къ епископу Гозію, почтительно приглашали его на свои провинціальные синоды, считали нужнымъ прежде созванія провинціальнаго синода узнать мнѣніе о немъ вармійскаго епископа. Епископы, основательно или неосновательно попавшіе въ Римѣ на подозрѣніе въ приверженности къ новымъ идеямъ, считали нужнымъ оправдываться во взведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ предъ своимъ гейльсбергскимъ сосѣдомъ, зная, что Римъ повѣритъ Гейльсбергу. Не даромъ же св. отецъ приказывалъ своимъ агентамъ испрашивать во всемъ совѣта у вармійскаго кардинала, недаромъ онъ назначалъ и отзывалъ ихъ по указанію вармійскаго епископа, недаромъ самый умный и даровитый римскій агентъ въ Польшѣ Комендони во время своего перваго двухлѣтняго пребыванія въ Польшѣ велъ такую оживленную корреспонденцію съ вармійскимъ кардиналомъ и два раза лично побывалъ въ самомъ Гейльсбергѣ. Въ Гейльсбергъ летѣли со всѣхъ концовъ рѣчи посполитой, отъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, письма съ донесеніями о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ польской церковной жизни, такъ что въ Гейльсбергѣ всегда хорошо знали, что дѣлается въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Польши. Гейльсбергъ съ своей стороны не оставался въ долгу. Изъ него тоже летѣли въ разные концы Польши письма съ совѣтами, наставленіями, увѣщаніями, одобреніями, ободреніями, иногда выговорами, даже угрозами, и къ примасамъ, и къ епископамъ, и къ каноникамъ, и къ королю, и къ королевѣ, и къ придворнымъ чинамъ, и къ воеводамъ, каштелянамъ и инымъ правительственнымъ лицамъ, и къ польскимъ панамъ, и къ простымъ шляхтичамъ. Эта корреспонденція была тѣмъ могучимъ рычагомъ, которымъ Гозій изъ Гейльсберга незримо направлялъ теченіе польской церковной жизни, тою широкою сѣтью тонкихъ, почти невидимыхъ проволокъ, по которымъ духъ Гозія проникалъ въ самые укромные уголки польской земли. — Впрочемъ, Гозій и лично довольно часто появлялся въ Польшѣ. Онъ присутствовалъ часто на польскихъ провинціальныхъ синодахъ. Въ нихъ принималъ онъ самое дѣятель-

ное участіе, — оживлялъ, ободрялъ упавшихъ духомъ ревнителей католичества, вдохновлялъ ихъ своею энергіею и своею рѣшимостью для борьбы съ реформаціей, издавалъ вмѣстѣ съ ними спасительныя для католичества постановленія, составлялъ для нихъ professio fidei. Но хотя Гозій не щадилъ на синодахъ ни трудовъ своихъ, ни усилій, труды его тутъ часто не приносили плодовъ, а усилія разбивались о непреодолимыя препятствія. Вообще, что касается провинціальныхъ синодовъ, то не столько важна положительная дѣятельность на нихъ кардинала Гозія, сколько отрицательная, имѣвшая цѣлью не допустить созванія въ Польшѣ провинціальнаго синода. Возможность превращенія провинціальнаго синода въ національный соборъ представляла собою въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка такую серьезную опасность, что самъ бывшій папскій легатъ на тридентскомъ соборѣ сталъ откладывать съ году на годъ принятіе польскимъ духовенствомъ его опредѣленій, только бы затормозить созваніе въ Польшѣ провинціальнаго синода, на которомъ должно было совершиться это принятіе. Какъ ни желалъ созванія синода польскій примасъ, къ какимъ средствамъ ни прибѣгалъ онъ для осуществленія своего желанія, Гозій въ союзѣ съ агентами римской куріи одержалъ надъ нимъ верхъ, и въ теченіе болѣе чѣмъ пятнадцати лѣтъ не видѣла Польша провинціальнаго синода. — Еще съ большими опасеніями относился Гозій къ польскимъ сеймамъ, гдѣ на польское духовенство падало тогда наиболѣе ударовъ, и ударовъ, тѣмъ болѣе сильныхъ и опасныхъ, что они наносились оффиціальными представителями польскаго общества. Когда Гозій бывалъ дома, въ своей епархіи, онъ всегда почти присутствовалъ на сеймахъ. Даже тогда, когда кардинальство поставило его въ затруднительное положеніе относительно приличествующаго ему, какъ кардиналу, мѣста въ сенатѣ, онъ все-таки пріѣзжалъ на сеймъ, хотя оффиціальнаго участія въ немъ не принималъ, т. е. не засѣдалъ въ сенатѣ. Въ тѣхъ наконецъ случаяхъ, когда какія либо обстоятельства не позволяли ему лично прибыть на сеймъ, онъ старался иными путями достигнуть цѣли: онъ въ такихъ случахъ обыкновенно забрасывалъ письмами и короля, и епископовъ, и папскихъ нунціевъ, и свѣтскихъ сенаторовъ-католиковъ, и въ особенности коронныхъ канцлеровъ и подканц-

леровъ, королевскихъ секретарей и другихъ лицъ, которыя такъ или иначе могли имѣть вліяніе на сеймѣ. Если обобщить результаты дѣятельности Гозія на сеймахъ, то нельзя назвать ее вполнѣ успѣшною: противъ общаго теченія и Гозій, при всемъ своемъ рвеніи на пользу католичества, часто не могъ ничего сдѣлать. Все-таки онъ на сеймахъ въ союзѣ съ агентами Рима успѣлъ отразить не мало ударовъ, направленныхъ на духовенство, и ударовъ весьма опасныхъ, которые при извѣстныхъ условіяхъ могли нанести католичеству въ Польшѣ неизлечимыя раны, съумѣлъ ослабить силу другихъ, предотвратить ихъ опасныя послѣдствія. Но не въ этомъ главная заслуга Гозія для католичества въ Польшѣ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи силъ и средствъ для активной борьбы съ реформаціей, не имѣя ихъ иногда даже для открытой пассивной обороны, онъ умѣлъ ловко эксплоатировать въ свою пользу слабыя стороны враговъ. Отъ него не укрылись внутренніе раздоры въ протестантскомъ лагерѣ, порожденные разностію протестантскихъ исповѣданій. Кромѣ трехъ главныхъ исповѣданій—лютеранскаго, реформатскаго и богемскаго—во второй половинѣ XVI вѣка появилось въ Польшѣ великое множество разныхъ крайнихъ сектъ, отрицавшихъ основные догматы христіанства: какъ бы послѣ долгаго сна духовнаго настало въ Польшѣ такое богопочитаніе мысли, что почти не было въ Европѣ такой нелѣпости, которая не нашла бы себѣ послѣдователей въ Польшѣ. Взаимные раздоры главныхъ протестантскихъ исповѣданій, ожесточенная, непримиримая вражда безчисленныхъ антитринитарскихъ сектъ и между собою и съ главными протестантскими исповѣданіями, превратились съ теченіемъ времени въ постоянную, почти ежедневную рѣзню. Свѣтлый лучъ надежды озарилъ лицо предводителя польскаго католичества, когда возвратившись изъ Тріента онъ увидѣлъ, какую рѣзню, какую междуусобную войну открыли польскіе протестанты послѣ относительно небольшаго періода дружной дѣятельности и блестящихъ побѣдъ своихъ надъ старою вѣрою. Онъ радовался, любовался этою рѣзнею, приговаривая: bellum haereticorum pax est Ecclesiae. Онъ изъ всѣхъ силъ старался поддержать ее, продолжить, усилить, разжечь, довести до того, чтобы противники, какъ онъ выражался, перегрызли и пожрали другъ друга. Напрасно пытались на сеймахъ болѣе дальновидные

протестанты изгнать изъ Польши антитринитаріевъ, удалить изъ организма польскаго протестантства этотъ смертельно поражавшій его внутренности ядъ: кардиналъ Гозій, а съ нимъ вмѣстѣ, по его слову, и польскіе епископы открыто становились въ сенатѣ на сторону антитринитаріевъ, громко требовали и для нихъ свободы слова и дѣйствія, если ужъ она предоставлена протестантамъ. Когда же польскимъ протестантамъ удавалось получить отъ короля направленные противъ антитринитаріевъ указы, Гозій и его друзья-единомышленники забрасывали короля, королевскую канцелярію и разныхъ государственныхъ сановниковъ просьбами о неприведеніи въ исполненіе этихъ указовъ — и опять начиналась у польскихъ иновѣрцевъ старая рѣзня. Напрасно усиливались болѣе благоразумные представители трехъ главныхъ протестантскихъ исповѣданій устроить соединеніе воедино разрозненныхъ протестантскихъ силъ, напрасно торжествовали они достигнутое наконецъ послѣ долгихъ трудовъ и усилій сандомірское соглашеніе: Гозій видѣлъ слабыя стороны ихъ соглашеній и союзовъ, всюду и всегда говорилъ и писалъ, что всѣ они—чистѣйшій обманъ, мыльный пузырь, и такъ какъ въ его словахъ было не мало правды, легко дискредировалъ ихъ въ общественномъ мнѣніи, а протестантство лишалъ хотя бы то внѣшняго, формальнаго единства. У Гозія было въ рукахъ и другое—не менѣе дѣйствительное—средство дискредировать въ глазахъ польскаго общества всѣхъ вообще протестантовъ. Отрицаніе поляками-антитринитаріями, вышедшими изъ нѣдръ протестантства, самыхъ основъ христіанской религіи, та страшная сатурналія мысли, которая овладѣла тогда нѣкоторою частью польскаго общества и въ которой часто не было пощады самымъ дорогимъ исконнымъ вѣрованіямъ христіанства, была на руку Гозію. Указывая рукою на эту отвратительную сатурналію, на это открытое, безпардонное поруганіе основныхъ истинъ ученія Христова, онъ не переставалъ твердить, что это—созрѣвшіе наконецъ плоды реформаціи, что это—логически-необходимыя послѣдствія отдѣленія отъ католической церкви. Онъ не переставалъ грозно вопить, голосомъ пророка вѣщать, что въ эту страшную антитринитарскую пропасть неминуемо упадетъ каждый, кто только хоть разъ уклонился отъ единой истинной католической церкви. А между тѣмъ такъ заботливо охраняемые и

удерживаемые Гозіемъ въ Польшѣ антитринитаріи продолжали среди междоусобной рѣзни свои вакханаліи, и чѣмъ дольше шло время, тѣмъ возмутительнѣе становились онѣ. Польская религіозная мысль, точно молодой звѣрь, сорвавшійся съ цѣпи, безъ оглядки, безъ удержу неслась впередъ, забиралась въ непроходимыя дебри, въ непролазныя болота. Дальше идти становилось некуда. Почти все, что чтитъ, во что вѣруетъ, на что смотритъ съ надеждою человѣчество, было попрано, поругано. Путь, по которому промчалась въ своей бѣшеной скачкѣ польская религіозная мысль, былъ одинъ лишь путь отрицанія, разрушенія, уничтоженія. Много силъ, много энергіи растратила она въ этой скачкѣ, а въ результатѣ не получилось ничего, кромѣ разрушенія. Первый пылъ начиналъ проходить. Чувствовалось всеобщее утомленіе. Разбушевавшіяся страсти унимались, возбужденное чувство успокоивалось. Раздумье брало человѣка. Разумъ освобождался изъ-подъ гнета нахлынувшаго на человѣка сильнаго порыва чувства. Холоднымъ, безпристрастнымъ взоромъ окидывалъ онъ путь, въ немного лѣтъ пройденный польскою заблудившеюся въ дебряхъ антитринитарства мыслью, и горькое разочарованіе овладѣвало человѣкомъ. Жутко и стыдно становилось ему за свои увлеченія. Въ душу закрадывалось раскаяніе; а разъ оно закралось—ярый антитринитарій—обрѣтенная уже овца для католичества. Онъ не пойдетъ уже въ лагерь лютеранъ или реформатовъ, которые не съумѣли его у себя удержать. Онъ прямо пойдетъ съ повинною къ католическому ксендзу, ему раскроетъ свою душу, ему повѣдаетъ свои увлеченія — грѣхи, и у него попроситъ исцѣленія. Самъ патріархъ польскаго католичества и въ неразрывномъ единеніи съ нимъ пребывающіе отцы-пастыри католическаго стада съ распростертыми объятіями выйдутъ на встрѣчу блудному сыну, съ радостію, со словомъ всепрощенія примутъ въ свои объятія раскаявшагося грѣшника. Много такихъ заблудшихъ овецъ возвратилось уже въ великое стадо римскаго пастыря въ послѣдніе годы жизни кардинала Гозія, и возвращеніе въ католичество началось съ этихъ именно наидальше забредшихъ овецъ. Съ нихъ началась, въ ихъ душѣ зародилась впервые католическая реакція. Скоро и вѣрно угадалъ Гозій, что въ Польшѣ начинаетъ вѣять новымъ духомъ. Лишь только повѣяло реакціею, лишь только показались первые—слабые еще—симптомы

ея, прибыли въ Польшу, по его призыву, всемірные реакціонеры, братья основаннаго для спасенія католичества ордена іезуитовъ. Безъ шума прибыли они въ Польшу, безъ шума стали по ней разселяться, безъ шума, совсѣмъ даже незамѣтно взяли въ свои опытныя руки дальнѣйшее направленіе спасительной реакціи, съ каждымъ годомъ усиливавшейся. За реформаціонною горячкою началась въ польскомъ обществѣ горячка реакціонная, не уступавшая въ силѣ и заразительности первой. Одна за другой падали ея жертвы: въ лоно католичества возвращались и антитринитаріи, и лютеране, и реформаты; раскаявались и стремились загладить, отмолить свои грѣхи люди, мечтавшіе о созданіи польской національной церкви; оставляли дѣло протестантства польскіе магнаты-сенаторы, даже тѣ изъ нихъ, которые прежде были самыми ревностными защитниками интересовъ протестантовъ; отдалялись отъ протестантства лучшія интеллектуальныя, литературныя польскія силы, несшія свои таланты въ жертву уже не реформаціи, а возродившемуся католичеству, рвалась связь религіозно-реформаціонныхъ стремленій польскаго общества со шляхетскою реформаторскою программою; пріободрились, полною грудью вздохнули упавшіе было духомъ вѣрные сыны католической церкви. Въ послѣдніе дни жизни Гозія реакціонная горячка была уже въ сильнѣйшемъ развитіи, и умирая кардиналъ Гозій могъ уже читать отходную польскому протестантству, могъ уже торжествовать начало реставраціи католичества въ Польшѣ, могъ наслаждаться мыслью, что онъ не только самъ не отрекся отъ папы и папства, но и спасъ еще для него Польшу.

Для того, чтобы понять смыслъ дѣятельности этого недюжиннаго человѣка, для того, чтобы понять внутреннюю основу его беззавѣтнаго служенія идеѣ, олицетворявшейся для него въ папствѣ, нужно прежде всего вспомнить, что кардиналъ Гозій жилъ въ эпоху возрожденія католичества, въ эпоху духовнаго обновленія и самоочищенія папства. Онъ жилъ тогда, когда на престолѣ ап. Петра не сидѣли уже болѣе атеисты, убійцы, воры, клятвопреступники, прелюбодѣи, когда на немъ появились люди, достойные всякаго уваженія по чистотѣ и святости жизни, когда папство не жаждало земныхъ наслажденій, не поддавалось обаянію мірской власти въ такой мѣрѣ, какъ раньше, когда оно стремилось владычествовать надъ совѣстью

людей, когда св. отецъ стоялъ во главѣ католическаго миссіонерства, искоренявшаго еретичество въ Европѣ прививкою сѣмянъ католицизма къ невоздѣланной почвѣ юныхъ натуръ, когда іезуитство подъ видомъ ученія Христа еще не проповѣдывало того нравственнаго уродства, которымъ опозорило себя столѣтіемъ позже это орудіе обновленнаго папства. Только это нравственно возродившееся католичество могло такъ увлечь даровитую натуру, что она всецѣло принесла ему самое себя въ жертву. Только духовно обновившееся папство могло найти себѣ въ Гозіѣ такого беззавѣтнаго борца за идею, какимъ онъ выступаетъ предъ нами во всю свою жизнь.

Кардиналъ Гозій былъ однимъ изъ типическихъ представителей возрожденнаго католичества. Среди польскаго духовенства XVI вѣка, которое далеко не могло похвалиться чистотою своихъ нравовъ, вармійскій епископъ представлялъ пріятное исключеніе, и, еслибы намъ нужно было охарактеризовать его, какъ человѣка, однимъ словомъ, мы не колеблясь ни минуты назвали-бы его благочестивымъ. Если только было возможно, совершалъ онъ свои обычныя молитвы въ костелѣ, преклонивъ колѣна предъ алтаремъ. Мессу читалъ или слушалъ онъ только въ костелѣ. Если по болѣзни онъ не могъ находиться въ костелѣ, предпочиталъ вовсе ея не слушать, не желая допустить противнаго церковнымъ постановленіямъ совершенія ея въ частномъ домѣ. Въ праздничные и воскресные дни самъ совершалъ мессу, что было въ средѣ тогдашняго польскаго епископата далеко не заурядным явленіемъ, и наканунѣ ея совершенія цѣлый день постился. За столомъ его раздавалось назидательное чтеніе или шелъ разговоръ о богословскихъ предметахъ. Въ соблюденіи постовъ Гозій былъ строгъ до крайности, просто неумолимъ: сколько ни старались, напр. въ Тріентѣ, друзья Гозія, сами даже папскіе легаты уговорить его во время тяжкой болѣзни принять скоромную пищу, давая ему отъ имени папы и всего вселенскаго собора разрѣшеніе отъ поста, у него былъ одинъ отвѣтъ, что онъ вѣруетъ не въ мясо животныхъ, а въ Бога [1]). На Гозія никогда не упала ни одна тѣнь нецѣломудренной жизни. Дѣла милосердія, самая широкая благотворительность были его обычнымъ, любимымъ занятіемъ. На

[1]) Rescius, libr. III, c. XVI, 355—358; ibid., c. XV, p. 353.

свой счетъ воспитывалъ онъ молодыхъ людей, особенно подававшихъ надежду, что они сдѣлаются хорошими слугами католической церкви. Домъ его всегда открытъ былъ для нищихъ: онъ радовался, когда ихъ много являлось за милостыней. Онъ былъ благотворителемъ даже выше своихъ средствъ [1]). Вообще Гозій въ своей частной жизни производитъ впечатлѣніе благочестиваго, набожнаго, религіознаго человѣка. Какимъ мы видѣли его въ дѣтствѣ, въ юношескіе годы, такимъ онъ является предъ нами и въ зрѣломъ возрастѣ. Еще краковскимъ студентомъ взявшійся за перо для полемики съ Лютеромъ, онъ не выпускалъ его уже изъ рукъ во всю свою жизнь. Еще тогда посвятившій первый плодъ своего ума Богу, онъ принесъ на алтарь католической церкви всѣ свои богатыя умственныя дарованія, отдалъ въ жертву ученой защитѣ католичества значительную часть своей жизни. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ проявившееся въ немъ религіозное настроеніе, еще въ тѣ ранніе годы сказавшаяся въ немъ религіозная восторженность осталась на всю жизнь характеристическою чертою его личности. Религіозная восторженность въ Гозіѣ съ годами усиливалась, переходила по временамъ въ религіозный энтузіазмъ: Решка напр. разсказываетъ, что въ Тріентѣ въ великую пятницу ночью, когда всѣ спали, Гозій ушелъ въ находившуюся внѣ города доминиканскую церковь и тамъ цѣлыхъ два часа распростертый на полу молился объ единствѣ католической церкви, объ обращеніи еретиковъ и успѣшности собора [2]). Еще въ дѣтствѣ сказавшееся въ немъ подъ вліяніемъ житій святыхъ аскетическое направленіе осталось въ немъ навсегда. Ежедневныя долгія молитвы, строгій постъ, не удовлетворяли кардинала Гозія. Онъ подвергалъ себя бичеваніямъ, которыя производилъ или самъ, или чрезъ близкихъ къ нему лицъ. Особенно сильно бичевалъ онъ себя въ великую пятницу, въ воспоминаніе бичеванія Спасителя [3]). Ничто такъ не прельщало Гозія, какъ мученическій вѣнецъ. Когда онъ узналъ объ оскорбленіяхъ и насиліяхъ, которымъ подверглись іезуиты въ Эльбингѣ, онъ, по

---

[1]) Rescius, lib. III, c. XIV, p. 345—347.
[2]) Ibid., lib. II, c. XVI, p. 185—186.
[3]) Ibid., lib. III, c. XIII, p. 342—343.

словамъ Решки, казалось, завидовалъ имъ; онъ жаловался, что не удостоился претерпѣть такое же поношеніе ради Христа [1]).

Безупречная нравственная жизнь, строгое благочестіе, глубокая религіозность, доходившая до восторженности, до энтузіазма, аскетическіе подвиги, бичеванія, — все это какъ нельзя болѣе годилось для той роли, которую суждено было сыграть кардиналу Гозію въ Польшѣ. Общепризнанная тогда ученость кардинала Гозія, общеевропейская его слава, какъ литературной знаменитости тогдашняго католическаго міра еще усиливала блескъ того безукоризненно-чистаго, ничѣмъ не запятнаннаго костюма, въ которомъ являлся Гозій на сценѣ польской исторической жизни въ своей роли нравственнаго, духовнаго обновителя польскаго католичества. По условіямъ тогдашней, не только польской, но и вообще западноевропейской жизни этотъ костюмъ былъ единственнымъ, въ которомъ онъ могъ явиться съ надеждою на какой-либо успѣхъ предъ тогдашнимъ міромъ, требовавшимъ отъ духовенства прежде всего нравственной чистоты. Съ одной стороны, стальной кольчуги Гозія, сотканной изъ благочестія, набожности, аскетизма, не могли пробить протестантскія стрѣлы, наносившія въ вѣкъ реформаціи такъ много ранъ католическому духовенству, не имѣвшему на себѣ такой кольчуги. Съ другой стороны, нравственная безупречность Гозія, какъ человѣка, признанная за нимъ даже его врагами, — окружавшій его въ глазахъ католиковъ ореолъ почти святости, ореолъ подвижника, человѣка не отъ міра сего, — сильно импонировалъ на массу, ослѣплялъ ее своимъ блескомъ, заставлялъ ее преклоняться предъ величіемъ его духа. Окруженный этимъ ореоломъ, Гозій могъ дѣйствовать съ авторитетомъ человѣка, у котораго за словомъ стоитъ дѣло,—съ авторитетомъ безкорыстнаго борца за идею, котораго нельзя было упрекнуть въ какихъ-либо посторонникъ побужденіяхъ. Въ присутствіи такого человѣка какъ-то неловко чувствовала себя посредственность, призванная служить той же идеѣ, но вмѣсто того служившая самой себѣ, своимъ мелкимъ личнымъ интересамъ. Въ присутствіи Гозія польскіе епископы, занятые большею частью своими личными дѣлами, только и думавшіе—что объ удовлетвореніи своего тщеславія, корыстолюбія и тому подобныхъ невысокопробныхъ вещей, не рѣшались обнаружить

[1]) Ibid., lib. II, c. XX, p. 202—203.

своихъ истинныхъ намѣреній, показать своихъ настоящихъ физіономій: они поневолѣ вторили Гозію, одобряли его предложенія, подписывали его professio fidei, издавали въ его духѣ постановленія, реформировали польское духовенство, шли за нимъ на борьбу съ реформаціей, по его слову отстаивали антитринитаріевъ. Напротивъ, что было въ польскомъ духовенствѣ сроднаго Гозію по духу, устремляло свои взоры въ Вармію, тянуло его къ себѣ въ Польшу на синоды и сеймы, радовалось каждому появленію его на польской землѣ, устроило ему торжественныя встрѣчи и овація, чутко прислушивалось къ каждому его слову, сердцемъ воспринимало это слово и по всей Польшѣ, по самымъ укромнымъ уголкамъ его разносило. Только въ своей непробиваемой кольчугѣ могъ Гозій такъ смѣло, такъ авторитетно выступать на синодахъ и сеймахъ, какъ это онъ дѣлалъ, нисколько не боясь вражьихъ стрѣлъ. Только окруженный ореоломъ своего духовнаго величія, могъ онъ говорить такимъ смѣлымъ, рѣзнительнымъ языкомъ не только съ польскимъ примасомъ, но и самимъ королемъ, какимъ онъ говорилъ.

Если умственный и нравственный обликъ кардинала Гозія, какъ человѣка, былъ наиболѣе подходящимъ для его роли, то съ другой стороны Гозій обладалъ въ достаточной степени и другими качествами, дѣлавшими изъ него хорошаго практическаго дѣятеля, хорошаго борца за идею папства не въ теоріи только, но и въ практической жизни.

Среди той сатурналіи мысли, которая господствовала въ польскомъ обществѣ второй половины XVI вѣка, гдѣ всякій считалъ себя ключемъ къ тайнамъ бытія, — среди этого богопочитанія мысли, которое неизбѣжно вело въ концѣ концовъ къ разочарованію, къ охлажденію энергіи, къ утомленію, къ горькому сознанію, что въ числѣ боговъ было много ложныхъ кумировъ,—среди этой сатурналіи и богопочитанія мысли много уже значило имѣть и чувствовать подъ собою твердую почву, много уже значило просто знать, во что вѣруешь и что отрицаешь. Гозій среди этого тумана, разстилавшагося по польской землѣ, ясно и раздѣльно видѣлъ, на чемъ онъ стоитъ, что онъ защищаетъ, куда онъ идетъ, онъ хорошо зналъ и свою вѣру, и всѣ еретическія отъ нея отступленія, всѣ эти, какъ онъ ихъ звалъ, „діавольскія вѣрки“. А зная это хорошо, онъ не могъ уже спотыкнуться, какъ постоянно спотыкались нетвердые въ

вѣрѣ его соотечественники, даже нѣкоторые изъ епископовъ— оффиціальныхъ столповъ правовѣрія. Гозій шелъ къ своей цѣли по хорошо ему извѣстной, хотя и негладкой, дорогѣ, не дозволяя себѣ никакихъ уклоненій въ сторону, никакихъ компромиссовъ съ противною стороною. Національно-реформаціонное, или либеральное направленіе въ польскомъ католичествѣ, къ которому примкнули нѣкоторые епископы съ Уханскимъ во главѣ, было для Гозія такою же ересью, какъ и само протестантство. Не было той силы, такихъ средствъ, такихъ доводовъ и аргументовъ, которые заставили-бы кардинала сдѣлать хоть одну, хоть самую малую уступку этимъ—по его терминологіи—кознямъ діавольскимъ. И Гозій былъ правъ, не поддаваясь никакимъ доводамъ, не соблазняясь никакими блестящими перспективами, какія ему сулили въ будущемъ провозвѣстники идеи національной польской церкви, не позволяя себя обмануть никакими „общими разсужденіями о дѣлахъ вѣры", никакими „соглашеніями съ отщепенцами, никакими вообще собраніями, могущими превратиться въ національный соборъ. Національный соборъ съ участіемъ свѣтскихъ людей, особенно въ Польшѣ, гдѣ папы и шляхта имѣли такую силу и къ довершенію всѣхъ бѣдъ недавно стремились къ освобожденію, или—по крайней мѣрѣ — облегченію зависимости отъ Рима, былъ бы пожалуй въ Польшѣ болѣе опаснымъ для католичества шагомъ, чѣмъ провозглашеніе равноправности протестантовъ съ католиками. Гозій былъ слишкомъ дальновиденъ, чтобы не видѣть, какая страшная, зіяющая пропасть разверзалась подъ римскимъ католичествомъ въ Польшѣ на національномъ соборѣ, направляемомъ рукою Уханскаго. Національный соборъ былъ уже измѣною принципамъ истиннаго католичества. Неудивительно, что Гозій не соглашался ни на какія уступки въ пользу примирительнаго направленія, искавшаго компромисса между католичествомъ и реформаціей Онъ скорѣе способенъ былъ вдаться въ противоположную крайность. Ни за что, напр. не соглашался онъ дозволить своимъ эльбингскимъ „козлищамъ" причащеніе подъ двумя видами, хотя онъ самъ признавалъ, что въ существѣ дѣла причащеніе подъ однимъ или подъ двумя видами—дѣло безразличное: требованіе причащенія подъ обоими видами, доказывалъ онъ, лишь одно изъ дѣлъ хитрой тактики дьявола, начинающаго обыкновенно съ

неважныхъ, несущественныхъ вещей, постепенно и незамѣтно переходящаго къ болѣе важнымъ и существеннымъ и оканчивающаго совершеннымъ отдѣленіемъ отъ церкви. Въ пылу полемики онъ соглашался лучше на переходъ католиковъ въ антитринитарство, даже въ магометанство, чѣмъ въ протестантство, говоря, что это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно. Въ своей полемикѣ съ противниками онъ такъ далеко иногда заходилъ, что, переступалъ всякія границы приличія. Протестантскому ученію онъ не соглашался даже дать безразличнаго самаго по себѣ названія „вѣра"—fides, а предпочиталъ обзывать его „вѣрка—fidicula", да еще часто съ прилагательнымъ „дьявольская" — diabolica. Лютера называлъ онъ эйслебенскимъ антихристомъ, Кальвина—женевскимъ; всѣхъ вообще протестантовъ не соглашался называть не только евангеликами, но даже христіанами. Протестантскіе храмы были для него синагоги антихриста, бѣсовскія капища, капища Веліала, протестантскіе духовные—„служители сатаны". Въ пылу полемики онъ дозволялъ себѣ злыя шутки на счетъ своихъ противниковъ: о протестантахъ, возставшихъ противъ индульгенцій, онъ говорилъ, что теперь свѣтъ сталъ такой, что ludzie wola rozpusty, niż odpusty (т. е. люди предпочитаютъ распущенность отпущенію грѣховъ). Полемизируя въ защиту чистилища, онъ говорилъ, что впрочемъ, кто не желаетъ попасть въ чистилище, можетъ себѣ и прямо идти въ адъ [1]).

Твердо стоя на строго-католической почвѣ, не допуская отъ нея никакихъ уклоненій, сознательно служа одной опредѣленной идеѣ—идеѣ папства, чуждаясь всего, что такъ или иначе посягало на ея цѣльность, неприкосновенность, кардиналъ Гозій былъ неутомимъ въ своемъ беззавѣтномъ служеніи этой идеѣ. Вся жизнь его—борьба за эту идею. Въ этой борьбѣ онъ не зналъ отдыха, но и не чувствовалъ, казалось, утомленія: не даромъ онъ самъ уподобляетъ себя евангельской вдовицѣ, умолившей неумолимаго судью.

Съ упорствомъ въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли соединялась въ Гозіѣ неистощимая изобрѣтательность въ средствахъ къ достиженію этой цѣли, удивительное умѣнье нахо-

---

[1]) Grabowski, II, 316, Hozyusz do Łedzkiego, 28 oct. 1568.

дить пути, ведущіе къ ней. Этимъ умѣньемъ Гозій, дѣйствительно, можетъ похвалиться, и это умѣнье едвали не болѣе всѣхъ другихъ качествъ Гозія принесло пользы его дѣлу. Одной ревности по вѣрѣ, одного упорства въ преслѣдованіи своей цѣли тутъ было еще слишкомъ недостаточно: это хорошо доказали сами папскіе нунціи, изъ коихъ нѣкоторые (особенно Алоизій Липпомано), руководимые въ своей дѣятельности одною слѣпою ревностью, безъ знанія польской жизни, безъ умѣнья оріентироваться въ ней, болѣе вредили, чѣмъ помогали дѣлу. Хотя ревность по вѣрѣ проникала все существо кардинала Гозія, она не ослѣпляла его въ такой мѣрѣ, чтобы въ борьбѣ съ реформаціей онъ терялъ голову, сбивался съ толку. Рядомъ съ религіознымъ воодушевленіемъ жилъ въ Гозіѣ и даже умѣрялъ иногда его религіозные порывы житейскій, практическій смыслъ разсчетливость положительнаго человѣка, все взвѣшивающаго, всему дающаго цѣну, умѣющаго, когда нужно, сдержать себя, умѣющаго выждать время. Съ впечатлительнымъ полякомъ въ Гозіѣ какъ-то уживался практическій нѣмецъ. Сама жизнь такъ распорядилась, что Гозій прошелъ хорошую жизненную школу, изучилъ заблаговременно еще въ Краковѣ въ бытность свою королевскимъ секретаремъ все, что ему потомъ нужно было знать для успѣшнаго выполненія своей исторической задачи. Гозій, дѣйствительно, досконально зналъ свое отечество зналъ поляковъ, зналъ дворъ, пановъ, шляхту, духовенство. Онъ зналъ, что нерѣшительнаго Сигизмунда Августа не сдѣлаешь строгимъ католикомъ, что его нерѣшительность — еще меньшее изъ золъ, и въ то время какъ протестанты за одну руку тянули его къ себѣ, онъ хоть и не надѣялся увидѣть его усерднымъ католикомъ, тянулъ его за другую руку, непрестанно тянулъ его къ себѣ: король клялся и божился, что онъ— католикъ и умретъ католикомъ. Онъ зналъ, что реформаціонное движеніе въ Польшѣ—панско-шляхетское увлеченіе, онъ зналъ, что панскую болѣзнь и лечить нужно панскими средствами, онъ зналъ, что нужно только принадлежность къ протестантству сдѣлать признакомъ политической неблагонадежности и вмѣстѣ препятствіемъ къ блестящей государственной карьерѣ, и не одинъ пылкій панъ-протестантъ перемѣнитъ вѣру, иному Богу поклонится. Послѣдующая исторія подтвердила вѣрность разсчетовъ Гозія; она весьма убѣдительно до-

казала, что пути, по которымъ шелъ Гозій къ своей цѣли, привели прямо къ Риму, прямо къ св. отцу, т. е. къ прямой своей цѣли. А это—наилучшее доказательство разсчетливости и практическаго смысла Гозія,—наилучшая аттестація знанія Гозіемъ польской жизни и умѣнья оріентироваться среди нея.

Кардиналу Гозію тѣмъ легче было заслужить эту аттестацію, тѣмъ легче было одержать верхъ въ борьбѣ съ реформаціей, что онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ веденія борьбы. На этомъ пунктѣ онъ сходился съ своими сподвижниками-іезуитами. Благочестивый кардиналъ, трактовавшій реформацію, какъ дѣло рукъ врага рода человѣческаго, посѣявшаго раздоры между братьями, и проливавшій обильныя слезы при видѣ страшнаго раздвоенія, внесеннаго имъ въ нѣдра единой католической церкви, какъ-бы и не замѣчалъ, кому онъ подражаетъ, не только проповѣдуя, что bellum haereticorum pax est Ecclesiae, но и собственными руками сѣя и разжигая раздоры между своими противниками, хотя-бы то и ad majorem Dei gloriam. Самъ кардиналъ Коммендони, весьма искусившійся въ сѣяніи всяческихъ раздоровъ, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ прибѣгалъ къ помощи вармійскаго кардинала, просилъ его пособить ему поссорить примаса съ епископами. Отказывавшій протестантамъ въ имени евангеликовъ и не соглашавшійся называть ихъ иначе, какъ еретиками, ревностный по вѣрѣ Гозій забывалъ, какая великая пропасть между ученіемъ любви и мира и непрестанною проповѣдью о преслѣдованіи еретиковъ за религіозныя убѣжденія. Въ своей общественной дѣятельности Гозій, нисколько не стѣсняясь, на каждомъ шагу нарушалъ одну изъ основныхъ заповѣдей Великаго Учителя — „Воздадите Кесарева Кесареви, а Божія Богови“. Идея папскаго всемірнаго господства до такой степени проникала все его существо, что кромѣ нея онъ ничего не видѣлъ, кромѣ служенія ей онъ ничего не зналъ. На все онъ смотрѣлъ сквозь призму папизма. Онъ бывалъ въ восторгѣ, когда ему удавалось оказать такую или иную услугу ему. Угрозою лишенія должностей и изгнанія изъ вармійскаго княжества, подчиненнаго ему въ гражданскомъ отношеніи, заставилъ онъ членовъ брунсбергскаго городскаго магистрата причаститься подъ однимъ видомъ и отъ этого успѣха, отъ этого подвига на пользу католичества онъ не зналъ себя отъ радости, которою спѣ-

шилъ подѣлиться съ своими римскими друзьями. За нежеланіе причаститься подъ однимъ видомъ онъ лишилъ должности усерднаго, добросовѣстнаго (по суду самого Гозія) чиновника, и не только не видѣлъ въ этомъ смѣшенія Кесарева съ Божіимъ, но въ письмѣ къ королю еще прямо заявлялъ, что онъ, если бы оставилъ его на службѣ, поступилъ бы вопреки своей совѣсти и своему сану. Въ увлеченіи своею излюбленною идеею Гозій способенъ былъ даже сдѣлаться фанатикомъ, переставалъ быть доступенъ общечеловѣческимъ чувствамъ. Добродушный Гозій, котораго Решка никогда не видѣлъ въ его домѣ сердитымъ [1]), когда онъ мнилъ ся службу приносити папѣ, спокойно, хладнокровно отвергалъ валяющуюся у него въ ногахъ женщину, умоляющую его—не лишать ея мужа должности и не изгонять его изъ Варміи изъ-за причащенія подъ двумя видами. Онъ не находилъ словъ, чтобы достойно воспѣть кровавую корчинскую конфедерацію и другія этого рода хартіи, узаконявшія смерть еретиковъ, и не находилъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеймить позоромъ варшавскую генеральную конфедерацію, гарантировавшую въ Польшѣ свободу совѣсти. Гозій не стѣснялся даже прибѣгать къ инсинуаціямъ, если онѣ могли помочь католичеству. Любимою темою, которую онъ развивалъ всюду, гдѣ только могъ, и на сеймахъ, и въ частныхъ бесѣдахъ съ королемъ, и въ своихъ письмахъ, была политическая неблагонадежность протестантовъ, которыхъ онъ прямо называлъ бунтовщиками. Кардиналъ Гозій во всю свою жизнь никакъ не могъ примириться съ мыслью, что въ польской столицѣ открыто совершается некатолическое богослуженіе. Въ своихъ письмахъ онъ не переставалъ просить всѣхъ, власть имѣющихъ, положить запретъ на краковскую протестантскую кирку, или какъ онъ выражался, разрушить синагогу антихриста. Когда уличная чернь, предводимая краковскими студентами, вняла наконецъ его слову, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ отъ безобразнаго разграбленія протестантской святыни, отъ этого гнуснаго, мерзкаго проявленія религіознаго фанатизма. Онъ отказывался понять, за что тутъ можно наказывать совершителей этого преславнаго дѣла. Онъ видѣлъ въ немъ лишь высокій образецъ

[1]) Rescius, libr. III, c. XII, p. 334.

религіозной ревности, достойный всякаго подражанія. Какой-бы то ни было миръ съ иновѣрцами былъ для него немыслимъ, совсѣмъ даже непонятенъ; вѣротерпимость, не говоря уже о равноправности не-католиковъ съ католиками, звучала въ его ушахъ, какъ самый нелѣпый абсурдъ, съ которымъ примириться на его языкѣ значило отречься отъ католичества. Когда избранные въ польскіе короли Генрихъ Анжуйскій и Стефанъ Баторій торжественно поклялись въ соблюденіи варшавской религіозной конфедераціи, онъ, поставленный лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ, не остановился даже предъ извращеніемъ основныхъ нравственныхъ понятій, предъ искаженіемъ смысла слова Божія. Въ своихъ письмахъ къ этимъ королямъ онъ доказывалъ, что исполненіе данной ими присяги для нихъ нисколько необязательно, такъ какъ дѣйствительность присяги зависитъ оттого, что думалъ въ моментъ принесенія присяги дававшій ее, и высказывалъ надежду, что они не возьмутъ себѣ за образецъ Ирода, исполнившаго данную имъ Иродіадѣ клятву, а послѣдуютъ примѣру царя Давида, который не убилъ Навала, хотя и поклялся его убить. Вообще предъ судомъ чистой нравственности благочестивый кардиналъ Гозій оказывается далеко не безупречнымъ. Въ выборѣ средствъ для борьбы съ реформаціей, въ выборѣ путей спасенія католичества въ Польшѣ, кардиналъ Гозій часто, самъ того не понимая, отрекался отъ чистаго ученія евангелія, отступалъ отъ заповѣдей Христовыхъ: если, по его предсмертнымъ словамъ, онъ въ своей жизни ни разу не отрекся отъ Христа и Его имени, то только съ своей точки зрѣнія. Но неодобрительная съ точки зрѣнія чистой нравственности неразборчивость въ средствахъ борьбы съ противниками, вызванная и подсказанная кардиналу Гозію самымъ ходомъ жизни, сослужила великую службу тому дѣлу, которое кардиналъ Гозій считалъ цѣлью своей жизни и которое было его историческою задачею. Вновь наставшая для Польши послѣ періода реформаціонныхъ увлеченій истинно-католическая жизнь, принявшая вскорѣ ультрамонтанско-іезуитскую окраску, ведетъ свое начало отъ кардинала Гозія, и католическая Польша можетъ по праву считать его своимъ патріархомъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.		НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
1	снизу	12	изслѣдованія	изслѣдователя
3	»	3	ищетъ	искалъ
10	»	4	dedine	decline
14	сверху	6	Odzodzenie	Odrodzenie
15	снизу	7	по	къ
16	»	6	wzgedem	względem
16	»	5	poczatków	początków
27	»	19	болѣе	еще болѣе
27	»	13	которое	которое бы
28	сверху	13	гервинскою	червинскою
28	»	13	пренмущества	имущества
28	снизу	14	прелатъ	примасъ
28	»	5	II,	II, 183
31	»	8	to	te
31	»	7	gózzr	górze
31	»	6	brazią	bracią
32	сверху	3	всѣхъ	своихъ
32	снизу	5	myjaśnienia	wyjaśnienia
33	»	17	сѣверным княжеством	сѣверскимъ княжествомъ
33	»	11	warmiaścy	warmińscy
33	»	8	Sa	Są
33	»	7	ime	inne
39	сверху	17	успѣли	умѣли
39	снизу	1	expediter	expediret
40	»	1	virtutibus	virtutis
52	сверху	16	церкви	части
71	»	9	Краавскій	Краковскій
72	снизу	1	[2]) Ibid., 424, Cracoviae, 9 apr. 1525.	[3]) Zakrzewski, 226 — 227; Theiner, II, 423, Cracoviae, 3 nov. 1524.
73	сверху	10	occultasin	occultas in
73	снизу	3	Theiner, 11, 423, Cracoviae, 3 nov. 1524	Theiner, II. 426, Cracoviae, 9 apr. 1525
79	»	2	Sórnicki	Górnicki
80	»	16	и	но и
80	»	1	S	5
84	сверху	14	ad haeresin	de haeresi
85	»	11	Гольтанскаго	Гольшанскаго
86	»	22	Казингикъ	Козминчикъ
86	снизу	3	Kroszewski	Kraszewski
87	сверху	15	Испанія	Италія
90	»	10	онъ поставленъ былъ	они поставлены были
90	»	11	его	ихъ
92	»	16	пришедши	перешедши
92	снизу	14	Турповскій	Турновскій
93	»	14	но	то
95	»	6	Гурпицкаго	Гурницкаго
109	»	10	наговорить	наговаривать

стран.	строка.	напечатано.	слѣдуетъ читать.
110	сверху 21	удержать	его удержать
117	снизу 2	ex	et
120	» 5	Macyewski Posio	Maciejowski Hosio
133	» 11	сильнѣе	смѣлѣе
134	» 10	относился	относится
144	сверху 9	Deus	Deus [3]) [3]) Ibid., 262 — 263, Hosius Dantisco, Cracoviae, 29 iunii 1548.
151	сверху 19	не дозволяли	не дозволяли епископамъ
155	снизу 8	сведеніе	введеніе
157	сверху 10	почитатели	почитатели его
158	» 8	онъ въ это время	въ то же время онъ
160	снизу 3	Сапокѣ	Санокѣ
161	сверху 9	и какое	какое
161	снизу 3	Гербенштейнъ	Герберштейнъ
166	сверху 5	Новскаго	Носковскаго
173	снизу 1	diderunt	dixerunt
174	сверху 9	Вржозовъ	Бржозовъ
175	снизу 12	[1]) Ibid.	[2]) Ibid.
175	» 10	[2]) Ibid.	[1]) Ibid.
175	» 3	qnoirundam	quorundam
176	» 1	spovządzonej	sporządzonej
178	» 6	37	397
180	» 10	odszczepiéństwa	odszczepieństwa
181	» 7	zyromadzeniu	zgromadreniu
185	» 4	Dyaryucz scima	Dyarunsz sejmu
187	сверху 1	левкой	ловкой
187	снизу 21	распространерію	распространенію
187	» 13	Пинговъ	Пинчовъ
187	» 8	прогловицкій	прошовицкій
189	» 18	Сложницѣ	Сломницѣ
192	сверху 11	окрушавшей	окружавшей
194	снизу 18	Козламкѣ	Козминкѣ
199	сверху 7	хорабельщиковъ	корабельщиковъ
202	» 19	претензіи	протекціи
205	снизу 3	письмѣ	въ письмѣ
210	» 8	Тельгинскаго	Тенчинскаго
211	сверху 1	Фригъ	Фричъ
211	снизу 5	Тенгинскому	Тенчинскому
221	сверху 23	католическаго	калишскаго
224	» 7	католическому	польскому
224	снизу 1	1,	1, 260.
232	» 7	какъ лучъ... вспослѣдствіи	какъ лучъ надежды на возможность нѣкотораго разрѣшенія его трудной задачи. Во время этого путешествія нунцій, кажется, подмѣтилъ вражду капитуловъ къ епископамъ, которую впослѣдствіи
234	сверху 5	большею	большою
236	» 3	1554	1556
240	снизу 1	1868	168
244	» 2	Pureus	Puteus
246	» 7	произвести	производить
247	сверху 14	продолжалъ	продолжилъ
247	снизу 16	Babulonem	Babilonem
249	сверху 16	кульскаго	кульмскаго
256	снизу 3	[5])	[3])
256	» 2	[3])	[6])
256	»	[4]) Ibid., 1, 8	[4]) Dzienniki, 164—166.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
257	сверху 9	гервинскаго	червинскаго
257	снизу 10	коргинской	корчинской
257	» 6	1, 3	1, 41
258	сверху 4	Бадзанѣвъ, Котенга	Бодзанты, Котенча
259	снизу 1	Vol. leg.,	Vol. leg., 1,
261	» 2	Theiner,	Theiner, II,
263	» 1	559	1559
263	» 2	Moruni	Moróni
264	» 2	braterska powracają cymna	braterską powracającym na
264	» 1	jatrzących	jątrzących
265	» 1	Kamaińskiego	Kamerińskiego
274	сверху 13	коргинскую	корчинскую
277	» 3	rozkaziemy	rozkazuiemy
277	» 5	Sagellowym	Jagellowym
277	снизу 4	skazżą	skarżą
280	сверху 7	устранилась	устранялась
281	» 6	интендантъ	интенденть
282	снизу 15	выдавшихся	выдававшихся
283 и на др. стр.	» 10	Пинговъ	Пинчовъ
286	снизу 3	zgromadza	zgromadzą
295	сверху 16	[3])	[1])
297	» 3	сумовскій	сулеовскій
306	» 2	wyniosto	wyniosło
306	» 12	Фригемъ	Фричемъ
310	» 18	самаго	самого
311	снизу 9	гранціозное	грандіозное
312	» 2	addiał	oddział
315	» 1	[4]) Albertrandi et cæt.	[4]) Eichhorn, II, 212—213.
316	» 1	[1]) Eichhorn et cæt.	Albertrandi, I, 51, Warszawa, 5 lut. 1564; ibid., 52, 7 lut. 1564.
317	сверху 12	a parte	a patre
318	» 12	Тріесть	Тріентъ
320	снизу 1	czewca	20 czerwca
324	сверху 20 и на др. стр.	Парговъ	Парчовъ
330	снизу 2	[3]) Ibid. et cæt.	[3]) Ibid., 201, Lwow, 9 września 1564; ibid., 203 — 205, Łuch, 7 paźd. 1564; ibid., 222, Lwow, 12 list. 1564.
331	» 2	[1]) Ibid. et cæt.	[1]) Ibid., 209 Lwow, 30 paźd. 1564; ibid., 229, Radymno, 22 list. 1564; ibid., 230—233, Radom, 3 grud. 1564; Eichhorn, II, 223—226.
332	» 2	Kadom	Radom
333	сверху 8	иновѣры	иновѣрцы
333	» 14	не	ни
334	» 19	Левгицѣ	Ленчицѣ
335	» 3	rawista	zawisła
337	» 2	roztowę	rozmowę
339	» 10	красовскимъ	краковскимъ
341	» 4	Сепницкій	Сенницкій
343	снизу 13	rozprawi	rozprawy
345	» 13	Фрига	Фрича
349	» 9	легитинаціи	легитимаціи
350	» 10	Sch ... ine	Jch ... one
351	сверху 3	ad	od
351	» 11	shcą	chcą
351	» 12	icy	iey
353	» 4	уступить	уступить десятины

СТРАН.	СТРОКА.		НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЪ.
356	сверху	17	przyjawszy ... słuszne ... przynajmnies	przyjąwszy ... słuszne ... przynajmniej
368	»	16	angendis	augendis
371	»	16	съ	въ
380	снизу	1	319	322
386	»	11	Сутковскому	Сушковскому
391	»	2	состоялось	состоялось [1])
394	сверху	1	Гозія	Говій
396	»	15	finzunt	fingunt
407	снизу	2	aby posteża	(лишнія слова)
409	»	9	ленгицкій	ленчицкій
417	»	7	Ibid.	Grabowski
419	сверху	9	свѣтской	частной
425	снизу	7	Фиргей	Фирлей
435	сверху	5	градскія	гродскія
439	»	9	этомъ	тотъ
439	»	10	тотъ	этотъ
440	снизу	6	разъединеннаго	религіознаго
449	сверху	14	несогласіями	несогласными
449	снизу	8	религіозномъ: мирѣ	религіозномъ мирѣ
455	сверху	13	Вилентія	Викентія
457	»	14	отправившись	оправившись
464	»	6	понимали	узнали
466	снизу	4	Fredno	Fredro
481	сверху	10	белбскаго	белзскаго
488	снизу	20	ощущеній	ощущеній приближенія
502	сверху	15	не католикамъ	некатоликамъ
512	»	18	страдзскій	сѣрадзскій
519	снизу	23	agoqne.	agoque
520	»	16	протестамъ	протестантамъ
522	сверху	16	облегчили	облегчали

DT-65-778/4

WIDENER LIBRARY
Harvard College, Cambridge, MA 02138: (617) 495-2413

If the item is recalled, the borrower will be notified of the need for an earlier return. (Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.)

WIDENER
WIDENER
AUG 1 8 2006
BOOK DUE
CANCELLED

Thank you for helping us to preserve our collection!

Обм.
270670